Г. Ф. МИЛЛЕР

ИСТОРИЯ СИБИРИ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

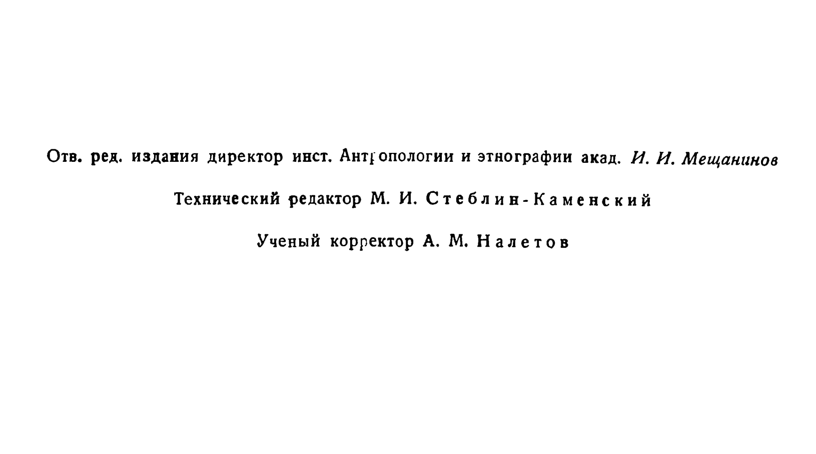
ИНСТИТУТ АНТРОПОЛОГИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
НАУЧНО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ИН-ТА НАРОДОВ СЕВЕРА им. П. Г. СМИДОВИЧА
ГУСМП при СНК СССР

Г. Ф. МИЛЛЕР

ИСТОРИЯ СИБИРИ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1937 ЛЕНИНГРАД

Отв. ред. издания директор инст. Антропологии и этнографии акад. *И. И. Мещанинов*

Технический редактор М. И. Стеблин-Каменский

Ученый корректор А. М. Налетов

Сдано в набор 16 мая 1936 г.—Подписано к печати 19 февраля 1937 г.—VIII + 608 стр. (2 фиг. в тексте) + 32 вклейки. — Форм. бум. 72×110 см. — $38\frac{1}{8}$ печ. л. 46200 зн. в п. л. — 48,94 уч.-авт. л. Тираж 5000. Ленгорлит № 2530. АНИ № 1200. Заказ № 674.

Набор и матрицирование во 2-й типографии „Печатный Двор" треста „Полиграфкнига" Ленинград, Гатчинская, 27. Печать с матриц в типографии арт. „Печатня", Ленпромпечатьсоюз, Ленинград, Прачечный пер., 6.

ОТ РЕДАКЦИИ

В настоящее время, когда партией и правительством обращается столь исключительное внимание на надлежащую постановку и развитие исторической науки в СССР, когда с особой силой ставится на повестку дня изучение истории многочисленных наций, национальных групп и народностей нашей необъятной социалистической родины, когда в связи с этим вырос значительный круг специалистов, разрабатывающих историю народов СССР и, в частности, такие слабо разработанные участки исторического фронта, как история народов Сибири, — определенное место приобретает и публикация лучшего, что дала старая, домарксистская, наука по истории народов СССР.

Идя навстречу тем, кто поставил своей задачей изучение истории, этнографии и археологии Сибири, Институт антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР, совместно с Научно-исследовательской ассоциацией Института народов Севера им. П. Г. Смидовича, в тесном сотрудничестве с Архивом Академии Наук СССР, приступили к подготовке русского издания трехтомного классического труда акад. Г. Ф. Миллера (1705 — 1783) „История Сибири“. Собранный в „Истории Сибири“ огромный фактический материал, обстоятельно обработанный „отцом Сибирской истории“, сохранил до сих пор свое выдающееся научное значение и в известной мере является первоисточником по истории Сибири, тем более, что ряд документов, на которые опирается в своей работе Г. Ф. Миллер, не дошли до нас и доступны изучению лишь по тем копиям, которые приложены к „Истории Сибири“.

Настоящее русское издание „Истории Сибири“ (намеченное окончанием в 1938 г.) будет первым полным изданием этого основного труда Г. Ф. Миллера вообще. Первый том „Истории Сибири“ появился на русском языке в 1750 г. под не принадлежащим автору заглавием „Описание Сибирского Царства“ и был переиздан в 1787 г. уже после смерти Г. Ф. Миллера. Как первое, так и второе издания „Истории Сибири“ являются большой библиографической редкостью и, следовательно, мало доступны широким кругам исследователей. Немецкое издание первого тома вышло в 1761 г. в серии „Sammlung Russischer Geschichte“. Второй том полностью был опубликован лишь на немецком языке в 1763 г. в той

же серии. На русский язык были переведены только отдельные главы второго тома, напечатанные в нескольких выпусках журнала „Ежемесячные сочинения“. Третий же том оставался целиком в рукописи.

В академическое издание „Истории Сибири“ будет включен не только текст самой „Истории Сибири“, но будут приложены исторические акты, которыми пользовался в своей работе Г. Ф. Миллер, а также все его рукописи и печатные статьи, относящиеся к „Истории Сибири“.

Каждый том „Истории Сибири“ будет снабжен вводными статьями и, кроме того, примечаниями как к тексту „Истории Сибири“, так и к приложениям. В одном из томов будет дана статья, выясняющая вопрос о социальном строе народностей и племен Сибири до их покорения и о государственном устройстве „Сибирского царства“. На ряду с этим будет дана статья о Миллере как археологе.

Научная подготовка издания „Истории Сибири“ возложена на А. И. Андреева. Общее руководство этим изданием осуществляется С. В. Бахрушиным и Г. А. Князевым.

Общий план издания „Истории Сибири“ намечен в следующем виде:

ТОМ I

Автобиография Миллера.

Предисловие и текст глав 1 — 5 „Истории Сибири“.

Приложения: а) исторические акты, относящиеся к главам 1 — 5; б) статьи о сибирских древностях: 1) о памятниках древности татарской, найденных в могильных холмах близ Абаканского и Саянского острогов; 2) о древних памятниках в уездах Селенгинском и Нерчинском; 3) изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных; 4) о сибирских писаных камнях.

ТОМ II

Текст глав 6 — 11 „Истории Сибири“.

Приложения: а) исторические акты, относящиеся к главам 6 — 11; б) статья „О первых российских путешествиях и посольствах в Китай.“

ТОМ III

Текст глав 12 — 20 „Истории Сибири“.

Приложения: а) исторические акты, относящиеся к главам 12 — 20; б) статьи о тангутских письменах; в) статьи: „История о странах, при реке Амуре лежащих“, „Известие о промысле серебряной руды, которой в уезде города Томска при речке Каштаке с 7205 по 7208 год производился“, „Известие о песочном золоте в Бухаре, о чиненных для оного отправлениях и строении крепостей при реке Иртыше“; г) замечания Татищева и Фишера на „Историю Сибири“ Миллера и его ответы рецензии на „Историю Сибири“; письма Миллера, касающиеся „Истории Сибири“.

Одновременно с подготовкой издания „Истории Сибири" Институтом антропологии, археологии и этнографии предпринята предварительная работа по подготовке к изданию трудов Г. Ф. Миллера по этнографии и географии Сибири, тесно связанных с темой „Истории Сибири". Схема этого издания представляется в следующем виде:

а) География Сибири, ч. 1 и 2.

Описание земли Камчатки и окрестных стран.

Предисловие к труду Крашенинникова „Описание земли Камчатки".

О китовой ловле около Камчатки.

Известие о ландкартах, касающихся до Российского государства с пограничными землями.

Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных.

Письмо морского офицера о карте и диссертации, изданной в 1752 г. Делилем.

Известия о новейших кораблеплаваниях по Ледовитому морю с 1742 по 70-е годы XVIII в.

б) Показание, каким образом при описании народов, а паче Сибирских, поступать должно (инструкция Фишеру).

Инструкция Крашенинникову и Стеллеру.

Описание черемисов, чувашей, вотяков.

Описание сибирских народов.

в) Описание торгов, происходящих в Сибири.

г) Описание путешествия по Сибири.

* * *

Первому тому „Истории Сибири" предпосланы вводные статьи С. В. Бахрушина о „Г. Ф. Миллере как историке Сибири" и А. И. Андреева о „трудах Г. Ф. Миллера о Сибири", выясняющие роль и место Г. Ф. Миллера в изучении истории Сибири и дающие описание его трудов по истории Сибири.

Перевод немецкого текста этого тома „Истории Сибири" (по немецкому изданию 1761 г.) выполнен А. Р. Бальбиан, Н. Е. Кудрявцевой, О. Е. Кудрявцевой и М. В. Яковлевой. Редакция перевода принадлежит С. В. Бахрушину и А. И. Андрееву. Перевод латинского текста статьи „О надписях сибирских" принадлежит В. А. Егорову; редакция перевода— А. И. Андрееву.

Подготовка к изданию текста первого тома „Истории Сибири", а также подготовка к изданию документов, напечатанных в приложении к тексту „Истории Сибири", выполнены А. И. Андреевым.

Примечания к тексту первого тома „Истории Сибири“ и приложений составлены С. В. Бахрушиным, А. И. Андреевым, С. А. Козиным, Н. Н. Степановым и Н. П. Никольским, начальной буквой фамилии которых подписаны принадлежащие этим лицам примечания. О наличии реальных примечаний говорит поставленная перед соответствующим параграфом звездочка. Часть этнолого-лингвистических примечаний отложена до последующих томов „Истории Сибири“, где Г. Ф. Миллер, на основании более обширного материала, возвращается к темам, лишь в общей форме поставленным в первом томе. По этой же причине отнесены ко второму и третьему томам некоторые исторические примечания.

Просмотр рукописей Г. Ф. Миллера, хранящихся в московских и ленинградских архивах, был начат по поручению Института народов Севера им. П. Г. Смидовича в августе 1935 г. Н. А. Баклановой в Москве, в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ), и А. И. Андреевым в Ленинграде, в Архиве Академии Наук СССР, Ленинградском отделении Института истории Академии Наук СССР, Ленинградском отделении Центрального исторического архива, Институте востоковедения Академии Наук СССР, Отделе рукописной книги Библиотеки Академии Наук СССР, Рукописном отделении Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова - Щедрина и Государственном Эрмитаже. В этой связи необходимо отметить внимательное отношение указанных учреждений к задаче, поставленной перед Н. А. Баклановой и А. И. Андреевым.

Особенно благоприятные условия для работы были созданы в Архиве Академии Наук, где директор Архива и сотрудники Архива М. В. Крутикова, Л. Б. Модзалевский, Е. В. Базилевская и В. Ф. Гнучева принимали ближайшее участие в работе А. И. Андреева. В связи с поисками портрета Г. Ф. Миллера в иностранных научных учреждениях нужно указать также, что на запросы Академии Наук СССР в Шведскую Академию Наук и Геттингенское научное общество были получены исчерпывающие ответы и ценные сообщения.

Ко времени сдачи рукописи первого тома „Истории Сибири“ в набор закончен просмотр и составлен обзор тех портфелей Г. Ф. Миллера, хранящихся в ГАФКЭ, в которых преимущественно находятся материалы и работы его по истории, географии, этнографии и языкам народов Сибири. К настоящему времени окончен просмотр всех остальных портфелей, и обзор содержания их в отношении Сибири будет дан в приложении ко второму тому. Просмотр материалов ленинградских хранилищ также закончен, но возможны случайные находки (в роде обнаруженной на-днях в Институте русской литературы Академии Наук СССР рукописи Г. Ф. Миллера), о которых будет сообщено в приложениях к следующим томам.

Указатели имен личных и географических первого тома „Истории Сибири“ составлены А. Я. Дегтяренко под редакцией А. И. Андреева. Транскрипция имен китайских императоров, приводимых в указателе,

согласована с Монгольским кабинетом Института востоковедения Академии Наук СССР.

Приложенная к первому тому историко-географическая карта Сибири периода, который охватывает первый том „Истории Сибири“, приготовлена старшим ученым специалистом Института истории Академии Наук СССР К. Н. Сербиной. Фотоснимки с рисунков, хранящихся в фонде Камчатской экспедиции в ГАФКЭ и Архиве Академии Наук СССР, и с отдельных листов Ремезовской летописи, хранящейся в Отделе рукописной книги Библиотеки Академии Наук СССР, выполнены Отделом фотоснимков Управления Центроархива СССР и фотолабораторией Академии Наук СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

С. В. БАХРУШИН

Г. Ф. МИЛЛЕР КАК ИСТОРИК СИБИРИ

Знаменитый историк Сибири Г. Ф. Миллер во многих отношениях недостаточно оценен в нашей специальной литературе. Его значение в русской историографии очень крупное. В лице Миллера историческая наука России порывала с наивными и безграмотными методами феодальной историографии и переходила к более совершенным научным приемам буржуазной исторической науки Западной Европы. Его «История Сибири», первый том которой вышел в 1750 г. под заглавием «Описание Сибирского царства», является в этом отношении краеугольным моментом в развитии русской исторической науки в XVIII столетии. Работа эта явилась результатом многолетних трудов — основным делом жизни автора. Одно собирание материалов взяло 10 лет, подготовка к печати той части ее, которая была опубликована, — около 20 лет. Параллельно шли работы по другим отделам русской истории, не менее заслуживающие внимания, но, в общем итоге, и по количеству затраченного труда и по значительности достигнутых результатов «История Сибири» была тем основным вкладом, который Миллер внес в избранную им науку. Благодаря ему этот раздел истории был уже разработан, и разработан научно в то время, когда русская история в целом ждала еще своего историографа.

Не случайно, что научно-исследовательская деятельность Миллера направилась на изучение одной из самых далеких и малоизвестных окраин «Российской державы». Остро ощущавшаяся в начале XVIII в. потребность в развитии собственной промышленности, которая нашла себе выражение в мероприятиях Петра I по подъему туземного производства, имевших целью освободить экономически отсталую страну от зависимости от западноевропейского капитала, ставила на очередь интенсивную эксплоатацию Зауральской колонии как сырьевой базы. Такая эксплоатация была возможна лишь при условии предварительного изучения представляемых ею возможностей. Отсюда тот интерес, который правящие классы проявляют к Сибири, и энергичный приступ к всестороннему обследованию таящихся в ней богатств. Не надо забывать, что северная Азия еще оставалась в начале XVIII в. «погруженной для географов в глубокий мрак». «Вся страна слыла под именем Татарии, пишет Гмелин, современник и товарищ Миллера по научной работе, все народы, в ней обитавшие, почитались за татар; не знали даже, как далеко (на восток) тянется суша и продолжается ли она до Америки или отделяется от нее морем». [1] Капитальный труд голландского географа

[1] Gmelin. Reise durch Sibirien, т. I, предисловие.

Витзена «Noord en Oost Tartarye» (1692 г.), вышедший вторым дополненным изданием в 1705 г., представляя огромную компиляцию разнообразных и не всегда проработанных сведений об Азии, скорее будил любопытство, чем давал точно проверенные факты, и, составленный на довольно случайном материале XVII в., не удовлетворял тем требованиям, которые выдвигались хозяйственными запросами стремившейся к промышленному развитию страны. В той части, которая касалась Сибири, Витзен, в сущности, оперировал почти исключительно материалом, почерпнутым из русских источников, новым и любопытным для западноевропейского читателя, но мало дающим русскому администратору и заводчику. Предстояло поэтому произвести самостоятельное обследование Зауральской колонии.

I

Первые попытки научного обследования Сибири относятся к последним десятилетиям XVII в., когда на основании материалов Сибирского приказа было составлено краткое «Описание новые земли Сибирского государства»,[1] в которое вошли и географический обзор страны, и некоторые сведения по этнографии (краткие сообщения о сибирских народах и довольно подробное описание быта калмыков и ламаистского культа), и известия о Китайском государстве и, наконец, историческая повесть о завоевании Сибири Ермаком. По существу мы имеем план будущего всестороннего исследования Сибири именно в том разрезе, в каком впоследствии задумана была Миллером его «История Сибири», т. е. как сводка всего доступного исторического, географического и этнографического материала по этому краю. Почти одновременно в 1681 г. из Москвы было предписано сибирским воеводам «про Китайское и про Индейское, и про Никанское царства, и про городы, и про золотую руду, и про серебро, и про жемчуг, и каменье, и медь, и олово, и свинец, и железо, и про бархаты, и про атласы, и камки, и кость и про всякие узорочья расправшивать»; особенно настойчиво повторялись из года в год предписания о поисках месторождений руды.[2] Рост интереса к Сибири нашел себе выражение и в ряде отдельных исследований, появившихся в то же приблизительно время. Достаточно назвать замечательное этнографическое описание Камчатки, составленное якутским служилым человеком, больше известным своими грабежами и разбоями, чем склонностью к научным трудам, Владимиром Атласовым, которое в некоторых отношениях опередило западноевропейские этнографические исследования северной Азии и явилось предшественником знаменитого «Описания земли Камчатки» Крашенинникова.

---

[1] «Описание новые земли Сибирского государства» напечатано Археографической комиссией в издании «Сибирские летописи», СПб., 1907 и А. А. Титовым в сборнике «Сибирь в XVII в.». Описание относится приблизительно к 1683—1692 гг. (С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., вып. I, М., 1928, стр. 185—186.)

[2] ГАФКЭ, Сибирский приказ, ст. № 1081.

Начало планомерного научного изучения Сибири было положено в 1696 г. указом Петра, которым было предписано тобольскому сыну боярскому Семену Ремезову, к тому времени уже достаточно зарекомендовавшему себя своими трудами по географии, составить географический атлас Сибири. Над этим атласом Ремезов работал около 5 лет, и работа его вышла далеко за рамки поставленной ему задачи. Он дал не просто географический атлас: у него мы найдем и чертежи городов, довольно точные, насколько можно судить по сверке с другими документами, и направление главных путей, иногда сведения о зоологических богатствах того или иного уезда (так, в Мангазее он показал оленей и песцов); очень тщательно отмечает он местожительство отдельных сибирских народов и, на ряду с русскими деревнями, показывает также «юрты» остяков, татар и других «иноземцев»; наконец, он дает и ряд исторических справок, внося на свои карты краткие заметки исторического содержания. Интересовался он и археологией изучаемого им края, и сам рассказывает, что при собирании географических материалов расспрашивал и про «древних чюдских и кучумовских жилья, мольбища, крепости и курганы», и в его атласе попадаются указания на «городища», на развалины («мечать урочище Калбагасун пустой») и т. д.

Словом, мы имеем вкратце ту же схему научного изучения Зауралья, которую впоследствии осуществил Миллер — собирание данных по географии, этнографии и истории колонии. Сам Ремезов сообщает нам о методах, к каким он прибегал в своей работе: он использовал, во-первых, имевшиеся в библиотеке Сибирского приказа многие «географические книги» и «чертежные переводы (планы)» сибирских городов; из архива Тобольской съезжей избы почерпнул он подробные статистические сведения о Тобольске, начиная с 1683 г., и т. д. Не довольствуясь письменными источниками, Ремезов обращался к опросу «старожилов, памятных бывальцев», «ведомцев», «бывальцев в непроходимых местах и каменех безводных, на степях и на морях, по различным землям подлежащих жительств языков», не только русских людей, но и туземцев — «иноземцев — бухар, и татар, и калмыков и новокрещеных». Характерной стороной работ Ремезова является то, что его географические исследования тесно переплетаются с исследованиями историческими. Он, повидимому, собрал довольно большой исторический материал; в составленной им, параллельно атласу, «Сибирской истории» можно уловить следы пользования по крайней мере тремя летописными текстами (Есиповским и двумя неизвестными летописями), не считая отрывков Кунгурской летописи, вклеенных уже по окончании «Истории» в основной текст. Таким образом, уже в конце XVII в. изучение современной Сибири приводило и к изучению исторического ее прошлого. [1]

Мы видим, что к началу нового столетия не только был сделан серьезный шаг к историко-географическому исследованию Сибири, но уже наметились

[1] О Ремезове как историке см. С. В. Бахрушин, Очерки, стр. 17—24, и его же, Туземные легенды в «Сибирской истории» Ремезова, в «Исторических известиях», 1916, № 3—4.

и основные методы этого обследования — использование официальных данных, собирание исторических источников и опрос «бывальцев», т. е. те пути, по которым пойдут все последующие научные экспедиции.

При всей широте плана, тобольский сын боярский, с его доморощенной ученостью, не мог удовлетворить требованиям тогдашней науки. В 1719 г. в Сибирь был направлен доктор Даниил Готтлиб Мессершмидт, которому в силу специального договора правительство поручало изучить географию страны, естественные ее богатства, этнографию и, наконец, исторические памятники и древности и, вообще, все «замечательное». Этот план обследования Сибири показывает в достаточной мере отчетливо направление и размах интереса, который проявлялся правящими кругами к много обещавшей в будущем колонии. Чрезвычайно интересные дневники Мессершмидта, в которых на ряду с географическим и этнографическим материалом имеются и ценные данные по археологии, им не были обработаны и до сих пор целиком не напечатаны. [1]

Так назревала постепенно мысль о большой «академической» экспедиции, которая бы коллективными усилиями специалистов разрешила те разнообразные задачи, которые, конечно, не были под силу одному исследователю. Такая экспедиция, имевшая целью «разные надлежащие до наук обсервации», и была организована Сенатом и Академией Наук в 1733 г., под начальством Беринга, в составе академиков — астронома Людовика Делиль-де-ля-Кройер, натуралиста Иоганна-Георга Гмелина, историка Герарда-Фридриха Миллера, пяти студентов (в их числе был Крашенинников) и учеников инструментального дела, четырех геодезистов, двух живописцев, к которым впоследствии присоединились два адъюнкта — Стеллер и Фишер, переводчик Линденау и еще несколько лиц.[2] Официально экспедиции намечалась чисто научная цель. Морской состав экспедиции во главе с Берингом должен был продолжить начатое за несколько лет перед тем обследование береговой линии Камчатки для окончательного выяснения поставленного еще Петром I вопроса, «сошлась ли» Азия с Америкой. Во-вторых предстояло произвести подробное обследование Сибири по плану, какой был выработан Мессершмидтом. Для последней цели и были введены в состав экспедиции лица, «способные не только к совершению путешествий, но и к тому, чтобы принести известную пользу в деле землеописания, осветить историю дотоле неизвестных стран, через которые лежал путь, и населяющих их народов и точно изучить естественную историю, познания в которой необходимы для сознательного знакомства с страной, и вообще узнать все,

---

[1] О Мессершмидте см. П. Пекарский, Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 350—362. Отрывки его дневников, касающихся археологии, напечатаны В. В. Радловым в «Сибирских древностях», т. I, в. 3, СПб., 1890.

[2] Академической «Камчатской экспедиции» Миллер посвятил много места в своем историческом очерке Академии Наук (напечатано в «Материалах для истории Академии Наук», т. VI, СПб., 1889). О составе экспедиции подробнее см. «Материалы для истории Академии Наук», т. V, стр. 939—941 и т. VI, стр. 576. Л. С. Берг. Открытие Камчатки и камчатские экспедиции.

что имеет научный интерес».[1] На Делиля была возложена «обсервация астрономическая», на Гмелина «все, что касается до натуральной истории и физики, а именно трав, зверей, рыб, птиц, минералов», и на Миллера — «география земли, древности, обыкновения, обряды различных народов». Но мы бы очень ошиблись, если бы полагали, что этими научными целями исключительно объясняется посылка столь обширной и дорого стоящей экспедиции. Этому противоречили бы те усилия, которые впоследствии принимало правительство, чтобы не допустить разглашения научных результатов экспедиции, в частности, открытий на Тихом океане, — запрещение печатать карту Сибири, раздражение по поводу опубликования Гмелином своего дневника без предварительной цензуры. На первом плане стояли не научные, а чисто практические цели. В первую очередь имелось в виду изучение производительных сил колонии, чтобы соответственно использовать в интересах господствующих классов скрытые в ней богатые возможности. На эту сторону дела больше всего было обращено внимания при осуществлении замысла Академии, как видно из самого снаряжения экспедиции: один специалист горного дела (Berg-probierter) был предварительно командирован на Камчатку, а унтер-штейгер Кутузов должен был присоединиться к экспедиции на Лене, где в окрестностях Орленги были замечены признаки серебряной руды. Сибирская горная канцелярия требовала от Миллера и Гмелина соображений о возможности находок серебряной руды в окрестностях Селенгинских и Аргунских заводов; с своей стороны, и тобольский губернатор побуждал их совершить поездку по Алтаю, так как «настоящая ценность тамошних залежей серебра и меди далеко не была широко известна».[2] И Гмелин и Миллер в своих путевых дневниках с большой подробностью описывают посещенные ими заводы и рудники. Среди бумаг Миллера сохранился целый ряд заметок, касающихся разработки природных богатств Сибири, как то: «известие о слюде», «известие о рудоплавных заводах в Сибири и в Великой Пермии», описание и чертеж соляного озера Ямыша и др.[3] Соответствующую цель должны были преследовать и чисто исторические исследования. На ряду с «обстоятельным известием о нынешнем состоянии рудокопных и плавильных заводов в Сибири и в Великой Пермии» Миллер сочинил «Историческое описание Аргунских серебряных заводов». Царское правительство отлично учитывало пользу, которую оно могло извлечь из такого рода исторических экскурсов. Уже по возвращении экспедиции в Петербург, из «Кабинета» императрицы Елизаветы последовал запрос в Академию: «не безызвестно есть, что в Сибирской губернии в Томском уезде при речке Каштаке бывшими мастерами греками производилась горная работа — добыча и плавка серебряных руд, о чем имел из архивных дел и прочих обстоятельств описание бывший там профессор Миллер; того ради

[1] Gmelin. Reise durch Sibirien, т. I, предисловие.

[2] Материалы для истории Академии Наук, VI, стр. 341, 347, 419.

[3] См. далее обзор рукописей Миллера, хранящихся в московских и ленинградских архивах и библиотеках.

имеет канцелярия Академии Наук помянутому профессору Миллеру приказать те все обстоятельства, также буде и в других тамошних местах такие произведены были, отыскав, выписать и в Кабинет ее императорского величества сообщить немедленно». [1] Запрос очень показательный, если вспомнить, что в 1747 г. Алтайский горный округ, как доходная статья, был взят в Кабинет. В результате этого распоряжения появилась статья Миллера: «Известие о промысле серебряной руды, который в уезде города Томска при речке Каштаке с 7205 по 7208 производился».

Вторую задачу диктовали интересы торговли. Экспедиция была, «по истине сказать, нужным испытанием для купечества и мореплавания». [2] «Хотели,— пишет Миллер, — устраивать сообщение по Ледовитому океану, чтоб выяснить, нельзя ли таким образом открыть в интересах торговли более удобный путь на Камчатку, чем длительная сухопутная дорога через всю Сибирь». [3] Таким образом, имелись в виду «явные выгоды для торговли». [4]

Миллер в бытность в Сибири добросовестно собирал материалы, которые могли бы быть полезны для целей «коммерции». Им составлены были обстоятельные «Примечания о торгах сибирских», которые вызвали большой интерес в правительственных кругах, судя по тому, что один экземпляр этого сочинения пошел к президенту Коммерц-коллегии кн. Б. Г. Юсупову, а другой к генерал-прокурору кн. Н. Ю. Трубецкому. [5] С своей стороны, Гмелин представил «описание Ирбитской ярмарки». На ряду с торговлей собирались сведения о промыслах: «под смотреньем» обоих академиков студент Крашенинников составил «описание соболиному промыслу»; [6] сам Миллер написал «о китовой ловле около Камчатки». [7]

Несомненно, что задачей открытия более удобного морского пути Ледовитым океаном объясняется специальное историческое исследование «о северном ходе из устья Лены реки для проведывания восточных земель», «сочиненное» Миллером «из дел якутской архивы, и из словесных сказок якутских обывателей». [8] Некоторый интерес к вопросам торговли замечается и в той части «Истории Сибири» Миллера, которая была напечатана при его жизни. Таковы его замечания, касающиеся «преполезного повеленья о бухарских торгах» в конце XVI в., которое имело целью бухарских купцов «больше приучить к Сибири». «Толь милостивое повеление, — замечает он нравоучительно, — не могло остаться без желаемого действия». [9]

[1] Материалы для истории Академии Наук, II, стр. 673.

[2] См. предисловие к «Описанию Сибирского царства» Миллера.

[3] Материалы для истории Академии Наук, VI, стр. 253.

[4] Gmelin. Reise, т. I, предисловие.

[5] Напечатано с сокращениями в «Ежемесячных сочинениях», 1755, II, 1756, I.

[6] Напечатано во II т. его «Описания земли Камчатки».

[7] Напечатано в «Ежемесячных сочинениях», 1757, май.

[8] ГАФКЭ, Портфели Миллера, № 10, тетр. 9. Напечатано в переработанном виде под заглавием: «Описание морских путешествий по Ледовитому морю с российской стороны учиненных» в «Сочинениях и переводах, к пользе и увеселению служащих» за 1758 г.

[9] «Ежемесячные сочинения», 1764, I половина, стр. 8.

Но научная экспедиция должна была не только выявить возможности обогащения феодального государства. Нащупывались пути для дальнейших колониальных захватов. Первая экспедиция Беринга не дала решающих результатов. Теперь «хотели продолжить обследование Камчатского моря до (Американского) материка, хотели выяснить положение Японии в отношении Камчатки». Так намечался путь дальнейшей экспансии в одном направлении — на восток. Открытия на Тихом океане живо интересовали правящие круги Петербурга, и им придавалось большое политическое значение. 9 апреля 1746 г. было предписано «взнесть в Кабинет ее императорского величества» «имеющиеся при Академии карты Камчатской экспедиции, черные и белые, какие есть, письменные или печатные, не оставливая ничего, какие недавно присланы в Академию от адъюнкта Стеллера и описания той экспедиции»; одновременно послан был в «Кабинет» и «журнал морского вояжа капитан-командира Беринга до Американских берегов». Все это составляло государственную тайну, особенно «повоизобретенные капитаном Шпанбергом в его морском вояже от Камчатки до Японии острова», и все это приобретало необычайную ценность с точки зрения возможности новых захватов.[1] Не случайно поэтому Миллер подвергся нареканиям за то, что сам он уклонился от поездки на Камчатку. Впрочем, он внес свою лепту и в этот вопрос. Его «повествование о причинах столкновения французов с англичанами из-за границ колоний обоих народов в Америке», представленное им в мае 1755 г.,[2] несомненно, являлось справкой, нужной для политических соображений относительно захвата части американской территории. В январе следующего года он представил диссертацию о «географических открытиях вокруг Камчатки». Появившееся в 1758 г. исследование о морских открытиях русских на Ледовитом океане преследовало определенную политическую цель исторического обоснования прав России на Берингов пролив и близлежащую к нему американскую территорию и так и было понято за границей.[3] Наконец, несомненную связь с вопросом о господстве на Тихом океане имеет и упоминавшаяся выше статья о «китовой ловле близ Камчатки», долженствовавшая показать одну из возможностей эксплоатации морей северо-восточной Сибири.

Но если Миллер в отношении Тихого океана, Америки и Японии дал меньше, чем от него ожидали, он превосходно выполнил свою миссию в вопросе об экспансии России на юг и на юго-восток — на Иртыш и в Приамурье. Сам Миллер откровенно объясняет причину особенного своего интереса к истории захвата верхнего течения Иртыша; он угадывал, что целью Петра при постройке здесь крепостей было «себе и своим наследникам

---

[1] Материалы для истории Академии Наук, VIII, стр. 75.

[2] Протоколы Конференции Академии Наук, II, СПб., 1899, стр. 329. Очевидно, соответствует статье, напечатанной в «Ежемесячных сочинениях», 1755, июнь, под заглавием «Известие о ссорах англичан и французов в Америке».

[3] См. у Büsching'а полемику по поводу обвинений Миллера в немецкой печати в тенденциозности сообщений о русских поездках по Ледовитому океану (Beyträge, III, стр. 136).

открыть путь в страну калмыков, в Бухару, в Индию, чтобы присвоить золотой песок, в изобилии доставляемый тамошними реками». «Об этих важных намерениях императора и об их последствиях» он и составил специальное небольшое исследование на основании архивных материалов, которое было напечатано в 1760 г. в «Сочинениях и переводах к пользе и увеселению служащих» под заглавием «Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оного отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше». [1]

Но особенно показательно реальное значение историко-географических изысканий Миллера для политики захватов на Амуре. Он еще находился в Сибири, как 11 февраля 1740 г. последовал собственноручный указ императрицы Анны, которым ему предписывалось составить очерк Амура и вручить его иркутскому вице-губернатору. «Намеренье было, — говорит Миллер, — очерк этот положить в основу трактата с Китаем об установлении границ». [2] Он и дал «с возможною точностью» описание не только Амура, но и впадающих в него рек и речек, подчеркнув, на что, по его мнению, следовало обратить особое внимание при заключении договора о границах. [3] В этом он видел исполнение «патриотического долга (eine patriotische Pflicht)». [4] Эта записка ставит себе целью, во-первых, доказать целесообразность захвата Амура и с экономической и с политической точек зрения. «Положение Амура, — пишет Миллер, — возбуждает в каждом желание, чтоб Россия опять получила во владение сии берега или, по крайней мере, приобрела право плаванья по ним к Камчатскому и Японскому морю». Тут же указывается, что «можно в окрестностях Нерчинска строить морские и транспортные суда, снабдить их там всякого рода припасами и плавать на них вниз и вверх по Амуру беспрепятственно». Далее отмечается значение Амура для развития русского экспорта на Дальний Восток: «может начаться торговля с Индией, даже торговля с самим Китаем может производиться удобнее или по морю или посредством реки Шингала». Наконец, с большой осторожностью Миллер позволяет себе намекнуть на значение Приамурья, как базы новых колониальных захватов на Тихом океане: «намерения относительно Японии и Американских открытий легче приведутся в исполнение». Записка и имеет задачей историческое обоснование притязаний России на Амур. «Если китайцы думают, что по смыслу (Нерчинского) договора все впадающие в Амур реки и ручьи с их источниками должны оставаться за Китаем, то стоит только

[1] Материалы для истории Академии Наук, VI. «Сочинения и переводы», 1760, январь.

[2] Материалы для истории Академии Наук, VI, стр. 516.

[3] «Ведомость о реке Амуре и особливо о стороне ее полунощной, такожде о положенных между Российским и Хинским империем в границу горах и о стороне реки Удо и других между Удом и Амуром, которые в окиян впали, по ее императорского величества собственноручному указу от 11 февраля 1740 г. сочинено». Записка эта напечатана была на немецком языке в «Büsching's Magazin», II.

[4] Материалы для истории Академи Наук, VI, стр. 404.

сослаться на свидетельство иезуитов, присутствовавших при заключении договора, чтоб показать несправедливость их притязаний... Составленный иезуитами протокол нерчинских переговоров, мимо желания составителей, содержит в себе известие в пользу России».[1] Ту же цель служить «российской претензии в пользу» преследует статья «Изъяснение сумнительств, находящихся при установлении границ между Российским и Китайским государствами в 7197 (1689) году». Наконец, назначение специального исследования — «История о странах, при Амуре лежащих, когда они состояли под российским владением»—доказать, «что тамошняя страна прежде китайского владенья принадлежала до Российского государства, что россияне несправедливым образом премогающею силою неприятелей из оной выгнаны и что еще несправедливее насильственным мирным заключением при Нерчинске она за китайцами осталась».[2] В связи с этой темой находятся, несомненно, и некоторые другие работы Миллера, напр., статья «О первых российских путешествиях в Китай».[3] Позже, в 60-х годах, правительство опять прибегало к историческим познаниям Миллера по тому же вопросу о русско-китайских отношениях. По «секретному» поручению Екатерины II он должен был в 1763 г. составить записку «о предприятии войны с китайцами, о законной причине к оной, о способах приуготовления к действию, о пользе» и в следующем 1764 г., когда от плана военного разрыва с Китаем уже отказались, другую: «о посольстве в Китай, и именно о качествах посланника, о принадлежащих к его свите людях, о его отправлении и путешествии, и о его негоциациях или переговорах».[4]

Мы видим таким образом, что научная деятельность Миллера должна была обслуживать реальные интересы господствующих классов России в колониях. Это обстоятельство не могло не наложить большого отпечатка на все его научные труды, и при определении их объективной ценности надо, поэтому, всегда учитывать цели, которые они преследовали.

II

Герард Фридрих (в русском просторечии Федор Иванович) Миллер (род. в 1705 г., умер в 1783 г.) происходил из интеллигентной бюргерской семьи старого Ганзейского города Герфорда в Вестфалии; отец его, «ученый муж», был ректором гимназии. К сожалению, мы мало знаем, что представляла собою семья историка; повидимому, его отец был пастор, мать, по одним известиям, происходила из купеческой семьи, по другим, была дочерью профессора богословия. Сыну они дали хорошее образование: из отцовского дома он вынес основательное знакомство с классической литературой; 17-летним юношей вступил в число студентов Ринтельнского

[1] Перевод С. М. Соловьева (Современник, 1854, V, т. 47, отд. II, стр. 121—122).

[2] Обе статьи напечатаны в «Ежемесячных сочинениях» за 1757 г.

[3] То же, 1755, июль.

[4] Пекарский. История Академии Наук, I, стр. 427.

университета, но не окончил его, а затем непродолжительное время учился в Лейпциге. Типичный представитель мелкой немецкой буржуазии, он при первом подвернувшемся случае отправился искать счастья и богатства в далекую и страшную Россию, с тою же легкостью, с какой вообще в необеспеченных мещанских семьях Германии сыновья, подрастая, шли на поиски удачи в чужой город. «В те годы, по словам Шлецера, сильно распространено было стремление из Германии в Россию, особенно среди студентов. Эти дураки полагали, что нигде нельзя легче сделать себе счастье, как в России. У всех в голове был выгнанный из Иены студент богословия, который впоследствии сделался русским государственным канцлером» (Остерман). Многие отправлялись «не только без всяких рекомендаций, но и с последним червонцем в кармане». [1] 20-летним молодым человеком, с званием бакалавра, Миллер в 1725 г. прибыл в Петербург, куда уже раньше по тем же соображениям поехал его брат, и поступил на службу в Академию Наук. [2]

Первая четверть XVIII в. была эпохой большого подъема исторической науки в Германии. К этим годам относятся первые шаги германского источниковедения и критики, первые опыты в области подсобных исторических наук, как нумизматика, генеалогия и другие. [3] В 1701—1722 гг. печатал Иоанн Генрих Михаэлис свои критические замечания о тексте библии. Несколько позже другой Михаэлис — Иоганн-Давид — издал «Критический трактат о разноречиях Нового завета». На критике библии учились вообще методу научной критики. К тем же годам относится ряд научных изданий первоисточников, начиная с первого научного издания библии, выпущенного старшим Михаэлисом в 1720 г. на основании 19 печатных и 5 рукописных текстов. Миллер не мог остаться совершенно в стороне от новых течений в области источниковедения. В Лейпциге он пользовался руководством (Anführung) И. Б. Менке, известного издателя «Писателей германской истории, особенно саксонской». Впрочем, повидимому, Миллер первоначально не предполагал специализироваться по истории и больше «прилежал полигистории Моргофа, к истории учености, к сведениям, требуемым от библиотекаря» («Книговедение и история науки ему были по сердцу еще со времен отцовского дома»). [4] Миллер думал, что с такой специальностью он легче сделает «счастье» в Петербурге, где в первую голову нужны были практические дельцы, способные организовать ученый аппарат. Первое время он в скромном звании «студента» пре-

---

[1] Schlözers öffentliches u. Privat-Leben, 1802, стр. 31; Пекарский. История Академии Наук, I, стр. 376.

[2] Автобиография Миллера в Материалах для истории Академии Наук, т. VI, Büsching, Beyträge zu der Lebensgesch. denkwürdiger Personen, III Teil, Halle, 1785. Пекарский. История Академии Наук, I.

[3] См. Geschichte der histor. Forschung und Kunst von L. Wachler, Göttingen, 1816.

[4] Пекарский. История Академии Наук, I, стр. 317. Бюшинг (Beyträge, III, стр. 6) говорит: «Специальный предмет, который он изучал, мне неизвестен».

подавал в гимназии все, что ему ни поручали — историю, географию, латынь и... красноречие и даже «искусство писать письма». [1] В 1728 г. он был допущен «к архиве и для сочинения курантов»; желание найти покровителей среди знати побудило его заняться генеалогическими изысканиями. Как высшее достижение в будущем, ему грезились звание библиотекаря Академии и рука дочери всемогущего Шумахера, которому он вначале угождал, пока не рассорился с ним. Назначение его профессором в 1730 г. прошло не вполне гладко; академики, недолюбливавшие его за наушничество Шумахеру, провалили его «по пристрастью», и потребовалось вмешательство самого президента; фактически он стал профессором по назначению, а не по выборам. Впрочем, в 1728—1730 гг. он состоял редактором «Санкт-Петербургских Ведомостей» и «Примечаний» к ним, которые были встречены «с великим одобрением публикой». Когда в 1733 г. стала организовываться Камчатская экспедиция, он неожиданно вызвался принять в ней участие. Повидимому, к этому времени он уже разочаровался в своих честолюбивых планах, и ему хотелось временно исчезнуть из Петербурга, чтобы выйти из того неловкого положения, в которое он себя поставил сначала своим заискиванием перед Шумахером, а потом ссорой с ним. Возможно, что его влекли и интерес к малоизвестной в Европе части света, и страсть к новым и необычным впечатлениям, и расчеты на обещанное повышение жалованья. А главное — это было средство получить сразу известность и положение в научном мире России и Европы. Словом, вызываясь ехать в экспедицию, он далеко еще не представлял себе размеров, в которые суждено было развернуться его работе. Известную предварительную подготовку Миллер, конечно, имел. Еще в 1728 г., когда в связи с экспедицией Беринга «все говорили про Камчатку, как про неведомый мир», он дал довольно неудачную статью о земле Иессо (по Витзену), от которой впоследствии отказался. И почти накануне отъезда 16 февраля 1733 г. он представил алфавит тангутского языка с соображениями о способе читать этот язык. Определились к 1733 г. его интересы и к этнографии Сибири; к этому времени относятся его первые исследования о калмыках. Эти исследования для нас любопытны в том отношении, что показывают определенное устремление его внимания к вопросам истории и этнографии Сибири. Основным пособием и тут был для него труд Витзена, но он уже не довольствовался компиляцией голландского ученого XVII в., привлекал русские источники (журнал Унковского) и «рукопись на калмыцком языке», собирал через калмыцких посланников, приезжавших в Петербург, предания о древних монгольских ханах. Словом, это был первый опыт, на котором молодой Миллер искал новые пути в деле собирания материалов для истории одного из малоизвестных народов Азии, первый черновой набросок тех методов исторического исследования, которые он впоследствии так бле-

---

[1] Материалы для истории Академии Наук, VI, стр. 63.

стяще развил.[1] Эти экскурсы в историю Средней Азии позволили Миллеру уже в 1733 г. заявить печатно, что он намеревается избрать наравне с русской историей «историю востока, в качестве дополнительного предмета занятий (Nebenbeschäftigung)». В этих целях он проштудировал основательно труд Витзена и составил к нему указатель.[2] Это было, конечно, хорошее начало, но только начало. Так же недостаточны были и общие его познания по русской истории. Когда за год перед отъездом он затеял издавать «Sammlung Russischer Geschichte», то это было, по его собственному признанию, «смелое предприятие», так как он «еще ничего не сделал в этой области и был еще не совсем опытен в русском языке».[3]

Впоследствии Миллер говорил, что все, что он знает, дала ему Сибирь, и в этом не было преувеличения: «без этих странствований, мне было бы трудно добыть приобретенные мною знания». Из немецких университетов он вынес, повидимому, хорошие по тому времени лингвистические познания, знание классической литературы, знакомство с новейшими теориями в области лингвистики и этнографии. Большое влияние оказали на него работы по местной истории Лейбница, научные изыскания которого в брауншвейгских архивах, несомненно, послужили ему образцом. Он был знаком и с его работами по этнографии и лингвистике. Но ни откуда не видно, чтобы он прошел хорошую школу работы над источником. Расцвет исторической критики в Германии был еще впереди, когда Миллер выехал в Россию. «Величайшие люди, поседевшие над библейской и классической критикой в западной и восточной истории средних веков», про которых пишет Шлецер, — Хр. Готл. Гейне, Иог. Сол. Землер, Иог. Якоб Гризбах, знаменитый Иог. Крист. Гаттерер, младший Михаэлис, сам Шлецер — все принадлежали к следующему поколению. Общение с издателем «Памятников германской, преимущественно саксонской истории» — Менке, который руководил его занятиями в Лейпцигском университете, могло дать ему основное понятие о предмете. Но метод свой Миллер, повидимому, выработал самостоятельно на сибирском материале. В этом отношении он был «self-made man». Работа в академическом архиве должна была дать ему некоторые навыки в пользовании документами. К моменту отъезда он имел, однако, лишь некоторое «знакомство с теми из находившихся в академической библиотеке книгами и рукописями», которые он «учился переводить при помощи переводчика». Это были первые еще очень слабые шаги, свидетельствовавшие о больших способностях, тонкой наблюдательности и далеко недостаточном умении. Его первая

[1] Neueste Historie der Oestl. Calmückey в Samml. Russ. Geschichte, II, 1733; Entwurf eines ausführlichen Werckes Chalmückischer Geschichte, там же, III, 1733 и Chalmückische Geschichte und Begebenheiten aus N. Witsens Noord en Oost Tartarye, там же, V, 1734.

[2] См. в IV т. Samml. Russ. Geschichte (1734) извещение о книге Витзена и «Register» к ней.

[3] Пекарский. История Академии Наук, I, стр. 318.

самостоятельная работа о летописи Нестора[1] сразу показала верный взгляд. Миллер понял и оценил значение этого исторического памятника. Но вместе с тем она свидетельствует еще об очень большой технической слабости исследовательских методов. Завися всецело от переводчика, Миллер допустил крупную ошибку, приписав составление летописи Феодосию Печерскому (в рукописи говорилось о черноризце Федосьева монастыря), ошибку, которая обошла всю образованную Европу и которую Миллеру пришлось впоследствии самому опровергать. Зато уже тогда бросается в глаза широкий размах научных интересов и уменье быстро ориентироваться в научных вопросах. Тут сказалось то «полигисторическое» образование, которое он получил на родине. Уже в 1732 г., еще не твердо владея русским языком, он выступает с планом издания источников русской истории, поражающим разносторонностью и полнотою.

Отправляясь в дальний путь, Миллер имел, таким образом, в голове широкие научные планы, свидетельствовавшие о ясности мысли и понимании стоявших перед ним задач. Но нельзя сказать, чтобы научная подготовка его соответствовала вполне обширности этих планов. В 1733 г. из Петербурга выезжал еще новичок, приступавший лишь к работе над историческими источниками.

Через десять лет Миллер вернулся уже выдающимся специалистом не только в области истории, но и географии и этнографии. Десять лет непосредственной работы в архивах и наблюдений на месте дали ему не только обширные и всесторонние познания, широте которых поражался Шлецер. За эти годы выработались его научные методы, его приемы работы над источниками, его принципиальные взгляды на задачи и приемы исторического исследования. Его научной лабораторией, в которой сложилась его научная техника и скристаллизовались его взгляды на задачи исторического труда, были сибирские архивы. С исключительной работоспособностью, с поразительной неутомимостью извлекал он из массы «архивных писем» необходимые ему данные и на ходу обрабатывал их. На ходу составлял один научный очерк за другим, с пути из каждого большого города посылая в Академию целую кипу ученых «обсерваций» по самым разнообразным вопросам. Необходимые книги были с ним, либо высылались, по его требованию, Академией. На живом деле сложился выдающийся исследователь, на непосредственной работе над источниками выросла отличавшая его высокая техника. Можно сказать, что десять лет Камчатской экспедиции создали Миллера как ученого европейского масштаба.

Поездка в Сибирь, послужившая исходным моментом научной деятельности Миллера и создавшая ему ученое имя, не оправдала в первое время его честолюбивых надежд, не дала ему ни чинов ни почета; даже обещанной прибавки жалованья он не получил. Эти неудачи на пути карьеры были тем чувствительнее для самолюбия Миллера, что, выехав в 1733 г. из Петер-

---

[1] Nachricht von einem alten Manuscript der Russ. Geschichte des Abtes Theodosie von Kiow.

бурга начинающим и еще не уверенным в своих силах молодым исследователем, он вернулся через 10 лет уже крупным ученым, с большим количеством научных трудов и записок самого разнообразного содержания, которые он успел составить в пути, с сознанием достигнутых больших научных результатов. Он требовал к себе внимания, с настойчивостью добивался осуществления во что бы то ни стало своих проектов и встречал холодное непризнание своих заслуг и нежелание его слушать. Горячий и неуживчивый, он, не находя «сатисфакции», чувствуя себя недостаточно оцененным, не скрывал, повидимому, своего раздражения.

С другой стороны, его по существу справедливые претензии вызывали недоброжелательный отпор со стороны враждебно настроенных к нему товарищей по Академии и академической Канцелярии, бюрократического и деспотичного учреждения, не допускавшего ни малейшего проявления независимости среди подчиненных ей ученых.

На мелкие уколы он отвечал резкостями, с «присутствием духа, очень близким, по словам его врагов, к нахальству».[1] Живой, всегда готовый на острый ответ, он обладал способностью на «язвительные реплики» (beissende Repliken), «из его маленьких глаз так и выглядывала сатира». Его «исключительная резкость» и несдержанность обостряли отношения.[2] Он сумел восстановить против себя самого всемогущего Теплова, фаворита и правую руку президента Академии графа К. Г. Разумовского, а тот с своей стороны настроил против него своего патрона. Придирки, оскорбления и всяческие унижения в течение ряда лет преследовали каждый шаг историографа. Его третировали, обращались с ним как с наемным приказчиком, от которого требовали только исполнения заданий заказчика, его знания использовались для казенных нужд правительства. В 1748 г. его принудили принять русское подданство, но этим унизительным отречением от родины он не купил себе спокойствия. В следующем году, уличенный в «подозрительных поступках» политического свойства, он подвергся серьезным репрессалиям и был переведен с должности профессора на должность адъюнкта.

Только в середине 50-х годов он, повидимому, добился признания своих научных заслуг: с 1754 он — конференц-секретарь Академии, с 1755 г. — ответственный редактор заведенного, по его проекту, научно-популярного журнала, выходившего под заглавием «Ежемесячные сочинения». Но окончательно его положение упрочилось после переворота 1762 г., в котором академическая Канцелярия приняла известное участие; сам Миллер приписывал и себе некоторые, впрочем довольно скромные, заслуги в этом деле (он помогал редактировать перевод манифеста о вступлении Екатерины на престол). Новая императрица, щеголявшая ролью покровительницы наук, относилась к нему благосклонно, выказывала «милостивое

[1] Пекарский. История Академии Наук, I, стр. 359.
[2] Schlözers öffentliches u. Privat-Leben, стр. 28.

удовольствие» его научными работами и давала ему поручения, связанные с его специальностью, словом, для Миллера «наступило благоприятное время». Испытания не прошли бесследно для него, научили его быть осторожным и «умерять ошибки своего темперамента» и, когда его в 1764 г. перевели на службу в Москву, он не стал стремиться обратно в столицу, хотя и воспринял это назначение как почетную ссылку. Должность начальника Московского архива Коллегии иностранных дел (с 1766 г.,), впрочем, вполне удовлетворила и его научные интересы и его честолюбие.

Буржуа по происхождению, Миллер в частной жизни оставался таковым. В его «большом новом каменном доме» на Васильевском острове, в котором он жил до переезда в Москву, «все возвещало, конечно, не роскошь, но счастливое благосостояние». Он держал хороший немецкий стол. Дом его был полон прислуги и нахлебников. [1] Но, благодаря экономии, он ухитрялся не входить в долги, а это было редко среди лиц его профессии. В этом ему помогала его жена, вдова немецкого хирурга, на которой он женился во время своего путешествия, — «во всех отношениях отличная и при том безупречная женщина и превосходная хозяйка». [2]

Большую часть жизни он «провел за письменным столом на службе другим и на пользу других, а не на собственную»; «сам неутомимый и пунктуальный работник, он в той же мере требовал этих качеств от других». [3] Интересы его оставались буржуазными: «природная ревность» влекла его к вопросам, касающимся «умножения земледелия, мануфактур и купечества». [4] Все это были черты, вынесенные Миллером из отеческого дома, из мещанской обстановки скромного пасторского дома старого ганзейского города.

Но обстановка феодального барства, среди которой он жил, близость ко двору, связи с знатными «фамилиями» наложили известный отпечаток и на герфордского буржуа. Собственный экипаж, многочисленная дворня — все это были черты, свидетельствующие о том, что профессор Академии, по мере возможности, тащился за дворянскими примерами. Он хлопотал даже о пожаловании его «небольшим числом деревенского недвижимого имения в наследство не в весьма дальнем от Москвы расстоянии».[5]

Не осталась эта обстановка без влияния и на характер и на идеологию Миллера.

От русских бар он воспринял презрительное отношение к «подлому» народу, к «легкомысленным людям подлого состояния, которым употребление рассуждения незнакомо». Не случайно в выработанном им

---

[1] Schlözers öffentliches u. Privat-Leben, стр. 28—30.
[2] Schlözers öffentliches u. Privat-Leben, стр. 30.
[3] Там же, стр. 28. Büsching, назв. соч, стр. 130.
[4] Пекарский. История Академии Наук, I, стр. 393.
[5] Там же, I, стр. 400.

проекте устройства гимназии он предлагал резко отделить учеников «благородных» от происходящих из «подлого» народа.[1] «Ни доброе отношение, ни снисходительность, ни дружелюбное обращение, — пишет он, — не действуют на сибиряков, но приходится применять к ним наивысшую строгость, чтобы заставить их что-нибудь сделать. И такие люди называются христианами!».

Не только в отношении сибирского простонародия научился Миллер прибегать к «наивысшей строгости» (äusserste Strenge); студент Крашенинников, будущий профессор, автор совершенно исключительного исследования о Камчатке, в бытность в Сибири был у него «под батожьем».[2] Неудивительно, что среди своих подчиненных он наделал себе много врагов своей «суровостью» (Härte).[3] Так в характере Миллера переплетались черты, унаследованные от буржуазной семьи герфордского пастора, с навыками, приобретенными в быту феодальной России. Такое же противоречие, как мы увидим, есть и в научной идеологии историографа.

III

Результатом десятилетних «странствований» Миллера явился обширный исторический труд по истории Сибири, который он успел довести до 60-х годов XVII в. и напечатал, кончая VIII гл. на русском языке и X гл. на немецком; целиком все 23 главы появились в сжатом изложении Фишера.[4] На ряду с общим своим историческим трудом он, однако, дал несколько монографий по отдельным вопросам, являющихся как бы главами незаконченной части его истории, которые выходят далеко за эту хронологическую грань: «История о странах при Амуре лежащих» заканчивается Нерчинским договором 1689 года, «Описание морских путешествий» доведено до 1749 г. и «Известие ... о строении крепостей на Иртыше» до 1720 г.; кроме того, и в «Описании Сибирского царства» отдельные стороны сибирской истории доведены до 1711 г. Таким образом печатные работы Миллера охватывают фактически всю историю Сибири с завоевания до его времени.

Значение трудов Миллера заключается не только в широте охватываемого им периода, но и в попытке построить их на основах строгой научности. В лице Миллера в русской историографии выступал серьезный ученый типа исследователя-монографиста, необыкновенно четко ограничивавший свои задачи точным восстановлением фактов. «История, — говорит он, — не довольствуется одними критическими рассуждениями (гипотезами), она

[1] Описание Сибирского царства, гл. III, § 28; IV, § 11. Пекарский. История Академии Наук, II, стр. 598—599.

[2] Пекарский. История Академии Наук, I, стр. 364.

[3] Schlözers öffentliches u. Privat-Leben, стр. 29.

[4] Fischer. Sibirische Geschichte. II B-de. St. Pet. 1768.

должна показать дела (факты), из которых иные утверждаются на подлинных, а иные на вероятных доказательствах».[1] «Я не требую, —писал он в одном частном письме, — чтобы историк рассказывал все, что он знает, ни также все, что истинно, потому что есть вещи, которые нельзя рассказывать и которые, быть может, мало любопытны, чтобы рассказывать их перед публикою, но все, что историк говорит, должно быть строго истинно, и никогда не должен он давать повод к возбуждению к себе подозрения». [2] Такие требования к историку, представляющиеся нам сейчас детскими, шли в разрез с традицией тенденциозного подкрашивания исторических фактов в господствовавшей феодальной историографии со стороны тех, кто, по выражению одного из современников Миллера, «привык восхищаться не столько исторической верностью, сколько красноречием панегирика (sermonibus panegyricis)». [3] Большинство держалось иной точки зрения. «Благоприятность и предосторожность требуют, — писал Тредьяковский в 1750 г., — чтобы правда была предлагаема некоторым приятнейшим образом. Гибкая, говорю я, и удобообращающаяся поступка приобретает множество другов». Поэтому он рекомендует в историческом повествовании кое-что «переменить, исправить, умягчить, выцветить для того, дабы... не подать ни мало причины к осуждению и порицанию автора». [4] При господстве таких взглядов постоянный призыв Миллера к историку «быть верным истине, беспристрастным и скромным» звучит как призыв к подлинной научности.

Исходя из своих принципиальных положений, Миллер стремится строить свои выводы исключительно на показаниях источников и избегает всяких соблазнительных догадок, всего того, что «ни по каким историческим известиям доказано быть не может». Все, что он пишет, по его собственным словам, утверждается «на достовернейших и по большей части на неопровержимых доказательствах». [5] Он поэтому уклоняется от разрешения этнографических загадок о древнейшем населении Сибири, которые в то время были в моде в научной литературе. «Лучше будет, — говорит он, — чтоб древние истории о народах за неимением основательных доказательств, в прежней темноте оставить, нежели сообщать к ним ложное изъяснение». [6] Таковы приемы работы, которых, по мнению Миллера, должен держаться «предосторожный и беспристрастный истории писатель». В те времена, когда еще не вполне были изжиты средневековые домыслы, и Синопсис продолжал оставаться главным пособием по истории России, такие требования к науч-

---

[1] Описание Сибирского царства, изд. 1750, гл. I, § 50. Автор ссылается на первое русское издание «Описания Сибирского царства», поскольку при подготовке к печати этого первого издания выработался основной текст, легший потом в основание немецкого издания 1761 г. и общая научная концепция Миллера.

[2] Пекарский. История Академии Наук, I, стр. 381.

[3] Библиогр. Записки, 1861, № 17.

[4] Билярский. Материалы к биографии Ломоносова, стр. 706.

[5] Описание Сибирского царства, гл. I, §§ 2, 23, гл. II, § 1.

[6] Там же, гл. I, § 45.

ному труду являлись большим шагом вперед в области методики исторического исследования. Центром внимания для Миллера является исторический источник, на основании которого он утверждает тот или иной факт. К источнику у него устанавливается какое-то особенно бережное отношение, почти культ. «Кто, — говорит он в проекте предисловия к «Истории Сибири», — к архивным письмам и к штилю оных привыкнет, тот подлинно оные читать будет с удовольствием, как бы намерения читателей или причины удовольствия различны ни были».[1] Самый слог актов приводил его в восторг. Этой любовью к подлинному памятнику, «к старинным архивным письмам», объясняется то, что он жалеет пропустить из него малейшее известие, за что его нередко обвиняли (и несправедливо) в отсутствии критики. «Должность историн писателя, — говорит он, — требует, чтоб подлиннику своему в приведении всех, хотя за ложное почитаемых, приключений верно последовать. Истина того, что в историях главнейшее, тем не затмевается, и здравое рассуждение у читателя вольности не отнимает».[2] Поэтому, «сам себе насилие делая», он приводит баснословные рассказы Ремезова о всяких чудесах. Это требование к историку держаться всех подробностей текста объясняется, конечно, слишком свободным отношением его современников к источникам, хотя, с нашей точки зрения, более прав в этом вопросе один из его критиков, когда выразил сомнение, «надлежит ли историографу следовать всему без изъятия, что ни находится в каком подлиннике, хотя бы иное было явно ложное или негодное, и вносить оную в свою сочиняемую историю». [3]

Шлецер позже установил для XVIII в. три типа историков, которые, по его представлению, сменяют один другого. Это, во-первых, «историк-собиратель» (Geschichtssammler), собирающий материалы и располагающий их в системе, удобной для исследования. Когда эта работа проделана, на его смену является историк-исследователь (Geschichtsforscher), который подвергает собранные материалы всесторонней критической поверке. И, наконец, третий высший этап развития исторической науки представляет историк-повествователь (Geschichtserzähler), который на основании критически проверенного материала изложит исторические факты в цельном рассказе. Если принять эту классификацию историков, поскольку она отвечала научным представлениям и требованиям времени, Миллер в первую очередь является убежденным и страстным Geschichtssammler — собирателем материалов, и в этом отношении нельзя отказать ему в большом здравом смысле. Собирание материалов в той стадии исторической науки, которую он застал в России, было действительно очередной задачей. Эту работу он и проделал не только добросовестно, но с увлечением. «Устраивать архив, приводить его в порядок и сделать его полезным для политики и для истории — вот занятия совершенно сообразные с моими склонностями и познаниями», —

[1] См. предисловие.

[2] Описание Сибирского царства, гл. I, § 70.

[3] Библиогр. Записки, 1861 № 17. Отзыв Фишера.

пишет он в полном соответствии с понятием о роли Geschichtssammler'а, которое дает Шлецер. Он первый приступил к систематическому обследованию архивных фондов, просмотрел в Сибири до 20 архивов в городах и острогах «для извлечения из них того, что пригодно было для истории», и пришел к заключению, что «хотя по большей части архивные письма от древности и мокроты погнили, мышами и червями съедены или разодраны и побросаны в кучи», но «по прилежном пересматривании оных, всегда что-нибудь найдется, которое к изъявлению истории служить может».[1] Так, составил он в Сибири грандиозную коллекцию «архивных списков до истории и до прочих обстоятельств той земли касающихся, которые в 35 больших книгах в десть состоят, не упоминая примечаний и выписок из оных архивов, вкратце... сочиненных (Миллером)».[2]

Нельзя сказать, чтобы работа была произведена безупречно. Миллер действовал ощупью: «но сознаюсь при том, — говорил он сам впоследствии, — что я еще не очень знал все, что мне следовало требовать и о чем спрашивать; для этого нужны практические сведения, которые приобретаются только опытом». «Первоначальная моя работа, — рассказывает Миллер, — состояла в том, чтоб старинные столбцы и книги расположить по годам, потом просматривать одни за другими и отмечать, что следовало из них для меня выписывать... Мне только надобно было ставить знаки на полях, а в переписчиках, которые мне давались (из местных канцелярий)... не было недостатка, и я мог быть уверенным, что все, мною отмеченное, будет списано». Впрочем, он не сразу дошел до такой системы. Сначала, по словам его, «требовал я токмо реестры архивным делам и по оным замечал, что мне потребно было, а где реестров не было, то переводчик и студенты дела читали и, ежели они по своему рассуждению к моему намерению и к выписке в мои книги что находили полезного, оное особо откладывали и потом мне для пересмотру приносили». Только в начале 1736 г., начиная с илимской архивы, Миллер изменил свой метод: «понеже архивным письмам реестру еще не сделано было, то я сам трудился в перекладывании оных по годам и между тем, как реестры изготовлялись, одну книгу за другою пересматривал и, что к моему намерению прилично было, оное приказывал выписывать. Сей труд подал мне великую ясность в обстоятельном познании подлинного архивного состояния. Притом же удостоверился я, как то впредь на чужие глаза не надлежит надеяться. Потом, хотя архивы сколь велики ни были, однако, я в пересматривании оных поступал всегда вышепоказанным образом и имел от того великую пользу».[3] Таким образом, по мере развития работы, усовершенствовались ее приемы, и хотя, благодаря пользованию малограмотными переписчиками, в миллеровских копиях наблюдаются большие

[1] Пекарский. История Академии Наук, I, стр. 394.

[2] Материалы для Истории Академии Наук, VIII, стр. 190.

[3] Пекарский. История Академии Наук, I, стр. 321—322, 325. Материалы для истории Академии Наук, VI, стр. 344—345. Ср. указания, которые дает Миллер в инструкции Фишеру (ГАФКЭ, Портфели Миллера, № 526, тетр. 1, л. 19 об.—20).

дефекты,[1] они до сих пор остаются тем более ценным пособием при изучении сибирской истории, что многие из подлинников с тех пор пропали.

Материалы из сибирских древлехранилищ Миллер пополнял документами, почерпнутыми из частных архивов. Из архива Строгановых он извлек ценнейшие данные о первом этапе завоевания Сибири, в значительной степени корректировавшие имевшиеся в других источниках сведения; у потомков Бабинова, в деревне Чикмане, он видел грамоту царя Михаила, данную их предку за открытие дороги через Верхотурье.[2]

Но Миллер чувствовал недостаточность использования одних местных архивов с дополнением из архивов частных и мечтал обратиться к фондам центральных архивов, в особенности Сибирского приказа, знакомство с документами которого должно было способствовать «пополнению Сибирской истории» и «возвращению» имевшихся в его источниках пробелов. «Несомненно, — писал он, подготовляя к печати свою «Историю Сибири», — сию историю гораздо полнее описать и оную почти в совершенство привесть можно будет, ежели мне дастся позволение в Москву ехать и Сибирского приказа архиву таким же образом, как я делал во всех сибирских городах, употребить в общую пользу». Он и ходатайствовал о поездке в Москву для того, чтобы «в Сибирском приказе... архиву пересмотреть и из оной надлежащие до Сибирской истории документы отдать списывать». «Пока сие не делается, — заключал он свое ходатайство, — то Сибирская история будет неполная».[3]

Однако Миллер скоро убедился, что архивные материалы «не простираются до самых древних времен». «Сей недостаток, — писал он, — награждают отчасти общие российские летописи, хронографы и степенные книги, сообщая о первых из России в Сибирь поездках, о изобретениях (открытиях) тамошних стран и народов и о завоевании оных, хотя краткие, однако ясные известия; отчасти же служат нам с пользою и сибирские летописи». В Сибири Миллер собрал «у некоторых до истории своего отечества любопытных людей разные сибирские летописи», которые послужили ему «к немалому его вспоможению». Ему удалось, между прочим, открыть знаменитую Ремезовскую иллюстрированную летопись, которая, как он правильно отмечает, «в своем роде только есть одна, и списков с ней ни у кого нет». Эту летопись он приобрел за «сносную» цену, благодаря властному содействию тобольской канцелярии, которая «хозяина той летописи, не хотевшего лишиться сего сокровища, к тому склонила». «На ней, — говорил Миллер, — основывается вся история завоевания, как я ее написал в I части моей истории».[4]

---

[1] Оглоблин. Статьи в «Библиографе», 1889, № 1 и № 8—9 (Герард Миллер и его отношение к первоисточникам. К вопросу об историографе Миллере).

[2] Описание Сибирского царства, гл. V, § 16. Инструкция Фишеру, § 11.

[3] Пекарский. История Академии Наук, I, стр. 348. Проект предисловия к «Истории Сибири», кн. 1-й, составленной Миллером (см. далее, стр. 165). Инструкция Фишеру, § 12.

[4] См. оба предисловия. Ср. Материалы для истории Академии Наук, VI, стр. 344.

К числу летописей Миллер относит, повидимому, и те погодные записи, составленные на основании официальных данных, которые дошли до нас в «Книге Записной» Тобольского собора, в «Записках, к истории Сибири служащих» Новикова и других аналогичных памятниках. [1] Этот источник он, очевидно, подразумевает, когда называет «росписи о строении городов и острогов и бывших в оных воеводах», которые обыкновенно продолжаются «до исходу прошедшего столетия».[2] К тому же типу источников относится и полученный Миллером в Березове «от некоторого тамошнего жителя» «реестр всем бывшим там воеводам от начала города до нынешнего времени». [3]

Очень важно, что Миллер не ограничивался изучением одних русских источников. Он пользовался источниками и на азиатских языках, и в проекте Исторического департамента он указывал необходимость собирать «письменные на татарском языке исторические книги». [4] Одним из основных пособий для истории татар в Сибири ему служит «татарская рукописная книга Абулгазова». [5] Через «некоторого ученого мунгальского ламу или попа» он имел возможность воспользоваться сведениями «из тангутских и мунгальских книг о начале Чингизова владычества». [6] Из «письменного мунгальского летописца» для него были переведены имена преемников Чингис-хана. [7] Наконец, он пользовался «сокращением китайской истории», составленным «из наилучших китайских и манчжурских летописцев» академическим переводчиком «искусным и трудолюбивым» Россохиным. [8] Один из китайских источников — дневник путешествия китайских послов к Аюке-хану — он в переводе поместил в «Ежемесячных сочинениях». [9]

Историю Сибири Миллер вообще не мыслил вне истории Средней Азии в целом, и в этом отношении он очень опередил свой век; можно сказать, что его пожелания в этой области далеко не осуществлены до сих пор. «История соседственных азиатских народов, — писал он, — и состояние их земель, сколько обстоятельства дозволяют, есть должность российского историописателя, потому что в нашей части севера еще мало о том известно».[10] Очевидно, этими соображениями были внушены его специальные монографии: «История и описание Китайского государства», которую он представил

---

[1] Тыжнов. Заметки о городских летописях Сибири, ч. I. Летописи г. Тобольска. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 2, стр. 1451—1465. С. В. Бахрушин. Очерки, вып. I, стр. 33—35.

[2] Ежемес. соч., 1764, I, стр. 400. Проект предисловия к кн. 1-й «Истории Сибири (см. далее, стр. 160).

[3] Описание Сибирского царства, гл. IV, § 40.

[4] Материалы для истории Академии Наук, VIII, стр. 186, 189. Инструкция Фишеру, § 13.

[5] Описание Сибирского царства, гл. I, § 74.

[6] Там же, гл. I, § 6.

[7] Там же, гл. I, § 30.

[8] Там же, гл. I, § 31.

[9] 1764 г., II (и раньше в 1732 г. в «Sammlung Russ. Geschichte»).

[10] Ежемес. соч., 1764, I, стр. 135.

в Историческое собрание Академии в 1748 г., и «Известия о Бухаре», относящиеся к октябрю 1771 г.

Помимо письменных источников, Миллер придавал большое значение устному преданию — «сказкам и изустным объявлениям» — и умел ими пользоваться. Указывая на необходимость собирать «словесные повести о прежде бывших случаях в России, у простых людей находящиеся в памяти», он, однако, требует строго критического к ним отношения, так как они «записаны легкомысленными людьми подлого состояния, которым употребление рассуждения незнакомо». «Понеже, — говорит он, — в них много баснословного случается, того ради с осторожностью принимать должно». Поэтому их следует «по всем свойственным и подлинным обстоятельствам довольно испытать». В частности, он отмечал неизбежность вариантов в словесном предании, «понеже такие словесные сказки по разному искусству раскащиков необходимо и разнствовать должны», и тщательно собирал подобные варианты.[1] Предупреждает он неопытных этнографов и от слишком доверчивого отношения к ответам туземцев, делая тонкое наблюдение, что «такой незнающий народ обык охотно говорить то, чего от него требуют».[2] Миллер является одним из первых собирателей фольклора как русского, так и туземного; в его книге встречаются беспрестанно ссылки на словесные источники — предания или показания очевидцев. Так, он собрал много легенд об Ермаке. Он признает возможным «последовать повестям тамошних жителей» о пути Ермака по Баранче;[3] об его судах, остатки которых видны «еще и поныне» между Баранчею и Серебрянкою, он узнал от «многих живущих на тех местах русских и вогуличей»;[4] «по словесному преданию тамошних жителей» о пещере на берегу Чусовой, в которой Ермак будто бы спрятал свои сокровища, он спрашивал людей, «которые в той пещере были»;[5] о том, как Ермак ехал по Чусовой «помощию распростертых парусов... на подобие слюзов», ему сказывали чусовские жители.[6] С особой тщательностью собирал он предания о построении городов в Сибири: «по словесным сказкам» он установил, что Тобольск первоначально был заложен «на том месте, где ныне стоит архиерейский дом».[7] Со слов остяков он записал известие о пушке, привезенной на Березов по так наз. Зырянской дороге, «о которой и березовские жители подтверждают, что она на Березове находилась до 1738 г.»[8] Опрашивал он и участников тех или иных экспедиций; так, им «некоторые... получены словесные изъяснения» от якутского сына боярского Федора Амосова

---

1 Описание Сибирского царства, гл. III, § 28, гл. I, § 73. Материалы для истории Академии Наук, VIII, стр. 187.

2 Описание Сибирского царства, гл. I, § 49.

3 Там же, гл. II, прим. к § 43.

4 Там же, гл. II, § 43.

5 Там же, гл. II, § 36.

6 Там же, гл. II, § 38.

7 Там же, гл. IV, § 10.

8 Там же, гл. III, § 90.

относительно открытого им в 1723 г. на Ледовитом океане острова;[1] точно так же он расспрашивал офицеров, участвовавших в экспедициях на верховья Иртыша для постройки крепостей при Петре I.[2]

Особенно любопытны записанные Миллером туземные предания, в частности, «словесные сказки» тобольских татар; он сам говорит, что всячески «старался изведать, сколько оных еще ныне у сего народа содержится». «От многого обходительства, которое (он) имел с разными тобольскими бухарцами и татарами», Миллер «надеялся» приобрести ценные исторические сведения, тем более, что сумел заслужить их доверие, и они «не сомневались» открывать ему свои «тайности». Он допытывался от них известий о татарских летописях и был «подлинно уверен», что татары «для дружеского... (его) обхождения», ему бы «по частым предложенным им о таких источниках вопросам ... не умолчали».[3] «По словесному объявлению татар и бухарцев», он записал легенды о введении Кучумом магометанского исповедания в Сибири и об установлении культа местных святых, «которых память татаре и поныне празднуют».[4] От них же он «о подлинных происшедших случаях князя Сейдяка боле обстоятельно услышал».[5] Из татарских, вероятно, устных источников попала в его книгу родословная сибирских сеитов.[6] Точно так же «повесть» о том, что китайцы в древности жили в Сибири, по словам Миллера, среди татар «еще и ныне слышать можно».[7] У тюменских татар он разузнавал про древнее название их города.[8] «Некоторый би или аялинских татар князец» сказывал ему об «идолопоклонническом суеверии» его родителей и сродников.[9] Его опросы туземцев не ограничивались татарами. У кочующих около Байкала бурят он выведывал про местонахождение легендарного Чингис-ханова «тагана».[10] В Красноярске он разыскал старика-аринца, единственного человека из этой народности, говорившего еще на своем родном языке, и через него поверял точность записанных Страленбергом легенд о происхождении аринцев.[11] Сведения о прибытии якутов на Лену с юга он почерпнул из якутской легенды.[12] «Старые люди из якутов» сообщили

---

[1] Ежемес. соч., 1758, I, стр. 115.

[2] Материалы для истории Академии Наук, т. VI, стр. 352.

[3] Описание Сибирского царства, гл. I, §§ 73, 79, 83, 84, гл. III, § 72. Материалы для истории Академии Наук, VI, стр. 346. Миллер сообщает, что он в Тобольске познакомился с «наиболее знатными» из бухарцев, в том числе с старым ахуном, говорившим по-русски.

[4] Соответствующие легенды записаны В. В. Радловым. См. К а т а н о в. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер (в Ежегоднике Тобольского музея, вып. VII) и о религиозных войнах учеников шейха Багауддина (там же, вып. XIV).

[5] Описание Сибирского царства, гл. I, § 73.

[6] Там же, гл. I, § 86. Родословная эта записана и В. В. Радловым (см. Ежегодник Тобольского музея, вып. VII, и Сибирский сборник, 1887).

[7] Описание Сибирского царства, гл. I, § 15.

[8] Там же, гл. I, § 62.

[9] Там же, гл. I, § 81.

[10] Там же, гл. I, § 5.

[11] Там же, гл. I, § 44.

[12] Там же, гл. I, § 34.

ему об изобилии в прежнее время соболей близ Якутска.[1] Он пользовался точно также встречами с бухарскими и калмыцкими послами, чтоб узнать «по своей науке разные чужестранные известия».[2] Приведенных примеров достаточно, чтобы показать, как далеко шли изыскания Миллера в области туземного фольклора Сибири, а точность его записей подтверждается многими из записей такого крупного специалиста, как Радлов.

Первым из русских историков обратился Миллер и к археологии.[3] Он первый оценил важность изучения археологических древностей, «из которых о древних временах и приключениях хотя не совершенное, однако же не совсем отметное свидетельство получить можно». Археология, по его словам, «как получает свет из истории, так и взаимно ей самой сообщает».[4] В бытность в Сибири он поэтому производил с увлечением археологические поиски и привез из своей поездки большую коллекцию разных «могильных древностей», которые достал «из старинных могил в степи между Иртышом и Обью» и «в степи Енисея реки».[5] На основании раскопок, произведенных в этих могильниках, он и сделал некоторые выводы. «В южных странах Сибири находящиеся в великом множестве древности, — пишет он, — доказывают, что история Чингис-хана и некоторых его потомков с историею Сибирскою не малое сообщенье имеет... Сколько не видно следов на разных местах по степям городов! Коликое множество в память поставленных каменных маяков, болванов, старинных могил и других принадлежащих к тому вещей, золотых и серебряных из могил не выкопано!»[6] С захватывающим интересом читается в дневнике Гмелина обследование академиками развалин калмыцких монастырей, вроде «Семи палат», «Аблай-кита», Калбасунской башни и «некоего в степе строения между Семипалатной и Усть-Каменогорской крепости находящегося»; из «Аблай-кита» было вывезено два ящика с тангутскими и мунгальскими печатными и письменными листами и с писаными досками и с печатными формами;[7] в результате этого открытия явилось исследование Миллера «De scriptis tanguticis in Sibiria repertis commentatio».[8] Нельзя без волнения читать в описании Гмелина не лишенное опасности проникновение в пещеру, где будто бы похоронен был «кочевой царь». При реках Томи и Енисее Миллер списывал руны, изображенные на «фигурных камнях» и т. д.[9]

---

[1] Ежемес. соч., 1756, I, стр. 197.

[2] Пекарский. История Академии Наук, I, стр. 324.

[3] См. в инструкции Фишеру (ГАФКЭ, Портфели Миллера, № 526, I, тетр. 1)—отдел, посвященный описанию «антикитетов». Эта часть инструкции в переводе на русский язык напечатана В. В. Радловым в «Сибирских древностях».

[4] Материалы для истории Академии Наук, VIII, стр. 187. Ежемес. соч., 1764, II, стр. 491.

[5] ГАФКЭ. Портфели Миллера, № 10, тетр. 9, лл. 79, об., 80. Büsching. Beyträge, III, стр. 38. Ср. инструкцию Крашенинникову (ГАФКЭ, Портфели Миллера, № 526, I, тетр. 7).

[6] Описание Сибирского царства, гл. I, § 4. Ср. Ежемес. соч., 1764, II, стр. 491—493.

[7] ГАФКЭ. Портфели Миллера, № 10, тетр. 9, лл. 79 об., 80.

[8] Напечатано в «Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae», 1747, X.

[9] Об археологических изысканиях Миллера см. у В. В. Радлова, Сибирские древности, т. I, в. 3.

Особенно тщательно обследовал Миллер татарские, остяцкие и вогульские городища, упоминаемые в его источниках. Он обстоятельно описал «остатки» «столичного города» Кучума — Искера,[1] следы «старинного татарского городка» под Тюменью, «от которого поныне видны вал и ров», и Бегишева городка под Тобольском; [2] «на высоком берегу Иртыша... в 40 верстах ниже Черполуцкой слободы» он разыскал Черное городище, в котором угадал «остатки» татарского городка [3] и т. д. Из остяцких городищ он описал «Самарово городище»,[4] «Куноватское старое городище», [5] Гуланг-Ваш близ Обского городка, [6] «следы» двух городов на Пудовальском мысу близ Березова, [7] в Сургутском уезде «высокое место, где князец Бардак имел свой городок», [8] и т. д. Обращает он внимание и на тунгусское «Урлюково или Орликово городище», «где тунгусский князец Урлук имел свое жительство». [9]

Но Миллер не ограничивался изучением туземных городищ. Он направляет свои исследования и на русские городища и в этом опережает специалистов-археологов, которые лишь в недавнее время стали подходить к сознанию необходимости производства раскопок на местах позднейших поселений. Его внимание привлекали и некоторые «оставшиеся признаки и следы бывшего крепостного и домового строенья», которые свидетельствовали о местоположении уничтоженного Лозвинского городка, [10] следы первого русского города на сибирской почве — Обского,[11] «остатки соленой варницы» в Пелымском уезде,[12] даже «следы старинной зимней дороги» между Березовым и Ляпиным городком.[13]

Миллер далее ставил историю в тесную связь с этнографией, и в этом отношении он также далеко опередил свой век. «Хотя, — писал он, — к истории какого государства описание нравов и обычаев живущих в оном народов свойственно и не касается, однакож, историограф охотно в оном деле трудиться может, а притом случается, что народные обычаи и поведения многократно с историей участие имеют».[14] В бытность в Сибири он не упускал случая наблюдать «обыкновения, обряды, религии народов».[15] В Тобольске он при-

---

[1] Описание Сибирского царства, гл. II, § 88.
[2] Там же, гл. III, § 50, гл. IV, § 4.
[3] Там же, гл. IV, § 72.
[4] Там же, гл. III, § 24.
[5] Там же, гл. III, § 84.
[6] Там же, гл. III, § 77.
[7] Там же, гл. III, § 89.
[8] Там же, гл. IV, § 51.
[9] Ежемес. соч., 1764, I, стр. 203.
[10] Описание Сибирского царства, гл. IV, § 18.
[11] Там же, гл. III, § 77.
[12] Ежемес. соч., 1764, 1, стр. 20.
[13] Описание Сибирского царства, гл. III, § 90.
[14] Материалы для истории Академии Наук, VIII, стр. 194.
[15] Методы этнографических исследований Миллера изложены им в инструкции Фишеру (ГАФКЭ, Портфели Миллера, № 526, I, тетр. 1), Крашенинникову (там же, тетр. 7) и Стеллеру (там же, тетр. 6).

сутствовал на татарской свадьбе и на обряде обрезания; при проезде через различные местности он вызывал к себе шаманов окрестных племен и заставлял их шаманить перед собой, и т. д. [1] Он собрал довольно значительную этнографическую коллекцию «иноземческого платья, вещей идолопоклоннических», «шаманского платья и бубен», в частности, «якутское и тунгусское платье и болваны и идолатрические и жертвоприносные посуды» и вообще «немалое число разного платья сибирских народов»; все это собрание он передал в академическую кунсткамеру. Особенно высоко ценил он сам коллекцию «вещей, надлежащих к мунгальскому и калмыцкому идолослужению» — «сие собрание весьма редких вещей, каких во всей Европе еще не видано», на которое он «чрезвычайный труд и многие подарки употребил». [2]

Свои наблюдения над сибирскими народами Миллер предполагал обработать в специальном сочинении под заглавием «Описание сибирских народов вообще» или «Описание о всяких поведениях и вере всех в Сибири иноземских народов», первую часть которого он уже в апреле 1745 г. представил в Академию «для аппробации». Этот первый том, повидимому, содержал сведения о народах Казанской губернии. Судя по всем данным, Миллер не успел довести до конца задуманный им труд. [3]

В «Описании Сибирского царства» мы можем найти несколько примеров, как использовал Миллер свои этнографические познания для исторических выводов. В подтверждение своего мнения о том, что якуты первоначально жили на юге в соседстве с татарами, он приводит факт поклонения якутов богу, «который именем сего древнего татарского владельца называет». [4] Комментируя рассказ Ремезова о шайтанщике (шамане), к которому обращался Ермак за предсказанием, он сравнивает его описание с теми формами камланья, которые сам наблюдал, и сентенциозно добавляет: «в моем описании народов найдутся разные такие приметы, которые я сам видал, а по оным хитрый обман сих людей явен будет».[5]

---

[1] G m e l i n. Reise, т. I, стр. 97—100, 136—144, 163—167, 283—288; т. II, стр. 41—46, 82—89, 351—368, 491—497, 501—506, и др. Материалы для истории Академии Наук, VI, стр. 402—403, 405, 408—410. Ежемес. соч., 1764, II, стр. 125. B ü s c h i n g. Beyträge, III, стр. 25—31, 41. Рисунки, изображающие типы сибирских туземцев, которые были сделаны для Миллера, впоследствии были использованы Георги (Материалы для истории Академии Наук, VI, стр. 410).

[2] ГАФКЭ. Портфели Миллера, № 10, тетр. 9. Материалы для истории Академии Наук, VII, стр. 530, IX, стр. 12—13.

[3] Протоколы Конференции Академии Наук, т. II, стр. 55. В 1757 г. он напечатал в «Ежемесячных сочинениях» «Описание трех языческих народов в Казанской губернии, а именно черемисов, чувашей и вотяков». Кроме того, он переслал в Академию из своего путешествия несколько черновых очерков, как, напр., «Описание тангутской веры» и др. (Материалы для истории Академии Наук, IX, стр. 12—13; ГАФКЭ, Портфели Миллера, № 10, тетр. 9). В портфелях сохранилось много черновых материалов по этнографии. См. ниже Обзор рукописей Миллера.

[4] Описание Сибирского царства, гл. I, § 37.

[5] Там же, гл. II, § 67.

Но самой замечательной стороной «Истории Сибири» Миллера является последовательное стремление автора научным путем разрешить этногенические вопросы. В этой области он намечает новые пути, исходя из научных предпосылок Лейбница и резко порывая с средневековой этнографией, оперировавшей при определении принадлежности к той или иной группе народов почти исключительно сходством и единообразием их обычаев. «Характеристическое различие народов, — пишет он, — состоит не в нравах и обычаях, не в пище и промыслах, не в религии, ибо все это у разноплеменных народов может быть одинаково, а у единоплеменных различно. Единственный безошибочный признак есть язык: где языки сходны, там нет различия между народами, где языки различны, там нечего искать единоплеменности».[1] Таким образом, на место фантастической генеалогии народов, господствовавшей в течение всего XVIII в. в ученой литературе и основанной, главным образом, на библии и на показаниях греческих и латинских писателей, против которой приходилось еще полемизировать Шлецеру на рубеже XIX в., Миллер кладет в основу классификации народов научный принцип языкового сходства. Исходя из этого принципа, он сумел исправить целый ряд этнографических ошибок, которые не только существовали в XVIII столетии, но и продолжали быть в силе до недавнего времени. Так, он сумел выделить в особую группу остяко-самоедов (селькупов), которые «особливый народ составляют» и от собственно остяков (хантэ) «в языке весьма разнствуют, а напротив того больше сходны в том с самоедами» и «по одному сходству их житья и промыслов остяками называются».[2] Точно так же отличает он енисейских киргизов от «живущих на бухарской границе от Яика реки к востоку киргиз-кайсаков»,[3] которых его современники смешивали — обстоятельство, тем более заслуживающее внимания, что даже в наши времена в научной литературе допускалась та же ошибка.[4] Наконец, по тому же «подлинному знаку разделения народов», а именно по их языку, он признал (и тоже правильно) сосвинских остяков за вогуличей[5] и установил принадлежность бурят к монгольскому племени.[6]

Естественно, что при том большом значении, которое Миллер придавал языкам для определения племенного состава населения Сибири, он должен был обратить исключительное внимание на лингвистику. Он деятельно производил записи слов из языков различных сибирских народов. Так, он разыскал в Красноярском уезде старика-аринца, представителя уже вымиравшего в то время племени, единственного человека, который знал еще родной язык

---

[1] Abhandlungen von den Völkern, welche von Alters in Russland gewohnt haben — в Büsching-Magazin, ч. XVI. — Перев. С. М. Соловьева, в «Современнике» 1854, стр. 144.

[2] Описание Сибирского царства, гл. I, § 48, гл. V, § 4.

[3] Там же, гл. V, § 4. Ежемес. соч., 1763, II, стр. 366.

[4] В. И. Огородников. Исторический очерк Сибири, т.

[5] Описание Сибирского царства, гл. IV, § 42.

[6] Там же, гл. I, § 29.

своей народности.[1] Он задержался в Туруханске лишнее время специально в ожидании прибытия аманата племени тавгов, чтоб познакомиться с их языком,[2] и т. д. В итоге он собрал большое число «вокабуляриев» сибирских народов, которые впоследствии послужили материалом для исследований его соперника Фишера.[3] Но, привлекая лингвистику как подсобную дисциплину, он требовал, чтобы языки изучались исторически: «истинный лингвист тогда только выводит свои заключения, когда видит, что сходство языка подтверждается историей».[4]

Предварительное географическое изучение Сибири было необходимо для ученого, бравшегося за историю завоевания этой страны. В 1744 г. Миллер, основываясь именно на опыте Камчатской экспедиции, предлагал возложить на исторический департамент при Академии географическое описание России, «понеже на описание истории и географии Сибири довольное число времени и иждивения употреблено, которое удалось и не бесплодно, ибо через это сия отдаленная земля в рассуждении всех ее обстоятельств учинилась известнее, нежели сама средина немецкой земли тамошним жителям быть может».[5] В портфелях Миллера сохранилось очень большое число черновых описаний отдельных уездов, городов и рек Сибири, на основании которых он составил два общих сочинения, находящиеся до сих пор в рукописи: «Географическое описание Сибири по губерниям, разделенным в провинции, уезды, дистрикты», и «Особливое описание Сибири».[6] Он имел намерение, сверх того, составить статистическое «Описание нынешнего состояния Сибири, в которых объявить должно о всех стацких и военных чинах, сколько где в службе обретается и что жалованья получает, и где сколько посадских людей и цеховых и разночинцев и крестьян и ясачных иноземцев, и что с них в казну собирается всяких податей и о прочих государственных доходах, канцелярских, ратушских и таможенных, и о исправлении оных».[7]

Хорошее знакомство с географией Сибири во многих отношениях содействовало и историческому ее изучению. Одной из очень ценных сторон исследований Миллера является восстановление им на месте древней топографии изучаемой им страны. Все названия урочищ, встречаемые им в актах и в летописях, он при поездках по Сибири старался отождествить с существующими. В некоторых случаях оказывается, что отдельные названия «у тобольских татар совсем из памяти вышли»,[8] но, как общее правило, он справился бле-

[1] Описание Сибирского царства, гл. I, § 49.
[2] Gmelin. Reise, т. III, стр. 219.
[3] См. список составленных Миллером вокабуляриев ниже в «Обзоре» его рукописей.
[4] Соловьев, назв. статья, стр. 145.
[5] Материалы для Истории Академии Наук, VIII, стр. 185.
[6] ГАФКЭ. Портфели Миллера, № 10, тетр. 9.
[7] Портфель Миллера, № 10, тетр. 9, л. 90 об.
[8] Описание Сибирского царства, гл. I, § 71.

Рис. 1. Образец почерка Г. Ф. Миллера.
(Из „Истории Сибири", гл. 2, л. 62 об.—ГАФКЭ, портф. 504.)

стпще с своей задачей. Укажем в виде примера восстановление топографии похода Богдана Брязги или выяснение местоположения географических пунктов, упоминаемых в царской грамоте остяцкому князю Лугую. [1]

Как общее правило, Миллер дает точное описание каждого урочища. Он описывает подробно «натуральное положенье места» каждого города, его положительные и отрицательные свойства, причем не ограничивается одними топографическими данными, но сообщает иногда очень подробные сведения о свойствах почвы и естественных богатствах местности. [2] Так же подробно описывает он все дороги, как то Печорский путь с его вариантами по Илычу и по Шокуру, [3] и собирает сведения о потерявшей уже свое значение Зырянской дороге между Ляпином и Березовым, которою «вдоль по впадающей ниже города в Сосву речке Вогулке хаживали», [4] и т. д. Он тщательно проверяет на месте известия источников о путях. «Что касается до порогов в реке Кане, — пишет он, — то, хотя я на моем пути по тамошней стране точно о том проведывал, но оных не больше, как три знатных показаны были... Либо мне, что сам я не ехал рекою, о некоторых порогах не упоминали, или Остафьев (атаман Ермолай Астафьев, описавший этот путь в 1628 г. и насчитавший семь порогов) мелкие быстрые места, по-русски шиверы называемые, причислял к порогам, но разница сия неважна».

Я не останавливаюсь на картографических работах Миллера, как требующих особого исследования, которое вывело бы нас за пределы поставленной нами задачи. Отмечу лишь, что в «Описании путешествия по Ледовитому и Восточному морю с Российской стороны учиненного», [5] Миллер дает ряд очень интересных критических замечаний по поводу современной ему западноевропейской картографии северо-восточной Азии и Северной Америки. В ноябре 1761 г. он поместил в «Ежемесячных сочинениях» специальное «Известие о ландкартах, касающихся до Российского государства». Сам он уже в марте 1746 г. представил в Академию две карты Сибири на предмет их напечатания, но в виду политического их значения (на одной из них были обозначены вновь открытые острова между Камчаткой и Америкой), оказалось, что для этого требуется «августейшее согласие», которое не воспоследовало. Вторично в сентябре 1766 г. Академия рассматривала составленную им карту Сибири, которая была признана «тщательнее и превосходнее до сих пор опубликованных». [6]

Наконец, в число подсобных — «принадлежащих», по его выражению, «истории»—наук Миллер относил и генеалогию и «в родословных делах тру-

---

[1] См. главу III «Описания Сибирского царства».

[2] Описание Сибирского царства, гл. IV, §§ 41, 34, гл. V, §§ 46, 75. Ежемес. соч., 1764, I, стр. 212.

[3] Там же, гл. II, § 15, гл. III, § 80.

[4] Там же, гл. III, § 90. Он дает и конкретное описание дорог, см. гл. IV, § 34—о состоянии дорог в Пелымском уезде.

[5] В «Ежемесячных сочинениях» за 1758 г.

[6] Протоколы Конференции Академии Наук, II, стр. 125, 573.

дился, потому что история и родословная наука так между собою объединены. что одна без другой быть не может. [1] В «Истории Сибири» мы находим действительно детальное исследование по генеалогии Строгановых.

Таким образом Миллер привлек для своих исторических работ по Сибири не только очень обширный, но и чрезвычайно разнообразный материал, — «припасы», говоря языком XVII в.: архивные акты, летописи, татарские и монгольские источники, устные предания, данные археологии, этнографии, лингвистики и генеалогии. Он выступает перед нами, как выдающийся образец того типа историка, который Шлецер характеризовал, как историка-собирателя. Современники далеко не сумели оценить эту сторону деятельности первого «историографа». Академическая канцелярия упрекала даже его в том, что он из Сибири «ничего иного не привез, кроме собранных из сибирских архивов, по большей части, копий, что тамошними служителями учинено». «А оное, — сетовала экономная канцелярия, — самым малым иждивеньем можно было получить чрез указы Правительствующего сената, не посылая его, Миллера, на толь великом жалованьи содержащегося». [2]

Но Миллер не только собрал большой и ценный материал, он сумел подойти к нему научно.

Несомненно, очень крупным шагом вперед в историографии не только сибирской, но и всей вообще, является стремление Миллера малейшее свое положение обосновывать на источниках, причем, как основной научный принцип, он проводит мысль, что работа эта должна производиться на глазах у читателя. Документация полная и всесторонняя — вот то, чем его труд должен отличаться от большого числа подобных исследований. «Рассуждая о том, как я в сочинении сей истории поступаю, — писал он, — то я прекословить не намерен, что она в описании приключений с принятым от славнейших древних историков обыкновением многое не сходствует, однако не думаю, чтоб я тем учинил хуже. Их сочинение приятно потому, что они приключения ведут одним порядком, не упоминая о свидетельствах, по которым они сочинение свое составляли. Но мое расположение есть полезнее, потому что я стараюсь предлагаемое мною утверждать везде доводами и рассуждаю об известиях и о сочинителях оных по правилам вероятности и яко-бы с читателем совокупно, который здесь также рассуждать может и тому, что я пишу, просто верить не обязан». [3] Поэтому все документы он «для уверения» приводит in extenso «в каждом месте под историею, где на оные ..... ссылается». «Свидетельств совсем не сообщать,—объясняет он, — яко-бы я в источниках, из которых сам почерпал, другим завидовал и не подал бы повод, чтоб сию историю в разных местах почитать басНословною, ежели бы все обстоятельства, которые хотя мало важны, достоверным свидетельством утверждены

---

[1] Пекарский. История Академии Наук, I, стр. 351—352. Материалы для истории Академии Наук, VIII, стр. 191.

[2] Материалы для истории Академии Наук, X, стр. 582.

[3] Проект предисловия (см. ниже, стр. 164).

не были».[1] При отсутствии документа, он предпочитает откровенно признаться в неведении: «на сем вопросе за недостатком довольных в приобщенных здесь архивных делах известий ответствовать не можно».[2] Упорно настаивал он по этим соображениям на напечатании в приложении к «Сибирской истории» Ремезовской летописи в качестве оправдательного документа.[3] Но для тогдашней научной мысли это было слишком высокое требование, и когда было «усмотрено, что в I томе «Истории Сибири» «большая часть книги не что иное есть, как только копии с дел канцелярских», то увидали в этом лишь ловкость рук писателя, «инако книга надлежащей величины не имела», и Академическая канцелярия поспешила «накрепко» запретить ему, «чтоб никаких копий в следующие томы не вносить, а когда нужно упомянуть какую грамоту или выписку, то на стороне цитировать, что оная действительно в академической архиве хранится».[4] Последующие главы «Истории Сибири» и вышли без всякого ученого аппарата, точно так же, как сокращенная переделка сочинения Миллера, произведенная Фишером.

Придавая такое большое значение ссылкам на первоисточники, Миллер требовал очень пунктуального их воспроизведения. В русской историографии он был первым, кто поставил вопрос о подлинно научном издании исторических памятников. Необходимость такого рода изданий вообще еще далеко не была осознана в его время. Когда впервые в 1734 г. в Академии возникла мысль о печатании «обретающихся древних летописцев», то Синод, запрошенный по этому поводу Сенатом, возражал, «что в Академии затевают истории печатать, в чем бумагу и прочий кошт терять будут напрасно, понеже в оных писаны лжи явственные».[5] Когда через 30 лет вопрос был все-таки решен в положительном смысле, то Тауберт «разрешил или вернее приказал модернизировать старую орфографию», выпустить все, что, по его мнению, не относилось непосредственно к истории, истолковывать малопонятные места «по мере разуменья», заменить «старинные, вышедшие из употребления слова», новыми «ex ingenio» и заполнять пробелы из других списков.[6] Сам Татищев при составлении свода тщательно «очищал» летописи от чудесного элемента, многое дополняя и истолковывая по-своему. Когда Миллер в 1749 г. поднял вопрос о печатании Ремезовской летописи, то Академическая канцелярия для целого ряда «резонов» признала нужным вообще отложить печатание летописей, пока они «особливо осмотрены будут и очищены от... непристойных сказок», и в предисловии к его собственному труду повторено было обещание приступить к печатанию Сибирской летописи, «очистив прежде оные от басней, который не принадлежат к сему делу».[7]

---

[1] Проект предисловия (см. ниже, стр. 162).
[2] Описание Сибирского царства, гл. V, § 76.
[3] Материалы для истории Академии Наук, X, стр. 9.
[4] Материалы для истории Академии Наук, X, стр. 443.
[5] П е к а р с к и й. История Академии Наук, I, стр. XXVII.
[6] S c h l ö z e r s öffentliches und Privat-Leben, стр. 59, 66/69.
[7] Материалы для истории Академии Наук, X, стр. 9, 121.

*

Ученик Менке Миллер еще до Шлецера поставил вопрос о методах научного издания источников. При печатании начальной летописи он «настаивал на необходимости предварительно произвести сравнение нескольких списков для того, чтобы избегнуть грубейших описок переписчиков, и возражал против модернизации орфографии, но его не слушали». [1] «Лучший способ» издания представлялся ему тот, «ежели тот список, который за самый лучший и за обстоятельнейший почитается, от слова до слова верно... напечатается, а из прочих разные речения (разночтения), которые в самой вещи разность делают, присовокуплены... будут».[2] Таким образом в вопросе об издании источников Миллер является проводником новых строго научных методов, которые лишь очень не скоро были восприняты русской наукой. Правда, приемы подготовки к печати актов, допущенные Миллером, вызывали критику с точки зрения археографии конца XIX в. Н. Н. Оглоблин указал на ряд дефектов в тех копиях, которые под его наблюдением были сделаны в Сибири. Но вряд ли можно ставить в вину Миллеру те недочеты, которые были допущены малограмотными переписчиками, которых ему предоставляли местные канцелярии, при полной невозможности за недостатком времени самому производить сверку. Наоборот, можно удивляться, что при таких условиях работы копии получились настолько удовлетворительны, что ими можно пользоваться до сих пор.

Ограничивался ли Миллер собиранием источников? Обладал ли он в достаточной мере уменьем и охотой к научной их обработке? Словом, был ли он, по терминологии Шлецера, не только выдающийся Geschichtssammler, но и Geschichtsforscher. Эти вопросы неоднократно ставились в историографической литературе и разрешались не всегда благоприятно для нашего автора. Шлецер резко отозвался о критических приемах Миллера: «очевидно, — пишет он, — сам Миллер ничего не смыслил в исторической критике». [3] Ученик Михаэлиса был, однако, неправ. Конечно, Миллер не может итти в сравнение с знаменитым создателем методики научной исторической критики, но у него мы найдем в основном все те приемы критического обследования источников, которые впоследствии были так блестяще обобщены в стройную систему Шлецером. Он производит тщательную формальную поверку своего источника, делает различие между подлинником и позднейшей копией, в которой «можно надеяться,... что и описки... находятся». [4] В Ремезовской летописи он первый сумел выделить «прибавленные» листы и установить, что «объявленные на оном (месте) приключения истинны быть могут, токмо не в надлежащем месте положены». В некоторых случаях, как, напр., в рассказе о пушках Кучума, он отмечает повторность сообщения.[5] С большой скрупулезностью он устанавливает время написания источника, которым он

[1] Schlözers öffentliches und Privat-Leben, S. 68.
[2] Ежемес. соч., 1755, I, стр. 277.
[3] Schlözers öffentliches und Privat-Leben.
[4] Описание Сибирского царства, гл. II, § 12.
[5] Там же, гл. III, §§ 10, 52.

пользуется, на основании заключающихся в нем дат. Так, про Ремезовскую летопись он пишет, что «упоминаемые в ней 7158 и 7159, т. е. от рождества христова 1650 и 1651 годы, явно свидетельствуют, что она сочинена после вышеописанных общих летописей». Разбираясь в содержании летописных известий, он признавал, «что все бывшие случаи оных лет не тогда, когда учинилися, но по прошествии многих лет по словесным только объявлениям записаны». [1]

Далее, он сравнивает критически различные редакции и отметает те или иные известия «за великою хронологическою трудностью и за несходством с прочими приключениями», не боится «некоторых сибирских летописей известия отвергать, иногда инако толковать, а иногда и поправлять». [2]

С точки зрения формальной критики исключительный интерес представляют те страницы Миллера, где он дает свою схему возникновенья сибирского летописанья, схему, которая по существу с некоторыми поправками может считаться в настоящее время общепризнанной. Протографом—«основанием, по которому после другие писать продолжали» — он считает «письменное известие», поданное казаками, современниками Ермака, архиепископу Киприану. Это «письменное известие» и послужило «к сочинению» общих летописцев и соборного синодика, которому Миллер придавал очень большое значение, как первоисточнику, и «сей ради причины упоминал... об оном синодике неоднократно в сей истории».

Среди известных Миллеру «общих (точнее простых) летописцев», в основе которых лежал указанный протограф, «старейшей» он считал и ставил выше остальных так наз. Есиповскую летопись, [3] во-первых, как точно датированную (1636), «во-вторых, в первоначальных случаях... против прочих полнее и обстоятельнее», наконец, как составленную, по ошибочному предположению Миллера, современником описываемых событий, который будто бы «принадлежал к обществу Ермака Тимофеева и то, что он писал, сам видел». [4]

От «общих» или «простых» летописей Миллер отличает Ремезовскую летопись (иначе «Тобольский летописец»), которая составлена позже, «после вышеписанных общих летописей», а именно после 1650—1651 гг.; еще позже, «после первого сочинения», в нее включено несколько листов.

---

[1] Описание Сибирского царства, гл. II, §§ 74, 89, гл. III, §§ 45, 48.

[2] Проект предисловия; Описание Сибирского царства, гл. III, § 33. Ежемес. соч., 1764, I, стр. 400.

[3] Миллеру осталась неизвестна Строгановская летопись, изданная Спасским в 1843 г.

[4] Это утверждение основано на недоразумении. Автор Есиповской летописи только *ссылается* на отзывы очевидцев: «ино-ж от достоверных муж испытах, иже очима своима видеша и быша в та лета» (Сибирские летописи, изд. Археогр. ком., стр. 170). Очевидно, Миллер неправильно прочел последнюю фразу.

Наконец, некоторые списки «общих летописей» доведены «до конца минувшего столетия» и дополнены «росписью о строении в Сибири городов и острогов и о бывших в них воеводах», которая «каким-нибудь иным сочинителем прибавлена». [1]

Такова ясная и отчетливая схема сибирского летописанья, как ее представляет себе Миллер, и надо сказать, что последующая историография своими спорами о Строгановской и Есиповской летописях и о Синодике внесла лишь путаницу в вопрос, в основном им разрешенный. [2]

Не менее заслуживают внимания соображения Миллера о тех татарских летописях, на которые ссылаются общие русские летописи. Миллер очень усиленно разыскивал их у татар и, не найдя, пришел к совершенно правильному выводу, что таковых вообще не существует, и что известия о Сибирском царстве составлены на основании устных преданий: «разве татарскими летописями названо то, что русские по своем приходе в Сибирь, услышав у татар, о татарских приключениях записали». Это тонкое наблюдение делает, несомненно, честь критической осторожности историка, и можно только пожалеть, что последующие исследователи, изучавшие Сибирское летописанье, не всегда держались такой осторожности. [3]

Строгая научность критических методов Миллера позволила ему порвать и порвать резко с теми лженаучными исследовательскими приемами, которые господствовали в феодальной историографии.

Древнейшая история европейских народов строилась в средине XVIII в. почти исключительно на безграмотном сопоставлении одинаково звучавших исторических названий.

К числу таких откровений научной мысли первой половины XVIII в. относится производство названия Сибири от «тибаренцев» и «иверцев», Тобольска от Тубал-Каина и т. д. Миллер выступил с чрезвычайно резким возражением против таких научных методов писателей, «которые токмо сходство имен к историческим доказательствам почитают». «Из древних историков-землеописателей, — писал он, — имена народов, рек и земель собирать и с именами вновь найденных народов, рек и земель, о которых древние никакого известия иметь не могли, сносить; в самых мелких и неважных обстоятельствах между древними знаемыми и новыми незнаемыми народами сыскивать некоторое подобие или, где подобия нет, обстоятельства в свою пользу толковать превратно, к тому же сравнения, рассуждения, следствия и доказательства, которые к основанию истории служить должны, из того выводить: сие, по моему мнению, не способствует к снисканию имени предосторожного и беспристрастного истории писателя».

---

[1] О Сибирском летописаньи см. Проект предисловия и Ежемес. соч., 1764, I, стр. 399—400.

[2] См. С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири XVI и XVII вв., вып. I, М., 1928, Очерк первый. Сибирское летописанье и Дополнения и поправки, стр. 77—179.

[3] Проект предисловия (ниже, стр. 161).

Он предпочитал поэтому «древние истории о народах, за неимением основательных доказательств, в прежней темноте оставить, нежели сообщать к ним ложное изъяснение».[1] Такие взгляды были в значительной мере революцией в области исторической науки, революцией, которая с точки зрения правящих классов тогдашней феодальной России была политически опасна, поскольку потрясала веру в авторитет и разрушала «мнения, столько стоившие сочинителям, работавшим для прославления нации». Это дали понять очень недвусмысленно Миллеру в 1749 г., когда он, не довольствуясь историей Сибири, попробовал приложить свои критические методы к изучению древнейшей русской истории. Все это было ново и смело.

Надо помнить, что Шлецер был ученым уже следующей эпохи, что его учитель, знаменитый Михаэлис, создатель критики библии, свои критические приемы еще употреблял на доказательство достоверности всех фактов, сообщаемых «священным писанием». Не только не умели и считали опасным вникать в степень достоверности того или иного источника, — не умели отличить первоисточника от позднейшей исторической компиляции: «начальную летопись от «Синопсиса Киевского» и от произведения Стрыйковского».[2]

Таким образом в лице Миллера мы имеем не простого собирателя материалов. Перед нами выступает крупная фигура исследователя, пролагавшего новые пути в дебрях феодальной науки. Более того, Миллер не только приложил к сибирскому материалу буржуазные методы исторического исследования, порывавшие со старым некритическим отношением к историческим источникам, но сам был одним из наиболее крупных создателей этих новых методов, может быть, не столь блестящий и яркий, не столь талантливый, как Шлецер, но не менее его сделавший для развития буржуазной исторической науки.

IV.

Миллеру пришлось испробовать силы и на историческом повествовании. Он не только собрал и разработал источники, но попытался изложить изученные им исторические события в виде связного рассказа, и тут как Geschichtserzähler он тоже имеет свои большие заслуги. Он дал хороший, основанный на документах, всесторонне проверенный, систематический и очень подробный очерк истории завоевания Сибири, в котором все на своем месте, все ясно, отчетливо и все достоверно; малейшее сомнение дебатируется, обсуждается на глазах у читателя, и вывод дается продуманный до мелочей.

---

[1] Описание Сибирского царства, гл. I, § 45. Ср. отзыв Ломоносова о речи Миллера (Пекарский. История Академии Наук, II, стр. 89).

[2] Билярский. Материалы, стр. 761. Пекарский. История Академии Наук, II, стр. 899—900.

И тем не менее эта сторона труда Миллера не имеет такого крупного принципиального значения, как подготовительные к ней работы.

Здесь проявляется слабая сторона научной работы Миллера, как историка: отсутствие широкого исторического мировоззрения. Из школы он, повидимому, такового не вынес. Те смелые по своей новизне исторические концепции, которые начинают складываться под влиянием революционной буржуазной литературы, очень мало его коснулись.

Вико с его гениальным построением истории человеческого общества был ему совершенно неизвестен, как, впрочем, и большинству современных ему немецких историков. Какие-то смутные представления о теории «естественного права», господствовавшей в XVIII в. в новой западноевропейской науке, лишь случайно находят себе отражение в его сочинениях, когда он говорит о «природной вольности» «сибирских народов», о «природном беспорочии» «прежних владельцев оные земли»; [1] но чувствуется, что это — общие места, не продуманные, схваченные понаслышке.

В области этнографии можно, впрочем, заметить влияние Лейбница, которое позволило ему поставить эту отрасль знаний на подлинно научную высоту и порвать сореднями средневековой исторической этнографии.

Всего этого было мало, чтобы создать научную концепцию, тем более, что не видно, чтобы Миллер питал особый вкус к широким обобщениям. Он видел основную цель своих работ в эмпирическом восстановлении факта, иногда переходившем в «мелочную излишность».

За время пребывания в Сибири он совершенно отстал от западноевропейской науки, по собственному его выражению, «книг иностранных исторических, кроме касающихся до Российского государства, не читывал», и Шлецер в 60-х годах нашел его отставшим от литературы, в которой он, по его язвительному замечанию, был «поистине невеждою» (ein wahrer Ignorant).[2] Может быть, в этом была доля преувеличения. Шлецер, яркий представитель нового нарождавшегося направления в исторической науке, смотрел на Миллера, как на крупного представителя старого поколения ученых, которое молодежи предстояло сменить и заменить, и, может быть, немножко, как на соперника.

В общем, Миллер, не прокладывая новых, своих путей в области исторической философии, как он это делал в методах исторической техники, стоял всетаки на уровне исторической науки средины XVIII в. «В ту пору, по собственному выражению Шлецера, знатными людьми среди народа историков были исследователи, критики, даже собиратели вариантов; они-то имели первое слово». Такого типа ученым и был Миллер. Он — иссле-

---

[1] Описание Сибирского царства, гл. I, § 5, гл. V, § 1.

[2] Schlözers öffentliches und Privat-Leben», стр. 102. Пекарский. История Академии Наук, I, стр. 362.

дователь документа, и от него не приходится требовать смелой попытки создать новую, отражающую определенный переход к буржуазной идеологии, историческую концепцию.

Насколько высоко поставил Миллер технику исторического исследования, настолько же он был беспомощен в области общих построений. Проводник новых буржуазных методов работы над историческими источниками, он оказывается в плену устарелой феодальной идеологии. Недаром Шлецер нашел его, при знакомстве с ним, на 30 лет отставшим от западноевропейской исторической науки.

Его общая концепция наивна и отзывается взглядами историков-богословов XVII в. Историческими событиями, как и жизнью человека, руководит — «щастие», иначе говоря божий промысел. «По всякой справедливости, — рассуждает он глубокомысленно, — щастие, равномерно как и душевные дарования подлежит причитать к невидимым, а к подлинным сущим преизящным человеческим свойствам, потому что, когда не служит щастье, тогда и самое острое рассуждение и всякая мудрость знатными делами прославить не могут». Это не простое заявление profession de foi провинциального историка из Герфорда, это полемика с рационалистическим пониманием истории в современной буржуазной историографии. [1] «Щастие» служило «россиянам» в их движении за Урал и, благодаря этому, все их «дела» «щастливо... происходили». [2] «Милосердое провидение» спасает русских моряков от гибели и «щастие» дарует им «прибежище». [3] Провидение же олицетворяет идею возмездия. Напрасно «злодеяния» ранней жизни Ермака «следующими добрыми делами очищены и заглажены и от его царского величества чрезвычайною милостию ему прощены» — он всетаки гибнет со всеми своими товарищами: «кажется, что неминучее отмщение за худые дела здесь еще произвело свое действие, потому что, повидимому, на сем описанном бою по большей части достальные казаки, которые на Волге реке с Ермаком разбои чинили и столь много невинной крови пролили, вместе с их предводителем жизнь свою скончали». Эта детская морализующая философия еще преподносилась публике, как выражение большого научного глубокомыслия, в то время как на Западе революционно настроенная буржуазия уже строила на развалинах старого феодального провиденциализма свое новое рационалистическое понимание истории.

Феодальная русская историография XVII в. выработала определенную идеологическую концепцию завоевания Сибири. Завоевание мотивировалось и оправдывалось религиозными целями: «Ермака посла бог очистити место и победити бусурманского царя Кучюма и разорити боги мерския и их нечестивыя капища», и в результате победы «на тех местех поставишася гради, и воздвигошася святыя божия церкви и прибежище христианом, во славо-

---

[1] Описание Сибирского царства, гл. III, § 65.

[2] Там же, гл. V, § 6. Ежемес. соч., 1764, I, стр. 129.

[3] Ежемес. соч., 1758, II, стр. 226.

словие отцу и сыну и святому духу». [1] Эта теологическая концепция уже не могла удовлетворить читателя XVIII в., которому, не исключая даже церковной интеллигенции, претили «лжи явственные» и «другие многие неимущие истины». [2] Религиозная миссия уже не импонировала поклонникам Вольтера. Возникает другая идея, не менее абсолютная, не менее жестокая — идея государственной пользы. Если для историка XVII в. христианство было той высшей целью, во имя которой совершалось беспощадное избиение сибирских «бусурман», то для историка XVIII в. подчинения «вероломных» «идолопоклоннических народов» требовала польза государства. Эта точка зрения пронизывает насквозь все произведения Миллера. Феодальная агрессия на восток мотивируется тем, что «в Сибири еще много полезного учинить можно присовокуплением тамошних народов к Российской державе». [3] Содействие «неслуживых людей» в борьбе с туземцами объясняется их желанием «быть полезными отечеству». [4] Постройка Томска совершается «с немалою тамошней стране пользою». [5] Точно также постройка крепостей одобряется, потому что «Российское государство впредь (от того) пользы ожидать может». [6] Борис Годунов своими мероприятиями в Сибири имеет целью «приращение государственной пользы». [7] Все, что «в пользу России служить может», считается целесообразным. С точки зрения государственной пользы оправдываются и насильственные действия в отношении туземцев. Миллер, выражая настроение верхов русского общества, резко осуждает «злодеяния» Ермака и его казаков на Волге, но их разбойническую деятельность в Сибири он признает высоко полезной; поэтому безоговорочно повторяет он соображенья казаков: «ежели они в Россию возвратятся, то нет иного способа к их пропитанию, как попрежнему на Волге жить разбоем, и тогда должно им убивать свою братию христиан... а здесь им убивать будет только бусурман». [8] Чтобы лучше обосновать государственную целесообразность захвата Сибири, он в своих произведениях ярко живописует экономические возможности, которые открываются для русского феодализма в Зауралье. Эту цель преследует описание, напр., природных богатств Томского края и Приамурья.

Такова исходная точка, от которой Миллер строит всю свою схему истории Сибири. Основным вопросом, вокруг которого вертится все повествование — это завоевание Сибири русскими, присоединение ее к «Российской державе», и этот вопрос заслоняет все прочие, составляет главное содержание всей истории колонизации. «Описание Сибирского царства» прежде всего должно изобразить в конкретных фактах, как «российское могущество еже-

---

[1] Сибирские летописи, изд. Археогр. ком., стр. 22, 23, 122—125, 164—166 и т. д.

[2] Пекарский. История Академии Наук, I, стр. XVII.

[3] Описание Сибирского царства, гл. IV, § 24.

[4] Ежемес. соч., 1764, I, стр. 127.

[5] Описание Сибирского царства, гл. V, § 44.

[6] Ежемес. соч., 1760, I, стр. 4.

[7] Описание Сибирского царства, гл. V, § 23.

[8] Там же, гл. II, § 79.

годно более и более мест и народов к прежде покоренным присовокупляло», потому что «с начала распространение границ, есть-ли не одним, то главнейшим было намерением».[1] Миллер рисует русскую экспансию за Уралом в восторженных выраженьях. «Когда в историях других государств рассмотрим изобретение (открытие), взятие и наполнение народом чужих и незнаемых земель, — говорит он, — и с тем в сравнение приведем то, что со стороны российской в Сибири учинено, то примечается здесь перед всеми прочими государствами столько особливого чудесного, что не скоро найдется сему подобных примеров, и потомки наши едва могли бы поверить, ежели бы не все, что в следующей истории объявлено будет, на достовернейших... доказательствах утверждалось».[2] Итак, цель исторического исследования Сибири одна — сохранить для потомков историю ее завоевания. Это апофеоз успехов феодальной экспансии.

В историческом труде, рассчитанном на широкое распространение среди не только русской, но и европейской публики (как известно, в 1761 г. первые 10 глав вышли на немецком языке, а позже Фишер по поручению Академии выпустил тоже на немецком языке в переработанном виде сокращенное издание всей работы Миллера в целом), нельзя было, однако, ограничиться изображением «славных дел» и побед россиян. Надо было сгладить темные стороны завоевания. Вопрос о методах завоевания и об отношении завоевателей к туземному населению должен был быть представлен, по мере возможности, в красках, благоприятных для «чести» России. Красною нитью проходит через все сочинение Миллера мысль о добровольном характере подчинения сибирских народов Российской державе и о применении в отношении их насильственных мер лишь в крайности. «Языческие народы, — писал он, — не зная еще никакой чужестранной власти и препровождая жизнь свою в природной вольности, сим страшным гостям противились весьма редко; а где от какого народа было сопротивление, там с российской стороны употреблена сила, пока знатнейшие из оного можно было взять в аманаты».[3]

Угощенья и подарки «много способствовали, что народы к послушанию и к ясачному платежу приклонялись».[4] В основе Миллер стремится показать, что завоевание производилось гуманными средствами. Ермак после взятия Сибири «начал себя оказывать не так, как ненасытный разбойник, но как милостивый государь, который тем доволен, что подданные безобидно принести могут».[5] Когда управление Сибирью перешло непосредственно в руки правительства, то, как общее правило, «тихость, ласковое уговаривание, дружеское угощение и подарки везде употреблять повелено»; только там,

---

[1] Ежемес. соч., 1764, I, стр. 4. Основная установка на историю захвата Сибири с полной очевидностью выступает в инструкции Фишеру (ГАФКЭ, Портфели Миллера, № 526, I, т. I, § 9).

[2] Описание Сибирского царства, гл. II, § 1 (опущено в издании 1761 г.).

[3] Там же, глава V, § 1. Ср. о добровольном подчинении тунгусов — Ежемес. соч., 1764, I, стр. 43.

[4] Ежемес. соч., 1764, I, стр. 227.

[5] Описание Сибирского царства, гл. II, § 90.

«где такое не поможет», разрешалось «употреблять и строгость, чтобы постигнуть предприпятого намерения». [1] Однако и тут оказывалось всевозможное снисхождение: даже знатные татарские пленники в Москве «по их природе честно были приняты и пожалованы вотчинами дабы им жить во всяком довольствии». [2]

Но, говоря словами самого Миллера, «как все сии дела щастливо ни происходили, однако же иногда и противности оказывались, которые наипаче в тогдашние времена могли бы произвесть худые следствия, ежели б для прекращения оных надлежащие и способные... средства в скорости употреблены не были». «Я говорю здесь о частых бунтах языческих сибирских народов, — чистосердечно поясняет историограф, — чтоб возвратить себе потерянную прежнюю вольность». [3] Поэтому для упрочения русской власти приходилось прибегать к оружию, и Миллер оправдывает применение военной силы необходимостью самообороны. «Какого-же о сибирских учреждениях добра надеяться можно было, — восклицает он по поводу Кучума, — ежели-б столь опасного неприятеля в покое оставить и тем бы ко умножению силы его подать случай». Ни одного набега бывшего сибирского хана «без отмщения пропустить не надлежало, дабы тем к иным худым следствиям не подать причины». [4] Причина неудачи борьбы с енисейскими киргизами в том и заключалась, что им «толь многие продерзости проходили... без отмщения». [5] Походы на калмыков мотивируются необходимостью их «наказать за причиняемые ими набеги» и «от толь несносных гостей обороняться вооруженной рукою». [6] Поход на Пелым точно также имел задачей «отвращение происходивших от татар набегов». [7] Постройка острогов должна была «ясачные народы» «привесть в безопасность» от набегов неприятеля и т. д. [8] Итак, в деле завоеванья, как общее правило, применялась «тихость», в исключительных случаях — «справедливая строгость».

Оправдать эту «строгость» было тем легче, что Миллером туземцы — «идолопоклоннические народы» — рассматривались, как низшая раса; об остяцком народе он прямо отзывается, как о «мало смышленом». [9] Зато те из них, которые оказывали сопротивление русскому завоеванию, получают от него самые нелестные характеристики; он не щадит красок для изображения «свирепости и хищности» киргизов, «хищного сего народа», «неспокойного и вероломного». [10]

---

1 Ежемес. соч., 1764, I, стр. 234; ср. там же, стр. 237.
2 Описание Сибирского царства, гл. IV, § 15.
3 Там же, гл. V, § 6.
4 Там же, гл. IV, § 21.
5 Ежемес. соч., 1764, I, стр. 319.
6 Там же, стр. 106, 115.
7 Описание Сибирского царства, гл. IV, § 25.
8 Ежемес. соч., 1764, I, стр. 221; 1764, I, стр. 4.
9 Описание Сибирского царства, гл. II, § 83.
10 Там же, гл. V, §§ 80, 86.

Взгляды Миллера на политику в отношении туземцев и на «меры, как поступать с языческими народами», страдают некоторой противоречивостью. С одной стороны, он как будто считает более целесообразным не возбуждать их против русского владычества слишком жестокими мерами и признает необходимость кротости для удержания их в повиновении, так как «кротостью и ласковыми словами» можно было иногда легче привести «к послушанию». «Сибирская история нас удостоверяет, — говорит он, — что когда с покоренными ласково поступали, тогда они без труда ко всему охотными себя показывали, что от них требовано было; напротив того, неукротимое упрямство и свирепство оказывали, когда им какие оскорбления чинилися». [1] Он рекомендует политику покровительствования верхушке туземного общества: «для содержания в подданстве и в послушании тамошних народов, — говорит он в другом месте, — необходимо надлежало о том пещися, как бы склонить их владельцев». В чем должна была заключаться эта «ласка», показывает следующая идиллия, которую он рисует по поводу отношения властей к туземцам: «Призывание в города и остроги по большей части имело хорошее действие. Подчивали их довольным кушаньем и крепкими напитками, кои в то время большому числу сих людей еще неизвестны были. Дарили их всякою домашнею и поваренною посудою и к промыслу зверей принадлежащими орудиями, которые были им гораздо полезнее и приятнее, нежели когда их осыпали великими сокровищами, коих употребления они не знали. Обрадовали их украшениями, кои им как к великолепию, так и к отличию для полученной милости у их равных служили на одеждах, и от часу более привлекали к тому охотников». [2] Рекомендуя «ласку», Миллер допускал и «богопремудростный обман», как бы сказали люди XVI в.: упорных можно было «изловить ласкою и учинить им пристойное наказание». [3]

Но основным принципом колониальной политики должен быть спасительный «страх», потому что «дикие народы не знают рассуждать о милости, им оказуемой, из великодушия ли она или из страха происходит; они склонны представлять себе последнее, и ничем лучше, как справедливою строгостию, в послушании содержаны быть могут». [4] Поэтому «нужда требовала над непокорливыми... для страху прочих, которых впредь к послушанию привесть долженствовало, показать образец казни». [5] По этим соображениям Миллер приветствует сожжение Тунусского городка, как меры устрашающей: «страх, который от того соседственные жители почувствовали», принудил их «добровольно сдаться» и дал возможность обойтись «без дальних насильственных способов». [6] Точно также и киргизы «весьма бы охотно покорились, ежели-б сперва с большею строгостью с ними поступить возможно было»;

---

[1] Описание Сибирского царства, гл. V, §§ 57, 78.

[2] Ежемес. соч., 1764, I, стр. 227.

[3] Описание Сибирского царства, гл. IV, § 30.

[4] Ежемес. соч., 1764, I, стр. 129.

[5] Описание Сибирского царства, гл. III, § 11.

[6] Там же, гл. IV, § 82.

наоборот, упрямство у непослушников умножилось, видя, что они за свою продерзость без наказания оставлены». [1] Итак, надо было добиться, чтобы «Сибирь трепетала российского имени». [2]

Попытки туземцев отстоять свою независимость Миллер рассматривает, как «бунт», «злодеяние», «дерзновенное предприятие»; отказ платить ясак, как «продерзость» «бунтовщиков», хотя бы они никогда не были покорены, так как платеж ясака составляет «должность» туземцев. [3] Сопротивление Кучума объясняется его «жестокосердием»; [4] его попытки вернуть себе свой юрт — стремлением «получить себе только какую добычу» и к «грабежу охотой». [5] Его поддерживали те, кто «для своих здодеяний удалиться принуждены были». [6] Истребление Махмет Кулом отряда казаков расматривается как «неповинное кровопролитие», требующее «отмщения». [7] Если восставшие не явятся «с повинной в учиненном ими злодеянии», то должны принять «достойное им наказание», а зачинщики «в пример другим достойную за то казнь». [8] С эпическим спокойствием повествует Миллер про анаулов: «хотя они числом были и немноголюдны, однако-же являлись весьма противны, того ради истреблены все в краткое время». [9] В целях ослабить способность сибирских народов к сопротивлению, Миллер считает «пристойным» запрешение продажи им железа, «дабы из железных инструментов не сделали себе оружия и оным-бы малому числу россиян вреда не учинили». [10]

Сурово осуждая «бунтовщиков», Миллер стремится доказать, что положение туземцев под русской властью было нетяжелое. Ясачные люди, по его словам, «во весь год живут в покое и с промыслу своего небольшую токмо долю в казну платят». Еще лучше чувствовали себя те из туземцев, которые были приняты на «государеву службу», что, если ему верить, «у сибирских народов за немалую честь и за подлинное свидетельство положенной на их верность надежды почитается, и редко случалось, чтобы они когда оную нарушали». [11]

Миллер, конечно, слишком добросовестен, как историк, чтобы отрицать факты притеснения коренного населения со стороны русской администрации и служилых людей. С неодобрением отзывается он о «жестоких поступках» ермаковских казаков, которые так грабили вогуличей, что «и так сей бедный

---

[1] Описание Сибирского царства, гл. V, § 83.
[2] Там же, гл. IV, § 1.
[3] Там же, гл. V, §§ 55, 66, 81. Ежемес. соч., 1764, I, стр. 315.
[4] Описание Сибирского царства, гл. III, § 7.
[5] Там же, гл. IV, §§ 20, 92.
[6] Ежемес. соч., 1764, I, стр. 105.
[7] Описание Сибирского царства, гл. II, § 93.
[8] Ежемес. соч., 1764, I, стр. 123, 124, 130, 237.
[9] Там же, 1758, I, стр. 13.
[10] Там же 1764, I, стр. 23.
[11] Описание Сибирского царства, гл. V, § 53.

народ в их жилищах нагих и голодных оставили». [1] Он не скрывает, что и позже имели место «некоторые худые поступки при сборе ясака с сибирских народов», [2] что к восстаниям туземцев иногда побуждало «некоторое насильство» воевод и казаков; [3] он даже признавал, что с завоеванием «была еще сопряжена партикулярная корысть, что обыкновенно получали хорошую добычу». [4] Но и тут он стремится реабилитировать воевод, поскольку «всеобщее есть обыкновение у всех восточных, а особливо у сибирских народов, чтоб приезжающих гостей, а паипаче воевод и других начальников дарить небольшими подарками». Правда, «сие сибирским воеводам весьма полюбилось; а понеже притом часто бывало, что любящие чрез меру собственную корысть, теми добровольно принесенными подарками не удовольствуясь, всякими насильствами еще другие вымучивали, то иного следствия из того произойти не могло, кроме токмо что народ... приведен был в отчаяние, так что не щадил и живота своего, ежели хотя малая надежда ко освобождению его от такого владения оказалась». Однако, такие воеводы были исключением, и можно было только сожалеть, что «народ, не рассуждая, что сии оскорбления ему чинятся от малого только числа людей, почел оные за порок всем общий». [5] И во всяком случае центральная власть в этом грабеже была не причем; ясачные люди страдали только от того, что «воеводы более от них требовали, нежели, сколько они дать были в состоянии или чего по силе царских указов с них сбирать надлежало». [6] А если они обращались непосредственно к верховной власти, то на их ходатайство следовал «милостивый указ». [7]

Таким образом Миллер выступает в своем произведении идеологом феодальной экспансии и горячим апологетом тех методов эксплоатации коренного населения, какие применялись в Сибири в XVI—XVIII вв. Но, как представителя буржуазной интеллигенции, Миллера не могла не интересовать и другая сторона захвата Сибири — вопрос о «наполнении (ее) народом», о колонизации, которая впоследствии сделалась популярной темой буржуазной историографии Сибири. Этой теме он посвящает, впрочем, меньше внимания. Он и тут чрезвычайно добросовестно точен, но вместе с тем и этот вопрос он подчиняет основной теме своего исследования — истории завоевания и изучает его в первую очередь с точки зрения завоевания. «Надежда от часу основательнее и тверже начала становиться, что в Сибири еще много полезного учинить можно, — пишет он, — чего ради паче всего было нужно, чтоб тамошние места более российскими жителями наполнить, дабы завоеванных народов содержать в послушании и впредь бы оных от часу

[1] Описание Сибирского царства, гл. II, § 41.
[2] Ежемес. соч., 1764, I, стр. 31.
[3] Там же, стр. 104.
[4] Там же, стр. 127.
[5] Описание Сибирского царства, гл. V, § 7.
[6] Там же, гл. V, § 57.
[7] Ежемес. соч., 1764, I, стр. 27.

более присовокуплять к Российской державе».[1] Миллер дает замечательную характеристику деятельности промышленных людей, как предшествовавших военной оккупации и подготовивших для нее почву в Сибири, но рассматривает эту деятельность исключительно с точки зрения пользы для дела завоевания. «Понеже о Сибири известно, — говорит он, — что она в первое время дорогою мягкой рухлядью препзобиловала, то наипаче примечания достойно, что сие изобилие весьма служило к распространению с немалым успехом в сих странах российской власти,[2] ибо оным привлечено в Сибирь множество людей из областей российских не токмо для прибыльных тамошних торгов, но чтоб и за находящимися там в великом множестве дикими дорогими зверьми самим ходить на промыслы... Оные промышленные отваживались заходить в наидальнейшие дикие места и тем получали как о подлинном тамошних стран состоянии, так и о жителях такие известия, которые начальствующим в построенных уже городах необходимо нужны были для получения в дальних своих предприятиях доброго успеха. Когда казаки новоприисканных народов покорять не были в состоянии, то множество промышленных добровольно казакам чинили вспоможенье. Одни за другими всегда ходили далее внутрь земли».[3] Роль промышленников в деле открытия и освоения Сибири вскрыта таким образом с исключительной ясностью и конкретностью, но освещается только со стороны их участия в завоевании страны.

В тесной связи с общей точкой зрения своего труда Миллер выдвигает вопрос о военной колонизации Сибири. Он подчеркивает военное значение основанных в Сибири городов: постройка Тобольска послужила «началом и основаньем твердого владенья, которым вся земля взята и во всегдашнем подданстве содержана была».[4] Города и остроги приходилось «снабдевать особыми командирами и гварнизонами». «Ежели предпринимаемым для дальнего расширения российской власти в тамошних странах... намерениям без удачи не пресечься», то «необходимо надобно (было) имеющееся... казацкое войско умножить».[5]

Однако, — это важно отметить, — Миллер ограничивает основную военную задачу колонизации первым периодом завоевания. Новый период начинается с царствования родоначальника династии Романовых. «Тогда вообще, — говорит он, — начинали Сибирь строением новых слобод больше населять и особливо помышляли о земледельстве вместо того, что прежде при заложении сибирских городов и острогов одно токмо покорение тамошних народов и ясашный сбор с оных были главным предметом».[6] Так осторожно выступает в сочинении Миллера новый момент в истории колонизации Си-

[1] Описание Сибирского царства, гл. IV, § 24.
[2] Разрядка наша. *С. Б.*
[3] Описание Сибирского царства, гл. V, § 1.
[4] Там же, гл. IV, § 9.
[5] Там же, гл. V, §§ 1, 66.
[6] Ежемес. соч., 1764, I, стр. 483.

бири, тот момент, который впоследствии был так широко развит буржуазной историографией — роль русского завоевания в деле развития производительных сил Сибири и в распространении в ней более высокой экономической культуры. Главным фактором и тут является государство, приобретающее под пером Миллера черты, свойственные «просвещенному абсолютизму». «Всячески старались о населении Сибири,—пишет он,—и всевозможные способы к тому употребляли»; в частности, «новым поселянам давали деньги и хлеб из государевой казны». [1] Миллер при этом очень усиленно подчеркивает вольный характер крестьянской колонизации, — опять мотив, который буржуазная историография очень любила впоследствии выдвигать на первый план: «поселяне... все добровольно сысканы; охотников нашлось множество, потому что в оное время всякому государеву крестьянину было вольно из России в Сибирь переселяться». [2] Однако и в вопросе о «вольной колонизации у Миллера нет полной последовательности. Под влиянием тех общих условий, в которых он жил в России, он расхваливает феодальное методы эксплоатации земель в Сибири. «К заслугам архиепископа Киприана» он считал возможным «и сие причислить, что он положил основание доходам архиерейским в Тобольске и о том старался, чтоб в пустых странах завести земледельство». [3] Очень высоко он ставил деятельность на Алтае известного заводчика Ак. Демидова, которого «следует благодарить за то, что он положил основание настоящему цветущему состоянию Барнаульского округа и начало заселения этих совершенно до того пустынных областей». Значение колонизации Миллер видел в том, что она способствовала мирному захвату территории. Так, по его мнению, колонизаторская деятельность Демидова на Алтае подготовила калмыков к русскому владычеству. [4]

Наконец, Миллер коснулся еще одной темы, которая впоследствии стала популярной в буржуазной историографии — о просветительной роли завоевателей; он, впрочем, понимал просвещение в узком церковном смысле, так же, как понимали его предшествовавшие ему авторы летописных повестей. С этой точки зрения он считал основание архиепископии в Тобольске за «важное обстоятельство, до Сибири относящееся и много добра производившее». «Похвальный архиепископ» Киприан выступает у него в качестве доброго гения колонии: «толь ревностный и собственным своим примером учащий учитель, как сей, был потребен, чтоб многие беспорядки и худые обыкновения по данной ему власти... отвратить своими поученьями и добрыми учрежденьями»; он же являлся в столице предстателем о нуждах Сибири и «потребности всех ему порученных членов сильнейшим образом рекомендовать старался». Но и через Киприана действовал тот же «просвещенный абсолютизм» в лице царского отца—патриарха Филарета,

---

[1] Ежемес. соч., 1764, I, стр. 519.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 415, 417
[4] Материалы для истории Академии Наук, VI, стр. 358.

который «поощрял» архиепископа к искоренению «тамошних беспорядков». [1]

Таково общее построение сибирской истории у Миллера, отражающее то противоречие, которое было в личности самого автора. Официальный идеолог феодальной экспансии он, как представитель «третьего сословия», намечает, но робко, и те пути, по которым пойдет буржуазная историография, отмечает культурное значение русской колонизации, хотя и не так последовательно, как он развивает свою основную тему о завоевании. Экскурсы в области колонизации — только дополнение к той картине успехов русского оружия в Зауралье, которой посвящено все его произведение.

В общем итоге его схема поражает своей наивной элементарностью. Прекрасно разработав фактический материал, Миллер в области общих построений недалеко ушел от архиепископского дьяка Саввы Есипова и тобольского сына боярского Семена Ремезова. Причины, не позволившие ему всесторонне разработать свою концепцию истории Сибири, лежали вне его. Миллер состоял на платной работе у русского правительства, «содержался на великом жалованьи», стоил, по тогдашним представлениям, недешево. И если он пользовался «немалым иждивением», то от него ожидали соответственной работы на «пользу» нанявшего его государства. Поэтому, создавая свою схему сибирской истории, он должен был так или иначе угождать вкусам заказчика, а заказчиком был крупный русский помещик, в интересах которого был в свое время произведен захват Зауралья и осуществлялась эксплоатация дальней колонии. Он должен был принимать меры к тому, чтобы его концепция «была приятна российским слушателям и читателям» и избегать всего, что им «будет весьма досадно и огорчительно». Всякое опущенье в этом отношении должно было вызвать не только против автора, но и против всей Академии «роптание и ненависть», так как читатели «конечно, не токмо на г. Миллера, но и на всю Академию и на ее командиров по справедливости вознегодуют». [2]

Это требование, равно обязательное для каждого писателя, работавшего по заказу русских феодалов, особенно остро ощущал Миллер, как иностранец и представитель чужой религии. У правящих кругов Петербурга Миллер был все время на подозрении, как человек политически неблагонадежный. Неоднократно был он «изобличен в подозрительных переписках и недоброхотных рассуждениях». Его научные работы подвергались придирчивой цензуре; печатание составленной им карты Сибири в 1745 г. не было допущено по политическим соображениям. Очень повредили ему его дружеские отношения с Гмелином, когда последний отказался вернуться в Россию и особенно, когда напечатал за границей дневник своего путешествия по Сибири, заключавший сведения, которые бросали тень на Россию, и с жившим в Париже Делилем, который в 1748 г. порвал сношения в Академией, как с «презренным учреждением, которое с злорадством соединяет самое жалкое невежество».

---

[1] Ежемес. соч., 1764.

[2] **Пекарский.** История Академии Наук, II, стр. 905, 906.

Перехваченное письмо Делиля к Миллеру, в котором Академия была названа «целеным учреждением» (corps phantasque—ироническое выражение, смысл которого не вполне был понятен перлюстраторам, но все-таки правильно был расценен ими, как обидный для чести Академии), «нечто непристойное», найденное при «разборе» бумаг Миллера, проект публичной речи в 1749 г., в котором захотели увидеть политический выпад против России, «непристойности», открытые бдительными зоилами в его «сочинении Российской истории» в 1761 г. — все это вызвало «некоторое нелюбье» со стороны академического начальства к Миллеру.[1]

Словом, что ни писал, что ни говорил Миллер, он всегда был мишенью политического нападения, всегда находился на ниточке от обвинения в политическом преступлении, всегда перед глазами у него была возможность грозного: «слова и дела», погубившего его сотрудника по сибирской поездке, адъюнкта Стеллера. Неудивительно, что несдержанный по природе («нахальный», по выражению Тауберта), он после ряда жестоких испытаний, которые на него навлекла его горячность, стал более осмотрительным и осторожным; с годами осторожность перешла в трусость. «Его живость, — вспоминал после его смерти Бюшинг, — к тому времени, как я с ним познакомился, умерилась, и многочисленные невзгоды и неудачи, которые он испытал, наложили на него до известной степени отпечаток некоторой боязливости и сдержанности».[2] После эпизода с изданием Гмелином «Дневника», скомпрометировавшим Миллера, он стал уже совсем «робким и пугливым».[3] Это выразилось, в частности, в его корреспонденции с заграницей и в ответах на запросы, которые оттуда шли: «все, что он мог безоглядочно сказать и сообщить к чести Российской державы, ее государственного строя и ее правителей, легко можно было от него получить; но то, что касалось политических тайн, или ошибок и недостатков государства, правительства и лиц, состоящих на службе, он тщательно скрывал, и этого никоим образом нельзя было от него узнать».[4] Таковы были условия, в которых работал Миллер.

Надо помнить, что наиболее острые моменты для Миллера — отказ Гмелина вернуться в Россию, злосчастное письмо Делиля, донос Крекшина, «нечто непристойное» в собственных бумагах Миллера, история с торжественной речью, принуждение к принятию русского подданства — совпадают с печатанием «Истории Сибири» (конец сороковых годов), чтобы понять, под каким сильным влиянием внешних обстоятельств она писалась, и с какой исключительной подозрительностью относились и академические и правительственные круги к этому первому опыту научного исторического труда,

---

[1] Пекарский. История Академии Наук., I, стр. 141—142. Билярский. Материалы, стр. 068, 451, 489. Пекарский. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале, 1755—1764 гг. в «Зап. Имп. Акад. Наук», 1866, II, прил. № 5.

[2] A. F. Büsching. Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, th. III 1783, стр. 124.

[3] Schlözers öffentliches und Privat-Leben, стр. 96.

[4] Büsching. Beyträge, III, стр. 127.

*

выходившего под фирмою Академии. Первый том «Описания Сибирского царства» вышел в свет в атмосфере величайшего недоброжелательства и «для мелочей» «подвержен был немалой критике и роптанию»; по замечанию Ломоносова, самое «нелюбье», в которое «впал» Миллер у Разумовского и Теплова, находилось в связи именно с изданием его книги.

Первым и основным требованием, которое ставилось Миллеру, было устранение со страниц его труда всего, что могло бросить тень на Россию.

Когда Миллер написал было, что «Ермак грабежу и разбою (Räuberei), чинимого от людей своих в Сибири, не почитал за прегрешение (Verbrechen)», то его коллеги напомнили, «что о сем деле должно писать осторожнее и помянутому Ермаку в рассуждении завоевания Сибири разбойничества не приписывать». Теплов, правая рука графа Разумовского, резюмировал мнения в словах: «понеже Ярмак премного после добра принес России, то какого б он прежде состояния ни был, должно молчанием закрыть».[1] Итак, «добро», т. е. выгода государства должна была служить оправданием «разбойничества». В этом отношении дело не ограничивалось реабилитацией Ермака. Последний слуга феодального государства брался под защиту официальной науки. Гениальный русский ученый, оставивший глубокий след в области естественных наук, языка и литературы, Ломоносов в вопросах истории выступал противником Миллера, причем его возражения не всегда стояли на уровне современной науки. Так, Ломоносов считал в числе «вещей, печати недостойных», сообщение о «худых поступках» некоего пушкаря Ворошилки, посланного «для пробования рассола», «ибо по сему примеру всех в Сибири бездельников описывать было бы должно, что весьма неприлично, когда сочинитель довольно других знатных дел и приключений иметь может».[2] Итак, вторым требованием было устранение всего, компрометирующего деятельность русских за Уралом.

Весьма придирчива была критика в вопросах религии. Даже о строении церквей можно было упоминать лишь в «пристойных терминах», а именно нельзя было писать, что церкви строились «для лучшего украшения города», «ибо церкви строятся для приношения славословия божия и молитвы».

Из приведенных примеров видно, что критические замечания не были случайностью. В них выражалось требование определенной идеологии. История была темой слишком близкой к политике, чтобы иностранец, состоявший на жалованье у правительства, мог «сметь свое суждение иметь». Он должен был считаться с мнением каждого влиятельного человека и «знатного министра» и корректировать свои суждения и выражения под самыми разнообразными влияниями.

---

[1] Библиогр. записки, 1861, № 17. Из протоколов Исторического собрания Петербургской Академии Наук.

[2] Билярский. Материалы, стр. 161.

Затруднительность положения Миллера усугублялась тем, что в лагере феодалов не было полного единства. Столичное дворянство довольно резко делилось на две группы: на старую знать, претендовавшую на первенствующее место среди своего класса в силу древности ее происхождения и исторических «заслуг» ее предков перед «престолом», и на новую знать «припадочных людей», вознесенных кверху случайностями фавора. Над Академией в лице Разумовского властвовали представители последней группы, но Миллеру нельзя было не считаться и с настроениями других придворных кругов. Явное покровительство оказывали ему бароны Строгановы, «яко любители наук». «Довольно известно, — с обидой писал Ломоносов, — что Александр Сергеевич весьма жалует Миллера». [1] «Сии знатные рачители наук» «по своей благосклонности к сочинителю сего дела», «ему благосклонно сообщали» материалы из своего фамильного архива и делились с ним семейными преданьями — «изустными известьями». Взамен Миллер целые страницы посвятил панегирику в честь фамилии Строгановых и превозношению заслуг их предков в деле завоевания Сибири, заявляя, что в упоминаемом Исааком Массой Аникии «по искренности, благочестию, щедрости и верности к отечеству» «праотца Строгановых фамилии нетрудно признать можно». [2] Злые языки утверждали, что Миллер именно благодаря расположению, которое он умел снискать в кругах родовой знати, сравнительно легко и безболезненно выходил из ряда трудных положений. В частности, он умел льстить родословной гордыне старой знати, был всегда к услугам, когда нужна была генеалогическая справка, и когда его в «знатных домах... спрашивали об обстоятельствах фамилий», «не усумнялся показать, что (у него) было собрано», «полнил копии» и оставлял их в подарок хозяевам. Враги даже обвиняли его в том, что он, «вместо самого общего государственного исторического дела, больше упражнялся в угожденьи приватным знатным особам». [3] Особенно раздражало это стремление Миллера угождать «приватным особам» его непосредственное начальство. Неоднократно его запрашивали, «по чьему повелению он составляет родословные таблицы», а в феврале 1748 г. последовало от президента Академии графа К. Г. Разумовского прямое запрещение заниматься генеалогией «под страхом штрафа» и предложение трудиться «в одном том, что ему поручено от президента или в отбытие его от канцелярии». [4] Нет сомнения, что генеалогия пугала правящие круги, начиная с самой императрицы, как политическое оружие, которым могли воспользоваться некоторые слои древнейшей титулованной знати; несомненно и то, что для Разумовского и tutti quanti, не имевших в прошлом длинного ряда «славных» предков, эта дисциплина была ненавистна, как напоминание о недавнем происхождении их дворянства.

---

[1] Билярский. Материалы, стр. 431.

[2] Описание Сибирского царства, гл. II, § 10. Предисловие. — Проект предисловия к книге 1-й «Истории Сибири» (см. далее, стр. 162).

[3] Билярский. Материалы стр. 068.

[4] Материалы для истории Академии Наук, IX, стр. 58.

Возможно, что за недовольством Разумовского включением в текст «Описания Сибирского царства» большого числа подлинных «жалованных грамот» скрывалась зависть к обилию таких грамот в архиве Строгановых, как свидетельству исторического значения их фамилии. Может быть, борьбе внутри придворных кругов мы обязаны и той не совсем понятной остроте, которую принял вопрос о включении в историю или устранении из нее чудес, заимствованных из Ремезовской летописи. Те оговорки, которыми сопровождает Миллер эти фантастические рассказы, свидетельствуют, что он, как протестант, не верил таким «басням» и вместе с тем постоянство, с каким он все-таки отводит им место в своем повествовании, дает повод думать, что он боялся задеть кого-то своим вольнодумством. Нет сомнения, что тут иностранцу и лютеранину противостояла влиятельная группа церковных феодалов, неприязненно относившихся ко всякой попытке научной разработки истории. В 1734 г. Синод резко отклонил предположение Академии об издании памятников древней русской письменности из страха, что «в народе может произойти не без соблазна».[1] Новгородский митрополит Амвросий знал, что он делает, когда советовал Татищеву кое-что выкинуть из его свода; а когда тот же Татищев позволил себе критически подойти к одной из библейских книг, то эта попытка научной критики вызвала резкие возражения со стороны такого влиятельного иерарха, как Феофан Прокопович. Повидимому, эту могущественную группу и боялся затронуть Миллер, когда не решался категорически откинуть летописные тексты о чудесах, тем более, что среди его знатных покровителей была фамилия Строгановых, которая «вся, — по отзыву самого Миллера, — отличалась набожностью».[2] Но, угождая одним, Миллер навлекал насмешки и критику со стороны других. Разумовский внушал ему о неуместности печатать имеющееся в летописи «немалое число... лжей, басней, чудес и церковных вещей, которые никакого имоверства не только не достойны, но и противны регламенту академическому», — все эти «непристойные сказки, приходящие от излишнего суеверия».[3] За спиною Миллера подводили между собою счеты московское благочестие и новое вольнодумство друзей и корреспондентов Вольтера.

В таких условиях перекрещивающихся могущественных влияний шла работа Миллера. Созданная им в этих условиях схема «Истории Сибири» не является, таким образом, лично ему принадлежащей. Эта схема, соответствовавшая интересам и вкусам той феодальной верхушки, которой Миллер служил, являлась, если можно так выразиться, произведением коллективного творчества Строгановых и Разумовских, двора и прислуживавших ему профессуры и академической канцелярии, могущественных светских и духовных критиков. Это обстоятельство в достаточной мере объясняет нам, почему крупный новатор в области исторической техники, человек с большим запа-

---

[1] Пекарский. История Академии Наук, I, стр. LXVIII.
[2] См. ниже, стр. 206, 213.
[3] Материалы для истории Академии Наук, X, стр. 9.

ом здравого смысла и наблюдательности, добросовестный исследователь и выдающийся ученый был так беспомощен там, где приходилось высказывать общий взгляд на изучаемые им явления. В его научную лабораторию никто не вмешивался, пока он копировал «архивные письма» и на их основании устанавливал отдельные факты, но едва он переходил к изображению истории изучаемой им страны в целом, как следовал властный запрос, «каким он методом оную сочинять намерен». Буржуазный ученый писал под диктовку феодала-заказчика, и этим обстоятельством обусловливается вся целевая установка его труда. Сказанное отнюдь не умаляет, а, наоборот, увеличивает значение миллеровской схемы истории Сибири. Он запечатлел в своей книге ту схему завоеванья Зауралья, которая была нужна русскому феодализму и которая поэтому крепко внедрилась в русской историографии, пока буржуазная наука XIX в. не выработала собственной схемы, выдвинув в качестве основной цели освоения Сибири русскими идею культуртрегерской роли России в Азии, которая должна была сменить миллеровскую идею «славы россиян» и «государственной пользы».Обе эти схемы сейчас утратили свой смысл, и мы можем, откинув все то, что чуждо современной научной мысли в сочинениях Миллера, с большим беспристрастием оценить то, что в них есть ценного: богатый фактический материал, скрупулезно собранный и разработанный, не утративший своего значения даже сейчас, когда стали известны богатые собрания Сибирского приказа, к которым Миллер во время писания истории Сибири тщетно добивался получить доступ, — материал тем более важный, что очень многие из документов, которыми в подлиннике он пользовался, в настоящее время пропали и сохранились лишь в его копиях. В «Описании Сибирского царства» и других работах Миллера по истории Сибири нельзя искать глубокой философии истории. На них надо смотреть как на первостепенной важности первоисточник, такой же первоисточник, каким была для самого Миллера Ремезовская летопись, и который при умелом использовании может дать очень много, но при обращении к которому надо все-таки помнить осторожное замечание Фишера, «надлежит ли историографу следовать всему без изъятия, что ни находится в каком подлиннике, хотя бы иное было явно ложно и негодно, и вносить оную в свою сочиняемую историю».

А. И. АНДРЕЕВ

ТРУДЫ Г. Ф. МИЛЛЕРА О СИБИРИ

1

В литературе, посвященной второй Камчатской экспедиции 1733—1743 гг., в достаточной степени выяснен общий ход этого крупнейшего научного предприятия того времени, во главе которого стояли Сенат и Академия Наук. Об участии последней в первоначальной стадии этого дела говорилось, однако, до сих пор очень мало, может быть, потому, что при неразработанности сенатского фонда первой половины XVIII в. основной источник для этого — один из фолиантов б. архива конференции Академии Наук, в котором сосредоточена была переписка по этому вопросу, оказался каким-то образом в частных руках и попал обратно в архив уже после того, [1] когда историк Академии П. П. Пекарский закончил свою работу, где дал общий очерк работ части экспедиции, которая в лице академиков Делиль де-ла-Кройера, Гмелина, Миллера и их спутников Крашенинникова, Стеллера, Фишера и других выполняла задание, поставленное им в отношении всестороннего изучения Сибири. Отсылая интересующихся к истории путешествия, составленной участниками его Гмелиным и Миллером, и к труду П. П. Пекарского, [2] отмечу, что в последующем изложении я коснусь лишь тех моментов истории Камчатской экспедиции, которые относятся к деятельности Г. Ф. Миллера во время экспедиции и не освещены еще достаточно в трудах, посвященных ей.

Прежде всего необходимо сказать, что Миллер, тогда еще сравнительно молодой человек (ему не было 28 лет), имел уже план изучения не только истории России, но и интересовался весьма близко одним из тех народов, которые сыграли в прошлом Сибири некоторую роль. То «предложение об улучшении русской истории посредством печатания выпусками сборника различных известий, относящихся до обстоятельств и

---

[1] Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 2331 (поступил в 1891 г.). На эту книгу обратила мое внимание М. В. Крутикова, оказавшая мне вообще большую помощь в моих работах в Архиве Академии Наук, за что приношу ей сердечную благодарность.

[2] Gmelin. Reise durch Sibirien, 1—4, Göttingen, 1751—1753. Миллер. История Академии Наук. (Материалы для истории Академии Наук, т. VI), СПб., 1890 (напечатанное здесь описание путешествия составлено Миллером в 70-х годах XVIII в. и доведено только до 1736 г.; другие два его описания: одно неполное (тоже до 1736 г.) и другое полное (написанное в 1753 г.) не были напечатаны (кроме отдельных отрывков у В. В. Радлова в «Сибирских древностях»).

событий в Российском государстве», с которым он выступил в заседаниях Академии 25 августа и 1 сентября 1732 г., вызвало одобрение не только со стороны Академии, но нашло весьма сочувственный отклик и вне ее, в лице, напр., В.Н. Татищева и других, а его проект труда по истории калмыков и отдельные отрывки из него, напечатанные в первом томе созданного Миллером Sammlung Russischer Geschichte,[1] могли бы сделать честь всякому молодому историку. Отправляя Миллера в экспедицию, Академия в заседании 5 апреля 1733 г. одобрила составленную Миллером инструкцию «для описания истории народов тех, сиречь которые народы господину капитану Берингию, на пути в Камчатку едучи, и случится будет исследовать, примечать и записывать подобает».[2] Текст ее напечатан в приложении к настоящему тому, и на основании его можно судить, какие задачи ставил перед собой Миллер, отправляясь 8 августа 1733 г. из Петербурга и вернувшись туда только 14 февраля 1743 г.

О том, какие города и местности Сибири посетил Миллер в эти десять лет, в общих чертах известно из труда П. П. Пекарского, и повторять его рассказ нет надобности, тем более, что подробное описание путешествия, составленное самим Миллером в 1753 г., будет, наконец, напечатано в одном из томов нашего издания. Задача последующих замечаний сделать сводку тех данных, которые мы имеем теперь по вопросу о том, как организована была Миллером работа, преимущественно его личная, по собиранию источников истории, географии и этнографии Сибири, которой требовала данная ему инструкция, как эти собранные источники подвергались первоначальной обработке и как затем из этих предварительных трудов начала создаваться та «История Сибири» и некоторые

---

[1] Назв. изд., I, вып. 4, SS. 327—348: Auszug einer Chinesischen Reise-Beschreibung von Peking durch Sibirien nach der Astrahanischen Chalmückey, там же, SS. 273—279: Entwurff eines ausführlichen Werks chalmückischer Geschichte, welches der Verfasser dieser Sammlung zu schreiben vorgenommen; Миллеру принадлежит в том же томе Samml. Russ. Gesch., вып. 5-й, 1734, SS. 420—437: «Chalmückische Geschichte und Begebenheiten aus Nic. Witsens Noord en Oost Tartarye zweiten Auflage in die Kurze verfasset». Эта его работа в связи с его статьей в том же первом томе Samml. Russ. Gesch., SS. 196—221: «Nachricht von einem raren Werke betitult: Noord en Oost Tartarye durch Nicolaes Witsen» и SS. 222—272: «Register über Nicolaes Witsen Nord und Ost-Tartarey erster u. anderer Edition» представляют несомненный интерес для суждения о Миллере, как историке Сибири, научно интересовавшемся ее прошлым еще до своей отправки в Камчатскую экспедицию. Ср. § 12 в плане работ по истории и географии, составленном Миллером — в предисловии к первому тому Samml. Russ. Gesch., и отзыв об этом плане В. Н. Татищева — Матер. для ист. Акад. Наук., II, стр. 180; его отзыв о втором выпуске I тома Samml. Russ. Gesch. Архив Акад. Наук, разр. II, N 206, лл. 9—14.

[2] Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 2331, лл. 85—87; об авторстве Миллера — там же, л. 166 об.; другой перевод той же инструкции в Архиве Акад. Наук, ф. 3, оп. 23, № 1, с отметкою акад. Г. Крафта о том, что инструкция читана в конференции Академии 5 апреля 1733 г., причем в ней имеется § 11, отсутствующий в первоначальной редакции Миллера: «а особливо рассматривать надобно начала, нравы, обычаи и проч. тех народов, кои живут на северной стороне реки Амура, потому что слух носится, что и Российский народ имел там древние свои жилища». В «Протоколах Академии Наук», т. I, стр. 65 чтение инструкции отнесено к заседанию 16 марта 1733 г.

другие труды по истории, географии, этнографии и экономике Сибири, с которыми он вернулся в Петербург в 1743 г.

Прибыв в конце января 1734 г. в Тобольск, Миллер здесь впервые приступил к архивным разысканиям и хотя встретил полное содействие со стороны тобольского губернатора А. Л. Плещеева, но должен был сознаться впоследствии, что еще не знал, что ему следовало требовать или о чем спрашивать. «Для этого нужны практические сведения, которые приобретаются только опытом, даже если бы и даны предварительные наставления, которых мне не доставало». Эти «наставления», как отмечено выше, составлены самим Миллером, а из среды академиков вышло лишь то курьезное дополнение, которое изложено в § 11 этой инструкции. Правда, Академия снабдила своих профессоров, отправлявшихся в Сибирь, большой литературой по истории, географии и другим наукам, причем не раз высылала большие партии новых книг по требованиям из Сибири. В списках посланных книг находим все те труды, на которые Миллер будет ссылаться впоследствии в своей «Истории Сибири», хотя некоторые из них были ему хорошо известны еще до поездки в Сибирь. [1]

По мере того, как получался тот «опыт», о котором говорит Миллер, постепенно менялись и те методы разработки архивов, осмотр которых был начат в Тобольске. Сущность их заключается в том, что, встречая сибирские архивы, за немногими исключениями, в беспорядке, Миллер занимался прежде всего сам, или впоследствии поручая это дело другим, разборкой старинных столбцов и книг по годам, просматривал содержание всех их и отмечал те из них, которые следовало переписать; некоторые столбцы архивов якутского и верхотурского, в которых работал Миллер и которые ныне хранятся в Институте истории Академии Наук, имеют в начале характерную звездочку или крестик, которые показывают, что с данного документа Миллер предполагал снять копию. Эту громадную работу по пересмотру всех старинных столбцов, хранившихся тогда в большом количестве в архивах Тобольска (в первый приезд Миллера туда в 1734 г.), Томска, Енисейска, Якутска и других сибирских городов, трудно представить себе теперь, когда видишь эти столбцы бережно развернутыми, но вполне почувствуешь всю трудность работы, когда увидишь те же столбцы в громадных «столпах», еще поныне не дождавшихся в некоторых архивах даже того, чтобы они были развернуты. Можно, конечно, с точки зрения современного архивного дела, не одобрять того, что местные органы Сибири, напр. в Тобольске в 1734 г. и в Якутске в 1736 г., разрешали Миллеру брать на дом не только отдельные документы, но и весь архив (якутский) перевозить на квартиру экспедиции. Необходимо, однако, напомнить, что Миллер не уклонялся от работы даже в таких условиях, когда в храни-

---

[1] **Списки книг, взятых Миллером и другими из Академии Наук в Камчатское путешествие, в Архиве Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 2331, лл. 27—30 об., 180—184 об., 188—190 об., 260—263 об.; № 814, лл. 201—204 об.**

лище отказывались работать провинциальные подьячие, ссылаясь на присутствие сырости, мышей и т. п., как это было, напр., в Томске в 1734 и 1740 гг. Разобрав сам часть архива томского «в каменной кладовой палате», находившегося в ужасных условиях, Миллер настойчиво стал добиваться, чтобы остальная часть была разобрана прикомандированными к нему томскими подьячими, дворянами, детьми боярскими и т. п. Разборка по годам завершалась составлением кратких описей дел архивов, которые Миллер требовал (и чаще всего добивался) даже при наличии старых реестров, с просмотра которых он начинал свою работу в сибирских архивах до 1736 г., когда, прибыв в Илимск, он, по его словам, впервые применил тот метод пересмотра всех столбцов и отчасти книг, о котором сказано выше. Эта первоначальная работа по разборке столбцов и дел чаще всего протекала совсем не в таких благоприятных условиях, как это было в Тобольске в первый приезд в 1734 г.; обычно требовалась большая настойчивость со стороны Миллера, чтобы провинциальная канцелярия приступила к работе и выделила для того подьячих, копиистов и т. п. лиц, которые должны были не только составлять реестры, но и снимать для Миллера копии с тех дел, которые были им отмечены. О том, каков был состав этих сотрудников Миллера по снятию копий с документов сибирских архивов, в переписке Миллера имеется достаточно ярких данных, но и без них ясно, что при низком уровне грамотности в Сибири в XVIII в. подьячие провинциальных канцелярий не составляли в этом отношении исключения; если же отметить их «леность», о которой неоднократно пишет Миллер, и постоянное желание уклониться от работы, на которую они и их начальство смотрели, как на лишнюю и ненужную, то легко догадаться, что качество их работы не могло удовлетворить Миллера, видевшего в «трудах» этих лиц нередко бесполезный перевод бумаги и трату времени и казенных денег. [1] Но к содействию подобных сотрудников приходилось все же обращаться в особенности тогда, когда по условиям времени и места ему не удавалось самому разобрать архив, как это было, напр., в Пелыме в 1740 г., или когда снятие копий невозможно было поручить своим ближайшим сотрудникам-студентам, как это было в Таре в том же 1740 г., или когда, наконец, о нужных копиях приходилось просить уже после отъезда из данного города, как это было в 1740 г. в отношении многих березовских документов. Конечно, ни о какой сверке копий с подлинниками не могло быть речи в двух последних случаях, но ее, видимо, не было и тогда, когда копии снимались в бытность Миллера и его сотрудников в том городе, где хранились интересовавшие его документы. Во всяком случае, если в сборниках копий заметны следы какой-то сверки, то в большинстве случаев можно признать их работой не Миллера, а его второй группы сотрудников по снятию копий — студентов Ильи Яхонтова, Василия

[1] Ср., напр., его отзыв о работе томских подьячих в 1740 г. Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 2, № 26, л. 109.

Третьякова, Степана Крашенинникова, Алексея Горланова и работавших позже и недолго вместе с Миллером переводчика Якова Линденау и кониста Мартини. [1] Очень большое количество копий писаны не теми неизвестными провинциальными писцами, о которых говорилось выше, а именно этими лицами, которым Миллер нередко поручал не только работу по снятию копий, но и сочинение тех экстрактов из документов, которыми он принужден был довольствоваться тогда, когда документов было очень много, и невозможно было со всех их иметь полные копии. Трудами академических студентов и провинциальных подьячих составлены сборники копий, которые ныне хранятся в архиве Академии Наук (ф. 21, оп. 4, №№ 1—34), и сняты те копии с документов, которые находятся в ГАФКЭ, в портфелях 133, I—V, 184, 393 и 477, 1—II, а также экстракты из документов — в разных бумагах Миллера. Результатом работы в тех же сибирских архивах следует считать также ту коллекцию подлинных актов, которую Миллер составил во время пребывания в Сибири и которая ныне находится в ГАФКЭ в портф. 478, 1—II—III и 483; по месту первоначального хранения — это документы преимущественно архивов пелымского, кетского и др. Оттуда же происходят, конечно, и те «дела» и «книги», касающиеся Сибири, которые находятся в собрании Миллера в ГАФКЭ.

Работе в архивах предшествовало получение сведений о данном городе и уезде, которые Миллер требовал нередко еще до приезда в этот город, как, напр., это было в Березове, получившем такой запрос еще в 1739 г., тогда как Миллер приехал туда только в следующем году. Анкета, которую посылал Миллер в провинциальные канцелярии Сибири, заключала в себе небольшое количество вопросов, обычно не свыше 20, на которые канцелярия должна была дать ответ на основании имевшихся в ней дел и переписки. Примером таких запросов могут служить, напр., «пункты для сочинения ведомости о городе Таре с уездом», посланные туда в конце 1740 г., [2] интересные в том отношении, что имеются аналогичные «пункты», посланные Миллером туда же в 1734 г.; сравнение обоих показывает, как расширился круг интересов и запросов, которые Миллер предъявлял к своей работе по составлению описания Сибири.

Но этот источник получения сведений по географии и истории уезда через казенные учреждения был расширен в последние годы также собиранием известий при помощи ясачных сборщиков, посылавшихся в места пребывания туземцев за сбором ясака и, по требованию Миллера, также за теми сведениями, которые он находил нужным иметь. В переписке его

---

[1] И. Яхонтов умер в 1739 г. в Енисейске, Вас. Третьяков все годы состоял при Миллере, а Степан Крашенинников временно (с 1736) не находился с Миллером, но вернулся с ним вместе; Алексей Горланов тоже рано уехал от Миллера на Камчатку и вернулся значительно позднее Миллера.

[2] Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 2, № 26, лл. 90—95 об.; подобные же «пункты» о городе Пелыме с уездом, о Тюмени с уездом, Краснослободском дистрикте и др. в том же деле, лл. 99 об. — 105 об., 141 об. — 143 об., 147 об. — 149, 153 об. — 156 об. и др.

имеется, напр., «роспись, о чем ясачным сборщикам знающих людей расспросить», которую он послал в Березовскую воеводскую канцелярию [1] для того, чтобы сведения, собранные ими, были присланы ему позднее в место, где он будет находиться. Эта форма собирания исторических и географических сведений о местах, которые он сам не мог посетить, в других случаях заменялась опросом знающих людей, бывавших в тех местах. В отношении же пунктов, которые он посетил лично, на ряду с этим, применялась система личных бесед Миллера с представителями местного населения, собирать которое провинциальные канцелярии обязывались Миллером задолго до его приезда с непременным напоминанием о переводчиках, которых также нужно было найти и которые должны были помогать Миллеру в беседах с туземцами, языка которых он почти не знал. Таким путем были собраны, напр., те предания тобольских татар, на основании которых написана не одна страница главы 1-й «Истории Сибири»; такого же происхождения многие географические подробности о местах, где Миллер и его спутники не бывали; так же были получены известия селенгинских и иных тунгусов, о которых говорится в главе 1-й, не упоминая уж о беседе с аринцом Красноярского уезда, которая приводится в той же первой главе. Общение с разными группами населения сибирских городов и уездов иногда давало в руки Миллера не только устные сведения, тщательно им записываемые, но и источники письменные, вроде знаменитой Ремезовской летописи, приобретенной в 1734 г. при сильном воздействии упомянутого тобольского губернатора А. Л. Плещеева на первоначального владельца рукописи, видимо, не имевшего желания с ней расставаться; сюда же следует отнести, напр., приобретение от частного лица в Томске в 1740 г. того списка с грамоты 7065-го года, который напечатан далее в приложении под № 1; такого же характера, как принадлежавшие ранее частным лицам, и те «обыкновенные» сибирские летописи, на которые Миллер ссылается неоднократно в главах 1—3 и из которых некоторые находятся в его собрании в ГАФКЭ в портфелях 502 и 505, а также те «Записки к Сибирской истории служащие» и другие подобные же материалы, не хранившиеся в провинциальных казенных архивах.

Получение всех этих устных и письменных источников требовало со стороны Миллера большого упорства и настойчивости, так как получаемые им ответы нередко были неполными и неточными, а иногда даже не получалось и никаких ответов по ряду вопросов, как это было, напр., в Тобольске в 1740 г., встретившем на этот раз Миллера совсем иначе, чем в первый раз. Если много энергии ушло на бесконечную переписку, то все же эффект ее для того времени получился очень большой: в распоряжении Миллера оказалось громадное количество материалов по всем сторонам жизни современной ему и прошлой Сибири, историю которой он должен был создать.

---

[1] Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 2, № 26, лл. 67 об.—70.

На ряду с собиранием исторических и географических данных в годы 1733—1736 Миллер особенно интенсивно занимался также собиранием в местах своих временных пребываний словарных и этнографических материалов. Так, уже по приезде в сентябре 1734 г. в Кузнецк встал перед ним вопрос об абинцах и телеутах или теленгутах, словарь которых по его поручению был тогда же составлен; месяцем позже, будучи в Томске, он разыскивал сведения о бухарцах и калмыках и продолжал работы по собиранию словарных материалов двух татарских диалектов, томских остяков, зырян, пермяков и др. Подобные же работы производились позже в Красноярске, Селенгинске и в других местах. В результате в распоряжении Миллера оказался большой словарный материал туземного населения Сибири, который он по временам высылал в Сенат и в Академию как в форме отдельных словариков, так и включая его в свои «обсервации исторические», о которых речь будет далее. Собрание его словарных материалов находится в большей своей части в ГАФКЭ, в портфелях 513, 528, 529, но их немало и в архиве Академии Наук.

Путешествие летом 1734 г. по Иртышу и посещение Миллером верхнеиртышских крепостей, в сущности, положило начало географическим описаниям тех мест, по которым проезжал Миллер и его спутники. Эти описания в большинстве случаев составлены самим Миллером по известному плану, которым неизменно руководствовались и авторы тех описаний, которые составлялись только под его наблюдением или же принадлежали Гмелину, когда тот путешествовал в последние годы один ввиду того, что указ о его возвращении состоялся позже. Миллеру разрешено было отправиться в обратный путь ранее, с обязательством производить также и те наблюдения, которые должен был делать Гмелин. Возражая против этого в письме президенту от 30 июня 1739 г., Миллер, между прочим, писал, что все сделанное им до того исполнено «обстоятельно... как бы оно завсегда и на веки написано было. А будет от меня того требовано, дабы я травы збирал и сушил, птиц и зверинные соломою набитые чучела делал, минералы, камни и подобные сим вещи собирал, того мне учинить невозможно...» [1] Но несмотря на это на возвратном пути с 1740 г. он занимался весьма усердно также собиранием подобных материалов. Так, в 1740 г. он добивается от Березовской канцелярии высылки двух фунтов «красной земли», которой «Обдорская самоядь на реке Соби» отравляет волков и лисиц; дает письмо бухаретину Ибраимову в том, что последний, по его Миллера приказу, поймал кречета и др. [2] Впрочем, подобные же темы занимали его и до 1740 г., и он охотно и с интересом в бытность, напр., в Кузнецке осматривает вместе с Гмелином Абашеву гору, про которую говорили, что из нее идет дым, ездит к барзаякским татарам, где изучает производство ими железа, что интересует его также позже в Енисейске и на Аргуни.

---

[1] Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 811, л. 97.

[2] Там же, ф. 21, оп. 2, № 26, лл. 73—99, 233.

Но на ряду с этим, особенно вначале, Миллер занимается также собиранием древностей. Так, им были произведены раскопки в районах Устькаменогорской и Колыванской крепостей, давшие вместе с материалами художника Люрсениуса, одного из художников экспедиции, ездившего к Калбасунской башне, и доставленными из Аблайн-хита тангутскими рукописями ценные данные для его работы о тангутских письмах. Видимо, мало интересуясь сибирскими писаницами, он все же подбирал материалы о них, хотя не придавал им большого значения. Впрочем, здесь, кроме заметок Гмелина, большую помощь оказали ему те зарисовки, которые были сделаны упомянутым Люрсениусом на Томи, Енисее, Ирбите и Лене. Собранные Миллером в 1735 г. «идолские и другие вещи», отправленные тогда же в Кунсткамеру (ныне в Гос. Эрмитаже) и Сенат, пополнялись позже новыми коллекциями, собранными в Красноярске и других местах; так, в январе 1741 г. им были отправлены из Тобольска «кувшин могильный из Абаканской степи Красноярского у., пара жерновов древних сибирских народов, которые найдены близ реки Июса, болван каменной, который найден на дереве вверх по Тубе реке» и др. [1]

Вместе с предметами древности усиленно собиралось «иноземческое платье разных сибирских народов», «шаманское платье», «якуцкое и тунгусское платье» [2] и пр.

Придавая большое значение всякого рода рисункам, Миллер в нужных случаях, когда шла речь, как выше, о предметах древности, представителях современных народов Сибири, видах городов и т. п., использует для этой цели художников или, по современной терминологии, «маляров» Люрсениуса и Беркана, трудами которых и составляется та интересная коллекция рисунков Камчатской экспедиции, о которой будет сказано далее. Но и помимо них, он требует рисунков от местных канцелярий; так, ввиду утери им списков с жалованных грамот, сделанных им в Березове, Миллер просит Березовскую канцелярию прислать новые списки, «и которые имеются у оных грамот печати, чтоб иконописцу велеть срисовать на особой бумаге, приписав, которая печать к которой грамоте принадлежит, и оные рисунки приобщить к тем спискам»; [3] списки были позже высланы, надо думать, вместе с рисунками печатей, так как описание одной из них имеется при грамоте 7094 г.

Собранные во время экспедиции материалы подвергались Миллером обработке еще в период пребывания в Сибири, причем работа эта производилась одновременно с продолжавшимся все годы собиранием материалов, и разработка уже собранного нередко приводила к необходимости нового собирания. Так, будучи в пути из Березова в Тобольск в 1740 г., Миллер посылает новые запросы в только-что покинутый им Березов и требует,

[1] Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 2, № 26, л. 118 об.

[2] Там же, лл. 113 об. — 118 об. (опись этого платья). Материалы для истории Академии Наук, VIII, стр. 202, 206.

[3] Там же, л. 74 об.

чтобы Березовская канцелярия поручила ясачным сборщикам собрать в своих местах ясачных и допросить их по тем пунктам, которые при письме приложены, как требующие дополнительных сведений; через несколько дней, 29 июля, в виду имевшихся у него данных о нахождении у Обдорского князьца жалованных грамот, от той же канцелярии Миллер требует, чтобы она добилась от князьца доставки грамот в Березов, и с грамот старее 201-го года были сняты копии и высланы ему; а через два дня новое требование туда же: так как из дел Березовской архивы, пересмотренных им до 1720 г., не видно, в каком году и по каким причинам прежние дороги через Камень закрыты, и имеется только одна грамота 1706 г. о том, чтобы через Собскую заставу из Сибири на Русь никого не пропускать, а про дорогу, которая была прежде по Сосве, и про Кыртаскую заставу ничего не упомянуто, то Канцелярия должна поискать в делах после 1720 г. нужных сведений и их выслать; через три недели новое требование туда же о «красной земле», которой отравляют волков и лисиц, и др. Не получая ответа на все эти и другие подобные им запросы, в апреле 1741 г. из Тюмени он вновь запрашивает Березов и, кажется, наконец, получает нужные данные, как можно судить по некоторым сведениям о Березовском уезде, [1] попавшим в «Историю Сибири» благодаря этой переписке. Надо думать, что, занимаясь уже сочинением «Истории Сибири», Миллер обнаруживает у себя отсутствие необходимых сведений о верхней Ангаре и тамошних тунгусах, которые он собирал еще в 1738 г.; в виду этого в апреле 1741 г. он шлет в Иркутскую канцелярию длинный перечень вопросов, на которые требует ответа. [2]

Из собранных материалов изучению и обработке подверглись прежде всего ведомости о состоянии городов и уездов, полученные им из провинциальных канцелярий, хранящиеся ныне в ГАФКЭ, в портфеле 481, никем не изученные до сих пор, кроме Миллера; эти ведомости дают исключительно ценные материалы о Сибири 1734—1742 гг. и должны быть изучаемы на ряду с другими аналогичными материалами, собранными тоже по плану Миллера, именно анкетными данными 60-х годов XVIII в., присланными из тех же сибирских канцелярий в Шляхетский корпус, производивший под руководством Миллера эту анкету. [3] Собранные Миллером в 30-х годах ведомости о сибирских городах и уездах могут сравниться только с другим, не менее ценным, источником — ответами тех же канцелярий на запросы, составленные В. Н. Татищевым. Ответы по анкетам Татищева также никем

---

[1] Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 2, № 26, лл. 138 об.—139.

[2] Там же, лл. 139 об. — 141.

[3] Издание ответов на эту анкету подготовлялось Археографической комиссией, перешло затем в один из «планов» Историко-археографического института (Труды Института, т. VI, Л., 1932, стр. XVI — с отметкой «готово к печати»), но до сих пор не вышло. Подлинники в Архиве Акад. Наук, ф. 3, оп. 10а и 10б.

не изучались,[1] а ведомости, составленные в ответ на запросы Миллера, использовал прежде всего сам Миллер, когда уже с 1735 г. на основании их стал составлять описания городов и уездов и высылать эти описания в Петербург; сюда относятся такие его труды: «Описание Кузнецкого уезда в нынешнем его положении в октябре 1734 г.», подобное же описание Томского уезда в октябре 1734 г., «Описание Енисейского уезда в настоящем его положении в начале 1735 г», «Описание Селенгинского и Нерчинского уездов летом 1735 г.». В сущности, на таком же материале, почерпнутом, главным образом, из «ведомостей», полученных из канцелярии, основаны три других работы этих первых лет пребывания Миллера в Сибири, — это: 1) «Сведения о нынешнем состоянии горных промыслов в Сибири и Перми в январе 1734 г.»; 2) «Описание Аргунских серебряных заводов Нерчинского уезда Иркутской провинции», впрочем, в последней использованы уже некоторые материалы местных архивов, и 3) «История и описание имеющихся по реке Иртышу крепостей». Достигая иногда размеров большого исследования, как, напр., «Описание Селенгинского и Нерчинского уездов», эти труды имеют некоторое значение до сих пор, поскольку материалы их не использованы в последующих географических работах Миллера, в которых он разработал географию только Западной Сибири.

Составленные Миллером в большом количестве географические описания тех мест, через которые ему пришлось проезжать, являются трудами, в которых нередко использованы данные, полученные из провинциальных канцелярий в виде, напр., упомянутых ведомостей, но эти описания прежде всего — результат личных наблюдений и опросов местного населения, о которых говорилось выше. Один перечень подобных описаний занимает несколько страниц в печатаемом далее «Обзоре рукописей» Миллера. Это основной источник для той географии Сибири, которую Миллер начал сочинять еще во время путешествия.

Географические описания послужили одним из основных источников для тех карт, которые Миллер сам и затем его сотрудники начали составлять уже летом 1734 г., когда было предпринято путешествие вверх по Иртышу. В начале января 1735 г. в Сенат было отправлено две ландкарты, сочиненные Миллером: 1) реки Иртыша, на четырех листах александрийских, и 2) «Сухого пути от Ямышевской до Усть-Каменогорской крепости, а оттуда через Колывано-Воскресенские заводы до реки Оби, на которой все тамошные места между Обью и Иртышем, также и путь от Усть-Каменогорской крепости до Аблаикита изображены», на двух листах александрийских. В последующие годы составлением карт занимались те геодезисты, которые были посланы во многие пункты Сибири Оренбургской экспедицией и стоявшим во главе ее В. Н. Татищевым; таково происхождение не-

[1] Они поступили в Академию в 1749 г., присоединены к «Сибирскому архиву» (т. е. фонду Камчатской экспедиции) и хранятся ныне в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 149—153, 163; ср. там же «протокольные бумаги» 1749 г., август, и в Ленингр. отделении Историч. инст. Акад. Наук СССР, по описи рукописей, поступивших из Библ. Акад. Наук, № 345.

скольких карт, составленных в 1740 г., оказавшихся затем в архиве экспедиции: 1) озера Байкала (геодезиста Моисея Ушакова), 2) реки Иркута, Китоя, Белой и ближних рек (того же Ушакова), 3) реки Ангары (геодезиста П. Скобельцына), 4) «страны между Ангарой и Леной» (геодезиста Вас. Шетилова) и 5) «для искания ближайшей дороги к реке Уди» (геодезистов П. Скобельцына и Вас. Шетилова). [1]

В упомянутых выше описаниях уездов Миллер приводит некоторые исторические данные о них, почерпнутые из архивных источников, а такие работы его, как «Описание Аргунских серебряных заводов» (1735) или «Описание Селенгинского и Нерчинского уездов» (1736), основаны на них в значительной степени, но все же в первые годы экспедиции о собранных им исторических сведениях Миллер сообщал преимущественно в форме «обсерваций исторических», которые начал высылать еще в 1733 г., причем в первых двух находится сообщение о памятниках древности и словарях «иноземческих языков» и проч. не-сибирских, и только в «обсервациях», посланных из Тобольска в мае 1734 г., находим уже сведения, отчасти относящиеся к Сибири: тут сообщение о краткой сибирской истории, полученной им от А. М. Плещеева, «вокабуляриум татарского и вогульского языков», «перевод Отче наш на вогульский язык», «описание некоторых древних вещей могильных идолопоклоннических» и пр. Такое же пестрое содержание, преимущественно сообщение новых фактических сведений, собранных Миллером за известный период, имеют прочие «обсервации исторические»: посланные из Енисейска 2 января 1735 г. и из Иркутска 20 марта 1736 г. [2]

Но уже ко времени пребывания Миллера в Якутске относятся его работы, являющиеся обработкой архивных материалов и отчасти печатных известий. В сентябре 1737 г. он шлет в Петербург «Известия о морском ходе из реки Лены ради обретения восточных стран» вместе с экстрактом из этих «Известий» на французском языке. Позже в 1739 г., в русском переводе И. Яхонтова, эти «Известия» были посланы вторично. Источник этой первой собственно исторической работы — архивные дела якутского архива и «словесные сказки якутских обывателей». Тот же архив на ряду с теми же «словесными известиями» жителей Якутска дал ценные сведения для другой научной работы Миллера, отправленной в Петербург в том же

[1] Все названные карты в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 39/61—71. Среди них карта «Томи реки», присланная в Академию Наук 14 февраля 1736 г., но кто сочинитель ее — неизвестно. О картах Миллера 1735 г. см. Протоколы Акад. Наук, II, стр. 247—249. В отделе карт и планов Библиотеки Академии Наук имеется несколько карт, приписываемых Миллеру, времени пребывания его в Восточной Сибири, но я затрудняюсь установить авторство Миллера в отношении этих карт, так же как и в отношении некоторых карт в ГАФКЭ, указанных М. П. Пуцилло (Указатель делам и рукописям, относящимся до Сибири... М. 1879) под №№ 47, 57 и др.

[2] Подробный перечень статей этих «обсерваций» дан в описи 1746 г.—Материалы для истории Академии Наук, VIII, стр. 198, 201—202. Часть статей «обсерваций», касающихся сибирских древностей, напечатана В. В. Радловым в «Сибирских древностях», I, прил., стр. 57—69, 73—78, 81—87. В. В. Радлов указывает, что существовали, кроме того, «обсервации», представленные 3 октября 1743 г., но мне не удалось их найти.

1737 году, именно «Описания земли Камчатки и окрестных стран», составленного в связи с отправлением С. П. Крашенинникова на Камчатку; русский перевод этой работы, сделанный И. Яхонтовым, был послан из Енисейска в феврале 1739 г. К тому же 1737 г. относится составление главным образом Миллером инструкции С. П. Крашенинникову, которого академики отправили вместо себя на Камчатку. Посылая из Якутска в январе 1737 г. описание Селенгинского и Нерчинского уездов, Миллер в рапорте в Сенат указывал, что оно составлено «гораздо совершеннее» прочих описаний (уездов Томского и др.), так как он имел возможность собрать больше данных. «Того ради охотно желаю, — продолжал он, — чтобы я и о протчих Сибирских городах и уездах такое же обстоятельное известие дать мог, дабы Сибирская история и география, ежели я иногда оную по порядку предлагать буду, сходна была. Не только о Иркутске, Илимске и Якуцке, но и о самой Камчатке уже многие документы имею, а из здешнего архива получил столько известия, что над оным до будущей весны трудиться и пространнее прежнего описывать буду, причем мне описание реки Амура и всех по ней прежде сего бывших Российских селений и завоеванных мест из здешнего архива опять подробнее и обстоятельнее сочинить надобно, нежели в описании Нерчинского уезда находятся». В конце 1740 г. была готова вторая работа, посвященная Амуру и составленная на основании данных иркутского и якутского архивов по срочному предписанию из Петербурга. Продолжая собирание в том же якутском архиве материалов о Камчатке, уже после отсылки упомянутой работы о Камчатке, Миллер в письме в Академию из Иркутска в декабре 1737 г. говорит о продолжающейся у него «ипохондрической болезни», которая уже третий месяц не позволяет ему заниматься постоянной работой, и продолжает: «а в Якуцке времени в забавах терять не хотел для того, что тамошней уезд весьма велик, а особливо, что я тамошний архив в полном состоянии нашел и для того ничего упустить не хотел, дабы ежели бы нам в Камчатку ехать не случится, то бы я однакож в состоянии быть мог об отдаленнейших восточных и северных краях надлежащее известие учинить». [1] Так были собраны не менее ценные, чем об Амуре, архивные материалы о плаваниях по Ледовитому океану, которые Миллер использует в своих позднейших картах и изысканиях, начало которым было положено «Описанием земли Камчатки», составленным в 1737 г.

В бытность в Енисейске Миллер получил сообщение об отправке ему на смену Фишера, которому, по распоряжению Академии, он должен был передать «все... к экспедиции принадлежащие книги, письма и прочие вещи». Миллер решительно возражал в письме 30 июля 1739 г. против передачи «писем», состоявших из переписки экспедиции, «копий из архив, а напоследок из (его) собственных записок, примечаний и заготовленных

---

[1] Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 810, л. 140 об., 337—342 об.

[2] Там же.

описаний», отмечая, что «без убытку и лишения собственных моих трудов и обстоятельств ничего отдать невозможно», и добавляя резонно, что в случае передачи всего Фишеру «в обратной моей поездке и по прибытии ничего о Сибири показать и сделать невозможно, и следственно все мое предприятое путешествие и труды втуне будут. Не упоминаю,—продолжает он, — того, что чуждая рука, в недовольном знании российского языка, сим нашим походным архивом с такою прибылью пользоваться не может, что оная в 30 фолиантах или рукописных моих книгах состоит». Но отклоняя это распоряжение, он предлагал выработать для Фишера «такое же наставление... какое от нас господин Стеллер получил, а именно, когда мы ему обстоятельно опишем, что уже сделано и что еще делать надлежит, ежели ему все способы покажем, которыми сами шестилетнею практикою получили, ежели дадим ему списки с такой корреспонденции, на которую он вперед сослаться может, а потом бы уже ему только обсервации делать и корреспондовать по тому примеру, как мы ему покажем, чем он для себя особливой и новой архив собрать может». Предложение Миллера было принято Академией, о чем он узнал во время встречи с Фишером в Сургуте в начале июня следующего 1740 г., но окончательное составление инструкции Миллер отложил до возвращения в Тобольск, куда прибыл 9 сентября. В последующие месяцы эта инструкция была сочинена и 13 декабря 1740 г. была отправлена Фишеру; в начале 1741 г. та же инструкция была препровождена также в Сенат. Значительно позже, составляя в 1753 г. описание путешествия и вспоминая о своей работе в Тобольске в 1740 г., Миллер, между прочим, писал: «принялся я опять за Фишерову инструкцию, которую писал сообразно тем надеждам, которые считал себя вправе возлагать на г. Фишера. Я не хотел, чтобы ему, как мне, лишь собственным опытом пришлось добиться того, что следовало делать в Сибири, и потому написал ему все до последних мелочей, точно так, как будто мне самому нужно было представить перечень совершенных мною до сих пор работ. В особенности же я указал на все, что ему следовало сделать по таким предметам, которые мне самому не представлялся случай выполнить». Это указание очень ценно, когда читаешь эту инструкцию, представляющую большую научную работу, где в перечне вопросов, подлежащих разрешению, Миллер ставит крупные задачи для сибиреведения XVIII в., не разрешенные во многих случаях до сих пор. Документ этот прошел как-то мало замеченным в литературе о Миллере, и самая инструкция только частично была напечатана в конце 90-х годов XIX в. (§ 5 «об описании древностей» — 100 статей и § 6 «об описании нравов и обычаев народов» — 923 ст., и частично приложения II — «о рисунках» и III — «о собирании различных предметов для Кунсткамеры»). Остаются до сих пор неизвестными наиболее интересные для последующих работ Миллера, как историка и географа Сибири, § 2 — о географическом описании (75 ст.) и § 4 — о просмотре архивов и описании сибирской истории (22 ст.). Откладывая более подробное суждение об этих параграфах до другого случая, не могу не заметить,

что Миллер, несомненно, использовал аналогичные инструкции, сочиненные В. Н. Татищевым, выполнения которых последний добивался от канцелярий Сибири и подчиненных ему геодезистов, работавших в Сибири одновременно с Камчатской экспедицией. Татищев, посылая в 1737 г. в Академию список своего «Предложения о сочинении истории и географии Российской», где многие параграфы касались преимущественно Сибири, настоятельно просил переслать его от имени Академии «профессорам Камчатской экспедиции»; надо полагать, что просьба эта была выполнена, и Миллер использовал многие параграфы «Предложения» Татищева, но в его инструкции они предстали нередко в ином и более четком виде. [1]

Многие параграфы инструкции Фишеру дают основание думать, что Миллер уже начал работу по составлению истории Сибири в ее целом, на основании того громадного исторического, географического, этнографического и лингвистического материала, который был у него в руках и от которого он, конечно, не мог отказаться, чтобы передать другому ту обобщающую работу, о которой он уже думал, видимо, все последние годы, но к которой приступил, кажется, в 1740 г. Некоторое указание на это отыскалось в переписке его с Сибирской архиерейской канцелярией. 30 сентября 1740 г. он обратился в нее с «промеморией», где отмечая, как обычно, что отправлен от Сената «для описания Сибирской истории», «предлагал» дать некоторые известия и далее приложил семь пунктов, на которые архиерейская канцелярия должна была ответить. Не получая долго ответа, он в декабре 1741 г. вновь писал в ту же канцелярию, но не о всех пунктах, а только по поводу одного седьмого пункта, который касался деятельности митрополита Федора, крестившего остяков: «какие от оных народов при том случилися противности, и в котором году оное дело в совершенство приведено, и какие идолы или шайтаны у оных народов найдены и сожжены или в архиерейскую канцелярию присланы, и имеется ли еще ныне таких идолов при архиерейском доме». Напоминая об этом своем требовании, Миллер мотивировал его необходимостью «вношения в сочиняемую мною Сибирскую историю о крещении остяцкого и прочих идолопоклоннических народов преосвященным схимонахом Федором» [2]. Если вспомним, что речь об этом могла итти в связи с тем, что автор рассказывает об остяцких идолах в §§ 27—28 третьей главы, причем основанием рассказа служат там беседы его с остяками Троицкой Белогорской вол., то легко заметить, что текст этих параграфов мог появиться только после путешествия автора в Сургутский уезд летом 1740 г. Вероятно, отдельные главы «Истории» сочинялись в разное время, по мере поступления тех материалов, которые были положены в основу их. Особенно обильное поступление необходимых материалов было, как уже отмечено, в 1740 г., когда Миллер рабо-

[1] Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 811, лл. 98—99; ф. 21, оп. 2, № 26, л. 119 об., 133—135. Радлов. Сибирские древности, т. I, прил., стр. 106—107, прим. Инструкция В. Н. Татищева напечатана в труде Н. А. Попова, Татищев и его время, СПб., 1861, стр. 663—696.

[2] Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 2, № 26, лл. 80—82, 236.

тал в архивах Томска, Нарыма (туда же был привезен и Кетский архив), Березова и Тобольска. В Березове Миллер, как он пишет, «имел счастие, при разысканиях в архиве, открыть много старинных и полезных известий, которые все вместе велел списать для будущего пользования». В донесении того же 1740 г. в Академию Наук он писал: «это путешествие было мне весьма полезно для полнейшего изучения остяков и вогулов, их образа жизни и обычаев, а равным образом для составления по рассказам заметок о всем, касающемся самоедов...» Соображая, когда могли быть написаны те места «Истории», где автор основывается на своих личных наблюдениях и беседах с местными жителями, а также приводит ссылки на соответствующие архивы, можно установить terminus post quem, который для глав 1, 2, 3, 4 будет «не ранее 1740 года», но более вероятно, что окончательное оформление их происходило в 1741—1742 гг., когда условия работы Миллера стали более спокойными и подходящими, в виду вольного или невольного (из-за болезни) длительного пребывания его в 1742 г. в таких городах, как Туринск и Верхотурье; в обоих этих городах Миллер, как известно, пробыл около года (с начала 1742 г.) и в последнем даже женился. Именно в этом году, когда автор располагал почти всеми нужными ему данными, были окончательно созданы гл. 1—4, с которыми он вернулся в Петербург. Это предположение подтверждается самим Миллером, когда в 1746 г., по случаю сдачи в архив Конференции дел и рукописей своих и чужих, бывших в архиве Камчатской экспедиции, по поводу того, что некоторые из трудов Гмелина и его собственных оказались неоконченными, Миллер заметил: «что же не все в пути или по возвращении нашем в скорых числах окончено, то в Сибири чуть довольно было времени к собиранию надлежащих ко оному известиев, а паче когда где пребывание имели в городах, то почти все время понадобилося к пересмотру и к выписке старинных канцелярских дел, не упоминая о Истории сибирской, что самые старшие известия, туда надлежавшие, получены только при выезде из Сибири, в Березове, в Тюмени, в Туринске, в Пелыме, в Верхотурьи и у Соли Камской, где перед едучи мы не были или тогда время к собиранию из архива таких известиев не допустило...» [1]

2

Миллер вернулся в Петербург 14 февраля 1743 г. Проболев около месяца, он только в середине марта подал рапорт в Сенат, где говорит о своем возвращении и о тех условиях, которые необходимы для подготовки в «печать» собранных им материалов. Об ответе Сената неизвестно. Нет также сведений о том, что предшествовало получению Академией 1 апреля того же года указа Кабинета «о переводе на Российский диалект книги «Описание Сибирских городов», [2] представленной Миллером, надо полагать, во вто-

[1] Материалы для истории Академии Наук, VIII, стр. 212.

[2] Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 2, № 26, лл. 295—296. Дата, указанная в «Материалах для истории Академии Наук», VIII, стр. 211, неверна.

рой половине марта императрице Елизавете Петровне, лично знавшей Миллера и, по его словам, оказавшей много содействия ему при отправлении в экспедицию. Обстоятельства этого дела не удалось пока выяснить, но, очевидно, что при возвращении в Петербург текст первых четырех глав «Истории Сибири», так как о ней, конечно, идет речь в помянутом указе, был готов. Тексту предшествовала «дедикация» императрице, сохранившаяся в нескольких рукописях; ей Миллер придавал большое значение. Едва ли, однако, текст на немецком языке был читан императрицей или кем-либо из ее близких, и эффект, на который рассчитывал Миллер, тогда не получился. 8 апреля Канцелярия Академии Наук поручила спешно перевести «Описание Сибири» одному из своих переводчиков Ивану Голубцову, [1] которому с этого времени и до 1759 г., когда он умер, будут преимущественно поручать переводы трудов Миллера. 2 ноября того же года Голубцов рапортом сообщил Канцелярии, что он окончил перевод, который представил вместе с оригиналом. Судя по отметке на рапорте Голубцова, немецкий оригинал был возвращен в Кабинет 4 ноября. Последнее известие, однако, неверно, так как еще в мае — июне следующего 1744 г. с этого немецкого оригинала,присланного из Кабинета, по распоряжению Канцелярии, снимал копию бывший информатор Академической гимназии Герман, рукою которого писан один из трех списков первых четырех глав «Истории Сибири», хранящихся в Архиве Академии Наук. В сентябре 1746 г. в архив Конференции был принят от Миллера переплетенный том «в серебрянном море», с позолоченным корешком, под заглавием «История Сибири», кн. 1-я, содержащий 4 главы на немецком языке с приложением русских архивных документов. В 1750 г. том «Истории Сибири», присланный из Кабинета, безуспешно разыскивали в архиве Конференции и в Библиотеке Академии. В виду отсутствия описания его он, может быть, тождественен с тем, который ныне хранится в Архиве Академии Наук в разряде II, опись 65, № 1; в отличие от двух других списков того же архива этот список имеет перед текстом «Истории» «дедикацию» императрице, подписанную собственноручно Миллером. [2]

В виду происходивших в Академии в 1744—1746 гг. споров академиков с вернувшимся к делам академическим советником Шумахером, в которых автор «Истории Сибири» принимал деятельное участие, вопрос о дальнейшей судьбе сделанного Голубцовым перевода оставался долго неразрешенным. Сам Миллер в 1744 г., помимо участия в тех событиях академической жизни, о которых упомянуто, был занят еще одной работой.

Имея в виду тот богатый опыт и большие результаты, которые дало его сибирское путешествие, Миллер через год по возвращении из Сибири 16

[1] Биография Голубцова у П. П. Пекарского, «Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755—1764 гг.» (Записки Академии Наук, XII, прилож. № 5), стр. 21—22, и в Архиве Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 47, лл. 187—213 об.; № 461, л. 111.

[2] Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 76, лл. 1—9; № 813, л. 97; ф. 21, оп. 5, № 4; ф. 21, оп. 5, № 10 — почерк кописта И. Унгебауера.

марта 1744 г. вносит в Конференцию примечательное предложение «О сочинении истории и географии о Российской империи таким же образом, как я в сочинении истории и географии о Сибири и в собирании надлежащих к тому известий по сие время трудился». Работа Исторического департамента, который должен быть создан по проекту Миллера, прежде всего — собирание источников Российской истории, для чего во все концы России должны быть отправлены экспедиции, деятельностью коих руководит историограф, занимающийся сам просмотром архивных материалов Москвы и Петербурга; тот же департамент должен заниматься также собиранием и позже разработкой этнографических и географических сведений о России. Подробности прохождения этого любопытного проекта, в основном повторяющего опыт Миллера в Сибири и в общих чертах осуществленного Академией только через 80 лет, когда за это дело взялся П. М. Строев, не входят в задачу этого очерка. Встреченный отрицательно Шумахером в 1744 г., он был отклонен, как увидим, и позже, в 1746 г., когда Миллер подал его вторично новому президенту К. Г. Разумовскому.[1]

11 марта 1745 г. состоялось постановление Канцелярии о передаче перевода Голубцова для исправления самому Миллеру, «а когда он исправит», то перевод предписывалось отдать в переписку на александрийской бумаге подканцеляристу Калмыкову и копиистам Бякину и Мокееву с тем, чтобы они переписали его к 1 апреля 1745 г.[2]

Такая спешность, как можно думать, была вызвана повторным требованием Кабинета о присылке туда перевода «Истории Сибири». Но в переписке 1745—1746 гг. не нашлось никаких следов того, что постановление Канцелярии было выполнено. Причиной был, повидимому, самый перевод, исполненный, как видно из последующего, очень плохо и не удовлетворявший Миллера. Хотя он продолжал неуклонно посещать свою «каморку» в Академии, а переводчик Голубцов в сентябре 1745 г. «для переводу у проф. Миллера» получил две стопы «непроступчивой» бумаги и перьев два пучка, но трудились они не над «Историей Сибири».[3]

В протоколах Конференции 1744—1746 гг. находятся сведения о том, что в эти годы Миллер представлял для напечатания некоторые другие свои труды, в основном написанные еще в Сибири. Так, 5 марта 1744 г. им была подана общая и специальная география Сибири, через год полученная обратно для переработки; 22 апреля 1745 г. Миллером была представлена часть 1-я общего описания народов Сибири, взятая в ноябре того же года с тем, чтобы с нее был сделан Голубцовым перевод на русский язык, что и было выполнено последним. В том же 1745 г. Миллер трудился над составлением отзыва на географию России, составленную Винсгеймом, и

---

[1] Проект 1746 г. повторяет буквально проект 1744 г. и напечатан в «Материалах для истории Академии Наук», VIII, стр. 183—194, под 1746 г., когда он был вторично отклонен (постановление об этом там же, стр. 212—213).

[2] Материалы для истории Академии Наук, VII, стр. 297.

[3] Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 98, лл. 18, 111.

приступил к сочинению карт Сибири, когда его попытка внести поправки в печатавшиеся карты Сибири для «Атласа Российского» не достигла цели; составлением карт Миллер занимался в 1745 и 1746 гг., когда в марте этого года работы по картографии Сибири пришлось неожиданно прервать.

Но все это не исчерпывало трудов Миллера в эти годы. Вскоре после возвращения из Сибири он получил поручение Коммерц-коллегии дать описание сибирских торгов, что и выполнил в ближайшее время: текст был представлен в Коллегию и 20 августа 1745 г. в Академию; с немецкого оригинала тогда же был сделан русский перевод. Еще до отъезда в Камчатскую экспедицию Миллер интересовался тангутскими письменами: в заседании Конференции Академии Наук 22 мая 1733 г. он представил тангутский алфавит с транскрипцией и переводами тангутских текстов, а во время путешествия продолжал собирать материалы тангутские, о чем свидетельствуют его «обсервации исторические» 1736 г.,[1] где находим, напр., «вокабулярии на латинском, мунгальском, тунгуском и тангутском языках», «описание тангутской языческой службы», «перевод тангутского листа, который в Париже несправедливо переведен» и др. На основании своих собственных «обсерваций» и трудов других лиц (в частности, геодезистов, отправленных в те же годы Оренбургской экспедицией, во главе которой стоял В. Н. Татищев) Миллер написал и в конце 1744 г. представил сочинение на латинском языке о тангутских письменах и о тех местах, где они были найдены. Этот труд был заслушан в Конференции в начале 1745 г. и, одобренный к печатанию Конференцией, был первым после возвращения из Сибири печатным трудом Миллера, который появился в 1747 г. в «Комментариях» Академии в т. X. В заседании же Конференции 12 сентября 1746 г. была представлена Миллером небольшая работа под заглавием: «Vera interpretatio folii tangutici Fourmontiani», представляющая тот отрывок из «обсерваций» 1736 г., который отмечен выше как «перевод тангутского листа, который в Париже несправедливо переведен» французскими ориенталистами братьями Фурмонами. Нельзя не упомянуть, наконец, что в 1745 г. Миллеру было поручено Канцелярией рассмотрение рукописи перевода Абулгази, сделанного Тредьяковским.[2]

3

Вопрос об «Истории Сибири» встал снова только в 1746 г., когда, по предложению нового президента, Канцелярия вынесла 7 августа по-

---

[1] Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 143.

[2] Протоколы Академии Наук, II, стр. 10, 16, 24, 25, 42, 47, 49, 50, 55, 56, 78, 103—104, 106, 121, 122, 124, 157, 159. Рукопись «De scriptis tanguticis», по описям Архива Акад. Наук, числится за «Азиатским музеем», ныне Институтом востоковедения, но там теперь не отыскивается; рукопись «Vera interpretatio...» в том же Институте под № 83. См. также Материалы для истории Академии Наук, VII, стр. 276. Пекарский. История Академии Наук, II, стр. 44, 45, 219 (выполнил ли Миллер поручение о просмотре перевода Абулгази, неизвестно).

становление о том, чтобы Миллер объявил, «каким из методов Сибирскую историю сочинить намерен...» и чтобы он «старался оную историю, как скоро можно, к концу привести».[1] В поданном 14 сентября на имя президента рапорте Миллер указывал, что о «методе», по которому он сочиняет Сибирскую историю, можно судить по первой книге; если же в чем-либо этот «метод» неправилен, то просит дать указания; в черновике рапорта имеется далее зачеркнутое место: «а паче не начал ли я оную историю описать весьма пространно и не повелено ли будет...». Для успешного окончания работы Миллер просил: 1) для сочинения реестра хронологического и алфавитного, к рукописям собранным в Сибири, дать ему трудолюбивого и знающего немецкий и русский языки помощника, 2) дать немецкого кописта для переписки его трудов; 3) «великое мне побуждение будет к прилежанию, продолжал он, ежели я увижу, что мои описания ученому свету, а паче Российскому государству в пользу в печать изданы будут, дабы мне не остаться в сомнении, в котором я поныне нахожусь, что мои труды токмо червям на пищу или другим людям, которые оными после меня пользоваться будут, в похвалу служить имеют, так, как сделалось с описаниями покойного доктора Мессершмидта. А у меня столько к печатанию приготовлено, что один пресс в год того не напечатает»; 4) отмечая в заключение, что для продолжения работы требуется прежде всего, «чтоб мысли были спокойны и от печали и от неудовольства не было бы какого помешательства», и указывая на свою ипохондрическую болезнь, из-за которой по неделям он не может приняться за работу, Миллер просит о прибавке жалованья и о награде за сибирское путешествие.[2] Эта тема о жалованье, уменьшенном ему по приезде в Петербург наполовину, и о награде за сибирское путешествие будет постоянно повторяться в сношениях Миллера с академическим начальством 1747—1753 гг., пока, наконец, он не получит удовлетворение, хотя и неполное.

В 1746 г. Миллер пробовал выступить со своим старым проектом 1744 г. о создании при Академии особого Исторического департамента для собирания источников русской истории и изучения их под руководством историографа, пребывающего вместе с подчиненным ему департаментом первые годы в Москве, в центре всех архивов. Проект был встречен столь же неприязненно Канцелярией, в лице Шумахера, как и в 1744 г. Канцелярия добилась того, что вскоре после подачи этого проекта Миллеру не только не дали возможности собирать новые материалы по истории России и Сибири, о чем он говорит в своем проекте, но и привезенные им из путешествия приказано было сдать в архив Конференции. Возражения Миллера против этого распоряжения президента 16 июля 1746 г. не имели никакого успеха, и в середине сентября эта сдача произошла. Реестр всего сданного тогда в архив напечатан в «Материалах для истории Академии Наук»,

[1] Материалы для истории Академии Наук, VIII, стр. 212—213.
[2] Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 1, № 16, лл. 8—9 об.

VIII, стр. 194—212, и представляет наиболее полную опись всего того, что в 1733—1742 гг. было отправлено Миллером и Гмелином в Сенат и в Академию Наук, с указанием в реестре дат, когда соответствующие рапорты, доношения, вещи и проч. были посланы. Этот реестр — ценный источник для восстановления фонда Камчатской экспедиции, подвергшегося позже своеобразному разбору. Тогда же, в 1746 г., была составлена сдаточная опись-сводка всего материала по разделам: рукописи самого Миллера, переписка, копийные книги, рисунки и ландкарты. [1]

Только в конце ноября состоялся указ президента, подписанный им 17 декабря, о том, чтобы перевод Голубцова отослать Миллеру, «дабы он российской перевод означенной книги сам высмотрел и исправив в такое состояние привел, чтоб оную можно было напечатать». Этот указ получен был Миллером 17 января 1747 г. [2]

В январе 1747 г. Миллер докладывал президенту, что он «упражняется» в исправлении русского перевода «Истории Сибири»; он продолжал ту же работу еще в марте, причем в объяснение медленности ее писал: «мне столько ж при том трудов есть, как будто я оную историю вновь перевожу». Только в начале июля 1747 г. Миллер сдал перевод в Канцелярию, которая постановила передать его на рассмотрение Ломоносову. Последний, видимо, внес в перевод какие-то исправления, так как перевод снова был передан Миллеру, который 9 ноября того же года вернул в Канцелярию «Сибирскую историю вновь поправленную», прося ее печатать, так как «в оной более поправлять ему нечего». Этот исправленный Миллером перевод был затем, по постановлению Канцелярии, передан Голубцову, «дабы он ее (Историю) свел с своим переводом и с подлинником согласил». Тогда же состоялось постановление о печатании «Истории» в количестве 600 экземпляров, в четвертку, причем в корректуре позволялось «переменять некоторые речи, которые разума не пременяют или перебору в полосах не причинят, а новых мнениев или целых параграфов никоим образом не вписывать». [3]

В связи с тем, что по новому контракту, заключенному Миллером с Академией в ноябре 1747 г., он обязался разрабатывать историю Сибири совместно с Фишером, текст труда Миллера был сообщен последнему. Фишер вскоре доставил в Канцелярию свои замечания на главу 1-ю. Препровождая их 3 февраля 1748 г. Миллеру, Канцелярия предлагала ему иметь сношения с Фишером «обо всей Сибирской истории», в частности, распределении между ними работы. Отвечая Канцелярии 13 февраля, Миллер просил запросить Фишера о его занятиях по истории Сибири, так как на «партикулярное» письмо его от 14 января Фишер ничего не ответил.

[1] Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 813, лл. 55—55 об., 96—99, 105—110 об. и 117.

[2] Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 1, № 16, л. 12. — Материалы для истории Академии Наук, VIII, стр. 302, 331.

[3] Материалы для истории Академии Наук, VIII, стр. 361, 405, 499, 594—595, 610—611. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова, стр. 88.

Отношения между академиками были таковы, что рассчитывать на совместные их труды было невозможно, как это показал опыт работы их в учрежденном в конце 1747 г. Историческом департаменте. Следует заметить, что в этот департамент был передан вновь архив Камчатской экспедиции, с сентября 1746 г. находившийся в архиве Конференции. По мысли, вероятно, того же Шумахера было создано в марте 1748 г. еще одно учреждение в составе Академии Наук — Историческое собрание, которому фактически пришлось заняться не только улаживанием споров между обоими академиками, но на него же было возложено рассмотрение первой книги «Истории Сибири» и примечаний Фишера на нее.

4

Деятельность обоих учреждений — Исторического департамента и Исторического собрания — остается неосвещенной в трудах по истории Академии Наук. П. П. Пекарский касается их мимоходом и в связи, главным образом, с отдельными моментами биографии Миллера и Фишера. Впрочем, в Архиве Академии Наук пока не отысканы еще главнейшие материалы о них, а именно протоколы Исторического собрания за 1749 и следующие годы, а потому и об участии Собрания в рассмотрении представленного Миллером позже текста глав 6—23 придется ограничиться в дальнейшем лишь краткими замечаниями.

Один из членов этого собрания Фишер, как отмечено уже, еще в начале 1748 г. представил свои замечания на первую главу «Истории Сибири». Эти замечания поступили в апреле на рассмотрение Исторического собрания, и Миллер со своей стороны дал на них ответы. По поручению собрания Фишер составил затем замечания на главы 2—5. В последующие годы, в 1751—1752 гг., когда то же собрание рассматривало гл. 6—17 «Истории Сибири», Фишер неизменно выступал со своими «примечаниями», которые в полном виде были недавно найдены мною в Архиве Академии Наук и в качестве приложения будут напечатаны в III томе нашего издания. Ответы Миллера сохранились только отчасти, в отношении глав 1—5, и будут также напечатаны. [1]

По постановлению Канцелярии все вообще сочинения Миллера о Сибири должны были поступать на рассмотрение Исторического собрания, но в течение 1748 г. разбирались лишь три его труда: 1) «История Сибири», главы 1—5; 2) «О тангутских письменах», перевод К. Кондратовича, и 3) «География Сибири». Только в отношении «Истории Сибири» сохранившиеся протоколы Исторического собрания за этот год сообщают некоторые подробности. Обсуждение «примечаний» Фишера на «Историю Сибири» и ответов Миллера происходило 18, 20 и 22 апреля, 25 и 27 мая, 1, 3, 6, 8 июня, 6, 13 и 28 июля и, наконец, 21 декабря. Но секретарь собрания В. К. Тредья-

[1] Архив Акад. Наук, разр. I, оп. 81, № 8.

ковский только в двух случаях составил подробный протокол о происходивших в собрании суждениях, ограничившись в остальных краткой передачей их.

Повидимому, наиболее оживленному обсуждению подвергся текст § 35, гл. 2, где внимание Фишера и других привлекло следующее место: «Nur der Raub war nicht mit unter die Verbrechen gezählet, und wurd folglich nicht bestrafet. Die Cosaken sahen dieses Nahrungsmittel als ihren Beruf an, und glaubten so viel Recht zu fremden Gute, als zu dem Jhrigen zu haben». В. К. Тредьяковский записал подробно суждения тогдашних академиков в заседаниях 3 и 6 июня 1748 г. о личности Ермака, и эти суждения представляют большой интерес для характеристики людей, разбиравших исторический труд Миллера. [1] В результате Миллер опустил соответствующее место этого параграфа, восстановив его позже в немецком издании 1761 г.

К маю того же 1748 г., когда начались эти любопытные суждения, относится распоряжение Канцелярии о том, чтобы дела архива Исторического департамента, состоявшего исключительно из дел Камчатской экспедиции, были переданы в Историческое собрание; позже состоялось распоряжение о сдаче их в архив Конференции, что и было выполнено в сентябре 1748 г. несмотря на робкие протесты Миллера. [2] Нельзя не согласиться с ним, что лишение его всех архивных материалов и бумаг весьма затруднило его последующую работу.

5

Пока происходило обсуждение текста первой книги «Истории Сибири», перевод ее, отданный Голубцову для окончательного редактирования, оставался без движения. В мае 1748 г. Миллер сообщал Канцелярии, что «от переводчика Голубцова мало мне помочи в переводах, потому что он пьянствует беспрестанно, а я никаким увещанием ни угрозами от того унять его не могу», и потому просил о назначении нового переводчика. На основании предложения Шумахера 28 мая было постановлено: «Ежели господин Миллер книгу о Сибири окончил, то оную можно отдать Лебедеву, которую он переводить может тогда, когда в ведомостной экспедиции дела у него не будет, а между тем употреблять и Голубцова». [3] Так был начат

---

[1] Полный текст их в «Библиогр. Зап.», III, 1861, стр. 515—518. Протоколы Исторического собрания 1748 г. и другие материалы об отношениях Миллера и Фишера в 1748 г. — в Архиве Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 802; ф. 21, оп. 1, № 18, лл. 86—121, № 20, лл. 29—30; Чтен. Моск. общ. ист. древн., 1866, кн. 3, смесь, стр. 15—16, 16—18 и 22.

[2] Опись, по которой Миллер сдавал дела Камчатской экспедиции в мае 1748 г., в Архиве Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 802. Впрочем, архив Камчатской экспедиции, повидимому, вновь был передан в том же 1748 г. или в начале 1749 г. в Исторический департамент, если судить по переписке марта-апреля 1749 г. о переплете «Сибирских описаний и прочих дел», находящихся в «Историческом архиве», который состоял при Историческом департаменте. — Материалы для истории Академии Наук, IX, стр. 702—703, 729.

[3] Материалы для истории Академии Наук, IX, стр. 240, 243.

Сибирская История
представляющая
верное описание
всех в пространном оном царстве произшедших дел,
с начала онаго, как еще разными языческими
народами овладаемо было,
а наипаче от времени благополучнаго первых
Сибирских стран российской Империи покорения,
по сии времена;

сочинена
Герардом Фридрихом Миллером

Книга первая

Печатана

[illegible]

Рис. 2. Один из образцов титульного листа „Истории Сибири“, представленный Г. Ф Миллером.
(Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 156, л. 2.)

новый перевод «Истории Сибири». В июне переводчик Лебедев получил из Канцелярии четыре главы «Истории Сибири»; окончив перевод первой из них, он при рапорте 3 августа представил его, а на следующий день Канцелярия постановила перевод Лебедева послать «для освидетельствования к проф. Ломоносову: достоин ли тот перевод отдать для напечатания», с просьбой выполнить поручение «как наискорее». Но еще до получения ответа Ломоносова, а именно 10 августа, было вновь постановлено: «профессора Миллера «Историю Сибирскую» немедленно печатать на русском языке, как Роллена, [1] в четверть листа артиллерийскими литерами на здешней комментарной бумаге, 1200 экз., да 100 экз. на иностранной комментарной бумаге и 25 экз. на средней александрийской бумаге. А как скоро и латинский перевод готов будет, то оную книгу таким же образом, как и Флору Сибирскую [2] на латинском языке печатать». Новое постановление таким образом увеличивало тираж и качество издания. Вопрос о латинском переводе, вероятно, не пошел дальше этого постановления, так как в архивных материалах никаких сведений о нем не сохранилось. 12 августа был получен ответ Ломоносова, где он писал, что в присланной ему «первой книге... переведенной с немецкого на русский язык переводчиком Василием Лебедевым», он нашел лишь малые погрешности, «которые больше в чистоте штиля состоят», и высказался за печатание; на основании этого отзыва Канцелярия подтвердила свое прежнее постановление от 10 августа. 19 августа было дано предписание типографии и вместе с тем послан туда оригинал. Лебедев перевел также §§ 1—64 второй главы, а все остальные параграфы этой главы, а также гл. 3 и 4 переведены Голубцовым, причем он внес кой-какие исправления и в перевод гл. 1 и 2. Когда позже было решено присоединить к первой книге главу пятую, то она переведена тем же Голубцовым, но его перевод исправлен Модрахом. [3]

К этому же времени относится одно предложение Миллера, не одобренное Канцелярией, вероятно, потому, что в случае принятия его с трудом продвигавшееся дело издания «Истории Сибири» могло бы затянуться на очень долгое время. 11 июня 1748 г. Миллер заготовил представление в Канцелярию, по счету вторичное, о необходимости принять меры к снятию копий с рукописей В. Н. Татищева, «которыми он сам за старостью и за слабым здоровьем надлежащим образом пользоваться не может»; Миллер выражал готовность поехать для этого лично в Москву, «притом я бы мог и другие нужные дела для пополнения Сибирской истории там отправлять, потому что я еще на Москве не был, а в Сибирском приказе надлежит архиву пересмотреть и из оной надлежащие до Сибирской истории документы отдать списывать. Пока сие не делается, то Сибирская история будет неполна,

[1] Т. е., по образцу известного издания Академии: Роллен. История древняя о египтянах, карфагенянах... Перев. с франц. В. Тредьяковский. 10 частей с картами. 1749—1762. 4°.

[2] Gmelin, Joannes. Flora Sibirica... IV Tomi. 1747—1769, 4°.

[3] Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 120, лл. 94—102; ф. 21, оп. 5, № 156, лл. 1—192 — почерк Лебедева, лл. 193—323+1—40 — почерк Голубцова.

потому что во многих Сибирских городах в архивах великие недостатки примечены... которые... уповательно из архивы Сибирского приказа возвращены быть могут». Если отправление его самого встретит затруднения, Миллер предлагал послать в Москву Фишера. На черновике этого доношения его же рукою написано: «сие доношение не принято», а в поданном на следующий день ничего не говорится об изучении архива Сибирского приказа. [1] Канцелярия не приняла мер и к выполнению предложения Миллера об охране бумаг В. Н. Татищева, среди которых было немало материалов по истории Сибири; как известно, большое собрание их погибло во время пожара, бывшего в имении Татищева вскоре после его смерти в 1750 г.

В заседании Канцелярии 10 октября 1748 г. было заслушано представление корректора Барсова о том, что Миллер «корректуру книги поправляет неоднократно и у себя удерживает, и тем течение должит», между тем книгу «велено... как наискорее печатать»; на основании этого Канцелярия постановила: «оной книги корректуру править переводчику Голубцову, а... Миллера, за недовольностию российского языка, от того отменить», о чем ему был послан 14 октября указ. [2] Это распоряжение дало Миллеру повод написать на следующий день длинное письмо на французском языке Г. Н. Теплову, подписавшему указ. В письме Миллер объявляет все обвинения его в большой правке, в задержке корректур и проч., приведенные в указе 14 октября, «безусловно лживыми» и дает подробнейшее объяснение по поводу неправильности всех обвинений. В частности, по поводу внесенных им исправлений, он пишет: «до сих пор я правил только первую корректуру, во второй же я следил только за тем, внесены ли мои исправления. Делал я это не ради собственной славы, которая не может быть основана на переводе, ошибки которого мне не удалось исправить, но из желания принести пользу обществу, зная, что перевод всегда требует исправления, по признанию самого переводчика, автором коего он является; без согласия переводчика я не вносил никаких исправлений...» Не получая ответа на свое письмо, Миллер снова 29 ноября писал по поводу указа об отстранении его от правки корректуры, спрашивая, остается ли в силе указ, неудобства которого обнаружились ярко в том эпизоде, который Миллер приводит в письме: 21 ноября в его руки случайно попала корректура его «Истории», в которую Барсов и Голубцов внесли уже исправления; Миллер нашел в ней такие грубые ошибки, которые во многих местах совершенно искажали текст. Миллер не мог удержаться от выражения соответствующих чувств по адресу Голубцова, который признал замечания Миллера совершенно справедливыми. Миллер не внес, однако, исправления своим почерком, чтобы не вызвать нового гнева Шумахера, вершителя дел в

[1] Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 1, № 18, лл. 14—15.

[2] Материалы для истории Академии Наук, IX, стр. 460, 480. Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 1, № 18, л. 20.

тогдашней Канцелярии Академии Наук, но сделал это, подделываясь под почерк Голубцова, и, несмотря на то, что исправлений было очень много, корректура не вызвала никаких замечаний со стороны Канцелярии, через которую шли корректуры в типографию. «На основании этого вы можете судить о беспристрастии вашего коллеги, — писал Миллер Теплову. Его задача состоит в том, чтобы причинять мне печаль, в надежде, что эта печаль, своего рода яд для меня, сведет меня скоро в могилу. Получит ли он это удовольствие или нет, будет зависеть от решения его светлости и вашего вмешательства в это дело».[1] Формально указ 14 октября не был, повидимому, отменен, но Миллер имел возможность в дальнейшем принимать участие в правке корректур, как это можно заключить из его доношения в декабре того же 1748 г.[2]

В доношении в Канцелярию 3 мая 1749 г. Миллер пишет, что печатание первого тома «Истории Сибири» приходит к концу: напечатано уже 4 главы — 38 листов и набран уже л. 39-й, и только осталось «прибавить предисловие и две небольшие летописи Сибирские, на которые я в Истории часто ссылаюсь», но в виду того, что Канцелярия «не позволяет помянутые летописи напечатать для того, что ничего без апробации его графского сиятельства... президента печатать не велено», Миллер просит послать прилагаемые летописи в Москву, где в то время находился президент гр. К. Разумовский. Последнее желание Миллера было выполнено очень быстро, но официальное доношение 8 мая в Главную канцелярию в Москве Петербургская канцелярия Академии Наук сопроводила следующим замечанием: «понеже оное его предложение о печатании летописцев при его истории, которая без нужды наполнена жалованными грамотами, довольно видно, что он никакого другого намерения не имеет, как только свою историю увеличить и время провождать, а уповается, то б лучше и безопаснее было, чтоб летописцы и жалованные грамоты особливо напечатав, показав их наперед в надлежащем месте для опробации, ибо оные дела такие, о которых рассуждать должны господа министры или Правительствующий сенат». В виду отсутствия протоколов Исторического собрания за 1749 г. нет возможности проверить сообщение Шумахера в письме его Г. Н. Теплову 16 марта 1749 г. о том, что Миллер читал свое предисловие в Историческом собрании, и присутствовавшие там не сделали никаких замечаний, и что Миллер принял их молчание за согласие, выразив намерение послать предисловие, минуя Канцелярию, прямо президенту. Уверенный в том, что Миллер это уже сделал, Шумахер просит Теплова не спешить с ответом, а выслать предисловие ему, Шумахеру, а он представит свое мнение «без утайки и как следует честному человеку». Действительно, предисловие помимо Петербургской канцелярии попало в Москву, оттуда было переслано Шумахеру, а этот «честный человек» не

[1] Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 1, № 20, лл. 124—126; № 18, лл. 21—23, 24—25 об.

[2] Материалы для истории Академии Наук, IX, стр. 627.

только дал отзыв об этом предисловии, но и предложил вместо него свой проект, более соответствовавший интересам Академии, как он их понимал. В соответствии с мнением Шумахера состоялся указ Главной конторы Академии Наук 5 июня 1749 г. и на основании его С. Петербургской конторы Академии Наук 13 июня, по которым, вместо составленного Миллером предисловия, было приказано напечатать другое, сочиненное Шумахером и одобренное в Москве Тепловым и вслед за ним президентом; печатание же летописей было найдено излишним и даже вредным; обо всем этом Миллер был уведомлен 14 июня, а новое предисловие в тот же день направлено в типографию. [1]

Получив указ с определением о предисловии и летописях, Миллер на следующий день, 15 июня, вошел с предложением о присоединении к первому тому еще двух глав, уже «освидетельствованных» в Историческом собрании и переведенных на русский язык. Но в ответ на это последовал 20 июня указ о посылке к адъюнкту Карлу Модраху немецкого и русского текста одной только пятой главы для сверки и исправления перевода ее, сделанного Голубцовым. 8 июля Миллер представил в Канцелярию пятую главу, исправленную Модрахом, сообщая, что 6-я глава хотя переведена, но еще не исправлена. [2] Надо думать, что перевод главы 5-й был затем направлен в типографию, которая закончила печатание всей первой книги только в конце мая следующего 1750 г., употребив, таким образом, на печатание лл. 39—$63^1/_4$ почти год. В середине мая 1750 г. печатался еще «виньет Сибирского царства», исполненный мастером Иваном Соколовым по рисунку академика Штелина, который был заказан ему 14 марта 1750 г. В репорте 29 мая, сообщая об окончании печатания, корректор Барсов, между прочим, писал: «а обошлась оная книга, считая за набор и печатание, без бумаги, в 1015 р. 25 к., а каждый экземпляр обошелся не с большим по 75 коп.; всего 1325 экз., в каждом $63^1/_4$ листа, стоимость бумаги исчислялась в 339 р. 85 к.». 6 июня 1750 г. Канцелярия дала указ комиссару Зубкову о принятии в книжную лавку отпечатанных экземпляров с тем, чтобы «продавать каждый экземпляр на русской комментарной бумаге по 1 р. 50 к., на заморской комментарной на продажу оставить только 50 экз., которые продавать по 1 р. 80 к., остальные на комментарной заморской 50 и на александрийской 25, всего 75 экз., оставить для подносу». [3]

6

К сожалению, материалов о печатании последних 25 листов «Истории Сибири» не удалось пока найти. В виду этого остается невыясненным про-

[1] Материалы для истории Академии Наук, IX, стр. 748—752; X, стр. 9—10, 17—20, Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 120, лл. 103—110 об.; № 819—дело «мая 14-го 1749 года. По репорту из СПб. Канцелярии Академии Наук о апробации летописей Тобольской и Сибирской и при том сочиненное Миллером предисловие прислано», лл. 90—107. Пекарский, История Академии Наук, I, стр. 53, 351—355.

[2] Материалы для истории Акад. Наук, X, стр. 22—23, 29, 40.

[3] Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 120, лл. 111—121 об.

исхождение той дедикации, которая предшествует предисловию печатного текста, но во всяком случае она не имеет ничего общего с той дедикацией, которая была в рукописи, поданной Миллером в 1743 г. в Кабинет и от которой он «много себе добра надеялся». Миллер склонен был винить в этой замене одной дедикации другой Шумахера; по его словам, «при печатании та дедикация (1743 г.) завистью канцелярских членов, паче советника Шумахера, оставлена, и дабы недостаток не виден был, то они именем всея Академии другую дедикацию наместо первой поставили, необыкновенным примером, чтоб целый корпус дедиковал книгу, одним человеком сочиненную» [1].

Оригиналы титульного листа были написаны рукою Миллера, и один из двух гласил следующее: «Сибирская История| представляющая| верное описание| всех, в пространном оном царстве, происходивших дел| с начала онаго, как еще| разными языческими народами обладаемо было, а наипаче от времени благополучнаго первых Сибирских стран| Российской империи покорения, по сии времена| Сочинена| |далее другим почерком| Герардом Фридрихом Миллером, императорским историографом, университета ректором, Академии Наук профессором и членом, также и членом королевского Лондонского социетета |далее вновь рукою Миллера| книга 1-я». Как известно, на титуле русского издания 1750 г. стоит нечто другое, а именно: «Описание| Сибирского царства| и всех| происшедших в нем дел,| от начала| а особливо от покорения его| Российской державе| по сии времена; |сочинено | Герардом Фридериком Миллером, | Историографом и Профессором Университета| Академии Наук и Социетета| Аглинского Членом| Книга первая». Этот последний титул сочинен, вероятно, Шумахером, и Миллер не принимал в этом деле участия, а в 1751 г. по поводу этого титула вполне резонно заметил, что отсутствие в томе географии Сибирской едва ли оправдывает заглавие книги «Описание Сибирского царства». Вместо обоих названий труда Миллер в своих рукописях 1743 г. называл его кратко: «Sibirische Geschichte», а в экземпляре, который, кажется, был подносным: «Geschichte von Sibirien»; в издании 1761 г. Миллер вернулся к первому названию. Впрочем, «История Сибирская», вместо «Описания Сибирского царства» стоит в колонтитулах того же издания 1750 г.; ясно, что название труда «Описание Сибирского царства» появилось уже тогда, когда весь труд был отпечатан и, несомненно, принадлежит составителю предисловия Шумахеру, в котором оба названия употребляются одновременно.

«Краткая хронологическая роспись Сибирской истории», помещенная в конце книги, встречается в рукописях Миллера и составлена им. Но «реестр» алфавитный, вероятно, сочинен переводчиком Голубцовым под наблюдением Миллера, как о том можно судить по типографскому оригиналу, в котором этот реестр весь писан Голубцовым, но имеет поправки

---

[1] Архив Акад. Наук, ср. 21, оп. 1, № 20, л. 82 об; ср. лл. 29—36 (пункт 9-й). Дедикация Миллера в рукописях того же архива, ф. 21, оп. 5, №№ 11 и 54.

Миллера. К книге не приложено карт, и нет сведений о том, что вопрос о них поднимался. Впрочем, надо заметить, что в последнем году печатания Миллер принимал слабое участие в этом деле, будучи отвлечен теми событиями, которые разыгрались в Академии в связи с его диссертацией о происхождении российского народа; они сильно повлияли на Миллера, и в конце 1749 г. он серьезно заболел.

7

В марте 1749 г. Шумахер послал книгу Миллера в отпечатанных уже листах В. Н. Татищеву, вероятно, в надежде получить о ней неблагоприятный отзыв. Когда об отзыве стал просить Татищева также Г. Н. Теплов, то Василий Никитич откликнулся особой работой, озаглавленной им «На Сибирскую историю примечание». Эта работа представляет несомненный интерес, как первая научная оценка труда Миллера человеком, наиболее компетентным в те годы в вопросах истории России и не связанным с Миллером какими-либо личными отношениями. В письме к Шумахеру 30 марта 1749 г. В. Н. Татищев писал о труде Миллера: «С великим моим удовольствием присланное от вас начало Сибирской истории прочитал и с благодарением возрасчаю. Сие есть начало русских участных историй, и нельзя инаго сказать, как хваления и благодарения достойная в ней. Сколько труда, сколько смысла сочинителя, а наипаче образец впредь пожелаючим о других приделах сочинять, чрез что слава, честь и польза России преумножится. И хотя в ней есть нечто поправления и дополнки требующее и может достаточнее сочинена быть, однакож ее достойность похвалы тем не умалится, и недостатки ни к какому пороку сочинителя причтены быть не могут, ибо никто требовать по справедливости того не может, чтоб он все потребное к тому в архивах и историях, в разных руках находящихся, знать мог и во мнении не погрешил, а наипаче, что у нас такие истории все токмо письменные, и без росписей алфабетических невозможно потребного сыскать, разве все самому читать, что весьма неудобно...» Составленные Татищевым примечания были пересланы Миллеру, и на них он составил свой ответ; оба текста будут напечатаны в нашем издании.[1] Впрочем, отзыв В. Н. Татищева остался известен только немногим лицам, как раз тем, которые более всего занимались распространением других мнений о труде Миллера.

---

[1] Архив Акад. Наук, ф. 1, оп. 3, № 37, лл. 308—309 об. (за 1749 г. № 56—копия); ф. 3, оп. 1, № 131, лл. 241—243. Материалы для истории Академии Наук, X, стр. 52. Примечания Татищева с ответами Миллера хранятся в ГАФКЭ, Портфели Миллера № 150, ч. IV, тетр. 26 и в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 11, и ф. 3, оп. 1, № 817. Н. А. Попов в своей статье «Ученые и литературные труды В. Н. Татищева» (Зап. Акад. Наук, т. LV, № 4 (1887), стр. 61) приводит другой отзыв Татищева о Сибирской истории Миллера, но это мнение историка относится не к Миллеру, а к автору другого труда, полученного Татищевым от Шумахера в 1749 г. (именно к труду Роллена); об этих двух трудах см. также в письме Татищева к Теплову 28 апреля 1749 г. — Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 819.

Об отношениях к Миллеру академического советника Шумахера достаточно известно, и некоторые моменты их отмечены выше в связи с теми или иными постановлениями Канцелярии, где Шумахер во все годы подготовки к изданию и годы печатания «Истории Сибири» играл исключительную роль. Но не менее определенно отрицательным к Миллеру было отношение Г. Н. Теплова, советника и фактического руководителя гр. Разумовского; начало этой неприязни Миллер был склонен относить к 1746 г., когда профессора при вступлении нового президента в должность подали ему «поздравительное письмо» с теми пожеланиями, выполнение которых должно способствовать улучшению академической жизни.[1] Эти два лица, несомненно, сильно влияли на тот ход издания «Истории Сибири» и других трудов Миллера, который отмечен выше. В других событиях академической жизни 1743—1750 гг. это отношение сказывалось еще более ярко, но об этом здесь не место говорить. Во всяком случае, еще до выхода в свет первого тома, в академических кругах широко распространилось мнение о том, что разработка «Сибирской истории» идет совершенно неправильно, что Миллеру с этим делом не справиться, что составление второго тома «Сибирской истории» надо поручить академику Штрубе де-Пирмону и т. п.[2] Обе стороны о своих спорах и этих, нередко личных, недоразумениях оставили много материалов, разобраться в которых порой нелегко, но и совсем пройти мимо них невозможно, поскольку они имеют отношение к нашей теме.

8

Вопрос о продолжении «Сибирской истории» был поставлен, как уже сказано, еще до выхода первого тома и особенно обострился после выхода в свет первого тома и принятия Историческим собранием в заседании 2 мая 1750 г., без ведома Канцелярии, постановления о печатании исследования Миллера о сибирских надписях. Около обоих фактов велась оживленная и неспокойная переписка, одним из важных моментов которой было постановление Канцелярии 19 июня 1750 г., где читаем такое место: «а понеже усмотрено, что в первом томе Истории Сибирской, которой уже напечатан, большая часть книги не что иное как только копии с дел канцелярских, а инако бы книга надлежащей величины не имела, то чрез сие накрепко запрещается, чтоб никаких копий в следующие томы не вносить, а когда нужно упомянуть какую грамоту или выписку, то на стороне цитировать, что оная действительно в академической архиве хранится. Вам же (Миллеру) продолжение истории подавать на немецком языке прямо в Канцелярию, когда что сочинено будет, а до переводов русских дела никакова не иметь, и стараться о переводах в Канцелярии».[3] Этому постано-

[1] Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 1, № 20, л. 82 (зачеркнутое в черновике).

[2] Пекарский, История Академии Наук I, стр. 68 (из письма Шумахера к Теплову 17 июня 1749 г.

[3] Материалы для истории Академии Наук, X, стр. 443. Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 1, № 20, лл. 4—5.

влению предшествовали личные и письменные сношения Миллера с Тепловым. О содержании одного из разговоров, именно 11 июня, можно судить по двум документам личного архива Миллера. [1] В ответ на эту беседу Миллер написал 16 июня 1750 г. «предложение» «Канцелярии Академии Наук господину ассесору Теплову», в котором, как и в других его письмах того же 1750 г., [2] подробно приводятся те обвинения, которые выставлялись против него за медленное представление и опубликование его сибирских трудов. Начало упомянутого «предложения» кратко передает содержание беседы 11 июня: Миллер вновь говорил Теплову о тех препятствиях, которые чинят ему в продолжение начатой им «Сибирской истории», прося об устранении их, но в ответ на это Теплов стал обвинять самого Миллера, «будто я, как пишет последний, не исполняю по своей должности, в чем обязался по контракту издавать ежегодно по одной книжке Сибирских моих описаний и путешествий, а ныне первой том Сибирской истории напечатан, и другой де я к печатанию еще не изготовил, за что де могу быть в ответе и без жалованья»; сверх того, Миллеру ставилась в вину бесполезная трата времени на такие труды, как его диссертация о происхождении русского народа и защита ее в академических собраниях, на писание диссертации о сибирских древностях, которой от него никто не требовал, и на сочинение диссертации «о истории татарской». С своей стороны, отвечая на эти и подобные обвинения, изложенные в разных постановлениях 1750 г., Миллер приводил серьезные возражения, сущность которых сводилась к следующему: 1) кроме трудов по изданию «Истории Сибири» (правка перевода, чтение корректур «Истории» и сочинение диссертации о сибирских древностях) он выполнял по поручению Академии в 1743—1750 гг. другие работы, не имеющие отношения к его прямым обязанностям (составление генеалогических таблиц всей императорской фамилии и удельных князей, разбор родословных Крекшина, сочинение университетского регламента, чтение лекций, разбор меньшиковского архива, составление диссертации о происхождении русского народа и ее защита, сочинение «росписи татарским ханам, которые по Волге владели» и истории одного из них и др.); 2) он указывал на отсутствие помощи ему со стороны Фишера, который по контракту 1747 г. обязался помогать Миллеру в его работе, а равно отсутствие помощи со стороны других лиц (переводчиков, копиистов и проч.) и вместе с тем отсутствие удобных условий для работы (передача архива Камчатской экспедиции в архив конференции и неудобные условия работы в последней); 3) медленность в опубликовании его трудов, представленных уже в 1743 г., но из коих только два труда, о тангутских письменах и «История Сибири» кн. 1-я, были напечатаны, причем относительно быстроты печатания последнего Миллер делал правильные замечания. «В контракте (1747) не изображено, какую часть Си-

---

[1] Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 1, № 20, лл. 29—36 и 47—51 об.

[2] Они собраны Миллером в особом деле, хранящемся в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 1, № 20.

бирских моих описаний прежде или после издавать в печать, по оное, как то и самое дело требует, оставлено моему рассуждению; учинено начало с истории, которая без географии о таких по сие время недовольно знаемых странах по большей части бесплодна, того ради от меня и географическое описание Сибири двояким образом сочинено и в архиву академическую отдано... в таком намерении, дабы историю и географию в одно время в печать издавать было можно. Сверх того приготовлен от меня к печатанию первой том описания народов да первой же том Сибирского нашего путешествия...», а также описание Сибирских торгов. «Так что на меня вину положить никак невозможно, будто бы за моею неприлежностью ничего Сибирских описаний в печать производить не можно было». Вину за то, что большая часть из представленного им не была издана, Миллер возлагал на Шумахера: «всячески он советник препятствовал, чтоб моих трудов ничего в наружие не вышло и в ней Академии и другим людем не известно было; пока он Канцеляриею правил один без президента, то кроме одной диссертации на латинском языке ничего моих сочинениев не напечатано, а во оной диссертации я упоминаю о нем господине советнике, почему заключить должно, что больше он о прославлении имени своего, нежели о общей пользе старался. После того напечатана книга Сибирской моей истории, но так медленно, что чего в три месяца зделать можно было, то едва в три годы совершилось. А типография всегда находилась под особливою дирекцией советника Шумахера». Заключая пространную записку на имя Теплова от 16 июня 1750 г., Миллер писал: «все вышеписанное я предлагаю... не в такой силе, будто бы я хотел остановить продолжение Сибирской истории, яко самого любимого мне дела, которое, пока я жив, и ваше старание будет, остановку иметь не может, ибо хотя сегодня приказать второй том зачинать, напечатать можно: шестая глава, которая во 2-м томе будет первая, давно изготовлена... А о следующих главах не извольте печалиться, будут готовы, когда будут надобны...»; 4) переходя к вопросу о материальных своих претензиях к Академии — неуплате разницы в жалованье, уменьшении жалованья, нежелании выдать обещанную награду за Сибирское путешествие, Миллер правильно заключал свое предложение Теплову указанием, что работа будет выполнена, если «вы изволите приказать исполнение чинить, по контракту выдавать за прошлые годы недоданное жалованье, стараться о награждении, определить впредь жалованье, чем бы я мог пропитание иметь без нужды, но вместе с тем не налагать на меня дела, которые надлежащим по контракту делам препятствуют, и чтоб переводчики, студенты и копеисты... мне споможествовали и послушны были». Эти последние условия, необходимые для продолжения работы, об его жалованье и награде за путешествие, Миллер, как уже сказано, настойчиво повторял неоднократно с весьма малым, впрочем, успехом.

Противники Миллера Шумахер и Теплов не щадили его в своих отзывах и давали соответствующую характеристику его трудов. В доношении президенту от 26 сентября 1750 г., по поводу объявленного ему при-

каза о чтении лекций в академическом университете, против чего Миллер неоднократно возражал, [1] Миллер, между прочим, писал: «важные притчины имею сумневаться в справедливости господ членов академической канцелярии, что вашему сиятельству представляют не по истине дела, по по своей недружбе, желая ваш на меня гнев навести и привести меня тем в крайнее разорение»; говоря далее о своих работах по подготовке текста второго тома, Миллер пишет: «ежели первой том не от всякого с удовольствием принят, то... небезызвестно, что сие и с самыми лучшими сочинениями нередко бывает, для того что рассуждение у всякого человека не одно, так же и иные разсуждают по пристрастию. Господин ассесор Теплов мне о том уже говорил, как едва книга была при дворе поднесена; а говорил тогда, как у меня с ним спор был о том, что моей дедикации, от которой я многие себе пользы надеялся, при книге не явилось. И как он мне отказал от всего за мои сибирские труды награждения, я слышал потом, что во многих кампаниях он ту мою книгу хулит сам, в чем и не запирается, и, может быть, тем он притчину подал, что и другие с ним в согласие вступили. Я не мню, чтоб мои сочинения были без всякого погрешения. Только и я слышал, что многие знатные особы показанную первую книгу Сибирской истории хвалили. И ежели погрешности есть, то оные не могут быть важными, потому что книга, прежде печатания, как на немецком, так и на русском языке разными господами профессорами пересмотрена, и что сомнительно показалось, в Историческом собрании поправлено, а прочее общим господ профессоров рассуждением апробовано. Погрешения в российском штиле и языке мне, яко иностранному человеку, приписать...не соизволите». [2] Так около труда Миллера и вопроса об условиях, необходимых для успешного продолжения им работ по истории, географии и этнографии Сибири, создались в Академии Наук 1750 г. очень обостренные отношения, которые нашли свое отражение в известном указе президента 6 октября 1750 г. о переводе Миллера из профессоров в адъюнкты, [3] в каковом положении Миллер оставался до февраля 1751 г., когда звание профессора было ему возвращено; этот указ лишний раз показал, что в Академии попрежнему руководство принадлежит Шумахеру и Теплову, а справедливые протесты должны оставаться до времени без последствий.

Извещение о восстановлении его в звании профессора было получено Миллером 25 февраля 1751 г., причем в письме об этом Шумахер, между прочим, писал: «притом приказано (президентом) от всех дел вас уволить, а оставить только при одном сочинении Сибирской истории, чтоб оную, как наискорее, к совершенному окончанию привесть, и сколько когда вам оной на немецком языке сочинено будет, оное б подавать вам для переводу на российский язык в Канцелярию». [4]

[1] Материалы для истории Академии Наук, X, стр. 567.
[2] Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 1, № 20, лл. 47—51 об.
[3] Материалы для истории Акад. Наук, X, стр. 581—586.
[4] Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 1, № 20, л. 115 и об.

9

В работе над «Историей Сибири», в виду отмеченных выше обстоятельств, был несомненный перерыв, так как вслед за шестой главой, поданной Миллером еще в 1748 г., следующая седьмая была сдана им 17 июля 1750 г., восьмая была представлена 11 августа, девятая 12 сентября, а десятой главой, над которой он работал в сентябре 1750 г., Миллер предполагал закончить второй том. [1] В январе 1751 г. Миллер взял, однако, главы 7—9 обратно для внесения в них исправлений. Получив отмеченное выше письмо Шумахера от 25 февраля, Миллер еще в том же феврале 1751 г. обратился к президенту с пространным доношением, где, ни слова не говоря о возвращенном ему профессорском звании, касается только другого важного для него определения — об освобождении его от прочих дел для того, чтобы исключительно заниматься сочинением истории Сибири. Миллер уведомлял президента о том, что у него готово семь глав (6—12), из которых он намечает для второго тома 6—10, а остальные две — для третьего, причем из этих глав 10—12 написаны им во время болезни. [2] Для того, чтобы не возникло вновь «помешательства» в этом деле, в связи с отъездом президента в Москву, Миллер просил, 1) «чтобы второй том еще в бытность президента здесь отдан был в печать»; но так как Канцелярия запретила печатать впредь архивные документы, то Миллер предлагал дополнить том «некоторыми географическими описаниями Сибири, пока оной второй том величиною будет против первого; от того сия польза произойдет, что география соединится с историею, и содержание книг с титулом «Описание Сибирского царства» больше сходства иметь будет»; 2) чтобы дано было распоряжение Канцелярии об оказании ему всякого содействия в работе, «а особливо, чтобы переводы учинились под моим смотрением» и чтобы при нем безотлучно находились, кроме того, один русский и один немецкий копиист, 3) чтобы была назначена комиссия из 3—4 профессоров, напр., проф. Штрубе, Тредьяковского, Фишера и Брауна, «которые бы то, что для продолжения Сибирской истории я сочинил и впредь сочинять буду, при мне читали, и что им покажется поправления достойного, то я поправлю, а что они со мной апробуют, оное бы от Канцелярии напечатано было»; 4) чтобы ему было уплачено жалованье добавочное за прошлые годы по 200 р. в год и чтобы впредь аккуратно выплачивалось ему жалованье, в частности то, которое удержано за сентябрьскую треть, когда его лишили звания профессора и тем самым его оклада. Ответом на эти пожелания явилось постановление Канцелярии 5 марта, подписанное прези-

[1] Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 1, № 20, лл. 47—51 об.; ф. 3, оп. 1, № 120, лл. 123—129. Материалы для истории Акад. Наук, X, стр. 484—485, 489, 524—526, 543.

[2] Миллер дважды в доношении говорит о том, что во время болезни им написаны четыре главы, но здесь какая-то неточность: общее количество глав у него 12 (пять в первом томе, пять во втором и две для третьего); шестую он сдал в 1748 г., главы 7—9 в 1750 г. до 12 сентября, значит «во время болезни» написаны главы 10—12, т. е. три главы.

дентом и состоявшее в следующем: на первый пункт — второй том «Сибирской истории» печатать немедленно, «однакож преже прочесть его в Историческом собрании, которое ежели то также за полезно опробует и некоторые географические описания присовокупит, то тогда прямо и печатать велеть». Далее, Канцелярия соглашалась с предложением Миллера о том, чтобы переводы производились под его смотрением; в его распоряжение готова она была назначить двух копиистов, переводчиков и копиистов назначить по указанию Миллера, но с условием, «чтобы они работали в Академии, а не в его доме». На третий пункт его пожеланий последовало также согласие: «не токмо три или четыре человека для читания его сочинений из господ профессоров, но и все историческое собрание к тому определяется, и ежели что оному покажется поправления достойного, то исправить, и что опробуется, то взнесть в Канцелярию от того с репортом, тогда оное и в печать издавать». Такой же благоприятный ответ был получен и на последний пункт доношения Миллера: было решено выдавать ему по третям жалованье, недоплаченное за прошлые годы, хотя и с условием представления каждый раз справки о сделанном Миллером в истекшую треть; приказано было также уплатить ему профессорское жалованье, не полученное за время пребывания Миллера адъюнктом, «так как видно, (что) он трудился (тогда) в Сибирской истории, а паче во ожидании его заслуг полезных».[1] Изложенное постановление, составленное в тоне, отражающем готовность итти навстречу Миллеру, несомненно, составляет важный момент в истории его последующей работы над текстом «Истории Сибири». В конце марта, вероятно, по соглашению с Миллером был назначен переводчиком гл. 6-й и следующих «Истории Сибири» все тот же Голубцов, а копиистами Унгибауэр и Барков, «которым писать не у него профессора в доме, но при Академии под смотрением архивариуса Стафенгагена». Этот указ был изменен по требованию Миллера в том смысле, что переводчик и копиист работали под его смотрением, и он же рапортовал об их работе.

10

Аккуратности Стафенгагена, исполнявшего обязанности секретаря Исторического собрания, мы в значительной степени обязаны теми сведениями, которые сохранились в академическом архиве о том, как шло последующее обсуждение «Истории Сибири». К сожалению, протоколы Исторического собрания за 1751—1753 гг. пока не разысканы, хотя они были и велись, видимо, очень толково и аккуратно. Апрель месяц 1751 г. был потрачен на организацию вновь заседаний Исторического собрания, которое не собиралось уже около года. После нескольких попыток собрать профессоров в апреле 1751 г. для продолжения слушания «Сибирской истории» Миллера,[2] заседание состоялось только 8 мая. С третьего заседания,

[1] Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 120, лл. 132—135; № 461, лл. 135—136 об.

[2] Об этом см. не лишенные бытового интереса документы в Архиве Акад. Наук., ф. 3, оп. 1, № 120, лл. 142—146.

происходившего 22 мая, на котором присутствовали Миллер, Штрубе, Тауберт, Тредьяковский, Фишер, Браун и Крашенинников, началось чтение «Истории Сибири».

Объясняя причину своего отсутствия в предыдущих двух заседаниях, из-за чего не состоялось второе, Миллер заметил, что «по его мнению и без него о его сочинениях рассуждать можно, потому что он полагается в том на господ профессоров, разве когда особливая нужда будет требовать, чтоб он сам был, и он не отрекается присутствовать, когда ему за болезнию и за другими делами возможно будет; токмо он предлагает, чтоб в случае его небытности...текущее оставлено не было», но в ответ на это заявление собрание подтвердило свое прежнее постановление о невозможности обсуждать «Историю» в отсутствие автора. В виду того, что переводчик Голубцов находился «в несостоянии», перевод главы шестой был поручен 5 мая корректору Барсову для выполнения его «в шебашные и праздничные дни», а проверка его работы возложена на Модраха, который 17 мая получил перевод шестой главы, а вернул 23-го мая в Канцелярию оригинал и перевод шестой главы. Обсуждение шестой главы было закончено 26 июня, когда Историческое собрание приняло следующее постановление, проливающее свет на последующее участие Ломоносова в обсуждении этой и следующей седьмой главы: «Господа заседающие по окончании шестой главы Сибирской истории рассудили, что ей остаться так, как она ныне есть, понеже уже при чтении самом в некоторых местах приправлено было; что же местами описаны в помянутой главе пространно дела не великой важности, которые могли сокращены быть, то господин автор принимает на себя объявить тому причину читателям в предисловии ко второму тому Описания Сибирского царства. И того ради определено о вышеписанном Канцелярии представить и означенную главу для предания в печати взнесть при репорте». [1]

Постановление это известно только в выписке из протокола, представленной секретарем собрания в Канцелярию 28 июня. Как велось обсуждение, из выписки не видно, но ясно, что уже при обсуждении этой первой главы второго тома автору ставилось в упрек, что он наполнил свою «Историю» «мелочами». Главные порицатели находились попрежнему в Канцелярии, которая не могла не выступить против изложенного постановления собрания, предоставившего автору право попрежнему говорить об этих «мелочах». Решено было использовать в целях борьбы с «мелочами» недруга Миллера Ломоносова, не посещавшего заседания Исторического собрания, по его словам, из опасения, «чтобы обыкновенных его (Миллера) досадительных речей не претерпеть напрасно и, беспокойствуясь принятою от того досадою, в других... делах не иметь остановки». Канцелярия пошла навстречу его прошению «об увольнении от исторических собраний и о разрешении сочинения профессора Миллера читать на дому и с примечаниями отсылать в помянутое собрание на рассуждение». Хотя утверди-

[1] Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 829.

тельный ответ на эту просьбу последовал только 10 ноября 1751 г., но уже через несколько дней после подачи Ломоносовым его прошения (23 сентября) Канцелярия направила ему на отзыв главы 6 и 7 перевода «Истории Сибири». Рукопись перевода с замечаниями Ломоносова находится в Архиве Академии Наук; одно из них, в конце § 29 гл. 6-й, где речь идет о пушкаре Ворошилке, писанное карандашом, а затем стертое, прочитано Л. Б. Модзалевским; Ломоносов пишет: «много Миллеров надобно и тысячи лет, чтобы все мелочи описать». В присланном 31 октября в Канцелярию собственноручном отзыве Ломоносов, отмечая «непристойности», замеченные им в главах 6 и 7, на первом месте, среди многих «вещей в печати недостойных», ставит этот рассказ «о пушкаре, называемом Ворошилке, которой был посылан для пробования росолу, и о его худых поступках», считая рассказ об этом «излишным», «ибо по сему примеру всех в Сибири бывших подлых бездельников описывать было бы должно, что весьма неприлично, когда сочинитель довольно других знатных дел и приключений иметь может, каково есть посольство от блаженные памяти великого государя царя Михаила Федоровича к Золотому царю». Не менее примечательны и другие замечания Ломоносова, как будущего русского историка: он признает излишними рассказы Миллера о строении церквей, особенно, когда эти церкви сгорели, и обращает внимание на «термины» Миллера, считая их «неосторожными», «как то написано в главе 7 § 8, что будто для лутчего украшения города две церкви построены, ибо церкви строятся для приношения славословия божия и молитвы». Такую же «неосторожность» в выражениях видел Ломоносов, напр., в § 23 главы, где Миллер говорит о «праздности всероссийского престола вместо «междуцарствования». Заключая свой отзыв, Ломоносов считал необходимым вернуть главы 6 и 7 «сочинителю для исправления, чтобы вышеупомянутые излишества и им подобные другие выкинул, ибо первой том Сибирской истории для таких мелочей подвержен был немалой критике и роптанию». Выполнив это задание Канцелярии, Ломоносов в дальнейшем не принимал участия в обсуждении «Истории», хотя все главы ее аккуратно посылались ему на дом на просмотр. Получив отзыв, Канцелярия препроводила его в Историческое собрание, которое должно было вернуться к законченному уже обсуждению глав 6 и 7. Но, в сущности, никакого нового обсуждения не было, так как еще до этого Миллер внес в перевод исправления тех «непристойностей», которые заметил Ломоносов, а эпизод с Ворошилкой совсем выкинул из рассказа, но не коснулся того, что, по его мнению, зависело от переводчика, а не от автора. В таком измененном виде главы 6 и 7 были вторично приняты собранием в особом постановлении, в соответствии с требованием Канцелярии, это постановление было подписано всеми членами Исторического собрания, чего обычно не делалось, [1] и 12 декабря было доставлено в Канцелярию.

---

[1] Билярский. Материалы для биографии Ломоносова, стр. 155—156, 159—160. Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 120, лл. 156—160; № 461, проток. 323 (1751 г. дек. 30).

В архивных материалах имеются сведения о том, когда были одобрены Историческим собранием следующие главы 8—17; [1] в кратких репортах секретаря собрания Стафенгагена нередко отмечалось, что, после обсуждения в собрании, Миллером внесены соответствующие изменения, [2] но в виду потери протоколов Исторического собрания за 1751—1752 гг. подробности обсуждения остаются нам неизвестны.

11

О работе самого автора над текстом этих глав имеем также только отрывочные данные. Во всяком случае можно определенно сказать, что текст «Истории» до гл. 22-й включительно был уже в распоряжении Канцелярии в марте 1752 г., а в декабре 1751 г. была написана гл. 18. Другими словами, на сочинение гл. 7—22 Миллер потратил в общей сложности время с июня 1750 г. по февраль 1752 г., т. е. не более полутора лет. Обсуждение велось по немецкому тексту, который заседавшим сообщался за две недели и раньше до заседания, и одновременно производились переводы этого текста. Корректор Барсов, видимо, перевел только шестую главу, а все следующие главы, с седьмой по семнадцатую, переводились Голубцовым под наблюдением Модраха; в виду болезни Голубцова перевод глав восемнадцатой и следующих был поручен Модраху. Но качество перевода попрежнему не удовлетворяло Миллера. Когда в конце 1751 г. был получен из Кабинета ордер о присылке из труда Миллера тех глав, где говорится о зюнгарцах или калмыках, живущих вблизи Колывано-Воскресенских заводов, и когда были сняты копии с глав 15 и 16, в которых о том идет речь, Миллер решительно отказался заверить перевод этих глав в виду плохого качества его, и последний пришлось послать за скрепою только Модраха и Голубцова, переводивших эти главы. [3] Кроме переводов гл. 15 и 16, из прочих переводов сохранились полностью до нашего времени лишь переводы гл. 6 и 7; [4] все остальное нужно считать утерянным.

Когда к декабрю 1751 г. были просмотрены и одобрены гл.6—10 «Истории» и вместе с тем был готов также перевод этих глав, состоялось 20 декабря следующее постановление Канцелярии: «оной Сибирской истории (гл. 6—10) печатать против первого тома и теми же литерами на таких же бумагах в четверть листа 1325 экз., и корректуру оной книги исправлять: первую корректору Барсову, а вторую адъюнкту Модераху со студентом

[1] Гл. 8 — 1751 г. сент. 11, гл. 9 — октября 23, гл. 11 — декабря 4, гл. 12—1752 г. января 30, гл. 13 — марта 12, гл. 14 — мая 15, гл. 15 — июня 18, гл. 16 — августа 20 и гл. 17 — сентября 17 (Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 120, лл. 161, 163, 166, 167, 170, 171, 174, 175, 177).

[2] Напр., в гл. 8, 9, 11, 14.

[3] Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 159, лл. 330 и сл. Перевод этих глав 15 и 16 хранится в ГАФКЭ, Фонды б. Моск. главн. арх. мин. ин. дел, среди зюнгарских или контайшинских дел 1752 г., № 8.

[4] Архив Акад. Наук, № 120, лл. 164, 172—173 об.; № 131, л. 282; ф. 21, оп. 1, № 22, л. 1; ф. 21, оп. 5, №№ 12 и 13.

Голубцовым... А к его сиятельству... президенту... послать репорт и требовать резолюции: не соизволит ли его сиятельство первого и второго тому для охотников приказать напечатать на немецком языке». Еще в том же году были посланы соответствующие ордера в типографию, Модраху и о выдаче бумаги к прапорщику Галлу. [1]

Хотя запас бумаги, предназначенный для второго тома, сохранялся в течение всего 1752 г. и даже позже, [2] но ни в этом году ни позже типография не приступала к печатанию второго тома. [3] Не был получен, повидимому, и ответ президента на предложение Канцелярии издать немецкий текст первого и второго томов. В обсуждении же труда Миллера в Историческом собрании с сентября 1752 г. наступил перерыв. Сообщая позднее о работе собрания за 1752 г., секретарь его Стафенгаген отметил, что главой 17-й закончилось обсуждение «Истории», [4] и, таким образом, последующие главы там не обсуждались. Что же послужило причиной приостановки этого дела?

12

Как известно, именно к этому времени, к осени 1752 г., относится появление в Петербурге вышедшего в 1751 г. за границей в Гёттингене труда другого участника Камчатской экспедиции бывшего академика Гмелина, покинувшего Академию в 1747 г. из-за многих недовольств его против академического советника Шумахера и действовавших с ним солидарно президента Разумовского и его фактического руководителя Г. Н. Теплова. Здесь не место говорить об этом труде Гмелина «Reise durch Sibirien», являющемся до сих пор наиболее подробным описанием того, что было сделано Миллером и Гмелиным за время их десятилетнего пребывания в Сибири. К сожалению, этот труд остается непереведенным на русский язык. Во всяком случае, можно верить Шумахеру, что о труде Гмелина много говорили в соответствующих кругах Петербурга, [5] с которыми приходилось Академии считаться, а потому естественно, что руководящие лица ее приняли сначала решение выступить с возражением против Гмелина, а затем, когда в виду нежелания Миллера и Ломоносова, которые должны были писать опровержения, от этого пришлось отказаться, решено было в противовес описанию Камчатской экспедиции, сделанному Гмелиным, выпустить свое, написанное, конечно, по тому плану, который был признан правильным всесильной тогда Канцелярией Академии Наук в лице Шумахера и Теплова. [6]

---

[1] Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 120, лл. 168, 169; № 461, л. 473.

[2] Ср. рапорт прапорщика Россохина от февраля 1753 г. — Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 174, л. 254.

[3] Там же, лл. 53—55.

[4] Там же, л. 49; «проток. бум.» 1753 г. за декабрь.

[5] Пекарский. История Академии Наук, I, стр. 452.

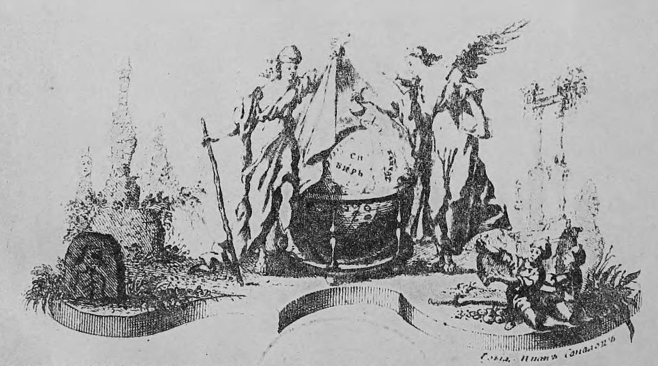
[6] Переписка об этом в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 1, № 22, лл. 3—13. Пекарский, I, стр. 366; Билярский, стр. 179—180.

ОПИСАНІЕ СИБИРСКАГО ЦАРСТВА

И ВСѢХЪ
ПРОИЗШЕДШИХЪ ВЪ НЕМЪ ДѢЛЪ,
отъ начáла
А ОСОБЛИВО ОТЪ ПОКОРЕНІЯ ЕГО
РОССІЙСКОЙ ДЕРЖАВѢ
ПО СІИ ВРЕМЕ́НА;

сочинено
ГЕРАРДОМЪ ФРИДЕРИКОМЪ МИЛЛЕРОМЪ,
Исторіографомъ и Профессоромъ Университета
Академіи Наукъ и Соціетета
Аглинскаго Членомъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ 1750. года.

Рис. 3. Титульный лист первого издания „Истории Сибири“ 1750 г.

Одновременно с этим Академия припуждена была заняться опровержением тех неправильностей, которые были обнаружены в одной карте и работе 1752 г. о новых открытиях в Ледовитом океане, которые были сделаны Камчатской экспедицией. Эта карта и пояснение к ней были изданы Н. Делилем,[1] бывшим членом Академии и братом одного из участников Камчатской экспедиции, покойного Людовика Делиля де-ля-Кройера.

13

Уже в октябре 1752 г., как видно из отрывка одного рапорта Миллера в Канцелярию, он припужден был согласиться на срочное окончание работы по составлению истории Камчатской экспедиции, представленной еще в 1743 г. и тогда же переведенной на русский язык Голубцовым.[2] Миллер ставит условием для этого, чтобы и Фишер сдал, наконец, свои материалы и отчет по экспедиции, который он до сих пор не представил. Может получиться в дальнейшем впечатление, что работа по составлению истории путешествия казалась Миллеру несовместимой с обработкой истории Сибири. Не зная всех подробностей дела, с некоторым удивлением читаешь то доношение Миллера в Канцелярию от 14 декабря 1752 г., где он, отмечая, что «восприятое (им) российской и сибирской истории и географии сочинение есть такое многотрудное и пространное дело, которого одному человеку без вспоможения других во всю свою жизнь совершить не можно», предлагает привлечь к сочинению «Сибирской истории» проф. Фишера, обязанного помогать ему Миллеру, но чего он Фишер до сих пор не делал; в случае принятия его предложения Миллер готов был передать Фишеру сочиненную им по 1660 г. историю Сибири со всеми материалами для того, чтобы Фишер из пространного сочинения сделал сокращение, а потом бы «таким же образом всю до наших времен историю продолжал». Все остальное, касающееся Сибири, а именно: политическую географию, «потамогеографию», описание путешествия и описание древностей, уже в первых томах представленные в Академию, Миллер оставлял за собой. В виду возвращения из Кабинета карт Сибири, которые были сочинены Миллером в 1745—1746 гг. и с тех пор лежали в Кабинете, Миллер выражает намерение привести их к окончанию, а также заняться работой по исправлению Российского атласа, изданного в 1745 г., в котором он тогда же нашел много погрешностей; в связи с этим он готов был взять на себя также обстоятельное географическое описание всего Российского государства для будущего нового атласа.

---

[1] О нем у **Пекарского**, I, стр. 124 и сл. Его увольнение из Академии состоялось в 1747 г. О карте 1752 г. — **Пекарский**, I, стр. 142—144. Дело 1753 г. В «О сочинении опровержения на Делилеву карту профессору г. Миллеру...» Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 175, лл. 289—357.

[2] Рукопись этого перевода (черновик Голубцова с поправками Миллера) в Арх. Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 164. На нее ссылается Пекарский при описании Камчатской экспедиции (по прежней нумерации рукоп. № 141); извлечения из этой рукописи приведены у **Радлова**, Сиб. древн., I[3], стр. 87—91.

В случае, если его предложения по части географии России встретят благоприятное отношение, Миллер собирался дать подробный план географических работ.

Этот новый план работ Миллера встретил не особенно благоприятное отношение со стороны Канцелярии, если судить по тону ее постановления. В ее журнале 31 декабря 1752 г. записано: «хотя о таком, яко полезнейшем, деле оный г. проф. Миллер и представляет, но уже есть то известно, что он много начинает, а ничего к концу не приводит, порученное же ему российской и сибирской истории и географии сочинение в даль откладывает, и из многократных его, противных между собой представлений и проектов, повидимому, явствует, что он нимало не хочет сделать когда-нибудь полное описание Сибирского путешествия, которое он, однако, давно уже мог бы сделать и предупредить доктора Гмелина, то Канцелярия уповает, что можно ему дозволить, чтоб он Сибирскую историю, которая по 1660 г. им окончена, с принадлежащими к ней известиями отдать к проф. Фишеру, дабы он из пространного его сочинения зделал сокращение, не увольняя, однако, его проф. Фишера от лекций, которых не очень много, и дело то нетрудно, да и от него поныне не издано на свет ничего особливого. А господину профессору Миллеру под штрафом велеть к уреченному времени без промедления все предложенные им труды и вообще все, что он на том путешествии приметил, на том языке, на каком он хочет, сочинить и оное все подать в Канцелярию», чтобы она могла принять меры к публикации этих трудов, если президент выразит на то согласие. Посланный Канцелярией репорт был утвержден президентом и вернулся из Москвы 6 февраля 1753 г. Канцелярия 16 февраля 1753 г. вынесла новое определение, в котором дан подробный план описания Камчатского путешествия. Этот план через два дня был сообщен Миллеру, и ряду лиц были посланы в тот же день ордера об оказании содействия в исполнении возложенного на него срочного поручения; в частности, «должен мастер Гриммель сделанные уже рисунки поправить, а которые чаятельно еще не зделаны, то зделать по указанию Миллера», «также адъюнкт Трускотт географические карты, к сей книге принадлежащие, должен сделать по сообщенным запискам и известиям, под дирекцией Миллера»; архивариусу приказано было немедленно выдавать все необходимые материалы, копиистам — переписывать книгу набело и актуариусу — выдавать без всякого доклада перья и бумагу. Канцелярия соглашалась также на то, чтобы, пока составлялось это описание, затребовать из разных мест нужные для исправления атласа материалы, что и было, действительно, выполнено. Судя по всем этим подробностям, можно догадаться, что труду Миллера по составлению описания путешествия придавалось тогда большое значение. В ответ на ордер Канцелярии Миллер представил 27 февраля 23 главы «Истории Сибири», «по которым как господин Фишер сокращение зделает, то следовать имеет продолжение оной же истории по архивным спискам, находящимся при Конференции»; одновременно он сообщал, что «путешественное

описание» лишь «мало не доделано, токмо не все переписано набело, а что переписано, то находится у переводчика Голубцова, и ежели надлежит из оного описания что выключить или ко оному что прибавить», то об этом Миллер просил уведомить. Надо думать, что Миллер представил тот текст, который был готов уже в 1743 г., но, кажется, он вызвал замечания со стороны Канцелярии; во всяком случае, 30 июня того же года Миллер, между прочим, писал: «желая ко окончанию привести описание Сибирского путешествия, мало не совершил я последнюю оного главу, с которой семь тетратей набело переписанных при сем вносятся... И понеже я сию главу, следуя во мнении оной Канцелярии, описал против прежных глав гораздо обстоятельнее, того ради, ежели сей мой труд апробуется, то надлежит и в прежных главах иное прибавить к дополнению оных, о том... учинить резолюцию и при объявлении оной прежные главы ко мне прислать возвратно». Эта последняя 14-я глава в переработанном виде была представлена в сентябре в Канцелярию, которая распорядилась передать ее для апробации в Историческое собрание, причем Канцелярия, предлагая все последующие главы вносить прямо в то же собрание, не преминула указать автору и собранию, чего избегать в описании путешествия и что, наоборот, необходимо вносить. К сожалению, о прохождении этого труда через Историческое собрание и вообще о дальнейшей судьбе этой работы Миллера сведений пока не отыскано. Весь текст описания путешествия в этой второй редакции сохранился в рукописях, [1] но никогда не был издан, несмотря на то, что этой работе Миллера придавали тогда большое значение. Чем объясняется указанный конец этого дела, установить не удалось. [2]

14

Отмеченные факты, касающиеся перехода Миллера к занятиям географией, которым он посвятил в следующие года большое внимание, заставляют искать объяснения этому. В самом деле, чем вызвано такое изменение интересов Миллера, если понимать буквально его отказ от дальнейшей работы по сочинению истории Сибири и передачу всех своих работ в этой области в руки человека, о котором, как историке, он едва ли имел высокое суждение. Правда, Фишер являлся, пожалуй, единственным серьезным критиком «Истории Сибири» Миллера, когда она обсуждалась в Историческом собрании, но сам-то Миллер, несмотря на это, не изменил своего отношения к Фишеру после того и все же выдвинул его в свои преемники по работе. Я думаю, что отказ Миллера от продолжения работ по истории Сибири не был добровольным: все последую-

[1] ГАФКЭ, Портфели Миллера, №№ 517, 518, 519, 526; Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 63 (черновой русский текст рукою Голубцова, гл. 1—6 и 14, последняя без конца). Содержание 14 глав и извлечения из них у Радлова, Спб. древн., 1^3, стр. 91—101 (в основном по рукоп. портф. 526, 1).

[2] Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 120, лл. 178—193; ф. 21, оп. 1, № 23, лл. 1, 2, 11, 42, 43, 48, 49; Пекарский, I, стр. 366—368.

щие факты, особенно того времени, когда с 1755 г. Миллер стал редактором «Ежемесячных Сочинений» и напечатал там и в возобновленных с 1758 г. «Sammlung Russischer Geschichte» многие свои работы по истории Сибири и затем текст гл. 1—10 «Истории Сибири» — не оставляют сомнений, что, лишь уступая давлению всесильной Канцелярии Академии Наук, Миллер подал заявление 14 декабря 1752 г., где, видимо, выполнил не совсем то, чего от него добивались, за что и получил в ответ нелестную для себя характеристику,

Поручение Фишеру — дать сокращенную Сибирскую историю, как известно, было им выполнено не так скоро: по его словам, уже в 1757 г. он окончил свой труд в той части, которая касалась сокращенного издания глав 1—23 «Истории Сибири» Миллера, но только в 1768 г. его «Sibirische Geschichte» была издана в двух частях на немецком языке, а русский перевод появился в 1774 г. уже после смерти Фишера (в 1771 г.). В предисловии к немецкому изданию (в русском переводе его нет) Фишер, между прочим, писал: «так как его (Миллера) История была излишне наполнена очень многими известиями, взятыми из архивов сибирских канцелярий, а потому сама История казалась многим слишком подробной, то дальнейшее печатание ее было приостановлено, а проф. Миллеру был дан совет сократить его труд и взять из него только то, что имело известную важность и могло интересовать всех. Из-за многих других дел Миллер, может быть, неохотно мог бы приняться за это дело, а потому просил меня выполнить этот труд.[1] После неоднократных отказов я, наконец, согласился выполнить это дело и окончил работу в 1757 г., дав исторический очерк Сибири со времени открытия ее до полного покорения этой обширной страны». Экземпляр труда Фишера был послан в 1769 г. Миллеру,[2] и это место предисловия, насколько известно, не вызвало его замечаний.[3] Надо полагать, Фишер передал правильно обстоятельства дела, и тогда отказ Миллера (правда, временный) от работы по истории Сибири, в соответствии с теми требованиями и замечаниями, которые раздавались уже по выходе первого тома, а также во время обсуждения второго,[4] становится вполне понятным. Имея в виду подобные суждения, Миллер в послесловии к немецкому изданию первых пяти глав «Истории», между прочим, писал в 1761 г.: «если эту историю станут упрекать за то, что она слишком подробна и часто касается мелочей, от которых нет никакой пользы, то, ведь, в этом отношении она вполне сходна с подобными же историями отдельных областей и городов. Для русского и

[1] Это утверждение Фишер повторил в заседании Конференции 26 октября 1769 г., когда выступил с заявлением о составлении продолжения «Истории Сибири» после 1660 г. — Протоколы Акад. Наук, II, стр. 711.

[2] Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 319, лл. 234—235.

[3] Ср. далее его отзыв об этой работе Фишера.

[4] Ср. выше отзыв Ломоносова, который и в 1763 г. по поводу первого тома замечал: «первой том наполнен только копиями Сибирских архивов и другими мелочами». — Билярский. Материалы, стр. 578.

особенно для сибиряка не легко установить, что же здесь является излишним, а для них то и предназначена работа. В извлечении из этой Истории, которое несколько лет тому назад было задумано сделать, вероятно, было бы опущено кое-что, являющееся незначительным, но что, однако, может быть полезно при описании данной области для ее последующей истории, при описании ее экономики или, наконец, ее обычаев. В виду этого я признал полезным оставить свой труд в том виде, как я написал его в начале, и намерен и в будущем продолжать его в том же духе». [1] Так приходится теперь понимать этот факт несколько неожиданного отказа Миллера в 1752 г. от работ по истории Сибири и решения его заняться географией Сибири и описанием Камчатской экспедиции.

15

Уже вскоре по возвращении из Сибири Миллер начал проявлять усиленный интерес к занятиям географией, а в своем проекте 1744 г. о создании при Академии Наук Исторического департамента в число задач этого нового учреждения ставил занятия географией России и Сибири. Во время путешествия им было собрано много географических известий о Сибири в виде маршрутных описаний тех мест, через которые проезжал сам Миллер и его спутники Гмелин, Крашенинников, Фишер, Стеллер и др., являющиеся также авторами многих географических описаний разных мест Сибири. Но все же среди подобных материалов, хранящихся в фонде Камчатской экспедиции и портфелях Миллера, преобладают описания, составленные самим Миллером. Они легли в основу трудов по географии Сибири («общей и специальной географии Сибири»), с которыми Миллер выступил в Академии через год после своего возвращения из Сибири». [2] Вскоре он установил, что присланные им из Сибири географические обсервации использованы в изданной в 1745 г. Академией Наук географии России Винсгейма, [3] без упоминания, однако, его имени. [4] Все его попытки ближе подойти к работе по подготовке сочинявшегося тогда «Атласа Российского» встречали, однако, противодействие со стороны Шумахера и, видимо, Винсгейма, стоявшего тогда во главе Географического департамента Академии. Представленные Миллером многочисленные замечания по поводу отдельных карт атласа, в частности Сибири, хотя были заслушаны в заседании Конференции 4 июня 1744 г., но, по словам составителей атласа, не могли быть при-

---

[1] Samml. Russ. Gesch., VI, S. 565—566.

[2] Протокол Конференции 5 марта 1744 г., печ. изд., II, стр. 10, 16, 56.

[3] Краткая политическая география, служащая к изъяснению изданного на Российском языке небольшого атласа, СПб., 1745. 8°, 339 + 23 стр.

[4] Его замечания на эту книгу были читаны в Конференции 16 декабря 1745 г. и сохранились в рукописи — Архив Акад. Наук, разр. II, оп. 1, № 207, лл. 49—70; ср. П е к а р с к и й, I, стр. 424—426. Отзыв Миллера о труде Винсгейма напечатан на немецком языке у Б ю ш и н г а, его биография Миллера, стр. 116—121.

няты во внимание.[1] Выход в сентябре 1745 г. «Атласа Российской империи» послужил Миллеру основанием для того, чтобы приступить самому к составлению исправленной и дополненной карты Сибири, над чем Миллер трудился в течение 1745 и 1746 гг., когда эта работа была неожиданно прервана, в виду поступившего в Академию требования выслать в Кабинет все карты, на которых указаны открытия, сделанные у берегов Ледовитого океана и Камчатки экспедицией Беринга и другими. Во исполнение этого указа 9 апреля 1746 г. было отправлено из Академии 35 карт, среди которых Миллеру принадлежали указанные в описи под № 28 «большая генеральная карта», № 29 — «малая генеральная карта» и № 30 — «такая же генеральная карта, на которой начато подписывать русскими именами».[2] Беспокойство Кабинета было вызвано тем, что к указанной в описи под № 26 «карте печатной генеральной Российской империи», находившейся в Академии, была сделана кем-то приклейка, на которой были изображены «новоизобретенные американские берега»; Кабинет подозревал в этом деле злой умысел и желание сообщить за границу те географические сведения, которые тогда признавались еще секретом, принадлежащим России. Миллеру пришлось давать объяснения о своем отношении к злополучной приклейке; он был признан невиновным в этом деле, но все же его карты пролежали в Кабинете до конца 1752 г., когда они были, наконец, возвращены.[3] Поводом, послужившим, как сказано выше, для поручения Миллеру составления карты открытий, сделанных в Ледовитом океане, была вышедшая в Париже в 1752 г. работа Н. Делиля «Explication de la carte des nouvelles découvertes au nord de la mer du Sud», с приложением карты: «Carte des nouvelles découvertes au nord de la mer du Sud, tant à l'est de la Sibérie et du Kamtschatka, qu'a l'ouest de la Nouvelle France, dressée sur les mémoires de Mr. de l'Isle... par Philippe Buache». Работа Делиля — его доклад в Парижской Академии Наук 8 апреля 1750 г., по возвращении Делиля из России. В этом докладе Делиль говорит, между прочим, что Беринг не был у берегов Америки, которой достигли только Чириков и брат Делиля — Л. Делиль де-ла-Кройер. Это утверждение, возможно, было сделано Делилем с полной уверенностью в его правиль-

[1] Протоколы Академии Наук, II, стр. 24, 25, 103, 104, 106. Свенске. Материалы для истории составления Атласа Росс. имп., изданного... в 1745 г. СПб., 1866, стр. 53, 56. О своих попытках внести исправления в карты подготовлявшегося атласа 1745 г. (в частности, в карты Сибири) Миллер подробно рассказывает в письме в Академию в 1779 г., когда его просили дать отзыв обо всех изданных Академией картах (об этом письме далее). Бюшинг, стр. 106—108.

[2] В черновике рапорта Миллера в Кабинет от 15 апреля 1746 г. указаны еще две его карты под №№ 36 и 37, но в списке карт только 35 номеров, а потому остается невыясненным, какие же карты имеются здесь в виду.

[3] Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 1, № 16; «проток. бумаги» 1746 г. за апрель, №№ 4 и 5. Матер. для ист. Акад. Наук, VIII, стр. 78—80. Переписка 1748—1750 гг. о тех же картах. — Матер., IX, стр. 108—109, 111, 112; X, стр. 246. О том, что у него были взяты генеральная и специальные карты всей Сибири, Миллер заявлял в заседании Исторического собрания 13 мая 1748 г. — Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 802.

ности, так как Делиль мог не знать истинных фактов, относящихся к плаванию «Св. Петра»; многие путевые журналы и карты в момент отъезда Делиля еще не были получены Адмиралтейств-коллегией и оставались в Сибири, а потому и сама Коллегия, с которой был связан Делиль, могла точно не знать всех обстоятельств дела. На это и некоторые другие утверждения Делиля, как на неверные и требующие опровержений, было указано в письме нашего посла в Вене Кейзерлинга президенту Академии Наук гр. Разумовскому. Составление опровержения поручалось приказом президента Миллеру. В письме к Шумахеру от 8 марта 1753 г., после изложения содержания письма к нему Кейзерлинга, Разумовский, между прочим, писал: «того ради продолжая принятые вами по сему делу меры изволите господину профессору Миллеру приказать, чтоб он по присланному ко мне от вас проэкту немедленно секретно сочинил обстоятельное опровержение на... помянутую Делилеву карту и изданное при том его изъяснение для напечатания в чужестранных ученых газетах и журналах». Карта, о которой шла речь, была составлена королевским картографом Бюашем (Buache) на основании карты Сибири в атласе 1745 г. с некоторыми разночтениями и прибавлениями; на карте, кроме сухопутного, были указаны пути экспедиций 1-й и 2-й Камчатской экспедиций от Камчатки к Америке и обратно. [1]

Одновременно с производившейся в том же году другой срочной работой по составлению описания Камчатского путешествия, ее, так сказать, сухопутной части, Миллер должен был заняться теперь историей экспедиции в ее морской части. Для начала он сочинил опровержение на труд Делиля, и оно было готово через месяц; без подписи автора в форме «письма офицера русского флота к некоему знатному придворному по поводу карты новых открытий на севере Южного моря и приложенного к ней исследования Н. Делиля», оно было напечатано по-французски сначала отдельно, а затем, при содействии Л. Эйлера, в «Nouvelle Bibliothèque germanique», XIII, 1753, 46—87. [2] Статья эта, в которой немало выходов против Делиля и его покойного брата Людовика, вызвала за границей не-

---

[1] Описание карты у Cahen'a, Les cartes de la Sibérie au XVIII-e siècle. Essai de bibliographie critique («Nouvelles archives des missions scientifiques). Paris 1911, p. 261—263. О поручении Миллеру — Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 175, лл. 289 и сл.

[2] Проф. Гольдер ошибочно приписывает это письмо Свену Вакселю (Bering's Voyages, vol. I, 1922, p. 362; vol. II, 1925, p. 265), хотя из текста на стр. 272 и сл. Samml. Russ. Gesch., т. III, совершенно ясно, что автором был Миллер. Письмо было издано также по-немецки и по-английски. Английский перевод вышел под заглавием: «A letter from a Russian sea-officer to a person of distinction at the court of St-Petersburgh, containing his remarks upon the Mr. de l'Isle's chart and memoir relative to the new discoveries northward and eastward from Kamtschatka, Together with some observations on that letter by Arthur Dobbs, Esq., Governor of North Carolina. To which is added Mr. de l'Isle's explanatory memoir on his chart, published at Paris und now translated from the original French, London, 1754, 83 pp. (текст письма на стр. 1—33, замечания Доббса на стр. 37—51, русск. перевод XVIII в. замечаний Доббса в ГАФКЭ, Приказные дела новых лет 1741—1796 гг., ч. V, № 217).

лестные замечания по адресу «офицера русского флота», в частности, со стороны Бюаша, и Миллер — автор письма — принужден был вернуться к той же теме в другой более солидной по размерам и по форме работе, которая должна была служить пояснением к карте открытий. За изготовление карты Миллер принялся в том же 1753 г., когда он был поставлен во главе Географического департамента Академии Наук.

В 1754 г. была окончена Миллером работа по составлению карты новых открытий, и она появилась тогда же под названием: «Nouvelle Carte des Découvertes faites par des Vaisseaux Russiens aux côtes inconnues de l'Amérique Septentrionale avec les päis adjacents dressée sur les mémoires authentiques de ceux qui ont assisté à ces Découvertes et sur d'autres connoissances dont on rend raison dans un Mémoir separé. A S. Pétersbourg à l'Académie Impériale des Sciences 1754». Карта в границах от Оби до Великого океана содержит многочисленные и важные дополнения к карте Атласа 1745 г. [1] Но указанный в названии «memoir» не мог быть, видимо, составлен в столь краткий срок и был готов только к началу 1756 г., когда был заслушан в Конференции, [2] а в свет появился только в 1758 г. на немецком языке под названием: «Nachrichten von Seereisen und zur See gemachten Entdeckungen die von Russland aus längst den Küsten des Eismeeres und auf dem Östlichen Weltmeere gegen Japan und Amerika geschehen sind. Zur Erläuterng einer bei der Academie der Wissenschaften verfertigten Landkarte (Samml. Russ. Gesch., B. III., 1758, SS. 1—304) и в том же году по-русски в «Сочинениях и переводах, к пользе и увеселению служащих».

Тогда же вышла на французском языке карта с названием вполне сходным (кроме даты) с тем, которое на карте 1754 г., но последняя была вновь пересмотрена Миллером, кой-где исправлена, и таким образом карта 1758 г. имеет несомненные отличия от карты 1754 г. [3]. Труд Миллера «Nachricht von Seereisen...» был переведен вскоре на английский и французский языки. [4] Покойный проф. Гольдер в своем труде «Bering's Voyages», для которого

[1] Описание карты у Cahen'а, p. 270—272. Карта 1754 г. имеется в Москве, в ГАФКЭ, по описи Пуцилло № 73.

[2] Протоколы Академии Наук., II, стр. 346.

[3] Карта 1758 г. не известна Cahen'у, хотя в б. Моск. главн. архиве мин. ин. дел (см. в «Указателе» Пуцилло, стр. 114), из собрания которого заимствованы им многие карты XVIII в., она имелась в прежние годы в 5 экз., из коих один был с замечаниями Миллера; к сожалению, его не удалось получить в недавнее время, когда эти карты просматривались по моей просьбе Н. А. Баклановой. Часть этой карты воспроизведена в уменьшенном виде во втором томе (стр. 100 и 161) труда Golder'a «Bering's Voyages».

[4] Muller, Gerhard Friedrich. Voyages from Asia to America for completing the discoveries of the north west coast of America. To which is prefixed a summary of the voyages made by the Russian on the Frozen Sea in search of a north east passage. Serving as an explanation of a map of the Russian discoveries published by the Academy of Sciences at Petersburgh. Translated from the High Dutch of S. (так!) Muller... By Thomas Jefferys... London 1761 (с приложением карты 1758 г.) — Muller, Gerhard Friedrich. Voyages et découvertes faites par les Russes le long des côtes de la Mer Glaciale et sur l'Ocean Oriental tant vers le Japon que vers l'Amérique. Ouvrage traduit de l'allemand de Mr. G. P. (так) Muller, par C. G. F. Dumas 2 vols. Amsterdam 1766.

им пересмотрены многочисленные архивные материалы, касающиеся экспедиции Беринга, считал в 1922 г. труд Миллера «самой важной книгой по этому вопросу», причем добавлял, что «хотя с тех пор (с 1758 г.) было потрачено много бумаги и чернил для описания путешествия Беринга, но все же прибавилось очень немного к тому, что было известно нам из труда Миллера». Но он же установил и правильный взгляд на этот труд Миллера: «труд Миллера, хотя является очень ценным, не может, однако, служить единственным источником, но должен быть использован на ряду с другими источниками». [1]

Для карт 1754 и 1758 г. Миллер, по его словам в автобиографии, использовал часть составленной им карты Сибири, которая вернулась к нему, как сказано выше, только в конце 1752 г. В 1755 г. из той же карты были заимствованы те части ее, которые в виде «карт земли Камчатки с около лежащими местами» и «карты Курильских островов с около лежащими местами» были приложены Миллером к вышедшему под его наблюдением труду С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», где Миллеру принадлежит также предисловие. [2] Карта Миллера 1754—1758 гг. вошла в научный оборот западноевропейской и русской картографии, как о том свидетельствуют, кроме английского перевода работы Миллера, к которому приложена карта 1758 г., также карты, приложенные к «Histoire générale des voyages» A. F. Prevost (Paris, t. XVIII, 1768, carte n° 4, p. 71 и др.). Но она же послужила основным источником для составленной Иваном Трускоттом карты, носящей название: «Карта | представляющая | Изобретения | Российскими мореплавателями | на Северной части | Америки | с около лежащими местами | учиненныя | Сочинена при Императорской Академии Наук | Титулярным Советником | Иваном Трускоттом. Время составления этой карты неизвестно, но она не может быть той, которая с таким же названием по Cahen'у (стр. 318) издана в 1775 г., так как резчики обеих карт Трускотта разные. Вопрос об этой карте, а равно и некоторых других русских картах Сибири того времени, [3] в основе которых лежит та же карта Сибири Миллера, к сожалению, не может быть точно выяснен, в виду отсутствия более или менее отчетливых сведений о работе Географического департамента Академии Наук 1753—1760 гг., когда им ведал Миллер. Надо думать,

---

[1] Golder. Bering's Voyages, vol. I, New-York, 1922, p. 352—353.

[2] Том первый, 1755, II+16 стр. предисловия+II стр. оглавления+438 стр. с 10 рис. и 3 карт. 4°. Том второй, 1755, II+319 с 12 рис., 4°.—То же. Вторым тиснением 1786, 4°. —То же в «Полн. собр. ученых путешествий по России», т. I и II, 1818—1819 г., но ни предисловия Миллера, ни его карт в этом издании нет; вместо перво дано предисловие, в котором неизвестный автор думает, что Миллер умер в 1784 г., 77 лет от роду. — Труд Крашенинникова переведен по-английски дважды в 1755 г. (сокращ. перев.) и в 1764 г. и по-французски тоже дважды: во втором томе «Voyage en Sibérie» Chappe d'Auteroche в Париже в 1768 г. и в Амстердаме в 1770 г.

[3] Напр., в Архиве Акад. Наук, кроме упомянутой карты Трускотта, имеется другая его работа: Mappa Gubernii Sibiriensis continens provincias Toboliensum et Jenisejensum. Составил Truscott, 1755, выр. К. Фролов (10 $^3/_8$ × 12 $^3/_4$ в.). За указание этих двух карт Трускотта приношу благодарность В. Ф. Гнучевой.

что сибирские темы занимали видное место в работах департамента, так как, кроме указанных четырех карт Сибири (две Миллера и две Трускотта), были сделаны еще какие-то две сибирские карты, как о том говорит сам Миллер в письме 1779 г., но они не отысканы. Может быть, здесь имеются в виду две карты, приложенные к труду Крашенинникова. И, конечно, отзыв о работах Географического департамента в те годы, когда им ведал Миллер, сделанный Ломоносовым,[1] не может быть принят без тщательной проверки и больших оговорок.

16

В эти же годы заведывания Географическим департаментом Миллер не оставлял работу по сочинению генеральной карты Сибири, в чем ему, видимо, помогал Трускотт. Уже по отъезде Миллера в Москву в заседании Конференции 25 сентября 1766 г. рассматривалась эта карта и была признана более точной, правильной и подробной по сравнению с известной картой Сибири Атласа 1745 г.; Трускотту было поручено разделить ее на шесть частей и озаботиться ее скорейшим изданием. В начале ноября того же года Конференция слушала письмо Миллера, в котором последний излагал свое мнение по поводу издания его карты и требовал, чтобы она была ему возвращена для внесения дополнений, но это его требование не было принято и обещано лишь по мере печатания отдельных частей высылать ему первые оттиски с тем, чтобы он мог вносить исправления и дополнения.[2] К сожалению, сведений о печатании этих карт в ближайшие годы не сыскалось, но надо думать, что изданные Трускоттом в 70-х годах карты Сибири, ее отдельных частей,[3] несомненно, имеют основу, взятую из карты Сибири Миллера-Трускотта,[4] готовой уже в 1766 г. В 1773 г. была

---

[1] Билярский, стр. 580. Впрочем, сам Миллер был невысокого мнения о работах Географического департамента за 1753—1760 гг., но находил этому объяснение в условиях тогдашней работы. Бюшинг, Биография Миллера, стр. 108.

[2] Протоколы Академии Наук, II, стр. 513, 580.

[3] Cahen №№ 188 (карта от устья реки Енисея до начала Белого моря, 1772 г.), 189 (море Байкал с частями рек Лены, Аргуни, Селенги и Ангары с около лежащими уездами, 1772 г.), 190 (восточная часть Якутского уезда, 1772 г.), 198 (карта Сибирской губ., содержащая в себе Тобольскую и Енисейскую провинции, 1775 г.) и 199 (генер. карта Иркутской губ., содержащая в себе Иркутскую, Якутскую и Удинскую провинции, 1776 г.).

[4] Надо полагать, что карта Сибири Миллера-Трускотта использована также для изданной в 1769 г. Берлинской Академией Наук карты «Totius Imperii Russici tabula generalis ex optimis quibus vis Acad. Petropolit. mappis, quarum per magnam Cl. Dn. Ant. Frid. Büsching Consist. Supr. Consil. usui dedit copiam collecta...» Историк картографии Сибири XVIII в. Cahen отмечает, что основа этой карты Сибири взята из Атласа Российского 1745 г. и новой карты открытий, совершенных русскими мореплавателями, изд. 1754 г., но в нее внесены дополнения, которые взяты из какой-то подробной русской карты. Известно, что Бюшинг в 1753 г. просил Миллера выслать некоторые сведения по истории и географии России, и с разрешения Академии Миллер, несомненно, их послал; в последующие годы Миллер и Бюшинг состояли

Академией Наук карта 1758 г. с тем же названием и масштабом, но весьма отличного содержания.[1] Миллер специально отмечает в своей автобиографии, что он не принимал участия в издании карты 1773 г., но продолжал перерабатывать свою карту 1758 г. Когда же в 1776 г. в газетах появилось сообщение о выходе «генеральной карты Российской Империи по новейшим наблюдениям и известиям»,[2] то Миллер запрашивал И. Эйлера, секретаря Академии, имеется ли разрешение у нее на печатание новых открытий у берегов Америки, сообщая, что у него-то оно имеется, но он не собирается им воспользоваться в ближайшем будущем и предлагал свою помощь, если она потребуется. Это письмо дало повод Я. Шмиту, одному из составителей карты 1776 г., просить Миллера принять участие в составлении этой карты, а равно и специальной карты — переиздания 1773 г.; на посланное от Академии письмо ответа Миллера пока не найдено.

Несмотря на свои годы, Миллер продолжал с неослабным вниманием следить за теми открытиями, которые делались в 60—70-х годах у берегов Америки. В первом письме 1778 г. к Бюшингу, сообщая ему различные новости по части географии, Миллер писал: «плавания к американским островам дали столько новых открытий, что о них, на основании имеющихся у меня известий, можно было бы написать целые фолианты, но мне приходится предоставить это дело моим помощникам по архиву, так как все настоятельней от меня требуют историю нашей Академии, которую, конечно, никто кроме меня, не мог бы написать также обстоятельно и хорошо».[3] В последующей же переписке Миллера с Бюшингом оказался исключительной ценности документ — письмо Миллера в Академию, когда последняя обратилась к нему в 1778 г. с просьбой дать описание границ Российской империи для задуманного тогда топографического описания всей России и вместе с тем высказаться по поводу напечатанных в Академии карт. Выполнил ли Миллер первую просьбу, пока не знаю,[4] но на второй вопрос он ответил в феврале 1779 г. подробнейшим обзором географических работ Академии за время с 1743 г. и до 1776 г. включительно. Напечатавший это письмо Бюшинг[5] справедливо называет его «важным», так как многие вопросы как личных работ Миллера по географии Сибири, так и деятельности Академии в этой

переписке, и неизвестная Cahen карта Сибири, из которой взяты дополнения в карту 1769 г. по сравнению с картой 1754 г., вероятно, принадлежала Миллеру. C a h e n, назв. соч., стр. 305—6; П е к а р с к и й, I, стр. 368—369.

[1] У C a h e n № 193 (стр. 315—6). Та же карта вышла, вероятно, в 1774 г. на русском языке под названием: «Карта |Представляющая изобретения| Российскими мореплавателями |на Северной части| Америки |с около лежащими местами| в разныя путешествия учиненныя. Сочинена при Императорской Академии Наук», без года, сходна с картой 1773 г., но в нее внесены исправления (напр., «Путь, которым часто ездили в древние времена. Путешествие в 1748 г (в изд. 1773 г.: 1648) трех Российских кораблей...»

[2] C a h e n, № 200 (стр. 319—329). Архив Акад. Наук., ф. 3, оп. 10, № 77; ф. 21, оп. 1, № 45.

[3] Б ю ш и н г. Биография Миллера, стр. 100.

[4] Статья его не отыскана в его портфелях, а ссылки на нее у С. М. Соловьева и друг. неверны.

[5] Его биография Миллера, стр. 102—116.

области получают здесь разъяснение. [1] Как реагировала Академия на это письмо в обширной и все же мало доступной переписке ее за те годы сведений пока не обнаружено.

Поиски карты Сибири, составленной Миллером, не дали еще окончательных результатов, но все же одну из генеральных карт Сибири можно, кажется, приписывать Миллеру.

Среди карт Сибири, оставшихся в архиве Миллера после его смерти, в реестре № 4, в описи ландкарт и планов, показана первой среди сибирских карт единственная генеральная карта под № 37, причем в опись она внесена сокращенно, как «Генеральная карта Сибирского царства», на одном листе. В позднейшем «реестре географическим атласам, картам и планам Сибири» 1879 г. та же карта отмечена под № 26, как «Карта генеральная всего Сибирского царства с показанием границ Тобольской и Иркутской губерний, дорог, местопребывания комендантов, гарнизонов и южных границ Сибири. Рукоп». Но, к сожалению, и это заглавие карты неполное, и только Cahen привел следующее более точное название карты: «Карта генеральная всего Сибирского царства с показанием как состоящие во оном Тобольская Иркуцкая губернии начиная от северного океана до китайской границы между собою ныне разделены также и от краю Сибирскаго Царства то есть от города Верхотурья по обоим губерниям до знатных мест дороги лежат и где по опробованным штатам коменданты и гарнизонные команды положены при чем показывают близ лежащие ко обоим губерниям соседственное китайское государство и протчие азиатского владения места и часть Оренбургской губернии». На табл. V, приложенной к труду Cahen, эта карта воспроизведена в уменьшенном виде. Так как карта без даты, то Cahen пробует установить ее и, сравнивая эту карту с известными картами Сибири, находит, что основу ее составляет карта Сибири «Атласа Российского» 1745 г., а ее номенклатура весьма близка к той, которая на «генеральной карте Российской империи... сочиненной И. Трускоттом и Я. Шмитом 1776. Вырезывали К. Фролов, Е. Худяков, Н. Зубков», но в последнюю неизвестный автор внес несколько дополнений, а потому Cahen датирует эту карту временем близким к 1776 г., а в авторе ее склонен видеть военного человека, так как, кроме точного обозначения городов, где были коменданты, крепости, остроги и пр., на этой карте отмечены также все пограничные пункты.

Та особенность анонимной карты Сибири, что на ней указаны крепости, церкви, остроги, слободы, ясачные зимовья и т. п., вполне соответствует тем требованиям к генеральным картам таких областей, как Сибирь, которые Миллер предъявлял в своем упомянутом обширном письме в Академию 1779 г. об изданных ею картах, в частности, генеральной 1776 г.; [2] судя по контексту письма, отсутствие этих данных на карте 1776 г. составляло,

---

[1] Письмо это не отыскано мной в Архиве Академии Наук. Оно будет перепечатано в четвертом томе нашего издания.

[2] Бюшинг. Биография Миллера, стр. 113—114.

по мнению Миллера, ее недочет, который он исправил, конечно, на своей карте. Присутствие на карте Сибири отмеченных подробностей и кроме того новых пунктов, неизвестных Трускотту-Шмиту в 1776 г., является признаком, сближающим эту анонимную карту с картой Сибири, составлявшейся Миллером начиная с 1745 года, и работу над которой он не оставлял во все годы своей жизни в Москве; для нее он, естественно, использовал не только «генеральную карту» Трускотта-Шмита 1776 г., но и другие картографические материалы, которых не было в распоряжении Академии. О том, что Миллер обладал ими, показывает, напр., в том же реестре карт, оставшихся после него, № 113 «карта Охотска, Камчатки и соседственных мест, сочиненная Гавр. Прибыловым» в 1775 г., видимо, под смотрением одного из капитанов Шмалевых, или № 128 — «карта части Камчатки... 1780 г.», а также многочисленные материалы, приводимые в нашем обзоре рукописей Миллера, выделенные под рубрикой «Восточная Сибирь и Камчатка». С капитанами Тимофеем и Василием Ивановичами Шмалевыми Миллер состоял в переписке в 1770—1780 гг., причем получал от них не только разные сведения о тех местах, но также карты (напр., в 1780 г. план залива 16-го Курильского острова, в 1775 г. карту Восточной Сибири, план Охотска и др.). Как отмечает Cahen, большинство отличий карты «генеральной всего Сибирского Царства» от карты Трускотта-Шмита 1776 г. относится именно к территории к востоку от Лены, а потому естественно думать, что источник этих отличий был еще неизвестен составителям карты 1776 г., а эти новые данные могли быть извлечены, напр., из упомянутой переписки братьев Шмалевых с Миллером. [1] Окончательный ответ на вопрос о том, попали ли они на «генеральную карту Сибирского Царства» из этого источника — переписки Миллера со Шмалевыми и другими лицами, имевшими отношение к тем местам, возможен только после изучения всех материалов, относящихся к вопросу и указанных в обзоре рукописей Миллера, относящихся к Восточной Сибири и Камчатке. Но и на основании приведенных данных я склонен думать, что «генеральная карта Сибирского царства», единственная оказавшаяся в его архиве в год его смерти, составлена самим Миллером. [2]

[1] В бумагах Миллера сохранился, напр., черновик письма его 3 сентября 1778 г. к братьям Шмалевым, начинающийся так: «я не оставил по вашим письмам и описаниям такое употребление учинить, как для общественной и для вашей чести полезно мне рассудилось. Что ничего того, в печать еще не вышло, оное зависит не от меня, но от высочайшей власти, коей всемилостивейшего дозволения я ожидал», просит присылать и дальше сведения географические, а о себе пишет: «по милости божией по сие число еще в довольно крепком здоровье, и уповаю окончить описание истории о тамошних новых учреждениях и изобретениях новых островов, в чем вы толь похвальное участие имеете и ревнительные услуги показали» (Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 3, № 310).

[2] Голицын. Портфели Миллера, стр. 44, 48, 49; Пуцилло, Указат. делам и рукописям., относящ. до Сибири, стр. 110; Cahen, назв. соч., стр. 331—333 и pl. V/между стр. 330 и 331; ГАФКЭ, Портфели Миллера, № 528, I, тетр. 19, 20, 22, 16, 17, 10; II, тетр. 3, 5, 6, 7, 9; № 539, тетр. 6, 8, 11, 12, 14, 15, 16, 17 и др.

География Сибири интересовала Миллера до последних дней его жизни, о чем свидетельствуют все упомянутые работы и переписка с местными людьми на Камчатке, в Охотске и других местах. В вышедшем же в 1773 г. «Географическом лексиконе Российского государства... и достопамятных известий, собранных... Федором Полуниным, а с поправлениями и пополнениями для пользы общества в печати изданных трудами и с предисловием Герарда Фридерика Мюллера», где о значительной доле участия последнего не может быть никакого сомнения; многие места «Словаря» основаны на «собственных... путешественных описаниях» Миллера, которые, как он отмечает, никогда не были использованы им ранее. Известно, что над исправлением и дополнением этого «Словаря» Миллер продолжал трудиться до конца дней своих. Нет надобности указывать, что в словаре много данных по сибирской географии, источником для которых нередко служат те «географические описания» уездов, реестры географических пунктов и т. п. материалы, которые собирались и сочинялись Миллером еще во время Камчатской экспедиции, а дополнялись (особенно по части статистических данных) во все последующее время. Вновь выходившие работы по картографии Сибири встречали также живейший отклик со стороны Миллера. Так, на появившееся в 1774 г. «Краткое известие о новоизобретенном северном архипелаге» (с приложением части карты 1773 г.), где автором был акад. Я. Штелин, [1] Миллер, по словам Бюшинга, в том же году отозвался «Anmerkungen über des Herrn Staatsraths von Stählin... Carte von dem neuen nordischen Archipelague und Erläuterungen derselben». Эта статья Миллера была напечатана в издании Бюшинга «Wöchentliche Nachrichten» 1774 г., к сожалению, не найденном мною в библиотеках Ленинграда.

17

Отмечая все указанные выше работы Миллера по географии Сибири, необходимо вновь сказать, что, как только обстоятельства изменились, Миллер вновь вернулся к занятиям историей Сибири. В марте 1754 г. он был назначен секретарем Конференции и по своей должности занял очень видное положение в тогдашней Академии. С 1755 г. начали выходить под его редакцией «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», переименованные в 1758 г. в «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», а с 1763 г. получившие опять название «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах». За годы 1755—1764 вышло под редакцией Миллера и при его живейшем участии в журнале двадцать томов. С 1758 г. были возобновлены «Sammlung Russischer Geschichte», приостановившиеся после смерти Байера на четвертом выпуске второго тома. Миллер закончил этот второй том, дав выпуски 4—6, а затем продолжал вести это издание до 1764 г., когда был выпущен им девятый том. Миллеру, как редактору

[1] Месяцеслов историч. и геогр. на 1774 г.; перепечат. в «Собр. сочинений, выбранных из месяцесловов», III, 1789, стр. 335—362 (но без карты).

первого из этих журналов, посвящены две ценные работы,[1] но, к сожалению, до сих пор не до конца выявлено авторство самого редактора в отношении многих статей этого издания, в частности тех, которые относятся к Сибири. [2] В этих изданиях, особенно во втором — в Sammlung Russischer Geschichte, Миллер напечатал большинство своих работ по истории и отчасти географии и экономике Сибири, написанных им много лет тому назад; они нередко были одобрены Конференцией для напечатания, но не появлялись в силу тех препятствий, которые встречало издание их со стороны Шумахера и Теплова. В этих же изданиях появились и некоторые работы Миллера, написанные им в недавнем прошлом в силу тех причин, о которых сказано выше. Но, печатая свои старые труды или давая их в русском переводе, он подвергал их переработке в соответствии с теми новыми материалами, которые стали известны ему теперь, или в зависимости от изменения его взглядов на те или иные вопросы, или, наконец, в силу представившейся возможности не считаться с теми мнениями, из-за которых в прежние годы приходилось выкидывать отдельные куски сочинений или изменять их в угоду этим мнениям. Независимо от изменения его положения внутри Академии, такое отношение к взглядам и тем самым к людям, с которыми надо было считаться прежде, зависело и от изменившегося положения Миллера в правящих кругах, в частности, в силу отношения к нему императрицы Екатерины, проявлявшей к Миллеру большое внимание и даже заботливость. Прекрасно понимая свое новое положение в Академии, Миллер, как редактор «Ежемесячных сочинений», сначала проводил свои и чужие статьи через Конференцию, [3] а позднее действовал совершенно самостоятельно, не считаясь иногда даже с тем, что имелись постановления, которые должны бы его связывать, как автора и редактора. [4] В таких условиях протекала работа Миллера в 1755—1764 гг., когда появилось большинство его трудов. И это необходимо учитывать, когда приходится иметь дело с Миллером, как историком Сибири в эти годы, давшим, между прочим, несколько работ, относящихся к разным моментам ее прошлого, а в первые годы нового царствования опубликовавшим, наконец, на немецком языке десять глав своей «Истории» в той редакции, которая отличается от редакции 1750 (для гл. 1—5) и 1751—1752 (для глав 6—10) гг., и, несомненно, более отвечает научному пониманию автора в те годы. Приходится, однако, признать, что текст «Истории Сибири», опубликованный Миллером на немецком языке, почти не вошел в научный оборот,

---

[1] Статьи В. А. Милютина в «Современнике» 1851 г., тт. XXV и XXVI, и П. П. Пекарского в «Записках Акад. Наук», XII, прилож. № 5.

[2] Сохранился типографский оригинал статей «Ежем. соч.» 1755 г., дающий ценный материал о работе Миллера, как редактора чужих статей (Архив Акад. Наук, разр. II, оп. 1, № 217; ср. ф. 21, оп. 1, №№ 25, 27).

[3] Протоколы Академии Наук, II, стр. 332, 340.

[4] Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 1, № 27 — постановление Канцелярии 1757 г. с замечаниями Миллеру за его самостоятельное ведение журнала.

и историки Сибири продолжают цитировать Миллера по устаревшему изданию 1750 г. или его перепечатке 1787 г.

В указанные годы появились следующие работы Миллера по истории, географии и экономике Сибири: в 1755 г. — «О первых Российских путешествиях в Китай», явившаяся переработкой гл. 7 «Истории Сибири», и «Известие о торгах Сибирских», которое было написано еще в 1744 г., но с некоторыми изменениями и с пропусками было опубликовано только теперь; обе работы были одобрены Конференцией и напечатаны в июльской, сентябрьской и декабрьской книжках «Ежемесячных сочинений». В 1756 г. в нескольких книжках (февраль-май) «Ежемесячных сочинений» Миллер продолжал печатание «Известия о торгах», а затем там же (в книжках за июль и август) напечатал свою работу 1733 г. «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов яко то черемис, чуваш и вотяков», которая позже появилась также на немецком языке в «Sammlung Russischer Geschichte». В 1757 г. в том же журнале (январь—март) появилась работа Миллера «Роспись губерниям, провинциям, городам, крепостям и другим достопамятным местам, в Российской империи находящимся», в основу которой положена роспись, печатавшаяся в академических календарях, но с исправлениями Миллера, внесенными на основании своих и чужих (напр., П. И. Рычкова) материалов; в этой росписи имеются соответствующие данные о Сибирской губ., которые, как кажется, использованы также на карте Сибири Миллера, о которой сказано ранее. В апрельской книжке того же года Миллер дает «Изъяснение сумнительств, находящихся при постановлении границ между Российским и Китайским государствами 7197 (1689) года», в майской — «О китовой ловле около Камчатки» и затем в нескольких книжках (за июль—октябрь) печатает свою «Историю о странах, при реке Амуре лежащих, когда оные состояли под Российским владением», в основе которой лежит его работа 1740 г., сохранившаяся в рукописях, но ко времени печатания подвергшаяся большим переделкам. В следующем 1758 г., как уже отмечено выше, и на русском в «Сочинениях к пользе и увеселению служащих» и на немецком в начавшей вновь выходить «Sammlung Russischer Geschichte» появился большой труд Миллера «Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных» (Сочинения к пользе и увеселению служащие, 1758, январь—май, июль—ноябрь; Sammlung Russischer Geschichte, III, вып. 1—3) и в том же году была напечатана в «Sammlung» появившаяся ранее на русском языке «Nachricht von dreijen im Gebiete der Stadt Casan wohnhaften heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwaschen und Wotiaken». 1759-й год отмечен только немецким изданием «Nachrichten von der Handlung in Sibirien» (Samml. Russ. Gesch., III, в. 4). В вышедшем в следующем году четвертом томе «Samml.» Миллер напечатал «Nachricht von dem Gold Sande in der Bucharey...», основанием для которой послужила его работа первых лет Камчатской экспедиции, посвященная той же теме и истории строения крепостей в верховьях Иртыша; по словам Мил-

лера, эта работа не печаталась так долго потому, что были еще живы некоторые лица, о которых ему приходится говорить в этой работе. В том же году в русском переводе та же работа появилась в первых двух книжках «Сочинений к пользе и увеселению служащих». Тема о Китае и его отношениях к русским продолжала привлекать внимание историографа, и напечатанная в том же году «Von den ersten Reisen die von Russen nach China geschehen sind» является новой переработкой текста седьмой главы «Истории Сибири» и русской статьи на ту же тему, напечатанной в 1755 г. Последующие годы особенно примечательны с интересующей нас точки зрения: в 1761 г. выходит одновременно на русском и немецком языках «Nachricht von Land- und See-Carten die das Russische Reich u. die zunächst angränzenden Länder betreffen» (Samml. Russ. Gesch., VI, вып. 1; «Сочин. к пользе и увеселен. служащих», ноябрь—декабрь), где в обзоре карт, вышедших до 1761 г. включительно, отмечены карты Сибири, известные Миллеру и, в частности, об открытиях Камчатской экспедиции. Но, конечно, крупнейшим событием этого года было появление в шестом томе «Samml. Russ. Gesch.» (SS. 109—559) первых пяти глав «Sibirische Geschichte», с интересным послесловием автора к статье о ландкартах, о Новгороде (в пятом томе) и к «Истории Сибири». [1] В опубликованном в 1762 г. первом-втором выпусках седьмого тома «Sammlung Russischer Geschichte» напечатаны извлечения из труда д-ра Готтлиба Шобера «Memorabilia Russico-Asiatica»; Миллеру принадлежат там примечания ко многим местам этого труда, где автор говорит, напр., о калмыках (SS. 47—71), «ногайских или астраханских татарах» (74—79), «о монголах и древней Татарии», «родине монголов» и пр. Спустя два года вышел восьмой том «Sammlung Russischer Geschichte», и в нем напечатано продолжение «Истории Сибири», главы 6—10, из которых обозрение содержания 6 и 7 глав Миллер напечатал в том же году в «Ежемесячных Сочинениях», а в следующем 1764 г. в том же журнале напечатал русский перевод глав 6, 7 и 8 «Истории»; видимо, был заказан также переводчику С. Волкову перевод и глав 9 и 10, но он был выполнен им к тому времени, когда печатание «Ежемесячных Сочинений» прекратилось. [2] Кроме того, в восьмом томе напечатан Миллером «Nachricht von der russischen Handlung nach China», а в последний год издания «Ежемесячных Сочинений» появился перевод «Описания путешествия, коим ездили Китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 г. у калмыцкого хана Аюки» — это описание посольства Тулишена, переведенное с манчжурского переводчиком Академии Лар. Россохиным (умершим в 1761 г.); перевод этот был одобрен Конференцией к напечатанию еще в 1755 г., [3] но был издан Миллером только в 1764 г. То же описание посольства Тулишена, как отмечено уже, в переводе Миллера на немецкий язык с француз-

[1] Часть этого «послесловия», относящуюся к изданию «Истории Сибири» см. далее, в конце текста «Истории Сибири», стр. 326—327.

[2] Перевод С. Волкова в рукоп. Архива Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 169.

[3] Протоколы Академии Наук, II, стр. 332.

ского перевода было напечатано им (вернее, по его бумагам Крамером) еще в четвертом выпуске первого тома «Sammlung Russischer Geschichte», с примечаниями Миллера. Наконец, в том же 1764 г. в «Ежемесячных Сочинениях» (в декабре) была напечатана работа Миллера, написанная им по поручению Екатерины II, а именно «Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных»; здесь в части первой Миллер говорит о сибирских могильных древностях, давая подробности о них, почерпнутые из его богатых наблюдений во время путешествия и сообщений, полученных им от разных лиц, связанных с Сибирью.[1] В 1763 и 1764 г. им были написаны еще две работы,[2] имеющие связь с историей сношений русских с китайцами, но характер этих работ таков, что скорее они являются ответом на заказ высокой покровительницы Миллера, искавшей у историка полезных указаний для ее дипломатической канцелярии, чем научными работами.

18

В виду предстоявшего отъезда своего в Москву Миллер просил Академию о разрешении взять туда все, что им списано из архивов во время сибирского путешествия, «так как всего нужнее окончить ему и Сибирскую историю»; эта просьба его была удовлетворена,[3] и таким образом большая часть архива Камчатской экспедиции оказалась в марте 1765 г. в Москве, в «книгохранилище» самого историографа, как это видно из описи, составленной в год смерти Миллера».[4] Судя по этой описи, многие академические рукописи, в частности рукописи самого Миллера, пребывали в Москве довольно долго и вернулись в Академию в меньшей своей части только в 30-х годах XIX в.[5]

Причина, указанная Миллером, как основание для отправки рукописей в Москву, — необходимость окончить Сибирскую историю была, конечно, признана уважительной. Следует, однако, сказать, что занятый многими другими делами Миллер вернулся к темам Сибирской истории, когда получил, наконец, возможность в 1766—1767 гг. заняться просмотром книг и столбцов Сибирского приказа, но в его бумагах и известиях о нем не сохранилось никаких следов его работы в эти годы над сибирскими материалами, вывезенными из Петербурга.

[1] В частности к этому времени относится переписка Миллера с сибирским губернатором Соймоновым, в которой очень много интересных данных по разным вопросам истории, географии и экономике Сибири. Письма Соймонова к Миллеру в количестве 123 писем в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 3, № 268, ответы Миллера там же, ф. 21, оп. 3, №№ 306, 307.

[2] «Рассуждение о законных причинах к объявлению войны китайцам и способа вести ее, сочиненные в 1763 г.» и «Рассуждение о посольстве в Китай, сочиненное в 1764 г.» в труде Бантыш-Каменского, «Дипломатич. собр. дел между Российским и Китайским государствами». Казань, 1882, стр. 378—393.

[3] Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 288. Матер. для истор. Акад. Наук, VI, стр. 4.

[4] Голицын, Портфели Миллера, стр. 18 и сл.

[5] Обстоятельства этого дела подробно рассказаны в той же брошюре Н. В. Голицына, стр. 57—60.

Впрочем, со стороны Академии была сделана попытка привлечь Миллера к работе по продолжению Сибирской истории. В октябре 1769 г. Фишер, «Сибирская история» которого вышла, наконец, на немецком языке в 1768 г., вошел в Конференцию с предложением о продолжении своих работ по «Сибирской истории» после 1660 г., которым заканчивался текст Миллера и извлечение из него, составленное Фишером; продолжение этих работ было поручено ему еще в 1753 г., и только теперь Фишер находил возможным к ним приступить. Выбор времени для этого нужно признать вполне удачным, так как сибирские темы в эти годы вновь стали предметом особенного внимания Академии (экспедиции Палласа и др.), отражавшей, конечно, те настроения и интересы, которые господствовали в 60—70 годах в правительственных кругах. Предложение Фишера оживленно обсуждалось в Конференции через месяц, причем конференц-секретарю И. Эйлеру поручено было обратиться от имени Академии с просьбой к Миллеру о присылке собранных им материалов по истории Сибири после 1660 г.; этому письму придавалось, видимо, большое значение, так как Эйлер сообщил даже Конференции в следующем заседании проект этого письма; одновременно было решено послать в подарок Миллеру, как собирателю сибирских документов, двенадцать экземпляров труда Фишера и два экземпляра изданной Академией карты пограничных с Турцией областей России, последнюю в знак признательности за сообщенную им Академии специальную карту Московского уезда. В сущности, речь шла прежде всего о возвращении в Академию тех книг с копиями документов сибирских архивов, которые были привезены Миллером из Сибири и взяты им с собой в Москву в 1765 г. В ответном письме Миллер выражает благодарность за присылку книг и карт, обещает выслать требуемые копийные книги, необходимые для составления истории Сибири после 1660 г. и одновременно берет на себя руководство работой по составлению истории России, для чего, по его словам, им собраны уже все необходимые материалы, но для этого ему нужен способный помощник; в протоколе это предложение названо «чрезвычайно полезным», и потому решено просить директора Академии послать в Москву одного из студентов Академии Полепова, Венедиктова или Светова. Когда в конце января 1770 г. были получены в Академии 34 [1] тома копий документов, то директор Академии предложил и Конференция согласилась просить Миллера выслать его собственные работы, основанные на этих архивных материалах после 1660 г., если таковые у него имеются, и тем способствовать работе Фишера; по поводу «его патриотического предложения» писать историю России Академия намеревалась ответить позднее. Письмо было послано 25 января, но каков был ответ Миллера, — протоколы не сообщают; это ответное письмо, однако, отыскалось: оно было написано Миллером 8 февраля

[1] Но не был возвращен тогда 35-й том копий, который в описи 1748 г. значится под № 103: «Десятая книга о горных заводах и делах, на 257 листах», а в описи рукописей Миллера 1783 г. внесена, повидимому, под №№ 400 и 401: «Списки и ведомости о рудных в Сибири делах, т. I и II».

*

и получено в Академии 16-го; в нем Миллер, между прочим, писал: «как жаль, что я не могу выполнить предположения (Absichten) нашего... директора в отношении проф. Фишера. Во-первых, у меня нет готовых работ о Сибири; но если бы даже они были, то прежнее обращение проф. Фишера с моим трудом должно бы меня от этого отпугнуть. Но об этом я говорю неохотно». [1] Этим кратким, но полным достоинства ответом закончились попытки Академии привлечь Миллера к работе, которая уже вначале не сулила больших результатов. О самой работе Фишера можно сказать немного. В конце мая того же года он входит в Конференцию с представлением о том, что Миллер не дослал двух томов, в которых находятся указатели к 34 книгам, без чего разработка материалов крайне затруднительна. В результате сношений с Миллером выяснилось, что указатели составлены им для собственных надобностей и за его счет; [2] но Миллер очень охотно согласился выслать копию с них, которая и была получена в августе-сентябре того же года. [3]

Как известно, из этой работы Фишера, которому в помощь был дан студент Венедиктов, ничего не вышло. Фишер в последний год своей жизни почти постоянно отсутствовал в заседаниях Конференции по причине недомогания и 13 сентября 1771 г. скончался. Его рукописное наследство хранится в архиве Академии Наук, [4] но среди поступивших в архив бумаг Фишера никакого продолжения его «Сибирской истории» не отыскалось.

19

В последующие годы, когда Миллер остался в Академии единственным историком Сибири, он не возвращался к занятиям историей Сибири. Несмотря на живейший интерес, который он проявлял к деятельности академиков, путешествовавших по Сибири в те годы, [5] оказывая им нередко помощь и содействие, самостоятельной разработкой сибирских тем он больше не занимался. Если в 70-е годы напечатаны некоторые его работы, то по времени написания они относятся к раннему периоду, да и в издании их едва ли Миллер принимал участие. Так, в 1774 г. Шерер издал «Описание Камчатки» Стеллера и в конце его поместил «Geographie u. Verfassung von Kamtschatka aus verschiedenen schriftlichen u. mündlichen Nachrichten gesammelt zu Jakutzk 1737», составленную Миллером еще до путешествия Крашенинникова и Стеллера.

[1] Архив Акад. Наук, ф. 1, оп. 3, № 57, письмо 15-е (в немецком подлиннике это место отчеркнуто).

[2] Их, действительно, не было при сдаче книг копийных в 1748 г. в архив Исторического собрания, а затем в архив Конференции.

[3] Копия в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 35; подлинник в ГАФКЭ, Портфели Миллера № 482, I—II, и 483, тетр. 1. Протоколы Конференции, II, стр. 711, 722, 725, 734, 738, 744, 745, 748, 752, 758 и 761.

[4] Разр. I, оп. №№ 79—81.

[5] Ср. в Протоколах Конференции за 60—70-е годы passim, Архив Акад. Наук. ф. 1, оп. (входящие письма Миллера за эти годы) и ф. 21, оп. 3, — переписка его с Иоганом Эйлером и ф. 21 оп. 3 — исходящая переписка Миллера за те же годы.

Несколько позже, именно в 1777—1779 гг., в Оффенбахе на Майне Ульрихом Вейсом было выпущено сокращенное переиздание «Sammlung Russischer Geschichte», [1] в пяти томах, но к этому изданию Миллер, видимо, не имел никакого отношения. [2] В части третьей — пятой этого немецкого издания — напечатаны гл. 1—10 «Истории» с тем отличием от русского издания «Sammlung», что немецкий издатель опустил все русские тексты, которые в небольшом количестве все же приведены в немецком тексте Миллера. В том же издании были перепечатаны в четвертой части «Nachrichten von Seereisen... längst der Küsten des Eismeeres...» и в пятой части «Geschichte der Gegenden am Flusse Amur...»

По словам Бюшинга, [3] в 1774 г. Миллер получил поручение от Адмиралтейств-коллегии написать историю путешествий на Шпицберген, к северному полюсу и к Америке. К 1777 г., кроме введения к первой части истории путешествий на север, он написал историю путешествий в 1765—1766 г. размером до 50 листов и отправил оба труда в Петербург. Одновременно он писал историю русских плаваний и открытий между Камчаткой и Америкой.

Среди черновиков писем Миллера за 1779 г. сохранился черновик письма (видимо, в мае) к директору Академии Домашневу при посылке ему статьи о потешных, составляющей часть начатой Миллером в 1775 г. истории Петра I. В зачеркнутой части этого черновика Миллер, объясняя, почему он не прислал Домашневу историю плаваний к Шпицбергену (потому что она писана по-немецки), сообщал, что занимается составлением продолжения о плаваниях к Камчатке, которая займет его до конца года, если только он успеет, так как имеет «très grande quantité de mémoires remplis de fort bonnes choses. Il ne me manque qu'un dessinateur pour la construction d'une carte de ces passages, bien différente de la carte générale nouvellement publiée par l'Académie». [4]

Все же именно в эти последние годы своей жизни, работая совместно со Стриттером по поручению Академии над ее историей, Миллер представил в Академию историю Камчатской экспедиции за 1733—1735 гг. на 160 стр. in folio, причем в протоколе Конференции 7 июня 1781 г. отмечено, что «в виду важности этой истории» ее решено было читать в заседаниях Конфе-

---

[1] Об этом издателе в общедоступных словарях не удалось найти сведений; об издании же Вейса отзыв у А. Ф. Бюшинга, Wöchentliche Nachrichten 1778, XXXIX, 307, 308.

[2] Вероятно, Миллер не оставил бы здесь (в части первой) без исправления ту ошибку, которую он невольно допустил в первом изд. «Nachricht von einem alten Mst der Russischen Geschichte des Abtes Feodosii von Kiow» (вместо Нестора автором летописи назван здесь — Феодосий) и которая была им печатно отмечена в 1754 г., но которая повторена в издании Вейса 1777 г. В переписке Миллера, сохранившейся в большом порядке (Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 3), не нашел я никаких следов его сношений с Вейсом.

[3] Бюшинг. Биография Миллера, стр. 97, 155.

[4] Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 3, № 310 (черновики за 1779 г.). Этот труд составил продолжение упомянутой ранее работы Миллера и является историей камчатских путешествий, начиная с 1742 по 1779 г.

рецпии, что и было выполнено в заседаниях 11 и 25 июня того же 1781 г.[1] Миллер не закончил и на этот раз историю Камчатской экспедиции. Как известно, составленная им и Стриттером история Академии (последняя глава за 1743 г. была представлена уже по смерти Миллера), а равно и написанная им тогда часть истории Камчатской экспедиции появилась лишь спустя сто с лишним лет, в шестом томе «Материалов для истории Академии» (СПб. 1890)[2] Этот труд был последним, где Миллер вернулся к темам, от которых, в сущности, не отходил в течение пятидесяти лет.

20

Через два года после смерти Миллера вышла первая серьезная биография и обзор его научных трудов. Автор ее А. Ф. Бюшинг[3] все последние 30 лет жизни Миллера находился с ним в постоянном общении и располагал большим количеством сведений о нем, полученных непосредственно от Миллера. Соответствующие страницы, где он приводит переписку с ним Миллера, сохраняют значение документального источника до сих пор, так как попытки отыскать те или иные документы, полученные им от Миллера и имеющие иногда первостепенное значение (как, напр., письмо Миллера в Академию 1779 г. об изданных ею картах), не всегда оканчиваются успешно. Давая довольно полный обзор научной деятельности Миллера за весь период его работы в России, труд Бюшинга, написанный в тоне несколько восторженном по отношению к Миллеру, не лишен, конечно, некоторых неточностей, но все же до сих пор является наиболее полной биографией Миллера, которую не заменила другая биография, составленная лет через 80 после того — труд П. П. Пекарского.

Академии было хорошо, конечно, известно, что историограф являлся обладателем драгоценного собрания книг и рукописей, которые могли бы весьма обогатить академическую библиотеку и архив. С такой точки зрения вполне возможно, что рассказ А. Ф. Бюшинга (стр. 115—117) о намерении тогдашнего директора Академии Домашнева, в случае смерти Миллера, завладеть для Академии его рукописями и книгами соответствует действительности, но, как известно, громадное и ценное собрание Миллера в Академию Наук тогда не попало.

Сама Академия не могла, однако, не заняться тем наследием Миллера, которое имелось в ее распоряжении и, по ее мнению, представляло научную ценность. Правда, в некрологе Миллера, напечатанном в томе первом «Nova Acta Academiae Scientiarum... Petropolitanae», вышедшем в 1787 г.,

[1] Протоколы Академии Наук, III, стр. 535—6, 538 (была прочитана только история за 1733 и 1734 гг.) О рукописи этого труда у Голицына, Портф. Миллера, стр. 128.

[2] Стр. 269—289, 340—366 и 393—422.

[3] Биография Миллера, написанная Бюшингом, напечатана в третьем томе «Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, insonderheit gelehrter Männer» (Halle 1785), SS. 1—160. Письма Бюшинга к Миллеру в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 3.

ему отведено очень скромное место, на ряду с давно забытыми теперь корреспондентами Академии, а материалы, собранные для некролога, оказались мало использованными. [1]

Неизвестный автор некролога, кажется, Иоганн Эйлер, отмечает, что Миллер был первым, который указал настоящие источники русской истории. Издавая их в «Sammlung» и «Ежемесячных Сочинениях», он заслужил признательность не только иностранных, но и местных историков. «Он принялся за сочинение полной истории Сибири, которой вышел первый том, но другие занятия отвлекли его от продолжения ее. Собиратель («compilateur») неутомимый, он беспрестанно разыскивал материалы, но у него не было времени их обрабатывать. Отсюда произошло то, что от него остались, кроме помянутых трудов, лишь отдельные статьи, разбросанные в различных периодических изданиях, среди которых статья о древнейших обитателях России, напечатанная в «Magazin» Бюшинга и по-русски в 1773 г., считается его chef d'oeuvre. Он писал еще на многие другие исторические темы, но эти труды не предназначались для опубликования. Кроме того, он обогатил географический словарь, напечатанный в Москве, большим количеством интересных статей, а среди бумаг его осталось много дополнений и поправок для второго издания этого словаря».

Большинство тогдашних академиков, среди которых, в сущности, отсутствовали представители исторических наук, были, видимо, такого же невысокого мнения о научных заслугах Миллера. [2] Но несмотря на все это, в ближайшие после 1783 годы в Академии было предпринято переиздание некоторых работ Миллера и возобновлены издания, которыми он прежде руководил.

В связи с интересом к Сибири, несомненно, возросшим после экспедиций Палласа, Лепехина и др., Академия, на ряду с изданием их трудов, переиздает некоторые старые работы о Сибири. Так, в 1786 г., кроме труда Крашенинникова о Камчатке, Академия предприняла второе издание книги первой «Описания Сибирского царства», которое и вышло в следующем году в количестве 600 с небольшим экземпляров. [3] В делах этих лет не удалось пока найти подробностей, касающихся этого переиздания русского перевода 1750 г.; издание 1787 г. выпущено было без всяких изменений против прежнего (если не считать того, что с титульного листа был снят «виньет Сибири», работы акад. Штелина, украшавший титульный лист издания 1750 г.). Тем более вызывает интерес самый факт переиздания именно в эти годы, так как одно-

[1] См. материалы к некрологу в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 6, № 3,

[2] Когда в 1795 г. Конференции было предложено наметить 12 виднейших академиков, портреты которых было желательно поместить в новом академическом конференц-зале, то за подписью И. Эйлера, Румовского, Протасова, Лепехина, Иноходцева и Н. Фуса был представлен такой список, и Миллер оказался в нем на пятнадцатом месте (впереди его: Бернулли, Герман, Делиль, Л. Эйлер, Гмелин старший, Крафт, Ломоносов, Крашенинников, Вейтбрехт, Рихман, Браун, Вольф, Лексель, Гильденштедт (Протоколы Академии Наук, IV, стр. 460—461).

[3] Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 354, л. 179.

временно с перепечаткой «Описания Сибирского царства», с июля того же 1786 г. были возобновлены «Ежемесячные Сочинения», приостановившиеся со времени отъезда Миллера в Москву. Редактором «Новых Ежемесячных Сочинений», как известно, был естественник, акад. Ник. Яковл. Озерецковский, [1] а в начавшем выходить одновременно «Продолжении Древней Российской Вивлиофики» редактором состоял астроном Степ. Яковл. Румовский, [2] и в связи с их работой можно отметить некоторое оживление интереса к трудам Камчатской экспедиции, в частности, Миллера. Кроме «Описания Сибирского царства», в 1791 г. было переиздано напечатанное по-русски в 1756 г. «Описание трех языческих народов в Казанской губ., а именно: черемисов, чувашей и вотяков», с тем отличием от издания предшествующего, что к тексту присоединены восемь рисунков, которые были сделаны Люрсениусом и Беркапом еще в 1733 г. и хранились в фонде Камчатской экспедиции.[3] Тем же С. Я. Румовским в части VII «Продолжения Древней Российской Вивлиофики» (стр. 173—224) был издан в 1791 г. «Летописец вкратце» по рукописи «библиотеки Московской Коллегии иностранных дел Архива под № 71-м», что соответствует № 71 «реестра № 4 письменным книгам, портфелям и ландкартам покойного д. с. советника Миллера в Архив поступившим» после его смерти в 1783 г. [4] В конце этого летописца находится та «Ведомость о Китайском государстве», составленная в 1677 г. в Тобольске «изыскапием стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова», на которую Миллер не раз ссылается в своей «Истории Сибири» и других работах. [5]

Отмечая эти положительные факты, обязанные, несомненно, общему интересу к Миллеру и оставшимся после него трудам, следует сказать, что к этому времени относится новый разбор и описание материалов Камчатской экспедиции, находившихся в архиве Конференции, среди которых было немало

---

[1] Протоколы Академии Наук, IV, стр. 47, 90.

[2] Предисловие к 1-й части «Продолжения Древней Российской Вивлиофики», (СПб., 1786) подписано «С.Р.», т. е. Степан Румовский. О нем, как редакторе этого академического издания, см. Протоколы Академии Наук, IV, стр. 93. Его последний биограф В. В. Бобынин (Русск. биогр. словарь, том Романова-Рясовский, Пгр. 1918) ничего не говорит о редактировании им «Прод. Древн. Рос. Вивл.». Сам Румовский ездил в 1762 г. в экспедицию в Восточную Сибирь, — об этом Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 809.

[3] По описи 1748 г., №№ 90—103. Оригиналы этих рисунков (из которых только часть воспроизведена в издании 1791 г.) не отысканы мною, но в архиве Акад. Наук сохранились медные доски, по которым печатались восемь рисунков (Архив Акад. Наук, разр. XII, оп. 1, №№ 1468—1475).

[4] Голицын, Портфели Миллера, стр. 22.

[5] В предисловии к первому тому второго издания «Древней Российской Вивлиофики» (СПб., 1788) Н. И. Новиков особо отмечает «усердие покойного Миллера в ревностном споспешествовании сему изданию», для которого Миллер предоставлял материалы не только из архива Коллегии иностр. дел, но и из своей собственной «книгохранительницы, которую собирал он с великим тщанием во всю жизнь свою». — Без имени Миллера некоторые труды его (напр., «О песошном золоте в Бухарии и др.) были напечатаны в томе 3-м (М. 1785) «Историч. описания Российской коммерции» Мих. Чулкова.

трудов Миллера. В результате была составлена опись «Сибирского архива». Про эту работу может быть сказано лишь то, что многие дела и рукописи, отмеченные в описи 1748 г., оказались разбитыми и присоединенными к другим делам, надо думать, по тому плану, который все же был тогда у разбиравших этот фонд причем эти вновь образованные дела были переплетены в солидные переплеты с отметкой на них названий и нумеров новой описи. Если последнее обстоятельство способствовало сохранности этих дел, то принятое тогда распределение материалов вызывает много недоразумений.

21

В XIX в. труды Миллера о Сибири не переиздавались, и только в конце века появились в отрывках некоторые из них, до того не напечатанные.[1] Но уже с первых лет начато было использование собранных Миллером копий документов сибирских архивов.

Начало этому делу было положено в монументальном издании графа Николая Петровича Румянцева «Собрании государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел». В части второй этого издания, вышедшей в 1819 г., обращалось внимание на эти списки с подлинников, «которые отыскал он (Миллер), путешествуя по Сибири», в архивах тамошних городов. «Сии-то самые акты, едва ль кому сведомые, обогащают своею редкостью вторую часть Собрания государственных грамот и придают ей вящшую цену пред первою».[2] Как в этой части, так и в последующих третьей и четвертой напечатано несколько грамот XVI—XVII вв. по копиям, сделанным для Миллера.

В среде сотрудников Н. П. Румянцева по изданию его corpus'а, работников Архива Коллегии иностранных дел, видимо, еще живы были в те годы воспоминания о Миллере, как бывшем начальнике этого архива и крупнейшем русском историке XVIII в. Старейший член Румянцевского кружка, митрополит Евгений Болховитинов, дал первую биографию Миллера, которая и после труда Пекарского является одной из лучших биографий Миллера, хотя в ней многое было заимствовано из биографии, составленной Бюшингом; она появилась в 1821 г. в «Северном архиве» [3]

---

[1] В XIX в., кроме текстов, напечатанных В. В. Радловым в его «Сибирских древностях», им же была издана в «Сборнике Музея по антропологии и этнографии при... Академии Наук», I, 1900, стр. 37—109, часть инструкции, составленной Миллером для Фишера, посвященная этнографии Сибири (по рукописи на немецк. яз., ныне принадлежащей Архиву Акад. Наук., ф. 21, оп. 2, № 8).

[2] Предисловие, стр. III.

[3] Ее можно считать первой русской биографией Миллера, так как в «Опыте исторического словаря о Российских писателях» Н. И. Новикова 1772 г. даны лишь краткие сведения о Миллере с таким любопытным окончанием: «сей ученый муж, за многие и полезные свои труды, великой достоин похвалы».

и позднее вошла в известный труд митр. Евгения «Словарь русских светских писателей соотечественников и чужестранцев, писавших в России» (т. 1—2, изд. «Москвитянина», М., 1846; биография Миллера в т. 2, стр. 54—89). Одному из сотрудников Н. П. Румянцева, известному впоследствии археографу П. М. Строеву, принадлежит другая биография Миллера, вышедшая в качестве одного из примечаний к поэме Рылеева «Войнаровский», изданной отдельно в 1825 г.; тема этой поэмы, как известно, разработана, между прочим, на основе рассказов Миллера о пребывании его в Якутске и о встречах его там с Войнаровским.[1] Биография, составленная П. М. Строевым, полна ошибок, но в ней примечательно то восторженное отношение, которое проявляет П. М. Строев к деятельности Миллера и которое, кажется, было характерным для многих сотрудников и друзей Н. П. Румянцева. Наконец, третий сотрудник Румянцева, К. Ф. Калайдович приступил тогда же к опубликованию литературной переписки Миллера («Северный архив», 1821 г.).

Основанная в 1834 г. Археографическая комиссия занялась уже в первые годы своей деятельности не только собиранием тех архивных материалов, над которыми работал Миллер в Сибири, но и приступила к изданию некоторых из них. Впрочем, к тому времени, когда Комиссия начала эту работу по собиранию документов сибирских архивов, многих из последних, существовавших во времена Миллера, уже не было; так, в пожар 1780 г. погиб громадный Енисейский архив, из которого Миллер извлек большое количество документов, некоторые другие архивы (Красноярский и др.) в истекшее столетие со времени посещения их Миллером постигла та же участь Комиссии удалось получить только значительную часть архивов Якутского, Верхотурского, Соликамского и Чердынского и довольно большое количество документов из архивов Иркутского, Нерчинского и Кузнецкого, которые вошли в состав ее собрания.[2] Архивы же большинства сибирских городов, как, напр,, Березова, Пелыма, Томска, Тобольска, Мангазеи, и др., не попали в ее собрание нередко по той причине, что их давно уже не было на месте.

В сущности, начатая Комиссией работа по сосредоточению в Петербурге всех сохранившихся в Сибири архивных материалов до 1700 г. не была проделана систематически и до конца, и части, напр., Верхотурского и Якутского архивов находились еще на месте, когда в середине 60-х годов Московский архив министерства юстиции начал стягивать в свои хранилища остатки архивов упраздненных провинциальных учреждений, в том числе и упомянутых архивов Верхотурского и Якутского. Таким образом, эти архивные фонды,

---

[1] «Войнаровский» перепечатывался несколько раз в XIX—XX вв.; последние два издания (изд. «Academia» и Издательства писателей в Ленинграде) вышли в 1934 г. Рассказы Миллера о Войнаровском приводит, видимо, лично слышавший их Д. Н. Бантыш-Каменский. История Малой России, 1822 г., III, стр. 65, 84, 87, 104, 135, и IV, стр. 49.

[2] Документы Тюменских архивов были получены Археографической комиссией только в 90-х годах XIX в., как частное собрание И. Я. Словцова.

оказались разбитыми между двумя и даже тремя[1] хранилищами, и если Археографическая комиссия в последующие годы разобрала и отчасти описала свои сибирские документы, то Верхотурские и Якутские акты б. Московского архива министерства юстиции остаются до сих пор в большей своей части неразобранными и неописанными, а потому и недоступными для историков Сибири.[2] При том положении дела, когда большинство материалов сибирских архивов или оказались погибшими или хотя не погибли, но были недоступны исследователям, в виду того, что хранившие их центральные учреждения в Петербурге и Москве не успели еще их разобрать и ввести в научный оборот, особенное значение приобретали те копии сибирских актов, которые в количестве 34 томов хранились сначала в архиве Конференции, а затем были переданы в Рукописное отделение библиотеки Академии Наук и только недавно вернулись опять в архив Академии Наук. К ним имелись реестры, о которых уже говорилось выше, да и самые фолианты не представляли тех трудностей для пользования, которые стояли, при обращении к подлинным столбцам, напр., Якутского архива, долгие годы (до 1860 г.)[3] остававшимся и в Археографической комиссии в виде неразвернутых «столпов».

Уже в одном из первых своих изданий — «Актах Исторических», вышедших в 1841 г., Археографическая комиссия начала печатать акты, которые поступили в нее из Верхотурского и Соликамского уездных судов, Кузнецкого городового суда, Нерчинского уездного суда, Иркутского губернского правления и Якутского областного правления. Акты, происходящие из тех же архивов и некоторых иных, печатались по принадлежащим Комиссии подлинникам также в первых томах «Дополнений к Актам историческим», начавшим выходить с 1846 г. Как источник для издания, Миллеровские копии названы впервые во втором томе «Дополнений к Актам историческим», который вышел в свет в том же 1846 г. Теми же копиями Комиссия неизменно пользовалась и в последующих томах тех же «Дополнений». В предисловии к VII тому отмечены все те недочеты Миллеровских копий, о которых говорилось выше. Сменявшиеся редакторы этих томов неустанно повторяли о них одно и то же; так, напр., при издании X тома А. И. Тимофеев писал: «... акты в Миллеровских рукописях писаны весьма небрежно, и ошибки писцов в некоторых фолиантах встречаются чуть ли не на каждой строке»; он намерен был пользоваться этими копиями «при тщательном выборе и исправлении

---

[1] Довольно большое количество документов этих архивов оказалось в Публичной библиотеке в Петербурге.

[2] Подробности о сохранившихся документах разных сибирских архивов, находящихся ныне в Институте истории Академии Наук СССР, к которому перешли собрания Археографической комиссии, а равно в других хранилищах, даны в примечаниях к гл. 4, 5 и сл. «Истории Сибири».

[3] Протоколы Археогр. ком., III, стр. 253—254 (среди разобранных к этому времени были также Верхотурские, Соликамские и Чердынские столбцы).

ошибок». [1] Тот же редактор высказывался против наполнения томов «Дополнений» преимущественно сибирскими актами, что по односторонности своей не соответствовало бы цели издания — предложить занимающимся русской историей сколь возможно более данных для изучения исторического быта России минувших столетий, в разнообразных его видах, а потому и не удовлетворяло бы исследователей; но несмотря на это А. И. Тимофеев использовал в большом количестве Миллеровские копии, о чем свидетельствуют не только томы «Дополнений к Актам историческим», вышедшие под его редакцией, но также и его отметки в сборниках Миллеровских копий, где указано им (в тексте и в начале томов), в каких изданиях напечатаны эти копии. Высказанное же им в заседании 15 января 1866 г. возражение против переполнения «Дополнений к Актам историческим» сибирскими материалами послужило поводом для предложения председателя Комиссии А. С. Норова об издании сборников сибирских актов. «Г. председатель Комиссии, имея в виду, что в портфелях Миллера находится много до сих пор ненапечатанных актов, относящихся к истории Сибири, и что акты такого же содержания имеются в архивах некоторых частных лиц, заявил, что было бы весьма полезно издать в свет все эти акты и при том, как относящиеся к известной местности, отдельным сборником. Комиссия, находя, что осуществление предложения г. председателя принесет несомненную пользу для занимающихся русской историей, определила: приступить к изданию сибирских актов, лишь только представится к тому возможность». [2] Это постановление осталось неосуществленным, и Комиссия в последующие годы продолжала изредка обращаться к тем же Миллеровским копиям, но сборников сибирских актов, с группировкой их по уездам старой Сибири, не выпустила ни одного. Так, в вышедшем в 1875 г. втором томе «Русской исторической библиотеки» напечатано большое количество сибирских актов XVI—XVII вв., взятых из тех же сборников копий, причем некоторые из них напечатаны в третий раз, так как приведены в обоих изданиях «Описания Сибирского царства». С интересующей нас точки зрения более примечательным является издание «Памятников Сибирской истории XVIII века», вышедшее в 1882—1885 гг. в двух томах, которые охватывают период с 1700 г. по 1724 г.; предпринятое на частные средства, оно было выполнено тем же А. И. Тимофеевым исключительно на материале Миллеровских копий. В последующие годы Комиссия не обращалась более к Миллеровским копиям, несомненно, отчасти потому, что в 80-ые годы XIX в. стал доступен другой источник по истории Сибири — архив Сибирского приказа, [2] который надолго отвлек внимание от Миллеровских копий.

---

[1] Дополнения к Акт. ист., т. VII, стр. IX; т. VIII, стр. VII. Проток. Археогр. ком., III, стр. 425—426.

[2] Протоколы Археогр. ком., III, стр. 426.

[3] В изданиях Комиссии, в томе VIII «Русской историч. библ.», вышедшем в 1884 г., напечатаны некоторые акты из столбцов Сибирского приказа №№ 3, 5, 10 и 14, но без указания этих номеров и листов каждого номера.

22

Изданные в большом количестве по Миллеровским копиям сибирские акты почти во всех случаях печатания их в изданиях Археографической комиссии предварялись замечаниями редакторов о плохом качестве этих копий, которые, однако, оставались незаменимыми, так как подлинники их, за немногими исключениями, были утеряны. Но когда было приступлено к разборке сохранившихся фондов сибирских архивов, в которых работал Миллер, то, конечно, обнаружились еще бо̀льшие недочеты этих копий. С такой точки зрения не было ничего неожиданного, когда А. А. Гоздаво-Голомбиевский, начав в конце 80-х годов XIX в. разборку столбцов Якутского архива, поступивших в б. Московский архив министерства юстиции, наткнулся на такой случай, когда найденный им подлинник имел большие отличия от того же документа, напечатанного во II томе «Дополнений к Актам историческим» под № 86, по копии Миллера, именно по сборнику «Списков Якутской архивы», т. е. сборнику копий с документов Якутского архива, когда там в 1736 г. работал Миллер. Об этом случае стало известно Н. Н. Оглоблину, работавшему в те же годы по разборке столбцов и книг Сибирского приказа. В результате работ Н. Н. Оглоблина над этим фондом, кроме нескольких статей по истории Сибири, появилось позже четырехтомное «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592-1768 гг.), находящихся в Московском архиве мин. юстиции», [1] — с тех пор незаменимое пособие для всех работающих по истории Сибири. Располагая пока всего одним случаем резкого несоответствия подлинника с копией, снятой для Миллера, Н. Н. Оглоблин в своей первой статье на эту тему, напечатанной в «Библиографе» 1889 г. № 1 (стр. 1—11) под заглавием: «К русской историографии. Г. Миллер и его отношения к первоисточникам», ставит вопрос: «Сам ли Миллер составлял те сборники материалов, которые хранятся в Академии Наук под названием: «Списки Якутской архивы», «Списки Енисейской архивы», «Списки Верхотурской архивы» и проч., или они составлены неизвестными нам сотрудниками Миллера, но только под его руководством и редакцией». На поставленный вопрос Оглоблин отвечает отчасти сам, когда, разъясняя легенды при актах, напечатанных в «Дополнениях к Актам историческим» и взятых из «списков» Якутского и других архивов, выражение легенды «писаны с подлинных столбцов д л я академика Миллера» толкует правильно в том смысле, что сборники писались не самим Миллером, но другими лицами, а «редакция сборников», по его словам, принадлежала самому Миллеру. Оглоблин далее выясняет, что под «редакцией» он разумеет редактирование, все признаки которого находит в актах, напечатанных по Миллеровским копиям. Его общая характеристика их сводится к тому, что всякий, основательно штудировавший их, «не мог не обратить внимания на странность построе-

---

[1] Оно напечатано в «Чтен. Общ. ист. и древн. Росс.» 1895 г., кн. 2; 1898 г., кн. 1-я; 1900 г., кн. 3-я и 1902 г., кн. 1-я, — и отд. М., 1895—1902.

ния некоторых из них; в них наблюдается какая-то запутанность изложения, во многих чувствуются явные пробелы и сокращения, в других — вставки, иногда попадаются выражения, чуждые XVII в., и пр. Видно, что по этим актам прошлась чья-то редакторская рука, иногда, несомненно, опытная, знающая, в другой же раз — совершенно наоборот...» Эта характеристика, созданная, конечно, ad hoc, при отсутствии других доказательств оставалась бы совсем неубедительной, если бы случай не позволил Н. Н. Оглоблину проверить свои сомнения в подлинности некоторых актов миллеровских сборников на том примере, который был указан ему А. А. Гоздаво-Голомбиевским. Сличение напечатанной Миллеровской копии с подлинником привело Н. Н. Оглоблина к заключению, что Миллер «переделал» свой подлинник и при том «крайне небрежно, с грубыми ошибками, даже с бессмыслицами по местам», что и дало Оглоблину повод обвинять Миллера в «недобросовестном отношении» к своему источнику. Когда же несколько позже в руки Н. Н. Оглоблина попали еще два подлинника, копии которых имеются в одном из миллеровских сборников [1] и по ним напечатаны в «Дополнениях к Актам историческим», т. II, №№ 95 и 89, то сличение их привело его к следующему выводу: «... из рассмотрения... настоящих двух актов обнаруживается тот же произвол (курсив везде Оглоблина. *А.*) Миллера при выписке подлинных актов (пробелы и вставки) и такое же неточное чтение текста... После этих трех примеров нельзя уже полагать, что такое искажение текста подлинников было случайностью в отношениях Миллера к первоисточникам. Очевидно, эти искажения входили у Миллера в систему его историографических методов...» (Библиограф, 1889 г., № 8—9, статья «К вопросу об историографе Г. Ф. Миллере», стр. 166).

Такая быстрая и решительная оценка Миллера, как археографа, вызвала оживленное обсуждение в современной литературе 90-х годов XIX в. и в последующие годы XX в. Мнения историков не были единодушны. Хотя некоторые из них держались о Миллере того же мнения, как и Н. Н. Оглоблин, но никто не занялся ближайшим изучением условий, при которых создавались эти копии, какая была роль Миллера в этой работе и т. п. Для правильного суждения по затронутому вопросу необходимо заметить прежде всего, что выводы Н. Н. Оглоблина основаны на трех случаях, относящихся к одному из самых плохих в смысле выполнения сборников копий. Конечно, Миллер сам не снимал копий, о чем известно Оглоблину и другим, а работа его над снятыми копиями очень редко состояла в сличении с подлинниками, хотя необходимость эта им сознавалась, как можно судить, напр., по тем заверкам копий для приложений к гл. шестой и сл., которую он заставлял делать сличавшего их с подлинниками переводчика Голубцова и других. О качестве Миллеровских копий говорить много нет надобности, так как снятие их нередко поручалось, как уже сказано выше, канцеляристам провин-

[1] Эти копии можно читать в «Списках Якутской архивы» том I. Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 30, лл. 91—91 об. (№ 44), 53—55 об. (№ 23) и 88 об. — 91 (№ 43).

циальных канцелярий сибирских городов. Не говоря об их общей малограмотности, легко догадаться, что эти люди смотрели на эту необычную для них работу, как на тяжелую повинность, и едва ли прилагали много усилия в работе по снятию копий с подлинников, прочесть которые они очень часто затруднялись, так как некоторые из них, напр., черновики воеводских канцелярий, нередко прочитываются с большим трудом археографами более опытными и более усердными, чем подьячие провинциальных канцелярий таких сибирских городов, как Якутск и др.

Кроме копий, Миллер иногда принужден был довольствоваться извлечением из актов лишь самого существенного, но эту работу он делал чаще всего сам и лишь в редких случаях доверял ее студентам, в числе коих был с ним в Якутске Илья Яхонтов, почерком которого написаны все три акта, отмеченные Н. Н. Оглоблиным.

Если работа И. Яхонтова дала такие печальные результаты, то из этого никоим образом не получится тот неосновательный вывод, который был сделан Оглоблиным о самом Миллере. Работая над этими копиями для нашего издания, я могу отметить много случаев, когда копия 1734—1742 гг. с большей точностью передает подлинник, иногда даже лучше, чем это делали археографы XIX в., печатавшие этот акт по подлиннику в издании Археографической комиссии.

Но вместе с тем можно привести не один пример, когда копия явно искажает подлинник, чаще всего отсутствующий. Подсчет тех и иных случаев ничего здесь не даст: все зависело от переписчика, от его умения читать почерк XVII в. и его отношения к порученной работе вообще. Издавая эти копии, требуется лишь, чтобы соблюдались все те предосторожности, о которых говорит научная археография нашего времени, когда идет речь об издании текста по копиям (спискам). И после всех оживленных суждений о них, копии Миллера, при гибели почти всех архивов Сибири XVII вв., остаются все же незаменимым источником по истории Сибири тех веков, хотя они нередко полны ошибок, искажений и т. п.

В последние годы Историко-археографический институт, пришедший на смену Археографической комиссии, вновь обратился к Миллеровским копиям, используя их, на ряду с другими сибирскими фондами, в своих изданиях. Те фонды сибирских архивов, которые поступили в XIX в. в Археографическую комиссию и которые в 1734—1742 гг. просматривал Миллер, в 1927—1929 гг. под моим руководством были описаны сотрудниками Комиссии в той части их, которая относится ко времени до 1613 г.[1] В те же годы была разобрана большая коллекция Тюменских актов, поступившая от И. Я. Словцова еще в 90-х годах, и начато описание якутских актов, прерванное после 1929 г., но возобновленное в недавнее время, когда этот фонд

[1] Летоп. зап. Пост. Ист.-Археогр. ком., I (XXXIV), стр. 288—373; Летоп. зап. Археогр. ком., XXXV, стр. 233—310.

стал привлекать особенное внимание историков Сибири, в особенности в виду невозможности пользоваться той частью этого фонда, которая находится ныне в ГАФКЭ. В издании Исторического института вышел недавно первый том Якутских актов XVII в., а в плане работ того же института и Института народов севера поставлено продолжение этого издания.

Археографическая комиссия издала также несколько летописей, которыми пользовался Миллер в своей «Истории Сибири» и которые им первым были найдены. Вопрос об издании сибирских летописей был поставлен комиссией еще в 1870 г.,[1] но в силу различных неблагоприятных обстоятельств издание затянулось на долгие годы и было закончено только в 1907 г., когда под редакцией В. В. Майкова вышли «Сибирские летописи»; здесь была напечатана впервые гражданскими литерами Ремезовская летопись, основной источник Миллера в первых главах его «Истории», по двум спискам: 1) «списку Мировича или Ремезовскому» и 2) «Архивскому»; под последним разумеется список с первого, снятый Миллером с приобретенного им в Тобольске; редактор, повидимому, не знал, что названный им «список Мировича» находится не в Московском главном архиве министерства иностранных дел, а в Рукописном отделении Библиотеки Академии Наук.[2] Та же Ремезовская летопись под названием «Краткой Сибирской летописи (Кунгурской), с 154 рис.» была воспроизведена фотолитографским способом в издании Археографической комиссии в 1880 г. на средства корреспондента комиссии А. Зоста.

23

В работе Н. В. Голицына[3] выяснена судьба собранных Миллером рукописей и книг, поступивших после его смерти в Московский Архив Коллегии иностранных дел. Тот же исследователь замечает, что, «оставаясь в Московском архиве, библиотека и портфели Миллера не послужили исследователям русской старины богатым материалом, из которого они могли бы черпать новые научные сведения; разработка этого материала, хотя и не всесторонняя, была предоставлена будущим поколениям историков, и самое существование Миллеровой коллекции было на время почти позабыто в ученых сферах», что и дало возможность академику Гамелю утверждать в 1830 г., что он «отыскал» в Московском архиве множество рукописей Миллера. Это заявление послужило поводом для сношений Академии с правительственными учреждениями о высылке в ее архив прежде всего тех ру-

[1] См. записку П. В. Павлова в «Летоп. зап. Археогр. ком.», VI, выписка из проток. стр. 1—9, 13—15, 48; ср. там же, VIII, стр. 6, 23, 63—64, 270.

[2] В. Срезневский и Ф. Покровский. Опис. Рук. отд. Библиотеки Акад. Наук СССР. 1. Рукописи, т. 3, вып. 1, Л., 1930, стр. 124—125 (в описании неточно указан год собственноручной подписи Миллера, сделанной им на рукописи: надо «1759», а не «1757»).

[3] Портфели Г. Ф. Миллера. М., 1899, 150 стр. («Сборн. Моск. главн. арх. мин. ин. дел», в. 6, стр. 401—550).

ОПИСАНІЕ

СИБИРСКАГО ЦАРСТВА

И ВСѢХЪ

ПРОИЗШЕДШИХЪ ВЪ НЕМЪ ДѢЛЪ

ОТЪ НАЧАЛА,

а особливо

ОТЪ ПОКОРЕНІЯ ЕГО

РОССІЙСКОЙ ДЕРЖАВѢ

ПО СІИ ВРЕМЕНА;

сочинено

Герардомъ Фридерикомъ Миллеромъ,

Исторіографомъ и Профессоромъ Университета Академіи Наукъ и Социетета Аглинскаго Членомъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Вторымъ тисненіемъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академіи Наукъ, 1787 года.

Рис. 4. Титульный лист второго издания „Истории Сибири" 1787 г.

кописей, которые безусловно принадлежат ей, как отправленные Миллеру в 70-х годах XVIII в. для работ по истории Академии и после смерти его не возвращенные. История всех этих сношений, по материалам Московского архива Коллегии иностранных дел, рассказана в той же работе Н. В. Голицына. В 1831 г. часть портфелей Миллера, в количестве 95, была передана Академии и ныне хранится в ее архиве в фонде № 21; среди переданных материалов находились и рукописи некоторых трудов Миллера о Сибири. Оставшимся в Москве портфелям при директоре Московского архива М. А. Оболенском была составлена опись в двух томах, но эта опись остается недоступной исследователям, которые принуждены пользоваться старыми описями портфелей Миллера, составленными после его смерти, или же обращаться к «Указателю делам и рукописям, относящимся до Сибири и принадлежащим Московскому главному архиву министерства иностранных дел», составленному М. П. Пуцилло (М., 1879, 123 стр., изд. Комиссии печатания государственных грамот и договоров). История передачи части Миллеровского собрания в Академию Наук рассказана в упомянутой работе Н. В. Голицына, но ни он ни другие исследователи не коснулись того вопроса, на каких же основаниях было произведено распределение между архивами рукописей самого Миллера и почему, напр., рукописи глав 1—5 «Истории Сибири» оказались в Академии, а рукописи глав 6—23 остались в Москве; почему «Географическое описание Сибири» на русском языке осталось в Москве, а немецкий текст передан в Академию, или почему описание путешествия, составленное Миллером в 1753 г., попало в Петербург лишь отчасти (гл. 1—6 и 14), а полная рукопись его оставлена в Москве, или, наконец, почему вся переписка Камчатской экспедиции по собиранию сведений по истории, экономике и статистике сибирских городов (ответы на анкеты Миллера) оставлена в Москве, а в Петербург присланы лишь реестры этой переписки — и т. п. Примеров такого странного распределения рукописей и материалов Миллера можно привести очень много, и конечно, в сущности, не было бы в том особенной беды, если бы условия пользования обеими частями Миллеровского фонда были одинаковыми. Та часть его, которая находится в Ленинграде, в настоящее время вполне доступна исследователям, к услугам которых имеются описи, составленные вполне удовлетворительно. Нельзя того же сказать о московской части этого фонда. Печатаемый далее обзор рукописей имеет задачей познакомить с состоянием этого собрания в настоящее время и тем содействовать дальнейшей его разработке. Отмеченное выше замечание Н. В. Голицына о том, что Миллеровский фонд был как бы забыт лет на 50, пока его не «открыл» акад. Гамель, к сожалению, может быть повторено и относительно последующего столетнего пребывания его в Московском архиве министерства иностранных дел, ныне вошедшем в состав Государственного архива феодально-крепостнической эпохи. Известны лишь единичные случаи обращения к этому фонду, которые нашли отражение в печатных трудах. Так, в 1841 г., по просьбе акад. К. М. Бэра, интересовавшегося второй Камчатской экспедицией, были высланы в Академию

из Московского архива портф. 505, 507, 509, 517, 521, 525, 526, 528 и 529 с материалами Миллера, относящимися до его сибирского путешествия; [1] следы пользования ими можно установить в той оживленной полемике о Беринге и его спутниках, которую вел Бэр с лейтенантом Соколовым в 1848—1849 г. [2] В своей статье о Миллере, напечатанной в «Современнике» 1854 г., XLVII, отд. 2, стр. 115—150, С. М. Соловьев впервые печатно указал на богатое содержание миллеровских портфелей в Москве. К тем же портфелям обратился позднее П. Н. Милюков и в своих «Главных течениях русской исторической мысли», печатавшихся сначала в журнале «Русская Мысль», а затем, как второе издание, вышедших отдельно в 1898 г.; он не только дал краткий обзор содержания этих московских портфелей (стр. 80, прим.), но и использовал некоторые из них для тех страниц своей книги, [3] где он говорит о Миллере, как историке.

В начале 90-х годов того же XIX в. к богатому собранию Миллера в Москве и отчасти в Петербурге обращался акад. В. В. Радлов, давший довольно много извлечений из рукописей Миллера в своих «Сибирских Древностях». [4] Радлов снабдил тексты Миллера очень ценными примечаниями и рисунками, взятыми из фонда рисунков Камчатской экспедиции и других собраний рисунков о Сибири.

Другие случаи обращения к этому источнику отразились печатно преимущественно в том, что авторы их, начиная с 40-х годов XIX в., пользовались литературными материалами портфелей Миллера [5] или подлинниками сибирских актов, хранящимися в портф. 477, 478 и др. и вывезенными Миллером из Сибири; [6] А. М. Гневушев напечатал некоторые акты этих портфелей в сборнике «Акты времени правления царя Василия Шуйского». [7]

---

[1] Архив Акад. Наук, разр. V, опись М, № 32.

[2] В эти годы Бэр написал несколько статей о содействии Петра I развитию географических знаний (они напечатаны в «Записках Русск. геогр. общ.» за 1849—1850г.). В ответ на них Соколов написал статью «Беринг и Чириков», где выступал против Бэра; последний отвечал в St. Petersburgische Zeitung (№ № 114—116), после чего Соколов, видимо, решил обратиться к архивным материалам о Камчатской экспедиции, в результате чего появилась его известная работа о ней, напечатанная в «Записках Гидрографического департамента». В 1852 г. Бэр дополнил свою монографию о Петре и напечатал ее в XVI томике «Beiträge zur Kenntniss des Russichen Reiches», где подвел итоги полемики с Соколовым.

[3] Этот обзор всех московских портфелей Миллера является до сих пор единственным, и его не заменила работа Н. В. Голицына, в которой дано описание архива Миллера по реестрам XVIII в., значит, до выделения той части, которая ныне в Архиве Академии Наук. Обзор, составленный П. Н. Милюковым, перепечатан и в 3-м издании его книги.

[4] Сибирские Древности, том первый, СПб., 1894, прилож., стр. 55—126, 140—146. В известном труде А. Н. Пыпина «История русской этнографии», т. I, стр. 142—146, и IV, стр. 339—347. Миллеру посвящено много внимания, но труд этот написан на основании печатных источников. Такой же характер имеет биография Миллера, принадлежащая Л. Штиде и напечатанная в те же 90-е годы в «Allgem. Deutsche Biographie», Bd. XXII, 547—553.

[5] См., напр., различные публикации в «Москвитянине» 50-х годов (1854, № 1—2 и др.).

[6] Чтен. Общ. ист. и древн. рос., 1915, кн. 1; мой отзыв об этом издании в Журн. мин. нар. просв., 1915 г., июль.

[7] Труды П. Н. Буцинского, С. В. Бахрушина и др.

24

Иное положение было с той частью Миллеровского фонда, которая с 30-х годов XIX в. образовалась в Архиве Конференции Академии Наук. Разработка материалов последнего относится еще к 50-м годам XIX в., когда в «Ученых записках Академии Наук по 1-му и 3-му Отделениям» началась публикация материалов этого архива и среди них тех, которые относятся к Миллеровскому фонду Архива. Но расцветом этой публикации являются 60-е годы, когда в связи с приближавшимся столетним юбилеем со дня смерти М. В. Ломоносова, постоянного противника Миллера, усилились поиски архивных материалов, касающихся деятельности первого и очень часто также и второго.

В сборниках, вышедших к 1865 г., на ряду с материалами о Ломоносове находим ценнейшие сведения о Миллере, [1] почерпнутые из архива Конференции. Основным работником был здесь с конца 50-х годов акад. П. П. Пекарский, приступивший тогда к подготовке своей монументальной «Истории... Академии Наук в Петербурге», которая и вышла в двух томах в 1870 и 1873 гг. (775 + 1042 стр.). В течение 50—60-х годов тот же П. П. Пекарский напечатал несколько работ и документов архива Конференции, в которых находится немало драгоценных материалов о Миллере и его работах в интересующей нас области. [2] В его основном труде по истории Академии Наук Миллеру посвящена отдельная глава (т. 1, 308—430), а многочисленные дополнения к ней находятся в разных местах первого и особенно второго тома. Кроме материалов архива Конференции, в частности тех миллеровских

---

[1] Материалы для биографии Ломоносова. Собраны экстраординарным академиком Билярским, СПб., 1865 (первонач. в «Зап. Акад. Наук». 1863, т. III, кн. 2; т. IV, кн. 2. 1864, т. V, кн. 1—2). Ламанский, В. И., Ломоносов и Петербургская Академия Наук. Материалы к столетней памяти Ломоносова, М., 1865 (первонач.; «Чтен. в Общ. ист. и древн. российских», 1865, кн.1.). Дополнительные известия для биографии Ломоносова академика П. Пекарского. СПб., 1865.

[2] Новые известия о В. Н. Татищеве, СПб, 1864, 66 стр. — Отчет о занятиях в 1863—1864 г. по составлению истории Академии Наук, СПб., 1865, 72 стр. — Материалы для истории библиотеки Московск. главн. арх. мин. иностр. дел. Зап. Акад. Наук., т. XII, кн. 1, 1867 г..—Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова, СПб., 1867, 184 стр.—Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755—1764 г., СПб., 1868 г. — Надо полагать, что П. П. Пекарскому принадлежат также две важных публикации: 1) «Из протоколов исторического собрания Академии Наук» — Библиогр. Зап., 1861 г., № 17, стр. 515—518 и 2) «Академики Миллер и Фишер и описание Сибири» — Чтен. в Общ. ист. и древн. российских, 1866, кн. 3, отд. V, стр. 14—30. — К тому же времени относится работа К. Свенске «Материалы для истории составления Атласа Российской империи, изданного Академией Наук в 1745 г., СПб., 1868»,— в ней сведения об участии Миллера в этом деле. По распоряжению и на счет нашей Академии издана часть переписки Гмелина с Миллером в вышедшем в 1861 г. в Штутгарте «I. G. Gmelini... Reliquias quae supersunt commercii epistolici cum C. Linnaeo, H. Hallero, G. Stellero et aliis publicandas curavit G. H. Th. Plieninger».

портфелей, которые были получены в 1831 г., П. П. Пекарский использовал печатные источники русские и иностранные, и с этой стороны работа является ценным вкладом в дело изучения трудов Миллера и его деятельности в Академии и отчасти вне ее. Но у биографии имеются, естественно, недочеты: прежде всего основной для всего труда: П. П. Пекарский использовал только материалы архива Конференции, между тем для многих моментов истории Академии и, в частности, деятельности Миллера, необходимо было привлечь данные других архивов, напр., Сенатского в Москве, [1] где, напр., о Камчатской экспедиции находятся соответствующие материалы. Что же касается специальных материалов Миллера и о нем, то тут крупнейшим недостатком труда П. П. Пекарского является полное забвение миллеровских портфелей, находившихся в Москве, как будто все материалы по истории Академии и о Миллере поступили в 1831 г. в ее распоряжение. [2] Это сказалось прежде всего на описании Камчатского путешествия, для которого Пекарский воспользовался имевшейся в Библиотеке Академии Наук первой редакцией этого описания, представленного Миллером в 1743 г., где рассказ, как и в позднейшем описании 1770-х гг., обрывается на 1735-м годе, и дальнейшее изложение Пекарскому пришлось основывать на книгах архива, носящих название: «Камчатские дела», причем первая книга их считалась тогда утерянной, чем, может быть, и объясняется очень краткий рассказ историка об организации экспедиции и первых ее шагах.[3] Далее, в труде Пекарского дана история Академии преимущественно за первые десятилетия ее существования (до директорства В. Г. Орлова), в виду чего изученные автором архивные материалы относятся преимущественно к периоду до 1766 г., а потому деятельность Миллера последних лет его жизни нашла в труде Пекарского неполное и не всегда точное изображение. [4] Но несмотря на это труд Пекарского является до сих пор основным трудом по истории Академии тех лет, когда в ее деятельности принимал ближайшее участие Миллер, и пока лучшей и наиболее полной биографией Миллера. Он, конечно, не может заменить вполне двух основных источников XVIII в.: трудов Бюшинга и Шлецера; русский перевод последнего, [5] обросший многими приложениями из фондов Архива Конфе-

[1] О чем говорили, напр., публикации П. И. Иванова в «Чтен. Общ. ист. и древн. Рос.».

[2] Кроме сказанного ранее, см., напр., портф. 741, 750, 752, 755 и др. (Голицын, назв. соч., стр. 122—126, 128—133 и др.).

[3] Впрочем, в Библиотеке Акад. Наук имелась часть описания в редакции 1753 г. — ныне в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 63 (по описи «Сибирского архива» № 84). — Первая книга «Камчатских дел» поступила в архив Конференции только в 1891 г., после смерти П. Н. Петрова, и находится сейчас в ф. 3 того же архива по оп. 1, № 2331; прочие книги тех же «Камчатских дел» в том же фонде, №№ 810—814.

[4] Ср., напр., у П. Н. Милюкова, Главные течения русской исторической мысли, изд. 2, стр. 112 и сл.

[5] Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, им самим описанная. Пребывание и служба в России от 1761 до 1765 г. . . Перевод с немецкого с примеч. и приложениями В. Кеневича (Сборн. Отдел. русск. яз. и словесн. Акад. Наук., т. 13, СПб., 1875). В предисловии В. Кеневич говорит о том, что пользовался указаниями покойного акад. П. П. Пекарского.

ренции, в 1875 г. появился не без участия того же Пекарского. На ряду с ними труд Пекарского является незаменимым по всем вопросам деятельности Миллера, в частности, как историка, географа и этнографа Сибири.

Предпринятое Академией Наук в начале 80-х годов XIX в. издание материалов для ее истории было основано не только на данных раздельно существовавших двух академических архивов: Канцелярии и Конференции, но для издания были использованы также другие архивы: Государственный, С. Петербургский, Сенатский и Московский архив министерства юстиции, но последние в очень небольшой степени. Хранившиеся в архиве Конференции «бумаги Г Ф. Миллера», «портфели 1,5, 6 и др.» дали довольно большое количество документов для первых томов этого издания, начавшего выходить в 1885 г. и прерванного на десятом томе («материалы» 1750 г.), вышедшем в 1900 г. В конце 90-х годов стали печататься «Протоколы заседаний Конференции... Академии Наук с 1725 по 1803 год», [1] печатание которых хотя было окончено, но пользование четвертым томом «Протоколов» крайне затруднено тем, что не был допечатан указатель к ним, оставшийся в рукописи. [2] Несмотря на то, что эти издания (особенно «Материалы») исполнены часто совсем ненаучно и естественно вызывают много нареканий по адресу их исполнителей, все же приходится признать, что богатейшее содержание Архива Академии, особенно за первую половину XVIII в., после появления «Материалов» и «Протоколов», стало известным, а историки нашей науки и просвещения XVIII в. получили незаменимый источник, которым еще долгие годы придется пользоваться, пока не появятся лучшие и более совершенные издания тех же материалов. В частности, о Миллере и его трудах эти сборники дают немалое количество новых и ценных данных, остававшихся неизвестными прежним историкам. Издатели «Материалов» исходили, однако, из наличия тех или иных документов, хранившихся в архиве Конференции, но не приняли во внимание наличие аналогичных материалов в других учреждениях Академии, напр., в Рукописном отделении и в отделении инкунабулов Библиотеки, Азиатском музее и др.; впрочем, о наличии их там они могли не знать, так как работа по выявлению и объединению всех архивных материалов Академии и, в частности, Миллера и о Миллере стала возможной только в советское время. с образованием единого Архива Академии Наук СССР, одной из первой работ которого явилось краткое описание всех рукописей Миллера и материалов о нем, собранных, наконец, в этом архиве из разных академических учреждений и составивших ныне фонд 21-й Архива Академии Наук. [3]

[1] Том I, 1725—1743, СПб., 1897; т. II, 1744—1770, СПб., 1899; том III, 1771—1785, СПб., 1900; т. IV, 1786—1803, СПб., 1911.

[2] Хранится в Архиве Акад. Наук.

[3] Надо надеяться, что Архив в дальнейшем составит научную опись всех рукописей Миллера, находящихся в разных разрядах Архива, по образцу той, которая сделана для рукописей Ломоносова. Краткий обзор фонда 21-го дан в выпуске первом трудов Архива, вышедшем в 1933 г. под заглавием: «Архив Академии Наук СССР. Обозрение архивных материалов. Под общей редакцией Г. А. Князева» (стр. 124—128).

Отмечая выше рост Миллеровского фонда в архиве Конференции Академии Наук, нельзя, в заключение, не сказать, что в том же XIX в. некоторые материалы из этого фонда оказались в частном собрании Д. В. Поленова и в 1897 г. в довольно большом количестве поступили от него в Рукописное отделение Публичной библиотеки в Ленинграде; [1] среди них находятся «бумаги, относящиеся до путешествия по Сибири (Камчатской экспедиции), несколько собственноручных черновых бумаг самого Миллера, причем один из этих черновиков (на стр. 36), как хранившийся тогда в «портфеле писем Миллера к разным лицам» за 1761—1762 г., напечатан в отрывке у Пекарского в «Истории Академии Наук», I, стр. 373—374 и полностью в «Чтениях Общества истории и древностей», 1866, кн. 3, отд. V, стр. 27—28; из тех же «портфелей» Архива Конференции происходит указанный в этой коллекции черновик известного доношения Миллера 1762 г. об определении к нему Шлецера в качестве адъюнкта, напечатанный ранее Билярским («Материалы...», стр. 695—696), несомненно, по тому же черновику, бывшему еще в 1863 г. в архиве Конференции. В той же коллекции имеются другие материалы, о месте первоначального хранения которых трудно сомневаться. [2]

25

Основной труд Миллера «История Сибири» предположено издать в трех томах. Дошедшие до нас рукописи ее хранятся в Архиве Академии Наук и в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи.

Имеющиеся три рукописи глав 1—4 «Истории Сибири», хранящиеся в Архиве Академии Наук под шифрами: ф. 21, оп. 5, № 4; ф. 21, оп. 5, № 10 и разр. I, оп. 65, № 1, относятся к первой редакции «Истории», которая была поднесена императрице в 1743 г. С текста этой первой редакции был сделан в 1743 г. первый русский перевод И.Голубцова, который сохранился для глав 1, 2 и 3 в рукописи того же архива (ф. 21, оп. 5, № 54) с поправками Миллера, с него имеется копия (ф. 21, оп. 5, № 11 и ф. 21, оп. 5, № 9а), с многочисленными отметками на полях крестиком, иногда с подчеркиванием отдельных, неудачных в стилистическом отношении, мест перевода.

Но печатный перевод «Истории», изданный в 1750 г., совсем не похож на этот первый перевод: если в основе его лежит тот же немецкий текст 1743 г., то самый перевод сделан заново в начале В. Лебедевым, а затем И. Голубцовым. В этот новый перевод Миллером внесены также исправления и дополнения; эту переработку второго перевода, законченную к 1748 г., правильнее считать второй редакцией глав 1—4 «Истории Сибири». Типографский

[1] Отчет... Публичной библиотеки за 1897 г., СПб., 1900, стр. 29—37.

[2] Напр., указанные в «Отчете» на стр. 35 «подлинные письма к Миллеру от Протасова, Румовского и «И» (вероятно, П.) Рычкова и записка Соймонова с заметкой к ней Миллера, и др.

оригинал, по которому набирался текст 1748 г. глав 1—4 для русского издания 1750 года, представлен рукописью Архива Академии Наук, ф. 21, оп. 5, № 156. Кроме типографских разметок, в ней на внутренней стороне переплета имеется надпись рукой библиотекаря XVIII в. А. Богданова: «получена из типографии от Барсова (корректора) 1751 г. июля 31 дня по напечатании». Но сличение печатного текста с типографским оригиналом, в основном сходных между собой, не оставляет сомнения, что во время печатания, помимо многочисленных мелких исправлений, Миллер вносил иногда существенные изменения: так, напр., конец главы третьей в печатном тексте имеет дополнение о Муалымском городке, которого нет в типографском оригинале; в главе четвертой опущены §§ 51 и 52 (в которых Миллер опровергал известия о построении Сургута вместо Мансуровского городка), и § 53 стал в печатном тексте § 51, а потому общее количество параграфов этой главы 97 уменьшилось в печатном тексте до 95; в главе пятой опущен имеющийся в типографском оригинале § 90, и др. Соотношения между параграфами редакции 1743 г., редакции 1748 г., представленной типографским оригиналом, и печатным текстом 1750 г. можно видеть из следующей таблицы:

	Ред. 1743	Ред. 1748	Печ. изд. 1750
Гл. 1	86	87	87
« 2	92	98	98
« 3	89	92	92
« 4	96	97	95
« 5	нет	90	89

Сличение текстов редакций 1743 и 1748 гг., из коих последний представлен с исправлениями в печатном тексте 1750 г., показывает, что ко времени сдачи труда в типографию Миллером проделана большая работа над текстом «Истории». Разница в счете параграфов в главе первой объясняется тем, что в редакции 1748 г. появился новый § 30, которого не было прежде, §§ 31 и 32 представляют сильно измененный текст прежних §§ 30 и 31 (перемены эти вызваны той работой переводчика Л. Россохина над китайскими летописями, которая появилась именно в эти годы); внесены также дополнения и в другие параграфы первой главы, напр., в § 87, где в первоначальном тексте отсутствовало второе примечание, и др. Разница в количестве параграфов второй главы объясняется тем, что в редакции 1748 г. появились новые §§ 3—8, которых не было в редакции 1743 г.; соответствующие параграфы о Строгановых подверглись сильной переделке. В § 25 главы четвертой имеется новое начало (до слов о Пелымском наказе). В тексте 1748 г. вообще много новых примечаний. Текст главы пятой типографского оригинала представляет перевод И. Голубцова с многочисленными поправками Модраха. В этот исправленный текст при печатании Миллер внес новые исправления, так как печатный текст, как и в других главах, иногда сильно отличается от типографского оригинала. Соответствующего немецкого текста главы пятой в редакции 1743 г. не сохранилось, так как глава пятая отсутствовала в рукописи, поднесенной в

1743 г., и сочинена была автором после того, как в 1749 г. было отвергнуто его предложение о печатании при первом томе двух сибирских летописей, а его собственное подробное предисловие было заменено более кратким. Рукопись главы пятой имеется только в черновом русском переводе И. Голубцова с исправлениями, который, чтобы не задерживать набор, был использован в качестве типографского оригинала.

Если теперь сличить печатный текст 1750 г. с тем, который появился на немецком языке в Sammlung Russischer Geschichte в 1761 г., с которого дан наш перевод, то отличий между ними окажется довольно много. Об этой новой переработке текста «Истории» прежде всего говорит общее количество параграфов в соответствующих главах (в скобках ставлю количество параграфов в печатном тексте 1750 г.): глава первая — 84 (87), вторая — 86 (98), третья — 92 (92), четвертая — 86 (95) и, наконец, пятая — 84 (89). Если же произвести сличение текстов соответствующих параграфов, то окажется, что Миллер сократил не только общее количество параграфов отдельных глав, но и текст их подверг подобным же изменениям: сокращения внесены во все главы и особенно в первую [1], четвертую и пятую. Если же попробовать установить тенденцию всех его сокращений, то окажется, что опущены прежде всего те места «Истории», где автор высказывал различного рода догадки или более или менее правдоподобные предположения, отходил иногда от фактов и тем вносил нередко даже неясность, приводя разноречивые указания источников и не зная, как их согласовать. [2] Во многих параграфах дана более краткая редакция тех же мыслей, которые в тексте 1750 г. изложены весьма пространно. Рассказ о походе Ермака по реке Тавде, находившийся в издании 1750 г. в главе второй (§ 63 и сл.), перенесен в главу третью (§ 36—39), где естественнее вести о нем речь, но изложение в тексте 1761 г. более краткое. Тобольский летописец в издании 1761 г. везде именуется Ремезовской летописью, как это было и в редакции 1743 г. Ряд мест пришлось переработать вследствие тех новых разысканий, которые были сделаны

[1] Так, в главе первой, после сличения текстов, можно отметить наиболее крупные изменения:

текст 1750 г.	текст 1761 г.
§§ 26—23	сильно измененный § 26
	§ 27 новый
« 29	частично § 28
« 50 и 51	сокращенный 49
« 51	сильно переработанный 50
« 52—56	51—54, но с большими изменениями
« 58	56 и 57 переработанные
« 66 и 67	65
« 70 и 71	измененный § 68

[2] Напр., в § 13 гл. 1 (опущено большое примечание о китайском зеркале, найденном в одной сибирской могиле), в § 83 гл. 3 (о сборе ясака с вогулов, плативших его на реку Вымь), в § 32 гл. 4 (предположение о месте, где жил царевич Аблегирим), в § 94 гл. 4 (о конце Кучума по показанию одного тюменского казака в 1623 г.), в § 76 гл. 5 (о строении Кузнецка), в § 81 гл. 5 (о нападениях на Томск) и др.

Миллером или другими лицами.[1] В тексте 1761 г. появились дополнения, вызванные, между прочим, тем, что все ссылки в печатном тексте 1750 г. на труд самого Миллера «Описание народов» пришлось опустить, так как труд этот не появился и изложе́ние содержания отдельных мест его пришлось дать в тексте «Истории»; таково, напр., происхождение обширного примечания к § 28 главы третьей о Белогорском идоле. Восстановлено то место в главе второй § 34 (по изд. 1750 г. § 35), со слов «как уже отмечено выше, те или иные поступки...», которое вызвало такие долгие споры в заседаниях Исторического собрания 3 и 6 июня 1748 г. и было тогда выпущено Миллером. Как и в тексте 1750 г., вновь изменено примечание о Строгановых в § 21 главы второй. Если большинство изменений вполне понятно при издании труда, написанного почти 20 лет тому назад, то нельзя не отметить, что опущены также некоторые параграфы, в которых давались известия, взятые из архивных документов; таких параграфов, правда, немного,[2] и возможно, что автор предполагал их использовать в последующем изложении, напр., в тексте главы шестой, которая возвращается к сюжетам, о которых уже была речь в главе четвертой (о строении Пелыма и др.), что выполнил, однако, лишь отчасти.[3]

Все переделки, изменения и дополнения текста 1761 г., вероятно, относятся к тому же 1761 г., о чем отчасти можно судить по двум замечаниям Миллера: в тексте § 29 главы первой переводчик Лар. Россохин назван «недавно умершим» (ум. в 1761 г.) и в примечании к § 21 главы второй сообщен факт, который также произошел в 1761 г.[4]

Новый перевод, предлагаемый в настоящем издании, сделан с печатного текста глав первой — пятой в VI томе «Sammlung Russischer Geschichte», стр. 109—559. Рукопись немецкого текста 1761 г. не сохранилась. К тексту перевода даны в нескольких случаях варианты, взятые из текста редакции 1748 г., опущенного Миллером в 1748—1750 гг. или в 1761 г., в тех случаях, когда в них имелись фактические данные.

26

После 1752 г., когда приостановилась работа Миллера по подготовке к изданию «Истории Сибири», некоторые главы ее в переработанном и дополненном виде он напечатал затем в виде отдельных статей, о которых шла речь выше. В тексте их нельзя не заметить заимствований из «Истории Сибири» главы шестой и сл. Вместе с тем как для этих статей, так

---

[1] Напр., §§ 25—28 гл. 1 (в нашем переводе §§ 25—26) о калмыках и бурятах; в § 67 гл. 1 (по изд. 1750 г. § 69) об Искере и др.

[2] По изд. 1750 г. гл. 4 § 35 (конец), 36 (о состоянии Пелыма в 1595 г.), 49 (о состоянии Березова в 1601 г.), и немногие др. Тексты грамот, которые находятся в примечаниях к этим параграфам, взяты в наши приложения.

[3] Так, пропуск в гл. 3 в § 92 всего, что говорилось в § 92 гл. 3 по изд. 1750 г. о Муалымском городке, объясняется, видимо, тем, что о нем автор говорит в той же связи в § 41 гл. 6.

[4] См. Российскую родословную книгу, изд. П. Долгоруковым, ч. II, стр. 210, 213.

и написанных ранее их глав «Истории Сибири», где говорится о том же, использованы автором его собственные работы, а именно: 1) «Известия о морском ходе из реки Лены ради обретения восточных стран» (1737 г.), 2) «Известия о реке Амуре» (1740 г.). [1]

Появление этих работ не могло не внести изменений в текст тех именно глав «Истории Сибири», которые в первоначальной редакции помечены, как 6—23, когда встал вопрос об их печатании в восьмом томе «Sammlung Russischer Geschichte» и одновременно в «Ежемесячных Сочинениях» 1763—1764 гг. Миллер подверг главы 6—10 «Истории Сибири» такой же переработке, как и главы 1—5, когда он печатал эти последние в 1761 г. в той же «Sammlung Russischer Geschichte».

Эти изменения прежде всего коснулись главы седьмой в редакции 1751 г., содержание которой отчасти вошло в статью «О первых российских путешествиях в Китай»; то, что осталось от главы седьмой в редакции 1751 г., было присоединено Миллером к главе шестой, которая, таким образом, в третий раз подверглась переделке. После присоединения к главе шестой части главы седьмой в новой редакции 1763 г. получилось опять 92 параграфа, как и в первой редакции 1751 г., но текст главы шестой 1763 г. по сравнению с первоначальным сильно переработан. Глава 8 в редакции 1751 г. стала теперь главой седьмой, но и в ней вместо прежних 78 параграфов получилось 87 параграфов, как и предыдущие, сильно отличающихся от первоначального текста; новые §§ 75—87 представляют переработанный текст первых 10 параграфов гл. XVII в ред. 1752 г. Глава 9 прежней редакции стала при переработке 1763 г. главой восьмой, но и в ее тексте произошли изменения: к ней были присоединены некоторые параграфы гл. 13 в редакции 1752 г., по содержанию составляющие продолжение прежней главы девятой, и таким образом в главе восьмой вместо прежних 49 параграфов теперь 92 параграфа. Аналогичные перемены претерпели и две другие главы, девятая и десятая, которыми Миллер по первоначальному плану хотел закончить второй том «Истории Сибири»: гл. девятая составилась из прежней главы десятой, за исключением тех параграфов, где говорилось о завоевании Китая манчжурской династией (§§ 52—65) и части главы четырнадцатой, а глава 10 из соединения другой части гл. 14 с главой пятнадцатой (§§ 1—55). На этом, повидимому, работа Миллера по переработке первоначального текста глав 6—23 приостановилась, так как никаких следов дальнейшей переработки в рукописях не сохранилось, и остальные главы дошли до нас только в своей первоначальной редакции. Текст же 1763 г., когда были напечатаны главы 6—10 на немецком языке и затем отчасти на русском, имеется, только в печатном виде, и о проделанной

---

[1] Эта работа в списках стала известна в Сибири задолго до ее напечатания в «Ежемес. Сочин.» 1757 г., и бывший тобольский губернатор Киндерман сделал с нее немецкий перевод и под своим именем напечатал его во II ч. «Magazin für die neue Historie u. Geographie». Переписка Бюшинга с Миллером об этом в 1768 г. напечатана в биографии Миллера, составленной Б ю ш и н г о м, стр. 150—152.

Миллером работе можно заключить, только сличая печатный текст с имеющимся в рукописях. В соответствии с постановлением Канцелярии 1750 г., к тексту глав 6—10 в их новой редакции не дано никаких приложений, но в рукописях имеются ссылки на те книги копий и нумеров документов, которые подтверждают то или иное место глав 6—10 «Истории». Почти одновременно с немецким текстом вышел и русский перевод глав 6—8 в новой редакции. В нашем издании текст глав 6—10 будет дан в новом переводе с немецкого печатного текста, изданного автором в томе VIII «Sammlung Russischer Geschichte»; к русскому переводу будут приложены те документы, которые имеют отношение к содержанию данной главы и указаны в авторских примечаниях к первоначальному тексту этих глав.

Таким образом, от первоначального текста глав 6—23, после тех изменений, которые были внесены Миллером в 1763 г., остались следующие главы: глава 11 — О новых открытиях енисейских служилых людей на реках Тунгуске, Илиме и Лене; построение острогов Рыбенского, Братского, Усть-Улинского, Усть-Кутского и Тутарского; о начале городов Илимска и Якутска; об открытиях в Якутии, учиненных из Мангазеи; глава 12 — Древнейшая история города Якутска и его уезда; построение ясачных зимовьев и острогов (Жиганского, Усть-Киренского, Олекминского и др.); открытия на Ледовитом океане,Охотском море и по рекам, впадающим в них; глава 17 — О сношениях с киргизами; глава 18 — О сношениях с монголами и особенно с Алтын-ханом и о посольствах к нему и от него; глава 19 — Продолжение сношений с монголами и киргизами; описание путешествия из Тобольска в Китай через владения калмыков и монголов; глава 20 — Последующие открытия и завоевания по рекам Ангаре и Лене; построение и перенесение Верхоленского острога; война с бурятами; основание Тунгуской и Орленской слобод; укрепление Илимска и Усть-Кута и образование Илимского уезда; построение и разрушение острога в устье Оссы; двукратное перенесение Братского острога; построение Балаганска; уход бурятов из тамошних мест; подготовка к построению Иркутска; глава 21 — Открытия и завоевания на Байкале, Селенге, Хилоке, Иргенском озере и Шилке; сношения с селенгинскими монголами; построение острогов Верхнеангарского, Баргузинского, Баунтовского и Иргенского и подготовка к строению города Нерчинска; глава 22 — Древнейшая история русских поселений на реке Амуре; о первых плаваниях вдоль берегов Восточного океана; завоевание даурских городов; начало Албазина; построение Тугурского и Камарского острогов; и, наконец, глава 23—Продолжение событий на реке Амуре и связь их с историей острогов Иргенского и Нерчинского; нападение китайцев на Амур; построение острога Телембинского и Нерчинска.

Так как перемены нумерации глав и в самом тексте «Истории Сибири» вызваны появлением статей Миллера, на которые он в своей «Истории» делает ссылки, то в приложении ко второму и третьему томам будут напечатаны и эти статьи в современных XVIII в. переводах, вышедших в свое время под редакцией самого Миллера, но, как и к тексту «Истории», к ним будут при-

ложены документы, на которые автор ссылается в этих статьях. В виду отсутствия авторских указаний, как надлежит изменить тексты глав (12, 22, 23), в которых говорится о том же, что и в его статьях, при печатании обоих текстов неизбежно будут повторения.

27

В «примечаниях» к тексту первой книги в ее русском переводе были помещены Миллером архивные документы, на основании которых высказаны им соответствующие суждения. В следующих главах, начиная с шестой, они заменены глухими ссылками на тот том копий, снятых для Миллера в Сибирских архивах, которые ныне хранятся в Архиве Академии Наук (ф. 21, оп, 4, №№ 1—34), и на тот или иной нумер данного тома (напр., «Тюменск I, № 10). В немецком издании текста глав 1—10 все примечания, а также упомянутые ссылки, опущены. В настоящем издании тексты документов отнесены в приложения к тексту «Истории», в конце ее, расположены в хронологическом порядке и снабжены необходимым археографическим аппаратом, а в тексте «Истории» в примечаниях сделаны ссылки на соответствующие нумера приложений. В легендах дается только краткое указание на архивный шифр сборника копий сибирских актов, о происхождении которых, состоянии и пр. говорилось уже выше; в виду этого в легендах отсутствуют те или иные описания списков с точки зрения их сохранности, времени написания и т. п. В тех случаях, когда копии удается заменить подлинниками, это сделано, главным образом, в тех случаях, когда подлинники оказались в портфелях самого Миллера или сохранились в остатках архивов Верхотурья, Туринска, Якутска и др., которые находятся ныне в Историческом институте Академии Наук СССР, в ГАФКЭ или в других хранилищах актов. Необходимо заметить, однако, что поиски подлинников не могут считаться законченными,так как части архивов Верхотурья и Якутска, хранящиеся в ГАФКЭ, не могли быть целиком использованы для нашего издания в виду того, что эти фонды до сих пор не разобраны там целиком и потому не вошли еще в научный оборот. В немногих случаях копии, снятые для Миллера в 30-х—40-х годах XVIII в., можно было заменить списками XVII в., находящимися в некоторых книгах Сибирского приказа. В столбцах того же фонда должны были находиться также подлинные челобитные служилых людей, отписки сибирских воевод в Москву, отпуски государевых грамот в Сибирь и пр.; в некоторых случаях их удалось разыскать, по большею частью они оказались не обнаруженными в громадном фонде Сибирского приказа, и соответствующие тексты издаются по копиям Миллера. В тексте глав 1—5 по изданию 1761 г. некоторые документы, которые приводились в издании 1750 г., оказались ненужными в виду тех изменений, которые внес в текст «Истории Сибири» Миллер; в нашем издании, как уже отмечено, подобные документы все же воспроизведены опять, как полезный материал по истории Сибири тех времен, о которых Миллер говорит в главах 1—5, а отчасти как материал, необходимый для наших примечаний к тексту Миллера. В нескольких случаях Миллер пе-

чатал документы частично; в нашем издании в большинстве случаев, если содержание документов имело отношение к «Истории Сибири», такие документы напечатаны целиком.

Что касается правил передачи текста, составления заголовков, легенд и проч., то, исключая вопроса об орфографии, я придерживался тех правил, которые изложены в изданных под моим наблюдением «Правилах издания Сборника грамот Коллегии экономии» и применялись в обоих томах этого сборника. Некоторые полезные замечания, касающиеся издания документов XVI—XVII вв., имеются в вышедших недавно «Правилах издания документов XVI—XVII вв.», составленных В. Г. Гейманом, Р. Б. Мюллер, К. М. Сербиной и Н. С. Чаевым, [1] и они будут учтены мною при подготовке второго и третьего томов. В легендах не приводятся мною ссылки на первое и второе издания «Описания Сибирского царства», где все документы приложений напечатаны; вместо этого дана таблица, в которой указано, на каких страницах изданий 1750 и 1787 гг. напечатаны соответствующие нумера приложений нашего издания. Нет надобности упоминать, что все тексты документов сверены с копиями Миллеровских сборников или с подлинными актами, причем в некоторых случаях дано иное толкование соответствующих мест текста, нередко дефектных или представленных в копии явно неудовлетворительно.

О наличии реальных примечаний к тексту «Истории» или тексту документов говорит поставленная перед соответствующим параграфом звездочка. Большая часть этнолого-лингвистических примечаний к главе первой и следующим отложена до второго и третьего томов.

28

К первому тому приложены две статьи Миллера, посвященные «древностям» сибирским. Первая из них — «о писаницах сибирских» была представлена Миллером в Историческое собрание Академии 1750 г., была одобрена им для напечатания в «Комментариях» Академии, но это решение встретило сильное противодействие со стороны всесильной тогда Канцелярии, которая в своем постановлении признала эту работу «не очень великой важности», а потому решила вернуть ее обратно автору. Статья эта в целом виде ни разу не была напечатана, и только отрывок ее в переводе с латинского языка появился в третьем выпуске «Сибирских древностей», изданных акад. В. В. Радловым. В нашем издании использован перевод, сделанный под редакцией В. В. Радлова; пропущенные в его издании части статьи переведены по копии этой статьи, хранящейся в Архиве Академии Наук.

Вторая статья — «Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных» в части ее, касающейся Сибири, напечатана по тексту «Ежемесячных Сочинений» 1764 г., рукописи статьи не сохранилось. На немецком языке она была напечатана во II-м томе H a y g o l d's Beylagen zum Neuveränderten Russ-

---

[1] Проблемы источниковедения. Сборник 2, М.-Л., изд-во Акад. Наук СССР, 1936 г., стр. 316—331.

land (1770), стр. 193—208, и в VIII томе «St. Peterburgische Journal» (1779). На русском языке перепечатана в «Сибирских древностях» В. В. Радлова, т. I, прилож., стр., 120—124. [1] К статье «О древностях, в могилах найденных», дается приложение, в состав которого входят две заметки Миллера из его «обсерваций исторических» 1735 и 1736 гг.: 1) «о памятниках древности татарской, найденных в могильных холмах близ Абаканского и Саянского острогов» и 2) «О древних памятниках в уездах Селенгинском и Нерчинском», напечатанные впервые В. В. Радловым.

К обеим статьям о древностях приложены в нашем издании рисунки, которые были сделаны состоявшими при Камчатской экспедиции художниками Люрсениусом и Берканом. Часть этих рисунков была воспроизведена уже в издании В. В. Радлова «Сибирские древности», I, прилож., стр. 68—71; эти рисунки и некоторые другие (всего 16) были отысканы им в Москве, в бывшем Московском главном архиве министерства иностранных дел, ныне ГАФКЭ, в одном из портфелей Миллера. В. В. Радлов же отметил, что рисунков этих было больше, как свидетельствовала отысканная им в одном из портфелей Миллера (№ 249) опись 49 рисунков, составленная на немецком языке в 1748 г. (Она напечатана им в переводе на стр. 124—125 его издания.) В. В. Радлов производил, по его словам, продолжительные поиски этих рисунков, нашел часть из них в Москве, но ничего не говорит о своих поисках в Петербурге, в архиве Конференции, где часть из них хранилась и в те годы. Правда, налицо имелись не все недостающие по описи рисунки, но все же там оказались отмеченные в описи, напечатанной у В. В. Радлова, под №№ 125, 126, 132, 151, 153, 154, 156, 159, 161, 163, 164, 166, 168 и 171. Эти 14 рисунков воспроизводятся впервые в настоящем издании. Из отысканных в ГАФКЭ прочих рисунков, указанных в описи 1748 г., воспроизведены №№ 128, 140, 141, 142, 145. [2]

Художникам Люрсениусу и Беркану принадлежат также «проспекты» различных городов и мест, через которые проезжал Миллер и его спутники. В описи 1748 г. таких «проспектов» насчитывалось 48 (№№ 39—86), но из них в настоящее время в Архиве Академии Наук находится только 7 (№№ 47, 55, 62, 65, 66, 74 и 78). С рисунков Люрсениуса и Беркана были сделаны в 1753 г. мастером Гриммелем гравюры, которые были использованы для подготовлявшегося в 70-х годах XVIII в. альбома под названием: «Monumenta Sibiriae», [3] издание которого, однако, не состоялось, а отпечатанные для него гравюры сохранились в отдельных листах; комплекты этих листов имеются, напр., в Архиве Академии Наук и в отделе

[1] Кроме этих статей, в ГАФКЭ в портф. 365, II, тетр. 17 находится рукопись (на немецком яз.) статьи «О древних могилах в степи реки Енисея», в большей части сходная с текстом страниц 311—319 тома III «Reise durch Sibirien» Гмелина; как уже отметил В. В. Радлов (Сибирские древности, I, прилож., стр. 101, примеч.), она, очевидно, принадлежит не Миллеру, а Гмелину.

[2] Кроме них., в ГАФКЭ хранятся № № 137, 139, 143—150.

[3] Об издании этом у Бакмейстера, Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной СПб. Акад. Наук., перев. В. Костыгова, СПб., 1779, стр. 126—127.

рукописной книги Библиотеки Академии Наук, из них полный и более сохранный, с необрезанными краями, находится в Архиве Академии Наук, два других в Библиотеке Академии Наук, №№ 8088 (альбом с 34 гравюрами) и 3165—3608, причем второй экземпляр Библиотеки неполный. Как заметил уже П. Н. Столпянский,[1] эти гравюры не всегда точно передают первоначальные рисунки Люрсениуса и Беркана, но в виду утери большинства последних они могут служить заменой их.

В описи планов, «проспектов» и других рисунков 1748 г. отмечены под №№ 1—38 планы городов и некоторых поселений, в которых были Миллер и его спутники; все эти планы сохранились в Архиве Академии Наук и будут приложены к последующим томам нашего издания.

29

Несомненно существовавший в XVIII в. портрет Миллера, о внешнем виде которого говорят Бюшинг, встречавший его часто в 1761—1765 гг., и очень подробно Шлецер, в те же годы живший у Миллера, [2] до сих пор не отыскан. Его нет ныне в учреждениях Академии. Существовавший в собрании Ровинского литографированный портрет с подписью: «G. F. Müller» вызывал у самого собирателя законные сомнения,[3] так как изображенное на портрете лицо ни в какой степени не подходило к тем описаниям Бюшинга и Шлецера, которые упомянуты выше. Этот портрет вместе с русской частью собрания Ровинского поступил из бывшего Румянцевского музея, ныне Ленинской библиотеки в Москве, в Музей изящных искусств. Поиски в других хранилищах (ГАФКЭ, Историческом музее, Ленинградской публичной библиотеке и в Московском университете) были безуспешны. На обращение же Академии Наук СССР в Шведскую Академию Наук и Геттингенское научное общество, где Миллер состоял действительным членом, получен ответ, что в их собраниях портрета Миллера также не имеется.

Сохранилось несколько разновременных автобиографий Миллера, но из них для настоящего издания взята та, которая является наиболее полно охватывающей всю его научную работу и по времени является последней. Извлеченная из кн. 390-й б. Московского Главного архива мин. иностр. дел она была напечатана Н. В. Голицыным в его работе «Портфели Г. Ф. Миллера» (М., 1899), откуда перепечатывается в нашем издании.

---

[1] Выставка «Ломоносов и Елизаветинское время», вып. XV, изд., 2, СПб., 1912, стр. 20—21. Он указывает, что «проспектов» сибирских городов было 27, но эти сведения, повидимому, относятся к 1753 г., когда часть рисунков была уже утеряна, так как в описи 1748 г. их 48, из них сибирских 39.

[2] Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, III-er Theil, Halle 1785, S. 124; «Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера им самим описанная. Пребывание и служба в России от 1761 до 1765 г.». Перевод с немецкого с примечаниями и приложениями В. Кеневича, СПб., 1875, стр. 25—27. Пекарский. История Академии Наук, I, стр. 376—377.

[3] Ровинский. Подробный словарь русских гравированных портретов, том I, СПб., 1889, столб. 1120.

К первому тому приложена историко-географическая карта Сибири. При ее составлении учтен прежде всего тот географический материал, который имеется в главах 1—5 «Истории Сибири». Для карты использованы ландкарты реки Иртыша, степи между Иртышом и Обью и реки Томи, составленные Миллером и его спутниками по Камчатской экспедиции в 1735 г. В тех случаях, когда на этих картах и на наших современных картах не находилось нужных данных, приходилось обращаться к тем географическим описаниям, которые в большом количестве хранятся среди рукописей Миллера.

АВТОБИОГРАФИЯ Г. Ф. МИЛЛЕРА

ОПИСАНИЕ МОИХ СЛУЖБ

1. Российскому государству служу я с 1725 г., но не имел я щастия в живых застать Петра Великого, коего указом для основанной сим государем Академии Наук, по призыванию президентскому, приехал я служить адъюнктом, а в 1730 г. определен профессором. Изо всех находившихся со мной при начальном заведении Академии членов никого, окроме господина профессора Бернулли в Базеле, в живых уже не находится.

2. В 1726 и 1727 гг. обучал я в вышнем классе гимназии учеников, как в оное время все адъюнкты делали, особливо же преподавал я наставления в латинском языке, в истории и в географии; из учеников, наибольше мне чести приносивших, были: покойный тайный советник и архиятер Кондоиди и действительный тайный советник и сенатор Ададуров.

3. Как в начале 1728 г. господин фон-Голдбах, тогдашний секретарь Академии, а наконец тайный советник при Коллегии иностранных дел, за государем императором Петром II следовал в Москву, то президентским определением препоручено было мне при Академии вицесекретарство. Сию должность отправлял я по июль месяц 1730 г. до поездки моей в Англию, о чем ниже.

4. Должность моя была: записка того, что делается в академических собраниях, репортовать о том обретающемуся тогда в Москве господину президенту, исполнять по присланным от него ко мне приказаниям, иметь корреспонденцию с иностранными учеными людьми и издавать в печать Академические Комментарии, из коих первые два тома в 1728 и 1729 гг. вышли в свет моим попечением; да и в третьем томе, выданном в 1732 г., имел я немалое участие.

5. В 1729 г. общим покойного библиотекария (а потом статского советника) Шумахера и моим старанием сочинено сокращение 1-го тома Комментарий, которое и переведено на российский язык и напечатано под именем: «Сокращения Комментариев».

6. С 1728 по июль месяц 1730 г. сочинял я Санкт-Петербургские Ведомости, которые в 1727 г. начаты были профессорами Бекенстейном и Гросом.

7. В то же время начал я выдавать и примечания на Ведомости, которые печатались в 1728 г. единственно на российском языке, ежемесячно по два листа, для опыта, как такое сочинение принято будет.

8. Увидев, что примечания мои приобретали охотников, стал я с начала 1729 г. выдавать такие же примечания на немецком языке, по полулисту в ка-

*

ждой почтовой день, которые печатались и на российском языке. Сие продолжалось по 1742 г. Разные члены Академии подкрепляли полезное сие учреждение своими сочинениями во время моего отсутствия.

9. В первых 6 месяцах 1730 г. управлялся я и в канцелярских делах Академии, потому что господин библиотекарий Шумахер, правящий оными в небытность господина президента, будучи позван в Москву, учредил меня своим наместником.

10. С 1728 г. по август месяц 1730 отправлял я при императорской библиотеке и должность суббиблиотекария.

11. Перевод немецкого Вейсманова лексикона на российский язык учинен моим попечением тогдашними при Академии переводчиками, коим однакож больше засвидетельствуется охота моя к услужению обществу, нежели потребное на то дело искусство, потому что тогда почти никакого знания в российском языке я не имел и не мог усмотреть сделанные при переводе ошибки.

12. Около половины 1730 г., по удостоиванию всех членов академического собрания, наречен я господином президентом Блюментростом профессором истории и членом Академии Наук, а контракт мой начался с 1 января 1731 г.

13. В начале августа 1730 г., по отпуску господина президента, отправился я в Англию, в Голландию и в Германию несколько для собственных моих нужд, а больше для того, что при таком случае поручены мне были некоторые по Академии дела, а именно следующие: Академия находилась тогда в великой расстройке. Большая часть профессоров были правлением академическим недовольны, и некоторые из знатнейших взяли абшиты. Сие обстоятельство могло Академии сделать бесславие в чужих государствах; чего ради препоручено мне было, куды я ни приеду, опровергать предосудительные слухи. Протчие мои комиссии состояли в том, чтобы уговорить новых профессоров к принятию академической службы, представить из славнейших ученых в почетные академические члены, чинить договоры с иностранными книгопродавцами о продаже книг, иждивением академическим напечатанных. Все сие я исполнил; путешествие мое продолжалось от 2 дня августа 1730 по 2-ое же число августа 1731 г.

14. В 1731, 1732 и 1733 гг. читал я академические лекции. Молодой господин Ягушинский, пасынок господина президента Принценстерна, и двое господа Ренненкамфы, уроженцы лифляндские, из коих один служил в последнюю войну генералом-поручиком, препоручены были особливому моему наставлению.

15. В 1732 г. начал я издавать «Собрание российских историй» на немецком языке. Три первые части оных напечатаны были до отправления моего в Сибирь. Последние три части первого тома изданы по оставленным от меня письменным сочинениям. Господин профессор Бейер, взяв на себя труд продолжать сие собрание, издал первые три части второго тома, после чего сие сочинение остановилось по то время, как я в 1758 г. получил позволение продолжать оное.

16. Сибирское мое путешествие, в коем я все страны сего обширного государства, в длину и в широту, до Нерчинска и до Якуцка объездил, продолжалось почти 10 лет. Отправился я туда 8 августа 1733, а возвратился 14 февраля 1743 г. Каким образом я сие время проводил, о том доказывают присланные от меня в Правительствующий Сенат и в Академию Наук рапорты, равно и сочинения мои, отчасти напечатанные, а отчасти и ненечатанные. Всему путешествию сочинил я точное описание. Все дороги, коими я ездил, описал обстоятельно, некоторые дороги описаны и приданными мне студентами, о городах и их уездах, в рассуждении гражданского правления, истории и географии, собирал я потребные к тому известия; пересмотрел и в порядок привел архивы во всех сибирских городах, так же и города Чердына, и нужное списал, которые списки составляют больше 40 больших книг в десть; остатки древностей я описал и велел изобразить в лицах; нравы, употребления, законы и пр. тамошних народов описал же; новые ландкарты отчасти сам делал, отчасти ж геодезистов, при мне бывших, делать заставлял; канцелярские и секретарские дела путешествующего академического общества все отправлял я и господину Гмелину помогал в набирании натуральных редкостей. Многие оные труды причинили мне в Якуцке тяжкую ту гипохондрическую болезнь, которая препятствовала мне ехать до Камчатки, от которой я и по возвратном моем приезде несколько лет еще весьма сильно страдал в Санкт-Петербурге.

17. Хотя я и не был в Камчатке, но оттого никакого упущения не последовало. Господин Гмелин и я послали туда студента Крашенинникова, а потом господина адъюнкта Стеллера, коих мы снабдили общими наставлениями, по коим они все нами им препорученное и исполнили.

18. Наставление обо всем том, что историк в Сибири наблюдать должен, изготовленное мною для профессора Фишера, когда он на место туда отправлен был, вперед при таких же случаях основанием служить может.

19. По имянному государыни императрицы Анны Иоанновны от 1 февраля 1740 г., также и по сенатскому от 8 февраля того же года указам, сочинил я для господина канцелярии, а потом статского советника Ланге в пользу его негоциации с китайским двором некоторые известия, из коих то, что напечатать можно было, внес я в историю о реке Амуре, напечатанную в «Собрании российских историй» и в «Ежемесячных Сочинениях».

20. По возвратном моем из Сибири приезде, главнейшее мое попечение состояло в сочинении Сибирской истории, по собранным мною архивским спискам и собственным примечаниям. Но как при переводах и при печатании находились великие затруднения, то первой том оной истории не прежде в свет издан, как в 1750 год. Продолжение находится в «Собрании российских историй» и в «Ежемесячных Сочинениях».

21. По требованию князя Бориса Григорьевича Юсупова, тогдашнего Коммерц-коллегии президента и сенатора, сочинил я в 1744 г. описание о сибирских торгах, которое я потом внес в «Собрание российских историй» и в «Ежемесячные Сочинения», с тем только отличием, что при печатании

должно было некоторые предложения, для пользы российского интереса мною написанные, а к общему сведению не надлежащие, выключить.

22. Латинское сочинение о найденных в Сибири тангутских письмах и о тех местах, где оные найдены, написанное мною в 1745 г., напечатано в X томе Академических Комментарий.

23. В то же время, т. е. в 1745 и 1746 гг., изготовлена под беспрестанным моим надзиранием и по сообщенным от меня известиям новая генеральная карта о Сибири, на которой поправлены бесчисленные ошибки, находящиеся в Российском атласе. С сей карты три части напечатаны при Академии.

24. И прежде и после Сибирского моего путешествия трудился я много в сочинении родословных таблиц для российской истории, наподобие той, которая находится в I томе «Собрания российских историй» о святом великом князе Александре Невском. Не удовольствовался я сочинением таких таблиц о фамилии великих князей, царей и императоров Российских, но и прежних удельных князей: Тверских, Смоленских, Ярославских, Ростовских, Рязанских, Черниговских и пр., с их наследниками, и о иных знатных родах. Сей труд приносил ту пользу, что когда в 1746 г. комиссар Крекшин вздумал произвесть фамилию Романовых от древних великих князей, посредством князей Романовичей Ярославских, а Правительствующий Сенат препоручил исследовать сие дело Академии, то я в состоянии был не только доказать неосновательность оного вымышления, но и сочинить новую и достоверную фамилии Романовых родословную таблицу, с приписанием лет, когда кто жил и в каких службах находился, и с продолжением императорской фамилии, от Романовых происшедшей.

25. В 1747 г. его сиятельство господин президент граф Кирило Григорьевич Разумовский, при заключении нового со мной контракта, поручил мне должность Российского историографа и ректора университета. Ректорство отправлял я три года.

26. В 1749 г. написал я на латинском языке сочинение о начале российского народа и имени, переведенное и на российский язык и напечатанное на обоих языках. Сие сочинение было определено для прочитания в публичном академическом собрании; но по особливому происшествию учинилось в том препятствие, и сие сочинение не обнародовано.

27. Когда в 1752 г. господин Делиль в Париже издал известие и карту о учиненных во время Камчатской экспедиции россиянами американских мореплаваниях, с истиною мало сходное, тогда из Москвы прислан был в Академию указ, чтобы опровергнуть оное сочинение изданием другого, которое было бы оного основательнее. По сей причине сочинил я на французском языке: Lettre d'un Officier de la Marine Russienne, т. е. письмо офицера русского флота, которое в 1753 г. напечатано в Берлине. Сие сочинение иностранцами переведено на немецкой и на аглинской языки.

28. В то же время сочинена по имеющимся при мне известиям и под моим надзиранием оным же мореплаваниям карта, которая вырезана на

меди в 1754, а издана в свет в 1758 г. Часть упомянутой выше сего (в 23-й статье) карты Сибирской губернии внесена тут же. Новое издание сей карты в 1773 г. с прибавлением новоизобретенных американских островов учинено не по моему совету.

29. Для изъяснения оной карты сочинил я обстоятельное известие о вышеупомянутых кораблеплаваниях и учиненных чрез оные открытиях, також и о всем происшедшем при обеих Камчатских экспедициях и о всем, что в намерении таких же открытий учинено прежде. Сие известие напечатано на российском языке в «Ежемесячных Сочинениях», а на немецком в «Собрании российских историй».

30. В начале 1754 г. определился я конференции секретарем Академии, которую должность отправлял я 11 лет, не упуская при том и должности историографа. Упражнения мои, яко конференции секретаря, состояли в сочинении протоколов академическим конференциям, в пространной переписке с учеными людьми внутри и вне государства, в издании Комментариев и иных ученых сочинений и пр.

31. Не упоминая о прочих пользах иностранной моей корреспонденции, наполнены через оную разные порожние места новыми профессорами.

32. Новых Комментариев изданы под моим надзиранием от IV-го по X-й том. Сверх участия моего в напечатанных пред каждым томом заглавиях, причитаю я себе заслугою и то, что изданные мною Комментарии напечатаны гораздо исправнее прежних.

33. Как в 1753 г. ученый муж в Германии М. И. Тоб. Ренник издал сочинение, в коем по немецким историописателям доказать старался, что великий князь Святослав Ярославович супругу имел немецкую графиню Орламиндскую, именем Кунигунду, то я, по приглашению господина тайного советника фон-Голдбаха, приславшего ко мне оное сочинение из Москвы, предпринял исследование оснований сего российским историям противуборствующего предложения и совокупил с оным мнение славного профессора Трейрера, который в 1733 г. в своем Академии приписанном сочинении мнил, что великий князь Всеволод Ярославич женат был на немецкой же графине, именем Оде. Сие мое сочинение названо: «Рассуждение о двух супружествах» и пр., которое в 1754 г. напечатано без показания моего имени на немецком языке; российской перевод с оного находится в «Ежемесячных Сочинениях».

34. В начале 1755 г. начал я издавать «Ежемесячные Сочинения» на российском языке. Определено было, чтобы все члены Академии в оных трудились, издавая по очереди каждый по одному месяцу, под моим надзиранием. Но, выключая весьма малое число чужих сочинений, все сделал я один. Может быть, изо всех моих сочинений сие есть наиполезнейшее для российского общества. В каждой месяц напечатана была частица, состоящая в 6 листах, шесть таких частиц составляют книгу, а имеется всего 20 книг по конец 1764 г. Сим сочинениям честию служит, что они как в Санкт-Петербурге, так и в Москве приобрели много подражателей.

35. Содержание «Ежемесячных Сочинений» известно. Некоторые российские любители наук, как господин тайный советник Соймонов и господин статский советник Рычков, оными поощрены были и свои труды для общей пользы к оным приобщить. В последних двух годах присовокуплял я к оным и ведомости об ученых делах, также и задачи по российской истории; из сих последних некоторые напечатаны и в «Собрании российских историй».

36. Описанием Камчатки господина Крашенинникова одолжен свет единственно моим и покойного д[октора] Гмелина наставлениям и предписаниям. При издании сей книги в 1755 г. недоставало у ней предисловия и потребных для изъяснения ландкарт. Предисловие сочинено мною, а ландкарты приказал я заимствовать из генеральной карты о Сибири, о которой упомянуто в 23-м пункте.

37. В 1758 г. получил я позволение продолжать издание «Собрания российских историй» на немецком языке, коих с того времени по 1765 г. напечатано девять томов. Те же сочинения находятся и в «Ежемесячных Сочинениях», на российский язык переведенные. Одного «Опыта новейшей российской истории» печатание на российском языке остановлено.

38. Под именем почтовой ландкарты сочинена под моим смотрением новая генеральная карта Российского государства, на которой исправил я много ошибок, в Российском атласе учиненных. Для некоторой при положении Каспийского моря имевшейся сумнительности издана она не прежде, как по исправлении той сумнительности в 1771 г.

39. Равным образом, заставил я сочинить две другие новые ландкарты, а именно: одну, содержащую страны между Каспийским и Черным морями, а вторую — о Оренбургской губернии с сосмежными странами. Обе почти окончены были в 1764 г. Они включают много нового и нарочито будут исправны, потому что при сочинении оных употреблены весьма достоверные известия и специальные карты. Карта Оренбургской губернии издана в 1772 г.

40. Труд мой, должностям несвойственный, но понесенный мною более 20 лет, состоял в том, что я, за неимением искусных переводчиков, принужден был все мои на российском языке печатанные сочинения в переводах сам поправлять, а многие статьи и сызнова сам переводить, сверх же того и корректуры при печатании исправлять, дабы оные сочинения не выходили в свет с погрешностями. Сие упражнение лишило меня многого времени, которое я мог бы употребить на иное что.

41. После высочайшей коронации государыни императрицы Екатерины II, в сентябре 1762 г. говорил я в публичном Академии собрании речь на российском языке, которая и напечатана. Оная касается задач Академии и до сочинений, получивших тогда награждения, коих содержание и достоинство изъяснены, и объявлены новые задачи.

42. В 1764 г. сочинял я, по именному ее императорского величества указу, два описания и изъяснения гробным древностям, найденным в Сибири и в

Новороссийской губернии. Сии сочинения напечатаны в последнем томе «Ежемесячных Сочинений» на российском языке.

43. Некоторые предложения для учреждения новых школ, сочиненные по особливому же высочайшему повелению не для публики, но единственно для ее императорского величества сочинены были.

44. Имел я честь в начале 1765 г. ее императорского величества указом избранным быть к имению главного надзирания над новоучрежденным в Москве Воспитательным домом нещастно рожденных младенцев, причем ее величество в 1-е число генваря всемилостивейше соизволила наградить меня чином коллежского советника. Сию, хотя несвойственную моей склонности, должность принял я на себя единственно для послушания всемилостивейшему соизволению и в уповании, что при том возможно мне будет пользоваться московскими архивами для российской истории, о чем я был и обнадежен.

45. Труды мои при Воспитательном доме всяк себе представить может, рассудив, что сие учреждение, яко только за год пред тем основанное, непрестанного требовало о всяких надобностях старания, по установленному плану точного исполнения и в самые мелкие подробности вхождения; но как затем в трудах исторических обращаться ни малейшего времени мне не оставалось, не мог я не желать скорого от Воспитательного дома переменения, что по высочайшей монархини к наукам прозорливости и ко мне неизреченной милости скоро и воспоследовало.

46. Между тем, наблюдая должность, в плане Воспитательного дома главному надзирателю предписанную, сочинил историю сего дома 1764 и 1765 гг., которая находится при Воспитательном доме в архиве.

47. В 1766 г., по всемилостивейшему ея императорского величества указу, пожалован я членом государственной иностранных дел коллегии при Московском архиве, состоящем тогда под дирекциею тайного советника Собакина, и был вместе с канцелярии советником Мальцовым, а по кончине обоих находился я один, управляя сие дело не токмо, как до того учинилося, приказным порядком, но имея всегда предметом и ту пользу, которую история российская и благосостояние государства из архив получить должны.

48. Сия польза еще более распространилась всемилостивейшей государыни, приехавшей в 1767 г в Москву, указом, что мне равномерно и состоящим в сенатском ведомстве Разрядным архивом, также и оставшимися от прежнего Сибирского приказа делами по желанию пользоваться позволено было.

49. Как при отлучении моем от Академии остался я, и в отсутствии, действительным академиком и российским историографом с жалованием, так, переселившись в Москву, ничего я не оставил, что к исполнению по обеим должностям служить может. Беспрестанная о ученых делах с Академией переписка, изобильное исторических и географических известий собрание и в пользу публики изданные книги о том свидетельствуют.

50. С другой стороны, Академия свое обо мне удовольствие засвидетельствовала избранием меня 1767 г. 19 февраля в депутаты к Комиссии о сочинении проекта нового уложения, в которой должности состою я и по ныне.

51. Из книг, мною в Москве изданных, первая: «Собрание некоторых проповедей, в присутствии и при гробе Петра Великого говоренных преосвященным Гавриилом Бужинским, бывшим сперва первенственным иеромонахом при флоте, а наконец епископом Резанским». Окроме изрядного красноречия, находящиеся в сих проповедях многие исторические до Петра Великого касающиеся обстоятельства к изданию оных меня побудили. Напечатана сия книга в 1768 г., и прибавлено мною предисловие о житии и заслугах славного сего проповедника.

52. В то же время напечатан моим старанием Судебник царя Ивана Васильевича, с примечаниями на оной тайного советника Василия Никитича Татищева.

53. Оного же тайного советника Татищева «История Российская», но неполная, и только три первые части оныя сообщены были Московскому университету для напечатания. Университет, желая оную в печать издать, поручил старание о том иметь одному из своих профессоров. Но как список, по коему печатание производилося, бесчисленными и неразумительными описками наполнен был, то, по печатании трех или четырех листов, в 1766 г. упрошен я от Университета, чтоб принять на себя труд издания сей, впротчем полезной и нужной, книги. Итак, моим старанием в 1768, 1773 и 1774 гг. первые три части Татищевской истории в свет выданы. А о способах, при том мною употребленных, упомянул я в предисловиях ко оным частям, в коих и некоторые обстоятельства исторические к поправлению неосновательных мнений содержатся. Приношение ее императорскому величеству, именем Евграфа Васильевича Татищева, чтó перед первою частью, сочинено мною.

54. Издание «Ядра Российской Истории», князем Андреем Яковлевичем Хилковым сочиненной, чинилось также под моим смотрением, и вышла сия книга из печати в 1771 г. В предисловии изъяснил я родословие князей Хилковых и жизнь сочинителя.

55. «Географический словарь Российского государства», изданный в 1773 г. с моим предисловием, по большей части мною сочинен, а статьи первого сочинителя мною же исправлены. Но сия требует еще многого пополнения, в чем впредь трудиться я намерен. В предисловии объявил я мое мнение об историческом общем словаре Российского государства, коему сей географической основанием служить может.

56. Еще с 1771 г. начал я печатать так наз. Степенную книгу, уговорил некоторого приятеля, чтоб он на то иждивение свое употребил, потому что ни Университет и никакой книгопродавец на своем коште издания предприять не хотел. Окончана книга печатанием при конце 1774 г. В предисловии упомянуто, как при издании я поступал, и некоторые статьи Степенные книги, изъяснения требующие, мною поправлены.

57. Письма Петра Великого, писанные к генерал-фельдмаршалу графу Борису Петровичу Шереметеву, изданные в печать в 1774 г. сыном сего славного мужа, его сиятельством обер-камергером графом Петром Борисовичем Шереметевым, по их важности весьма заслужили то, что мне при сем случае учинить возможно было. В предисловии к оным письмам описал я фамилии Шереметевых родословие с показанием того, что в родословных и в разрядных книгах и в архивах о службах их упоминается, а паче изъяснил я славные дела фельдмаршальские по оным письмам и по другим из архив взятым известиям, имея при том главнейшим предметом историю Петра Великого, коея великую часть сие мое сочинение заключает.

58. Не поставляю себе в услугу, что некоторые иностранные академии и ученые сообщества вне и внутрь империи меня к сочленам своим причитают. Сия честь должна была бы основаться на подлинных в пользу тех сообществ изданных опытах. Но таких протчие мои должности по сие время подавать не допустили, окроме одного сочинения о рыбьем клее, Парижскою Академиею Наук от меня требованнаго и печатанного на разных иностранных языках.

59. Итак, служу я Российскому государству пятьдесят лет и имею то удовольствие, что труды мои от знающих людей несколько похваляемы были. Сие побуждает во мне желание, чтоб с таковым же успехом и с общенародною пользою продолжать службу мою до последнего часа моей жизни, чувствуя себя к тому божиим милосердием еще в нарочитых силах.

ПРЕДИСЛОВИЕ Г. Ф. МИЛЛЕРА К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ „ИСТОРИИ СИБИРИ“

Когда ныне толь щастливым я учинился, что милостивым старанием и определением его графского сиятельства Академии Наук президента сочиненную мною Сибирскую историю, яко первый плод оного долговременного путешествия, которое я с 1733 по 1743 год в Сибири имел, в печать произвесть могу, то за свою должность почитаю, чтоб благосклонному читателю предъявить об употребленных мною к сему делу способах и как я в сочинении сея истории поступал, и при том сообщить некоторые изъяснения, которые ведать наперед небесполезно будет.

Понеже при отправлении моем в Сибирь главное намерение к тому склонялось, чтоб историю сей пространной земли обстоятельно описать, чего ради и имел я позволение во всех сибирских городах канцелярские архивы пересматривать, и что к тому намерению годно казалось, отдавать списывать, то я по своей должности большую часть моих трудов на то положил, чтобы имевшаяся о сем деле надежда наилучшим образом была исполнена, и что не напрасно я трудился, сие по тому заключить можно, что привезенные мною из Сибири архивные списки, до истории и до прочих обстоятельств той земли касающиеся, в 35 больших книгах в десть состоят, не упоминая примечаний и выписок из оных архив, вкратце мною сочиненных, когда дел весьма много было, или оные не так важны казались, чтоб время употреблять на точное списание подлинников.

Правда, что сии архивные письма не простираются до самых древних времен, ибо сколько в толь многие годы завоевания Сибири и с тех лет, как городы в ней начались, от пожаров и от небрежения оных не утратилось. Однакож сей недостаток награждают отчасти общие российские летописи, хронографы и степенные книги, сообщая о первых из России в Сибирь походах, о изобретениях тамошних стран и народов и о завоевании оных хотя краткие, однако ясные известия. Отчасти ж служат нам с пользою и сибирские летописи, которые наипаче древнейшие россиян в Сибири действия описывают, тако ж не совсем умалчивают и о татарской прежних времен истории, сколько оных летописей сочинители по изустным объявлениям уведомились. К чему способствовали и разные жалованные грамоты и другие царские указы, которыми господа бароны Строгановы, по своей благосклонности к сочинению сего дела вспомоществовали, за которое благодеяние сим знатным рачителям наук тем наипаче благодарить должно, что в противном случае разные обстоятельства Сибирской истории в прежней бы темноте остались.

В бытность мою в Сибири нашел я у некоторых, до истории своего отечества любопытных, людей разные сибирские летописи, с которых у меня списки находятся, а одну и подлинную привез я с собою, понеже оная в своем роде только есть одна и списков с ней ни у кого еще нет. Первые называю я простыми и общими сибирскими летописями, потому что подлинно оных так много, что в Сибири нет такого города, в котором бы у жителей по списку или более оных не нашлось. А другую по случаю прозвал я Тобольскою летописью, для того что я оную достал в Тобольске. Не могу я при сем оставить, чтобы с похвалой не упомянуть о благосклонности и вспоможении Тобольской губернской канцелярии, которая хозяина той летописи, не хотевшего лишитися сего сокровища, к тому склонила, что он помянутую книгу продал за сносную из казны цену.

Сколько списков с общих сибирских летописей мне видать не случалось и сколько сюда с собой не привез, то все они в разсуждении главного содержания между собой согласны, а разнствуют только в малых обстоятельствах, которые по сведении без труда согласить можно было при том списке, который всех полнее и исправнее. Находится гадательное показание сочинителя оного, по которому явствует, что его имя было Савва Есипов, також показан и год 7145-й, когда сия летопись сочинена, или паче 1 числа сентября того ж году и, следовательно, от рождества христова в 1636 году к окончанию приведена. Ко всякому списку присовокуплена роспись о строении в Сибири городов и острогов и о бывших в оных воеводах, которые каким-нибудь иным сочинителем прибавлена, и обыкновенно продолжается она до исходу прошедшего века.

Тобольская летопись, кроме того, что она настоящий подлинник, имеет еще и сие преимущество, что в ней многие приключения обстоятельнее пред прочими летописями описаны. Сие меня побудило, что я при сочинении сей истории оной паипаче последовал. Величиною она писана в десть на подобие нотных книг, и на каждой странице имеет по две статьи с рисунками, плохим мастерством деланными, для изъявления в описуемых в ней приключений. Упоминаемые в ней 7158 и 7159, то есть, от рождества христова 1650 и 1651, годы явно свидетельствуют, что она сочинена после вышеписанных общих летописей. После первого сочинения учинены ко оной от других некоторые прибавления и в трех местах листы вклеены, что несходством рисунков и письма засвидетельствуется весьма довольно. два листа из оных, повидимому, с прочими приключениями нарочитое сходство имеют, а один есть такого состояния, что хотя объявляемые на оном приключения и истинны быть могут, токмо не в надлежащем месте положены, как то от меня при объявлении тех приключений ясно доказано.

Первое основание к сочинению сих летописей положил, без сомнения, первой архиепископ Сибирский Киприан, который отправлен был туда из Москвы в 7129 (1621) году, и, по показанию тех же летописей, па другой год по прибытии своем в Тобольск приказал созвать всех старых казаков, бывших с Ермаком при завоевании Сибири, и велел их распросить о всем,

что с того времени в Сибири происходило, причем он определил имена тех, которые показали отечеству знатные заслуги, но во время службы своей от неприятелей побиты или другими нещастливыми случаями жизнь свою скончали, внесть в синодик соборной церкви в Тобольске для пения им повсягодно вечной памяти. Сей ради причины упоминал я и об оном синодике неоднократно в сей Истории.

Инако не можно думать, как что некоторые из помянутых старых казаков во время сочинителей вышепомянутых летописей еще живы были и известия к сему достохвальному делу сообщили. В простых сибирских летописях имянно о том упоминается, и сочинитель Савва Есипов сам себя в число оных полагает. О Тобольской летописи тож доказывается многими особливыми доказательствами, которые в оном полнее, нежели в прочих, описаны и никем иным, как разве кто при том был сам, описаны быть могли.

Что до приходу казаков происходило в Сибири, то хотя реченной Савва Есипов в том ссылается на татарские летописи, из которых он будто брал внесенные в свою летопись известия, однако сие мне не весьма вероятно, или рассуждать надлежит, что оные татарские летописи с того времени все утрачены. Я подлинно уверен, что татары, для дружеского моего с ними обхождения, по частым предложенным им о таких летописях вопросам, мне бы сего не умолчали, ежели бы такие книги у них имелись. А как бы было оным утратиться, когда другие у них рукописные книги толь прилежно хранятся? Но разве татарскими летописями названо то, что русские, по своем приходе в Сибирь, услышав у татар, о татарских приключениях записали? Что надлежит до подлинной татарской летописи или так называемой родословной истории татар, ханом Абулгазом сочиненной и старанием прежде бывших в Сибири шведских пленников ко удовольствию всей Европы напечатанной, то не находится никаких следов, чтобы сочинителям сибирских летописей сия книга была известна, и еще меньше, чтоб они при своих сочинениях оную употребляли.

Правда, что я часто принужден был некоторые сибирских летописей известия отвергать, иногда инако толковать, а иногда и поправлять, токмо сие не препятствует, чтоб оных летописей не почитать между главнейшими основаниями моей истории. При каждом случае оные приводить и слова, на которые я ссылаюсь, ставить под историею неприлично показалось: тем надлежало было все их содержание или большую часть оного на разных местах вносить, от чего бы в настоящем порядке летописей много утратилось. Сей ради причины рассудилось мне, что способнее будет оные летописи в непрерывном порядке, при конце сего предисловия, напечатать целые.

Всяк поверит, что из имевшихся у меня простых летописей выбрана исправнейшая, которая, сверх того, еще сличением с прочими при мне находящимися списками, по возможности, пополнена. А Тобольской летописи сличать было не с чем. Итак, запотребно усмотрено, кроме очевидных некоторых описок, которые исправлены, точно последовать подлин-

нику. Находящиеся во оном погрешности в штиле, которых весьма много, и чего для неявственного письма разуметь было неможно, также и превращенной порядок, где заднее часто ставлено напереди, а чему надлежало быть напереди, то находится в средине, сие недостатки такого состояния, что от них читателю замешательства опасаться недолжно. Во всей книге явствует, что сочинитель к штилю был не привычен, но затем не надлежит у него отнимать достойной для оставленных нам известий похвалы. Порядок моим истории расположением довольно исправлен. Дело состоит только в том, чтоб мое сочинение оною летописью подтверждалось, и не уповаю, чтоб кто в том захотел спорить.

Сообщенные от господ баронов Строгановых грамоты и собранные из сибирских архив письменные известия заупотребно рассудилось прилагать в каждом месте под историею, где на оные я ссылался. Сей порядок, по моему мнению, есть при читании способнее, нежели когда другие писатели истории приведенные ими в подтверждение своего сочинения свидетельствы все при конце книги сообщают. Однакож, и довольно таких находится, которые изобрали подобное моему расположение. Свидетельств совсем не сообщать то же бы было, якобы я в источниках, из которых сам почерпал, другим завидывал, и не подал ли бы я повод, чтобы сию историю в разных местах почитать баснословною, ежели бы все обстоятельства, которые хотя мало важны, достоверными свидетельствами утверждены не были.

Разве сие кто может почитать за излишнее, что часто для таких обстоятельств, которые коротко предъявлены быть могут, целые грамоты или отписки для свидетельства внесены. И в правду бы так было, ежели бы свидетельства, на которые я ссылаюсь, уже в других печатных книгах находились или бы списки с них у многих людей в руках были. Но я нахожусь первым, которой оные сообщает, и знающий читатель за то, что сообщаю полные, благодарить будет. Любопытные люди увидят во оных еще много других достопамятных дел, для которых всякой чести удостоены быть должны. Кто к старинным архивным письмам и к штилю оных привыкнет, тот подлинно оные читать будет со удовольствием, как бы намерения читателей или причины удовольствия различны ни были.

Об одной токмо пользе древних архивных писем здесь объявляю, которая хотя весьма случаем делается, однако немалой есть важности. Сколько каких слов и складов не покажется темных и совсем незнаемых тому, кто таких писем прежде не читывал! Он будет спрашивать, что то значит. И, может быть, скажут ему для толкования иностранное слово или склад, по свойству чужестранных языков украшенной, которые он лучше, нежели старинное российское слово или склад, разумеет. Однакож самое сие приведет его во удивление, что он природного своего языка совершенно не знает. Он начнет размышлять: справедливо ли то, чтобы вводить чужестранные слова и склады, когда в природном языке недостатку не находится. Он будет сравнивать склады иностранные с подлинными россий-

скими и узнает, что каждой язык имеет свое свойство и что из одного языка в другой, без крайней нужды, ничего занимать не должно.

Мое мнение не в том состоит, чтоб мне себя поставить общим защитником древности языков. Примеры тому, как языки в чужестранных государствах в недавные времена много переменились, весьма известны, и, конечно, должно обыкновению времен несколько уступать, когда старинными словами и складами гнушаются; но сие обыкновение не надлежит всегда почитать за узаконение, и не должно отвергать всего старинного только для того, что оно старинное, а новое принимать для того, что новое. Есть чужестранные языки, которые чрез несколько сот лет мало или ничего не переменились. Не писали ли за триста и за четыреста лет пред сим поиталиянски так изрядно, что остатки тогдашних времен служат нам ныне примерами, которым последуем. Да и церковной язык в России с того времени, как книги в печать стали производиться, весьма мало переменился. Для чего же в гражданстве, в канцеляриях и при дворе язык от прежнего так отменен? Выключая некоторые, весьма не употребительные, старинные слова, вместо которых другие, так же настоящие русские, слова находятся, не найдем мы в старинных письмах ничего, чтоб могли опорочить, кроме простого соединения складов. Однако, сие не порок языка, но паче произошло от невежества тогдашних приказных служителей. Да и самый приказной штиль в прежние еще времена много исправился, и ежели я, яко иностранной человек, в состоянии о том рассуждать, то осмелюся сказать, что ныне приказные дела пишутся не лучше, как оные уже за 50 лет писались.

Я прошу прощения о сем постороннем рассуждении, происшедшем от любви к старинным архивным письмам. В чужестранных государствах признавают себя щастливыми, когда оные увидят, и производят в печать большими книгами, хотя в некоторых более ничего не находится, кроме что мимоходом упомянуто бывает о некоторой фамилии или церкви, или монастыре или городе. Потомкам оставляется оные употреблять при сочинении истории или к чему иному пожелают. Ежели угодно будет последовать сему примеру, то я таких старинных писем довольное число собрал, которые не только до одной Сибири, но и до всей России касаются, и всемерно достойны напечатания, потому что, кроме той пользы, которая по оным в других делах явственна есть, при будущем сочинении общей Российской истории основанием служить должны.

А сколько я ни старался во время моего в Сибири путешествия о собирании письменных известий к способствованию сей истории, однако всех источников, которые к тому служили, вычерпать не мог. В некоторых местах архивных дел было такое множество, что все, для меня потребное, от слова до слова списывать не доставало времени. Я по нужде доволен был и тем, когда хотя можно было из некоторых писем сочинить о главных делах выписки, а из других силу коротко внесть в путевые мои примечания. В рассуждении сего неудивительно будет, когда в продолжении сей Истории, а паче между приключениями новейших времен, нечто случится, о чем

либо неполных либо и никаких свидетельств в доказательство привесть я не в состоянии. Но понеже сие только при неважных приключениях случаться будет, то я тем меньше причины имею опасаться недоверки.

Другого состояния доводы состоят в изустных преданиях и в повестях, на которые я иногда ссылаюсь, и оным по мне верить должно, хотя я никакого другаго доказательства об них и не имею. Ежели кто о верности оных повестей сомневаться будет, то я прошу примечать самые обстоятельства в каждом месте, ибо оные мою искренность подтвердить могут. Какое бы то было дерзновение выдумывать, чего не бывало, где надлежит опасаться, чтоб тотчас во лжи изобличену не быть. Я ездил не один, но имел многих свидетелей моих дел и трудов. Были там люди и после меня и за такими же делами, которые могут спорить. Ежели что пишу несправедливо, об одном только прошу, а именно, чтоб кто, бывши в Сибири, буде не вспомнит приведенной мною какой повести, затем бы о достоверности оныя не сомневался. Не всегда нам приходит на ум о всем спрашивать,а хотя и спрашивать, то не всегда удается настоящий ответ получить. Иногда случается нечаянно о чем слышать, чего при других обстоятельствах надеяться не можно было. Напротив того, я охотно поверю, что другой мог слышать то, чего мне слышать случай не допустил.

Рассуждая вообще о том, как я в сочинении сей истории поступал, то я прекословить не намерен, что она во описании приключений с принятым от славнейших древних историков обыкновением много не сходствует. Однакож не думаю, чтоб я тем учинил хуже. Их сочинение приятно, потому что они приключения ведут одним порядком, не упоминая о свидетельствах, по которым они сочинение свое составляли. Но мое расположение есть полезнее, потому что я стараюсь предлагаемое мною утверждать везде доводами и рассуждаю об известиях и о сочинителях оных по правилам вероятности и якобы с читателем совокупно, которой здесь также рассуждать может и тому, что я пишу, просто верить не обязан. Когда древние историки толико себе приписывали, чтобы их словам верить без доказательств, то они щастливы, что им в том удалось. Ежели письменные известия, по которым какая история слагается, всякому известны, тогда сочинителю не так в вину причитается, ежели он оставлением свидетельств привлекает себе несколько более почтения и знающим людем оставляет на рассуждение: хорошо ли он теми известиями пользовался или худо. Сим и древние писатели истории извинены быть могут, что в их времена те известия, по которым они сочинения свои производили, чаятельно у всякого в руках были, а утратились уже после.

Весьма трудно тому статься, чтобы дело такого состояния, как сие, произведено было без всяких погрешностей. Довольно того, когда оных не очень много находится. Однакож, я остаюсь в той надежде, что ежели здесь явятся какие погрешности, то оные произошли не так от моего небрежения, но как от крайней необходимости. К последним причитаю я, когда в разных местах недостает обстоятельств, которые по справедливости надлежит до-

полнить, чего поныне, за неимением достоверных известий, учинить не можно было. Без сомнения, сию историю гораздо полнее описать и оную почти в совершенство привесть можно будет, ежели мне дастся позволение в Москву ехать и Сибирского приказа архиву таким же образом, как я делал во всех Сибирских городах, употребить в общую пользу. А когда кто найдет какую погрешность, то я за объявление оной надлежащим образом благодарить и при втором тиснении оную исправить неотменно стараться буду.

Погрешности, касающиеся до языка, на котором История сия издается, не уповаю я, чтоб мне, как иностранному человеку, в вину причлися. То правда, что, имея сам к российскому языку великую охоту и будучи в состоянии во оном и за другими погрешности усматривать, я всячески старался, дабы перевод привесть в такое состояние, какого свойство сего языка требует. Не могу я хвалить тех переводов, в которых весьма явственно видно, что они переводы, и думаю я, что российской человек должен писать таким образом, чтоб писанное им всякой российской, не знающий никаких чужестранных языков, разуметь мог. Однакож, похвалиться мне нельзя, чтоб сии правила в сей Истории совершенно и везде наблюдены были: я, по силе возможности своей, в сем вспомогал, также и справошные печатные листы пересматривал с прилежанием, по которым и по исправленному мною первому переводу, которой в академической архиве хранится, явствует, коль искустные переводчики надобны, а наипаче при таких делах, которые в печать производиться должны. Впрочем, недоверение, которое я сам к себе имею, было причиною, что сия История напечатана несколько позже, нежели как то учинить надлежало. Ибо сие меня побудило отдать мое сочинение в беспристрастное рассуждение разным нашего собрания как российским, так и иностранным членам, дабы не было ничего, чтобы подлежало превратному толкованию или за что бы ответ дать надлежало. А ныне сие служит мне тем наипаче к удовольствию, что труд мой всем академическим собранием за благо принят, и я несумненно уповаю, что каждой справедливый читатель с рассуждением Академии будет согласен.

Прочие сей Истории части с другими моими описаниями Сибири с возможною скоростью по сем следовать имеют.

Г. Ф. МИЛЛЕР

ИСТОРИЯ СИБИРИ

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава первая

СОБЫТИЯ ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО РУССКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

§ 1. Сибирь стала известна России, не говоря уже о других европейских странах, не более 200 лет тому назад. Жители Сибири с древнейших времен больше старались прославить себя оружием, нежели описанием своих деяний. В ней не процветали ни науки, ни искусства, да и умение писать большею частью было мало распространено. Поэтому легко рассудить, что о древнейших событиях этой громадной азиатской страны трудно рассказать много достоверного или основанного на неопровержимых фактах.

§ 2. Писатели, которые для исторических доказательств довольствуются только сходством имен, приписывают сибирским народам большой возраст и происхождение от глубокой древности, производя название реки Тобола и главного города Сибири Тобольска от Тубал Каина и от тобелов, а имя Сибири от тибаренцов и иберов. [1] Предоставим подобные предположения их создателям, не разделяя их мнение. Если до сих пор, несмотря на большой положенный труд, нельзя было пролить полный свет на происхождение и древнейшую историю самых известных народов Европы, то можно ли надеяться достигнуть этого в отношении столь отдаленной страны, о которой сохранилось еще меньше исторических источников, причем нельзя рассчитывать на их пополнение.

§ 3. Главнейшим народом Сибири являются татары, которые живут в южных местностях по рекам Тоболу, Иртышу, Оби, Томи и Енисею и лежащих между ними степях. Хотя история татарского народа относит начало его к таким далеким временам, какими не может похвалиться ни один из европейских народов, но нужно признать, что древнейшие события ее основываются на недостоверных и баснословных рассказах, ходивших в народе, и что настоящая достоверная история татар начинается только со времен великого Чингис-хана, который в начале XIII столетия после Р. Х. народ, пребывавший до тех пор во тьме, вывел на свет. [2]

---

[1] Chr. Schoetgen. De Tobolensium originibus. Dresdae, 1729. 4°.

[2] Abulgasi Bahadur Chan, Hist. généalogique des Tatars. Petis de la Croix, Histoire du Grand Genghis Chan. Herbelot, слово Genghis Chan. P. Gaubil, Hist. de Gentchiscan. Mosheim, Hist. Eccles. Tartar.

§ 4. Древности, находимые в большом количестве в южных местностях Сибири, являются доказательством того, что история Чингис-хана и некоторых его преемников имеет ближайшее отношение к истории Сибири. По этим древностям можно вывести ясное заключение, что хотя названные местности не являлись главной территорией царства, но все же составляли немалую часть его, и что тут жили многие принадлежащие к нему могущественные поколения. Сколько видно в разных местах в степях остатков древних укреплений, какая масса каменных памятников, болванов, старинных могил и разных принадлежащих ним предметов встречается во всех этих местах. Каких только драгоценностей из золота и серебра ни было во всех этих могилах. Кому же другим могли принадлежать эти богатства, как не древним татарам, которым, как известно, достались в добычу все сокровища Китая, Персии, России, Польши, Богемии и Венгрии. Однако, чтобы избежать излишних подробностей и не повторять напрасно уже имеющегося в печатных трудах, я намерен привести здесь лишь то, что к изъяснению татарской истории стало мне известно благодаря моим собственным розысканиям.

§ 5. По рассказам монголов, Чингис-хан имел свое главное местопребывание при реках Ононе, впадающей в Шилку, и Куриплуме, впадающей в озеро Далай. Они же рассказывают, что Чингис-хан иногда доходил со своим кочевьем до озера Байкала. Доказательством этого должен будто бы служить таган, поставленный им на горе на острове Ольхоне, который находится на указанном выше озере, и на тагане большой котел, в котором лежит лошадиная голова. Хотя я не получил подтверждения этому от бурят, живущих в окрестностях озера Байкала и на острове Ольхоне, я все же считаю приведенное известие о владениях Чингис-хана весьма вероятным, так как первые завоеванные Чингис-ханом земли — Китай и Тангут—лежат поблизости. Бедность тамошних древних могил указывает, что прежние обитатели этой страны жили очень просто и находились в почти полном неведении того, что такое сокровища и драгоценности, но как только достались им такие богатства из Китая и Тангута, они распространили свои жилища далее к западу.

*§ 6. Как известно, Чингис был монгольского происхождения. Он соединил под своей властью два народа — монголов и татар, а потому нет ничего удивительного, что в истории монголов также упоминается о нем. Один монгольский ученый духовного звания передавал мне рассказ о начале владения Чингиса, заимствованный из тангутских и монгольских книг. Этот рассказ кажется баснословным и не похож на то, что сообщает татарская история, а также на то, что стало нам известно благодаря иезуиту Гобилю из китайских летописцев. Так как этот рассказ еще не опубликован, то я изложу его кратко. Монголы рассказывают, что некогда жил хан, которого по-тангутски звали Галдан-Дугер-хаган, а по-монгольски Бадарингой Цаган-Тынгыри. Он заболел опасной болезнью и стал призывать к себе на помощь бога Шигимуни, который и явился ему в виде знатного ламы и сказал: «Болезнь пришла к тебе оттого, что ты не признаешь

бога, данный им закон не выполняешь, духовного чина людей не уважаешь и их проповедями пренебрегаешь. Но если ты изменишь свой образ жизни, признаешь бога, будешь ему молиться, следовать его законам, почитать духовный чин и посвятишь своего сына и девять знатнейших придворных в духовный чин, то опять станешь здоров». После этого хан приказал своему

Рис. 16. Могильный камень с изображением фигур животных.
(Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 39/49).

сыну и девяти знатнейшим придворным исполнить волю бога и принять духовный сан. Это требование им было не по душе, и потому они убежали и поселились в отдаленном месте, где их повелитель не мог их разыскать. Народы, которые им встречались по пути, подчинялись им. Из-за происходивших между ними споров скоро почувствовали они необходимость иметь кого-нибудь начальником и согласились на том, чтобы сына прежнего хана избрать в ханы. Издавна было принято вновь избранному хану давать новое имя. На этом основании девять знатных придворных держали совет, как

им назвать своего нового хапа. В это время прилетела маленькая птичка, которая опустилась вблизи собравшихся и ясным голосом чирикала: «Чингис, чингис». Тотчас же единогласно решили они имя, названное птицей, дать новому хану. Прежнее имя Чингиса, которое он имел когда жил у своего отца, по тем же монгольским известиям, было Сотубогдо, девять же знатных придворных назывались так: 1) Сульдузун-торгун-шара, 2) Дзаллирте-куа-мохоли, 3) Зуа-мирген, 4) Кулу-борджи, 5) Уриану-дзальма, 6) Бозогон-дзап, 7) Кара-кирго, 8) Борогол, 9) Шингун-кутухту.

* § 7. Известно, как рассказывает Абулгази о смерти Чингиса: [1] по его словам, она последовала на обратном пути из Тангута, после того, как он победил им же самим поставленного, но восставшего против него правителя по имени Шидурку. Монгольские же летописи сообщают об этом совсем другие сведения. Гаудурга, как пишут они, был тогда ханом в Тангуте, на него напал Чингис с целью похитить одну из его жен, о красоте которой он много слышал. Чингису посчастливилось получить желаемую добычу. На обратном пути, во время ночной стоянки на берегу большой реки, которая является границей между Тангутом, Китаем и Монгольской землей и которая через Китай течет в океан, он был убит во время сна своей новой женой, заколовшей его острыми ножницами. Убийца знала, что за свой поступок она получит возмездие от народа. Она предупредила грозившее ей наказание тем, что сразу же после совершенного убийства бросилась в вышеназванную реку и там покончила своею жизнь. В память о ней эта река, которая называлась по-китайски Гоан-го, получила монгольское название Хатун-гол, то есть женская река. Степь при Хатун-голе, в которой погребен этот великий татарский государь и основатель одного из самых больших царств, носит монгольское название Нулун-талла. Но неизвестно, погребали ли там и других татарских или монгольских государей из рода Чингиса, как рассказывает Абулгази об урочище Бурханкалдин. [2]

§ 8. Равным образом татарская и монгольская история не во всем сходятся относительно ханов обоих народов, которые были после смерти Чингиса. Татарская история рассказывает прежде всего о четырех сыновьях Чингиса: Джучи, Чагатае, Угадае и Таулае. Первый из них еще при жизни отца поселился в местности по реке Волге и Дону, которая тогда называлась по-татарски Даште-кипцак, и умер незадолго до своего отца. Другой получил себе в наследство так называемую Большую и Малую Бухарию. Третий по настоянию отца наследовал государство монгольское и татарское и четвертый, ничем ненаделенный, остался жить при дворе своего брата. По смерти Угадая ему наследовал его сын Хайюк, за ним сын Таулая Мангу, затем Коблай — брат Мангу, по смерти которого монархия разделилась на отдельные небольшие владения.

* § 9. Последние три хана стали особенно известны благодаря европейским путешественникам — проповедникам римской церкви и послам

[1] Hist. généal. des Tatars, p. 318 и сл.

[2] Назв. соч., стр. 344.

Жану Плано Карпини, Гильому Рубруквису и Марко Поло, венецианцу. которые в 1246, 1253 и 1272 гг. были отправлены римским папой Иннокентием IV, Людовиком IX, королем Франции и после смерти папы Климента IV Равеннским легатом, и довольно подробно описали свои путешествия.[1] Но нужно при этом заметить, что пройденный ими путь не был ими описан обстоятельно, и те, которые хотят по их рассказам определить настоящее местожительство татарских ханов, обманутся в своих надеждах.

§ 10. Монгольская история совсем не упоминает о двух первых сыновьях Чингиса, как об удельных князьях, не участвовавших в государственном управлении монголами. Что же касается остальных, то в одной монгольской рукописи приводятся их имена со следующими подробностями: Эгеде хан, сын Чингиса, правил 6 лет; его сын Хуюк-хан 6 месяцев. Теле-едзинг был старшим братом Чингиса, он имел сына, который под именем Менке-хана вступил после Хуюка во владение и правил 9 лет. После его смерти его преемником был его сын Хоболай Цецен-хан, правивший 36 лет и умерший 82 лет от роду. Легко распознать монгольское начертание приводимых здесь имен, в особенности при сравнении их с татарскими, а в отношении хронологии, по сравнению ее с данными Абулгази, тоже не встречается каких-либо особенных трудностей. Различие, на которое надо обратить внимание, заключается в том, что о происхождении Таулая и Хоблая в монгольской истории рассказывается иначе, чем в татарской, и в этом первая, без сомнения, дает ошибочные сведения, так как китайские известия, приводимые патером Гобилем, совпадают с татарскими.

§ 11. Хоболай или Коблай-хан известен у монголов тем, что вместо прежнего идолопоклонства ввел истинный, по их мнению, закон божий, т. е. религию Далай-ламы. По свидетельству их летописцев, он был так милостив к ламам, что если кто из них совершал преступление, он не наказывал его. Коблай имел очень набожную жену по имени Дзамо, советуясь с которой, он решал все светские и духовные дела. Необходимо отметить также, что магометане и христиане прославляют этого хана за его хорошее отношение к их вере. Гербело,[2] со слов персидского историка Кондемира, рассказывает, что Коблай относился благосклонно к ученым всех национальностей и вероисповеданий, оказывал им милости, предоставлял всевозможные права и освобождал от всяких налогов. Об его склонности к принятию христианской веры и наставлению в ней его подданных пишет Марко Поло.[3]

§ 12. Ни татарская, ни монгольская история не упоминают после смерти Коблая ни одного равного ему государя. Он прославился тем, что благополучно завершил завоевание Китая, начатое Чингисом. Эту страну, с избытком одаренную всеми богатствами природы, победитель предпочел

[1] См. описания их путешествий в Recueil des Voyages en Tartarie, par van der Aa. Leide 1729. 42.

[2] В его словаре, под словом «Gobla».

[3] De regionibus orient., lib. I, cap. 4. — Haitho Armen, Hist. Orient, p. 19, делает из него настоящего христианина.

своему прежнему местожительству. Там он сделался родоначальником новой династии, носящей в китайской истории, к которой это событие естественно относится, название Юеновой.[1] Земля же монголов и татар была разделена его родичами на несколько небольших владений, в которых произошло мало достопамятного, кроме того, что самые могущественные потомки Чингис-хана поселились на реке Волге и известны в России под именем Золотой Орды. Благодаря своему соседству и частым набегам на русские владения Золотая Орда имеет, однако, большее значение в общерусской, чем в сибирской истории.

§ 13. Переселением Коблая в Китай и перенесением туда центра Татарской державы можно объяснить один рассказ татар, живущих у реки Иртыша. Они утверждают, что тамошние места в Сибири были заселены прежде китайцами, которые их затем покинули, чтобы вернуться на места теперешних своих поселений. Хотя Страленберг [2] пишет, что в примечаниях к труду Пти де-ла-Круа Histoire du Genghis Chan находим, будто китайцы когда-то посылали переселенцев в Татарию, но я не могу припомнить, в каком месте упомянутой книги об этом говорится. Но даже если бы было написано так, как говорит Страленберг, то для подтверждения этого факта необходимо привести больше доказательств и нельзя ограничиться только простым заявлением. Так как название Татария присваивается территории значительно большей, чем Сибирь, то следовало бы еще доказать, в каком месте Татарии образовались эти китайские поселения. В Китае все земли, лежащие за степой, носили общее название Татарии; поэтому можно предполагать, что здесь разумеется построение городов на границе Леаотонга, Даурии и Монголии, примеры чего имеются уже в древнейшие времена.

§ 14. Одно только ясно, что ни на основании китайской, ни на основании татарской историй не удастся когда-либо доказать, что Сибирь была заселена китайцами. Хотя китайская история у нас достаточно изучена, в ней нет никаких известий, которые говорили бы об этом особенном обстоятельстве. Если бы в китайских сочинениях что-либо было написано об этом, чего до сих пор не знают в Европе, то, несомненно, китайцы в новейшее время, при своих часто непомерных требованиях по отношению к России, о том не умолчали бы. Между тем, приведенный выше рассказ послужил поводом к тому, что стали передавать, будто китайское посольство, проезжавшее в 1712 г. через Сибирь, просило в Енисейске о разрешении посетить в Красноярском уезде могилы своих предков.[3] Это сообщение ни на чем не основано, и в напечатанном дневнике этого посольства [4] ни слова не упоминается о такой просьбе, хотя там приведены некоторые другие разговоры, которые вели послы с должностными лицами русских городов. Можно думать, что под предками послов нужно подразумевать не китай-

[1] **Du Halde.** Description de la Chine, t. I, p. 437.
[2] Предисловие к его труду о великой Татарии и Сибири, Стокгольм, 1726, 4°, стр. [illegible]
[3] **Strahlenberg.** Das nord- und östliche Theil von Europa u. Asia, S. 357.
[4] **Souciet.** Observations Mathématiques, Astronomiques, Physiques etc., t. I.

цев, а скорее монголов; по крайней мере, главный посол Тулишен был монгольского происхождения.

* § 15. Кроме того, вышеприведенный рассказ соединен еще с такими обстоятельствами, которым могут поверить только самые несведующие люди, что еще более подтверждает его неосновательность. В нем говорится, что в начале Сибирь будто бы представляла голую степь без лесу, что в то время, как ее населяли китайцы, в разных местах стал мало-по-малу появляться лес, народ будто бы испугался того, что из земли вырастают как бы рога, и это-то послужило поводом к обратному переселению в Китай. Такой рассказ можно и сейчас еще услышать от тобольских татар, причем в доказательство его правдивости они приводят то, что между реками Иртышом и Тоболом в разных местах до сих пор сохранились остатки прежних укреплений и земляных валов, сплошь заросшие густым и высоким лесом. Но я не думаю, чтобы это могло служить к подтверждению приведенного рассказа. Со времени ухода Коблая из Сибири прошло почти 500 лет. За такой большой промежуток времени на безлесных пространствах, конечно, легко мог вырасти лес, и нет надобности объяснять его происхождение таким странным образом. [1]

§ 16. По недостатку известий мы не можем сказать, как далеко в Сибири распространялась власть монгольских и татарских ханов, но можно сделать вероятное предположение, что они не упускали случая заставлять платить себе дань не только монгольские и татарские роды, но и прочие пограничные с ними народы. Абулгази рассказывает это про киргизов, [2] живших тогда в Сибири, на верхнем течении Енисея. Чингис потребовал от киргизского хана Урус-Инала подчиниться, и последний добровольно согласился на это, причем послал Чингису в подарок птицу, которая по-татарски называется шунгар, а по-русски кречет. [3]

§ 17. Можно заметить при этом, что прежнее место жительства киргизов отличается от того, которое они имели в русские времена. Абулгази [4] помещает их недалеко от реки Икара или Икран-Мурана, в которую впа-

[1] Содержание этого рассказа приводится также в «ведомости», которая, на основании татарских и бухарских рассказов, была составлена в 1670 г. по приказу тогдашнего тобольского воеводы Петра Ивановича Годунова. В те времена часто отправлялись из Сибири в Китай, через калмыцкие и монгольские степи, татарские и бухарские торговые караваны. Воевода Годунов приказал расспрашивать торговых людей этих караванов о новом и неведомом тогда Китайском государстве; собирая эти сведения, одновременно получили от тех же торговых людей разные известия о прежнем состоянии Сибири.

[2] Hist. généal. des Tatars, part. II, cap. VIII, p. 100 и part. III, cap. VIII, p. 205.

[3] Эту птицу в одном месте Абулгази описывает, как совсем белую с красными глазами, красным клювом и красными ногами; в другом же месте у него говорится, что и голова у ней тоже красная. Известно, что кречет к старости иногда меняет свои серые перья на белые, но среди этих птиц не встречаются с красными глазами, глаза у них всегда черные; что касается клюва и ног, то они тоже не красные, а обычно бывают серые и несколько голубоватые; голова у кречета того же цвета, как перья на спине и крыльях. Эта птица из породы ловчих, употребляемых для охоты.

[4] Назв. соч., part. II, cap. IX, p. 106; ср. cap. X, p. 113.

дают восемь рек. Про реку Икран-Муран он рассказывает, что она очень большая и впадает в океан, недалеко от ее устья находится будто бы большой город Алакцин, название которого означает пестрый или пегий, так как у жителей города нет никаких других лошадей, кроме пегих. Этому городу подчинялось много других меньших городов. Вся местность там очень богата скотом, а лошади там обладают удивительной величиной и т. д. Кроме того, там имеются богатые серебряные рудники, и жители города не употребляют никаких других сосудов, кроме серебряных. Не бесполезно будет в дальнейшем попытаться выяснить, какая же река, собственно говоря, подразумевается под названием Икран-Мурана.

§ 18. Автор примечаний к труду Абулгази весьма облегчает себе эту задачу, говоря, что по-русски эта река называется теперь Енисеем; к этому выводу его привели, по всей видимости, известия о прежних поселениях киргизов в Красноярских степях по реке Енисею. Другое предположение высказывает Страленберг,[1] основываясь на вышеприведенных известиях о серебряных рудниках у города Алакцина: так как в новейшее время открыты старинные серебряные рудники недалеко от реки Аргуни, то, следовательно, и упомянутый город Алакцин находился около этой реки. В своих предположениях он идет еще дальше и считает город Алакцин тождественным с остатками описанного Избранд Идесом[2] города Таймингцина, в доказательство чего Страленберг приводит одинаковое значение названий, так как, по его словам, тайминг по-татарски и алак по-монгольски одно и то же, и что это название будто бы происходит от того, что в этой местности водились дикие пегие ослы или лошади. Вследствие этого он на своей карте провел реку Алакцин, которая с западной стороны впадает в реку Аргунь, а при истоках реки Алакцина отметил гору под тем же названием.

§ 19. Но с этими предположениями нельзя согласиться, и они не имеют основания, если принять, во-первых, во внимание, что изобильные, густо населенные и богатые скотом местности города Алакцина никак не могли находиться в устье Енисея. Отсюда очевидно, как неосновательно и другое заключение, что найденные в окрестностях реки Аргуни старинные серебряные рудники — те же самые, которые находились около города Алакцина. Если принять также во внимание, насколько далеко описанная Избрандом местность города Таймингцина лежит от Аргунских серебряных рудников и что там не протекает не только большой реки, но даже маленького ручейка, то будет совершенно ясно, как мало сходно все это с описанием города Алакцина, про который определенно говорится, что он стоял при большой реке Икар-Муране. К этому надо прибавить, что сходство названий «алак» и «тайминг» также неверно, так как пестрый или пегий не только по-монгольски, но и по-татарски «алак», но выговаривается на последнем больше как ала, а слово «тайминг» ни в одном из этих языков

[1] Das nord- u. östliche Theil von Europa u. Asia, S. 335.

[2] Описание его путешествия в Китай, гл. 12, в Voyages du Nord, t. VIII, p. 107 и сл.

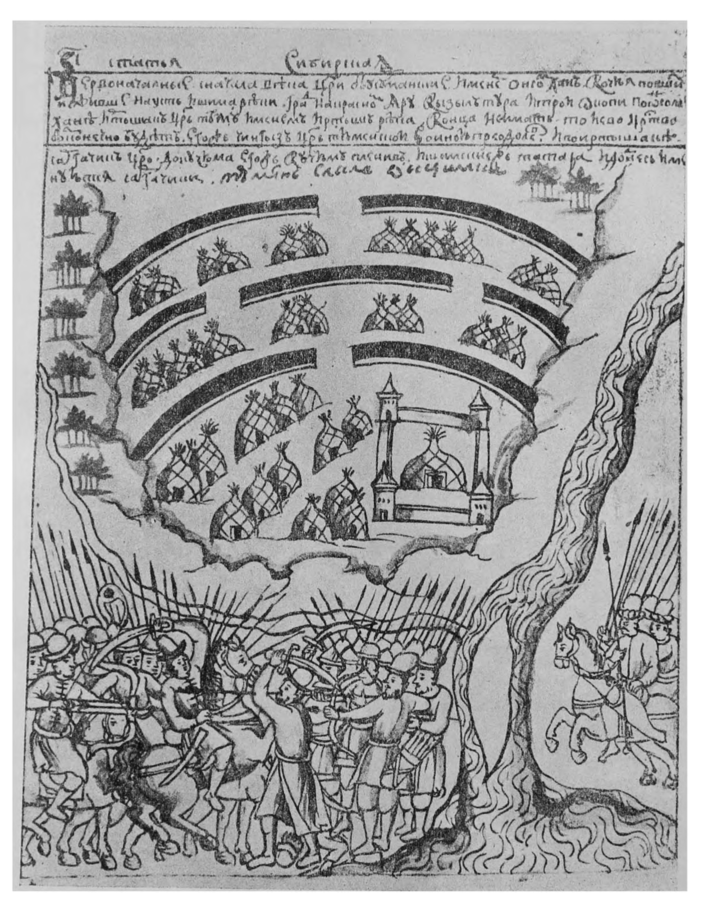

Рис. 5. Город Кизыл-тура.
(Ремезовская летопись, ст. 16.)

не употребляется. Из описания, которое Избранд дает Таймингцину, ясно видно, что это, собственно говоря, был не город, а только местопребывания жрецов религии Далай-ламы, так же как и встречающийся на том же пути город Бурхан-Хотон, название которого указывает на то же самое. Наконец, сведения о диких пегих лошадях или ослах ни на чем не основаны: в этих местностях нет других диких лошадиных пород, кроме называемой по-монгольски «чигитай», а они обычно гнедые. Что же касается показанной на карте Страленберга реки и горы Алакцин, то их название никогда никто не слышал в тех местах. Это я могу засвидетельствовать на основании моих собственных разысканий, так как, в бытность мою на Аргуни, я много раз об этом расспрашивал местных жителей.

§ 20. Но чтобы ближе подойти к нашей цели, необходимо, в дополнение к прежним данным, привлечь также некоторые другие. Абулгази совершенно правильно говорит,[1] что монголы каждую большую реку называют «муран»; это хорошо было известно католическим миссионерам,[2] и поэтому на своих картах монгольских земель[3] к названиям многих рек они прибавляли слово «муран». Но Страленберг заблуждается, когда он пишет про реку Амур, будто у калмыков и монголов она называется «муран». Но как же все это объяснить, если «муран» считать именем собственным, а не нарицательным? Неужели Абулгази ошибался в этом вопросе? Или же географические карты Китая, составленные иезуитами, вводят нас здесь в заблуждение? Точно также ошибается Страленберг и дальше, когда он ссылается на Андрея Мюллера,[4] который то же самое будто бы говорил о реке Кара-Муран. Но под Кара-Мураном Мюллер разумел китайскую реку Гоан-го, и в этом он следовал Марку Поло, автору, нуждающемуся в очень больших поправках, так как он нередко основывался на неверных и неправильно понятых рассказах. Что монголы действительно так называли Амур, подтвердили мне нерчинские тунгусы, которые, по их словам, часто слышали от своих родителей название Хара или Кара-Муран, причем последнее слово они выговаривали «мурум». Это название тунгусы могли заимствовать только от монголов, так как на своем языке они называют Амур Шилкиром. Между названиями «Кара» и «Икар» есть большое сходство, причем при неоднократном переписывании истории Абулгази легко могла вкрасться ошибка в эти названия. Кроме того, Абулгази полагает, что река Селенга находится недалеко от Икар-Мурана, и что киргизы жили между этими двумя реками. По моему, это является достаточным доказательством того, что Абулгази имеет здесь в виду не какую-либо другую реку, как Амур с впадающими в нее притоками.

---

[1] Назв. соч., p. 113.

[2] Du Halde. Explication des mots chinois et tatares — в конце первой части «Description de la Chine», под словом «mouren».

[3] См. карты, приложенные к труду Дюгальда.

[4] Предисловие, стр. 20.

§ 21. Но несмотря на это рассказ Абулгази об Алакцине я все же не могу считать достоверным. Нельзя, конечно, отрицать, что в те времена, когда Россия уже владела Амуром, были обнаружены на нем остатки древних погибших и разрушенных городов. Но их находим, главным образом, в местностях по среднему течению реки, но не вблизи ее устья, где земля не обладает качествами, способствующими устройству больших городов, и менее всего служит для разведения в больших размерах скота. Старинные географические описания и рассказы путешественников содержат обычно много сказочного об отдаленных землях. Описание богатств Алакцина весьма похоже на сказку, а рассказ о пегих лошадях настолько противоречит природе, что уже по одному этому надо было бы считать Алакцин единственным местом в мире, где происходят такие чудеса. Из слов самого Абулгази [1] видно, что главным источником его описания являются рассказы узбеков о некоем народе, который пользовался сосудами исключительно из золота и серебра и у которого все лошади были пегими, но, как добавляет Абулгази, узбеки и сами не могли назвать то место в мире, где жил этот народ.

§ 22. Ко всему остальному, что рассказывает далее татарская история об Алакцине, необходимо относиться таким же образом. Абулгази [2] говорит: по смерти Чингис-хана земля киргизов досталась по наследству его младшему сыну Таулаю, после которого управляла государством благороднейшая его супруга и вдова Сиурхохтнибеги, как единственная мать всех его детей. Она старалась собрать обстоятельные сведения об Алакцине и тамошних местах. Для этого она отправила трех знатных слуг с тысячью человек отборных людей с приказанием силою подчинить себе жителей города, в противном же случае хотя бы доставить точные сведения о настоящем положении страны. По прошествии немалого времени вернулись назад около 300 человек, оставшихся из тысячи, и они будто бы заявили, что все рассказы об Алакцине — сущая правда. Но воздух там настолько нездоровый, что во время пути они потеряли большую часть людей. Они будто бы на самом деле нашли много серебра, которым могли бы нагрузить свои суда, но так как на обратном пути должны были ехать вверх по реке, то, из-за отсутствия достаточного количества людей, принуждены были выбросить все за борт. Этот случай с выбрасыванием серебра возбуждает опять-таки немалое подозрение, не говоря уже о том, что если Алакцин стоял при реке Амуре, тамошняя местность ни в коем случае не может считаться нездоровой.

§ 23. Предыдущий рассказ привел нас опять к киргизам, которые дали нам повод к исследованию о реке Икаре. Мы видели, в каком месте этот народ в те далекие времена имел свои жилища. Из этого ясно, что составитель примечаний к Абулгази [3] заблуждался, когда древние их кочевья не

[1] Part. II, c. IX, p. 110.
[2] Назв. соч., p. 11.
[3] P. 99.

отличал от новых. На основании того, что он считает Икар-Муран Енисеем, автор помещает киргизов в местности между Селенгой и Енисеем. Но это не подтверждается никакими историческими данными, к тому же и направление обеих рек не подходит для того, чтобы между ними можно было поместить местожительство какого-либо дикого народа. Я уже сказал выше, [1] что киргизы в более поздние времена, а именно когда Россия стала владеть Сибирью, жили по верхнему течению реки Енисея. Я имею в виду местность Красноярского уезда около Саянских гор. О времени же их переселения туда татарская история ничего не говорит.

* § 24. Другой сибирский народ, о котором упоминает Абулгази, [2] были теленгуты, из которых некоторые до сих пор живут в Томском и Кузнецком уездах. Абулгази причисляет их к уйрятам или калмыкам. Действительно, в старину они жили вместе с ними; на этом основании те из них, которые сейчас находятся под русской властью, называются в русских приказных делах белыми калмыками. Слово «белые» показывает их отличие от прочих, так наз. черных, калмыков, так как они лицом белее и больше походят на татар. Кроме того, они говорят по-татарски, и мне кажется, что на этих двух основаниях их можно, вопреки мнению Абулгази, скорее считать татарами, чем калмыками.

* § 25. Уйряты или собственно калмыки, по рассказу Абулгази, [3] во времена Чингиса жили там, где в реку Икар-Муран впадали 8 рек. Их предводителем был Тохабеги хан, который со своими двумя сыновьями Иналци и Тауранци в течении долгого времени оказывал сопротивление Чингисхану, но так как они, наконец, были им побеждены, то с тех пор уйряты должны были признать над собой власть монголов. Если кто-нибудь сомневается в том, что под именем уйрятов подразумеваются калмыки, для тех доказательством должно служить то, что качинские, сагайские и прочие татары Красноярского и Кузнецкого уездов называют калмыков уйрятами. Слово калмыки татарское и произносится на этом языке «калмак». Но это слово употребляется только теми татарами, которые живут от Волги до Оби, тогда как прочие татары узнали его только из сношений с русскими.

* § 26. Так как в истории Сибири о калмыках будет часто итти речь, необходимо теперь же сказать несколько слов об этом народе. Калмыки делятся на четыре поколения, которые на их языке называются «дорбон-элют». «Дорбон» означает на калмыцком языке четыре, «элют» — общее наименование народа, а также знатнейшего из четырех поколений. Если иметь в виду первое значение, то между элютами и уйрятами Абулгази нет никакой разницы. Второе же значение этого слова дает возможность выяснить «элутов», о которых часто говорится в китайской истории. Среди элютов джунгар было родовое имя правившей фамилии, которая процветала еще несколько лет тому назад, и по ее имени русские называли этот

---

[1] § 18.

[2] Part. II, cap. X, p. 114.

[3] Назв. соч., p. 113.

народ джунгарскими или зенгорскими калмыками. Их земля, которая в большей своей части подчинена теперь китайцам, находилась между Великой и Малой Бухарой, Алтайскими горами и страною монголов. Малая Бухара сама платила дань этим элютам. Второе поколение составляли буряты, название которых имеет еще большее, чем первое, сходство с уйрятами Абулгази. Русские называли их братскими; находясь под русской властью, они живут по обеим сторонам озера Байкала в Иркутском и Селенгинском уездах. По сохранившемуся у них преданию, «Элют» и «Бурят» были родные братья, которые поссорились из-за кобылы, почему Бурят со своими людьми должен был переселиться к озеру Байкалу. Хошоты — третье поколение, частью подчинились джунгарам, и жили среди них и прочих элютов, частью же обитали в Тангутской земле и на границах Китая, в области озера Кокунора. Наконец, тергеты или торгоуты составляли четвертое поколение: это калмыки, которые подчинились русским, занимают теперь оба берега Волги между Астраханью и Царицыным и кочуют в степях между Яиком и Доном. Абулгази[1] говорит, что тергеты составляют особое поколение, ведущее свое происхождение от уйрятов. В состав этих четырех поколений входит много отдельных родов. После того как окончательно распалась великая Татарская держава Чингис-хана, калмыки разделились почти на столько же мелких владений, сколько было между ними родов. Кочевья их раскинулись на далеком пространстве, и они часто вели между собой войны и иногда очень беспокоили своих соседей. В таком состоянии застало их завоевание Сибири.

* § 27. По своему языку и другим родственным связям калмыки являются монголами, хотя они несколько, может быть, отличаются от своих предков, которые создавали некогда царство великого Чингис-хана. Абулгази приводит некоторые слова из старого монгольского языка, которые в теперешнем монгольском языке не находят объяснения. В этом нет, конечно, ничего удивительного, так как и в языке самых культурных народов Европы наблюдается то же самое. Крупные перемены в жизни отдельных государств нередко оказывали большое влияние на их язык. Где же могли происходить подобные явления чаще и в большем размере, как не в тех областях, которые входили в состав владений великого Чингис-хана? Если мы вспомним, что монголы и татары составляли первоначально один и тот же народ, то, конечно, в языке их в это время не было никакого различия, но оно появилось позже, причем различие между языками все увеличивалось, пока, наконец, первоначальный общий язык стал непонятен обоим народам. Я должен привести еще кое-какие данные о монголах, в частности, относительно некоторых их родов, которые живут в Сибири в Селенгинском и Нерчинском уездах.

* § 28. После того, как Коблай, последний монгольский государь, который владел южными областями Сибири, выбрал местом своего пребывания Китай,

[1] P. 113.

земля монголов стала рассматриваться, как китайская провинция, причем в ней нередко происходили волнения. Родичи царствующей фамилии восставали против своих далеких повелителей в Китае в надежде создать среди монголов новое государство, которое было бы независимо от главной монархии.[1] Поэтому в стране монголов почти постоянно стояло сильное китайское войско. Некоторые китайские ханы, происходившие из монголов, нередко делали верных им родственников своими наместниками у монголов,[2] чтобы вернее и лучше удержать недовольных в повиновении. Такое положение продолжалось до тех пор, пока сами монголы владели Китаем.

* § 29. Когда я был в Селенгинске, то мне сообщили перевод одной монгольской летописи, в которой приведены имена китайских ханов, происшедших от Коблая, причем в переводе соблюдены монгольские написание и произношение имен. Эти имена совсем не сходны с китайскими именами, которые обыкновенно указывают годы правления, по большей частью они сходны с теми, которые ханы носили до начала своего правления или которые им давались после их смерти. Я сравню эти имена с теми, которые приводятся у Дюгальда и Гобиля, а так же в рукописной китайской истории, составленной на основании лучших китайских и манчжурских летописей недавно умершим китайским переводчиком Ларионом Россохиным.

* § 30. Ульдзутю-хан царствовал 12 лет. Он был внуком Коблая и его наследником, до начала правления он назывался Тимур и, по известиям Россохина, после смерти получил монгольское имя Вань-джеду-Хуанди. Его правление называлось Чингзонг, а по Россохину — Чиндзун и продолжалось 13 лет.

Куллук-хан царствовал 4 года. До того он назывался Гай-хан, годы его правления Вутзонг, по Россохину — Удзун. После смерти его звали Кюлю; он правил 4 года.

Боинту хан царствовал 9 лет, перед тем имел имя Аиюлипалипата; годы его правления назывались Гинтзонг, по Россохину — Жинь-дзун, по смерти он получил имя Пуянду, царствовал 9 лет.

Геген-хан царствовал 3 года, перед тем назывался Хотепала, по Россохину—Шодебала, годы его правления Ингтзон,по Россохину — Индзун, после смерти его имя было Геген; царствовал 3 года.

Иисун-тимур-хан царствовал 5 лет, до того назывался Езун-темур, по Россохину — Ииссун-темур, годы правления его — Тайтинг, по Россохину — Тайдинди, царствовал 5 лет.

Ирдзамал хан царствовал 40 дней. Под этим именем надо подразумевать либо князя Асукепу, по Россохину — Асукебу, либо его соперника Тутемура, по Россохину — Хуай-ванту-темура. Время их правления при-

[1] Gaubil. Hist. des Mongols, p. 133, 138, 182, 204, 206, 210, и др.
[2] Там же, p. 226, 231.

соединяется к последнему году Тайтинга, и поэтому они не значатся в числе китайских ханов.

Кузель-хан царствовал 10 лет, до этого носил имя Гохила, по Россохину — Хошила, годы его правления — Мингтзон, по Россохину — Миндзун, царствовал 1 год.

Заяту-хан царствовал 5 лет, ранее того назывался Тутемур, годы царствования — Вентзонг, по Россохину — Виндзун, после смерти — Джаяду, царствовал 3 года.

Эринценгбал царствовал один месяц, до того назывался Илинчипан, по Россохину — Илинджибан, годы его правления — Нингтзонг, по Россохину — Ниндзун, царствовал один месяц. В виду кратковременности его правления, которое падает на последний год Вентзонга, о нем, как хане, ничего примечательного не сообщается.

Тогон-темур царствовал 28 лет, до царствования носил имя Тогоан-темур, по Россохину — Тогуан-темур, годы царствования — Хунти, по Россохину — Шунди, царствовал 35 лет.

* § 31. Всех вышеупомянутых ханов монголы считают своими ханами, несмотря на то, что местом их пребывания был Китай; поэтому в продолжении своей истории монголы рассказывают, что при последнем хане Тогон-Темуре их страна подпала под власть Китая, где царствовал тогда Дайбун-хан. Это известие надо понимать, как свержение монгольской династии, которое произвел жрец Чау, названный потом Тайтзу, после чего Китай опять получил своих природных правителей, которые называли свою династию Тайминг. Последнее название монголы переделали в Дайбун. Судя по вышеупомянутым известиям, китайцы распространили тогда свою власть и на монголов. Но, по всей вероятности, скоро опять произошли перемены, так как китайские летописи сообщают, [1] что наследник последнего хана бежал в монгольские степи, где он основал новую династию, которую на севере называли Юеновой. По тем многочисленным набегам, которыми монголы беспокоили в XV и XVI вв. после Р. Х. Китайское государство, можно заключить, [2] что, по крайней мере, в это время монголы не находились под властью китайцев.

* § 32. Можно так представить себе последующие события: ханы Юеновой династии, действительно, могли быть ханами монголов, но их постоянно теснили китайцы, и власть их была ограничена очень узкими пределами, и скорее казалось, что монголы находились в зависимости от Китая, чем составляли самостоятельное государство. Потом, мало-по-малу, они окончательно освободились от китайского владычества и своими набегами на Китай старались отомстить за испытанные прежде притеснения. В это же самое время из-за постоянных внутренних междоусобиц они разделились на несколько владений. Те или иные ханы признавались только определенными родами. Другие роды имели своих ханов, и некоторые из них попа-

[1] Gaubil, p. 317.

[2] Du Halde, назв. соч., p. 449, 452, 454, 459.

дали в подчинение к князьям и знатным людям, которые по силе своей не уступали ханам. В этом положении находились они, когда русские, завоевывая Сибирь, дошли до границ Монголии. Каким образом земля монголов опять попала под власть китайцев, о том будет рассказано в последующем изложении истории Сибири.

* § 33. По своему происхождению ни один из сибирских народов не является таким примечательным, как якуты, живущие на нижнем течении Лены. Их язык и внешний вид ясно указывают на то, что они в прошлом составляли один народ с татарами. По своему местожительству они так удалены от татар, что трудно было бы про них сказать что-либо правильное, если бы не сохранилось у них старинное предание, которое проливает свет на их взаимные отношения. Якуты рассказывают, что с незапамятных времен их предки жили вместе с монголами и бурятами, которые известны им теперь только по именам. Якуты прогнали их после некоторой борьбы. Затем на верховьях Лены они сели на плоты, взяв с собой скот, и высадились около Олекмы и Якутска и оттуда распространились по другим ныне занятым ими местам.

* § 34. Различные обстоятельства подтверждают нам, что это предание имеет известные основания. Я считаю, что самыми вескими доказательствами происхождения того или иного народа являются те, которые основаны на его языке. Я уже говорил выше, что, по данным их языка, якуты должны были когда-то составлять один народ с татарами. В то же самое время их язык содержит в себе много слов монгольских и похожих на бурятские. Это подтверждает правильность рассказа об их прежнем местожительстве, которое у них было общим с монголами и бурятами.

* § 35. Состояние местности по верхнему течению реки Лены также служит доказательством того, что народ, привыкший жить в степях и получавший средства к жизни преимущественно от скотоводства, только по причине войны или с отчаяния мог выбрать своим местопребыванием берега этой реки. Лена в большей части своего течения протекает между высокими и отвесными горами, где для разведения скота в большом размере было весьма мало удобных мест. Только близ Олекмы и там, где теперь стоит Якутск, можно найти по берегам обширные луговые пространства, которые показались беглецам пригодными для поселения, и там они на самом деле основались. У них не было иного выхода, как перевезти свой скот на плотах, так как другие, жившие там, народы совсем не занимались скотоводством, и потому якутам пришлось везти сюда весь свой скот.

* § 36. Примечательно еще то, что якуты себя называют «соха», во множественном числе «сохалар». Это название совпадает с тем, которое имеет один небольшой татарский род Красноярского уезда. Татары производят свое название от князя Татар-хана, который в седьмом колене происходил от Иафета, сына Ноя. [1] Якуты же среди почитаемых ими богов имеют одного,

[1] **Abulgasi**, Part. I, стр. 3, p. 27.

которому они присваивают имя древнего татарского князя Татара. Этим не только подтверждается родство между якутами и татарами, но этот факт можно даже принять, как сильное доказательство древности татарской истории. В течение многих столетий, благодаря большой своей отдаленности, якуты жили отдельно от татар и в это время не могли иметь с ними ничего общего. У них не было письменности и книг, откуда они могли бы взять имя обоготворенного князя. Из этого видно, что предание не могло возникнуть в новое время и что оно относится, по крайней мере, к той глубокой древности, когда якуты жили еще вместе с другими татарами и монголами.

§ 37. Некоторые писатели [1] причисляют к татарам и монголам также тунгусов, один из самых значительных сибирских народов, живущих начиная от реки Енисея до берегов Великого океана, но для этого не имеется никаких оснований. Я считаю тунгусов первыми обитателями тех стран, которые они занимают поныне. Судя по их совершенно непохожему на другие языку, тунгусы имеют особое происхождение. Занимая громадные пространства и кочуя там с места на место, тунгусы до русского владычества не могли находиться в зависимости от какого-либо иного народа.

§ 38. У живущих по реке Лене тунгусов есть предание, унаследованное ими от своих предков, что когда якуты прибыли в те места, предки их оказали сильное сопротивление непрошенным гостям и не хотели их пропустить, но были побеждены. Они указывают на место, где происходила кровавая битва между якутами и тунгусами, неудачная для последних. Это место находится недалеко от устья впадающей в Лену реки Патомы. Там тянутся горы, которые русскими называются Гусельными. Последствием этой первой встречи является продолжающаяся еще до сих пор вражда между этими двумя народами. Когда случается тунгусам встретить на охоте на Витиме, Патоме, Олекме и в других тамошних местах якутов, то редко дело обходится без столкновения между ними.

§ 39. Несмотря на то, что некоторые тунгусы, а именно те, которые живут в степях Нерчинского и Селенгинского уездов, занимаются скотоводством и имеют некоторое сходство в образе жизни с татарами и монголами, все-таки это еще не является достаточным доказательством общности их происхождения с последними. Скорее можно сделать обратное заключение: так как они не имели на своем тунгусском языке собственных названий для различных пород скота и многих предметов, касающихся скотоводства, то заимствовали их от соседних монголов. Из этого можно сделать вероятный вывод, что в древности эти степные тунгусы, подобно остальным тунгусам, жили в лесах и на горах средней Сибири; они ничего не знали о скотоводстве как все лесные тунгусы, ездили на северных оленях и только при перемене своего места жительства привыкли к образу жизни других степных народов.

---

[1] Примечания к Абулгази, стр. 345. Strahlenberg, SS. 51, 52, 135, 424.

§ 40. То же самое надо сказать и о даурских и манчжурских народах, находящихся под властью китайцев и живущих по ту сторону рек Амура и Аргуни. Что эти народы когда-то были одним народом с тунгусами, показывает сходство их языков. И этому нисколько не противоречит то, что в китайской истории эти народы постоянно встречаются под названием восточных татар. Как известно, китайцы никогда не различали по отдельности народы, жившие за стеной и на границах с Китаем, и всех их смешивали под одним общим названием татар. Это происходило, вероятно, оттого, что татары со времен великого Чингис-хана и его ближайших преемников больше всех других были известны Китаю своей храбростью.

§ 41. Если бы кто-либо хотел узнать время, когда тунгусы и происшедшие от них дауры и манчжуры переселились из сибирских диких мест, густых лесов и гор в пограничные с Монголией и с Китаем степи, то ничего больше сказать нельзя, как только, что это произошло не раньше ухода татар из названных мест. О том, что эти земли находились сначала во владении татар, свидетельствует прежде всего татарская история, [1] а затем многочисленные находимые там остатки древностей являются также достаточным доказательством их принадлежности татарам, так как тунгусы и дауры единогласно утверждают, что эти остатки не принадлежат им, и что, следовательно, окончательное переселение тунгусов и дауров совершилось после победоносного завоевания татарами Китая. Надо думать, что переселение было предпринято не всеми сразу, что отдельные роды и семьи мало-по-малу избирали себе новый образ жизни и, в виду связанных с ним удобств, находили себе все больше и больше последователей. Многие примеры указывают, что с тех пор, как Россия стала владеть тамошним краем, еще на памяти современных людей, некоторые тунгусские роды, которые сначала жили в лесах и разводили оленей, частью добровольно, частью по нужде, так как олени их постепенно вымерли от повальных болезней, переселились в степи и там стали заниматься скотоводством.

§ 42. Про немногочисленный народ Красноярского уезда, который известен под именем аринцев, Страленберг [2] записал сохранившееся у них сказание, полагая, что оно может служить для объяснения древнейшей истории этих мест. Он спросил аринцев, почему их так мало, между тем как они имеют свой собственный язык, на что получил в ответ, что название их происходит от слов «ар» или «ара», означающее у них «шершень», с которым их сравнивали, так как в древнее время они были великим и могущественным народом, побивавшим многих людей. Но однажды на их землю нашло бесчисленное множество змей с человеческими головами, блестевшими, как солнце. С этими змеями они сражались, но те их победили, и многие погибли от их укусов, остальные же вынуждены были покинуть свою землю. Этот рассказ сам по себе, по многим обстоятельствам, так же неправдо-

---

[1] **A b u l g a s i, Part. II, c. IX, p. 104 и сл.**
[2] Einleitung. S. 86.

подобен, как неправильны и присоединенные к нему исторические рассуждения самого автора.

§ 43. В Красноярске я встретил одного старого человека, который происходил из аринцев; он жил при речке Бузиме, впадающей в Енисей. Он один говорил на языке аринцев и сохранил в своей памяти то сказание, которое привел Страленберг. Он припомнил, что несколько лет тому назад рассказывал эту историю приезжим чужеземцам. Но он уверял меня, что в отдельных подробностях в рассказ Страленберга, который я ему передал, вкрались неточности: имя «ара», или во множественном числе «аралар» — татарское, и оно было дано аринцам с незапамятных времен татарами, жившими около Красноярска. Шершень означает по-татарски «ара», а по-арински — «суссай». Впрочем, и аринцы пользуются этим именем в разговоре между собой, и никто не знает, как назывались они на своем языке в древние времена. О местах жительства аринцев, с которых они были изгнаны змеями, он не знал ничего. По его словам, аринцы с незапамятных времен жили по Енисею и занимали его западную часть от устья речки Качи, где стоит город Красноярск, до порога, который отделяет Красноярский уезд от Енисейского. Самое большое их селение находилось на большом лугу, недалеко от того места, где теперь Подъемное село. И там, по старинным их рассказам, и было дело со змеями при следующих обстоятельствах. Один из жителей этого аринского селения, которое было расположено ниже Подъемного, однажды ранил змею, но она от него ушла живой. Вскоре после этого на противоположном берегу Енисея раздался крик будто человека, который просил перевезти его на другой берег реки. Один из жителей селения переехал туда на своей маленькой лодке. Когда он подъехал к берегу, то там не оказалось ни одного человека, но совершенно неожиданно в его лодку бросилась масса больших змей, среди них одна была необычайной величины, с большой головой и с телом блестящим, как золото. Она обратилась к тому человеку на аринском языке, говоря, чтобы он не боялся и перевез бы их на ту сторону. Ему лично не будет причинено никакого вреда, но только при условии, что он никому из остальных жителей селения ничего не расскажет. Если же он что-нибудь сообщит, то погибнет вместе с остальными. Для того, чтобы его юрту можно было отличить от других, он должен посыпать около нее пеплом и протянуть кругом нее аркан (веревку из лошадиного волоса). На этих условиях человек перевез змей, которые, добравшись до земли, рассыпались во все стороны. Человек же этот, придя к себе в юрту, поступил со своим жилищем так, как ему было указано. В следующую ночь от змей погибли все жители селения, за исключением этого человека с его семьей. Оставшийся тот человек ходил по всем юртам и всюду на трупах видел, что из всех отверстий тела, а именно из ртов, носов, ушей и т. д., торчали хвосты змей. Старик рассказчик прибавил еще, что в течение долгого времени аринцы очень боялись змей, и никто из них не решался причинить им какой-либо вред. Этот страх мало-по-малу прошел, и сейчас они не

боятся убивать их там, где находят. С тех пор прочие аринцы, жившие в соседних селениях, не размножались, но постоянно уменьшались в числе. Когда я был в Красноярске, от всего народа осталось только 9 семей, [1] в которых с трудом можно было бы признать аринцев, если бы они сами себя за них не выдавали, потому что, за исключением одного названного старика, все уже давным позабыли свой родной язык и говорят только по-татарски, так как с незапамятных времен путем браков породнились с татарами.

§ 44. Человек непредубежденный ни в коем случае не может признать этот рассказ настолько важным, чтоб на основании его можно было говорить что-либо о происхождении целого народа. Все народы как культурные, так и некультурные имеют свои сказки, которые матери рассказывают детям в часы отдыха. Но кто же станет искать в них разрешения исторических тайн? Собрать из древних историков и географов имена народов, рек и стран и сравнивать их с именами вновь открытых народов, рек и стран, о которых у древних не могло быть каких-либо сведений, в мелочах и несущественных обстоятельствах находить сходство между теми и другими, а где совсем нет сходства, то толковать обстоятельства определенно в свою пользу и на основании этого делать сравнения, предположения, заключения и приводить доказательства, которые должны служить основой для истории, — все это, по-моему, не способствует тому, чтобы получить название осторожного и беспристрастного историка. Правильнее будет, если события древних времен из жизни отдельных народов, за неимением основательных доказательств, оставлять попрежнему неразъясненными, чем давать им неправильное освещение.

§ 45. Именно таким образом я рассуждаю обо всех прочих сибирских народах, если в татарской, древнегреческой или римской историях нет данных, которые могли бы прямо и непосредственно к ним относиться. Они жили слишком далеко, чтобы можно было что-либо о них узнать. Походы греков и римлян не распространялись за пределы северо-восточной части Азии, а культурное состояние сибирских народов не дает возможности предполагать, что они были в числе тех народов, которые стали известны, благодаря своим походам из северных стран на юг.

§ 46. Может ли быть что либо бессмысленнее того, когда какой-то неизвестный писатель [2] сообщает, будто некоторые думают, что самоеды — те древние скифы, которые отправляли своих послов к Александру Великому. Если же спросить, кто же этому поверит, то в доказательство приводится рукописная русская повесть, в которой история этого героя так представлена, что едва можно отличить правду от вымысла. В одной русской летописи, составитель и время написания которой неизвестны, к тому же и содержит она в себе мало ценного для истории, упомянутое событие описывается следую-

[1] О теперешнем числе аринцев и причинах их убыли у Страленберга на стр. 85 приводятся другие данные, но его рассказ основан на плохих источниках.

[2] Staat von Siberien, S. 123.

щим образом: Александр во время своих походов будто бы дошел до Печерских или, как раньше их называли, Югорских гор, неприступность которых положила границу его победам, и туда-то прибыло к нему посольство самоедов.

* § 47. Известно, что рассказывается про родство между остяками, пермяками и финнами, [1] и как живущие около Томска остяки будто бы сами о себе объявляют, что они происходят из земли Сауомис, т. е. Финляндии. [2] Нельзя конечно отрицать того, что остяки и вогулы, живущие в уездах Тобольском, Березовском и Сургутском, имеют во многом и особенно в языке нечто общее с пермяками и финнами. Можно слышать от них самих рассказ о том, как произошло, что они в тех местах оказались пришельцами, причем одни считают, что они происходят от пермяков, другие от самоедов, а третьи от татар. Нужно признать весьма вероятным приводимый Мюллером [2] рассказ о том, что в то время, когда пермяки были обращены в христианство епископом Стефаном, [3] многие из них, не желая принимать христианство, бежали из Пермской земли в отдаленные местности — на реку Обь и там искали защиты для своих старых верований. У этих обских остяков найдено много идолов, про которых они рассказывают, что эти идолы привезены ими из Пермской земли. Но все это совершенно не касается остяков Томского уезда. Стоит только обратить внимание на их язык, и тогда станет ясно, что они вместе с нарымскими остяками составляют особый народ, совершенно отличающийся от сургутских, тобольских и березовских остяков и, наоборот, имеют большое сходство с самоедами. Совершенно непонятно, как мог Страленберг найти приведенный выше рассказ среди томских остяков. С своей стороны, я должен сказать, что я тщетно расспрашивал их о земле Сауомис.

§ 48. Таким же образом приходится судить и о том, когда Страленберг [4] признает барабинских татар и остяков за один народ, основываясь на заявлении тех и других, и на том что «варама» — финское слово, означающее гористую местность. Страленберг спросил барабинцев, почему они по-иному называют себя теперь, если издавна они составляли с остяками один народ, на что будто бы получил в ответ, что они назывались своим теперешним именем уже тогда, когда жили вместе с остяками. Но Страленберг, несомненно, приписал барабинцам тот ответ, который был ему желателен. Ведь, как доказывает их язык, барабинцы по происхождению своему татары, и слово «бараба» или «барама» не является названием народа, а служит для обозначения одного из родов, как Луба, Теренья, Тунус и т. п. — названия других родов. Такой малосведущий народ охотно может сказать то, что от него хотят услышать. Впрочем, как остяки, так и барабинцы едва ли когда-либо признают родство между собой.

---

[1] Joh. Bernh. Müller. Leben und Gewöhnheiten der Ostiaken, у Weber'a, Verändertes Russland. 1. Th., S. 187; Strahlenberg, S. 74.

[2] Strahlenberg., l. c.

[3] Это произошло по русским летописям в 6880 или 1372 г.

[4] S. 321.

§ 49. Совершенно излишне говорить здесь о тех сибирских народах, о которых нет никаких известий до их покорения русскими. Мы займемся поэтому более обстоятельно одним татарским владением, которое было известно в Западной Сибири еще задолго до русской власти, причем дадим в дальнейшем связное изложение событий вместо отдельных и случайных замечаний, которые нам приходилось высказывать до сих пор.

* § 50. Все известное нам об этом татарском владении основано, правда, только на устных преданиях, которые сибирские татары получили от своих предков, но это не лишает достоверности историю этого владения. Эти предания вскоре после завоевания Сибири были записаны и вошли в состав сибирских летописей. Эти летописи двух родов: обыкновенные, с которых часто встречаются списки у любителей истории в России и Сибири, и одна особенная, которую необходимо отметить отдельно. Я нашел эту летопись в Тобольске, и владелец согласился продать ее мне. Так как, насколько мне известно, это был единственный список этой летописи, я передал его в Библиотеку Академии Наук. Она более подробная и во многом более точная, чем остальные, несмотря на то, что тоже имеет свои ошибки. Изложение летописи сопровождается в ней плохими рисунками. Так как составителем этой летописи мне называли тобольского дворянина или сына боярского Ремезова, то я там, где в особенности на нее ссылаюсь, буду называть ее Ремезовской летописью. Из прочих же летописей уже составлено и напечатано извлечение, касающееся того времени,[1] когда существовало указанное татарское владение. В этом извлечении многие имена совсем не упомянуты, а некоторые события излагаются совсем неверно. Поэтому не будет излишним, если в последующем повествовании кое-что будет мною повторено и при том прибавлены будут некоторые мои замечания.

§ 51. На реке Ишиме, которая впадает в Иртыш, жил много лет тому назад один татарский князь или хан ногайского происхождения по имени Он, которому были подчинены не только жившие по Иртышу, Тоболу и Туре татары, но и окрестные вогулы и остяки. Против него восстал один из его подданных, по имени Чинги, лишил своего государя жизни и был признан вместо него ханом всеми татарскими родами той страны. Несовершеннолетний сын убитого хана Тайбуга спасся во время этих волнений. Он долго скитался по разным местам, пока Чинги не узнал о его местопребывании. Он обещал бежавшему Тайбуге свою милость и покровительство, если он подчинится ему и прибудет к его двору. Тайбуга последовал призыву и после того в особой чести жил при дворе Чинги. Последний передал ему значительную часть наследственных владений его отца и поставил его начальником значительного отряда, с которым он должен был служить своей родине. Тайбуга совершил несколько походов против живших по реке Оби остяков и заставил их платить татарам ясак. Наконец, он просил у Чинги разрешение иметь

---

[1] Müller. Von den Ostiaken, гл. I § 5, у Weber'a, Verändertes Russland, 1. Th., S. 177.

свой собственный двор и, когда ему это было дано, выбрал себе местожительство на реке Туре, где стоит ныне город Тюмень. Он сам построил там город, который в честь Чинги назвал Чингидином. В нем он спокойно дожил до глубокой старости и оставил наследство своему роду, не упоминая ничего о Чинги и его потомках.

§ 52. Так гласит начало повести в том виде, как приводится она в обыкновенных сибирских летописях. В Ремезовской же летописи сообщается, что в начале на Ишиме правил Он-Сом хан, который близ устья этой реки, при впадении ее в Иртыш, на крутом красном яру (по-татарски «кизыль-яр») имел свою резиденцию — укрепленный городок, окруженный тремя валами. По тому месту город этот назывался Кизыл-тура. Преемник Он-Сома назывался Иртышак, от него река Иртыш получила свое название. На Иртышака напал тюменский хан Чингис и его победил. После него правил па реке Ишиме Саргачик, по имени которого некоторые ишимские татары называют себя саргачиками.

§ 53. С этим надо сравнить еще третий рассказ, который приводится в той «ведомости», которая при отмеченных выше обстоятельствах была составлена по приказу тобольского воеводы Петра Ивановича Годунова. [1] Когда монгольский хан Чингис подчинил себе Бухару, то один царевич Казакской или называемой ныне Киргиз-кайсацкой орды, по имени Тайбуга, сын хана Мамыка, выпросил у Чингиса себе во владение места по рекам Иртышу, Тоболу, Ишиму и Туре. Чингис доверил ему управление этими областями, и потомки Тайбуги продолжали после него владеть теми же землями.

§ 54. Разберем эти три рассказа. В первом представляется мало вероятным, чтобы мятежник и похититель власти осыпал милостями законного наследника и даже доверил ему военную силу, которую последний, мстя ему, мог употребить против него самого. Также невероятно, чтобы изгнанный царевич поверил ласковым уверениям мятежника и, даже если он и поступил столь неосмотрительно, трудно думать, чтобы он при удобном случае не отомстил за смерть своего отца. Во втором рассказе не упоминается Тайбуга, который, однако, не мог быть обойден в связи с последующими событиями, и напротив приводятся неизвестные имена, которые вообще больше нигде не встречаются и легко могли возникнуть по недоразумению. Чингис называется ханом Тюменским, между тем самой Тюмени в то время еще не существовало, и очевидно, что его принимают не за того, кем он был на самом деле. Одним словом, обе сибирские летописи, несомненно, впадают здесь в ошибку. Напротив того, мне кажется более правильным третье известие, и я постараюсь связать его с последующими обстоятельствами.

§ 55. Возможно, что Он или Онсом-хан и Иртышак были князьями в Сибири и владели одновременно один на Ишиме, другой на Иртыше, а, может быть, один наследовал другому. Их правление нужно относить ко времени великого Чингис-хана. После того, как посланный им отряд

[1] § 15.

его войска покорил земли по рекам Иртышу и Ишиму, весьма возможно, что Чингис из-за отдаленности тех мест или по своему природному великодушию не оставил завоеванное за собой, но отдал его во владение одному из князцов, который признал его власть над собой. Это и был вышеупомянутый Тайбуга, но был ли он сыном хана Она с реки Ишима или киргиз-кайсацкий царевич, отца которого звали Мамык, это я оставляю открытым.

* § 56. Новейший писатель по генеалогии [1] считает бухарского князя Бек-он-ди, о котором упоминает Абулгази, [2] одним лицом с Оном, отцом Тайбуги, вероятно, потому, что он здесь нашел некоторое сходство имен, из чего заключил, что приведенное им известие, [3] которое является первым из мною упомянутых выше, покоится на неопровержимых основаниях. Но Бек-он-ди принадлежит к потомкам великого Чингиса и происходит от него в седьмом колене, что никак не согласуется с известными обстоятельствами, так как Тайбуга безусловно происходил из иного рода и жил одновременно с Чингисом. Для этих первых сибирских ханов необходимо составить новую родословную, в которой, из-за недостатка более точных сведений, нельзя восходить дальше Она или Мамыка.

§ 57. Если Он, отец Тайбуги, считается ногайского происхождения, то здесь следует подразумевать ногайских татар, которые прежде были очень многочисленны и своими кочевьями простирались от Яика до Иртыша. Об этом в Уфе и в Сибири имеются следующие доказательства. В Уфимском уезде есть место, через которое прежде проходила дорога к кочевьям этих татар. Она называлась Ногайская дорога, и когда я ехал вверх по Иртышу, то слышал, как кто-то называл местности, лежащие к западу, Ногайской степью. Только в начале прошлого столетия ногайцы были оттеснены калмыками, ушли с этих своих старых мест и переселились в окрестности Астрахани. Некоторые из них еще и до сих пор кочуют в Астраханском уезде. Другие же присоединились к кубанским и крымским татарам, с которыми они составили один народ.

§ 58. Я предвижу только одно возражение, которое можно сделать против принятого здесь исчисления времени, когда владел Тайбуга, так как известных его потомков, кажется, недостаточно, чтобы заполнить время от Чингиса до русского завоевания Сибири. Но на это можно с полной вероятностью заметить, что либо потомки Тайбуги, ведя довольную и умеренную жизнь, достигали более преклонного возраста, чем обыкновенно, или же что часть имен его потомков по забвению не указывается в предании. По крайней мере, мне это кажется более естественным, чем представлять дело так, что Тайбуга был назначен правителем всех упомянутых сибирских областей каким-то бунтовщиком, имя которого, однако, совсем сходно с именем хана Чингиса.

---

[1] Die Lohmeierischen Geschlechts-Tafeln verbessert von Gebhardi, 3. Th., Tab. 41.

[2] S. 484.

[3] Взято им у Вебера, «Verändere Russland».

§ 59. Что Чингис-хана легко могли превратить в бунтовщика, видно из того, что уже вскоре после его смерти ему был брошен упрек, что он был человеком простого происхождения. Карпини [1] приписывает начало его могущества разбоям, которыми он сначала промышлял, а Рубруквис, [2] соглашаясь с Карпини по поводу разбоев Чингиса, превращает его еще в кузнеца. Мнение этих монахов ничем нельзя подкрепить, хотя они объездили монгольские и татарские страны вскоре после смерти Чингиса, были при дворе его ближайших преемников и, следовательно, могли получить более точные сведения об их происхождении. Все восточные писатели опровергают такое низкое происхождение Чингиса, которое ни на чем другом не основано, как на клевете его врагов и в особенности побежденных народов. Поводом для последней выдумки послужил старинный обычай монголов в их ежегодный праздник ковать раскаленное железо. [3]

§ 60. Я не могу не упомянуть здесь, что предположение Пти-де-ля-Круа, [4] который связывает происхождение вышеупомянутого обычая с находкой железа и открытием способа его обработки в горах Иргене-конских, более вероятно, чем мнение Абулгази, [5] который описывает это дело весьма неестественно, говоря, что необходимо было расплавить всю гору, чтобы дать выход потомству Каяна и Нагоса из долины Иргене-конской. Примечательно, что, как говорят, калмыцкий владетель Галдан-церин, после долгих поисков, нашел между горами такую же долину, как Иргене-конская, описанная Абулгази, в которую имеется такой узкий проход, что два стражника могут достать в нем друг друга копьями. Долина эта лежит в пределах его владений, только неизвестно точно, где она находится. Рассказывается также, что этот владетель услышал рассказ об Иргене-коне от бухарцев, и тогда ему пришло на мысль, что, если это место вообще существует, то оно могло бы быть ему крайне нужно, чтобы во время военной опасности спасать там свои сокровища и свою семью.

§ 61. Мы опять вернемся к рассказу о Тайбуге, который, по сведениям сибирских летописей, имел пребывание на месте нынешней Тюмени. До сих пор можно видеть там остатки прежнего татарского городка, который состоял из небольшого укрепления, расположенного между двумя буераками речки Тюменки, которая, протекая через город, впадает в реку Туру. Тамошние татары называют до сих пор этот городок, а также и построенный позже город, Чимги или Чимги-тура, но откуда произошло это название они не знают. Ясно, что оно соответствует Чингидину, о котором рассказывают летописи и которое дал именно этому месту Тайбуга в честь своего благодетеля хана Чингиса. От небрежности тех, которые занимались переписыва-

---

[1] В описании татар, которое приложено к описанию его путешествия, гл. 5.
[2] Гл. XIX.
[3] Petis de la Croix. Histoire de Genghis Chan, lib. I, cap. I, p. 8.
[4] Назв. место его труда.
[5] Part. II, c. V, p. 75 и сл.

нием летописей или от многократного списывания их, могла произойти отмеченная перемена в названиях.

§ 62. Так как Тура по-татарски и бухарски означает городок или укрепленное место, то, может быть, река Тура получила свое название от старого татарского городка Чимги. Башкиры не имеют для тюмен-

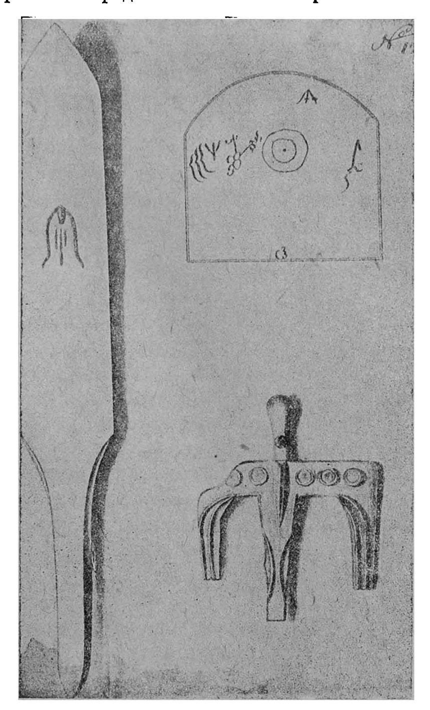

Рис. 17. Предметы древности вогулов Верхотурского уезда.
(Арх. Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 39/46).

ских и тобольских татар никакого другого названия, как турали; они объясняют это название тем, что татары спокон веков жили в городах и укрепленных местах, или, по крайней мере, на одном и том же месте, в то время как сами башкиры часто переменяли свое местожительство в степях. Слово же «тура» у них в этом смысле мало употребительно, они чаще обозначают города и укрепленные места «калла». Можно еще прибавить, что Абулгази [1] для обозначения мест по Иртышу, Тоболу и Туре пользуется

[1] Стр. [illegible] и сл.

особым названием Туран; в другом же месте [1] он употребляет это слово в том обычном для восточных историков и описателей земель смысле, когда речь идет о разделении некоторой части Азии на Иран и Туран.

§ 63. При этом нужно принять также во внимание, что татары название реки Туры произносили как Туре, и что вогулы, которые, вероятно, были более древними, чем татары, обитателями тех мест, называли эту реку Тере или Тере-я. Следовательно, татарское название могло произойти от вогульского. Кроме того, кажется можно дать другое объяснение тому месту Абулгази, где он называет Тураном местности по Иртышу, Тоболу и Туре. Он рассказывает про хана Кучума, что последний правил в Туране. Не касаясь пока вопроса об его владениях, которые, как будет сказано в своем месте, находились на Иртыше, и принимая во внимание, что Кучум был потомком бухарских ханов, может быть, Абулгази под именем Турана имел в виду его родину, а не те земли, которыми он владел в Сибири. Таким образом, общепринятое значение слова Туран сохраняет свою силу и должно отличаться от названий Ирана или Персии. [2] Это страна, известная также под именем Мавранара, у древних носила название Оксуса, а теперь называется также Аму-дарьей. Надо сказать, что составитель примечаний к труду Абулгази ошибается, [3] когда утверждает, что под именем Турана надо разуметь по преимуществу те области Сибири, которые находятся между Ледовитым океаном, рекой Енисеем и Кавказскими горами (он разумеет здесь, конечно, Югорские и Уральские горы), не включая сюда ту часть Бухары, которая лежит к северу от Аму-дарьи.

§ 64. После Тайбуги, по сибирским летописям, князем в Сибири был сын его Ходша, а после него сын последнего Мар. Мар, рассказывается далее, был женат на сестре казанского хана Упака, который начал с ним войну и коварным образом умертвил Мара. У последнего было два сына: Обдер и Ебалак, которых победитель в знак своей победы взял с собой в Казань, где они вскоре также окончили свою жизнь.

§ 65. С этих пор город Чингидин или Чимги с подчиненными ему землями находился некоторое время в зависимости от Казани. Махмет, сын Обдера, и Ангиш, сын Ебалака, были в детстве, во время нападения казанского хана, отвезены знатными татарами в безопасное место и тайно там воспитывались. Когда первый из них стал взрослым, то начал думать о том, как бы ему свергнуть казанское иго, и нашел среди своих людей такую большую и смелую поддержку, что хан Упак, который в то время находился в Чимге, вместе со многими казанскими татарами, поплатился жизнью. В казанских летописцах ничего, однако, не говорится о хане Упаке; поэтому нельзя определить время, когда все это произошло. Не помогает здесь и Ремезовская летопись, в которой вместо Упака встречается Алым, но и это имя не на-

[1] Стр. 328.

[2] Herbelot в его словаре (в конце первой части «Description de la Chine») под словами Iran, Touran, Maourannahar.

[3] Стр. 329.

ходится среди имен казанских ханов. Вероятно, Упак происходил из какого-то особого рода, каких могло быть там очень много, почему они остались неизвестны казанским летописцам.

§ 66. Махмет замечателен еще и тем, что он перенес свое пребывание с реки Туры на Иртыш. Этот переезд был вызван, кажется, не теми или иными преимуществами нового места, так как положение Чимги на реке Туре много выгоднее, а скорее соседством с Казанским царством и страхом постоянного нападения с его стороны. Несмотря на то, что Чимги с трех сторон был защищен глубокими буераками, а с четвертой стороны укреплен валом и рвом, однако, в виду ровной местности вокруг него, в случае нападения не мог считаться безопасным местом. Махмет выбрал потому для своего пребывания довольно высокую местность на восточном берегу Иртыша и приказал ее укрепить. Это так называемый старый татарский город и крепость Сибирь, остатки которого еще и сейчас можно видеть в 16 верстах выше Тобольска.

§ 67. Вообще думают, что Сибирь является татарским названием местности и означает не что иное, как главный город. Если же спросить об этом тобольских татар, то такое значение является для них совершенно неизвестным. Они называют это место Искером, [1] который тоже, кажется, не является собственным именем, потому что Шарден [2] под этим самым названием упоминает один город в Грузии. Название «Сибирь», кажется, возникло в России и происходит, по всей вероятности, из языка того народа, который дал первые сведения об этой стране; я имею в виду пермяков или зырян, и от них оно перешло затем к русским. В последующем изложении мы увидим, что земли по Иртышу, Тоболу и Туре, задолго до русского завоевания, были известны под названием Сибири, которое затем и было присвоено в особенности названному татарскому городу.

§ 68. После смерти Махмета летописи называют князем в Сибири Ангиша, сына Ебалака, которому наследовал Касим, сын Махмета; он оставил двух сыновей: Едигера и Бекбулата, которые одновременно занимали княжеский престол своих предков. Кроме этих князей, Ремезовская летопись упоминает некоего Сенбахту, сына Махмета, и еще одного по имени Саускана, но родственные связи и время правления последнего не указаны. При всех этих князьях, по словам той же летописи, было много знамений и явлений, которые предвещали предстоящее падение татарской власти в Сибири. Я не знаю, правильно ли я поступаю, если привожу рассказ об этом; впрочем, я это делаю лишь по той причине, что мне не очень хочется отступать от моего источника. По его словам, жившие в окрестностях Сибири татары часто видели на воздухе над тем местом, где теперь стоит город Тобольск, христианский город с церквами и колокольнями и слышали при этом колокольный звон. Во время правления Сенбахты, как-то летом, вода в Иртыше стала красной, как кровь, и земля, вместе с растущей на ней травой, тоже

[1] В Ремезовской летописи этот город называется Кашлык, но это название, как я слышал, не употребляется ни у одного народа.

[2] Voyage de Perse, t. I, p. 157.

стала кроваво-красной, а потом вся почернела. Высокий утес, на котором стоит теперь Тобольск, выбрасывал золотые и серебряные искры, причем упомянуто, что то место называлось тогда Алтып-Аргинаком. Далее, при князе Саускане на небе были видны огненные столбы, которые простирались до самой земли. Свидетелем этих чудес был татарин мурза Девлет-бай, который жил около Тобольска па Панином бугре, в городке, носившем название Бицыктура. Названия Бицыктура и Алтып-Аргипак в данное время совсем исчезли из памяти тобольских татар, так же как и на Панином бугре нет никаких следов бывшего здесь когда-то городка. Имя же князя Саускана сохранилось в названии луки на западной стороне реки Иртыша, выше Тобольска,где река делает большой изгиб, называемый Саусканской лукой.

* § 69. Во время владения двух последних князей Едигера и Бекбулата произошли большие перемены, которые лишили эту княжескую семью ее владельческих прав. Но как все это произошло, об этом рассказывается по-разному. В одной летописи, от которой мы имеем только небольшой отрывок, но известия которой вполне согласны с известиями других летописей, сообщается следующее: во времена Едигера и Бекбулата пришел на Иртыш с войском хан Казакской орды по имени Кучум, сын Муртазы, взял город Сибирь, убил обоих братьев князей и подчинил себе всю землю. Только Сейдяк, сын Бекбулата, спасся от него и был отправлен для безопасности в Бухару. Другие сибирские летописи говорят, что Сейдяк, после смерти своего отца и дяди, правил в Сибири, пока не пришел из Казакских степей Кучум, который взял город и принудил Сейдяка бежать в Бухару.

§ 70. Так как различные известия, содержащиеся в летописях, основаны, главным образом, на устных преданиях тобольских татар, то они естественно должны сильно отличаться друг от друга в зависимости от искусства передававших эти рассказы и записавших их. Я интересовался тем, что же из этих преданий осталось в данное время в памяти современных татар. Таким образом мне удалось узнать не только о тех обстоятельствах, которые сопровождали перемену власти в Сибири, но и о судьбе самого князя Сейдяка. Едигер, по этим собранным мною рассказам, оставил после себя беременную жену. Знатные татары не хотели ждать, когда княгиня разрешится от бремени, так как между ними не было согласия относительно того, кому править в Сибири. Они отправили посольство к хану Большой Бухары Муртазе, прося его прислать им в князья одного из своих сыновей. Муртаза отпустил к ним в Сибирь своего среднего сына Кучума с многочисленной свитой. По прибытии он был всеми признан ханом. Тем временем беременная вдова Едигера бежала в Большую Бухару и там у одного сеита (так назывались люди, ведшие свое происхождение от пророка Магомета) нашла очень сочувственное отношение к себе; сеит принял несчастную изгнанницу к себе в дом и предоставил ей все необходимое.Здесь у нее родился Сейдяк, а это имя значит маленький сеит; оно было дано ему в знак признательности и большого уважения к его приемному отцу.

§ 71. Абулгази сообщает[1] вполне точные известия о хане Кучуме и его происхождении из рода великого Чингис-хана. Только во французском переводе его сочинения имена написаны не так, как они читаются и произносятся по-татарски. Один человек духовного чина, бухарец по происхождению, перевел мне в Тобольске родословную Чингис-хана из татарской рукописи труда Абулгази следующим образом: Чингис-хан, сын Чингис-хана был Джучи, у него сын Шейбани-хан, который правил в Бухаре и принял магометанскую веру; его сын Батур-хан, у него сын Джучи-хан, его сын Бадакул, у него сын Мунга-Темур, у этого сын Беконди-Оглан, сын Бекондн — Али-Оглан, у этого сын Адцимет-хан, который имел двух сыновей: Ибака и Маамута-хана, сыном Маамута был Муртаза-хан и его сыном был Кучум-хан.

§ 72. Так как Абулгази[2] считает, что правление Кучума-хана в Сибири продолжалось 40 лет и что оно окончилось в 1003-м году гиджры (в 1595 г. по Р. Х.), то прибытие Кучума надо отнести к 1555 г. И с этим вполне согласуется приводимое ниже[3] известие о том, что в 1556 г. князь Едигер жаловался русскому царю, что он подвергся враждебному нападению Шибанского царевича. Но когда Ремезовская летопись сообщает, что Кучум через два года после своего прибытия ездил в Казань, женился там на дочери казанского хана Мурата и привез вместе с ней в Сибирь большое количество русских и чувашских пленных, то все это очевидная ошибка, так как тогда Казань уже не имела своих собственных ханов и находилась в полной зависимости от русской власти. Можно лишь допустить, что Мурат был татарским мурзой, принадлежал прежде к Казанскому царству и после завоевания его царем Иваном Васильевичем предъявлял еще на это царство свои притязания.

* § 73. Та же Ремезовская летопись упоминает еще о двух женах Кучума, из которых одна была дочерью мурзы Девлет-бая,[4] другую же звали Сусге. Каждая из них имела свою особую резиденцию, первая в той же самой местности, где жил ее отец, а именно в Бицыктуре на Панином бугре, другая же на мысу высокого берега Иртыша, в 6 верстах ниже Тобольска; это место и до сих пор называется Сусгунским мысом. Вслед за тем в той же летописи опять приводятся рассказы о всяких явлениях и чудесах, которые во времена Кучума вновь повторились.[5] Так, в устье реки Тобола близ Иртыша на песчаном острове в полдень часто являлись два зверя, из коих один, приходивший со стороны Иртыша, был большим белым волосатым волком, другой же, являвшийся со стороны реки Тобола, походил на небольшую черную охотничью собаку. Оба зверя каждый раз боролись друг с другом, причем маленький побеждал большого, и после того оба исчезали в воде.

---

[1] Part. VIII, cap. II, p. 484 и сл.

[2] Стр. 487 и сл.

[3] Гл. 2, § 12.

[4] См. выше, § 68.

[5] См. выше, § 68.

Когда Кучум однажды увидел это, он потребовал, чтобы духовного чина люди и шайтанщики разъяснили ему, что означают эти явления. В ответ он получил такое объяснение: большой зверь означает хана, маленький русского воина, который в недалеком будущем свергнет хана и подчинит Сибирь русской власти. Кучум настолько огорчился всем слышанным, что приказал разорвать прорицателей лошадьми или же умертвить их каким-нибудь другим жестоким образом. Очевидно, что эти сказания были сочинены уже после завоевания Сибири.

* § 74. Необходимо рассмотреть далее, как далеко распространялась власть хана Кучума в Сибири. Татары, живущие по Иртышу и в низовьях Тобола, бесспорно, все признавали его власть. О барабинских татарах, в виду их близкого соседства, можно предположить то же самое, тем более, что они, по их словам, не имели с древних времен над собой никаких других правителей, кроме старшего или главы каждого рода, и потому их тоже можно было покорить без особых усилий. Сомнение вызывают только татары, живущие в верховьях Тобола и по Туре и Исети. Ремезовская летопись указывает, что владения Кучума простирались только до устья Туры и что татары, жившие около Тарханского острога, были последними, которые платили хану дань. Во время завоевания Сибири русскими в Тюмени, по словам той же летописи, сидел отдельный князь, который имел власть над тамошними татарами; впрочем, в других летописях об этом ничего не говорится. Башкиры, которые живут еще дальше, уверяют, будто они тоже состояли под властью хана Кучума. Но этому тем более нельзя поверить, что из последующего изложения будет видно, что башкиры в то время еще не жили в пределах Сибири, но, как и большая часть этого народа в настоящее время, имели свое местопребывание по ту сторону Урала, в пределах Уфимского уезда.

* § 75. Известие о подчинении остяков и вогулов Кучуму нужно принимать с неменьшей осторожностью. На нижнем течении Иртыша и по Оби можно найти много следов старинных городков, созданных, повидимому, природой, без всякого участия в этом людей. Когда я расспрашивал остяков, кем сделаны эти городки, они отвечали единогласно, что в них во время неприятельских нападений жили их предки, а неприятелями их были частью татары с верхнего Иртыша, частью самоеды с нижней Оби, которые нередко беспокоили их, грабили их добро и уводили в полон их жен и детей. Если татары, как приходится думать, и совершали частые нападения на остяков, то из этого еще не следует, что они покорили себе этот народ. Можно признать, что остяки, жившие по Иртышу, подчинялись татарам и платили им дань. Остальные же остяки, а также верхотурские, пелымские и березовские вогулы, за дальностью расстояния, вероятно, совсем не были покорены татарами.

§ 76. Замечательным событием правления хана Кучума было, по рассказам тобольских татар и бухарцев, введение впервые в Сибири магометанской веры. Правда, и до него в Сибирь иногда приходили магометанские проповедники в надежде, что благодаря общности языка им удастся привести язы-

ческий народ к правой вере: впрочем многие из них кончили за то свою жизнь мученической смертью. Один старый шейх, признававшийся ими святым, пришел во времена Кучума из Бухары в Сибирь и стал рассказывать: господь ему открыл, что в Сибири покоится много святых, которые мученически покончили свою жизнь за распространение истинного учения о боге и что они заслуживают того, чтобы ежегодно в их память устраивали поминовения. Он ходил по всем мазаретам или кладбищам и в разных местах показал могилы семи таких святых, называя их по имени. Они были с этих пор признаны таковыми, и их память еще до сих пор почитается татарами.

§ 77. Таким образом и Кучум натолкнулся на большие трудности при введении новой веры. Со стороны своих подданных он встречал послушание и полную готовность платить наложенную на них дань, но одного его приказа было недостаточно для того, чтобы сменить древнее идолопоклонство на новую веру. Так как Кучум не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы провести это силою, то он просил у своего отца Муртазы поддержки. Муртаза послал ему на помощь сына Ахмета-Гирея с войском. Вместе с ними прибыл ахун, несколько мулл и абызов, [1] чтобы провести дело обращения язычников с большей настойчивостью и успехом. Ремезовская летопись рассказывает, что Кучум привез в Сибирь много духовенства из Казани. Но в связи с тем, что сказано выше [2] о женитьбе Кучума в Казани, и это известие является сомнительным. В то время многие, которые не хотели добровольно по закону магометанскому подвергнуться обрезанию, были принуждены к тому силою, а некоторые упорно сопротивлявшиеся поплатились даже за это своею жизнью.

§ 78. Несмотря на все эти меры, обращение произведено было не во всех владениях хана. Некоторые татарские роды, жившие на самом Иртыше и в местах соседних, но отстоявших далеко от ханской столицы, остались поэтому при своей старой вере, так как новое духовенство, занятое делом обращения в местах близких к главному городу, не имело времени дойти со своей проповедью до этих отдаленных мест. Один бий или старшина Аялынских татар, живших в устье Тары, рассказывал мне, что он с детских лет помнит, как его родители и родственники со всем народом той местности еще принадлежали к языческой вере. Известно также, что татары, жившие между Тобольском и Демьянским ямом в Лебауцких юртах и особенно в Туринском уезде, оставались язычниками, пока вместе с остяками не были обращены в христианскую веру. Еще в мое время многие из барабинцев были язычниками; те же, которые уже давно признали магометанскую веру, только несколько лет тому назад приняли обрезание и то лишь после того, как к ним

[1] Это различные звания среди магометанского духовенства в России. Абызы — это обыкновенные священники, мулла обозначает ученого или начальника школы, но они также принимают участие в богослужениях; ахуны стоят во главе всех церковных и школьных дел отдельных округов.

[2] § 72.

тайно прибыл посланный магометанского духовного главы из Томска и Тары и под угрозой наказания за непослушание принудил их согласиться.

§ 79. Поэтому не приходится удивляться, что обращение не затронуло еще более отдаленных остяков. Думают, что они сохранили свою старую веру благодаря их настойчивым просьбам, так как они жили в таких местностях, где не было у них постоянных жилищ, и большую часть времени они должны были проводить в переходах с места на место в поисках рыбы и диких зверей, почему требования магометанского закона могли выполняться ими лишь с большим трудом. Кроме того, здесь сыграла свою роль также разница в языке, которая помешала магометанскому духовенству проповедывать остякам свой закон и ввести у них новое богослужение.

§ 80. Можно предполагать, что Ахмет-Гирей после обращения татар в магометанство отправился в обратный путь в Бухару, чтобы после смерти отца, как его старший сын, принять на себя управление. Но татары рассказывают, что Ахмет остался у своего брата, и оба они согласно и спокойно владели Сибирью.

§ 81. Тем временем, по устным преданиям, князь Сейдяк, последний отпрыск прежнего сибирского правящего рода, достиг в Бухаре совершеннолетия, и так как он знал, что его предки правили когда-то в Сибири, он захотел попытать счастья и вернуть себе отцовское наследие. С этим намерением он прибыл с небольшим отрядом из Бухары к Иртышу и остановился в нескольких верстах ниже города Искера в татарской деревне Саускан-ский аул. Он вскоре получил значительную помощь от татар, признавших его права. Но до борьбы дело не дошло. Может быть, Ахмет-Гирей и Кучум считали Сейдяка слишком ничтожным, чтобы бояться за свою уже твердо укрепившуюся власть, но возможно, что они опасались всеобщего восстания, если бы употребили против него силу. Что же касается Сейдяка, то его отряд не был в состоянии напасть на значительно более превосходившего его и более сильного врага. Однако, в последующем изложении [1] мы встретимся с известием, которое ставит под сомнение самый приход его в это время из Бухары.

§ 82. После этого случилось, как далее рассказывается в тех же устных преданиях, что Ахмет-Гирей, живя в несогласии со своей женой, дочерью знатного бухарского князя Шигея, поссорился со своим тестем. Шигей хотел отомстить за бесчестие своей дочери. Но так как за дальностью расстояния выполнить этот замысел при помощи оружия было трудно, то он решил пустить в ход хитрость. Он отправил нескольких своих приближенных с письмом к Ахмет-Гирею и с приказанием хитростью заманить к себе Ахмет-Гирея и его убить. Когда посланные прибыли к западному берегу Иртыша, недалеко от города Искера, то случилось так, что Ахмет-Гирей как-раз в это же самое время забавлялся на противоположном берегу ястребиной охотой. Посланные, которые его знали, закричали, что они прибыли

---

[1] Гл. 5, § 8.

к нему с письмом от его тестя и с приятными вестями. Они просили его переехать к ним через реку, так как с их стороны не было лодки. Ахмет-Гирей сел в лодку и переехал Иртыш. Но едва он только сошел на западный берег, как подлые убийцы напали на него, привязали его к одной из своих лошадей и пустились в бегство. Говорят, что его мертвое тело было найдено недалеко от места впадения в Тобол речки Турбы.

§ 83. Приезд с Кучумом и Ахмет-Гиреем многих бухарцев, как надо думать, положил начало поселению в Сибири этого народа. Но от этих первых пришельцев осталось очень мало потомков. Большинство бухарцев, живущих в городах Тобольске, Таре, Тюмени и Томске, рассказывают, что их предки перебрались в Сибирь много позднее, только в русское время. И только в одной сеитской семье, которая живет недалеко от Тобольска в Сабанаковых и Тадзымовых юртах, сохранилось предание, что они ведут свой род от времен Кучума. Эта семья замечательна еще тем, что ее родоначальник Дин-аул-ходжа, родом из Ургенча, был женат на дочери хана Кучума по имени Нал-Ханиша. В Тобольске же мне была сообщена следующая родословная: Дин-аул-ходжа имел трех сыновей — Султамет-ходжу, Сеитмемета и Аксеита, которые обосновались в Таре; сыновья Султамета: Юсупходжа и Аюп-ходжа жили в Тобольске. Сыновья же Аюпы-ходжи Султаметходжа и Яя-ходжа жили в мое время в вышеназванных юртах.

* § 84. В заключение Абулгази [1] рассказывает, что хан Кучум в старости потерял зрение и после того, как он был изгнан из Сибири русскими, кончил свою жизнь в стране Манкатской. Об этом в последующем изложении будет приведено обстоятельное известие.

[1] Part VIII, cap. 2.

Глава вторая

ОТКРЫТИЕ СИБИРИ И НАЧАЛО ЗАВОЕВАНИЯ ЕЕ ДОНСКИМИ КАЗАКАМИ

§ 1. Завоевание и заселение Пермской и Югорской земель, которые со стороны России ближе всего граничат с Сибирью, дало первую возможность Российскому государству познакомиться с обширной и известной, но для древних совершенно незнакомой областью, называемой нами Сибирью. Большой горный хребет, отделяющий Сибирь от России, никогда не препятствовал общению народов, живших по обеим сторонам его. Я имею в виду пермяков, вогулов и самоедов, которые с давних времен поддерживали сношения между собой. Следовательно, русским поселенцам в этих местностях было нетрудно получить через них некоторые, хотя и неточные, сведения о соседней Сибири. Этому способствовала также выгодная охота на соболей и торговля, привлекавшая сюда многих. Мало-по-малу русские стали отваживаться, в сопровождении местных жителей, переходить горный хребет и таким образом, в поисках драгоценных шкурок, приобретали более достоверные сведения о состоянии страны. В этом отношении особенно отличались зыряне, жившие по берегам Вычегды и Выми.

§ 2. Я не буду здесь говорить о завоевании Пермской земли, так как это завело бы меня во времена слишком отдаленные. Но нельзя умолчать о завоевании Югорской земли по той причине, что оно дало повод к походу в самую северную часть Сибири еще при великом князе Иване Васильевиче Первом. Этот государь, имеющий великие заслуги перед Российским государством, в последние годы своей жизни особенно много заботился о распространении русской власти на народы, жившие по берегам Ледовитого океана и известные под названием самоедов, а также на их соседей-вогулов. Под 7007-м годом от сотворения мира, или 1499 г. от рождества Христова, [1] в русских летописях описан поход, предпринятый в Югорскую землю и против вогулов, но раньше, чем о нем говорить, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

---

[1] Разницу по греческому летосчислению от сотворения мира и от рождества Христова составляют 5508 лет. К этому нужно только прибавить, что при переводе с одного летосчисления на другое необходимо отнимать 5509 лет в тех случаях, когда упоминаются месяцы сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, так как год начинался тогда в сентябре.

§ 3. Во-первых, отметим, что по-русски говорят Югорская, а не Угорская земля, несмотря на то, что это последнее название, а также имя народа — угричи, иногда встречается в русских летописях. Летописцы, по-видимому, приняли такое название на том основании, что угричи или венгерцы, которые, по свидетельству русских летописей, прошли в конце IX в. н. э. через Россию, вышли из этих мест.[1] Большой горный хребет, отделяющий Сибирь от России, был поэтому назван Югорским камнем или Югорским хребтом, но ни в коем случае нельзя утверждать, что местность получила свое название от соседства горного хребта и что Угория означает страну, лежащую у гор.[2] Второе замечание касается вогуличей или вогулов, ближайшего народа Сибири, живущего в непосредственном соседстве с хребтом и частью даже в самих горах. Вогулы были в те времена гораздо более отважными и воинственными, чем в настоящее время, и доставляли много беспокойства первым русским поселенцам в Пермской земле. Весьма возможно, что первый поход имел своей целью скорее усмирение, чем полное покорение этого народа.

* § 4. Немногое, что нам известно из разрядных книг об этом походе, заключается в том, что предводителями его или, выражаясь тогдашним языком, воеводами были два князя из рода князей Ярославских — Семен Федорович Курбский и Петр Федорович Ушатый, которые имели при себе 4024 дворян и детей боярских из разных городов великокняжеской области.[3] В некоторых степенных книгах[4] кратко говорится об успехе этого похода, а именно, что были взяты многие городки, т. е. небольшие укрепления или обнесенные тыном места, где они жили, было убито и взято в плен много

[1] Samml. Russ. Gesch., B. I, I. Stück, S. 14.

[2] Не говоря уже о том, что слово гора для обозначения такого большого горного хребта, как этот, никогда не употребляется, и название Югорский хребет не имело бы смысла. Неправильность приведенного мнения о происхождении названия от слова «гора» станет ясной, если при произношении слова «Югорская земля» обратить внимание на ударение. Действительно, если бы это слово обозначало страну, лежащую у гор, то ударение падало бы на второй слог, в то время как в слове Югорская оно падает на первый.

[3] В то время в России еще не существовало регулярного войска, которое завел только царь Иван Васильевич под именем стрельцов, вместо них прежде служили дворяне, из них знатные были воеводами и головами, по нынешнему полковниками, а незнатные несли рядовую военную службу, за что получали денежное жалование и землю, носившую название поместья. Дворяне из городов и дети боярские были из самого низкого шляхетства. Дети боярские назывались так потому, что они служили под началом бояр, как их дети. Собственно говоря, их следовало бы ставить ступенью ниже самого мелкого дворянства, несмотря на то, что их потомки в настоящее время считают себя равными прочим дворянам в тех местностях, где это название не употребляется. До сих пор имеются такие дворяне и дети боярские в городах по Волге ниже Казани и по всей Сибири, сыновья которых получают это звание только тогда, когда они, по примеру отцов своих, верстаются в службу.

[4] См. степенные в Академической Библиотеке под № № 12, 13 и 14: «В лето 7007 великий князь Иван Васильевич посла воинство свое на Угорскую землю и на гогуличи (вогуличи). И шедше взяша грады их, и землю повоеваша, и князей поймав приведоша на Москву, прочих же угричь и гогуличь побиша. И приидоша вси здраво к великому князю».

людей, а самые знатные, называвшиеся у них князьями, приведены в Москву.

§ 5. Два года спустя, как говорят разрядные книги, состоялся еще один поход в эти местности под предводительством вышеупомянутых двух воевод и, кроме того, третьего—Василия Ивановича Заболоцкого, по прозванию Бражника. Упоминаются следующие обстоятельства этого похода. [1] Князь Петр Федорович Ушатый отправился с отрядом детей боярских из Вологды вперед и, пройдя 2000 верст по воде по разным рекам, прибыл к Пинежскому волочку. Там ожидал он двинян, важан и пинежан, которым приказано было соединиться с ним. 20 июля, в день пророка Ильи, он отправился дальше в поход, и шел 150 верст рекою Колодою, которой на наших географических картах не имеется, а оттуда, с Оленьего Брода, шел он разными другими реками, между которыми самой значительной была Мезень. Наконец, рекою Печорой он подошел к городу Усташу, который прежде был, кажется, самоедским селением или маленьким городком, и стал ожидать там прибытия двух других воевод. Тут они провели осень, причем укрепили это место по русскому обычаю деревянным острогом. Выступив 21 ноября, во Введеньев день, они дошли через две недели до великого Югорского камня. Если верить описаниям, горы эти доходят до облаков, раздирая их при ветреной погоде своими вершинами. Эти горы тянутся с одного берега моря до другого. Надо иметь в виду отсутствие осведомленности у тех, которые, записывая эти сведения, невольно преувеличивали или просто не были достаточно знакомы с действительностью. Узкий проход в одном месте этих гор дал им возможность пройти через них. Они встретили множество самоедов, из которых 50 человек убили, и получили в добычу 200 оленей. От гор до первого городка Ляпина была неделя пути. Это местечко и сейчас еще является вогульским селением Березовского уезда в Сибири, расположенным на реке Сыгве, впадающей в Сосву. До упомянутого места было пройдено 4650 верст. Их встретили здесь югорские князья, которые приехали на оленях. Повидимому, русские смотрели на них, как на друзей и подданных, так как не сказано, что с ними было какое-либо столкновение. При рассказе о них употреблено

[1] См. разрядные книги 7009 г.: «Послал великий князь князя Петра Федоровича Ушатого да поддал ему детей боярских вологжан. А пошли до Пинежского волочку реками 2000 верст, да тут сождались с двиняны, да с пинежаны, да с важаны. А пошли с Ильина дни Колодою рекою 150 верст, с Оленья броду, на многие реки ходили и пришли в Печору реку до Усташа града. И тут воеводы сождались князь Петр со князем Семеном Курпским да с Васильем Ивановичем Гавриловым, да тут осеновали и город зарубили. А с Печоры реки воеводы пошли на Введеньев день святые богородицы. А от Печоры воеводы шли до Камени две недели. И тут развелися воеводы князь Петр да князь Семен через Камень щелью, а Камени в облаках не видити, а коли ветрено, ино облака раздирает; а длина его от моря до моря. И убили воеводы на Камени самоеди 50 человек, а взяли 200 оленей. От Камени шли неделю до первого городка Ляпина; всех по та места верст шли 4650. Из Ляпина встретили с Одора на оленях Югорские князи. А от Ляпина шли воеводы на оленях, а рать на собаках. (А) Ляпин взяли и поимали 33 городы, да взяли 1009 человек лучших людей, да 50 князей привели. Да Василий же Бражник взял 8 городы да 8 голов. И пришли к Москве дал бог здорово все на велик день к государю.

слово, которое может иметь двоякое значение: либо это были князья с реки Удоры или Одоры, впадающей в Мезень, либо они пришли с Обдоры — древнего остяцкого селения на месте теперешнего русского острога Березовского уезда, недалеко от устья реки Оби. После взятия Ляпина ездили воеводы на оленях, а их войско на собаках по окольным местам и взяли еще 33 остяцких и вогульских городка, причем полонили 1009 человек лучших людей и 50 князей. Сверх того, Бражник взял 8 городков и захватил в плен 8 самых знатных людей. Успешно завершив поход, они все благополучно возвратились в Москву в день Пасхи следующего 1502 г.

* § 6. Все же является сомнительным, можно ли вполне доверять приведенным повестям в отношении года похода, или же последний поход является тождественным с предыдущим. Разные соображения подтверждают это сомнение: 1. Так, об успешном окончании первого похода в разрядных книгах не упоминается, наоборот, об этом говорится очень подробно два года спустя в рассказе о втором походе, поэтому очень вероятно, что был всего только один поход и что в указанной вторичной записи произошла ошибка. 2. Срок в два года кажется слишком кратким для двух таких далеких и трудных походов. Воеводы могли возвратиться из первого похода не ранее 1500 г., и едва ли их так быстро, уже на следующий год, послали снова обратно. 3. Невероятно, чтобы одни и те же лица, в данном случае воеводы, посылались в столь короткий промежуток времени дважды в такие трудные походы. И хотя во втором известии упоминается третий воевода, о котором не говорится в рассказе о первом походе, однако в некоторых летописях сказано, что он принимал участие также и в первом походе. [1] В тех же источниках о походе 7007 г. говорится, что воевода со своими пленниками возвратились в Москву в марте месяце следующего года, что вполне соответствует рассказу разрядных книг о походе 7009 г.

§ 7. Но, как бы ни было, для нас не представляет особой важности, достигнута ли конечная цель, поставленная Югорским походом, в один или в два раза. Достаточно того, что видно, каким образом уже тогда российское войско перешло через Камень и проникло в северную Сибирь. Надо думать, что столь значительные успехи и надежда сделать в этом направлении еще большее побуждали русских предпринимать неоднократно подобные походы, однако, об этом ничего не говорится в летописях. Причиной того, что это дело тогда было оставлено, могла, с одной стороны, явиться трудность пути, а с другой стороны кончина великого князя Ивана Васильевича (он умер 27 октября 1505 года). Его сын и преемник вели-

---

[1] Степенная № 15 и два летописца №№ 7 и 8 Академической библиотеки, согласно об этом пишут: «7007-го году послал великий князь воевод своих князя Семена Федоровича Курпского, да князя Петра Федоровича Ушатого да Василия Бражника с силою, с устюжаны, двиняны, и с вятчаны, и с вычегжаны, на Угорскую землю и на гогуличи (вогуличи). Они-же шедше городы поимаша и землю повоеваша, и князей приведоша с собой на Москву, а иных князей и земских людей к роте приведоша, по их вере, за великого князя, а иных князей и иных людей югрич и гогулич тамо побиша. И приидоша на Москву к великому князю вси здраво лета 7008-го марта».

кий князь Василий Иванович, если основываться на известиях чужеземных писателей,[1] вел много войн с Польшей, Крымом и Казанью. Он впервые внес в свой титул земли Обдорскую и Кондинскую. Под этим названием надо разуметь земли по нижнему течению реки Оби и по реке Конде, впадающей в Иртыш. Из этого можно заключить, что названные земли уже тогда в известной мере были подчинены Российскому государству.

* § 8. Но имеется известие, которое дает основание предполагать, что Сибирь потом опять была забыта, пока, в славное правление царя Ивана Васильевича Великого, она как бы снова была открыта благодаря стараниям одного человека, которого фамилия графов и баронов Строгановых почитает своим предком. Правда, это известие не находится в русских летописях и его приводят только иностранные писатели,[2] но он заслуживает того, чтобы быть включенным в российскую историю, так как идет оно из России и, кроме того, очень правдоподобно. Поэтому я вновь передам его содержание, откинув те погрешности, которые вкрались в него у иностранных писателей, и дополнив его некоторыми примечаниями.

* § 9. Аника Строганов[3] был богатым человеком Соли Вычегод-

---

[1] Herberstein. Comment. rerum Moscov., в Script. rerum Moscov., p. 11. Respubl. Moscov., p. 18. Союзный трактат с маркграфом Альбрехтом бранденбургским и герцогом Прусским, заключенный 25 марта 1516 г. против короля польского Сигизмунда, напеч. у Гундлинга, Bestand des Russischen Kaysertituls, S. 13.

[2] Исаак Масса, голландский описатель земель, впервые напечатал об этом в 1609 г. После этого Ник. Витзен повторил его рассказ в своем драгоценном труде Noord en Oost Tartarye, изд. 1, ч. II, стр. 512 и сл., изд. 2, стр. 826 и сл.; кроме того, имеется французский перевод этого известия в Recueil des voyages de la Compagnie des Indes Orientales, t. I, p. 151 и сл.

[3] Хотя в помянутом известии не приводится родовое имя Строгановых, но достаточно того, что в нем названо имя Аника, и этот Аника с его честностью, благочестием, щедростью и готовностью служить родине описан так, что в нем без труда можно узнать родоначальника фамилии Строгановых. Витзен, назв. соч., изд. 2, стр. 735 и сл., сообщает примечательное известие о происхождении рода Строгановых. Родоначальником его он считает одного татарского князя из Золотой Орды, который пришел в Россию и принял христианство, из-за чего татары так огорчились, что начали воевать с русскими. Великий князь отправил его со значительными силами против татар. Но сражение кончилось для него неудачей, и он попал в плен к своим соплеменникам, которые с ним очень жестоко поступили: его тело рассекли на мелкие куски и будто бы строгали. У него осталась в России беременная жена, которая в скором времени родила сына; на память о том, как погиб его отец, ему дали имя Строганов, от слова строгать. Если это известие сопоставить с известиями, имеющимися у фамилии Строгановых, согласно которым их родоначальник носил имя Спиридона и жил во времена великого князя Димитрия Ивановича Донского, то можно думать, что это имя и является тем, которое получил при крещении вышеназванный татарский князь. Если Витзен говорит дальше, что фамилия Строгановых раньше жила в Новгороде, то это может быть верно относительно правнука Спиридона. Козьма, Лука, Федор и Аника, согласно имеющейся в семье Строгановых поколенной росписи, были потомками Спиридона по прямой линии. Между ними особенно известен и богат был Лука Строганов. В царской жалованной грамоте 24 марта 1610 г., на ряду с другими заслугами Строгановых, отмечено, что один из их предков, который по времени не может быть не кто другой, как названный Лука Козьмин сын, выкупил из татарского плена великого князя Василия Васильевича Темного. Возможно, что Федор Строганов в конце XV века, после взятия Новгорода великим князем Иваном Васильевичем, покинул

ской, где он завел соляные варницы, приносившие ему и государству большие доходы. К нему приезжали ежегодно люди с дорогой мягкой рухлядью и разными товарами; эти люди не всегда были русскими или из других соседних народов, в их языке, одежде, вере и нравах замечалось значительное различие; приезжавшие называли себя самоедами и другими незнакомыми именами. Это вызвало в Анике сильное желание поближе познакомиться со страной, которая производит их богатства. Ради этого он заключил соглашение с некоторыми из этих чужеземцев и послал с ними сначала только 10 или 12 человек своих людей, приказав им ознакомиться со всеми условиями той страны. После благополучного возвращения их с хорошими известиями, он послал на следующий год некоторых своих родственников с мелочными товарами. Они дошли до реки Оби, завязали дружеские сношения с тамошними народами и привезли в обмен на свои товары такое множество самой лучшей мягкой рухляди, что это заставило Анику несколько лет под ряд продолжать начатую торговлю. Другие участники этого дела хотели держать втайне полученные ими выгоды от этого предприятия, но Аника не собирался скрывать свои богатства. Он покупал себе все больше земель и людей, выстроил на собственные средства великолепную каменную церковь у Соли Вычегодской, и при его содействии многие соседние селения также украсились церквами. Поскольку это зависило от него, источник его богатства был неистощим, но он предпочел интересы отечества своей собственной выгоде. Он отправился в Москву и сообщил там при дворе все то, что до того узнал о Сибири и ее жителях.

* § 10. В означенном известии упоминается, что при дворе царя Федора Иоанновича Анике много содействовал шурин царя Борис Годунов. Но тут, очевидно, произошла некоторая ошибка во времени. По крайней мере, достоверно известно, что уже при царе Иване Васильевиче различные области Сибири были подвластны Российскому государству и платили ему дань. Царский титул 1554—1556 гг. до некоторой степени доказывает это, так как в нем, между прочим, сказано: «Обдорский, Кондинский и многих других земель, Государь всех Северных берегов»,[1] а в титуле 1558 г.: «Обдорский,

этот город; как известно, многие жители Новгородской области в то время оставили ее пределы и переселились на реку Двину. С этого времени нет уже больше упоминаний о семье Строгановых в Новгороде, но зато они встречаются в Устюге и у Соли Вычегодской, где Аникины старшие братья и он сам прославились разработкой соляных промыслов. Сохранилась жалованная грамота, которую дал 9 апреля 1517 г. великий князь Василий Иванович трем старшим сыновьям Федора Строганова — Степану, Осипу и Владимиру на найденные ими и разрабатываемые соляные промыслы в Устюжском уезде. Эта грамота особенно примечательна для фамилии Строгановых тем, что им уже тогда был предоставлен ряд прав как в отношении их людей, которых они сами судили по всем делам, кроме уголовных, так и в отношении их самих — никто не мог судить их, кроме самого великого князя. Об Анике Строганове и об его потомках будет еще сказано в дальнейшем. Надо упомянуть только еще об одном обстоятельстве, касающемся родоначальника фамилии Строгановых: по словам Витзена, он привез со своей родины и ввел в употребление в России татарские счеты, на которых производят арифметические вычисления при помощи шариков, надетых на проволоку.

[1] Hakluyt. Princip. navigations, part II, p. 292, 321.

Кондинский и всех Сибирских земель, повелитель Северной стороны».[1] К этому можно прибавить, что в одной русской рукописной книге[2] указывается, что царь Иван Васильевич в грамоте к польскому королю Сигизмунду от 20 июля 7071 (1563) г. употребил титул «Удорский, Кондинский и всея Сибири». Но еще более выясняется это обстоятельство из известий, непосредственно касающихся Сибири, которые будут приведены в дальнейшем.

* § 11. Я не знаю, относится ли к этому вопросу одна грамота,[3] полученная мною в Сибири, или же она имеет отношение только к Югорской земле по реке Печоре. Это — грамота 7065 (1557) г. царя Ивана Васильевича Певгею, одному из князей Орскордской и Сорикадской земель, в Юсерии. В ней сказано, что несколько царских слуг посылаются для сбора дани с этих земель. Князь Певгей должен ее собрать при помощи прочих Сорикадских князей, и либо сам ее доставить в Москву, либо прислать со своими сродниками. Дань была положена в размере одного соболя на каждого человека, что вполне соответствует условиям Сибири, где при завоевании все покоренные народы облагались прежде всего соболиной данью. Вне Сибири в Югорской и Пермской землях соболь уже в древние времена попадался очень редко. На основании этого можно предполагать, что Орскордская и Сорикадская земли находились именно в Сибири. К этому надо прибавить, что той же грамотой предписывалось всем югорским князьям и жителям земли Югорской, через которую лежал путь указанным сборщикам, со всякою безопасностью провожать их от места до места. Впрочем, весьма трудно истолковать эти названия областей и народов, совершенно неведомые в Сибири. Очевидно, в грамоту вкрались явные ошибки, так как я получил только список с нее, который, судя по почерку, может быть довольно древнего происхождения. День и месяц грамоты, когда она была дана в списке, пропущены, надо думать, по недосмотру. Эта грамота была найдена в Томске у одного тамошнего жителя, но как она к нему попала, мне не удалось выяснить.

* § 12. Известие русских летописей о том, что татары на реке Иртыше уже тогда признавали русскую власть и доставляли некоторую дань в Москву, меньше вызывает сомнений.[4] В 7065 (1556) году в ноябре месяце воз-

---

[1] Petreius. Moscowitische Chronik, S. 184 и сл.

[2] Образцов переписки прежних российских царей с европейскими и азиатскими дворами, которые были собраны в 1678 г. из имевшихся в Посольском приказе материалов.

[3] Прилож. № 1.

[4] Степенная в Академической библиотеке под № 12, степень 17, гл. 21: «О покорении Сибирския земли к государю. 7065 году от Сибирского князя Едигера прииде посол ко царю и великому князю и дань привезе, но не исполнену. И того ради государь на Сибирского посла опалу свою возложил и все имение его повеле взять на себе. В Сибирь же посла своего посланника с писанием, яко да исправятся пред ним. И привезоша дань исполнену со всея земли Сибирские и во веки поработишася государю». Летописи описывают все это более подробно: «7065 году месяца ноября пришел из Сибири Митька Куров, посол царя и великого князя, и с ним пришел от Едигера, князя Сибирского, посол Боянда, а привез царю и великому князю дани 700 соболей». Об оной (в рукописи: «обыскной») дани писал Едигер князь всея земли Сибирския, что их воевал Шибан-

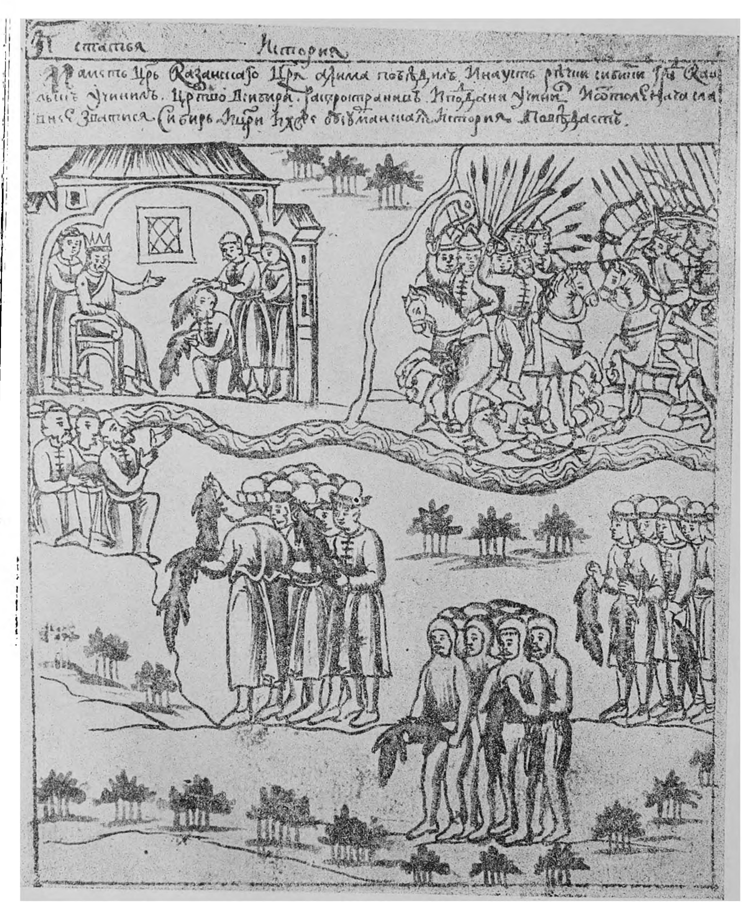

Рис. 6. Город Кашлык.
(Ремезовская летопись, ст. 17.)

вратился в Москву некий Митька Куров, который послан был в Сибирь. [1] С ним прибыл посол Сибирского князя Едигера, [2] по имени Боянда, который привез царю дань в 700 соболей, но это не была обычная полная дань. В присланной грамоте к царю князь Едигер оправдывался, что на этот раз он не мог собрать полную дань, так как на него напал Шибанский царевич и увел у него много людей. [3] Но это извинение не было принято царем, так как Митька Куров заявил, что князь Едигер мог бы доставить больше, если бы захотел. Поэтому Боянда, после того как все имевшееся при нем имущество было взято на царя, был посажен под караул, а в Сибирь к князю Едигеру были отправлены два служилых татарина — Девлет Козя и Сабаня Рязанов с грамотой, в которой царь напоминал о необходимости выплачивать впредь дань полностью. Эти татары возвратились в следующем 7066 г. и привезли с собой от князя Едигера другого посланника, по имени Истемира, который доставил полную дань в 1000 соболей и, сверх того, 100 соболей дорожной пошлины и 69 соболей вместо белок, при этом Едигер прислал шертную грамоту, в которой признавал вполне царскую власть и обещал никогда больше не запаздывать с уплатой дани. Тогда предыдущий посол Боянда был освобожден и принят царем вместе с другими послами и отпущен назад в Сибирь. С ними были посланы служилые татары, чтобы собрать дань на будущий год. Но так как князь Едигер, как сказано выше, именно в это время был побежден ханом Кучумом, то, вероятно, в дальнейшем он уже не мог платить царю какую-либо дань.

§ 13. Если верить преданиям и устным рассказам, то нужно думать, что уже в те времена ходили на судах по морю из Архангельска, Мезени и Пустозерского острога в реку Обь. Говорят, что уже во времена царя Ивана Васильевича в Березове были русские жители, которые пришли туда морем. Нельзя отрицать, что в то время ходили по морю от Хол-

---

ской царевич и людей поймал многих. А Митька Куров сказывал, что им возможно было сполна дань прислать, да не похотел. И царь и великий князь на Сибирского посла опалу положил, велел его животы поймать, а ему за сторожи сидеть; а в Сибирь послал служивого татарина с грамотою, чтобы во всем пред ним государем исправили». Другая летопись содержит продолжение: «7066 году приехали из Сибири царя и великого князя служивые люди татаровя Девлет Козя да Сабаня Рязанов, а с ними Едигеря, князя Сибирского, посланники Истемир с товарищами, и привезли дань Сибирские земли сполна 1000 соболей, да дорожной пошлины 100 соболей, да 69 соболей за белку, да грамоту шертную привезли со княжиею печатью, что ся учинил князь в холопстве, а дань на всю свою землю положил впредь ежегод безпереводно царю и великому князю со всей Сибирской земли давать. И царь и великий князь посла его Боянду выпустил и очи свои дал [видеть] и пожаловал отпустил; а с ним послал служивых татар по дань в передней год».

[1] Сокращенное имя Митька значит Димитрий. Обычай писаться полуименем был запрещен царем Петром I в указе 30 декабря 1701 г.

[2] См. выше, гл. 1, § 68 и сл.

[3] В главе 1 § 69 рассказывается, как князь Едигер был побежден ханом Кучумом. Это произошло именно в данное время, причем под именем Шибанского царевича нельзя подразумевать никого другого, как хана Кучума; вероятно, шибанским царевичем его называли, как потомка хана Шейбани, внука Чингис-хана.

могор до реки Печоры и даже, может быть, до Вайгачского пролива, но это еще не доказывает, что доходили и до реки Оби, и что так далеко имелись русские поселения. Если даже в те времена, что весьма сомнительно, в Березове были русские, то естественнее предположить, что пришли они туда прямой сухопутной дорогой через Югорские горы, чем кружным путем по морю.

§ 14. В те времена существовало много путей из России на реку Обь по рекам, вытекающим с двух сторон из гор; и когда позволяло время года, ходили водою. Отправляясь по реке Вычегде вверх, доходили до реки Вишеры, впадающей в Каму, и отсюда недалеко до реки Лозвы, которая несет свои воды в Тавду и вместе с ней в Тобол. Отправляясь вверх по реке Выми, впадающей в Вычегду, доходили до реки Ижмы и по ней в Печору. От Печоры по трем рекам вели три разных пути к рекам, впадающим в Обь. Из них первый шел вверх по реке Шокуру и оттуда на Сыгву или Ляпину. Другой следовал по реке Олешу или Илычу и вел к Сосве. Оба пути соединялись у впадения Сигвы в Сосву и в дальнейшем до Оби составляли один путь. Третий вел по притоку Печоры Усе, из которой попадали в реку Собь и по ней также в Обь. Между всеми этими дорогами самыми обычными являлись те, которые вели на реки Сыгву и Сосву, так как они были известны с давних пор. Тот путь, по которому доходили до Лозвы, являлся новейшим и был открыт Аникой Строгановым.

* § 15. Этот честный муж не имел основания раскаиваться в том, что послужил отечеству, не взирая на свои собственные выгоды. За свою верность он был награжден тем, что ему было разрешено занять Пермскую землю, которая до тех пор была мало заселена, что давало ему и его семье бóльшую возможность, чем у Соли Вычегодской расширять свои владения. В это время вся местность по реке Каме, от Соли Камской до устья реки Чусовой, еще не была заселена русскими. Самый город Соликамск еще не был построен, и места эти обозначали просто, как лежащие ниже Чердыни. Аника Строганов просил эти места для себя и своих наследников во владение, на что и получил 4 апреля 7066 (1558) г. жалованную грамоту, писанную на имя его старшего сына Григория, который выхлопотал ее в Москве. Спустя 10 лет после того второй его сын Яков просил о землях по реке Чусовой, на которые ему также была дана жалованная грамота 25 марта 7076 (1568) г., после чего оба брата в 7082 (1574) г. марта 30 получили еще одну жалованную грамоту на места по реке Тоболу в Сибири. Я не упоминаю о других землях, пожалованных их детям и наследникам, так как это не касается истории Сибири. Указанные же три грамоты содержат в себе разные обстоятельства и сведения, служащие для объяснения тогдашнего состояния Сибири, а поэтому их здесь нельзя опустить. [1]

§ 16. В этих грамотах прежде всего примечательно то, что Строгановым разрешено было строить города и заводить соленые варницы на Каме и на Чусовой, и для защиты от нападений со стороны ногайцев и других наро-

[1] Прилож. №№ 2, 3 и 5.

дов окружать их укреплениями, держать в них крупные и мелкие орудия и принимать на службу пушкарей и других нужных людей. Из сказанного ясно, что этим было положено начало русского владычества в тех краях и что на реках Каме и Чусовой русские не чувствовали себя тогда в безопасности от нападений со стороны далеких ногайских татар, живших тогда между Яиком и Тоболом, потому что города Кунгур и Уфа еще в то время не существовали. Кроме того, для подтверждения нашей мысли необходимо особенно отметить, что в двух первых жалованных грамотах сказано, что послам из Москвы, отправлявшимся в Сибирь или же ехавшим из Сибири в Москву и проезжавшим через Строгановские городки, Строгановы должны были в течение нескольких лет оказывать помощь лошадьми, подводами и людьми, а также съестными припасами, но не иначе как за деньги. Необходимо пояснить, что по старинному обыкновению все служилые люди, отправлявшиеся по государевым делам, и особенно послы, во время своего пути получали безденежно от жителей тех местностей, через которые они проезжали, не только подводы, но и все съестные припасы. То, что между Россией и Сибирью действительно существовали посольские сношения, подтверждается сказанным выше, [1] другой пример того же будет указан несколько дальше.

§ 17. Прежде чем говорить о третьей жалованной грамоте, надо привести царский указ от 7080 (1572) г., [2] в котором говорится о восстании черемисов и присоединившихся к ним башкиров, вотяков и остяков, которые подошли к Каме и грабежами и убийствами причинили там много разорения. В разрядных книгах под 7081 (1573)-м годом рассказывается: для усмирения восставших был совершон поход в Казанскую землю под начальством воевод князя Андрея Петровича Куракина, князя Бориса Васильевича Серебряного, князя Андрея Петровича Хованского и князя Андрея Дмитриевича Палецкого. В третьей жалованной грамоте Строгановым [3] находится также упоминание об этом восстании черемисов, правда, с добавлением, что как будто и хан Сибирский принимал в нем участие.

* § 18. Далее, из той же грамоты видно, что в 7081 (1573) г. в июле месяце брат хана, по имени Маметкул, наступал на Пермь со стороны реки Тобола и, не дойдя пяти верст до Строгановского острога на Чусовой, вернулся обратно. Он побил много остяков [4], плативших ясак русским, а их жен и детей увел в плен и велел умертвить русского посла Третьяка Чебукова и нескольких татар, которые шли в Казакскую орду.

§ 19. Главное содержание жалованной грамоты 7082 (1574) г. состоит в том, что Строгановым были отданы во владение все земли по реке Тоболу

[1] § 12.

[2] Прилож. № 4.

[3] Прилож. № 5.

[4] Под остяками надо понимать здесь вогулов, живших в верхней части реки Чусовой и по сторонам Югорских гор. Название «остяки» было заимствовано тогда от татар, называвших все народы, жившие в тех местах, общим именем остяков, по-татарски «иштяк».

*

и разрешено, по примеру их Пермских владений, заселять их людьми всякого чина, строить города и крепости, держать в них пушки, пушкарей и пищальников, плавить железную руду, где ее сыщут, и вообще использовать землю и ее богатства. За это они должны были защищать ясачных вогулов от нападений татар, а также пытаться подчинить России Татарское царство на реке Иртыше. Но отдаленность местности препятствовала Строгановым сейчас же вступить во владение пожалованными землями, и еще меньше желания имели они к тому, чтобы направить свои силы на выполнение последнего условия — подчинить татар Российскому государству. То обстоятельство, что о посылаемых в Сибирь и оттуда возвращавшихся послах говорится как в этой,так и в других жалованных грамотах, дает основание думать, что в Москве еще не рассчитывали тогда покорить Татарское царство, а думали только о том, чтобы как с татарами, так и со всеми другими соседними народами поддерживать дружеские сношения и вести торговлю, что возможно было только путем посольских сношений. Однако, едва прошло три года, как произошло событие, послужившее основанием для очень больших надежд. [1]

§ 20. Благодаря частым приездам персидских и бухарских посольств и торговых караванов, Россия начинала уже пользоваться результатами завоеваний царя Ивана Васильевича, распространившего русские владения до Каспийского моря. Но только строгими наказаниями можно было удержать донских казаков, необузданных в своей вольности, от разбойничьих нападений на чужеземцев. Наглость казаков доходила до того, что они нападали даже на русских послов, ездивших в Персию, причем грабили казну, посылавшуюся царем Персидскому шаху. Местности по Волге и у Каспийского моря находились в постоянном страхе перед их набегами. 1 октября 7086 (1577) г. царь послал против них стольника Ивана Мурашкина со значительным отрядом. [2] Разбойники были рассеяны или убиты. Несколько тысяч из них бежало на Каму, а оттуда в Сибирь, где они, сами того не подозревая, положили основание русскому владычеству над этим большим царством.

* § 21. Атаманом или предводителем этих людей был Ермак [3] Тимофеев. Он пришел в принадлежащий Строгановым на Каме городок Орел [4],

[1] Рассказом о последующих событиях начинаются сибирские летописи, которыми я буду пользоваться, пока не дойду до тех времен, о которых имеются архивные материалы; сравнение последних с летописями сделает рассказ вполне достоверным: архивные же материалы послужат для исправления и дополнения летописей.

[2] В исчислении времени и в рассказе о походе стольника Мурашкина я следую Ремезовской летописи, так как прочие сибирские летописцы об этом ничего не говорят.

[3] Ермак есть сокращенное имя от полного Ермолай.

[4] Орел городок, в виду открытых там соляных источников, был построен Строгановыми по царской жалованной грамоте 2 января 7072 (1564) г. Это место уже раньше называлось Орел, и хотя новому городку, я не знаю по какой причине, дали название Кергедан, но первое название пользовалось большим распространением, тогда как последнее известно только из жалованных грамот. Таким же образом было забыто и название Канкара, которое носил первый Строгановский городок на Каме, построенный по жалованной грамоте 4 апреля 7066 (1558) г. Он находился при

выстроенный незадолго до того. Его поведение здесь не было таким вызывающим, как до этого, но и не таким, чтобы можно было оставить всякий страх перед этим неожиданным гостем. Максим Яковлев сын Строганов, [1]

впадении в Каму речки Пыскорки, там, где теперь стоит Пыскорский монастырь и открыт медный рудник. Пыскорский монастырь построен Строгановыми в 1570-м г. Так как монастырь весьма нуждался, то Строгановы уступили ему не только городок Канкар и принадлежавшее, к городку усолье, но и все земли от речки Пыскорки до северных границ их владений, т.-е. до речки Лозвы. С этих пор упоминается только Преображенский Пыскорский монастырь, а название городка Канкара больше не встречается. После этого главным местом своего пребывания Строгановы избрали Орел. Новое Усолье, теперешнее главное место Строгановских владений в Пермской земле, построено уже после.

[1] Мы упоминали выше об Якове Аникиеве сыне Строганове. Его сын Максим оказался таким образом, исполнителем заветных желаний своего деда в отношении Сибири. У Витзена, во втором издании на стр. 734, во время похода Ермака, главой Строгановых назван Даниил. Ошибка произошла, очевидно, оттого, что Даниил Строганов был старшим в семье в то время, когда Витзен находился в Москве, именно в 1677 г. Даниил был внуком Максима; его отца звали Иваном. Два других сына Максима умерли, не оставив наследников, так же как и Никита, сын Григория Строганова, старшего сына Аники. Сам Даниил и его брат Михаил не оставили мужского потомства. Третий сын Аники—Семен продолжил род Строгановых до наших дней. После него осталось два сына: Андрей и Петр, из которых первый в 1607 г., благодаря своей верной службе в Смутное время, получил от царя Василия Ивановича Шуйского для себя и для своих потомков почетное звание «именитого человека», которым, кроме Строгановых, никто не пользовался. Издавна одним из важных преимуществ отдельных родов и лиц было то, что в царских указах и на суде к имени отца прибавлялся слог «вич», причем пропуск его рассматривался, как оскорбление, если, напр., вместо Алексеевич было написано Алексеев сын; это право предоставлялось только знатнейшим из служилых людей и тем, которые занимали видные и почетные должности. Подобно им, и Строгановы получили тогда это преимущество. Кроме того, ни они сами ни их люди не подлежали общему суду. С жалобами на них надо было обращаться непосредственно к царю, а своих людей судили они сами. Все эти преимущества получили они для себя и для своих потомков и людей в 1614 г. сентября 3 от царя Михаила Федоровича, в награду за их большие заслуги в деле освобождения Москвы от поляков. Эти пожалования подтверждались и последующими царями во многих жалованных грамотах. Так как вся фамилия Строгановых отличалась набожностью, справедливостью и щедростью, то божье благословение почивало на них, благодаря чему Строгановы получали все больше и больше земных благ. Они пребывали в постоянной милости у тогдашних государей и пользовались общей любовью, дружбой и доверием со стороны богатых и бедных. Уже в прошлом столетии эта фамилия была связана брачными узами с княжескими фамилиями. Сын названного выше Андрея Дмитрий Строганов был женат на княжне Волконской, его сын Григорий Дмитриевич Строганов состоял в первом браке с княжной Мещерской. Его вторая супруга Мария Яковлевна, из знатного рода Новосильцевых, своей благотворительностью помогала многочисленным шведским военнопленным забыть свою неудачу при Полтаве. Из дочерей Строгановых, Пелагея Дмитриевна, сестра Григория Строганова, была замужем за князем Голицыным; Степанида, дочь Даниила Строганова, была женой князя Урусова; Анна Петровна, племянница Андрея, состояла в браке с князем Звенигородским. Григорий Дмитриевич оставил после себя трех сыновей: Александра, Николая и Сергея, которые в 1722 г. получили от царя Петра Великого баронство и, благодаря своим исключительным заслугам, достигли высоких придворных и государственных должностей. Барон Александр Григорьевич не оставил после себя мужского потомства. Одна из его дочерей вышла замуж за камер-юнкера князя Петра Михайловича Голицына. Барон Николай Григорьевич имел многочисленное потомство обоего пола; его сын и две дочери уже состоят в браке, сын женат на княжне Голицыной, одна из дочерей вышла замуж за обергофмейстера графа Скавронского, а другая за князя Долгорукова. Единственный оставшийся в живых сын барона Сергея Григорьевича камер-юнкер Александр Сергеевич

живший тогда в Орле, принял Ермака с его товарищами очень радушно и, боясь подвергнуться насилию с их стороны и как человек богатый, снабдил их всем необходимым.

* § 22. Что касается времени похода Ермака, то обыкновенные Сибирские летописи дают об этом весьма недостаточные сведения. Разбой казаков на Волге, бегство на Каму и последующий поход в Сибирь описываются в них под одним 7089 (1581) г. Легко заметить, что это мало вероятно. Напротив того, известия, приводимые Витзеном, [1] неверны в том отношении, что все события описываются у него, правда, в том же порядке, но отнесены на несколько лет раньше, а именно: разбой казаков на Волге происходил будто бы в 1572 г., отправка царских воевод против казаков в 1573 г., а бегство на Каму описано под 1574 г. Одна только Ремезовская летопись дает нам об этом сведения, не подлежащие никакому сомнению.

§ 23. В ней говорится, что Ермак, лишь только прослышал об отправке против него и его товарищей значительного войска, побежал 28 августа на Каму. Без сомнения, это относится к 7085 г., который по тогдашнему летосчислению кончался августом 1577 г., потому что год 7086, в котором упоминается октября 1 отправление Ивана Мурашкина, начался сентябрем того же самого 1577 г. Правда, нет точных указаний на то, что Ермак со своими казаками зимовал у Строгановых, и, принимая во внимание одно обстоятельство, о котором скажу ниже, [2] можно думать, что этого не было. Но этому противоречит рассказ Ремезовской летописи о последующих походах, на основании чего надо полагать, что Ермак не только эту зиму, но и большую часть следующего лета провел на Каме.

§ 24. Избранд Идес [3] пишет, что Ермак вместе со своими товарищами бежал вверх по Каме и оттуда по Чусовой, где в продолжение некоторого времени Строганов использовал этих разбойников, как людей крепких и сильных, для работы на пашне, и они будто бы распахали ему земли по реке Чусовой, длиною в 70 миль, которые до тех пор лежали необработанными; после этого Ермак, думая, что он заслужил расположение своего благодетеля, просил его об исходатайствовании у царя прощения своих вин и, вместе с тем, предложил покорить царю царство Сибирское: и будто только после этого отправился он в путь для выполнения задуманного намерения. Если бы это было действительно так, как говорит Избранд Идес, то Ермак должен был бы прожить у Строгановых больше года. Из дальнейшего будет видно, что рассказ Избранда целиком неверен.

Строганов недавно по высочайшему повелению был отправлен в Вену к Римскому императорскому двору, где получил от императора Римского звание графа Священной Римской империи. Его супруга, графиня Анна Михайловна, является дочерью канцлера графа Михаила Ларионовича Воронцова. Так возвышает, так благословляет провидение всех, имеющих заслуги перед родиной. В истории Сибири неоднократно должна быть отмечена эта фамилия, принимавшая в ней такое большое участие и любезно предоставившая автору для пользования свой архив.

[1] Изд. 2-е, стр. 736.

[2] § 47.

[3] Reisebeschreibung nach China, cap. III, S. 25; то же в Voyages au Nord, t. VIII, p. 24.

§ 25. Следует рассмотреть одно существенное обстоятельство, а именно, как велик был отряд Ермака, с которым он отправился в поход в Сибирь. Сибирские летописи говорят о 540 казаках, к которым Строганов добавил еще 40 человек зырян и русских. Часть из них являлась проводниками, другие примкнули добровольно. Это сообщение о числе людей Ермака настолько маловероятно, что можно было бы поверить в неслыханное чудо, если принимать все это за правду. Путь, которым им пришлось идти, был не таков, чтобы его можно было пройти в один год. От недостатка же съестных припасов и великих трудностей пути они должны были лишиться очень многих своих товарищей. К тому же им приходилось в пути иметь дело с неприятелем, везде пробиваться вперед силою, и, следовательно, нетрудно догадаться, сколько народа погибло в частых схватках и сколько было убито коварным образом враждебными народами. К тому же трудно себе представить, чтобы в этом отряде все отличались одинаковой выносливостью. Скорее можно сказать, что некоторые из них, потеряв надежду на благополучный исход похода, сбежали с дороги. И когда Ермак прибыл, наконец, к ханской столице на Иртыше, с кем же он мог произвести нападение и одержать победу, если вся его рать в начале похода состояла из такого малого количества людей? Ремезовская летопись описывает эти события более правдоподобно. Там говорится, что отряд Ермака, с которым он чинил разбои на Волге и Каспийском море, состоял из 7000 человек, из которых до 6000 человек бежали на Каму и были с ним в начале Сибирского похода; затем описывается, как число этих людей все более и более уменьшалось. Надо удивляться еще благосклонности судьбы, что такое важное завоевание было приведено к счастливому окончанию таким все же малым количеством людей.

§ 26. Когда Ермак жил у Строганова, от тамошних жителей и особенно от пришедших вместе со Строгановыми из Сольвычегодска зырян, которые ходили на звериный промысел по всем окрестным землям, он получил сведения о соседней Сибири и об удобном пути туда по реке Чусовой. Известия эти давали ему надежду, что если не удастся покорить эти страны, то по крайней мере набегами добыть оттуда столько богатств, сколько потребуется ему и его людям в дальнейшем. Представляется маловероятным, чтобы Ермак с самого начала надеялся на счастливый исход своего похода, как это потом ему удалось, или чтобы он со своими товарищами отправлялся с намерением покорить Сибирь Российскому государству. К тому же и поход, предпринятый им летом 7086 (1578) г., опровергает эти предположения.

* § 27. В этом походе Максим Строганов участвовал лишь тем, что добровольно или по принуждению снабдил казаков на дорогу хлебом. Кажется, что он намеренно не оказал им той помощи, которую мог бы предоставить. Не видно, чтобы он дал им тогда в проводники опытных людей, знавших по своим прежним поездкам Сибирские земли и путь туда по реке Чусовой. Таким образом случилось, что не прошло и дня пути вверх по Чусовой, как Ермак, по неведению или по ошибке, повернул вправо по

реке Сылве, причем в Ремезовской летописи указывается день, когда это произошло — 26 сентября 7087 (1578) г.

§ 28. Если бы Ермак во-время заметил свою ошибку, он, может быть, вернулся бы назад и отправился бы по реке Чусовой, но он продолжал идти вверх по Сылве до тех пор, пока наступившая зима не заставила его остановиться. То место, где он тогда зимовал, и поныне носит название Ермакова городища. Вероятно, из боязни нападения со стороны окрестных татар, Ермак каким-нибудь образом укрепил место своей зимовки или огородил его стоячим тыном, откуда и произошло название городища, обозначающее место, где прежде был острог, укрепление или крепость. Зимой он посылал против вогулов отдельными отрядами до 300 человек казаков, которые вернулись с богатой добычей.

§ 29. Несмотря на то, что эти люди в продолжение многих лет добывали себе средства к жизни беззаконными делами и не отказывались от них в настоящем, нельзя сказать, чтобы они совсем забыли страх божий. Молитвою и добрыми делами Ермак надеялся заслужить для себя и своего дела милость божию. При нем находились три священника и беглый монах, которые отправляли богослужебные обряды. Весной он велел выстроить часовню во имя святителя Николая, и 9 мая, в праздник этого святого, велел ее освятить. По его приказу, строго следили за тем, чтобы никто блудом или другими греховными делами не навлек на себя гнева божьего. Кто нарушал это, того всенародно обмывали и сажали на три дня в железа. По примеру донских казаков было положено у них также наказание за неповиновение начальникам и за побег. На преступников, приговоренных к смертной казни, надевали мешок, наполненный песком и камнями, и бросали их затем в воду. Тем же, преступления которых были не так важны, насыпали песку в одежду и в таком виде сажали на некоторое время в воду. Больше 20 человек, которые хотели было бежать обратно в Россию, были казнены таким образом в реке Сылве.

§ 30. Однако, когда Ермак весной отправился в обратный путь, многие из казаков получили от него разрешение остаться на месте зимней стоянки на постоянное жительство. Это было первое русское поселение на реке Сылве. Повидимому, осталось на месте немало народа, потому что после того упоминается только 5000 человек, отправившихся с Ермаком во второй поход по реке Чусовой.

§ 31. Между тем, благодаря упомянутым выше казачьим отрядам, отправленным зимой в разъезд против вогулов, стали несколько более известны пограничные Сибирские земли. Сделалось ясно, что, в виду дальнего расстояния, нельзя было отправляться туда без достаточного запаса продовольствия и без военных припасов, нужных, чтобы дать отпор враждебным народам. Для получения же их не было иного выхода, как обратиться к помощи того же, не раз упоминавшегося, Строганова. Поэтому Ермак решил вернуться со своим отрядом к нему.

§ 32. Легко рассудить, что для частного человека представляло некоторое

затруднение снабдить съестными и военными припасами такое большое количество людей, отправлявшихся в столь далекий путь, поэтому и Строганов указал казакам на невозможность выполнить их требования. Однако, угрозы казаков убить его, разграбить его дом и разделить все его имущество между собою заставили Строганова вступить с ними в некоторое соглашение. Он потребовал только, чтобы точно было установлено количество запасов, необходимое для одного человека, и чтобы казаки письменно обязались, при возвращении с хорошей добычей, возместить ему стоимость выданного. Таким образом договорились на том, что Строганов даст три пушки, безоружным казакам ружья и каждому из 5000 чел. по три фунта пороха, по три фунта свинца, по три пуда ржаной муки, по два пуда крупы и толокна, [1] по пуду сухарей, по пуду соли, по безмену [2] масла коровьего на двоих и по половине соленой свиной туши. Казаки потребовали также, чтобы на каждые сто человек им было выдано знамя, украшенное образами. Работали днем и ночью, чтобы перевешать и перевезти из амбаров и житниц все, обещанное по договору. Но когда казаки стали все это грузить на суда, последние не выдержали такой большой тяжести и стали тонуть. Из-за этого произошла некоторая задержка, так как к судам пришлось прибивать большие боковые доски, а когда и это не помогло, Ермак решил оставить часть запасов и взять только то, что можно было увезти на судах.

§ 33. Наконец, к 12-му или, как сказано в другом месте той же летописи, к 13 июня 7087 (1579) г. все было готово к отплытию. Казаки простились со своим благодетелем и обещали ему, что если они с божьей помощью возвратятся благополучно и с хорошей добычей, то не только возместят полученное от него, но еще отблагодарят его чем-либо иным. Если же им не посчастливится и их перебьют, то они помянут его благодеяния на том свете. Из предосторожности Ермак взял с собой из числа строгановских людей и из живших там зырян несколько проводников, знавших те места, чтобы опять не сбиться с прямого и кратчайшего пути.

§ 34. Таким образом, в этот поход отправились с большей уверенностью. Чтобы поднять настроение казаков, Ермак взял с собой разные музыкальные инструменты: барабаны, литавры и трубы. Над этой небольшой армией он считался как бы генералом. Самыми видными после него были два его друга, носившие звание атаманов — Иван Кольцов и Иван Гроза; к ним можно присоединить пятидесятника Богдана Брягу или Брязгу, который, хотя был чином ниже, но, как любимец Ермака, имел не меньшее значение, чем оба предыдущие. За этими тремя следовали 4 есаула, которые были выбраны из рядовых казаков; их должность состояла в выполнении обязанностей адъютантов и секретарей. За ними шли сотники или начальники над сотнями. Все войско было разделено на отряды по сто человек каждый. Такой отряд в свою очередь имел двух пятидесятников, из которых каждый

[1] Жареная овсяная крупа, которая в сухом виде или смешанная с водой употребляется в пищу.

[2] Два с половиной фунта.

был начальником пятидесяти человек, и одного знаменщика, носившего знамя, а каждые десять человек имели своего десятника. Таким образом, в этом походе уже существовал известный порядок, о котором едва ли можно было предполагать, зная безудержные и неистовые нравы казаков. Как уже отмечено выше,[1] те или иные проступки наказывались у них очень строго; только грабеж не считался у них преступлением и не наказывался. Казаки смотрели на этот способ добывания средств к жизни, как на свое призвание, и считали, что на чужое добро они имеют те же права, что и на свое. Но, кажется, у них было мало поводов заниматься грабежом на реке Чусовой, так как эта местность не была заселена тогда русскими, вогулы же жили только в верхнем течении этой реки, и при медленном продвижении казаков в летнее время они легко могли прятаться в лесах вместе со своим немногочисленным добром.

§ 35. Но, несмотря на это, рассказывают, будто Ермак уже во время этого похода имел такие большие богатства, что не считал возможным везти их с собой, а потому сложил их на берегу реки Чусовой в одной скале, в образовавшейся в ней пещере с выходом к реке. По возвращении он легко мог забрать эти богатства с собой. Еще поныне показывают эту скалу и называют ее в память Ермака «Ермаковым камнем». Скала находится на правом или северном берегу Чусовой, в трех верстах ниже устья впадающей с этой же стороны небольшой речки Сыльвицы и в семи верстах ниже деревни Копчика, в которой живут крестьяне Строганова и вогулы Верхотурского уезда. Люди, бывавшие в этой пещере, рассказывают, что скала очень крутая и что отверстие в ней расположено на расстоянии нескольких футов над водой; так как в нее нельзя было попасть снизу, то спустились с вершины скалы на веревках до отверстия, вошли через него и нашли очень большую пещеру, но не обнаружили каких-либо следов когда-то спрятанных там сокровищ.[2] Если такие сокровища, действительно, существовали, то они могли быть частью добычи, награбленной еще на Волге, частью же это могла быть мягкая рухлядь, взятая казаками у вогулов еще во время первого похода.[3]

§ 36. В то время, как все это происходило у Строганова и на Чусовой, как рассказывает Ремезовская летопись, слухи о бегстве Ермака и помощи, оказанной ему Строгановым в подготовке похода в Сибирь, дошли до Москвы. При дворе опасались, что такое дерзкое и смелое дело может причинить большие затруднения Российскому государству и, в особенности, представить опасность для плохо укрепленных пермских границ. Царь Иван Васильевич приказал поэтому отправить Максиму Строганову грамоту, в которой указывал ему на его дерзость и на предстоящие от того беспокойства и грозил ему своим гневом в случае, если дело будет иметь неблагоприятный исход, но вместе с тем обещал ему свои милости, если это предприятие послужит к пользе и расширению государства. Об этой царской грамоте, под-

[1] § 29.

[2] **Описание этой пещеры сходно с тем, которое дано в труде Витзена, изд. 2, стр. 736.**

[3] § 28.

лишник которой сохранился до наших дней, в дальнейшем будет сказано подробнее. [1] Мне кажется, что сочинитель летописи имел ее в виду, но он ошибся лишь во времени.

§ 37. Одно обстоятельство причинило Ермаку во время его пути по Чусовой большие затруднения. Река в своем верхнем течении оказалась такой мелкой, что требовалось много труда, чтобы тянуть по ней суда. Со слов своих предков, тамошние жители, однако, рассказывают о том, что Ермак придумал средство против этого затруднения: растягивая паруса с судов на подобие шлюзов или плотины, он подымал уровень воды в реке, благодаря чему, находившиеся впереди суда могли продвигаться вперед на некоторое расстояние. Но когда суда уходили далеко, и это не производило нужного действия, он приказывал растягивать паруса снова позади судов в более близком расстоянии, и таким образом, хотя медленно и с великим трудом, они дошли, наконец, до реки, носящей название Нижней Утки. [2] Но по поводу изложенного возникают серьезные сомнения. Река Чусовая настолько широка, что ее вряд ли можно было запрудить парусами. Рассказ в той его части, которая относится к Чусовой, может быть не верен. Он скорее подойдет к следующему ходу по небольшой речке Серебрянке. Одно только верно, что этот способ передвижения с успехом применялся и на других реках Сибири даже в недавнем прошлом.

§ 38. С реки Чусовой предстояло перебраться на Туру и Тобол. Для этого надо было отыскать небольшую речку, которая впадала бы с северной стороны в Чусовую, а начиналась по близости какой-либо небольшой речки, впадающей в Туру. По ней должны были продвигаться еще некоторое время водным путем, а там, где это далее было невозможно, продолжать путь по суше, с тем чтобы на следующей речке опять двигаться по воде. Проводники уверяли, что Межевая Утка вполне отвечает этим условиям, однако при обследовании скоро выяснилось, что она недостаточно глубока и непригодна для указанной цели. Хотя она берет начало недалеко от реки Тагила, впадающего в Туру, но расстояние до Тагила от того места, где даже мелкими судами ходить по ней далее нельзя, слишком велико; других же небольших речек, впадающих в Тагил и пригодных для тех же целей, поблизости не было.

§ 39. Из-за этого мелководья Ермак должен был вернуться назад и искать другую речку. Ему указали на Серебрянку, получившую свое название от серебристой прозрачности ее воды. Отправившись по ней, он нашел

[1] Гл. 3, § 3.

[2] Три реки, которые носят название Утки и впадают с южной стороны в Чусовую, различаются названиями Верхней, Средней и Нижней; последняя называется также Межевой Уткой, т. е. пограничной, так как она служит в настоящее время границей Строгановских владений со стороны Сибири. Строгановы вначале не имели средств заселить всю область по реке Чусовой до ее истоков, полученную ими по жаловашной грамоте. Между тем, верхотурские воеводы стали раздавать земли именно в верхнем течении этой реки, и на Нижней или Межевой Утке эти поселения встретились со Строгановскими.

ее вполне удобной для плавания за исключением мелких мест, где ему пришлось применить вышеуказанный способ с парусами.[1] В виду бесполезно проделанного пути по Межевой Утке, казаки слишком сильно запоздали и только с наступлением зимы пришли к тому месту, где надо было оставить Серебрянку и отправляться дальше по суше. Поэтому Ермак снова приказал разбить здесь зимний лагерь, укрепив его по своему обыкновению стоячим тыном, остатки которого еще до сих пор можно там видеть.[2] У Ермака осталось тогда не более трех тысяч человек, так как часть его людей либо разбежалась от тяжелой работы, которую они принуждены были выполнять в течение всего лета, либо погибли от болезней.

§ 40. Недалеко от их зимовья жило много вогулов. Без особого труда их отыскали, чтобы запастись у них продовольствием, которое у казаков было уже на исходе. Отдельные отряды, посылавшиеся в течение зимы к вогулам, возвращались обычно с большими запасами. Они состояли из мяса разных зверей, убитых вогулами на охоте, и из сушеной рыбы. Было бы хорошо, если бы казаки довольствовались этим и не брали бы ничего иного, кроме съестных припасов, а из последних — лишь то, что являлось излишком у населения. Но их разбойничьи наклонности не могли этим удовлетвориться: они забирали у вогулов все, что находили, оставляя несчастный народ в их убогих юртах совершенно обобранным и без всякого продовольствия.

§ 41. Такое жестокое обращение не могло, конечно, вызвать расположения к казакам. Слух об их приходе быстро распространялся до самых отдаленных мест. Не только вогулы, но и соседственные им татары собирались во множестве, чтобы объединенными силами оказывать отпор своим непрошенным гостям. Рассказывают, что один казачий отряд отправился однажды из зимовья Ермака через Тагил на разведку до реки Нейвы. Татарский мурза, живший при этой реке, собрал столько татар и вогулов, что казаки не могли с ними справиться, и едва ли кто-либо из казаков спасся, чтобы дать весть Ермаку. На том месте, где жил этот татарский мурза, позже была построена слобода, получившая поэтому название Мурзинской.

* § 42. В то же время Ермак должен был думать о том, как ему удобнее продолжать свой путь весной. Ему указывали для этого на небольшую речку Баранчу, которая протекала в 10 верстах от его зимовья и впадала с запада в Тагил.[3] Путь был очень удобным и ровным, так что можно было без особого труда перевезти все запасы. Ермак хотел перетащить волоком даже мелкие суда, чтобы не нужно было строить новые. Но этот труд был не под силу его людям, и поэтому казаки были принуждены бросить мелкие суда по дороге. Как уверяют живущие в тех местах русские и вогулы, на основании

[1] § 37.

[2] Это место в память Ермака называется «Ермаковым городищем»; оно находится на северо-восточном берегу Серебрянки при устье небольшой речки Кокуя.

[3] Ремезовская летопись называет, правда, эту речку Абугаем, но в тамошних местах не имеется реки с таким названием; в данном случае скорее можно верить рассказам местных жителей, так как они подтверждаются разными следами на пути.

будто бы их личных наблюдений, между Баранчей и Серебрянкой до сих пор можно видеть остатки этих судов: через прогнившие их днища проросли теперь большие деревья.

§ 43. Когда все было готово к отправлению, Ермак произвел смотр своему отряду и обнаружил, что за минувшую зиму почти половина его выбыла из строя — часть людей сбежала, часть была убита, а иные померли своею смертью. Осталось всего 1636 человек, с которыми он 1 мая 7088 (1580) г., по вскрытии рек, снова отправился в путь. Небольшая речка Журавля впадает там в Баранчу с южной стороны. В устье этой речки Ермак велел выстроить небольшие плоты, на которых он плыл до Тагила. На этой реке строили опять струги, из-за чего пробыли там несколько недель; это место получило также название Ермакова городища, [1] потому что из предосторожности Ермак приказал и это место некоторым образом укрепить.

§ 44. Во время пути по Тагилу ничего особенного не произошло. Этой рекой Ермак добрался до реки Туры, по которой и следовал далее вниз по течению. Здесь можно исправить неверный рассказ Страленберга, [2] который говорит, будто Ермак через Верхотурские горы добрался до реки Туры, где из-за зимнего времени он должен был остановиться и устроить укрепление в том месте, где ныне стоит город Верхотурье; там он будто бы получил от Строганова новые запасы продовольствия и военного снаряжения, с которыми в следующую весну, на выстроенных им судах, отправился вниз по Туре и Тоболу до татарского города Сибири на Иртыше. Что в этом рассказе заслуживает доверия, будет видно из дальнейшего рассказа.

§ 45. В это время на реке Туре, в том месте, где потом был выстроен город Туринск, жил татарский князец Епанча, или по-татарски Япанза, которому подчинялись и живущие в тех местах вогулы. Он собрал столько людей, сколько только мог собрать, чтобы помешать казакам спокойно проехать по реке Туре. Первое его нападение произошло в том месте, где теперь находится село Усениново. В этом месте Тура делает большой изгиб к северу, который оканчивается только у Туринска. Это, казалось, давало Епанче известное преимущество. Не достигнув вначале полного успеха, пока казаки продвигались кружным путем по воде, он отправился кратчайшим сухопутным и снова напал на них. Но выпущенные им с берега стрелы причинили мало вреда казацким судам. Зато казацкие ружья действовали с большим успехом: одного залпа их было достаточно, чтобы разогнать весь татарский и вогульский отряд. В наказание за это нападение Ермак велел остановиться у юрт Епанчи [3] и, по разграблении их, велел обратить в груды пепла.

§ 46. Остальной путь по Туре сопровождался большей частью таким же разорением расположенных по берегам татарских селений. 1 августа Ермак

[1] Оно находится приблизительно в трех верстах ниже Баранчи, на западном берегу реки Тагила, при устье речки Медвежьей, впадающей с той же стороны в Тагил.

[2] Стр. 237, прим.

[3] По имени этого Епанчи в просторечии город Туринск и до сих пор называют Епанчиным.

подошел к городку Чимги [1] или Тюмени и завладел им без особых затруднений. В Ремезовской летописи, из которой я беру эти подробности похода Ермака, упоминается еще о каком-то Чингисе, которого Ермак победил, но это ошибка, происшедшая, кажется, от смешения древней истории с новой. Мне думается, что это был незначительный татарский князец или мурза, живший во времена Ермака со своими людьми в Чимге. Если бы какой-нибудь хан имел там свое пребывание, то, без сомнения, у тюменских татар сохранились бы об этом какие-либо предания.

* § 47. Окрестности Тюмени очень красивы, и жившие там татары были богаты хлебом и скотом, а потому казаки нашли там для себя большие запасы продовольствия. Это обстоятельство, если верить Ремезовской летописи, заставило Ермака зимовать в Тюмени. Но против этого говорят все остальные сибирские летописи, из которых видно, что Ермак в то же лето дошел от Тагила до Иртыша и той же осенью взял город Сибирь, тогда как по Ремезовской летописи это произошло только в следующем году.

* § 48. В то время, как Ермак, по рассказу Ремезовской летописи, зимовал в Тюмени, он посылал в окрестности казаков, которые должны были собирать у татар не только продовольствие, но и подарки, своего рода дань, мехами. Один из казацких отрядов пришел тогда в Тарханский городок или, как он теперь называется, Тарханский острог, по-татарски Тархан-калла, место, расположенное недалеко от устья Туры, на юго-восточной стороне Тобола. До этого места распространялась власть хана Кучума, который имел свое пребывание на Иртыше, в городе Сибири. Слово тархан является почетным званием у татар и в переводе значит вольный господин. Обладатель его не обязан платить дань господину своей страны, но, в случае нужды, должен принимать участие в его походах. Что же касается его людей, то они наравне с прочими должны были платить государю этой страны известную дань, хотя и более легкую. В Тарханском городке жил такой тархан. В это время у него находился знатный татарин по имени Кутугай, посланный ханом Кучумом для сбора дани. Казаки захватили его и привели в Тюмень. Ермак, оказывая ему всяческие знаки внимания и почета, расспрашивал его о здоровье хана и его семьи. Он говорил ему, что намеревался дружески навестить хана, но в виду того, что задержался в пути, должен в следующую весну отправиться обратно в Россию. Он приказал при этом пяти своим лучшим стрелкам произвести выстрелы из пищалей, что весьма удивило татарина, прежде не видевшего ничего подобного. После этого Ермак отпустил его назад в Сибирь со многими почестями, подарками и поклонами хану, его женам, сыновьям, а также знатным мурзам ханского двора.

§ 49. Эта хитрость должна была служить тому, чтобы хан не боялся прихода Ермака и, следовательно, не готовился бы к военным действиям. Но хан оказался не таким легковерным, чтобы поверить льстивым словам и

---

[1] Гл. 1, § 61 и сл.

уверениям человека, о котором молва сообщала столько ужасного. Кутугай, не считая теперь возможным собирать дань даже в Тарханском городке, поспешил, насколько возможно быстро, обратно в Сибирь. Он всюду рассказывал о том, какой знатный господин находится неподалеку, какие почести он ему оказывал и как в его присутствии пять казаков стреляли невидимыми стрелами. Он показывал при этом подарки, полученные им от Ермака. Прибыв в Сибирь, Кутугай явился к хану в русском цветном платье, подаренном ему Ермаком, и, передавая хану и всем прочим поклоны и подарки, сообщил те же известия. Но хотя хан принял подарки с благодарностью, однако, чувствовал печаль и страх, так как не мог поверить, чтобы Ермак вернулся обратно в Россию. Для большей уверенности он приказал вызвать к себе шайтанщиков и допрашивал их. Так как они сказали ему, что его земле грозит большое несчастье от Ермака, то хан тотчас же послал во все стороны гонцов, чтобы собрать своих людей для отпора казакам.

* § 50. С наступлением весны 7089 (1581) г. Ермак занялся военными приготовлениями, из чего татары убедились, что он их обманул. 9 мая Ермак покинул Тюмень и отправился вниз по Туре, соблюдая все предосторожности, которые требуются в незнакомой враждебной стране. Это оказалось не лишним, так как шесть татарских князцов со своими людьми подстерегали казаков при впадении реки Туры в Тобол. Имена трех из этих князцов — Кашкара, Варвара и Майтмас — сохранились поныне в названиях татарских деревень на Туре и Тоболе. Бой с татарами продолжался несколько дней с переменным успехом. Окончательная победа осталась за Ермаком, который, побив множество татар, получил такое большое количество добычи, что не мог увезти ее на своих судах и часть ее вынужден был зарыть в землю.

§ 51. После этого сражения у Ермака осталось только 1060 человек, с которыми он продолжал свой путь по Тоболу. Когда 8 июня он хотел плыть мимо того места, где высокий обрывистый берег порос березняком и поэтому получил название Березового яра, [1] на казаков снова напал неприятельский татарский отряд, причинявший им в течение нескольких дней много беспокойства. Но казаки пробились сквозь него без особых потерь, и татары были рассеяны.

§ 52. Еще в одном месте предстояло казакам испытать не меньшие трудности и опасности. Это там, где река Тобол очень узка и имеет крутой правый берег. Согласно Ремезовской летописи, хан Кучум приказал протянуть здесь поперек реки железную цепь и приставил к ней есаула, по имени Алышая, с большим отрядом, чтобы караулить казаков и смело напасть на них, когда цепь задержит суда. Ермак прибыл туда 29 июня и, действительно, выдержал сильный натиск. Трудно, однако, поверить тому, чтобы было применено такое средство обороны, так как не могла же одна цепь выдержать одновременно напор множества судов и течения реки. От бывшего здесь сра-

[1] Это название получила основанная позже в этом месте русская деревня.

жения и стоявшего татарского караула место это получило у русских название Караульный яр. Среди жителей русской деревни с этим названием сохранился рассказ о только-что описанном сражении. Ермак, узнав о высланном против него отряде, применил будто бы следующую хитрость: он расставил на судах пучки хвороста, надев на них излишнюю казацкую одежду, затем, оставив на судах лишь необходимое для управления ими количество людей, с остальными сошел на берег в нескольких верстах от Караульного яра и напал на татар с тыла. Увидав большое количество людей на судах и подвергшись нападению на берегу со стороны еще большего числа их, татары пришли в такой страх, что тотчас же обратились в бегство, и Ермак мог свободно плыть дальше.

§ 53. Столкновения, которые уже имели казаки, и те, которые им еще предстояло выдержать, не давали основания казакам, число которых с каждым днем уменьшалось, смотреть на будущее так же уверенно, как прежде. Когда они пришли к устью реки Тавды, вверх по которой, по словам зырянских проводников, шла дальше через Югорский камень обычная дорога на Русь, казаки стояли там неделю и совещались о том, что же делать дальше. Но число желавших попытать и дальше свое счастье в Сибири превысило число тех, которые из боязни хотели вернуться обратно.

* § 54. Обыкновенные сибирские летописи, которые ничего не говорят обо всем этом и, следовательно, не содержат также известий о сообщениях, полученных в Тюмени от Кутугая, рассказывают о некоем слуге Кучума Таусане, которого Ермак встретил в устье реки Тавды и от которого он получил первые обстоятельные известия о состоянии ханской столицы, т. е. о городе Сибири, о войске, которое хан может собрать, о вооружении татар и обо всем, что Ермаку нужно было знать. По всему видно, что Ермак, несмотря на то, что уже ранее получил эти сведения от Кутугая, не считал излишним еще раз расспросить о том же Таусана, чтобы рассказом одного проверить сообщения другого и исправить их там, где они окажутся неверными.

§ 55. Таким образом, все шло благополучно. Полученные известия воодушевили казаков и придали им бодрости для дальнейшего пути. Наоборот, к хану Кучуму приходили только плохие известия о том, что татары при всех своих попытках произвести нападение на казаков повсюду терпят от них поражение. Он приказал поэтому поспешно собрать татар, остяков и вогулов, живших недалеко, и отправить их с царевичем Маметкулом [1] навстречу Ермаку, чтобы помешать его дальнейшему продвижению. Кроме того, он приказал укрепить рвом свою столицу Сибирь, а татарским князьцам, жившим по близости, велел сделать то же самое в отношении их жилищ. Для большей же безопасности они должны были засечь дороги на восточном высоком берегу Иртыша в окрестностях находящегося там мыса Чуваш-

[1] Маметкул называется в летописи сыном хана Кучума, но, как уже сказано выше в § 18, он был его братом. См. об этом также гл. 3, § 43.

Рис. 7. Снаряжение Строгановым Ермака в поход.
(Ремезовская летопись, ст. 17.)

ша. в двух верстах выше устья реки Тобола, или, если следовать рисункам Ремезовской летописи, загородить в этом месте реку Иртыш. Наконец в устье реки Тобол он велел поставить крепкий караул, который должен был обо всем немедленно его оповещать.

§ 56. 8 июля Ермак отправился с устья реки Тавды. Но едва он проплыл тридцать верст, как недалеко от татарского селения, которое по имени тогдашнего владельца его мурзы Бабасана до сих пор носит название Бабасанских юрт, он встретил татарский отряд под предводительством царевича Маметкула. Судно, которое для разведки шло впереди других, подверглось первому нападению, но люди, находившиеся на нем, так храбро защищались, что нападавшие не могли причинить им вреда, пока не пришли на помощь другие суда. Такие отряды, посылаемые вперед для разведки, назывались прежде весьма употребительным у русских служилых людей словом «ертаулы». Поэтому в Ремезовской летописи называется это судно ертаульным стругом. Это название давно уже забыто и вместо него без нужды введено в русский язык другое чужеземное слово.

§ 57. Только после того, как приплыла вся остальная казацкая сила, начался настоящий бой. Ермак со своей ратью вступил в сражение с такой смелостью и отвагой, что для них оно кончилось полной удачей. Татарская кровь лилась в некоторых местах рекой, и путь был настолько загроможден трупами, что это мешало самим же татарам пробиваться вперед на лошадях. Тем не менее, только через пять дней татары отступили.Царевич принужден был бежать и не мог уже больше препятствовать казакам в их дальнейшем пути. Это сражение, повидимому, самое главное и самое важное, описано в Ремезовской летописи под 21 июля, но, вероятно, к этому числу относится только окончание данного похода. В противном случае было бы напрасно потрачено слишком много времени в пути от устья Тавды, а, с другой стороны, промежуток времени между этим и следующим нападением оказался бы слишком коротким. Ремезовская летопись, изобилующая вообще рассказами о чудесах, добавляет, что святитель Николай явился казакам во время сражения и ободрял их, чтобы они храбро сражались и продолжали свой путь дальше. Вслед затем та же летопись приводит рассказ о другом чуде, еще менее вероятном, признать которое можно только имея еще более сильную веру.

§ 58. Когда казаки 26 июля на рассвете достигли устья реки Турбы, впадающей в Тобол с правой стороны, то собравшаяся там большая татарская сила грозила им окончательной гибелью, если бы они осмелились двинуться дальше. В недалеком расстоянии, на правой стороне Тобола, ниже реки Турбы, находится крутой и высокий берег; он тянется далеко вниз по течению и поэтому прозван Долгим яром. Он был весьма удобен неприятелю для того, чтобы оттуда беспокоить казаков. По этой причине Ермак не решался продолжать путь. Он приказал остановиться около острова, расположенного по Тоболу, немного выше Долгого яра, советовался здесь с казаками и вместе с ними обратился с горячей молитвой к богу. В то

время будто бы произошло следующее: находившееся на одном из судов знамя с образом Спасителя, которое казаки больше всего чтили, само собой поднявшись со своего места, пошло якобы по левому берегу вниз по течению реки Тобола. Когда Ермак и казаки это увидели, то, воспрянув духом, они будто бы двинулись со всеми своими судами вслед за знаменем, причем божеская помощь была так явна, что бесчисленные стрелы, которые беспрестанно на них летели, не причинили казакам ни малейшего вреда. После того, как они благополучно миновали это опасное место, знамя будто бы снова стало на свое место.

§ 59. В то же время татары, по словам Ремезовской летописи, должны были наблюдать следующее видение. Им казалось, что вдоль левого берега Тобола по воздуху двигался над казаками в великом сиянии некий царь, престол которого несли на плечах множество вооруженных и крылатых воинов. Сам царь держал в руке обнаженный меч, которым он все время грозил татарам. Когда некоторые из них, по своей дерзости, в это видение стреляли, у них будто бы отнимались руки, а луки их разрывались. Это привело их в такой страх, что они не могли больше следить за движением казаков, но поспешили только известить обо всем виденном хана, чем и его повергли в великий страх.

* § 60. Теперь Ермак мог продвигаться беспрепятственно. Он дошел бы без всякого сопротивления до Иртыша, если бы не захотел снова испытать свое счастье. На правой стороне Тобола, в 16 верстах от устья, находится озеро, шириной от 30 до 40 саженей, по форме представляющее овальную дугу и занимающее большое пространство. Концы дуги почти сходятся вблизи реки и соединены с Тоболом протоком. У этого озера жил некий знатный татарин, по имени Карача, состоявший при хане в качестве доверенного советника. Его местожительство в некоторых летописях называется Карачиным городком или Карачиным улусом, а потому озеро, на берегу которого он жил, называется еще поныне по-русски Карачиным озером, а по-татарски Карача-куль. Ермак надеялся получить здесь много богатств и большие запасы продовольствия, если ему удастся овладеть этим местом. По прибытии сюда, 1 августа, он вышел с казаками на берег и учинил на этот городок стремительное нападение.

§ 61. Все сибирские летописи согласны в том, что это место было тогда взято казаками. В Ремезовской же летописи сперва было написано то же самое, но впоследствии в нее был вклеен лист, отличающийся от прочих почерком и рисунками; на этом листе сообщается, что для защиты городка собралось великое множество татар, перед которыми казаки не могли устоять, они будто бы пришли в такой страх, что даже не отважились здесь оставаться, но приняли поспешное решение вернуться обратно в Россию и будто бы в тот же день отправились в путь. После этого идет в той же летописи описание далекого пути вверх по реке Тавде, который Ермак избрал будто бы для своего возвращения. Во время пути одним вогульским шайтанщиком было ему предсказано, что он придет не на Русь, а вернется

обратно к Иртышу и еще будет иметь успех в борьбе с татарами. Так это и случилось. 4 октября Ермак вернулся снова на дорогу, ведущую к Тоболу, и, достигнув 4 ноября городка Карачина во второй раз, благополучно занял его, а затем продолжал свой путь к Иртышу.

§ 62. Хотя все это описано очень подробно, но все же нельзя принять этот рассказ, так как иначе было бы спутано все счисление времени. Позднее же время года, именно ноябрь месяц, когда в тех краях реки давно уже покрыты льдом, вызывает сильное сомнение в правдивости того, о чем рассказывается на этом вставном листе. Ниже мы увидим, [1] как Ермак, после занятия города Сибири, двинулся в поход вверх по реке Тавде, чтобы обложить ясаком живущих там вогулов. Этот поход, по всем данным, совпадает с тем, о котором говорится в изложенном сообщении. Так как поход был описан не в то время, когда он произошел, а много лет спустя по воспоминаниям и устным рассказам, то легко могла произойти при этом ошибка, вследствие которой весь этот рассказ был внесен не в то место летописи, где ему надлежало быть, и так как одна ошибка вызывает обычно другую, то все это прикрашено другими будто бы случившимися в то же время обстоятельствами и событиями.

§ 63. Таким образом Ермак занял городок Карачин 1 августа 7089 (1581) г. Он получил там в добычу большое количество золота, серебра и драгоценных камней, а также много хлеба, скота и меда. Успех, несомненно, поднял дух казаков и вызвал в них вновь сильное желание продолжать поход. Как раз в это время был пост, который по православному обряду кончался 15 августа в день Успенья и продолжался 14 дней. Ермак по особой своей набожности продолжил его до 40 дней, чтобы этим способом испросить у бога счастья и успеха в своих дальнейших делах. Все это время он спокойно пребывал в Карачином городке, не предпринимая ничего против татар, которые и со своей стороны его не беспокоили. Кучум ограничился тем, что приказал расставить сильные отряды по дороге между его столицей и казаками, чтобы заставить их отказаться от мысли преодолеть такое множество врагов и вернуться обратно в Россию.

§ 64. После этого в Ремезовской летописи приводятся опять рассказы о чудесах и видениях, которые в то время якобы случились и были видимы. Хану и всем татарам снова, как об этом уже говорилось в первой главе этой «Истории», [2] явился большой и великолепный город с церквами и колокольнями над тем местом, где потом был построен город Тобольск, и будто бы они слышали там звон колоколов. Точно также появились будто бы опять два зверя, которые, как и прежде, дрались на острове в устье реки Тобола. [3] Они вступили между собой в полдень в жесточайшую борьбу, закончившуюся тем, что маленький черный зверь победил, наконец, большого белого, последний в течение трех дней лежал мертвым на острове на виду у всех лю-

[1] Гл. 3, § 34 и сл.
[2] § 68.
[3] Гл. 1, § 73.

дей и особенно у тех, которые по повелению хана были поставлены для караула в устье Тобола. На четвертый день с другой стороны Иртыша появились татары в маленькой лодке, чтобы посмотреть мертвого зверя. Но едва они проехали середину реки, как этот зверь вдруг вскочил и с ужасным ревом бросился в реку. Сочинитель Ремезовской летописи замечает при этом, что татары истолковали это видение таким образом, что они со временем снова завладеют Сибирью, потому что белый зверь, представляющий татар, после того, как его одолел и убил черный, снова ожил. Вот почему в своих последующих частых восстаниях против русских они надеялись добиться успеха. В настоящее время об этих видениях и их толкованиях у татар не сохранилось однако, никаких рассказов.

§ 65. По окончании установленного им сорокадневного поста Ермак решил, что уже достаточно заслужил милость божию и может теперь смело выступить против татар. 14 сентября 7090 (1581) г. он снова двинулся вперед на судах. Но ему стоило большого труда добраться даже до Иртыша, так как в устье Тобола его подстерегал татарский отряд. В Ремезовской летописи говорится, что с Ермаком оставалось тогда только 45 человек, но здесь при списывании вкралась, очевидно, ошибка: вероятно, здесь должно стоять число 500, которое по всем прочим летописям показывает количество людей Ермака, бывших с ним во время сражения с Кучумом; что их было не меньше, ясно видно из рассказа о последующих сражениях,об отправленных в разных направлениях отрядах и других событий.

§ 66. От устья Тобола отправились они немедленно вверх по Иртышу вдоль западного берега и, пройдя две — три версты, достигли того места, где сейчас находится татарская деревня Заостровные юрты. Там в небольшом укреплении, которое, по примеру других, называлось городком, жил в то время татарский мурза Атик. Ермак вышел на берег и овладел без особого сопротивления этим местом, которое в дальнейшем служило ему становищем и куда было перенесено все, находившееся на судах.

§ 67. Опасаясь нападения, казаки всю следующую ночь не спали. Это дало им случай снова подумать о своей чрезмерной смелости и о превосходных силах татар, которые в будущем могли причинить им мало хорошего. Снова возник и обсуждался между ними вопрос о том, не лучше ли во-время вернуться назад в Россию, чем подвергать себя далее очевидной опасности быть совершенно уничтоженным врагами. Те, которые желали вернуться, говорили, что каждому из них придется одолеть, по крайней мере, от 10 до 20 татар, пока они почувствуют себя в некоторой безопасности, и что каждому легко рассудить, насколько это трудно и почти невозможно. Другие возражали им на это, что не все ли равно, где умирать, и что, если они вернутся в Россию, им придется заняться прежним делом на Волге, убивать своих братьев христиан и через это самим погибнуть, здесь же они будут убивать только бусурман, и если им самим суждено погибнуть, то эта судьба их не хуже той, которая ожидает их в России. При этом указывали и на позднее время года, которое не давало никакой надежды вернуться назад. Ермак

держался именно этого мнения и указывал казакам, что если они будут бояться и не используют уже имеющиеся у них преимущества и таким позорным бегством порадуют врага, то все же надо ожидать дорогою гибели от мороза, голода и многих других трудностей. Наоборот, проявлением своей прежней храбрости здесь можно надеяться не только сохранить себе жизнь, но еще заслужить вечную себе славу, завоевав для отечества могущественное царство. Если же судьба решила послать им смерть, то для отечества будет больше пользы, а для них больше чести, если при этом они нанесут урон врагам, чем тогда, когда они найдут себе смерть где-нибудь в неведомом месте с явной пользой только для одних врагов.

§ 68. После таких уговоров казаки приняли единодушное решение не думать больше о возвращении в Россию, не поддаваться страху и не падать духом, но попрежнему смело нападать на врага и, в случае необходимости, умирать друг за друга. Действие принятого решения сказалось вскоре после того, когда хан Кучум, лично предводительствуя татарами, решил 1 октября силой принудить казаков к отступлению. Ермак со своими казаками смело направился ему навстречу до того места, где под высоким Чувашским мысом хан приказал засечь дороги или, как это сказано выше, запереть Иртыш. [1] Он еще раньше замышлял овладеть небольшим городком, расположенным на этом месте и укрепленным валом и рвом. [2] По сравнению с прежними этот городок казался ему более удобным и безопасным, чтобы устроить там место своего пребывания. Хотя не удалось взять городок, но и хан ничего не мог сделать против казаков и должен был отступить с большим уроном для себя, а Ермак со своими людьми благополучно вернулся в городок Атик. Здесь он решил собирать необходимое продовольствие для предстоящей зимы, но из-за сопротивления татар и боязни наезжавших татарских отрядов удалось получить немного, а потому пришлось довольствоваться небольшим запасом пшеницы и полбы, которая представляет вид яровой пшеницы и возделывается в Сибири главным образом татарами-магометанами.

§ 69. Недостаток продовольствия заставлял казаков горячо желать иметь поскорее решающее сражение с ханом Такой случай представился 23 октября, когда большой отряд татар появился наверху Чувашского мыса и внизу у засеки. Казаки с криками «С нами бог» бросились из городка Атика в наступление. Царевич Маметкул, который был во главе татар внизу на берегу реки, защищался очень храбро. Отряд татар под предводительством самого хана действовал не менее решительно на Чувашском мысу, усиленной стрельбой из луков стараясь помочь находящимся внизу. Но всего этого было недостаточно, чтобы заставить казаков отступить. Счастье, очевидно, было на их стороне, и они одержали над неприятелем такую полную победу, что Кучум и Маметкул должны были думать

[1] Гл. 2. § 55.

[2] Этот городок был заселен, по всей вероятности, чувашами, которых хан когда-то вывез из Казани.

только о спасении своей собственной жизни. О потерях казаков ничего не говорится в летописях. Но известие об этом имеется в синодике соборной церкви в Тобольске, где сказано, что в этом сражении погибли 107 казаков, которым и поныне ежегодно в первое воскресенье великого поста поется «вечная память».

* § 70. В Ремезовской летописи по поводу этого сражения отмечено, что Кучум, кроме обыкновенного оружия татар: стрел, луков, копий и сабель, имел еще две пушки, которые он поставил против казаков на Чувашском мысу, но казаки будто бы умели их заговаривать, так что эти пушки не могли им причинить никакого вреда, а потому хан, вынужденный бежать, будто бы приказал сбросить их с высокого берега в реку Иртыш. Здесь необходимо объяснить и исправить известие Витзена, который неправильно рассказывает, [1] будто бы хан бежал из города Сибири, который он постоянно смешивает с городом Тобольском, и велел при этом сбросить в Иртыш две имевшиеся у него чугунные большие пушки, из которых каждая была длиною в два аршина и стреляла сорокапудовыми ядрами. Одну из них казаки потом вытащили из реки, и она будто бы в его время находилась в Тобольске. Может, правда, возникнуть сомнение, откуда же Кучум мог взять эти пушки, так как татары в Сибири не умели их лить, и нельзя предположить также, что он получил их из Бухары, где в то время также не знали пушечного дела. Но если мы согласимся с тем, что сказано в первой главе этой «Истории», [2] а именно, что Кучум ездил в Казань, то могло случиться, что он привез в Сибирь эти пушки оттуда, а к казанским татарам они могли еще раньше попасть в качестве добычи от русских. Но трудно найти подтверждение тому, что казаки вытащили из Иртыша одну из этих пушек и что в то время, когда было написано это известие Витзена, она находилась в Тобольске. Этому нет ни малейшего подтверждения ни в летописи, ни в архивных делах, ни в преданиях местных жителей, ни в наличном составе имеющейся в настоящее время в Тобольске артиллерии. [3]

§ 71. Следствием описанного сражения было то, что на следующий день, 24 октября, все остяки из местностей по Иртышу, которых хан вызвал для усиления своего войска, покинули его и со страхом разбежались по своим юртам. При всей своей простоте эти люди не могли не понять, что татарскому владычеству наступает конец и что им придется скоро подчиниться новым

[1] Изд. 2-е, стр. 739.

[2] § 72.

[3] У Витзена на стр. 739 и далее говорится, кроме того, о двух нападениях казаков на ханскую столицу, которую Витзен опять смешивает с городом Тобольском. Хотя большинство обстоятельств не совпадает с описанными ранее, можно, однако, признать, что здесь говорится о двух боях у Чувашского мыса. Заслуживает внимания сообщение, будто Ермак при первом нападении, чтобы усыпить бдительность и не вызвать беспокойства среди врагов, велел зарядить пушки и мелкое оружие одними пыжами и что при втором нападении он стрелял уже настоящими, отчего больше всего зависел исход битвы. Такая хитрость могла быть употреблена, хотя Сибирские летописи об этом не упоминают, но в них кратко описываются только главные события, а мелкие обстоятельства нередко совсем опускаются.

властителям. Можно поверить и тому, что блестящие победы казаков и поражения, понесенные татарами, считавшимися всесильными, содействовали тому, что некоторые из татар в скором времени добровольно подчинялись русским и начали платить им ясак. [1]

§ 72. В связи с бегством хана Кучума обыкновенные сибирские летописи сообщают, что сейчас же после понесенного поражения он возвратился в свой столичный город, поспешно собрал все свои драгоценности и в следующую же ночь бежал со всеми своими людьми. Ремезовская летопись говорит, что он оставался в Сибири до 25 октября и якобы во сне имел видение, как будто небо разверзлось со всех четырех сторон и появилось множество сверкающих и крылатых воинов, на которых было страшно смотреть; они окружили его столицу и настойчиво говорили ему, чтобы он покинул страну, которую бог отдал христианам. После этого в тот же день и последние вогулы, которые еще оставались при хане, по примеру остяков, покинули его и побежали через Ескальбинские болота в свои юрты. Хан же будто бы только в следующую ночь, с 25 на 26 октября, обратился в бегство и с ним вместе убежали все знатные татары из городков Чуваша, Бицыка, Сузгуна и Абалака.

§ 73. Что касается времени бегства, то наибольшего доверия, как кажется, заслуживает Ремезовская летопись по тому порядку, в котором передаются в ней события, а, главным образом, потому, что в ней сообщается, что казаки узнали о бегстве хана только 26 октября. Принимая во внимание близость расстояния, бегство не могло бы так долго оставаться неизвестным, если бы оно произошло в ночь с 23 на 24 октября. По поводу вогулов, которые возвратились в свои юрты через Ескальбинские болота, необходимо заметить, что Ескальба или, правильнее по татарскому произношению, Есвальга — татарское селение на Иртыше ниже Тобольска, от него через низменные болотистые места ведет прямая дорога к реке Конде; следовательно, эти вогулы приходили с верховьев реки Конды. Что касается названия татарских городков, из которых три уже известны по прежним событиям, то остается только сказать, что Абалак или по-татарски Ебалак было местечко на высоком восточном берегу Иртыша, в пяти верстах выше ханской столицы Сибири, где впоследствии было построено русское село под тем же названием. Под бежавшими же вместе с ханом знатными татарами, юртами которых казаки завладели уже раньше, я имею в виду Карачу или мурзу Атика, но о них и особенно о первом речь будет итти в дальнейшем изложении. [2]

§ 74. В приведенном известии Витзена [3] сообщается, что Кучум еще до прибытия казаков, как только получил первые сведения об их приближении, отправил свою жену и всех детей для безопасности в Абалак. Но это мало вероятно. Не говоря уже о том, что Кучум имел несколько жен.

[1] § 78.
[2] Гл. 3, § 9.
[3] Стр. 738.

которые после попали в руки русских, Абалак не был таким хорошо укрепленным местом, как тогдашний город Сибирь, и в этом отношении не являлся более безопасным. Может быть, хан это сделал для того, чтобы во время его военных действий женщины не мешали ему, или же чтобы при нужде, в случае бегства, удобнее было по пути забрать их с собой. Но все это не имеет для нас значения. Мы снова встретим Кучума впоследствии в степи у реки Ишима, где он, по обыкновению степных кочевников, кочевал с места на место в кибитках, как об этом устно рассказывают тобольские татары. Кучум со своим кочевьем доходил иногда до Явлутуры, тогдашнего татарского городка при реке Тоболе, где в последующие годы был построен Ялуторовский острог.

§ 75. Между тем Ермак со своими казаками, сделав все необходимые приготовления, решил использовать одержанную им победу. Но ему едва ли что-либо оставалось делать, так как, когда казаки 26 октября подошли к ханской столице Сибири, чтобы принудить ее к сдаче, они узнали к своему большому удивлению и удовольствию, что хан ее уже покинул. Но так как Ермак опасался, что оставление Сибири было только хитростью, имевшей целью ослабить его бдительность и чтобы снова неожиданно на него напасть, он приказал тщательно обследовать все окрестности и повсюду расставить караулы и только после этого, в тот же день, торжественно въехал в город, намереваясь сделать его местом своего будущего пребывания.

* § 76. Развалины этого бывшего столичного города, если только такое место, каким, повидимому, было оно прежде, вообще можно назвать городом, видны еще до сих пор. Высокий восточный берег реки Иртыша имеет там большую, чем обычно, высоту Как это вообще бывает в тех местах, где река, протекая, подмывает берег, так и здесь часть горы обвалилась, и потому берег подымается здесь со стороны реки почти перпендикулярно. Наверху горы, если смотреть по течению реки, имеется буерак, по которому течет небольшая речка, которая по имени города носит по-русски название Сибирки. Татары не имеют для этой речки особого названия. В виду крутизны с этой стороны горы совсем нет всхода. С третьей степной стороны горы имеется долина, которая спускается сверху в буерак к речке Сибирке; отсюда можно было, пожалуй, добраться до того места, где находился город, но так как и здесь довольно крутое место, то подъем требовал больших усилий. Только четвертая сторона постепенно спускается к берегу и отсюда, должно быть, был доступ к городу. То же самое и теперь, когда едешь для обозрения: указанное место именно с этой стороны прежде всего бросается в глаза. Оно представляет небольшую круглую гору, которая по уступам была укреплена тройным валом и расположенными между ними рвами, причем один вал был выше другого. Эти валы окружают город только со стороны долины и со стороны, доступной для подъема. Обе другие стороны, от Иртыша и от буерака, где протекает Сибирка, не требовали каких-либо укреплений. В некоторых местах валы и рвы с течением времени так заросли, что они едва видны. Внутреннее пространство имеет приблизительно 50 саж. в диа-

метре. Из этого можно заключить, что, кроме хана, его семьи и людей, там могли жить только немногие знатные татары, если не предполагать, что это место в то время было значительно больше. Уверяют, что со стороны реки часть площади, много или мало — неизвестно, была подмыта водою и обвалилась. От домов или постоянных жилищ не осталось там никаких следов, кроме некоторой неровности почвы в разных местах, почему и можно заключить, что здесь когда-то стояли жилища. Если это так, то они были сделаны из дерева, на манер татарских построек в Сибири, или, по бухарскому обыкновению, построены из необожженных кирпичей, так как от них не осталось никаких следов. В некоторых местах сохранились ямы, которые могли служить погребами. Говорят, что некоторые из них вырыты недавно, так как там искали драгоценности, и иногда не безуспешно.

§ 77. Я отметил выше [1] несходство в исчислении времени, которое имеется в рассказе о зимнем пребывании в Тюмени в обыкновенных Сибирских летописях и в Ремезовской летописи. Так как отличие касается, главным образом, только этого обстоятельства, все же остальное легко можно согласовать, то необходимо здесь заметить, что я, следуя, главным образом, Ремезовской летописи в изложении повседневных событий, не нашел в ней никакой неточности, кроме той, которая находится на вклеенном в нее листе в рассказе о походе на реку Тавду. [2] В виду этого и в отношении времени, когда город Сибирь был занят казаками, я принимаю то, которое указано в Ремезовской летописи. Правда, что касается до этого события, то и все остальные летописи сходятся на том, что вступление казаков в город имело место 26 октября, в день памяти св. Димитрия. Дни церковных праздников и дни именин хорошо известны простому народу, и это содействовало лучшему запоминанию событий. В счете же лет могла произойти ошибка. В виду этого меня не смущает то, что обыкновенные летописи, которые описывают не по дням события похода по рекам Туре и Тоболу, а также степенные книги и все другие хронографы, из которых обычно одни с других списаны или сокращены, указывают взятие города Сибири в 7089 г. вместо настоящего 7090 г.

§ 78. Перед казаками стояла теперь задача не только владеть пустым городом, но прежде всего заставить окрестные народы признать новую власть и подтвердить это признание уплатой ей ясака. Казакам посчастливилось опять больше, чем они могли надеяться вначале. Остяки, участвовавшие в бою под Чувашским мысом, [3] вернувшись домой, описывали своим собратьям подвиги казаков в таких страшных красках, что те поняли, что будут в безопасности только тогда, когда они заслужат милость новых властителей добровольным подчинением и поднесением богатых подарков. Уже на четвертый день после въезда в город Сибирь к Ермаку явился остяцкий князец с реки

---

[1] § 47.
[2] § 61.
[3] § 71.

Демьянки, по имени Бояр, со множеством народа и привез в подарок, кроме большого числа драгоценной мягкой рухляди, также много съестных припасов и особенно рыбы. Ермак показал себя при этом не ненасытным разбойником, а милостивым государем, который довольствуется тем, что ему приносят его подданные, не разоряя себя. Ермак приветливо встретил остяков и отпустил их назад честно.

§ 79. Таким же образом пришли с приношениями в город Сибирь с рек Иртыша, Тобола и с их притоков многие татарские семьи, которые покинули свои юрты из боязни казаков и бежали в отдаленные места. Они были приняты также приветливо. Ермак, который надеялся совершить еще много удачных завоеваний в пространной и дикой Сибири, хотел приобрести любовь своих подданных и тем положить основание спокойному владению ими. Он разрешил татарам жить в их прежних улусах, заверив их, что если они будут добровольно подчиняться ему и жить в покое, то не подвергнутся ни малейшему насилию со стороны казаков: наоборот, им будет оказываться всяческая помощь и защита против всех врагов, особенно в случае посягательств на них бывшего хана Кучума.

§ 80. Случилось таким образом, что эти места, действительно, пребывали некоторое время в желанном покое. Казаки небольшими отрядами часто разъезжали по татарским селениям, не замечая никакого озлобления против себя. Но благодаря этому они стали слишком смелы, считали себя в полной безопасности и позабыли даже о необходимости сохранять осторожность против происков хана Кучума, пока не произошел следующий случай, напомнивший им об этой необходимости. Отряд в 20 казаков отправился 5 ноября на Абалак на рыбную ловлю. Там на высоком берегу Иртыша, на лугу, имеется длинное и узкое озеро, соединяющееся с рекой протоком и носящее русское название Абалакского озера, а по-татарски Ебалак-бюрень. [1] На этом озере казаки ловили рыбу, и ловля должна была продолжиться несколько дней. Беззаботно легли они ночью спать. Царевич Маметкул, который, находясь поблизости, незаметно следил все время за движениями казаков, неожиданно напал на них и перебил их во время сна. Только одному из них удалось спастись бегством и в ту же ночь сообщить Ермаку обо всем случившемся.

* § 81. В своем гневе из-за невинно пролитой крови Ермак не мог успокоиться, пока не отомстит врагу. С достаточным количеством людей он без промедления отправился в поход, чтобы нагнать Маметкула, и ему это удалось сделать в недалеком расстоянии от того места на Иртыше, где сейчас находятся татарские Шамшинские юрты. Он шел так поспешно, что царевич никак не рассчитывал на такое быстрое преследование. Враги сильно поплатились за причиненное ими зло. Множество татар было перебито и только немногим удалось бежать вместе с царевичем. На обратном пути Ермак взял с собой тела убитых казаков и похоронил их на Саусканском

---

[1] На татарском языке все проточные озера называются «бюрень», а непроточные — «куль».

мысе высокого восточного берега Иртыша, в нескольких верстах ниже города Сибири, где на татарском кладбище [1] прежние ханы, как говорят, хоронили членов своей семьи. Под этим мысом, по обеим сторонам реки, находится упомянутая выше татарская деревня Саусканский аул. [2] Принимая за день убийства казаков 5 ноября, я следую снова Ремезовской летописи и меньше всего полагаюсь на прочие летописи, которые относят это убиение к 5 декабря, тем более, что и синодик Тобольской соборной церкви называет тот же день 5 ноября, в который им положено производить вечное поминовение.

§ 82. В то же время владения казаков еще более увеличились, так как 6 декабря явились к Ермаку два князца Ишбердей и Суклем, привезшие ему много подарков и запасов продовольствия. Первый пришел из местности по ту сторону Ескальбинских болот, о которых я выше упоминал, что они были по реке Конде. [3] Но татарское имя Ишбердей заставляет предполагать, что он прибыл с реки Тавды, куда вел обычный путь с Иртыша через Ескальбу, которым пользовались тогда, когда замерзали озера и болота. Летопись восхваляет этого Ишбердея за то, что в последующее время он был преданным слугою России и многих других князцов с их родами помог обложить ясаком, служа проводником казакам, которых отправляли к ним с этой целью.

* § 83. В виду только что упомянутых и ранее приведенных обстоятельств [4] Ермак из предосторожности заставлял все народы шертовать по их вере и давать обещания покорности. Он налагал на них ясак, который они должны были ежегодно платить. Смотря по местности, ясак состоял из разной мягкой рухляди, по большею частью из соболей. Таким образом, Ермак оказался владетелем небольшого государства, где для удержания власти ему нехватало только большего количества соотечественников и европейского военного снаряжения. Очевидно, это заставило его, по возможности скорее, сообщить о своих завоеваниях царскому двору. Передавая эти земли под власть русского царя, он надеялся получить от него прощение своих прежних вин.

§ 84. Для выполнения этого намерения был избран атаман Иван Кольцов, который с 50 казаками отправился в Москву. Он повез с собою всю собранную мягкую рухлядь и челобитную царю, которая, по словам летописей, была следующего содержания: Изволением божиим и великаго государя царя и великого князя Ивана Васильевича счастьем Ермак со своими товарищами взял Сибирское царство, победил и обратил в бегство хана Кучума, под его царскую руку многих татар, остяков и вогулов привел к шерти на том, что быть им под его царскою рукою до окончания веку и давать им ясак ежегодно, а на русских людей никакого зла не мыслить и не делать, и которые из них похотят служить государю, те будут приняты на

[1] По-татарски «мазарет» (гл. 1, § 76).
[2] Гл. 1, § 81.
[3] § 73.
[4] § § 78 и 79.

казацкую службу, и тем бы его государскую службу служити ревностно, как подобает верным подданным, с божьею помощью и насколько хватит сил выступати храбро против недругов царя и самим никогда не изменять, не отъезжать к хану Кучуму, к его людям и к другим враждебным народам, но посвятить всю свою жизнь с полной готовностью государевой службе.

§ 85. К этому следует еще прибавить, что Ермак, как пишет Витзен, [1] в отправленной челобитной просил о милостивом прощении своих прежних вин и указывал царю на необходимость послать в Сибирь воеводу, который управлял бы ею по приказам его царского величества и защищал бы ее от всяких вражеских нападений. Витзен при этом говорит, что посланный ясак состоял из 60 сороков соболей, 20 чернобурых лисиц и 50 бобров и что, кроме того, тогда же было отправлено в Москву три знатных пленника. Однако, эти последние известия подлежат сомнению, так как настоящее количество ясака едва ли могло быть известно чужестранцу, записавшему эти сведения, и, кроме того, в летописях ничего не говорится о том, что казаки имели в то время знатных пленников.

* § 86. С этим поручением атаман Иван Кольцов, по словам Ремезовской летопись, отправился из Сибири 22 декабря 7090 (1581) г. и совершил путь по тамошнему обыкновению отчасти на длинных узких санях или нартах, запряженных собаками, а отчасти на лыжах и на оленях. Проводником через Камень служил ему упомянутый выше [2] князец Ишбердей, который назван здесь Ескальбинским; он повел казаков в Пермь по так называемому Волчьему пути, под которым, очевидно, подразумевается путь через Тавду в Чердынь, но почему он носит название Волчьего пути этого не объясняют природные условия тех мест; живущие же там вогулы не могут также дать об этом какие-либо разъяснения.

Глава третья

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СИБИРИ К МОСКОВСКОМУ ГОСУДАРСТВУ

§ 1. Удачный исход описанных выше казацких походов в Сибирь не мог помешать тому, что вогулы, жившие в верхнем течении реки Тавды, продолжали в то же время беспокоить русские города в Пермской земле. Их предводитель имел пребывание на реке Пелыме, надо думать, в том месте, где потом был построен город Пелым, отчего и назывался Пелымским князем. Он перешел Югорские горы с многочисленным отрядом вогулов, разорил новые Строгановские поселения по реке Каме, сжег много деревень, увел с собой многих жителей в плен и осенью 1581 г. держал в осаде один из Строгановских городков на реке Чусовой. Это дало основание тогдашним старшим представителям строгановской семьи Семену Аникиеву сыну и Максиму Яковлеву сыну обратиться к Московскому правительству с просьбой о присылке помощи людьми из Чердыни — тогдашнего главного города Пермской земли. Они просили также, чтобы их двоюродному брату Никите Григорьеву сыну Строганову было приказано стоять с ними заодно и вместе с ними отражать нападения вогулов. Эти обстоятельства известны из царской грамоты 6 ноября 7080 (1591) г. Никите Григорьеву сыну Строганову, [1] а эта грамота и сейчас еще сохраняется в семье Строгановых. Она во всех отношениях соответствовала просьбе Строгановых. Так как они могли и теперь противопоставить вогулам большую силу, их земли не подвергались дальнейшим неприятельским нападениям.

§ 2. Спустя год, с наступлением осени, те же вогулы 1 сентября напали на город Чердынь, причем многие жители города были убиты, а их имущество разграблено. В это время в Москву пришло первое известие о походе Ермака в Сибирь. Чердынский воевода Василий Пелепелицын искал при этом случая очернить Строгановых и сообщал, что будто бы во всем этом деле виноваты они, так как оказывали помощь донским казакам, и что казаки своими разбоями возмутили вогулов, так как было известно, что в тот же день, когда вогулы приступали к Чердыни, казаки предавали вогульские жилища огню и мечу. Еще более старался он открыть глаза на опасность, которая грозит государству, если сибирский хан захочет отомстить русским за казацкие нападения. Одним словом, он писал, как человек,

---

[1] Прилож. № 6.

который не имел представления о тогдашнем состоянии Сибири и не получил еще известий об удачном исходе предприятия Ермака.

§ 3. Так как Москва плохо знала настоящее положение вещей, то от царя Ивана Васильевича была послана Строгановым 16 ноября 7091 (1582) г. грамота [1] со строжайшим выговором за то, что они, без ведома Москвы, принимали у себя таких разбойников, которые принесли уже столько зла, особенно же за то, что они вооружили и направили их против ясачных вогулов. Строгановым угрожала царская опала в случае, если дела примут неблагоприятный для государства оборот, им приказано было отозвать казаков из Сибири, держать их для защиты границы и ни в коем случае не допускать, чтобы они своими разбоями наводили новых врагов на русские владения. О нападениях казаков на вогулов летописи ничего не говорят. Но этот царский выговор, по всей вероятности, тот самый, о котором говорилось выше [2] на основании известий летописи.

§ 4. Из этого видно, что казаки, посланные в Москву Ермаком, тогда еще не прибыли туда. Летописи ничего не говорят о времени их прибытия, но сообщают, что важность их доклада очень скоро доставила им доступ ко двору; царь удостоил их милостивого приема, во время которого была принята и прочитана царю челобитная Ермака. Казаки как для себя, так и для оставшихся в Сибири товарищей получили просимое ими прощение за все прежние преступления. По сообщению летописей, они были окружены при дворе многими знаками царской милости, им давали во все время пребывания в Москве казенный корм, и каждый получил от царя в подарок деньги и по куску сукна. У Витзена [3] прибавлено к этому, что царь по получении столь радостных известий приказал отслужить в главном соборе Москвы благодарственный молебен и раздать нищим много милостыни. Когда же казаки стали просить о том, чтобы послать в Сибирь воеводу, чтобы управлять ею, то на это последовало также согласие, но царю угодно было, чтобы до приезда воеводы Ермак, от имени царя, попрежнему вел тамошние дела.

§ 5. Как сообщают летописи, при обратном отправлении казаков им была вручена царская похвальная грамота Ермаку, составленная в самых милостивых выражениях. В ней прославлялись его заслуги, и он получал полное прощение всех своих прежних преступлений и уверения в царской милости. Вместе с этим в подарок Ермаку царь послал два драгоценных панцыря, серебряный ковш, шубу с собственного плеча и кусок сукна. Всем прочим казакам царь велел отправить денежные подарки и каждому по куску сукна. Витзен пишет, [4] что будто бы в грамоте, отправленной с казаками, разрешалось всем русским, кто только пожелает, переселяться со своими семьями в Сибирь, и будто казаки в пути нашли много желающих отправиться туда, и что в Сибирь прибыло с ними 1500 семейств. Он же сооб-

[1] Прилож. № 7.
[2] Гл. 2, § 36.
[3] Стр. 740.
[4] Указ. место его труда.

щает, что к вологодскому епископу одновременно была послана грамота об отправке в Сибирь вместе с казаками 10 священников с их семьями и т. п. Но эти сообщения Витзена являются сомнительными, так как трудно допустить, чтобы сибирские летописи, в которых ничего не упоминается об этом, умолчали бы о столь значительном подкреплении казаков в Сибири, совершившемся по государеву указу. В то же время весьма вероятно, что, желая привлечь людей, казаки в пути так расхваливали привольную жизнь в Сибири и тамошние неисчерпаемые богатства, что и без государевой грамоты многие гулящие и беглые люди охотно к ним присоединялись и с ними вместе отправились в Сибирь, и таким образом их отряд получил сильное подкрепление. В Ремезовской летописи рассказывается, что они прибыли в Сибирь к Ермаку 1 марта 7090, т.е. 1582 г., но тут, кажется, в летопись вкралась описка и, по всей вероятности, казаки снова встретились с Ермаком в Сибири только в 1583 г.

§ 6. В то время. как все это происходило, Ермак не упускал случая, чтобы распространить свою власть дальше по Сибири. Он получил 20 февраля 1582 г. известие от жившего недалеко и преданного ему татарского мурзы Сенбахты Тагина, что царевич Маметкул с немногими своими людьми кочует на реке Вагае, впадающей в Иртыш, приблизительно в 100 верстах от города Сибири. Так как Ермак не имел обыкновения упускать благоприятные обстоятельства, то он тотчас же отправил 60 отборных людей с тем, чтобы они попробовали свое счастье и напали на царевича. Они застали его около озера Кулара, недалеко от Иртыша, где впоследствии стояла Куларовская слобода, значит, гораздо ближе, чем указал Сенбахта. По всей вероятности, Маметкул намеревался напасть на казаков, но они ему на этот раз помешали. Ночью, когда все спали, казаки напали на царевича так неожиданно и с такой силой, что большая часть татар при этом была перебита, и сам царевич попал в руки казаков.

§ 7. Это был первый знатный пленник казаков, что имело важные последствия, так как знатное происхождение его сулило казакам большие выгоды. В то же время это служило им некоторым утешением, так как от его храбрости и враждебных действий они раньше много терпели. 28 февраля его торжественно доставили в город Сибирь, где он приветливо был принят Ермаком, который заверил его в царской милости. Ему отвели в городе отдельное жилище, но приставили к нему особый караул, который должен был следить за всеми его действиями. Некоторые обыкновенные сибирские летописи сообщают, что Ермак вскоре после этого отправил в Москву новых послов для сообщения о счастливом случае, а также и для того, чтобы получить указ, как поступить с этим знатным пленником, и когда затем пришел указ, то Ермак отправил царевича с довольно многочисленными провожатыми в Москву. Ермак мог иметь еще другие причины удерживать царевича при себе некоторое время. Он мог надеяться, что благодаря этому можно будет заставить Кучума вступить в переговоры и признать на известных условиях царскую власть, так как освобождение

царевича за представленных вместо него других аманатов могло бы весьма помочь в этом отношении. Но Кучум не давал о себе знать, и нет также известий о том, чтобы он предпринял что-либо для освобождения царевича, несмотря на то, что, помимо этого, на него посыпались еще другие несчастия, которые легко могли бы заставить его пойти на уступки.

§ 8. На основании преданий тобольских татар я уже сообщил в своем месте кое-что о князе Сейдяке, последнем отпрыске прежнего сибирского владетельного рода.[1] Я говорил там, что он вернулся из Бухары в Сибирь задолго до прибытия казаков, чтобы оспаривать наследство своих предков у Кучума, незаконно завладевшего им. Мною было также упомянуто, что в последующем рассказе по этому поводу может возникнуть некоторое сомнение, которое теперь должно быть отмечено. Все сибирские летописи единогласно сообщают, что первый слух о появлении князя Сейдяка дошел до хана только в это время; это тем более его напугало, что ему было сообщено также, что Сейдяк, услышав о приходе казаков и о победе последних над ханом Кучумом, имел намерение напасть на него с другой стороны, чтобы отомстить за смерть отца.[2] Если это было так, как рассказывают летописи, то приведенное выше известие не имеет никаких оснований. Я не беру на себя смелость высказываться за то или другое, но каждое сообщаю в своем месте.

§ 9. Другой случай, который принес Кучуму в то же время не меньшее огорчение, был следующий. Вышеупомянутый Карача,[3] самый могущественный из всех тамошних татарских мурз, вышел из повиновения Кучуму и, покинув хана, избрал местом своего жительства верхнее течение реки Иртыша, около реки Тары, при озере, которое в обыкновенные сибирских летописях называется Ялынским, а в Ремезовской летописи Чулымским озером. Этим власть хана была почти так же ослаблена, как если бы он потерял сражение: многочисленное войско Карачи при прежних нападениях не мало ему помогало.

§ 10. У казаков же, напротив, владения их все увеличивались. Тою же весной они привели к подчинению татар и остяков, живших вниз по Иртышу, и заставили их платить ясак, для чего Ермак отправил туда пятидесятника Богдана Брязгу с 50 людьми. Известие о том, что там произошло, в Ремезовской летописи написано позднейшей рукой и находится на двух вклеенных листах, но по обстоятельствам времени и в связи с последующими событиями изложенные там известия представляются настолько вероятными, что об этих событиях должна итти речь именно здесь.

§ 11. Брязга со своим отрядом казаков отправился в путь 5 марта, и так как все жившие по дороге до речки Аримдзянки были уже раньше покорены, то он спокойно продвигался вперед. В устье же этой речки он встретил сильное сопротивление со стороны татар, которые засели в маленьком го-

[1] Гл. 1, § 81.
[2] Там же, § 69.
[3] Гл. 2. § 60 и 73.

Рис. 8. Волок.
(Ремезовская летопись, ст. 11.)

родке и не хотели слышать о сдаче. Брязга принужден был взять это место приступом. Он считал необходимым примерно наказать сопротивлявшихся для устрашения остальных, которых еще предстояло привести к повиновению. Поэтому он велел привести к себе самых видных из них, а также главных зачинщиков, которые подстрекали татар к сопротивлению, приказал некоторых из них повесить за ноги, других расстрелять или иным каким-либо образом умертвить. После этого оставшиеся шертовали в верности, целуя обрызганную кровью саблю, и все до одного были положены в ясак, который состоял из разной мягкой рухляди; Брязга отослал ее Ермаку в Сибирь вместе с большим запасом собранного хлеба и рыбы. С тех пор эти татары называются Аримдзянскою волостью. По описанному способу принесения присяги можно заключить, что эти татары тогда еще не приняли магометанской веры, и что то же самое, следовательно, можно предполагать и об остальных, живших вниз по реке. Этим подтверждается сказанное в первой главе этой истории [1] о слабом распространении магометанства при хане Кучуме.

§ 12. От этого места отряд направился далее к так называемой теперь Надцинской и следующей за ней Карбинской волости. Обе эти волости, зная уже о наказании, которому подверглись их соседи, объявили себя без малейшего сопротивления согласными на все. Но когда Брязга двинулся далее в Туртасскую волость, получившую название от впадающей в Иртыш реки Туртаса, к которой принадлежали также живущие несколько далее уватские татары, то он нашел там всех в большом возбуждении. Из татарских юрт собирался народ, который оказал казакам сильное сопротивление. При этом упоминается старинная татарская крепость, под названием Туртасского городища. Хотя во время моего пребывания в тех местах я этого городища не приметил, но из-за этого я не хочу подвергать сомнению его существование. Очень может быть, что по прошествии стольких лет следы этого городища не так уже заметны, как это было раньше. Небольшое сражение окончилось в пользу казаков. Подобно предыдущим, и эти татары были также положены в ясак.

§ 13. Туртасская и Уватская волости в тех местах последние, в которых живут татары. Далее начинаются остяки. Но в первом остяцком поселении, которое встречается здесь под русским названием Лебауцких юрт, остяки и татары живут совместно. Это поселение, которое остяками называется Нумпугль, татары называют Назым-аул, от чего произошло название Назымской волости, которое с этих пор было присвоено тамошним остякам. Впрочем, сами остяки объясняют это название тем, что их родоначальник носил имя Нозинг, по которому и волость до сих пор называется Нозинг-ях, т. е. люди Нозинга или его потомки. То же рассказывают они про одного князца, которого звали Кошель, владевшего ими в древние времена и жившего в той местности, где находится небольшой городок на горе,

---

[1] § 78.

названный по его имени Кошель-ваш, а по-русски Кошелево городище. Ничего не говорится при этом, что Брязга встретил там какое-либо сопротивление, или что он их легко подчинил, так как летопись переносит его непосредственно с Туртаса в Демьянку. Судя по тому, что в начале рассказа об этом походе целью его были названы Назымская и Демьянская волости, можно заключить, что они еще не были покорены. Рассказ же о подчинении назимских остяков потому мог быть опущен, что покорение их и следующей за ними волости составляло одну и ту же задачу.

* § 14. В предыдущей главе [1] рассказывается о некоем князце Бояре с реки Демьянки, который, вскоре после взятия Ермаком города Сибири, добровольно подчинился ему. Этому, кажется, противоречит то, что князец Демьянской волости называется здесь Демьяном, и при этом описывается, как упорно сопротивлялся он казакам. Но можно предположить, что за это время Бояр уже умер, и под властью нового князца остяки вышли из прежнего повиновения, или что у демьянских остяков было два князца, которые действовали с совершенно различными намерениями — один из них признавал казацкую власть, а другой из упрямства не хотел ей подчиниться. Это последнее потому является вероятным, что Демьянская волость по обыкновенным ясачным книгам делилась на две части, причем в первой из них были описаны остяки, жившие по Иртышу, во второй — остяки, жившие по верхнему течению реки Демьянки. По произношению остяков следовало выговаривать имя князца Демьяна Нимнян. Тем же именем они называют реку Демьянку. Но когда они разговаривают с русскими и желают подражать русским окончаниям, то всегда говорят Нимнянка.

* § 15. Демьян или Нимнян собрал до 2000 человек остяков и вогулов, которые, вероятно, пришли с реки Конды. Он ожидал казаков с тем большей смелостью, что для обороны имел на горе большой и крепкий городок. Казакам было весьма трудно овладеть этим местом. В течение трех дней они упорно старались взять городок, но ничего не достигли. Так как они захватили с собой из Туртасской волости недостаточное количество продовольствия, в надежде найти его здесь в изобилии, то скоро начался у них голод, и они стали уже думать о возвращении назад, когда Брязга случайно узнал от татар, которые служили у него в обозе подводчиками, о причине упорства остяков. Среди татар был один чуваш, которого хан Кучум когда-то вывез из Казани; он часто бывал прежде среди остяков; по его словам, у них имеется идол, про которого остяки рассказывают, что он привезен к ним из России, где его почитали под именем Христа. Этот идол вылит из золота и сидит в чаше, в которую остяки наливают воду, и после того как они выпьют этой воды, они твердо верят, что с ними не может случиться никакого несчастья. Вероятно, это и является причиной их упорства. Он прибавил, что если ему разрешат, он отправится к остякам и попытается украсть идола; во всяком случае, он на-

[1] Гл. 2, § 78.

дается проведать намерения остяков для того, чтобы казаки могли принять свои меры.

§ 16. Это предложение было принято, и вечером того же дня чуваш был отпущен в городок к остякам под видом перебежчика. На следующее утро он опять был в казацком лагере и принес следующее сообщение. Остяки находятся в большом страхе, они поставили идола на стол, а вокруг него жгут в особых чашах сало и серу. Сами же в великом множестве стоят и сидят перед столом и возносят идолу непрестанные молитвы, что и помешало чувашу украсть его. При этом они гадают — сдаваться ли им казакам, или продолжать сопротивление, и уже пришли к тому заключению, что лучше сдаться. После этого казаки с новой силою начали наступление, которое едва только началось, как большинство остяков и вогулов бежали из городка и рассеялись по своим юртам. Оставшиеся прекратили сопротивление, и казаки могли без особых усилий овладеть этим местом.

* § 17. Нужно сказать, что после сдачи городка казаки искали идола, но нигде его не нашли. Если на этом основании рассказ об идоле считать за басню, то можно впасть в ошибку, потому что остяки легко могли скрыть свою святыню или перевести ее в другое место. Как известно, остяки еще в недавнее время, после того как их привели в христианскую веру, тщательно скрывали своих важнейших идолов, и спустя многие годы о них нельзя было получить какие бы то ни было известия. Что же касается того обстоятельства, будто бы упомянутый идол был привезен из России, и что остяки его называли именем Христа, то, судя по описанному изображению его, как сидящему в чаше, это сообщение о происхождении его из России вызывает большие сомнения, и надо думать, что это добавление принадлежит составителю летописи, в особенности когда при этом говорится, что этот идол был известен во времена Владимира Великого, который велел крестить всех русских, о чем остяки едва ли могли иметь какие-либо сведения.

§ 18. Надо также заметить, что, по рассказу летописи, кроме князца Демьяна с остяками в городке находился другой знатный князец, по имени Роман, который при сдаче бежал вверх по реке Конде. Это дает возможность определить местонахождение городка. В устье реки Демьянки, где теперь находится село Демьянский ям, не видать никаких следов старого остяцкого укрепления. По имени же Романа названа остяцкая деревня, находящаяся в 30 верстах ниже Демьянки. Так как против этой деревни на восточной стороне реки Иртыша на горе можно видеть остатки какого-то старого остяцкого укрепления, то я думаю, что это и есть старый Демьянский городок. Остяки называют теперь это место Чукас. Среди окружающей низменности это отдельно стоящая гора, которая не имеет никакого соединения с остальным высоким восточным берегом Иртыша, где горы значительно отошли от реки. Можно было бы думать, что эта гора — произведение человеческих рук, но ее чрезвычайная величина дает повод сомневаться в последнем: у подножья она имеет в окружности около двух верст, а в высоту около 30 и более саженей.

*

* § 19. Между тем, наступила весна, и казаки были принуждены остаться здесь, пока не пройдет лед. За это время они построили небольшие легкие суда, чтобы ехать дальше вниз по Иртышу. Они прежде всего прибыли к остяцкому местечку Рачеву городищу, которое получило свое название от идола Рача, который был в этом месте очень почитаем. Там находилось в это время собрание шайтанщиков, которые ходили из одного места в другое и собирали дары для приношения в жертву этому идолу. Но как только казаки высадились на берег, все от них побежали и спрятались в густых лесах. Казаки нашли только остатки жертвы, которая была приготовлена остяками идолу. Хотя казаки оставались здесь до следующего дня, надеясь, что жители опять вернутся, но никто не показался. Несколько ниже Демьянского яма находятся остяцкие Рачевы юрты и дальше от них, вниз по течению, впадает в Иртыш речка Рачевка. Все эти названия произошли, несомненно, от имени находившегося в этих местах идола Рача.

§ 20. Так как здесь дальше было нечего делать, то Брязга не хотел задерживаться и продолжал свой путь. По дороге, когда ему встречались остяцкие юрты, он приводил остяков к шерти и вместо ясака брал все, что ему попадалось. Вскоре после того ему пришлось проезжать одно очень опасное место в Цингальской волости, где Иртыш необыкновенно узок и с обеих сторон окружен горами. Эта местность казалась остякам благоприятной для нападения на казаков. Они собрались поэтому в большом числе, готовые на все, чтобы не допустить казаков проплыть далее. Я не знаю о каких крюках рассказывается при этом в летописи: остяки будто бы хотели задержать ими казаков или их суда. Ведь Иртыш там совсем уже не так узок, чтобы можно было надеяться при этом на удачу. Однако, Брязгу это весьма беспокоило. Он велел остановиться вблизи этого места и не хотел итти далее, пока все его люди не принесут молитвы богу о помощи против врагов. Учинив это на рассвете следующего дня, он двинулся в путь, как только взошло солнце, и был так счастлив, что несмотря на то, что остяки с силой напали на него с обоих берегов, ему удалось их прогнать и рассеять одним выстрелом из всего мелкого оружия. Таким образом были взяты без всякого дальнейшего сопротивления не только Цингальские юрты, но и другое остяцкое местечко, которое в летописи называется Нарымским городком.

§ 21. Упомянутые здесь по обе стороны реки Иртыша горы могут вызвать сомнение, потому что в других местах только восточный берег покрыт горами, а на западном, напротив, повсюду находятся низкие луга. Но подтверждением этому рассказу служит мое географическое описание Сибири, где говорится, что только в этой местности на западном берегу Иртыша находится большая гора, немного выше остяцкого селения Цингальских юрт. Остяки рассказывали мне, что в древние времена эта гора служила им убежищем от неприятельских набегов и что на вершине ее можно и сейчас еще видеть остатки прежнего укрепления, почему это место и назы-

вают по-русски Цингальским старым городищем. Можно предполагать, что в прежнее время эта гора составляла одно целое с теми горами, которые находятся на восточном берегу. Еще сейчас можно видеть на западной стороне этой горы следы старицы, где прежде протекал Иртыш. После того, как эта гора по неизвестным причинам, может быть, из-за землетрясений, здесь, впрочем, необычных, или из-за рыхлости почвы, которая могла обвалиться, отделилась от остальных гор, Иртыш проложил свой путь по вновь образовавшемуся руслу, и, таким образом, эта гора оказалась одиноко стоящей на его западном берегу. Еще и теперь ниже Цингальских юрт можно видеть устье старого протока Иртыша, который, как говорят остяки, называется русскими Старым Иртышем. Верхнее же устье, которое должно было находиться немного выше названной горы, уже больше не видно, так как за давностью времени превратилось в крепкий плотный берег, поросший повсюду тальником.

§ 22. В обоих названных местечках, в Цингальских юртах и Нарымском городке, казаки не нашли никого, кроме жен и детей тех остяков, которые подстерегали их в узком проходе. Они не задержались поэтому в первом местечке, а поехали далее и переночевали в Нарымском городке, который, вероятно, находился приблизительно там, где стоят теперь Сотниковы юрты, хотя я не слышал, чтобы прежде там было какое-то укрепление, как можно было бы думать по названию Нарымский городок. Что же касается волости, то она еще и в наше время известна под именем Нарымской, что на языке остяков означает болотистую местность. С наступлением вечера остяки стали приходить поодиночке, чтобы посмотреть, что делают казаки в их юртах. Они боялись, что из мести за их нападение жены и дети их могут сильно поплатиться. Однако, Брязга показал себя по отношению к ним очень милостивым и своим приветливым обращением привлек их к себе и совершенно рассеял их страхи. Это привело к тому, что на другой же день большинство остяков вернулись в свои юрты, учинили шерть в постоянном повиновении и изъявили готовность добровольно платить ясак.

§ 23. После этого казаки поехали дальше и прибыли 9 мая в так называемую теперь Тарханскую волость, которая в летописи, по всей вероятности, по тамошнему князцу, называется Колпуховой. При этом упоминается также Колпухов городок, память о котором сохранилась поныне в названии Колпуховские юрты. Тарханские остяки производят себя от татар и говорят, что их предки жили в окрестностях Тобольска, где один из них был тарханом. Но они не знают, когда и по каким причинам произошло переселение их в эти места. Казаки встретили здесь незначительное сопротивление. После трехчасового боя, во время которого полегло много остяков, остальные сдались казакам и уплатили изобильно требуемый ясак. Таким же образом и остальные остяки, жившие в отдельных юртах выше по течению реки, частью добровольно, частью по принуждению должны были платить ясак.

§ 24. На Иртыше оставалось только одно место, которое надо было еще завоевать. Оно было особенно важно, потому что там имел местопребывание главный князец остяков, живших по Иртышу и Оби, Самар; по его имени местечко названо Самаровским ямом, так как оно построено там, где жил Самар. Кроме того, Самар имел еще для убежища небольшой городок, остатки которого можно и сейчас еще видеть; этот городок находился на высокой и крутой горе, которая кажется очень близкой от Самаровского яма, если плыть вниз по Иртышу, но если совершить этот путь по берегу, то расстояние будет около двух верст. Я только с большим трудом мог подняться на эту гору со стороны Самаровского яма; со стороны же реки, а также с той стороны, которая лежит ниже по реке, на гору совершенно невозможно подняться. Очень может быть, что со стороны суши долинами между прилегающими горами доступ был несколько удобнее. Высоту горы можно считать по отвесу от реки 30—40 саженей. Так как вершина была прежде очень острой, то ее пришлось несколько срезать, и осыпанной землею образовать кругом нее ровное место, как это можно видеть там до сих пор. Нельзя представить себе более простого естественного укрепления. Все место имело не более 10 саженей в поперечнике. Кажется, там стояли только две избы, как можно заключить по двум ямам; избы были построены наполовину в земле, наполовину над землей и сделаны из досок и, по тогдашнему обыкновению остяков, были покрыты землею. Такие избы встречаются у них теперь очень редко. Из описания места видно, что оно могло служить в тревожное время убежищем не более как одной семье с ее челядью. На основании этого можно судить о подобных же небольших остяцких укреплениях, которые имели своей задачей во время вражеского нападения дать безопасный приют женам и детям остяков вместе с лучшими их пожитками. Сами же остяки не прятались в такие городки, а встречали недруга в поле или в своих юртах.

§ 25. Так было и 20 мая, когда казаки подошли к юртам князя Самара. Они поехали по небольшой протоке реки Иртыша, которая теперь называется Казенной протокой и лежит подле восточного берега (по ней ездят обычно весной во время высокой полой воды). Так как эта протока вблизи Самаровского яма опять соединяется с Иртышом, то казаки доехали по ней прямо к остяцким юртам. Дело происходило рано утром, и они нашли на берегу только спящий караул, который был тут же перебит. Самар с восемью другими князцами, призванными им на помощь, проснулся от шума и хотел со своими людьми оказать сопротивление, но тотчас же был убит казаками. Это так напугало остальных, что они обратились в бегство, а немногие оставшиеся простые остяки не оказали никакого сопротивления, обещали покорность и обязались платить ясак.

§ 26. Казаки полагали, что бежавшие понемногу опять вернутся назад, и потому оставались здесь целую неделю. Летопись рассказывает только об одном богатом остяцком князе Алаче, которого Брязга поставил на место Самара, как главного над всеми тамошними остяками. Впослед-

ствии мы увидим, что Алач и его потомки занимали видное положение среди остяков. Так называемые Кодские городки, под именем которых подразумеваются все прежние укрепленные места остяков и теперешние местечки и волости по реке Оби почти от устья реки Иртыша до тогдашних границ Березовского уезда, по большей части были им подчинены, а живущие в этой местности остяки долгое время даже платили этим князьям дань, примеров чего не было среди других остяков и подобных им народов.

* § 27. Близость реки Оби позволила Брязге произвести разведки по ее берегам. Он дошел только до Белогорской волости, которая была первой от устья Иртыша вниз по течению. Эта волость получила свое название от кажущихся белыми гористых берегов Оби, которые тянутся по восточной ее стороне от устья Иртыша вниз по течению. Как рассказывает летопись, там в древние времена было место поклонения некоей знаменитой богине, которая вместе с сыном восседала на стуле нагая. Ей остяки приносили часто жертвы и дары, за что она оказывала им помощь на охоте, рыбной ловле и во всех их делах. Если кто-либо не исполнял данное ей обещание принести что-либо в жертву, то она до тех пор устрашала и мучила его, пока он не выполнял свое обещание. Если же кто-либо приносил ей дары не от доброго сердца, то он должен был ожидать внезапной смерти. Эта богиня, перед которой тогда как раз собралось множество народа, при приближении казаков приказала себя ухоронить, а самим остякам куда-либо спрятаться. Это было исполнено, и когда казаки высадились на берег, то они не нашли там ничего, кроме пустых юрт.

* § 28. Можно предоставить легковерному летописцу верить в то, что он рассказывает про остяцкую богиню и что ни в какой мере не подтверждается последующими известиями. Некоторое сходство с этим рассказом имеет еще более древний рассказ про языческую богиню, державшую ребенка на коленях, которую почитали в низовьях реки Оби под именем «Златой бабы». [1] Я расспрашивал про нее тамошних остяков и самоедов, но ничего не узнал, и то, что нам сейчас рассказывают на реке Оби про Белогорского шайтана, [2] совсем не похоже на вышеприведенный рассказ.

---

[1] Herberstein,— в Auctores rerum Moscov., p. 61. Guagnini, Sarmat. Europ., f°, 85 в.

[2] Место, где стоял шайтан, называлось тогда по остяцки Лонк-Пугль, а по-русски Шайтанские юрты, теперь его называют Троицким Белогорским погостом, потому что там, со времени обращения остяков в христианство, была построена церковь. В Сургутском уезде известны два Лумпукольских погоста: Верхний и Нижний, где о прекращении идолопоклонства говорят вновь построенные церкви. Лунк или лонк означает на остяцком языке шайтан, а лунк-пугль или лонк-пугль — место, где открыто почитается шайтан. То же самое значит Шайтанские юрты, название, заимствованное русско-сибирским языком из татарского. Шайтан, которого почитали тогда белогорские остяки, был уничтожен через несколько лет после того, о чем будет сказано в § 81 этой же третьей главы. Но на его место белогорские остяки поставили позже другого шайтана. Иог. Берг. Мюллер описывает нам в «Nachricht von dem Leben und der Gewohnheit der Ostiaken» (Вебер, «Verändertes Russland», I часть, стр. 200) того шайтана, который стоял там в его время. Но он мог дать о нем, конечно, только некоторые сведения, так как находился в свите митрополита Филофея — апостола остяков, при приближении которого остяки прежде всего

Достоверно лишь то, что белогорские остяки имели знаменитого шайтана, от имени которого делал предсказания приставленный к нему шайтанщик. Вероятно также и то, что при приближении казаков шайтанщик тщательно укрыл свою святыню и посоветовал остякам также спрятаться от казаков.

§ 29. Хотя Брязга не имел случая заняться распространением в этой местности русской власти, он все же пробыл там три дня. Далекие пространства по берегам этой реки казались никем ненаселенной пустыней, так как не было никаких сведений о жителях этих мест. Причиной этого отчасти была действительно большая удаленность названного выше главного места Белогорской волости, где стоял шайтан, от Кодских поселений и волостей, отчасти, и пожалуй больше всего, это происходило от того, что остяки обычно очень редко остаются на реке Оби весной и переезжают внутрь страны на многочисленные находящиеся там озера. Эти озера соединены протоками с Обью и во время половодья получают от нее в изобилии воду. Занимаясь ловлей рыбы, зашедшей сюда для метания икры, остяки имеют здесь прекрасную пищу. В виду отсутствия в этих местах людей Брязга 29 мая отправился в обратный путь.

§ 30. Теперь на Иртыше уже никто не оказывал казакам сопротивления и не угрожал вражескими нападениями. Куда бы ни приходили казаки, остяки и татары принимали их сейчас же с почестями и добровольно приносили положенный на них ясак. В каждом местечке лучшие люди с покорностью выезжали к ним навстречу и с такой же покорностью провожали их от юрт до юрт. Казаки с своей стороны держали себя надлежащим образом, так как хотели внушить этим людям уважение к себе и русскому народу. При каждом приеме или в собраниях, в которых они участвовали, казаки надевали свое самое лучшее и дорогое праздничное платье, которое, конечно,

---

думали о том, чтобы скрыть предметы своего поклонения, стараясь унести их в какие-нибудь отдаленные места. Я сообщу поэтому то, что мне стало известно из рассказов тамошних остяков. По их словам, этот шайтан представлял фигуру человека небольшого роста, очень грубо сделанную из дерева. Но дерево нельзя было заметить, так как все лицо идола был покрыто белой жестью и имело только отверстия для глаз, носа и рта; большая меховая шапка скрывала голову, и множество одежд и мехов покрывали прочие части шайтана. По сторонам его стояли две женские фигуры, соединенные между собой березовыми обручами; на них были одеты женские одежды, какие носят прислужницы. Отдельно стоящая небольшая юрта, где сохранялся шайтан, вся была обтянута изнутри красным сукном, а на полу ее лежал персидский ковер. Поклонение шайтану состояло в том, что остяки свистели перед ним, подобно тому, как манят собаку, и только в этом одном состояла их молитва. Они приносили ему в дар лучшие одежды и меха и, наконец, убивали ему в жертву быка или лошадь, если им удавалось добыть их у татар. Впрочем, при этом самое большое удовольствие получали они сами, съедая мясо жертвенного животного. За этой святыней наблюдал шайтанщик, причем он же делал предсказания. Таким шайтанщиком был в последние годы язычества остяков Мастерко, поэтому русские называли этого шайтана «Мастерков шайтан». Остяки же, отмечая его большее значение перед прочими, дали ему имя Орт-лонк, что означает «князь шайтанов». Рассказывают далее, что остяки при переселении из Пермской земли в Сибирь принесли его с собой и с той поры всегда почитали его, пока, наконец, в недавнее время они не приняли христианства, и русские, найдя этого шайтана, не сожгли его вместе с прочими остяцкими шайтанами.

при всех добытых ими сокровищах в Сибири и в России, было по тому времени весьма богато. Самое примечательное здесь то, что по возвращении в город Сибирь они не потеряли ни одного человека, несмотря на то, что имели в пути много столкновений и сражений. Стрелы врагов, видимо, были не столь остры, чтобы причинить им вред, и только на их телах осталось много ран от них.

§ 31. Остальная часть лета была проведена казаками в Сибири без особых происшествий. Как только наступила зима следующего 7091 г., согласно Ремезовской летописи, Ермак отправил второе посольство в Москву для того, чтобы доставить туда взятого в полон царевича Маметкула, [1] а также собранный к тому времени ясак. Это отправление Витзеном [2] и Страленбергом [3] неправильно смешивается с первым, которое было в предшествующую зиму. Витзен рассказывает, что тогда были отправлены в Москву три знатных пленника. Страленберг же считает, что вся семья Кучума уже была тогда взята в плен и отправлена в Москву. При описанном выше первом отправлении не могли быть вообще посланы в Москву полоненники, так как в то время в руки казаков не попал еще ни один человек знатного рода, и, как будет видно из последующих событий, когда речь будет итти о женах и сыновьях хана, как попавших в полон, так и сохранивших свою свободу, единственным знатным пленником казаков ко времени второго отправления был царевич Маметкул. Но в сообщении Витзена имеется указание о том, кто из казаков сопровождал царевича в Москву, о чем сибирские летописи ничего не говорят. Во главе посольства, как сопровождающий знатных полоненников, назван Гроза Иванович. Так как выше [4] говорилось об атамане Иване Грозе, который вместе с атаманом Иваном Кольцовым, совершившим первое путешествие в Москву, был в великой милости у Ермака, то на этом основании можно предположить, что Гроза, как второй по чину, принимая во внимание, что это поручение было не менее важным, чем первое, должен был на этот раз отправиться в Москву.

§ 32. В виду разных сомнений и противоречий, о чем речь будет итти далее, [5] нельзя, однако, следовать Ремезовской летописи в отношении времени, когда она отправление царевича Маметкула в Москву относит к 21 ноября 7091 (1582) г. Вероятно, тогда была отослана только отписка об его пленении и о собранном до того ясаке, сам же Маметкул был отправлен только следующим летом или осенью. С этим согласны обыкновенные сибирские летописи, причем они, не указывая месяца и дня, отмечают только год — 7091 (1583)-й, а перед этим излагают те события, которые произошли в этот же самый год и о которых будет итти речь дальше.

§ 33. В начале весны 7091 (1583) года Ермак прежде всего предпринял

---

[1] § § 5 и 6.

[2] Назв. соч., стр. 709.

[3] » » 237.

[4] Гл. 2, § 35.

[5] § 42.

поход на реку Обь, чтобы продолжить там завоевания, которые так счастливо начал по Иртышу год тому назад пятидесятник Брязга. Об этом походе обыкновенные летописи рассказывают только то, что много небольших городков, местечек и юрт по Иртышу и по Оби было взято, и среди них Назымский городок, причем Назымского князца взяли в полон; у него были найдены большие богатства. В Ремезовской же летописи говорится сначала о так называемых Кодских городках или о Кодских волостях, лежащих на нижнем течении, которые Ермак покорил и, получив богатую добычу, заставил платить ясак. И только после того рассказывается в ней об этом городке, но название его написано так неясно, что трудно сказать, как его читать: Назымский или Казымский. На основании того, что ясак был наложен сначала на Кодские волости, можно думать, что последнее чтение более правильно, так как Казым есть река, на которой живет много остяков и которая впадает ниже Кодских волостей, а именно против города Березова, с восточной стороны в реку Обь. В древние времена на Казыме находился значительный остяцкий городок, остатки которого еще и сейчас известны под названием Казымского городища. Несмотря на это он, кажется, не является тем местом, о котором говорится в летописи, так как древний Казымский городок отстоит от устья реки Казыма в 150 верстах. Потребовалось бы слишком много усилий и времени, чтобы в течение одного похода пройти так далеко вверх по реке Казыму. Кроме того, сомнительно, чтобы Ермак был осведомлен о местности, лежащей так далеко в стороне. Мало вероятно также, чтобы только что покоренные остяки, по собственному желанию, открыли ему местонахождение городка и предложили бы себя в проводники. Потому следует считать более правильным название Назымский, о котором мы находим более подходящие и точные сведения. Как известно, имеется река Назым или вернее, по произношению остяков, Мозым, которая впадает в Обь с севера выше устья Иртыша. На ней мы видим остатки прежнего остяцкого городка, который находился недалеко от Оби и который казаки легко могли без чужой помощи открыть. Следовательно, именно это место надо понимать под названием Назымского городка. Ермак мог еще до Кодского похода или, если следовать Ремезовской летописи, на обратном пути, идя вверх по течению Оби, заняться завоеванием этой местности. Впрочем, название Назымского городка теперь больше не употребляется. Остяки называют его Янк-ваш, что значит Клин-городок, потому что городок лежит на высокой остроконечной горе, которую, по ее виду, сравнивают с клином. Назымская волость, название более часто употребляемое, обозначает в тобольских ясачных книгах остяков, живущих по реке Назыму и в местностях по Оби, и ее не нужно смешивать с упомянутой выше волостью, [1] которая лежит на Иртыше и носит то же название. Ремезовская летопись указывает также день, 20 июня, когда Ермак вернулся из Обского похода.

[1] § 13.

§ 34. В этой же летописи затем рассказывается, что первого июля Ермак предпринял новый поход по реке Тавде для покорения тамошних вогулов. Она кратко сообщает, что Ермак завоевал Лабутинский городок, взял в полон князца Лабуту, завладел большими богатствами, имел сражение при реке Паченке, после чего Поганое озеро наполнилось трупами, и заставил волости Кошуки, Кондырбай [1] и Табары платить ясак. Эти немногие обстоятельства достаточно подтверждают те предположения, которые я сделал во 2-й главе по поводу похода вверх по реке Тавде, говоря, что эти два похода, по всей вероятности, являются одним и тем же. Следовательно, необходимо здесь привести из указанного там источника подробности этого похода.

§ 35. До самой Тавды ничего особенного не произошло, так как все эти местности уже были подвластны казакам. В низовьях Тавды жили тогда татары, которых летопись делит на две волости: Красноярскую и Калымскую. Она упоминает также князца Лабуту, о котором остальные летописи рассказывают, что он жил в Лабутинском городке. Теперь, правда, под этими названиями нет особых волостей, и вообще татары больше не живут на реке Тавде, так как после возникновения здесь русских деревень они переселились на реку Тобол. Однако, недалеко от устья Тавды, впадающей в Тобол, находится татарская деревня Красноярские юрты, жители которой рассказывают, что они когда-то жили на Тавде. Про князца Лабуту мы имеем несколько больше данных. В тобольских ясачных книгах упоминается татарская волость Лабутинская. Кроме того, известна речка Лабута, впадающая в Тавду, где, вероятно, и находился вышеназванный городок и где еще и сейчас под этим старым названием находится русская деревня. Когда эти татары принуждены были отражать первое нападение Ермака, то они думали сопротивляться и собрались около речки Паченки, на которой теперь построена деревня того же названия. Жестокая битва принесла казакам полную победу, и татары были так разбиты, что ни одного из них не осталось в живых. Среди убитых был князец, по имени Печенег. Находящееся там озеро было полно мертвыми телами и потому получило название Поганого озера. Составитель летописи пишет, что даже в его время озеро было полно человеческих костей. Что же касается теперешних жителей, то никто из них не мог дать мне объяснения этому названию.

§ 36. После этого Ермак подошел к вогульским юртам, во главе которых стоял тогда Кошук. Кошуцкий городок и Кошуцкая волость до сих пор известны на реке Тавде. Этот слабый народ сдался после первого же наступления и принес в дар все имевшиеся у него в запасе меха, которые Ермак принял, как ясак. Есаул, по имени Ичимха, сообщил казакам о том, какие народы живут далее по реке Тавде, как велико число жителей там, какое они имеют оружие, чем они питаются и тому подобные сведения,

[1] Может быть, она должна называться Чандыр, который упоминается в тех местах. Прибавление «бай» показывает, что так звали прежнего владельца, так как бай или бий означает на татарском языке видного человека или господина, то же самое, что по-турецки бек.

которые вообще необходимы завоевателям неизвестных земель. Казаки никогда не забывали усердно собирать подобные сведения.

* § 37. Одно местечко, которое далее попалось им на пути, называлось тогда Чандырским городком. Теперь это только деревня, последняя в Кошуцкой волости. Здесь казаки также встретили слабое сопротивление. Они нашли там известного шайтанщика, который по приказу Ермака показывал казакам свое искусство. Если верить летописям, оно заключалось в следующем: он дал себя связать и воткнуть себе в живот нож, который до тех пор не вынимали, пока шайтанщик не дал ответа на все предложенные вопросы. После того, как он ответил и нож из него был вынут, шайтанщик вскочил и, освобожденный от пут, выпил несколько горстей крови, текущей из раны, намазал той же кровью рану, после чего она сейчас же зажила, и от нее не осталось следа. В этом рассказе нет ничего сомнительного, кроме того, что он велел себя вязать другим и не сам колол себя, как это обыкновенно делают другие, ему подобные. Таким фокусам могут удивляться только глупые люди. Если внимательно следить за движениями рук шайтанщика, то обман обнаружится очень быстро. [1] Возможно, что Ермак сказал шайтанщику, что он хочет вернуться на Русь через горы и потребовал от него предсказания своей судьбы. Шайтанщик, должно быть, отвечал, что Ермак дойдет до Тавды, не дальше пелымских вогулов, оттуда вернется по Иртышу и будет иметь успех в борьбе с татарами. Он дал бы лучшие доказательства своего пророческого дара, если бы мог предсказать Ермаку его печальный конец. Об этом же, как говорит летопись, он не обмолвился ни словом.

§ 38. Затем казаки пришли к вогулам, во главе которых стоял Табар или, по их произношению, Тобар. Здесь Ермак не хотел задерживаться и довольствовался тем, что успели собрать с вогулов наспех: время года не позволяло ему долго останавливаться, если он хотел дойти до пелымских вогулов, о чем было ему предсказано. От этого Табара ведет свое название главное местечко этой волости — Табаринский городок или Табаринская слобода. Оно лежит при устье небольшой речки Иксы и, по своему положению, возвышается над прочими низкими и болотистыми местами. Летопись добавляет, что здесь был убит некий воин, который был ростом в 2 сажени и мог схватить и сразу раздавить 10 человек; много усилий было сделано, чтобы взять его живым и увезти с собой, но ничто не помогло, добровольно же он не хотел сдаться, и нужно считать чудом, что его удалось убить. Подобные сказки не могут относиться к бедным вогулам, в которых так мало воинственного и из среды которых едва ли кто-либо достигал двухаршинного роста.

§ 39. Пелымские вогулы были своевременно предупреждены своими соседями о предстоящем появлении казаков. Их первой заботой было укрыть в безопасном месте на реке Конде своих жен и детей. В городке остались

[1] Gmelin, Reisebeschreibung, 2. Theil, SS. 87, 494.

только самые видные и сильные, которые под начальством князца Патлика храбро сопротивлялись казакам. Однако, казаки победили, и почти все вогулы были перебиты. Ермак велел явиться к нему нескольким из оставшихся в живых и расспрашивал их о пути с верховьев Тавды в Пермскую землю и на Русь. После этого 4 октября он двинулся в обратный путь, во время которого не произошло ничего замечательного, кроме того, что он у табаринцев и кошуков, занимавшихся земледелием, взял вместо ясака хлеба, чтобы обеспечить себя на зиму. С тех пор так и пошло, что и в последующее время они платили ясак хлебом.

* § 40. В то время, как все это происходило в Сибири, царь Иван Васильевич выполнил свое обещание, данное при обратном отправлении атамана Ивана Кольцова в Сибирь о посылке туда воеводы.[1] По сибирским летописям выбор пал на князя Семена Волконского. Но мы вскоре увидим, что это был князь Семен Дмитриевич Болховской и что головы, посланные с ним, были Иван Киреев и Иван Глухов. Они отправились из Москвы водным путем 10 мая 7091 (1583) г. с 500 человек, посланных для подкрепления сибирских казаков. Они поехали той же самой дорогой, по которой и Ермак совершил свое путешествие в Сибирь, а именно по Волге, Каме и Чусовой. Их путь отличался от пути Ермака тем, что дорогою они не зимовали и прибыли в город Сибирь уже следующей осенью 2 ноября 7092 (1583) г.

§ 41. Грамота царя Ивана Васильевича от 7 января 7092 (1584) г.[2] к жившим тогда в Перми Строгановым: к Семену Аникиеву сыну, Максиму Яковлеву сыну и Никите Григорьеву сыну дает нам некоторые подробности об этом отправлении. Прежде всего мы узнаем из нее имя князя Болховского и о том, что с ним было два головы, тогда как летописи упоминают только об одном Иване Глухове. Правда, об Иване Кирееве впоследствии нигде не упоминается, и весьма вероятно, что он или совсем не поехал в Сибирь, или же умер вскоре после того. Кроме того, летописи называют Глухова вторым воеводой, тогда как он не был назначен на эту должность. Далее, в грамоте говорится, что Болховской должен был дождаться в Перми зимнего пути и взять у Строгановых для сопровождения через горы 50 человек конных людей. Но так как стало известно, что в зимнее время переезд через Камень на лошадях был очень затруднителен, то поэтому было решено, что Строгановы дадут воеводе 15 судов, из которых каждое должно было вместить по 20 человек со всеми их запасами. Они должны были поехать по реке Чусовой, а дальше через волок к реке Тагилу. Это показывает, что в Москве тогда не было еще известно о быстром продвижении воеводы и о том, что он не останавливался в Перми, а сразу совершил весь свой путь. О том, что приезд воеводы в Сибирь следует отнести не к 1584, а к 1583 г., будет ясно из последующих событий.

§ 42. По всему видно, что именно тогда была получена в Сибири грамота об отправлении в Москву царевича Маметкула, и можно считать

[1] Гл. 3, § 4.
[2] Прилож. № 7.

днем отправления его 21 ноября 7092 (1583) г., как это указано в Ремезовской летописи. Что это не могло произойти в ноябре предыдущего года, [1] ясно из того, что, по словам всех прочих летописей, приезд царевича в Москву состоялся только после смерти царя Ивана Васильевича, который скончался 19 марта 7092 (1584) г. Его сын и преемник царь Федор Иванович имел радость встретить этого знатного пленника. Он приказал его торжественно принять, оказал ему много почестей, а казаков, сопровождавших царевича, осыпал наградами.

§ 43. В разрядных книгах находим указание, что царевич Маметкул упоминается впоследствии, как русский полковой воевода. В 1590 г. он принимал участие в походе против шведов, а в 1598 г. вместе с царем Борисом Федоровичем Годуновым, в виду ожидавшегося нападения крымских татар, ходил под Серпухов. В тех же разрядных книгах называется он сибирским царевичем Маметкулом Алтауловичем. Это доказывает, что его отца звали Алтаул и что он, следовательно, не мог быть сыном Кучума, как это утверждают сибирские летописи, [2] а также не был братом последнего, как об этом говорит вышеприведенное известие, так как отца Кучума звали Муртазой. [3] Муртаза и Алтаул могли быть братьями, и, имея в виду это родство, Маметкула называли по русскому обыкновению братом Кучума, т.-е., его двоюродным братом.

§ 44. До сих пор Ермаку с его казаками все удавалось в Сибири. Но вот начинается время, когда судьба их круто изменилась, и можно было опасаться, что все новые завоевания будут опять окончательно потеряны. Вскоре после приезда воевод в Сибирь казаки стали терпеть такой недостаток в продовольствии, что летописцы не находят достаточно жалостных слов для его описания. Голод продолжался всю зиму до самой весны, причем многие умерли голодной смертью, а оставшиеся в живых по нужде употребляли в пищу мертвые тела своих товарищей. Казакам пришлось перенести много болезней, в особенности цынгу, от чего также немало людей погибло. Сам воевода князь Болховской умер во время этого всеобщего несчастия. Хотя оставался голова Иван Глухов, но, как можно думать на основании последующих событий, он, кажется, мало интересовался делами или же не пользовался у Ермака и прочего народа достаточным уважением. Летописи не упоминают о нем до самой смерти Ермака, когда все управление осталось в его руках.

§ 45. Хотя летописи не указывают причину голода, но ее нетрудно угадать. С воеводой Болховским прибыло 500 человек ратных людей, [4] которые, как видно, везли с собой небольшое количество продовольствия, чтобы оно не мешало им быстро продвигаться вперед. Они, должно быть, предполагали, что в Сибири у казаков можно найти все в избытке. Но казаки не

---

[1] § 31.
[2] Гл. 2, § 18.
[3] Гл. 1, § 71.
[4] § 40.

подготовились к приему стольких гостей, и недостаток продовольствия сказался тотчас же, как только начали делить имеющиеся запасы. Так как казаки сами получали припасы от татар и остяков, то этот недостаток легко можно было бы устранить подвозом нового продовольствия, если бы в это время все те местности не были охвачены новым восстанием против русских, благодаря чему были отрезаны все пути для подвоза продовольствия.

§ 46. Еще до приезда воеводы, а именно 10 сентября 7092 (1583) г., прибыл к Ермаку посол от татарского мурзы Карачи, который, как рассказывается выше, [1] изменил хану Кучуму и разбил свой стан около реки Тары. Посол просил дать ему нескольких людей для защиты от Казакской орды, которая грозила нападением на их кочевье. Ермак поверил этому сообщению и тем охотнее исполнил его просьбу, что надеялся таким способом привлечь на сторону русских этого знатного татарина и через него мало-помалу и тех, которые отпали от хана. Он послал поэтому атамана Ивана Кольцова с 40 казаками на помощь Караче. Но вскоре стало известно, что казаки сделались жертвой обмана, целью которого было разбить их силы и тем легче захватить один отряд за другим и, наконец, всех их разбить. Иван Кольцов и посланные с ним казаки были все перебиты. Так как Карача имел повсюду среди татар и остяков своих людей, то ему без труда удалось поднять всеобщее восстание против русских. Казаки, находившиеся среди остяков для сбора дани, были также перебиты. Синодик Тобольской соборной церкви, о котором я уже неоднократно говорил выше, [2] считает днем убийства атамана Кольцова и казаков 17 апреля, но, как видно по времени следующего события, это неверно.

§ 47. После этого Карача, собрав отовсюду большое войско, двинулся к городу Сибири, надеясь продолжительной осадой принудить русских, из-за отсутствия у них продовольствия, к сдаче. 12 марта 1584 г. он окружил город со всех сторон, и осажденным оставалось мало надежды на спасение. Но это сделало их еще более неустрашимыми, и они решили или отбить неприятеля, или погибнуть со славою, чем ждать позорного конца от недостатка съестных припасов. Им ничего не оставалось делать, как произвести вылазку, для чего они выбрали ночь на 9 мая, накануне праздника св. Николая, которого с самого начала сибирского похода они считали своим особым покровителем и на помощь которого они надеялись. Было решено ничего не начинать против татар, которые окружали город, но, незаметно обойдя их, внезапно напасть на главный стан Карачи, который он, ради большей безопасности, разбил для себя и своей семьи недалеко от Саусканских юрт, на западном берегу Иртыша.

§ 48. Чем менее можно было надеяться на удачу этого предприятия, вызванного только отчаянием, тем успешнее оно было выполнено. Карача думал, что ему нечего опасаться, так как вполне полагался на бдительность

---

[1] § 9.

[2] Гл. 2, § 69 и 81.

своих. Но русские сумели незаметно пройти мимо татарских караулов вблизи города и так неожиданно напали на своих врагов в Саусканских юртах, что большая часть из них поплатилась жизнью, прежде чем они успели схватиться за оружие для защиты. Среди убитых были два сына Карачи. Сам Карача бежал не более чем с 3 людьми. Но дело еще не было выиграно. Татары, которые осаждали город, получили тем временем известие о русском нападении. Они поспешили на помощь своему предводителю и, может быть, победили бы при первом же нападении, если бы оставленный Карачею обоз не послужил русским защитою. Благодаря этому русские выиграли время и нашли себе, кроме того, еще прикрытие в находившихся поблизости кустах; они оказались в лучшем положении и могли даже обсудить, что же им делать дальше. Коротко говоря, татары, после нескольких повторных нападений, продолжавшихся до полудня, были отбиты с большими потерями, и русские победоносно вернулись в город.

§ 49. Этот успех несколько улучшил пошатнувшееся положение русских, так как татары и остяки, потеряв надежду на Карачу, снова принуждены были признать власть русских и не могли в дальнейшем отказывать в снабжении их съестными припасами, и таким образом, голод, наконец, прекратился. Скоро произошло новое несчастье, которое было хуже всех прежних, так как Ермак погиб при этом. Обыкновенные сибирские летописи рассказывают об этом следующим образом. Один татарин, подосланный ханом Кучумом, якобы желая русским добра, принес Ермаку ложное известие, что в пути находится бухарский купеческий караван, который собирается вести с русскими торговлю в Сибири, хан же будто бы его задерживает и не дает возможности купцам проехать. Это известие заставило Ермака сейчас же отправиться в путь со 150 казаками навстречу каравану. Достигнув устья реки Вагая и ничего не слыша о бухарцах, он продолжал свой путь вверх по Вагаю. Ремезовская летопись прибавляет, что известие о прибытии бухарского каравана дошло до Ермака 1 августа 7092 (1584) г. и что тогда же он отправился поспешно навстречу бухарцам с 50 казаками, причем в этом числе, вероятно, имеется описка. Но прежде чем он дошел до устья реки Вагая, где Иртыш делает большую дугу, [1] между концами которой находится прямая дорога, Ермак приказал перекопать ее с тем, чтобы в будущем не нужно было делать такой далекий объезд рекою. Когда это было сделано и когда о бухарцах попрежнему не было никаких известий, он продолжал свой путь дальше вверх по Вагаю.

§ 50. Нет никакого сомнения, что эта перекопь была вырыта Ермаком или по его приказанию. Она и сейчас еще называется Ермаковой перекопью, или по-татарски Тескерь. Она длиною с версту и заканчивается недалеко от устья реки Вагая. После своего поворота Иртыш делает дугу более чем в шесть верст. Все это я сам видел. Следует, однако, прибавить, что теперь в этом изгибе Иртыша очень мало воды. Так как с давних пор почти вся вода

---

[1] Она называется Вагайской или Вагицкой лукой.

Рис. 9. Ермак на стану на р. Тагиле.
(Ремезовская летопись, ст. 12.)

проходит по перекопи, то по берегам ее нет никаких следов, что эта перекопь была когда-то прорыта людьми. В этой местности к югу от перекопи виден на низком ровном лугу большой бугор, который, без сомнения, не является естественным, а насыпан руками людей. Он весьма крут и в вышину простирается на 10 саженей, а на верху его есть ровная площадка, имеющая в поперечнике около 30 саженей. Тамошние русские называют его Царским городищем, вероятно, из-за его величины, так как, по их мнению, такую большую работу мог произвести только могущественный царь или хан, имевший, должно быть, на этом бугре свое жилище. Татары же рассказывают, что бугор этот насыпан девушками, которые наносили сюда землю в своих подолах. Они называют его поэтому Кысым-Тура, т. е. Девичьим городом или городком, из чего явствует, что, по их мнению, в древности на этом бугре было чье-то жилище. Тем же именем Кысым-Тура называют они место, в двух верстах выше города Сибири на высоком восточном берегу Иртыша, где стоит Преображенское село, принадлежащее Тобольскому архиерейскому дому. Это название они объясняют тем, что в древние времена одна из дочерей хана была увезена и там изнасилована своим похитителем. Когда же посланные в погоню догнали их и застигли в объятиях друга друга, они убили их обоих вместе с лошадью, на которой была увезена дочь хана, и закопали в землю на этом месте.

§ 51. Но это только случайные замечания, не относящиеся к делу. Я считаю необходимым обратить больше внимания на то обстоятельство, о котором будет говориться далее, а именно, что Ермак в том же году, 6 августа, таким образом на шестой день по отъезде из города Сибири, как рассказывает Ремезовская летопись, покончил свою жизнь у той же перекопи, которую он велел выкопать. Так как этих шести дней едва ли достаточно для того, чтобы проехать вверх по Иртышу или Вагаю и опять обратно до перекопи, то ясно, что работа по рытью перекопи не могла относиться к тому времени, а, вероятно, была произведена прежде, или, по крайней мере, Ермак получил раньше того известие о приезде бухарского каравана и, следовательно, ранее отправился из города. Это последнее подтверждается следующим известием.

§ 52. Уже несколько раз было мною отмечено, [1] что в Ремезовскую летопись, по окончании ее, внесены были некоторые дополнения, написанные другой рукой. Также и в этом месте находится в ней вставной лист, главное содержание которого состоит в том, что Ермак по получении известия о прибытии бухарского каравана отправился в путь, но, раньше чем направиться вверх по Вагаю, совершил большой поход вверх по Иртышу, дойдя почти до того места, где теперь находится город Тара. По окончании этого похода он вторично получил известие о приближении каравана, и для того чтобы пойти ему навстречу, он, как сообщают прочие летописи, отправился вверх по Вагаю. Если это произошло так, как это видно из приведенного далее сооб-

[1] Гл. 2, § 61 и сл., гл. 3, § 10 и сл.

щения, то, следовательно, этот путь по Вагаю был совершен вскоре после поражения Карачи. Таким образом, можно думать, что и работа по прорытию перекопи производилась в то время, когда Ермак совершал свой путь от устья Вагая вверх по Иртышу. Прорытие этой перекопи было произведено казаками, которых он оставил для этого дела.

§ 53. Главным доказательством в пользу того, почему я считаю достоверными известия, приведенные в дополнении к Ремезовской летописи, являются следующие соображения. До того времени татары, жившие вверх по Иртышу, из-за постоянной опасности от ханов Кучума и Карачи, не могли быть приведены к полному подчинению, теперь же, благодаря полному поражению Карачи, Ермак имел в руках большие преимущества. Вся страна была опять охвачена страхом, и можно было с полной уверенностью думать, что никто из татар не окажет сопротивления столь великому и славному победителю. Кроме того, опытному воину, как Ермак, было небезызвестно, что результатами всякой победы необходимо пользоваться до тех пор, пока позволяют обстоятельства. Может быть, он даже надеялся, что во время нового похода ему удастся настичь бежавшего Карачу и справедливым отмщением завоевать себе еще большую честь и славу среди тамошних народов. К этому надо прибавить, что известие Ремезовской летописи говорит не о 50 и не о 150, а о 300 казаках, которые были с Ермаком в этом походе. О том, что это последнее число вполне правильно, подтверждает не раз упоминавшийся мною синодик Тобольской соборной церкви, где названо 300 погибших в одно время с Ермаком, которым поется вечная память. Поэтому я считаю себя в праве привести некоторые подробности этого похода, обстоятельно описанного на вставном листе Ремезовской летописи.

§ 54. От города Сибири до реки Вагая все жившие там были теперь в полной покорности. Но стоило только казакам проехать устье этой реки, как татары выше по Иртышу показали себя настолько непокорными, что Ермак стал сомневаться даже в счастливом исходе своего предприятия. Находящееся там Бегишевское озеро, которое лежит на высоком восточном берегу наподобие полумесяца и тянется на расстоянии трех верст, имеет исток в Иртыш. Позади этого озера или около него у высокого берега, на том месте, где теперь стоит русская деревня Игнатьево, находился тогда татарский городок, остатки которого видны еще и поныне. Один знатный князец, по имени Баиш или Бегиш, имел там свое пребывание. От его имени получило свое название не только вышеупомянутое озеро, но и село, принадлежащее Знаменскому Тобольскому монастырю и находящееся на высоком мысу озера по направлению к Иртышу, названо Бегишевским погостом. Это название не сходно с тем, которое приводится в одном из татарских сказаний, где название этого места связывалось с именем сына Бегиша Тобозеем, а потому носило у татар название Тобозе-Кул.

§ 55. Бегиш, получив известие о приближении русских, принял надлежащие меры предосторожности, чтобы принять их по-настоящему. Кроме

своих собственных людей и тех, которых ему удалось собрать из соседних мест, у него находились многие из людей Карачи. Как только Ермак подошел к городку, в надежде без особых затруднений овладеть им, началась кровопролитная битва. Татары, укрепившиеся на возвышении, имели большие преимущества, но Ермак повел наступление с такой силой, что татары пришли в смятение, и победа досталась русским. Казаки были настолько ожесточены, что из татар никого не оставили в живых. Все были перебиты, и только весьма немногим удалось спастись бегством.

§ 56. Я не знаю, о каких двух пушках здесь опять говорится в летописи: пушки будто бы были привезены из Казани, и князец Бегиш употребил их против русских. Можно вспомнить из предыдущего, что в большой битве у мыса Чувашского упоминалось уже о двух пушках, [1] которые казаки будто бы заговорили, так что они не могли причинить им никакого вреда, почему хан велел их потопить в Иртыше. Те же рассказы о заговоре и о потоплении пушек повторяются здесь. Поэтому можно думать, что ранее случившееся происшествие приведено здесь вторично по недоразумению. Так как Иртыш протекает от Бегишевского озера не близко, а на расстоянии двух верст, то тем больше оснований сомневаться в этом рассказе о пушках. После битвы Ермак получил в добычу много драгоценностей и всяких съестных припасов, которые до своего возвращения он приказал закопать в землю.

§ 57. Оттуда Ермак, как рассказывается далее, отправился в Шамшу, Рянчик, Салы и Каурдак, из которых три последних места еще поныне, в том же порядке, как их указывает летопись, и под теми же названиями находятся на Иртыше. Шамши же нет более в тех местах, но имеется татарская деревня Шамшинские юрты, по-татарски Шангшу-аул, которая лежит в 20 верстах от Абалака. [2] В Салах опять имело место небольшое сражение, а в Каурдаке, где впоследствии был построен острог для защиты татар от нападений калмыков и Казакской орды, все население скрылось в леса.

§ 58. Вслед затем казаки наехали на некоего татарского старосту или начальника, предки которого будто бы получили право суда над всеми татарами еще от прежних ишимских ханов, а именно от сомнительного хана Саргачика, о котором, как сказано в первой главе этой истории,[3] упоминает только одна Ремезовская летопись. Этот староста, надеясь на свою силу, хотел было сопротивляться казакам, но его быстро привели к подчинению. По порядку мест, упоминаемых в этом походе, надо думать, что это происходило в Саургаш-ауле в Саргацкой волости, о котором уже упоминалось в вышеназванном месте первой главы.

§ 59. Далее следовал городок Тебенда, по-татарски Тювенда, теперь Тебендинский острог, где жил князец Елегай, потомок ишимского хана Саргачика. Войско его было невелико, и так как он слышал, что Ермак не причиняет вреда добровольно сдавшимся, то согласился без особых возра-

[1] Гл. 2, § 70.
[2] То же, § 81.
[3] § 52.

жений на требуемую уплату ясака и принес, кроме того, еще богатые подарки. Он хотел доставить Ермаку удовольствие и честь, приведя к нему свою прекрасную дочь, которую хан Кучум требовал в жены одному из своих сыновей. Ермак не принял этой учтивости и запретил своим людям до нее касаться.

§ 60. При устье реки Ишима казакам пришлось опять встретить сильное сопротивление. Обе стороны дрались не оружием, так как на казаков напали, повидимому, врасплох, а в рукопашную. В этом сражении пять казаков были убиты, в память чего татары сложили песнь, которая называется «Царицин плач» и начинается словами: «Япым, япым биш казак», что означает: «Воины, воины, пять человек». Победа, как всегда, была на стороне русских. Убитых похоронили и пошли дальше вверх по Иртышу.

§ 61. Куллара была тогда укрепленным местом на западном берегу реки Иртыша, при озере Аусаклу, где ныне находятся татарские зимние юрты Куллар-аул. Раньше это место служило хану Кучуму для защиты границ от нападений калмыков, а потому на укрепление его обращалось много внимания, и по всему верхнему Иртышу не было другого лучше укрепленного места. Это, действительно, пришлось узнать Ермаку, когда он начал брать его приступом. В течение пяти дней он прилагал все усилия, но взять его не мог и решил двинуться дальше в надежде, что на обратном пути ему удастся завоевать это укрепление.

* § 62. Следующий на пути татарский городок назывался Ташаткан. Жители его сдались без боя и принесли все, что от них требовали. Они участвовали в свое время в той битве, которая была у казаков с ханом Кучумом под Чувашским мысом и потому питали к ним особое почтение. По всей вероятности, этот городок лежал в той местности, где теперь находятся зимние юрты Ташаткан-аул у озера Кулачок, на восточном берегу Иртыша. Там, говорят, можно было видеть тогда большой камень багрового цвета величиной с санный воз. Татары рассказывали про этот камень, что он якобы упал с неба и что он приносит холод, дождь и снег. По моему мнению, здесь мы имеем дело с тем же суеверием, в силу которого еще и ныне татары имеют при себе некоторые камни, которые они называют иил-таш, что значит камень, производящий погоду, о чем в своем месте будет сказано подробнее.

§ 63. Ясно, что в приведенном выше рассказе названы только главные места, которые лежали на пути Ермака, потому что около них произошли какие-либо важные события или потому что около них делались остановки, или, наконец, потому, что летописец по дням описывал поход казаков от места до места. Лежащие между этими местами юрты, очевидно, также подчинились русским. Таким образом, летопись переносит Ермака сразу из Ташаткана, не упоминая никаких других мест, в Шиш-тамак, татарские юрты, которые, как указывает название, находились у впадения реки Шиша в Иртыш.[1] Здесь встретились с казаками еще раз некоторые из людей Кара-

[1] Тамак по-татарски означает устье.

чи и среди них те, которые бежали из казацкого плена. Надо заметить при этом, что тамошние жители названы туралинцами. Это название дается еще и теперь некоторым татарам, живущим около города Тары, и, возможно, происходит оно от тех татар, которые ведут кочевой образ жизни или, может быть, от калмыков. Башкиры называют тюменских и тобольских татар также туралинцами.[1] Туралинцы жили в чрезвычайной бедности, что и заставило Ермака отнестись к ним с необычайным великодушием: он не потребовал с них ясака и даже не принял от них подарков.

§ 64. По всей вероятности, именно здесь Ермак узнал, что далее вниз по Иртышу нельзя было найти зажиточных татар, и потому он решил из Шиш-тамака двинуться в обратный путь. Если правда, что уже тогда калмыки со своими кочевьями доходили до Кулларского городка,[2] то можно легко поверить, что этот народ, живший в то время в диком и бедственном состоянии под управлением бесчисленных князьков, вряд ли оставлял много имущесттва татарам, жившим выше Кулларского городка. Можно думать, что набеги этого беспокойного народа, беспрестанно менявшего свое местожительство и находившегося в частых междоусобных войнах, не могли быть постоянными, и я больше склонен думать, что во времена Кучума еще не было калмыков по сю сторону Алтайских гор, а то, что рассказывается о Кулларском городке, относится скорее не к калмыкам, а к пагайским татарам, которые еще до калмыков владели всеми землями по верхнему течению рек Иртыша и Тобола. О калмыках в этих местах говорится с достоверностью только много лет спустя.

§ 65. На обратном пути в Ташаткане Ермаку донесли, что бухарские караваны приближаются, и что путь их лежит по реке Вагаю. Это заставило его, не задерживаясь, продолжать свой путь к Вагаю. Следующие затем обстоятельства его похода по Ремезовской летописи отличаются только незначительными подробностями от того, что рассказывается в остальных сибирских летописях. Ермак шел вверх по течению реки Вагая до того места, где на его западном берегу находится бугор, который татары издавна называют Атбаш, что означает лошадиная голова. На том месте позднее построили острог, который по имени бугра называли Атбашским. В Ремезовской летописи рассказывается, что Ермак будто бы ехал навстречу каравану до Агицкого городка. Но так как место под таким названием на реке Вагае неизвестно, то будет правильнее следовать здесь рассказу других летописей.

§ 66. Между тем Ермак не встретил никаких бухарцев и не получал каких-либо достоверных известий, где же они находятся. Из этого легко заключить, что полученное сообщение было ложным. Не желая терять напрасно времени Ермак двинулся назад в город Сибирь. На обратном пути он дошел до перекопи, которую незадолго до того велел копать.[3] Люди, производив-

[1] Гл. 1, § 62.
[2] § 61.
[3] § 49, 50.

шие эту работу, по всей видимости, находились еще там в ожидании своего начальника. Ермак решил остаться здесь до следующего утра, вероятно, из-за наступающей темной ночи, а, может быть, для того, чтобы дать своим людям возможность несколько отдохнуть от утомительного похода. Так как казаки не предполагали здесь какой-либо опасности, они заняли для отдыха берег острова, находящегося между рекой и перекопью. Некоторые летописи прибавляют, что они поставили на ночь караул, но от сильного проливного дождя, который шел в ту ночь, караульные заснули. Это известие весьма вероятно, так как караульные, уверенные в полной безопасности, укрылись от дождя и, вероятно, крепко спали.

§ 67. Хан Кучум, который все время издалека следил за движением русских, решил воспользоваться представившимся удобным случаем. В известии, вставленном в Ремезовскую летопись, сообщается при этом весьма неправдоподобно, что хан приказал построить плотину или мост через реку, чтобы удобнее напасть на русских. Он неоднократно посылал разведчиков для того, чтобы узнать, где можно пройти на лошадях через реку, чтобы иметь точные сведения о ночном стане Ермака. Один из разведчиков, который за свои прежние вины был приговорен ханом к смерти, но получил обещание, что его помилуют, если он выполнит данный ему приказ, принес известие о том, как он на лошади беспрепятственно перебрался через Иртыш и застал русских, уверенных в своей безопасности, спящими. Но так как хан не поверил его рассказу, то этот разведчик должен был во второй раз пробраться в русский лагерь и для большей верности принести оттуда что-нибудь. Он прошел вторично и в доказательство точности первого донесения доставил 3 русских пищали и 3 лядунки.

§ 68. Хан решил больше не медлить и, как только его люди были готовы, двинулся в путь. Приблизительно около полуночи достиг он русского стана и таким образом мог спокойно осуществить свое намерение. Он не встретил там никакого сопротивления. Храбрость татарская проявилась в том, что они просто душили спящих русских. Ремезовская летопись сообщает, что только один казак спасся на маленьком судне и принес в город Сибирь печальную весть о происшедшем несчастии. Ермак, правда, не был убит. Он пробил себе дорогу через врагов к самому берегу, где стояли струги. Он был уже почти в полной безопасности и одним прыжком в струг был бы окончательно спасен, если бы, на его несчастье, этот струг как раз в это время не отошел от берега. Прыжок его был неудачным, и он оступился. На Ермаке было два панцыря,[1] мешавшие ему плыть, и он утонул и, таким образом, в реке покончил свою жизнь, которой не могли отнять у него бесчисленные враги при неоднократных нападениях на него. Это произошло в ночь с 5 на 6 августа 7092 (1584) г.

§ 69. Ремезовская летопись дает при этом описание отважного Ермака и ставит его в ряд с величайшими героями. Она хвалит его проница-

[1] Это, должно быть, те панцыри, которые царь послал Ермаку в подарок. См. выше гл. 3, § 5.

тельный ум и отменное благоразумие, благодаря которым он во всех случаях умел находить быстрое и превосходное решение. Летопись говорит также об его храбрости, в которой, конечно, никак нельзя усомниться после всех приведенных ранее рассказов. Она восхваляет и его внешний вид; правда, был он только среднего роста, но сильного телосложения, широкий в плечах, имел плоское благообразное лицо, черную бороду, черные слегка вьющиеся волосы и обладал острым взглядом. К этому можно еще прибавить, что во всех предприятиях ему постоянно сопутствовало счастье, которое покинуло его только в минуту смерти. Относительно же того, что он использовал в прежнее время дарованные ему природою душевные и телесные свойства для злых дел, нет надобности вновь говорить, так как он искупил свои вины последующими добрыми делами и получил за все от царя величайшие милости и полное прощение. Но все же неизбежное возмездие за все дурное проявилось и здесь, так как при этом поражении поплатились жизнью вместе со своим предводителем большинство остававшихся еще в живых казаков, которые вместе с Ермаком занимались на Волге разбоями и пролили столько неповинной крови.

* § 70. Мертвое тело Ермака, как сообщает Ремезовская летопись, было найдено 13 августа у татарских Епанчинских юрт, лежащих в 12 верстах выше Абалака. Татарин, по имени Яныш, внук князца Бегиша, ловил там рыбу и увидел человеческие ноги, торчащие из воды. Он сделал петлю, забросил ее в воду и вытянул тело на берег. По чертам лица и одежде он легко узнал, что перед ним был русский, и так как он слышал о большом сражении, то по драгоценным панцырям, которые он увидел на трупе, Яныш заключил, что имеет дело не с простым человеком. Он побежал в деревню, чтобы позвать тамошних жителей придти посмотреть на знатного мертвеца. В последующем много рассказывается о чудесах, которые якобы совершались над мертвым телом Ермака. Из этого видно, что сочинитель этой летописи имел сильное желание видеть Ермака причисленным к лику святых.

§ 71. Когда собрались жители деревни, то, зная, что Ермак получил от царя в подарок два драгоценных панцыря, они по этому отличию легко догадались, что перед ними сам Ермак. Мурза Кайдаул хотел снять с трупа панцыри. Тотчас же полилась изо рта и носа мертвеца обильная кровь, как будто у живого человека. Это привело татар в немалое удивление, и они послали немедля во все близлежащие места гонцов, чтобы собрался народ посмотреть нетленное тело, на котором можно еще отмстить за всю пролитую татарскую кровь, так как его собственная кровь течет еще как у живого. Для этого они положили нагое тело Ермака на помост, и каждый, кто проходил мимо него, пускал в него стрелу, причем из ран текла при этом свежая кровь. Наконец, к мертвецу прибыл хан Кучум со всеми знатными татарскими мурзами и даже самые отдаленные остяцкие и вогульские князцы, чтобы таким же образом отомстить Ермаку. Надо при этом заметить, что сколько ни прилетало птиц, ни одна из них не садилась на труп.

* § 72. Это продолжалось шесть недель. Многим татарам и, между ними, князю Сейдяку были в это время видения во сне, которыми им указывалось, что они должны похоронить тело. Некоторые от этого даже лишились рассудка. Когда было уже достаточно доказательств, что здесь происходит что-то необычное, татары начали раскаиваться, что они так дурно обращались с телом и не выбрали Ермака еще при жизни своим ханом. Его похоронили на Бегишевском кладбище под кудрявой сосной, и в память его, по татарскому обычаю, устроили погребальный пир, на котором было съедено 30 быков и 10 баранов. Его оружие и одежды были разделены: один панцырь был принесен в жертву в мольбище знаменитого белогорского шайтана остяков, откуда его потом получил кодско-остяцкий князец Алач, а другой панцырь дали мурзе Кайдаулу. Князь Сейдяк взял себе кафтан Ермака, а сабля с поясом досталась мурзе Карache.

§ 73. Если мертвый Ермак творил чудеса еще до погребения своего, то они не прекращались и после того. Летописец сообщает, что не только тело, но и платье и оружие Ермака имели особую чудодейственную силу больных делать здоровыми и родильницам помогать во время родов. Они содействовали успешной охоте, говорит он далее, и оказывали во время войны значительную помощь против врага. Татарское духовенство стало беспокоиться, что их магометанский закон может пострадать от этих чудес, и поэтому решительно запретило связывать с Ермаком какие-либо надежды и даже упоминать его имя. Чтобы положить конец суеверию, было строго запрещено тем людям, которые его хоронили, указывать кому-либо место его погребения. Но, несмотря на это, оно не осталось в тайне. Будто бы каждую субботу видели над могилой в головах свет, как от свечи, а в те субботы, когда православная церковь назначает заупокойные службы (в родительские субботы), над могилой появлялись целые столбы пламени, которые доходили до неба. Летописец говорит, что еще в его время можно было наблюдать это явление.

* § 74. Ремезовская летопись сообщает, что в 7158 (1650) г. были в Тобольске послы от калмыцкого тайши Аблая, которые просили от имени своего государя, чтобы его царское величество царь Алексей Михайлович соизволил переслать в дар ему доспехи, полученные когда-то Ермаком от царя Ивана Васильевича и перешедшие потом к татарскому мурзе Кайдаулу и кодскому князю Алачу. После сношений по этому поводу с Москвой через год была получена грамота, в которой приказано было взять панцыри у наследников Кайдаула и Алача и переслать тайше. Тобольский воевода князь Иван Андреевич Хилков приложил все усилия, чтобы лаской и угрозами получить эти панцыри. Но наследники Алача и слышать не хотели о возвращении панцыря. Достали только один панцырь от потомков Кайдаула. Этот панцырь был послан тайше 18 июня того же года со стрелецким сотником Ульяном Моисеевым сыном Ремезовым, по всей вероятности, составителем летописи. Панцырь состоял из железных колец и поэтому назывался кольчугой. Надо было изумляться искусству, с каким каждые пять ко-

лец этого панцыря были сплетены между собою. Длина его равнялась двум аршинам, ширина в плечах одному с четвертью аршина, грудь и спина были украшены царскими мишенями, с золотым двуглавым орлом, низ подола и рукава имели медную опушку шириной в 3 вершка.

* § 75. Я не упоминаю здесь о том, с какими почестями был принят тайшей посланный, который должен был передать столь желанный дар, как тайша принял панцырь с глубоким уважением в знак величайшей царской милости, поднял его высоко над головой и поцеловал. Аблай подробно рассказывал обо всех вышеупомянутых происшествиях с Ермаком, начиная от его прибытия в Сибирь, и особенно о том, что произошло с его мертвым телом, как оно было найдено, как в него пускали стрелы, как текла кровь, где и как его похоронили, как над могилой показывались огненный столб и пламя будто бы от свечи, которые были невидимы для русских, как были поделены панцыри и одежды, какие про них рассказывались чудеса и как татарам под страхом смерти было запрещено показывать русским могилу и рассказывать о чудесах. Он прибавил к этому, что испытал также на себе проявление этой чудесной силы. Когда однажды в юности он был болен, принесли земли с могилы Ермака, смешали ее с водой и дали ему выпить, и он тотчас же выздоровел. По его словам он имеет обыкновение, идя на войну, брать с собой немного этой земли, и тогда всегда имеет удачу в своих предприятиях; когда же с ним не было этой земли, то в большинстве случаев он возвращался домой без успеха. Это и есть причина, почему он просил у царя панцырь. Он хочет теперь итти войной против Казакской орды и надеется на постоянный успех, если будет иметь при себе присланный панцырь. Весь его рассказ был записан сотником Ульяном Ремезовым и заверен приложением печати тайши Аблая. Из сказанного ясно, что эта запись служит единственным основанием приведенного в летописи рассказа. В настоящее время место погребения Ермака татарам совершенно неизвестно и о бывших там чудесах они ничего не знают, хотя нет теперь у них причины, почему они должны бы об этом умалчивать.

§ 76. Мы вернемся теперь опять к настоящей истории и посмотрим, какое впечатление произвело описанное поражение на тех русских, которые остались в городе Сибири и особенно на голову Ивана Глухова. Они могли опасаться, что Кучум, воодушевленный одержанным успехом, проявит большую отвагу, и что они не смогут сопротивляться ему со своими малыми силами. К этому надо прибавить еще недостаток съестных припасов, происшедший от общего восстания татар, остяков и вогулов. Поэтому Глухов покинул 15 августа 7092 (1584) г. город Сибирь со всем своим отрядом, который, по Ремезовской летописи, состоял только из 150 человек, и отправился в путь на судах. Он опасался живших при реке Тоболе татар и боялся возвращаться назад на Русь обычной дорогой по рекам Тавде или Туре, на что он должен бы потратить много времени. Для ускорения пути он поехал по Иртышу и Оби и, перевалив через Югорский камень, достиг реки Печоры. По этому пути в то время часто ходили не только зыряне для охоты и тор-

говли, но и русские, которые из Соли Вычегодской и других тамошних мест ездили на реку Обь за сбором ясака с остяков и самоедов нынешнего Березовского уезда.

§ 78.[1] Для татар была большая радость, когда ханская столица Сибирь оказалась таким образом покинутой русскими и когда по всему Иртышу, Тоболу и другим тамошним местам ничего не стало слышно об этих ужасных для них врагах. Кучум хотел вновь вступить во владение Сибирью и послал туда одного из своих сыновей, по имени Алея, который и обосновался там с несколькими своими людьми. Но это продолжалось недолго, пока не появился князь Сейдяк, который, как сообщают летописи, незадолго перед тем прибыл из Бухары [2] или, если верить некоторым другим приведенным ранее известиям, [3] жил до тех пор тайно среди татар. Он собрал своих людей, прогнал царевича Алея и сам стал жить в городе Сибири.

§ 79. В это время и прежде чем в Москве стало известно что-либо о происшедших в Сибири больших переменах, царь Федор Иванович послал туда в 7093 (1585) г. на смену голове Ивану Глухову нового воеводу Ивана Мансурова с 100 служивыми людьми и несколькими пушками. Когда Мансуров ехал обычным путем по Тоболу и приехал к Иртышу, то тут он вскоре узнал от встретивших его вооруженных татарских отрядов, что Сибирь покинута русскими и снова находится в татарском владении. Он легко мог догадаться, что значительно превосходившие неприятельские силы могли заставить его предшественников спасаться бегством и, следовательно, имея еще меньшее войско, он должен был особенно бояться того же самого. Поэтому он решил итти вслед за Глуховым, что и выполнил, даже не приставая к берегу Иртыша.

§ 80. Этот поход дал повод к построению небольшого городка, который был первым, построенным в Сибири русскими. Была уже поздняя осень, и удобное водное сообщение прекратилось. Итти же сухим путем на лыжах и тащить за собой нарты было очень затруднительно и опасно, следовательно, нужно было где-нибудь остановиться на зимовку. Для этого было выбрано место на правом или северо-восточном берегу реки Оби, против устья реки Иртыша, и из предосторожности против вражеских нападений укреплено тыном. Теперь это место известно под названием Старого городища. Оно существовало только одну зиму, а потом было покинуто. Остяки же, чтобы отличить это укрепление от своих собственных городков, называют его Руш-Ваш, т. е. Русский городок. Он лежит у подошвы высокой Белой горы, [4] которая начинается от устья Иртыша вниз по течению Оби по ее правому берегу. У Иртыша три устья: именно Неулева протока, по которой идет путь вверх по Оби, затем большое среднее устье и, наконец, Березовская протока, по которой ездят вниз по Оби. Помянутый городок находился про-

---

[1] § 77 пропущен Г. Ф. Миллером.
[2] Гл. 3, § 8.
[3] Гл. 1, § 81.
[4] Гл. 3, § 27.

тив последнего из этих устьев. Старинный остяцкий городок был здесь же поблизости, именно там, где поднимается возвышенность против среднего устья Иртыша и как раз на самом высоком месте ее; этот городок остяки называют Гуланг-ваш, т. е. Восточный городок. Остатки этого городка еще немного заметны, тогда как от Русского городка почти не осталось никаких следов.

§ 81. Мансуров вскоре убедился, что он не напрасно занялся укреплением своего зимовья. Множество остяков, живших на Иртыше и на Оби, подошли однажды к городку и целый день с такой силой наступали на него, что русские только с великим трудом могли их отразить. Хотя к ночи остяки и отступили, но на следующий день, еще до рассвета, они стали готовиться к новому более сильному наступлению. Они принесли с собой своего знаменитого шайтана, которого белогорские остяки почитают больше всех других, [1] поставили его в виду городка на дерево и приносили ему жертвы, прося его помощи для победы над русскими. Но благодаря этому шайтану русским удалось освободиться сразу от всех вражеских нападений. Мансуров велел навести на шайтана пушку, и когда он был разбит на мелкие куски, то этого было достаточно, чтобы рассеять толпы остяков, которые теперь ни на кого уже больше не могли надеяться. Они отправились назад в свои юрты, а те, которые жили поблизости, через несколько дней вернулись к Мансуровскому зимовью с ясаком и поминками, прося установить с ними мирные отношения, чтобы им больше не опасаться русских.

§ 82. Возможно, что в течение той же зимы Мансуров посылал отряды казаков за съестными припасами или за сбором ясака к отдаленным кодским остякам, а, может быть, одно только известие о строении нового городка на реке Оби и уничтожении знаменитого белогорского шайтана сильно напугало остяков, живших по нижнему течению реки Оби. Поэтому остяки и вогулы с реки Сосвы, впадающей в Обь, на которых со стороны Оби еще никто никогда не нападал, очень боялись прихода Мансурова, хотя они знали русских на реках Выми и Вычегде, и успокоились только тогда, когда испросили себе против этих новых пришельцев особую царскую защиту. Среди них самым видным считался князец Лугуй, который отправился в Москву челобитчиком от шести городков: Куновата, Илчмы, Ляпина, Мункоса, Юила и Березова. Он получил там разрешение каждые два года доставлять самому на реку Вымь ясак по семи сороков самых лучших соболей, причем начать уплату его в Димитриев день (26 октября) 7096 (1587) г. Кроме того, он просил для этих городков позволения не платить ясака и поминков русским, которые поселились в устье реки Иртыша. Эта просьба была уважена царем, и Лугуй получил охранную жалованную грамоту, согласно которой воеводам нового городка на реке Оби запрещалось требовать с Лугуя и шести городков ясак и поминки. Охранная грамота была дана в августе месяце 7094 (1586) г. и хранится ныне у остяков

---

[1] Гл. 3, § 27 и 28.

Куноватской волости; с нее я сделал список в Березове. Она имеет государеву печать, а на оборотной стороне грамоты находится обычная подпись царя: «Царь и великий князь Федор Иванович всея Русии». [1]

§ 83. Несколько примечаний к этой охранной грамоте не будут излишними. Прежде всего в ней важно то, что вполне согласно с сибирскими летописями она указывает место, где был построен новый русский городок по реке Оби против устья Иртыша, а также время, когда он был построен. Строение городка производилось зимою после 7093 г., т. е. в начале 7094 г. Жалованная грамота дана только в августе 7094 г., и в ней встречаются следующие выражения: «от тех воевод, которые ныне сидят в городе в нашем на великой реке Оби» и дальше: «которые ныне на усть Иртыша на Оби новой городок поставили». На основании их построение городка будто бы произошло только в это время, а воевода со своими ратными людьми будто бы тогда находился еще в городке, но нетрудно понять, что приведенные слова взяты из челобитной князца Лугуя, который, повидимому, уехал оттуда еще до наступления зимы, когда начали строить городок. Более поздних известий в Москве тогда еще не могли иметь. Так как жалованная грамота во всем, что касается нового городка, ссылается только на челобитную Лугуя, то, вероятно, что сам же Лугуй привез в Москву первое известие о нем.

§ 84. Может показаться странным, почему Лугуй предпочитал отвозить ясак на далекую реку Вымь, чем доставлять его воеводам соседнего нового городка. Я выше говорил о том, что места по нижней Оби были первоначально открыты зырянами и русскими, жившими по рекам Вычегде и Выми, и ими были подчинены Русскому государству. [2] Некоторые из них в указанных местах получали до тех пор большие прибыли от выгодной торговли и от побочных доходов, связанных со сбором ясака. Одни из них жили на Оби постоянно и особенно в зимнее время, когда бывала там охота. Они очень опасались, что потеряют большую часть своих доходов, когда местные народы подчинятся другой власти. Без сомнения, те, которые жили среди остяков в то время, когда пронесся слух о новом городке, склонили князца Лугуя и других остяков к вышеупомянутому решению. Достигнуть этого им было нетрудно, достаточно было описать довольно яркими красками обращение воевод и насилия находящихся при них ратных людей и противопоставить этому кроткое и ласковое обхождение на реке Выме их приказного человека, который, вероятно, был незнатного происхождения.

§ 85. Но самое важное в этой грамоте связано с вопросом о том, каким же теперешним местам соответствуют указанные в жалованной грамоте остяцкие и вогульские городки. Городок Куноват легко отыскать, так как еще сейчас имеется остяцкая волость на реке Оби, которая носит это название, а кроме того имеется довольно значительная речка Куноват, впадающая

---

[1] Прилож. № 9.

[2] Гл. 2, § 1—10.

в Обь с восточной стороны. Остяки называют Куп-аут или Куп-авот высокий мыс, на котором стоял городок. Оттуда производят они Куп-аут-ваш, как прежнее название городка. Русские же называют его Купо-ват или Куповатское старое городище. Остатки его видны еще и сейчас: они находятся на северном берегу большого озера, через которое протекает река Куповат, поблизости от места впадения ее в реку Обь.

§ 86. Второе название Илчма больше не встречается теперь ни на Оби, ни на впадающих в нее реках. Я предполагаю поэтому, что его надо искать к западу от Югорского камня. Там течет в реку Печору река Олеш, которую зыряне называют Илыч. По этой реке шла в прежнее время дорога с реки Сосвы на Русь. Возможно, что жившие по Илычу вогулы заключили договор с князцом Лугуем, чтобы совместно обороняться от притеснений проезжавших воевод.

§ 87. Третье название Ляпин вполне сходно с тем, которое было уже упомянуто [1] в рассказе о первом югорском походе. Оно и сейчас еще употребляется в одном вогульском селении на реке Сыгве. Ляпин лежит приблизительно в 30 верстах от места впадения Сыгвы в реку Сосву, на небольшой речке Ляпиной, которую вогулы называют Лопинг-сойм, а по ней и бывший там городок Лопынг-уш. Оттуда получила свое наименование Ляпинская волость Березовского уезда, и в Березове часто можно слышать, как даже реку Сыгву обычно называют Ляпиной. Еще и теперь там находятся вогульские зимние юрты. В древности же и в то время, о котором идет речь, это место было известно торгами, которые вели там русские и зыряне с вогулами и остяками. В зимнее время обе дороги, с Шокура на Сыгву и с Илыча на Сосву, [2] сходились здесь. Поэтому, как рассказывают тамошние вогулы со слов своих предков, там были русские торговые лавки, от которых теперь не осталось никаких следов. Это могло быть, конечно, ранее построения города Березова, который, как вполне понятно, завладел и всей торговлей этих мест.

§ 88. По поводу четвертого названия Мункос я могу привести в объяснение только то, что в верхнем течении реки Сыгвы имеется вогульская деревня под названием Мункес-пауль, по-русски Мункаские юрты. Но я не слышал, чтобы там находился когда-либо городок.

§ 89. Пятое название Юиль или Юильский городок известно там в двух местах. Во-первых, в верховьях реки Сыгвы был вогульский городок, который прежде так называли. То же наименование носил и остяцкий городок на реке Казыме. [3] Но без помощи зырянского языка нельзя, однако, выяснить значение этого слова. По-вогульски городок в верховьях Сыгвы именуется Сек-теллек-уш, что имеет своим основанием только тамошнее положение места, так как «Сек» — вогульское название Сыгвы и «теллек» означает исток или верховье реки. Вогульские юрты, которые там сейчас

[1] Гл. 2, § 5.
[2] То же, § 14.
[3] Гл. 3, § 33.

находятся, только по-русски сохраняют прежнее наименование Юильских юрт, а вогульское обозначение их Волкуотль-пауль не имеет с ним никакого сходства. Правда, был еще один старый вогульский городок на реке Сосве, называвшийся Ели-уш, из которого, при неправильном произношении, легко могло произойти Юиль или Юильский, но это объяснение кажется мне не таким вероятным. Зыряне в свое время превратили Ели в Лули, переведя вогульское «уш» зырянским «карра», что так же, как и «уш», означает город или городок, и назвали это место Луликарра, о чем свидетельствует название одного из тамошних селений — Луликарские юрты. Как мне кажется, под именем Юильского городка надо подразумевать верхний городок на реке Сыгве.

§ 90. Что же касается шестого и последнего названия — Березов городок, то ясно, что под ним подразумевается тот остяцкий или вогульский городок, на месте которого построен впоследствии город Березов. Высокий Пудовальный мыс находится в нескольких верстах выше города по реке Сосве; на нем-то и стоял этот старый городок. На этом мысе видны остатки двух различных городков, но неизвестно, были ли они обитаемы в одно и то же время или один после другого. Остяки называли их Сугмут-ваш, вогулы Халь-уш, что дало повод для образования русского названия, так как по-остяцки сугмут, а по-вогульски хал означают березу. Из этого вполне ясно, что я выше, [1] не без основания, сомневался в правдивости древнего предания о времени первого поселения русских в Березове, так как во времена упомянутой жалованной грамоты это было только остяцкое местечко. Однако, возможно, что вскоре после того и еще до построения города Березова там был основан небольшой острог с малым числом ратных людей с реки Выми. Меня уверяли, что еще сейчас видны следы старой зимней дороги, которая проходила тогда между Березовым и Ляпиным городком по реке Вогулке, которая впадает в Сосву ниже города. Эту дорогу остяки называют Зырян-юш, т. е. зырянская дорога, а русские — Русским тесом. [2] По этой дороге, по рассказу остяков, будто бы однажды перевезли на санях пушку в Березов. Жители Березова подтверждают это сообщение и говорят, что пушка находилась в Березове до 1738 г., когда по царскому указу все медные орудия были увезены в Россию. Если это действительно так, то там, вероятно, было укрепление, где стояла эта пушка, и, конечно, нельзя было оставить ее без караула или гарнизона. Ясно, что этой дорогой должны были везти пушку еще до построения города Березова, потому что в последующее время в город был более удобный путь, именно через Тобольск, откуда Березов снабжался всем необходимым.

* § 91. В царском титуле вышеупомянутой жалованной грамоты замечается некоторое прибавление, которого обычно не встречается в других царских грамотах того времени. Прежде, во времена царя Ивана Василье-

[1] Гл. 2, § 13.

[2] Тес — от тесать, потому что первоначально по этой дороге, чтобы не заблудиться, на деревьях были тесаны или зарублены знаки.

вича и Федора Ивановича, в той части титула, где говорится о Сибири, всегда стояло «Удорский, Обдорский, Кондинский и обладатель всея Сибирские земли и Северные страны повелитель». Но в жалованной грамоте 7094 г., кроме того, находятся слова:«и великия реки Оби». Поводом для этого дополнения, вероятно, послужил новый Мансуровский городок на Оби. Но приведенный титул просуществовал не дольше, чем самый городок. В последующее время стали употреблять в титуле лишь общее наименование Сибири, не приводя при этом названий отдельных областей и народов, которые год от году присоединялись к Российскому государству.

* § 92. Так как в жалованной грамоте было сказано, чтобы воевода Мансуров из нового городка на реке Оби не нападал на князца Лугуя и на зависевших от него 6 городков и не требовал с них ясака, то Лугуй, без сомнения, еще на обратном пути узнал, что принятые им по этому поводу предосторожности были излишними. Если здесь что-либо случилось, то оно должно было произойти летом 7094 г. во время отсутствия Лугуя. Все летописи согласны в том, что по окончании зимы Мансуров покинул построенный им городок и продолжал свой путь по воде вниз по Оби и через Югорский камень возвратился со всем своим отрядом обратно на Русь.

Глава четвертая

СТРОЕНИЕ ГОРОДОВ ТЮМЕНИ, ТОБОЛЬСКА, ЛОЗВЫ, ПЕЛЫМА, БЕРЕЗОВА, СУРГУТА, ТАРЫ И ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ИЗГНАНИЕ ХАНА КУЧУМА ИЗ СИБИРИ

§ 1. После вышеописанных неудач Москва всетаки не теряла надежду на окончательное покорение Сибири. Дело, правда, надо было начинать сначала, но все же намеченное ранее было выполнено без особых затруднений: некоторые пути в Сибирь и местоположение тамошних стран стали уже известны, и при одном упоминании русского имени Сибирь приходила в трепет; поэтому достаточно было незначительного количества русских, чтобы предпринять и выполнить все без особого труда.

§ 2. Когда возвратился из Сибири в Москву первый воевода Глухов и от него узнали о совершенно изменившихся обстоятельствах в Сибири, нельзя было ожидать большей удачи от посылки второго воеводы Мансурова. Поэтому царь указал отправить туда новых служилых людей, которые должны были помочь воеводе удержаться на реке Оби, а самим с бо̀льшей настойчивостью продолжать начатое дело и вернуть потерянные завоевания. Считали, что для этого сначала вполне достаточно небольшого отряда из 300 чел. стрельцов и казаков. Руководство ими было поручено двум воеводам — Василию Борисовичу Сукину и Ивану Мясному, а также письменному голове Даниле Чулкову. Отъезд их из Москвы произошел приблизительно в середине зимы 7094, т. е. в начале 1586 г.

§ 3. Либо в царском наказе было так написано, или новые воеводы сами были осторожны, но они не решились сразу заходить очень далеко. Прежние походы были направлены прямо на Иртыш и к городу Сибири, воевода же Сукин занял место при реке Туре, там, где когда-то стоял старый татарский город Чимги. Он прибыл туда 29 июня 7094 г. и начал строить город, получивший позднее татарское название Тюмень.

§ 4. Этот город расположен на правом или южном берегу Туры, на высоком и ровном месте, где берег поднимается на 10 саженей выше уровня реки. Ни одна из сибирских местностей не обладает, кажется, такими природными преимуществами. Место, занимаемое городом, тянется во все стороны на равной высоте и покрыто плодороднейшей пахотной землей. Левый же или северный берег реки низкий и весьма лесистый. И татары и русские поступали поэтому правильно, когда здесь строили свои первые города. Земля в том месте очень рыхлая, и с незапамятных времен обра-

Рис. 10. Тархан-калла.
(Ремезовская летопись, ст. 30.)

зовались тут буераки, которые настолько глубоки, что доходят иногда до уровня реки Туры, а в других местах уходят дальше в глубь земли. Между такими буераками и не на самом берегу реки находился старый татарский город, от которого и сейчас еще остались следы в виде земляного вала и рва, проведенных от буерака до буерака. Однако Сукин, при выборе места для Тюмени, не последовал примеру татар. Размеры татарского городища были недостаточны даже для маленького городка, не говоря уже о целом городе, на будущий рост которого можно было возлагать большие надежды. Сукин, наоборот, построил город на берегу реки ниже того места, где буераки сходятся общим устьем к реке Туре.

§ 5. Это общее устье и один из буераков, который идет параллельно реке Туре и окружает город с нагорной стороны, называются по-русски Тюменкой, татары же не имеют тому месту особого названия. Другой буерак, идущий отсюда прямо в глубь страны, называется Дедиловым. Третий от этого, идущий по одной линии с Тюменкой, получил от растущих там диких вишен название Вишневого буерака. Теперешний город Тюмень расположен между Тюменкой и рекой Турой; старый же татарский городок Чимги или Цимги находился между Тюменкой и Вишневым буераком. Оба места были укреплены от природы с трех сторон частью высоким и обрывистым берегом реки Туры, частью непроходимыми буераками. Таким образом укрепления требовала только сторона, расположенная вниз по течению реки Туры. Это и было сделано при построении города Тюмени, когда кроме небольшого внутреннего городка о четырех стенах, который стоит вблизи Тюменки, вокруг находившихся вне его жилых домов был поставлен тын или острог от берега реки Туры до Тюменки. Ремезовская летопись добавляет, что в одно время с острогом построена была в Тюмени церковь во имя всемилостивого спаса, которая была первой церковью во всей Сибири.

§ 6. О происхождения названия Тюмени татары рассказывают двояким образом. Это слово на их языке обозначает десять тысяч. Одни из них уверяют, что в древние времена там жил могущественный татарский князь, имевший до 10 000 подданных или имевший возможность собрать войско такой численности. Другие же рассказывают, что татарский князь, живший здесь, приказал однажды заполнить все овраги Тюменки своим собственным скотом. Это было сделано, и при счете оказалось 10 000 голов скота. По первому объяснению можно судить о силе татар, по второму об их богатстве. Возможно, что то и другое выдумано. Название Тюмени не первое, которое основано на басне. То же самое название встречается на Каспийском море, где приток реки Терека известен под названием Тюменки; на нем был расположен татарский или черкасский город, названный Тюменским городком. [1] Это тот же город, который впоследствии получил название Терки. Князь этого города подчинился в 1559 г. русской власти, о чем свидетель-

[1] Samml. Russ. Gesch., 4. Band, S. 403, 404.

ствуют степенные книги.[1] Разрядные книги часто упоминают о двух сыновьях этого князя, Романе и Василие Агишевичах Тюменских, и сообщают, что с 1575 г. до конца столетия они служили Российскому государству воеводами во многих походах.[2] Что же касается происхождения названия сибирского города Тюмени, то во время строения города оно, вероятно, было в употреблении у татар, теперь же они им больше не пользуются, а называют город старым именем Чимгитура.

§ 7. Само собой разумеется, что воеводы нового города занялись покорением живших в тех местах татар и принуждали их к уплате ясака. Последнее произошло без особых затруднений, почему устные предания и летописи очень мало говорят об этом. У татар не было тогда собственных начальников, которые могли бы защитить их от русских. Живя оседло в своих юртах, они имели свои земли и занимались земледелием и скотоводством и должны были бы всего этого лишиться, если бы добровольно не подчинились русским. Местности по рекам Пышме, Исети, Тавде и Тоболу, почти до его устья, входили тогда в состав Тюменского уезда. В дальнейшем, когда число городов увеличилось, границы этого уезда заметно уменьшились, так как каждый из новых городов получил из Тюменского уезда лежавшие вблизи земли, которыми сама Тюмень не могла управлять за дальностью расстояния.

*§ 8. Городом Сибирью на Иртыше владел пока еще князь Сейдяк. Он стал сильнее после того, как к нему пришли некий султан или царевич Казакской орды и мурза Карача, незадолго до того присоединившийся к нему. Несомненно, что тамошние татары после ухода хана Кучума признавали Сейдяка своим законным государем и платили ему обычную дань. Преждевременным нападением на Сейдяка русские не хотели, однако, подвергать себя опасности. Они написали об этом в Москву, прося дальнейших распоряжений и указывая на небольшое количество служилых людей, находящихся в Тюмени, которых было недостаточно даже для защиты этого города. Через короткий срок, летом 7095 (1587) г., в Тюмень прибыло 500 чел. новых служилых людей, которые привезли царский указ о том, чтобы письменный голова Данила Чулков отправился с этими людьми на Иртыш и заложил бы вблизи татарского города Сибири другой город, из которого было бы удобнее принимать соответствующие меры против татар.

§ 9. Так было положено начало главному городу Сибири — Тобольску, который первоначально состоял из небольшого деревянного укрепления и нескольких построек для служилых людей. Вскоре после своего основания Тобольск стал местом пребывания главных воевод и позже губернаторов всей Сибири, откуда посылались распоряжения всем остальным постепенно

[1] Степень 17, грань 17, гл. 25: О послех из Тюмени и из Шавкал и како хотяху креститися черкасы. Того же лета 7067 приидоша к государю послы от Тюменского князя с дарами и с любочестным молением, дабы государь держал их в своем имени. Тогда же приидоша к государю послы из Шавкал — и пр.

[2] Samml. Russ. Gesch., 5. Band, S. 79, 109.

возникавшим и подчиненным ему городам и местечкам Сибири. В этих распоряжениях указывалось, между прочим, как надо с пользой для государства управлять покоренными народами и как, смотря по обстоятельствам, лаской или принуждением, подчинять еще непокоренных. При основании Тобольска туда был назначен только письменный голова, человек невысокого ранга, очевидно, потому, что не могли сразу учесть то значение, которое было связано с созданием этого города. Чулков со своими людьми отправился в путь из Тюмени водою сразу же по получении приказа, т. е. летом того же 7095 (1587) г. Город был построен им на высоком восточном берегу реки Иртыша, против устья реки Тобола, без малейших препятствий со стороны живущих там татар.

§ 10. Согласно устных рассказов, город был заложен в том месте, где теперь находится архиерейский дом с принадлежащими к нему дворовыми постройками. По Ремезовской летописи, Чулков построил тогда же Троицкую церковь и за городом, под прямым взвозом, другую церковь Всемилостивого спаса. В последующее время с городом и с церквами происходили частые перемены, о чем будет сказано в своем месте.

§ 11. Таким образом вместо города Сибири, в той же местности, в центре бывшего Татарского царства, появился теперь другой город, который, благодаря своей близости к Тюмени и удобному короткому и прямому пути с Тобола па Иртыш, являлся надежной пристанью, откуда можно было подниматься и спускаться по Иртышу, в чем он имел большие преимущества перед городом Сибирью. Но все это имело бы небольшое значение, если бы упорный враг, которому простой народ в окрестных деревнях был безусловно предан, оставался бы попрежнему поблизости. Вероятно, Чулков не имел распоряжения из Москвы применить против него силу или сам на это не решался. Наоборот, он больше старался о том, чтобы наладить хорошие отношения с живущим там народом и, заручившись его доверием, впоследствии легче, без особых потерь для себя, овладеть наиболее видными людьми из их среды и, таким образом, навсегда подчинить остальных Русскому государству. Но князь Сейдяк и его люди были настолько неосмотрительны, что, несмотря на близкую опасность, не делали ни малейших попыток изгнать или, по крайней мере, ослабить русских, а что из этого вышло, послужило всецело на пользу русским.

§ 12. Летом 7096 (1588) г. князь Сейдяк с султаном Казакской орды, мурзой Карачей и с 500 татар забавлялся ястребиной охотой на берегу реки Иртыша. Они близко подошли к городу Тобольску и остановились на лугу, который тянется по восточному берегу Иртыша от Чувашского мыса до Тобольска. По этому случаю названный луг стал называться Княжевым. Небольшая речка, протекающая у города Тобольска через ямскую слободу и впадающая в Иртыш, тоже получила название Княжевой речки. В виду того, что эта охота происходила вблизи города, о близости татар стало известно тобольскому письменному голове. Он воспользовался случаем и отправил к князю посланца, с приглашением его и его спутников к себе

на пир с тем, чтобы во время его вести с ними мирные переговоры. Князь Сейдяк посоветовался со своими, и они решили последовать приглашению, но с условием, чтобы все его люди вошли вместе с ним в город. Это пожелание совершенно не соответствовало намерениям Чулкова, и дружескими уговорами он сумел повернуть дело так, что с гостями в город вошло только 100 чел., остальные же остались за воротами для охраны. Таким образом, враги оказались в руках русских. Нужен был только предлог, чтобы сделать их настоящими пленниками; случай к тому представился на пиру.

§ 13. Во время пира было выпито много вина. Мирных переговоров касались только для вида. Сейдяк, у которого явилось подозрение, задумался, и тогда Чулков стал обвинять его в том, что он что-то замышляет против русских. Никакие словесные уверения не помогали, и в доказательство своей верности и в знак сохранения настоящих добрых отношений Сейдяк должен был выпить большую чашу вина, поднесенную ему Чулковым. То же самое должны были сделать султан Казакской орды и мурза Карача. Но князь и его спутники отказались пить. Этот отказ сочли за неоспоримое доказательство их враждебных намерений. Чулков приказал всем русским вооружиться, и затем, по его распоряжению, знатные гости были связаны, а простые татары, бывшие с ними, перебиты.

§ 14. Можно было ожидать, что татары, оставшиеся у ворот, будут пытаться освободить князя Сейдяка и других, но случилось наоборот: как только они услыхали о беде, постигшей их товарищей, то поспешно бежали в степь. За ними последовали и те татары, которые оставались в городе Сибири. Таким образом все окрестности Тобольска и Сибири были совершенно очищены от неприятеля. С той поры город Сибирь никогда больше не заселялся.

§ 15. Захваченных знатных пленников трудно было охранять в Сибири. Чулков отправил их в том же 1588 г. 10 сентября в Москву, где они были торжественно встречены, и им были пожалованы земли, которые вполне обеспечивали их существование. Сочинитель Ремезовской летописи говорит, что потомки их жили в Москве еще в его время, но имеет ли он в виду потомков князя Сейдяка и других его товарищей или тех и других, из летописи не видно.

* § 16. В то же время было решено построить город на реке Лозве, впадающей в Тавду, в том месте, где Лозва становится судоходной. Его назвали Лозвинским городком или городком на Лозве. Частые отправки в Сибирь и обратно, а также стремление к дальнейшему расширению русских владений в Сибири делали этот городок крайне нужным. Так как в то время обычный путь в Сибирь шел через Чердынь вверх по реке Вишере, а оттуда через горы к реке Лозве, впадающей в Тавду, и далее вниз по Тавде до Тобола и Иртыша, то в том месте, где Лозва начинает быть судоходной, необходимо было иметь пристань, чтобы в весеннее время строить там суда и держать в безопасности продовольственные и иные запасы, которые по окончании ледохода можно было бы отправлять дальше. К этому нужно

прибавить, что с живущих в тех местах вогулов, подчиненных до тех пор городу Чердыни, можно было теперь получать ясак с большей исправностью и правильностью, и в то же время представлялась бо̀льшая возможность покорить других вогулов, живших поблизости. Однако обо всем этом ничего не говорится в сибирских летописях, а в сибирских архивах от этих лет не сохранилось никаких дел. От Лозвинского городка через несколько лет не осталось никаких следов. Трудно надеяться, что о построении его найдутся в дальнейшем более подробные сведения. Единственно, что остается, это определить приблизительно время его возникновения.

§ 17. В архиве города Пелыма нашел я известие 7102 г., из которого видно, что городок при реке Лозве существовал уже в 7098 (1590) г. и что воеводой в нем был тогда Иван Григорьев сын Нагово. В этом же известии говорится, что в указанном году с Лозвы ушли несколько человек казаков, которых приказано было разыскать. Сверх того, в наказе первому Пелымскому воеводе князю Петру Ивановичу Горчакову о строении города Пелыма 7100 (1592) г. Лозвинский городок называется «новым городом» и опять упоминается в нем тот же воевода Иван Нагой. Так как в те времена не было обыкновения оставлять одного и того же воеводу более двух или трех лет на одном месте, то можно думать, что Нагой был назначен воеводой не ранее 7098 г. По этому обстоятельству и по добавлению к названию Лозвинского городка слова «новый», которое он сохранял еще в 7100 г., можно думать, что он был основан только за несколько лет перед тем. Из всего сказанного следует, что городок на Лозве был построен около 7098 (1590) г., по всей вероятности, воеводою Иваном Григорьевым сыном Нагово.

§ 18. Вогулы Верхотурского и Пелымского уездов, живущие при реке Лозве, показывают еще и теперь то место, где когда-то стоял Лозвинский городок. Об этом говорят остатки бывших здесь укреплений и домов. С юго-западной стороны в Лозву впадает речка Ивдиль или Ивля; по словам вогулов, при устье этой речки будто бы стоял прежний городок. Немного дальше, выше этого места, находится теперь вогульская деревня Верхотурского уезда, получившая от той речки свое название Ивль-пауль. От речки Ивли вниз по реке Лозве можно было беспрепятственно плыть во всякое время года если не на груженых дощанниках, то, во всяком случае, на больших лодках. Дальше вверх река становится мелководной, и на ней имеются пороги, так как она близко подходит к горам, но вниз по течению русло реки состоит частью из песка, а по большей части из ила, и течение ее не особенно быстрое. Указывают при этом, что так как берега повсюду сильно поросли лесом, то на них нет даже узкого бечевника, отчего происходило большое промедление при ходе вверх по реке, так как почти везде при этом суда приходилось тянуть бечевой или итти завозом, что сильно задерживало движение и делало путь по Тавде очень трудным. Это, очевидно, и явилось причиной, что в дальнейшем стали искать более удобных сообщений. Мы вернемся

к ним, когда, по обстоятельствам времени и места, Лозвинский городок был оставлен.

* § 19. В том же 7098 (1590) г. произошли еще некоторые события. Во-первых, на место письменного головы Данилы Чулкова прибыл в Тобольск воевода князь Владимир Васильевич Кольцов-Масальский, при котором произошла следующая перемена. Тобольск, зависевший до тех пор от Тюмени, стал быть собою и подчиняться в дальнейшем непосредственно Москве. Решение сибирских дел происходило там в первое время в Посольской канцелярии, называвшейся тогда Посольским четвертным приказом или же просто Посольским приказом, где главным судьей был тогда дьяк Василий Щелкалов.

§ 20. В том же году хан Кучум решил снова навестить свои прежние владения. Кажется, главной его целью была при этом добыча, а не желание воевать с русскими, этим страшным для него народом. Когда он 23 июня подошел довольно близко к городу Тобольску, вся его отвага проявилась лишь в том, что он убил в деревнях нескольких татар и с захваченной добычей бежал, раньше чем тобольский воевода мог получить известие о его приближении. В другой раз он сделал набег на Каурдакскую и Салымскую волости, которые находились вверху Иртыша [1] и уже в то время платили ясак русским; он убил там много людей и награбил большое количество всякого добра. Это было его местью тем татарам, которые не признавали его своим государем и подчинились русским.

§ 21. Если бы эти нападения остались безнаказанными, то, вероятно, имели бы много дурных последствий и дали бы повод хану для дальнейших набегов. Поэтому воевода князь Кольцов-Масальский решил в следующем году отомстить хану за эти нападения и для того направился в степь. Он взял с собой часть тобольских служилых людей и большое количество татар, живших недалеко от города. Он выступил с ними в поход 8 июля 7099 (1591) г., и ему посчастливилось 1 августа так удачно напасть на хана на реке Ишиме, у озера Чиликула, что после короткого сражения многие бывшие с ханом были убиты, а оставшиеся в живых бежали. Один из царевичей и две жены хана со многими другими пленными должны были в знак полной победы последовать за русскими, возвратившимися с богатой добычей в Тобольск.

§ 22. Ремезовская летопись, в которой одной говорится об указанных набегах хана и о походе против него, сообщает, что в этом походе принимали участие тарские казаки и что хан, бежавший после упомянутого сражения вверх по реке Ишиму, еще не раз нападал на русских жителей городка Тары и на тамошних ясачных татар. Обыкновенные летописи указывают 7096 (1588) год, как год основания города Тары. Но из приводимых далее архивных известий видно, что город Тара был основан только в 7102 (1594) г., и поэтому приведенному известию нельзя верить. Нет также ос-

[1] Гл. 3, § 57.

ваний предполагать, что, может быть, уже раньше или же в это время на Таре был поставлен небольшой острог, в котором стоял по переменам гарнизон из Тобольска не столько для постоянного жительства, сколько для сбора ясака, как это потом бывало во многих других острогах, которые зависели первоначально от тех городов, которыми они были построены. Против этого предположения говорит, однако, то обстоятельство, что в указанных архивных известиях не только нет никаких подтверждений сказанному, но даже не находится о том ни малейшего следа, хотя известие об этом должно было бы сохраниться.

§ 23. Несмотря на это, несомненно, что уже тогда весь Иртыш, поскольку он был заселен татарами и остяками, а также Тобол, Тавда, Конда и большая часть реки Оби были подчинены Тобольску. Доказательства этого будут приведены постепенно в дальнейшем. Вероятно, уже тогда на реке Тавде был небольшой город или острог, построенный Тобольском, но разрушенный вскоре во время восстания вогулов. Об этом определенно говорится при последующем построении города Пелыма. [1] Большой недостаток материалов в Тобольском архиве, страдавшем не раз от пожаров и не содержащем никаких известий об этих первых временах, явится причиной еще многих пробелов в этой Истории. О том, что случилось в эти же годы в Тюмени, тоже можно сказать очень немного, так как Тюменский архив начинается только с 7102 г.

§ 24. Чем более возрастала надежда на дальнейшие завоевания в Сибири, тем более становилось необходимым заняться заселением новых уездов русскими, покоренные народы держать твердо в руках и в дальнейшем стараться подчинить возможно большее количество их Русскому государству. Для этого необходимо было на том обширном пространстве, которое представляла известная уже тогда часть Сибири, строить новые города, снабжать их достаточным гарнизоном и заботиться о том, чтобы население было обеспечено необходимым количеством продовольствия. Таковы были намерения в Москве в 7100 (1592) г., когда решено было построить три новых города: Пелым, Березов и Сургут. Летописи относят начало этих городов к 7099 г., но так как при постройке первого из этих городов упоминается тобольский воевода князь Федор Михайлович Лобанов-Ростовский, о котором в тех же летописях сказано, что он занял место прежнего воеводы князя Кольцова-Масальского в 7100 г. и был Тобольским воеводой до 7103 г., то это является доказательством, что построение упомянутых городов не могло начаться ранее 7100 г.

* § 25. В то время в Чердыни был воеводой Никифор Васильев сын Траханиотов, которому было приказано направиться в Сибирь с некоторым числом служилых людей для того, чтобы удержать татар от набегов. Но вскоре после того он должен был со своими людьми итти для прикрытия строения города Пелыма, а затем для постройки города Березова.

---

[1] § 28.

В архиве графов и баронов Строгановых, от которых я уже получил много ценных исторических материалов, имеется царский указ 5 июля 7100 г. [1] в котором их предкам приказано присоединить к отряду Траханиотова 50 молодых вооруженных людей и держать, кроме того, еще 50 человек наготове на случай похода против пелымского князя. [2] О последнем походе сведений не сохранилось. Что же касается построения города Пелыма, то об этом можно говорить более подробно, так как я нашел в Пелыме тот наказ, [3] который был дан назначенному для построения города воеводе при его отправлении из Москвы. Очень жаль, что в этом наказе отсутствует начало и вместе с тем точное время отправления, которое в прежние времена обычно писалось в начале наказа. Однако, из других обстоятельств видно, что это отправление произошло в конце 1592 г.

§ 26. Князю Петру Ивановичу Горчакову было указано начать строение города Пелыма, а другим воеводам, отправленным в то же самое время в Сибирь, помогать ему в этом деле. Между ними, вышеуказанный Траханиотов был первым. Два других были князь Михаил Волконский и князь Матвей Львов, но куда они были назначены, не указывается; кроме того, с ними было еще три письменных головы: Богдан Воейков, назначенный в Тюмень, Иван Змеев, отправившийся с Траханиотовым в Березов, и Семен Ушаков, оставшийся при князе Горчакове в Пелыме. Служилые люди состояли из некоторого числа детей боярских и казаков. С ними были также крестьяне, которые должны были завести пашню при новом городе на реке Тавде. С собой воеводы везли необходимое количество пушек, пороха, свинца и съестных припасов.

§ 27. По прибытии воевод в Пермь, князь Горчаков должен был послать нескольких детей боярских к ляпинским и вишерским [4] вогулам и взять у них по 25 человек, которых со своими сотниками, под предводительством детей боярских, отправить в новый Лозвинский городок, а затем против непокорного Пелымского князя. Князь Горчаков должен был заверить их в высочайшей царской милости и выдать каждому сотнику по 2 рубля, каждому рядовому по рублю и, кроме того, каждому из них по четверти муки.

§ 28. По приезде князя Горчакова с прочими воеводами в новый Лозвинский городок они должны были вместе со своими людьми помочь лозвинскому воеводе Ивану Григорьеву сыну Нагово сделать суда, которые должны быть готовы для продолжения пути в достаточном количестве обязательно к вскрытию реки. По прибытии на реку Тавду надо было с общего совета выбрать место, наиболее удобное для строения города. Воеводам было предоставлено самим решить: ставить ли город на старом месте, где стоял

[1] Прилож. № 10.
[2] Гл. 3, § 2.
[3] Прилож. № 11.
[4] Ляля — небольшая речка, впадающая в Сосву, приток реки Тавды. Река Вишера известна нам из предыдущего.

прежний городок или острог, или начать строить город в Табарах. Это обстоятельство, а также упоминание перед тем о непокорном Пелымском князе служат доказательством в пользу того, что было сказано выше [1] о небольшом городке на реке Тавде.

§ 29. Повидимому, в Москве предполагали, что новый город будет построен не на старом городище при устье реки Пелыма, а в Табарах, может быть, потому, что это место представляло больше безопасности от вогулов, и было известно, что там уже заведена пашня. [2] В наказе несколько раз упоминается о будущем новом городе «в Табарах». Воевода князь Горчаков, повидимому, был первоначально того же мнения, как можно заключить из сохранившейся в Пелыме поручной записи некоторых людей, которые при проезде через Чердынь были набраны Горчаковым для службы в стрельцах в будущем новом городе в Табарах. Эта поручная запись писана в Чердыни 21 февраля 7101 (1593) г.[3] Несмотря на все это, город там построен не был. Явившись весной того же года на реку Тавду для построения нового города, воеводы выбрали место на северном берегу реки Тавды, ниже устья реки Пелыми, где стоял прежний острог. Об окончании строения города свидетельствует другая поручная запись, которая писана 24 июня 1594 г. в новом городе Пелыме. [4]

* § 30. В том же наказе приводятся еще некоторые другие обстоятельства, касающиеся строения города Пелыма. Определив место, воеводы вместе со своими людьми должны были заложить крепость и прежде всего построить острог. Табаринские и кошуцкие татары должны были рубить и подвозить лес. Пока это происходило, надо было принять все меры, чтобы заманить к себе непокорного пелымского князя Аблегирима с его сыновьями, внуками и родственниками и наказать их должным образом. Сам князь и его старший сын Тагай, вместе с пятью или шестью видными вогулами, принимавшими наибольшее участие в движении против русских, должны были поплатиться жизнью, младшего же сына Аблегирима Таутая с женой и детьми приказано было отправить в Тобольск к князю Лобанову-Ростовскому. Если бы к этому встретились затруднения и князя Аблегирима с его близкими нельзя было уговорить приехать к воеводам, то последние должны были остаться в устье реки Пелыми, где стоял прежний острог. Князь Горчаков должен был с вооруженной силой отправиться против непокорных и, захватив их, поступить вышеуказанным образом. Об исходе этого дела в пелымском архиве сохранилось только следующее: Таутай и один из внуков Аблегирима по имени Учет в 7106 г. содержались в Москве под караулом, а в 7107 г. упоминается сын Тагая, по имени Александр, находившийся в Москве и, по всем данным, бывший тем самым Учетом, который, приняв христианство, при крещении получил имя Александра. Потомки его под именем князей

[1] § 23.
[2] Гл. 3, § 39.
[3] Прилож. № 12.
[4] Прилож. № 15.

Пелымских жили сначала в Пелыме, потом служили в Верхотурье, а впоследствии были пожалованы в тобольские дворяне.

§ 31. Для защиты нового города было приказано взять 50 человек конных казаков и 100 человек пеших стрельцов, которые вместо обычного хлебного жалования должны были служить с пашни, чтобы в дальнейшем не нужно было привозить для них хлебных запасов из России. Вместе с этим упоминается о переселении туда же крестьян из Москвы, Каргополя, Перми и Вятки, которые должны были около Пелыма пахать государеву пашню. Далее, нужно было набрать в Табарах и Кошуках молодых людей и поселить их с семьями около города для той же государевой пашни. Остальные же, вместо ясака, состоявшего из соболей, который они платили в Тобольск, должны были доставлять хлеб. Но так как многие из этих распоряжений, содержащихся в наказе, не подходили к местным условиям, то в дальнейшем кое-что пришлось изменить, а другое совершенно отменить.

§ 32. Прежде всего окрестности города Пелыма и весь Пелымский уезд очень лесисты и болотисты и имеют немного мест, пригодных для пашни. Летом можно еще с трудом проехать на лошадях несколько верст от города, а зимой, из-за глубокого снега в лесах и непроезжих дорог, чаще ходили пешком на лыжах, и на лошадях было невозможно ездить. По этой причине с самого начала конные казаки оказались здесь ненужными, и пришлось сохранить только пеших стрельцов, число которых потом было сильно уменьшено. Что касается заведения пашни, то стрельцов, которых позже приравняли к казакам, снабдили пахотной землей по их потребности. Они селились при реках и речках везде, где только встречался небольшой клочок земли, пригодной для обработки. Для крестьян же переведенцев, которых указано было устроить около города, не нашлось совсем подходящих мест. Наказ предписывал, чтобы пахать на государя до 300 четвертей, но годной пахотной земли около города нашлось только 7 четвертей. Поэтому и перевод людей из Табар и Кошуков не состоялся. Было только определено, чтобы некоторые из татар, по примеру русских крестьян, получив на посев из казны, пахали в своих деревнях землю на государя, что и приведено было в исполнение спустя некоторое время. *

---

* *Далее в издании 1750 г. следовало:*

§ 35. Сим кончится пелымской наказ, и хотя ко оному присовокуплены еще разныя прибавления, однако ж находится достопамятнаго в них так мало, что я запотребно не разсуждаю ни краткаго содержания, ни списков с них здесь сообщить. Одно обстоятельство, которое несколько служит к пользе истории, есть сие, что повелено князю Горчакову в новом городе построить церковь во имя Рождества Христова с пределом Николая чудотворца, которое строение по силе сего в действо и произведено. А в последующие времена построена еще другая церковь архистратига Михаила с пределом Илии пророка.

§ 36. Не без пользы бы было, когда бы и о всех прочих обстоятельствах, а именно, что князь Горчаков по силе наказа в Пелыме построил и что иное учредил, известия были, однако ж по царской грамоте, посланной к пелымскому воеводе Богдану Иванову сыну Полеву в 7104 году, явствует только то, что первой острог, которой при заложении города около онаго обведен, весьма был худ, а внутренней малой город ни в бытность князя Горчакова, ниже при воеводе Василье

§ 33. Как только был построен город Пелым, из вогульских волостей, плативших прежде ясак в Тобольск, были приписаны к Пелымскому уезду все те волости, которые находились по рекам Тавде, Пелыму, Сосве и Лозве, до границ Лозвинского уезда. Тогда же были переданы из Тобольска в Пелым табаринские татары, которые уже в 7102 (1594) г. начали обрабатывать государеву пашню. Кошуки же, которые тоже должны были быть присоединены к уезду нового города, остались в ведении Тобольска. Причиной этого явилось, может быть, то, что они жили одинаково далеко как от Пелыма, так и от Тобольска. Но Тобольск должен был в 7103 г. уступить Пелыму две другие, гораздо более значительные, вогульские волости Большую и Малую Конду, находившиеся в верхней части реки Конды, впадающей в Иртыш. [1] Первая из них начала платить ясак в Тобольск в 1589 г., а вторая в 1592 г. Это присоединение было сделано вполне правильно, так как верховья реки Конды подходили близко к верховьям реки Пелыма.

* § 34. После Пелыма последовало строение двух других городов: Березова и Сургута. Начало этому было положено, как можно доказать, в том же 7101 г., который я считаю годом построения города Пелыма. Для строения города Березова, как было отмечено уже ранее, [2] был послан воевода Никифор Васильев сын Траханиотов, о котором в пелымском наказе говорится, что быть ему со всеми другими воеводами в Пелыме не больше 8—10 дней, в течение которых надлежало построить здесь острог и положить основание укреплениям города. В случае, если князь Горчаков был бы принужден итти на поиски непокорного князя Аблегирима, воеводы должны были ждать его возвращения в Пелыме, на что было назначено также от 8 до 10 дней. Следовательно, воевода Траханиотов легко мог в то же лето 7101 (1593) г. прибыть в Березов и, так как там уже был русский острог, [3] положить начало новому городу в следующую осень. О том же можно заключить из царской грамоты, находящейся в березовском архиве, которая писана 17 августа 7102 г. [4] и направлена указанному воеводе и его товарищу Афанасию Иванову сыну Благого, причем Березов назван в ней новым городом. Кроме того, мне был передан в Березове список всех воевод города с самого его основания, который был получен одним из тамошних жителей от своих предков; в этом списке воевода Траханиотов упоминается под 7101 г.

Толстом еще зачат не был. Ибо там упоминается, что воевода Полев в Москву писал, коим образом он город новым острогом обгородил, которой в окружности содержит 240 сажен, при том же под внутренней малой город хотя фундамент и заложен, однако ж к строению онаго нет плотников, а тамошних жителей к сей работе довольно не будет, и они послали от себя челобитную, чтоб их от оной уволить; чего ради повелено строение внутреннего малого города отложить впредь до указу (*см. приложение № 22*).

[1] Прилож. № № 22 и 24.

[2] § 25.

[3] Гл. 3, § 90.

[4] Прилож. № 16.

§ 35. Город Березов расположен на левом берегу реки Сосвы, впадающей с западной стороны в реку Обь, в 20 верстах от ее устья. Он лежит не на острове реки Оби, как это ошибочно утверждают некоторые землеописатели, также и не стоял он прежде при реке Оби, потому что около этой реки мало мест, удобных для города. Сосва в своей нижней части течет почти параллельно с Обью. Между обеими реками расположены повсюду низкие места, заливаемые ежегодно при половодье; только северный берег Сосвы, благодаря высоте его, не подвергается наводнениям. Это обстоятельство было причиной того, что именно этот берег был избран для построения там первого острога и позднее города. Указанные низкие места всюду прорезаны протоками, образовавшимися от частых наводнений; самый значительный называется Пырсым и служит обычным водным путем из Оби до Березова. До города плавали этим протоком, впадающим в Сосву, и далее 18 верст вниз по Сосве, что гораздо удобнее и ближе, чем ехать по Оби вниз до устья Сосвы и по последней подниматься вверх до города.

§ 36. Другая выгода положения того места, где построен Березов, заключалась в том, что оно являлось почти центром всех вогульских и остяцких волостей, которые до того возили ясак на реку Вымь. [1] Река Сосва до самых своих истоков густо заселена вогулами. На реке Казыме, впадающей в Обь с восточной стороны против Березова, живет очень много остяков. Коренными же жителями на Оби вверх и вниз по течению являются частью вогулы, но большей частью остяки. То, что я здесь сказал о вогулах, основано на главном признаке, по которому различаются отдельные народы между собой, а именно на их языке, потому что в Березове ничего не знают о вогулах, живущих по реке Сосве, их всех называют там остяками, несмотря на то, что в языке обоих народов имеется значительная разница.

§ 37. Эти вогулы и остяки, зависевшие прежде от Выми, были первыми, которые были приписаны к новому Березовскому уезду. Главной целью создания нового уезда был сбор ясака с окрестных народов из более близкого места и притом наиболее постоянным и выгодным образом, и положение в ясак самоедов, живших значительно дальше. К упомянутым волостям были присоединены на некоторое время Кодские и Белогорская волости, которые затем опять отошли к Тобольскому уезду.

§ 38. Князя кодских остяков Алача [2] тогда уже не было в живых. После него остался сын его Игичей, живший со своей матерью в том месте, где потом был построен Кодский монастырь. Другой князь из этой семьи Онжа Юрьев назывался братом Игичея и был на самом деле его двоюродным братом. Место, где они жили, называлось Кода. На основании особого царского пожалования, подобного которому в Сибири больше никто не имел, Игичею и Онже было разрешено собирать ясак с двух остяцких волостей на себя и судить живших там людей по своему усмотрению, не платя в

[1] Гл. 3, § 82 и сл.

[2] Гл. 3, § 72.

казну никаких даней и пошлин. Об этом у потомков Игичея сохранилась царская жалованная грамота от 18 февраля 1594 г., [1] в которой пожалованные волости называются: Васпалукук и Колпукулук. Это, конечно, испорченные названия, и хотя сразу можно догадаться, что они должны были называться на остяцком языке Асспугль и Кульпугль, но этого объяснения недостаточно, так как существующие до сих пор под этим названием остяцкие юрты расположены слишком далеко от места жительства кодских князей, [2] чтобы здесь о них могла итти речь.

§ 39. Первое замечательное дело, которое было предпринято в Березове, был поход зимою 1594 г. против вогулов, живших на реке Конде в волости Большой Конде. Согласно березовским архивным делам, поводом к нему послужило восстание кондинских вогулов. Я уже говорил, что Большая Конда с 1589 г. [3] платила ясак в Тобольск, а в 1595 г. была приписана к Пелымскому уезду. Но если эти вогулы восстали в 1594 г., то неясно, почему же поход против них был предпринят из Березова, а не из Тобольска. По тому большому участию, которое принимали в этом деле кодские князья, можно думать, что поводом к походу послужила их собственная ссора с кондинскими вогулами. Различные остяцкие и вогульские роды прежде часто воевали между собой. Сильнейшие старались покорить более слабых. Они грабили имущество, увозили жен и детей. Кодцкие князья уже раньше нападали на кондинских вогулов, за что последние в отмщение напали на Березовский уезд, и это рассматривалось в Березове, как восстание с их стороны. Подобные походы считались чрезвычайно выгодными, так как вся добыча делилась между победителями, а потому старались не упустить случая принять в них участие.

* § 40. Как видно из некоторых грамот березовского архива, [4] главные обстоятельства этого похода состояли в следующем. Письменный голова Иван Змеев был во главе русских, которых поддерживал князь Игичей Алачев со своими остяками. Вогулы, которые не ожидали этого нападения, потерпели страшное поражение. Князь Агай, его сын Азынка и брат его Нозякма были взяты в плен и отправлены в Москву. Князь Игичей хотел взять себе дочь Агая, но ее отнял у него воевода Траханиотов и отдал ее другим остякам, но в конце концов она опять досталась Игичею. После Агая во главе кондинских вогулов стал Курманак Танаев. Он бил челом в 1600 г. в Москве с причиненной ему князем Игичеем обиде и указывал, что его родственники, а также родственники многих других кондинских вогулов живут у Игичея в холопах, и с того времени люди Игичея еще не раз нападали на кондинских вогулов, убивали их, грабили их добро, а жен

---

[1] Прилож. № 14.

[2] Асспугль, по-русски Асспукольские юрты, находится на левом берегу реки Оби в 130 верстах от Березова, вниз по течению. Куль-пугль, по-русски Кольпуховские юрты, лежит на правом берегу реки Иртыша между Демьянским и Самаровским ямом.

[3] § 33.

[4] Прилож. №№ 16, 21, 34 и 53.

и детей уводили в полон. Тогда последовал указ произвести следствие по этому делу и на будущее время принимать все меры к тому, чтобы предупреждать подобные враждебные действия. Такой же указ в 1604 г. кодские князья выхлопотали также для себя.

§ 41. Если кондинских вогулов ложно обвиняли в восстании, то в 1595 г. город Березов действительно подвергся опасности со стороны восставших березовских остяков. Главою их был князец Шатров Лугуев, отец которого в 1586 г. получил для себя и своих сородичей первую царскую жалованную грамоту.[1] Но он не добился никакого успеха, несмотря на то, что усиленно осаждал город.[2]

* § 42. В то же самое время был совершен поход из Березова в низовья реки Оби против остяцкого городка Вой-карра, откуда привели в город несколько пленных. Это место расположено на левом берегу реки Оби, в 18 верстах ниже Асс-пугля,[3] и до сих пор еще населено остяками. Туда приходят иногда самоеды со своими чумами, чтобы прожить некоторое время в этой местности. Остяки были уже вполне покорены, а самоеды только недавно обложены ясаком. Сборным местом, куда самоеды должны были ежегодно зимой приносить свой ясак для сдачи казакам, присылаемым из Березова, был назначен Обдорский городок.*

* § 43. О построении города Сургута ничего не говорится в сохранившихся делах, но из летописи известно, что он был построен одновременно с Пелымом и Березовом. В упоминаемом далее наказе 7102 (1593) г. о построении города Тары воеводою в Сургуте назван Владимир Оничков, а сам город Сургут называется новым городом вверху реки Оби. Отсюда как будто следует, что Оничков является его строителем, что подтверждается еще тем, что в летописях основание города отнесено к 7101 (1593) г. **

---

[1] Гл. 3, § 82.

[2] Прилож. № 44.

[3] § 38.

* *Далее в изд. 1750 г. следовало:*

§ 49. О строении города Березова, как оное воеводою Траханиотовым в действо производилось, по следующей царской грамоте 7109 году заключить можно, что хотя там и построен был небольшой деревянной город и вкруг посада острог, однако ж, как чаятельно, с сим строением весьма скоро спешили, то и строение было непрочно, ибо в 7108 году по приобщенной при сем грамоте уже две городские стены были весьма ветхи, а острог так згнил, что занотребно разсуждено построить новой *(см. прилож. № 36)*.

** *В тексте 1748 г., опущенном в изд. 1750 г., далее следовало:*

§ 51. Общим слухом подтверждается, что Сургут вместо бывшего русского городка, что стоял против устья реки Иртыша [гл. 3, § 76, 92] был построен. Ежели бы сие так было, то бы заключить надлежало, что реченный городок по то самое время русскими людьми обитаем был, а тогда будто бы пуст оставлен и гварнизон в Сургут переведен. Но я не мог себе представить, чтоб оной первой городок так долго стоял. Воевода Мансуров, которым оной построен только для зимовья, более одной зимы в нем не жил, а что он опять был населен из Тобольска, сие неверно, потому что место весьма неспособно и в том нужды не было, для того что сие места от города Тобольска довольно управляемы быть могли.

§ 52. Напротив того строение города Сургута было другого состояния и при том были дальновидные намерения. Тобольским казакам трудно было вверх итти по реке Оби для покорения про-

§ 44. На том месте, которое нашли подходящим для построения города Сургута, жил тогда остяцкий князец Бардак, по имени которого названа речка Бардаковка, впадающая в Обь немного выше города. По ту сторону этой речки, у впадения ее в реку Обь, имеется возвышение, на котором у князя Бардака стоял небольшой городок, в котором он чувствовал себя настолько в безопасности, что сдался только тогда, когда выставленная русскими против него пушка сломила его упорство. Что касается названия Сургута, то о нем у меня нет никаких данных, кроме того, что небольшой проток реки Оби, начинавшийся в 6 верстах от города и соединявшийся с Обью против города, носил русское название Сургутки и остяцкое—Сургунтль-Мугот.

§ 45. В дальнейшем заботы были направлены на защиту верхнего течения реки Иртыша, на лучшее управление татарами, жившими в отдаленных местах, до тех пор подчинявшихся Тобольску, и на покорение барабинских татар, которые не были еще подчинены русским. Было потрачено также много усилий, чтобы прогнать хана Кучума, который все еще находился недалеко и своими частыми набегами продолжал беспокоить новых русских подданных, а потому необходимо было устранить окончательно опасность, которую Кучум представлял для них. Все это было достигнуто в 7102(1594)г. построением города Тары. Этим самым устраняется вышеприведенное ни на чем не основанное известие [1] о более древнем происхождении этого города.

* § 46. В тарском архиве до сих пор хранится наказ, [2] который был дан воеводе, отправленному из Москвы для построения этого города. Несмотря на то, что наказ частью сгнил и изодран, частью изъеден червями, а потому во многих местах не поддается прочтению, и в нем, как и в Пелымском наказе, отсутствует начало, где по тогдашнему обыкновению был указан год, он все же содержит много ценных данных, разъясняющих историю тогдашних времен и, в частности, историю строения города Тары. Если из-за отсутствия года может возникнуть некоторое сомнение в том, что отправка воеводы действительно произошла в указанном году, то оно должно исчезнуть, так как в приложенной к наказу росписи артиллерии, аммуниции, хлебных запасов, денег и других припасов, посланных с воеводой, определенно указан 7102-й год, на который служилые люди, отправленные вместе с ним из Москвы, получили жалованье. Кроме того,

---

чих остяцких народов и для збору с них ясаку. Но понеже уже чрез положенных в ясак остяков, и чрез русских промышленных людей, которые за соболиным промыслом всегда в самые дальние и еще не приведенные под Российскую державу страны ходить отваживались, весьма приятные и полезные ведомости о находящихся отдаленных народах получены были; следовательно, надлежало где нибудь по реке Оби на краю тогдашнего Тобольского уезда заложить новый городок и спабдить особливыми воеводами и собственным гварнизоном, дабы в состоянии быть не токмо крайние ясашные народы увердить в подданстве, но и для дальних предприятий установить потребные учреждения.

[1] § 22.

[2] Прилож. № 13.

в наказе упоминаются уже города Березов и Сургут, и таким образом город Тара возник, несомненно, позже последних. Я хочу поделиться тем, что можно было прочесть в наказе и приложенной к нему росписи.

§ 47. Воеводой, отправленным для построения города Тары, был князь Андрей Васильевич Елецкий, у него в товарищах были два письменных головы: Борис Доможиров и Григорий Елизаров. С ними было послано из Москвы 145 человек стрельцов под командой двух сотников Самуила Лодыженского и Замятни Шокурова. Кроме того, было сделано распоряжение, чтобы в дороге к ним присоединились еще следующие отряды: из Казани и Уфы Мамлей Мальцов с сотнею казанских и свияжских татар, тремя стами человек башкир и четверо детей боярских, из которых каждый стоял во главе отряда в 100 человек татар и башкир; кроме них в той же Казани сотник с полусотнею пленных поляков и в Тетюшах сотник Никита Карякин с полусотнею польских казаков, т. е. пленных поляков, поступивших на казачью службу. Всего же из Казани и других тамошних городов было назначено 554 человека под главной командой Мамлея Мальцева, которому было указано отправиться с этими силами из Казани через Уфу по прямой дороге через степь и в Тобольске соединиться с князем Елецким.

§ 48. Далее, князь Елецкий должен был взять с собой в Тюмени 40 человек конных литвы, черкасов и казаков, 50 человек татар тюменских, верхотурских, андреевских, белаковцев и зырянцов, от которых содержались в Тобольске и Тюмени аманаты и на верность которых можно было поэтому положиться, 30 человек табаринских татар и 20 человек кошуков. Здесь необходимо дать объяснение некоторым названиям, которые уже вышли теперь из употребления. Под верхотурскими татарами, очевидно, подразумевались те, которые жили от города Тюмени вверх по реке Туре. В те времена, до построения городов Туринска и Верхотурья, вся река Тура, поскольку она была населена татарами, принадлежала к Тюменскому уезду. Андреевские татары получили свое название от озера Андреевского, находящегося в 30 верстах от Тюмени по дороге к Ялуторовскому острогу, где находились их юрты. Белаковские и зырянские татары, которые в просторечии назывались белаковцами и зырянцами, жили около речки Белаковки, впадающей в Пышму, при Пышме и при Исети. Происхождение названия белаковцев само собой понятно. Я не знаю, однако, откуда получили свое название зырянцы; известно, что в прежнее время под этим названием подразумевались некоторые татары в Тюменском уезде, которые позднее, не признавая больше русскую власть, ушли затем в отдаленные места.

§ 49. Наконец, воеводе было указано взять в Тобольске из тамошних пленных литвы, черкасов и казаков 100 человек под командою головы Своитина Рупосова, тобольских служилых татар 100 человек под командою атамана Черкаса Александрова и двух татарских голов Баязета и Байбахты, 300 человек тобольских ясачных татар тех волостей, которые были распо-

Рис. 11. Поход Ермака вниз по Туре.
(Ремезовская летопись, ст. 35.)

ложены от города Тобольска вверх по Иртышу, под командою названных выше татарских голов, и 150 человек из тех же ясачных татар для работы на судах, потому что путь до Тобольска нужно было совершить по воде. Эти последние, в виду их работы, служили пешими, но были снабжены огнестрельным оружием, что относится также и к московским стрельцам. О всех остальных говорится определенно, что они должны были отправиться конными. Кроме того, князю Елецкому приказано взять в Тобольске 20 человек пермских плотников, которые могли понадобиться при городовом строении на Таре.

§ 50. Нельзя не удивляться тому, как решились взять такое большое количество татар для отправки в опасные татарские места, где постоянно можно было ожидать враждебного нападения изгнанного хана Кучума. Но это не явилось препятствием к удачному окончанию дела. Между прочим, надо отметить, что уже тогда на службу были приняты некоторые тобольские татары; это надо рассматривать как следствие предложения, сделанного в свое время Ермаком.[1] В Тюмени сделали то же самое, и этому примеру последовали в дальнейшем в Таре и других городах, где жили татары и где их также принимали на службу.

§ 51. Что касается артиллерии, амуниции, хлебных запасов, денег и других вещей, которые получил с собой воевода для успешного выполнения порученного ему дела, то сведения об этом я для краткости опускаю, тем более что это не имеет особенного значения для истории. Нет надобности также упоминать о пути в Сибирь, которым шли эти люди, потому что, кроме единственного пути через Чердынь, Лозвинский городок и Пелым, никакого другого пути тогда еще не было. На Лозве было складочное место для припасов, которые привозились туда зимой из русских городов Устюга и Сольвычегодска, Вятки и других и которые по окончании ледохода отправлялись на судах в сибирские города. В Тарском наказе приводятся, кроме того, имена тогдашних воевод в сибирских городах: в Лозвинском городке — Иван Нагой, в Пелыме — Василий Толстой, в Тюмени — князь Петр Барятинский, в Березове — Афанасий Благой, в Сургуте — Владимир Оничков и в Тобольске — князь Федор Лобанов-Ростовский.

§ 52. Место для нового города было намечено при реке Таре, впадающей с восточной стороны в Иртыш, но с оговоркой, что, если на этой реке не окажется всех необходимых условий, князь Елецкий должен выбрать другое место в той же местности, выше или ниже устья реки, где это было бы удобнее всего. В наказе отмечено, что город должен быть построен там, где жили ялынские татары, которые до сих пор живут на реке Таре и всегда являлись самыми многочисленными из живших на Иртыше татар. Но низкая местность по реке Таре, а может быть то обстоятельство, что еще до прихода туда нашли более удобное место, заставило воеводу предпочесть речку Агарку, впадающую с западной стороны

[1] Гл. 2, § 84.

в Иртыш. Устье ее, правда, также лежит в низком месте, но на расстоянии одной версты от берега реки Иртыша местность подымается на значительную высоту. Там-то и был построен город, получивший название Тары, как это было определено в наказе.

§ 53. Если судить по месту, назначенному в наказе для нового города, то надо думать, что было намерение поселить в нем большее число людей, чем прежде. Причиной этого, с одной стороны, была граница со степью, а, с другой стороны, этому благоприятствовали прекрасные условия тех мест. Внутренний город указано было строить на пространстве в 250—300 кв. саж., вокруг него должен был итти острог длиною от 300 до 500 саж. Но это предписание точно не было выполнено. Оба укрепления в том виде, как они были тогда построены, стояли до 1669 г. В другом известии, извлеченном мною из тарского архива, говорится, что внутренний город занимал тогда не больше 42 кв. саж., а острог только 200 саж. в длину и 150 саж. в ширину. Внутри острога должны были находиться жилые дворы. Но так как места в остроге было мало, то позже очень многие должны были строиться вне острога, другие же предпочитали селиться по деревням, так как там они находили больше удобных мест для пашни.

* § 54. Так как одна из главных задач, поставленных при строении города Тары, была связана с ханом Кучумом, а именно, чтобы его окончательно покорить или изгнать, то в наказе и по этому поводу содержатся некоторые данные. Так, воеводе предписывалось, прежде чем прибегать вновь к оружию, попробовать воздействовать на хана лаской и дружескими уговорами заставить покориться русским. Независимо от того, сдастся ли он добровольно или будет принужден к этому силой, от него должны были потребовать, чтобы он отдал в качестве аманатов одного из своих сыновей с двумя или тремя знатными татарами, взамен которых, по прибытии их в Москву, будут возвращены назад его сын церевич Аблегаир вместе с другими знатными татарами, прибывшими из Сибири в Москву. Этот Аблегаир, по всей вероятности, тот самый царевич, который в 7099 (1591) г. был взят в плен вместе с двумя женами хана. [1]

* § 55. Неизвестно, представился ли после основания города Тары случай вести переговоры с ханом Кучумом, но из последующего видно, что русские были вынуждены напасть на хана и его преследовать. Наказ часто упоминает ногайцев и некоего ногайского мурзу Алея, которые были заодно с ханом, а потому приказано было приложить все усилия, чтобы их уничтожить. Конечно, нельзя было ожидать ничего хорошего в будущем, если оставить в покое такого опасного врага и дать ему возможность окрепнуть.

§ 56. Прочие наиболее важные обстоятельства, о которых идет речь в наказе, сводятся к следующему: во-первых, приказано завести под городом пашню. Несмотря на то, что места там очень плодородные, вблизи города

[1] § 21.

всетаки не нашли особенно удобной земли, и первые крестьяне, переведенные туда, через несколько лет, как это будет сказано в дальнейшем, были сведены на другие места. Встречающееся далее в наказе выражение «соль устроить» не может иметь другого объяснения как то, что сибирские служилые люди должны были снабжаться местной солью. Очевидно, рассчитывали получать ее из расположенных в степях соленых озер, в которых от солнечной жары осаждается соль, употребляемая в пищу без дальнейшей обработки. Может быть, уже тогда, на основании рассказов татар, имелись сведения об Ямышевском соленом озере.

§ 57. Далее было приказано, чтобы верхние татарские волости, платившие до сих пор ясак в Тобольск, с этого времени отдавали его в город Тару. По этой причине к наказу приложена роспись тарских волостей, которые перечислены в таком порядке: волость Курдак, в ней князь Канкул с 350 ясачных людей, на расстоянии четырех дней пути от Тобольска по Иртышу; волость Саргач, на расстоянии четырех дней пути, повыше первой, в ней князь Янбыш с 80 людьми; волость Отус на расстоянии двух дней пути от предыдущей, состоит из 15 человек; волость Таву, на расстоянии двух дней пути от предыдущей, в ней лучший татарин назывался Ангильдей, с 10 человеками; волость Урус состояла из 6 человек, волость Токус из 3 человек, из которых самого лучшего звали Байшеп; волость Супра без указания числа ясашных; волость Аялы из 500 человек, во главе ее были два есаула: Мамык и Янгильдей, до этой волости от Тобольска вверх по Иртышу насчитывалось 15 дней пути.

§ 58. Из этой росписи выясняются первоначальные границы Тарского уезда. Как и в настоящее время, он начинался волостью Курдаком или, по татарскому произношению, Каурдаком. Большинство названий волостей употребляется и до сих пор. Я не знаю, объясняется ли дело ошибкой, когда волость Отус поставлена раньше волости Таву или же эти волости действительно были расположены тогда в указанном порядке; как известно, теперь волость Таву находится по Иртышу ниже волости Отус. Урус и Токус единственные названия, которые с тех пор исчезли. Супра сохранилась, как название деревни, но не составляет отдельной волости. Что касается волости Аялы, название которой является родовым именем аялынских татар, то, принимая во внимание, что от Тобольска до Тары по прямому пути насчитывается только 435 верст, расстояние до нее от Тобольска — 15 дней пути — кажется очень большим, но для водного пути его нельзя признать слишком продолжительным, так как между Тарой и Тобольском Иртыш имеет чрезвычайно извилистое течение. Впрочем, в некоторых названных здесь волостях замечается значительная разница количества населения с тем, которое в них в настоящее время, причем в некоторых отмечается прирост, а в других убыль, причиной чего явились, конечно, дальнейшие события, влиявшие на увеличение или уменьшение населения.

§ 59. Наконец, в наказе упоминаются названия некоторых татарских селений, волостей и городков, о которых говорится, что таковые до сих пор

платили дань ногайскому мурзе Алею, а в последующее время должны принадлежать к уезду нового города. Таковы Мерзлый городок, Тураш, Кирпики и Малогородцы, из которых в настоящее время ни одно больше не употребляется. Название Мерзлый городок, должно быть, является переводом с татарского; оно не встречается в других архивных делах, и местоположение этого городка определить невозможно. Остальные три названия упоминаются во время походов, предпринимавшихся из Тары. Тураш и Кирпики были татарскими волостями или родами Барабинской степи; Малогородцы же, которые, должно быть, получили свое название от какого-то неизвестного маленького городка, населенного ими, жили по Иртышу и подчинялись хану.

* § 60. Самое примечательное в наказе говорится о народе, носившем название Пегой орды (будто бы был он пегим), который с самого открытия Сибири постоянно упоминается, но, в действительности, никогда не было обнаружено, где же он живет. В наказе говорится, что из Тары по суше степью можно добраться до этого народа и обложить его ясаком. Следовательно, его местожительство считали по ту сторону Барабинской степи на реке Оби. Здесь мы находим начало басни, продолжение которой встретится в дальнейшей истории Сибири, где будет сказано, что остяки, жившие около Нарыма, прежде носили название Пегой орды.

§ 61. Таким образом, на основании наказа можно сказать, что строение города Тары произошло в 1594 г. и что верхние татарские волости на реке Иртыше отошли к уезду этого города. За этим должен бы следовать рассказ о том, как воевода князь Андрей Елецкий делал попытки преследовать хана Кучума и его людей и расширял пределы Тарского уезда, занявшись покорением барабинских татар. Но так как в это время последовало еще одно отправление из Москвы в Тару, необходимо раньше упомянуть о нем.

§ 62. На следующий 1595 год из Москвы в Тару был послан новый воевода князь Федор Борисович Елецкий и с ним письменный голова Василий Михайлов сын Хлопов, наказ которым также сохранился в Тарском архиве. [1] По наказу им было предписано, как и раньше, держать свой путь через Лозвинский городок, до которого необходимо было доехать по зимней дороге, а оттуда продолжать путь далее по воде. Из Лозвинского городка было приказано взять стрельцов для работы на судах, а в Пелыме заменить их тамошними стрельцами. Тобольский воевода, упоминаемый в этом наказе, — князь Меркурий Александрович; летописи указывают, что он был из рода князей Щербатовых и что князь Михайла Волконский, который назван в Пелымском наказе, [2] вместе с письменным головой Михаилом Пивовым был у него в товарищах.

63. Для краткости я не упоминаю здесь обычные пункты, встречающиеся в наказах: о порядке смены прежнего воеводы, об управлении

---

[1] Прилож. № 17.

[2] § 26.

городом, о сборе ясака с татарских волостей и т. п. Тогдашнее богатство края видно из того, что было приказано с тамошних жителей брать ясак только самыми лучшими соболями и черными лисицами или же лучшими бобрами, а также собольими и беличьими шубами, которые тогда нередко встречались у сибирских народов. Сверх ясака, лучшие люди должны были приносить для царя и воевод еще особые подарки такими же мехами, о которых в наказе говорится, что их надо присоединять к ясаку и присылать вместе с ним в Москву. Таково происхождение поминков, которые делятся на государевы и воеводские, и еще до сегодняшнего дня во многих сибирских городах вносятся сверх ясака.

§ 64. Новому воеводе были опять предписаны военные действия против хана Кучума и ногайского мурзы Алея. Если прежний воевода князь Андрей Елецкий в ту зиму не имел возможности предпринять что-нибудь против неприятеля, то тем более усилий нужно было приложить новому воеводе и для воинских посылок использовать обоих письменных голов — Бориса Доможирова и Василия Хлопова. Если же новый воевода найдет, что ему не хватает необходимого числа служилых людей, то он должен требовать помощи из Тобольска и Тюмени, воеводам которых уже посланы об этом соответствующие указы. Так как прежний тобольский воевода князь Лобанов-Ростовский требовал, чтобы ему послали в Сибирь пять скорострельных пушек, для похода против хана Кучума, то таковые были ему отправлены вместе с необходимыми припасами, и воеводе князю Федору Елецкому приказано было их принять в Лозвинском городке и взять с собой.

§ 65. Очевидно, уже тогда началась бухарская торговля с Сибирью; в наказе определено поэтому, как поступать с этими чужеземцами. Если бухарские или ногайские купцы, говорится в нем, приедут в город Тару с различными товарами, с лошадьми, быками или овцами, то тамошние жители должны были вступать с ними в свободную торговлю, обращаться с ними приветливо и тем их к себе привлекать; после продажи бухарцами товаров беспрепятственно отпускать их назад; если же некоторые из них пожелают, чтобы их с товарами и скотом пропустили в Тобольск или Тюмень, то не препятствовать и этому.

§ 66. Так как было известно, что у бухарцев и других восточных народов был обычай отправлять со своими торговыми караванами в чужие страны послов, которым приказывалось осведомляться от имени своих владельцев о здоровье государя этой земли, просить об его покровительстве или дружбе, предлагать взаимную торговлю и выполнять другие мелкие поручения, то воеводе приказано было принимать в Таре таких послов ласково, выслушивать их предложения и о них писать в Москву, а их самих отпускать из Тары обратно в их землю. Именно таким образом отправлялись в Сибири посольские дела в течение многих лет. В пограничных городах или в Тобольске послы получали обыкновенно ответы и только немногим из них разрешалось отправляться в Москву. Отправка русских

послов к соседним народам также зависела от воевод пограничных сибирских городов.

§ 67. Хотя о благополучном ходе тарских дел в Москве не было еще тогда никаких данных, но вскоре и там стало известно, что все шло в соответствии с желаниями Москвы, и уже было начато упорное преследование хана Кучума и всех его сторонников, как это видно из государевой грамоты воеводе князю Федору Елецкому от 26 июня 7103 (1595) г.,[1] в которой повторяются известия, присланные прежним воеводой князем Андреем Елецким.

* § 68. После того, как воевода князь Андрей Елецкий окончил строение города Тары, его первые заботы были направлены к тому, чтобы получить достоверные известия о настоящем местопребывании хана. Лучшим средством казалось ему захватить в плен кого-нибудь из татар, знавших об этом. Поэтому с наступлением зимы 7103 г. он отправил вверх по Иртышу отряд в 90 человек тобольских, тюменских и пелымских казаков и тобольских татар во главе с некоим Гришей Ясырем. 8 декабря 1594 года они возвратились и привели с собой 28 человек аялынских татар, которых они взяли в плен, убив остальных в Малогородской волости у большого озера Вузюкова, где эти татары занимались рыбной ловлей. Я думаю, что указанное озеро, название которого уже исчезло из памяти тамошних жителей, есть теперешнее Большое озеро, из которого, выше Татмыцкой слободы, вытекает Большая речка, впадающая с западной стороны в реку Иртыш; в начале упомянутой грамоты озеро называется «Великим озером».

§ 69. От этих татар получены были известия, что Кучум, узнав о намерении русских построить город на реке Таре, отправил царевича Алея к аялынским татарам, чтобы в виду наступления русских отвести их в места более безопасные по верхнему Иртышу, где в то время находился сам хан. Алей собрал 150 человек этих татар и повел их на остров, называемый Черным, где они поставили небольшой городок, в котором с ними вместе зазимовали еще 50 человек малогородцев. Самыми видными из этих аялынских татар были два есаула Мамык и Сейткул и два князца Зуюндук и Илгулуй. Из этого городка они ходили на озеро Вузюково, чтобы ловить там рыбу для хана. Между ханским становищем и городком на острове Черном ежедневно ездили туда и обратно люди. Указанное ханское становище находилось на расстоянии пяти дней пешего пути от городка на острове, за рекою Омью, в двух днях пути от нее, между двумя небольшими речками, впадающими в Иртыш. Там-то и стоял хан со своим военным обозом.

§ 70. Что касается острова, упомянутого здесь под названием Черного, то надо сказать, что хотя я объехал все указанные места, однако, нигде не слышал этого названия и не мог узнать что-либо об остатках какого-либо городка на острове. Правда, на высоком восточном берегу Иртыша, в 40 верстах ниже Чернолуцкой слободы, имеется место, где прежде находился

[1] Прилож. № 18.

татарский городок, остатки которого по-русски называются Черным городищем. По этому названию и по сходству положения места в отношении расстояния от реки Оми и от тогдашнего ханского становища, а также поблизости к Большому озеру, следует думать, что здесь и был когда-то указанный татарский городок. Что же касается наименования этого места «островом», то оно возникло, вероятно, как прибавление к главному названию из-за неправильно понятых татарских рассказов, или же, может быть, слово «остров» надо понимать здесь в широком смысле, когда оно означает всякое вообще место, отделенное от остальных окольных мест буераками, долинами, болотами, лесами и т. п. В последующей истории Сибири это место называется просто Черным городком, причем ни о каком острове больше уже не упоминается.

§ 71. Чтобы использовать полученное от татар известие и не дать врагу времени для большего укрепления, по приказу воеводы был тотчас же отправлен в поход другой отряд, состоявший из 276 человек во главе с письменным головой Борисом Доможировым, которому посчастливилось при первом же нападении взять татарский Черный городок, но ему не удалось помешать бегству хана Кучума и большинства татар, находившихся в городке. В полон были взяты оба аялынских есаула Мамык и Сейткул, князец Илгулуй и Темсенек, сын князца Колкилдея, а также 60 человек рядовых аялынцев с их женами и детьми. Этим подтвердилось первое известие, что в городке было всего 200 семей и, кроме того, 20 человек ханских людей, которые сейчас же по появлении русских бежали вместе с 90 аялынцами и с 50 малогородцами с их семьями. Между тем, Доможиров, занявшись сам разорением городка, послал преследовать беглецов 70 человек служилых людей, которые вскоре догнали 20 человек кучумовых людей, взяли в полон 6 из них и перебили всех остальных. Особенно примечательно то, что как в предыдущем походе Гриши Ясыря, так и в этом походе Доможирова русские не потеряли ни одного человека, и все благополучно возвратились в Тару.

§ 72. Когда в прежние времена происходили такие походы, то воевода обыкновенно присылал в Москву именные росписи людей, принимавших в них участие. В этих росписях перечислялись заслуги каждого, полученные им раны, а также убитые. Такие росписи назывались послужными списками. Этим побуждали рядовых служилых людей проявлять неустрашимую отвагу, а в Москве получали возможность награждать каждого в отдельности по его заслугам. Почти всегда после подобных походов все раненые и те, о которых сообщалось, что они особенно отличились в бою, убив одного или нескольких неприятелей, а также вдовы и дети убитых получали определенное денежное жалование. К этому относится конец приведенной грамоты, где говорится, что податель вышеописанных радостных известий был отправлен обратно в Тару с золотыми и денежными подарками письменному голове и всем служилым людям, которые, по данному послужному списку, принимали участие в походе.

§ 73. Другой поход в так называемую Барабинскую степь или верховья реки Оми, начатый первым тарским воеводою князем Андреем Елецким с наступлением весны того же 7103 г., вскоре после предыдущего, имел целью, силою или добровольно, подчинить русским тамошних татар, которые до того платили дань хану Кучуму и ногайскому мурзе Алею. Этот поход был также благополучно завершен. Выполнение его снова было поручено письменному голове Доможирову, при нем находился голова Своитин Рупосов из Тобольска, который был прислан в Тару князем Лобановым-Ростовским с 239 тобольских и тюменских детей боярских, стрельцов, казаков и служилых татар для участия в этом походе. Отряд Доможирова состоял из 483 человек, которые 17 марта выступили в поход на лыжах. Об этом также имеется в тарском архиве царская грамота, [1] из которой мы приведем некоторые данные.

* § 74. Татарские волости или улусы, которые надо было покорить, указаны в грамоте в следующем порядке: волость Чангула, волость Лугуй, волость Люба, волость Келема, волость Тураш, волость Барама и волость Кирпики. Некоторые из этих названий употребляются до сих пор, некоторые уже исчезли. Часто имена отдельных людей присваивались целым улусам, причем с названиями их происходили в дальнейшем разные изменения. Волость Чангула, получившая свое наименование от тогдашнего главного мурзы, теперь называется Тунусской; она первая по реке Иртышу, и, следовательно, первая подверглась нападению. Там находился небольшой городок, в котором нашли себе убежище 40 татарских семей, которые уже раньше признали власть русских и шертовали в верности, но потом опять изменили. Этот городок назывался Тунус, откуда и произошло теперешнее название волости.

§ 75. Как только русские подошли к этому городку, татары сделали вылазку, причем 17 человек из них погибло, большинство же остальных разбежалось, а Чангул с рядовыми татарами был взят в плен. Городок был сожжен для того, чтобы не дать возможности татарам находить здесь впредь убежище. После этого вся местность как этой, так и соседней волости Любы была отдана на разграбление. Это окончательно сломило сопротивление татар. Обе волости шертовали в верности и обещали платить ясак в город Тару. Страх перед русскими распространился на соседние местности и, чтобы не подвергнуться подобному же разграблению, заставил волость Тураш и волость Кирпики добровольно сдаться.

§ 76. Следующая волость Лугуй, по всей вероятности, была объединена впоследствии с другими волостями, потому что о ней ничего не говорится. Если же делать догадки, то я читал бы Угуй вместо Лугуй, так как Угуй—большое озеро в волости Тунус, где могли проживать несколько семей, выделенных сначала в особую волость. Подобным же примером является волость Келема, которая тоже получила свое название от озера,

---

[1] Прилож. № 20.

называющегося по-русски Кулемба, а по-татарски Кулюба. Эта волость сейчас называется Кулебинской, и под ней надо подразумевать прежнюю волость Тураш, Кирпики — единственное название, от которого не осталось никаких следов. До волости Барамы или, по теперешнему произношению Барабы (на татарском языке буквы *м* и *б* легко смешиваются) из-за ее отдаленности русские на этот раз не дошли. Таяние снегов и вскрытие рек положили конец их походу. Так как дальше нельзя было двигаться на лыжах, то они решили возвратиться обратно в город Тару, куда все вернулись целыми и невредимыми.

§ 77. Кроме обещания великих царских милостей письменному голове Доможирову и всем его людям, в царской грамоте сказано также, что впредь за их заслуги будет прислано из Москвы жалованье, а к будущей весне 7104 (1596) г. будет послан из Москвы на Тару новый отряд служилых людей, чтобы было можно настойчивее действовать против хана Кучума и его людей и быстрее привести к подчинению те татарские волости, которые еще не признали русского владычества. Если это было сделано, как этому можно верить, то не только Барабинская волость, но также и все татары, жившие в тех же местах в волостях Чойской, Терепинской и Карагалинской, должны были также покориться русским и платить им ясак.

§ 78. Волость Бараба имела всегда преимущество перед всеми остальными волостями из-за знатности живших там людей, а также из-за числа ее жителей. Поэтому татары называют ее Улу-Бараба, и вся местность между Иртышом и Обью получила у русских название Барабы или Барабинской степи, а все прочие тамошние волости названы по ее имени Барабинскими волостями. Говорят просто: «ехать Барабою» или через «Барабу», отчего незнающие русского языка произвели название Барабу. Я нашел в архивных материалах, что Терениинскую волость иногда присоединяли также к первой и таким образом говорили: путь «через Барабу и Теренью». Но название «степи» не очень подходит к этой местности, так как слово степь, собственно говоря, означает сухую, безлесную и неплодородную местность. В Сибири же немного таких плодородных мест, настолько богатых реками и покрытых такими великолепными березовыми рощами, как именно область барабинских татар. К югу от нее, вверх по Иртышу, до гор, которые отделяют Сибирь от страны калмыков, находится действительно степь. На северной же стороне до самой реки Оби наоборот тянутся густые леса и болота.

* § 79. Вскоре после того явились в Тару и отдались в руки русских мать царевича Маметкула, уже ранее взятого в плен, и с ней мурза, по имени Чин, со своей семьей и 38 рядовыми татарами. В походе Доможирова принимали участие несколько тюменских казаков, которые, вернувшись 27 мая в Тюмень, рассказывали, что на расстоянии одного дня пути от Тары их догнали два гонца, отправленных в Тобольск с известиями о прибытии в Тару матери Маметкула и мурзы Чина. Со слов казаков, тюменский воевода сообщил это известие в Москву, откуда была получена им затем царская

грамота, послужившая мне основанием для рассказа.[1] Из другой грамоты тюменского архива выясняется, что в 7104 (1596) г. было дано обещанное царское жалованье всем, принимавшим участие в Барабинском походе.

§ 80. Между тем, хан не хотел ничего слышать о каких-либо мирных переговорах. Он продолжал изредка своими набегами беспокоить Тарский уезд, и против него пришлось предпринимать в дальнейшем новый поход, который окончился настолько успешно, что хан был совершенно разбит, потерял большую часть своей семьи и все свое имущество и принужден был искать себе убежище у чужих народов, которые, в конце концов, без всякого вмешательства со стороны русских, убили его. Мне не удалось, правда, найти об этом какие-нибудь архивные известия, но все это довольно подробно описано в сибирских летописях и подробнее всего в Ремезовской. Различные другие обстоятельства, которые произошли между тем в прочих сибирских городах, могут быть отложены до одной из следующих глав этой истории. Здесь я остановлюсь на приведенных событиях, связанных с Кучумом, в виду не только их важности, но и несомненного отношения их к истории Тары.

§ 81. В 7105 (1597) г. тарский воевода князь Федор Елецкий был заменен другим воеводой Степаном Козминым, после которого в следующем году был назначен князь Иван Мосальский и в то же время в город Тобольск прибыл новый воевода Ефим Варфоломеевич Бутурлин. Козмин указывал Москве на опасность, которой подвергался из-за нападений хана Тарский уезд и беззащитные татары, жившие в деревнях. С своей стороны он постоянно проведывал о тех местах, где находился хан, и о том, как лучше и удачнее произвести на него нападение. После этого Бутурлиным и князем Мосальским был получен царский указ собрать достаточное количество людей и всеми силами напасть на хана там, где он будет найден. Для этого в Тобольске и Таре поспешно вооружили 700 русских и 300 татар, с которыми князь Мосальский 9 мая 7106 (1598) г. выступил из Тары в поход.

* § 82. Точно неизвестны ни место, где русские встретили хана, ни время, когда именно он потерпел поражение. Большая продолжительноть похода дает основание думать, что он был совершен куда-то далеко от Тары. Конец же этого дела был следующий: русские напали на хана в его становище, убили множество татар, взяли в плен шесть его жен с тремя сыновьями и двумя дочерьми[2] и много знатных и простых татар, захватили все имущество ханского становища и весь скот и вернулись благополучно 23 августа в Тару, причем со стороны русских не было потеряно ни одного человека.

§ 83. Те же летописи сообщают, что знатных пленников отправили из Тары в Тобольск, а оттуда в Москву. В это время, после смерти царя Федора Ивановича, на русский престол вступил Борис Федорович Годунов. По случаю блестящей победы, одержанной в Сибири, было отслужено в

[1] Прилож. № 19.

[2] Некоторые летописи сообщают о восьми женах и трех сыновьях, другие о двух женах и одном сыне, не упоминая дочерей.

Москве благодарственное молебствие. Царь отпустил обратно в Сибирь казаков, прибывших с пленными, отправил с ними милостивые грамоты воеводам и золотые и денежные подарки как им, так и всем служилым людям, принимавшим участие в этой победе.

§ 84. Несмотря на успех описанного похода, победа была еще неполная, потому что не захватили самого хана и других его сыновей. Мы встретимся с некоторыми из последних позже в степях реки Тобола и около Уральских гор, где они все еще продолжали оказывать сопротивление русским, приводили на русские владения врагов и причинили еще много других бедствий. Только бегство хана не имело в дальнейшем дурных последствий. Можно легко представить, что дела хана были в полном расстройстве, если сыновья не могли остаться вместе с отцом, и последний мог убежать лишь с небольшим числом слуг и счел себя в безопасности только тогда, когда достиг верховьев реки Иртыша, где уже тогда кочевали калмыки.

§ 85. В течение некоторого времени он кочевал около озера Нор-Зайсана. Но так как пребывание там не могло ему нравиться, он решил вернуться в Ишимские степи, где надеялся найти свою разбросанную по разным местам семью и своих улусных людей. Это, может быть, ему удалось бы, если бы он не вооружил против себя калмыков, приказав угнать у них несколько лошадей, необходимых ему для продолжения пути. Этот поступок шел настолько в разрез с долгом беглеца, принятого дружелюбно чужим народом, что оскорбленная сторона считала себя в праве отомстить ему Калмыки бросились за ним и догнали его на реке Нор-Ишиме у озера Каргальчина. Там были перебиты остальные его люди, и сам Кучум не избежал бы той же участи, если бы снова не спасся поспешным бегством. Некоторые летописи сообщают, что он отправился в Казакскую орду, другие же и особенно Ремезовская указывают здесь на ногайцев. Ко всему этому надо еще прибавить третье известие, именно Абулгази, [1] который в рассказе о гибели хана упоминает о манкатах, под которыми его толкователь разумеет каракалпаков.

* § 86. Но как бы то ни было, все летописи сходятся на одном, а именно, что Кучум погиб тогда насильственной смертью среди одного из этих народов. * (a) Составитель Ремезовской летописи говорит, и это известие я могу принять, что ногайцы претерпели много притеснений со стороны отца Кучума хана Муртазы, как владыки Великой Бухарии. [2] За него они отомстили сыну, от которого ничего хорошего тоже не ждали. Так или

---

[1] Гл. 1, § 84.

* (a) *В тексте 1750 г. далее было следующее примечание:*

В царской грамоте 7131 году в Тюмень, при упоминании разных заслуг некоторого тамошнего казака, объявляется сему противное; ибо казак сам о себе сказал, что он между прочею службою также был в походе против хана Кучума, которого они, заставши при реке Оби, убили, а жен и детей его в полон взяли. Но может статься, что сей казак хотел безмерным хвастовством службу свою возвысить, чего ради надежнее будет последовать прежде объявленным известиям. Однакож вышеозначенную грамоту здесь сообщаю (*см. приложение № 100).*

[2] Гл. 1, § 71.

иначе, но Кучум был убит, и оставшиеся при нем люди были обращены в рабство. Я не останавливаюсь на летосчислении Абулгази,[1] когда он относит бегство хана Кучума из Сибири к 1003 г. по магометанскому летосчислению, т. е. к 1594 или 1595 г. Так как русские не раз нападали на Кучума, преследовали его и обращали в бегство, то трудно сказать, о каком именно случае бегства говорит Абулгази. В виду того, что указанный историк, как и сибирские летописи, сообщает очень мало о том времени, когда погиб хан, то и нам приходится говорить об этом еще меньше.

Глава пятая

СТРОЕНИЕ ГОРОДОВ И ОСТРОГОВ НАРЫМА, КЕТСКА, ВЕРХОТУРЬЯ, ТУРИНСКА, МАНГАЗЕИ, ТОМСКА И КУЗНЕЦКА И О НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕЙШИХ СОБЫТИЯХ ТЕХ МЕСТ

§ 1. Сибирь всегда славилась изобилием драгоценных мехов. Это обстоятельство весьма содействовало дальнейшему распространению русской власти в Сибири, так как привлекало туда множество людей, которые приезжали из России не только ради выгодной торговли, но также для охоты на ценных пушных зверей. Таких людей называли общим именем промышленных людей. Они отваживались заходить в отдаленнейшие места Сибири и благодаря этому получали такие сведения о местных условиях и тамошних жителях, которые были крайне нужны воеводам уже построенных городов, если они хотели иметь успех в своих далеких предприятиях. Если отряды служилых людей были недостаточно сильны, чтобы покорить вновь открытые народы, то партии промышленных людей добровольно помогали им. Один за другим шли они постоянно все дальше и дальше в глубь страны. Жившие там народы, которые не знали до того никакой чужеземной власти, обычно без сопротивления подчинялись своим страшным гостям; там же, где можно было ожидать сопротивления, применялась со стороны русских сила, пока в обеспечение спокойствия не удавалось захватить в качестве аманатов нескольких видных людей. Если вновь открытая земля была настолько удалена от основанных уже городов, что не было возможности держать ее оттуда в полном подчинении, то строили новые города или остроги, в которые назначались особые воеводы и посылались служилые люди.

* § 2. Едва был построен город Сургут, как вся река Обь дальше вверх по течению была обследована отчасти промышленными людьми, отчасти сургутскими казаками, и все жившие по ней остяки были обложены ясаком. Это дало повод к основанию города Нарыма, хотя он первоначально не носил названия города, а только острога, так как для защиты был окружен только стоячим тыном. Я не нашел точных сведений, в каком году это произошло. Сибирские летописи пишут, правда, что этот город построен в том же году, как и город Сургут, но так как нигде не находится указания, что строение производилось присланным из Москвы воеводой, и в виду того, что в первое время гарнизон острога состоял из сургутских казаков, которых

сменяли ежегодно, то можно предполагать, что построение острога произошло по усмотрению сургутских воевод. Таким образом, могло, пожалуй, пройти года два от построения города Сургута до построения города Нарыма, а потому я нахожу возможным начало последнего отнести к 7104 (1596) г.

§ 3. Название Нарым, которое первоначально чаще выговаривалось Нерым, означает на языке сургутских остяков болотистую местность, и потому сургутские остяки называют нарымских остяков Норым или Норынг-ях. Хотя в Сургутском уезде также имеются болота, но всетаки в этом отношении он находится в лучших условиях по сравнению с Нарымом, в котором местности по рекам Тыми и Кети были такими низкими и болотистыми, что могли дать основание к названию всего уезда Нарымским или болотистым.

§ 4. После того, как был построен Нарым, русские продолжали продвигаться вверх по Оби и по реке Кети, приискивая пути в более отдаленные места. Всюду, где жили остяки, благодаря природной робости их или миролюбию, служилые люди не встречали никакого сопротивления. Я следую здесь общему обыкновению, по которому с давних времен под наименованием остяков разумеются различные народы, которые хотя и говорят на разных языках, но сходны между собой образом жизни. Таким образом, Сургутский уезд распространился тогда вверх по Оби почти до реки Томи, и по этой причине к нему причислялась также вся река Кеть.

* § 5. Но вскоре после того нашли необходимым заложить на Кети особый острог, который по имени реки стал называться Кетским. Спачала в него посылали служилых людей из Сургута, которые ежегодно сменялись. После этого он долгое время имел отдельного воеводу, присылавшегося из Москвы. Теперь же он подчинен Нарыму. Год построения его нигде не указан. В Сургутской городовой канцелярии от бывших в разные времена пожаров все старинные дела сгорели. Архивы же Нарымского и Кетского острогов начинаются с тех лет, когда туда стали посылать особых воевод из Москвы, а потому нет ничего удивительного, если в нашей Истории кое-где окажутся небольшие пробелы, которые остаются пока ничем не заполненными.

§ 6. Хотя все протекало весьма счастливо для русских, но всетаки нельзя обойти молчанием, что иногда случались неудачи, которые могли повлечь за собой плохие последствия. Я разумею частые восстания народов Сибири, которые хотели вернуть себе прежнюю свободу. Причины этих восстаний могли быть разные, но мы не ошибемся, если выделим одну, как главнейшую и самую обычную, которая остяков, видимо, чаще всего приводила к восстанию.

§ 7. У всех восточных, в особенности же у сибирских, народов существует обычай встречать небольшими подарками приезжающих к ним гостей и особенно воевод и других начальников. Это так правилось сибирским воеводам и служилым людям, что они часто, не довольствуясь тем, что приносилось им добровольно, разными насильствами вымучивали гораздо больше. Это

приводило к тому, что остяки и другие народы, не разбираясь в подобных насилиях, совершаемых отдельными лицами, считали их присущими всем представителям русской власти и, будучи доведены до отчаяния, не щадили иногда своей жизни, когда представлялась малейшая возможность освободиться от такой власти. Такая надежда легко могла появиться у них, принимая во внимание отдаленность тех мест и малое количество служилых людей в сибирских городах и острогах.

* § 8. Подобное восстание едва не произошло в 7106 (1598) г. среди нарымских остяков, но против него были приняты своевременно соответствующие меры. Один из остяков не захотел нарушить верность русским и поспешил в Сургут, чтобы уведомить о грозящей русским опасности. Тогда сургутский воевода князь Яков Барятинский послал подробно расследовать все это дело, и 10 остяков, руководителей восстания, из коих самым видным был Басарга, прежде чем они могли что-либо предпринять, были повешены. Что же касается доносчика, который сообщил о предполагавшемся восстании, то он был крещен и за проявленную им верность принят на казацкую службу. Я нашел известие об этом в челобитной этого остяка, которую он подал в Тобольске в 7143 (1635) г. [1] Он перечисляет там еще многие другие свои заслуги, оказанные им русской власти при подобных же обстоятельствах в Кетском остроге.

§ 9. Вскоре после того, как он был послан в Кетский острог служить в казаках в тамошнем гарнизоне, он заметил, что кетские остяки замышляют что-то недоброе и собираются итти скопом, чтобы взять приступом Кетский острог. Об их намерении он сообщил воеводе Постнику Бельскому, который захватил самых видных из них и подверг их жестокому телесному наказанию. В это самое время или немного позже кетские остяки убили 20 служилых людей, которые прибыли к ним для сбора ясака, и сами бежали вверх по Кети в местность, где позднее был построен Маковский острог. Чтобы подвергнуть их заслуженному наказанию, был послан из Кетского острога отряд служилых людей во главе с десятником Ушаком Петровым, и с ними вместе поехал упомянутый крещеный остяк в качестве переводчика. Им посчастливилось путем уговоров привесть беглецов в Кетский острог.

§ 10. Несколько лет спустя оба острога, как Нарымский, так и Кетский, пострадали от высокой воды в реке и размывания берегов, что и послужило поводом к поискам для них более удобных мест. [2] Первое сообщение об этом сделал нарымский воевода Мирон Тимофеев сын Хлопов, который писал в Тобольск, что ему было приказано внутри Нарымского острога построить церковь Покрова богородицы, но это оказалось невозможно: в остроге нет и сажени свободного места, так как берег сильно подмыт водой, а отступя от берега для острога нельзя занять больше места из-за тамошних болот; воевода полагал, что острог необходимо перенести в более удобное место, которое можно найти поблизости вверху или внизу Оби.

---

[1] Прилож. № 102.

[2] Прилож. № № 79—82.

§ 11. Когда известие об этом было получено в Москве, то там как раз в это время находился сургутский казацкий голова Тугарин Федоров, который долгое время служил в Нарыме. Когда его спросили по поводу острогов, он предложил снести оба острога и вместо них на верхнем устье реки Кети, называемом Тогурским, построить настоящий город, который одновременно может заменить оба острога. Но против этого предложения последовало из обоих острогов много возражений. Указанное место находили недостаточно подходящим, а необходимость сохранения Кетского острога выше по реке Кети была очевидной, если только не хотели отказаться совершенно от дальнейших завоеваний в том направлении.

§ 12. Перенесение острогов затянулось на долгое время, пока из-за увеличивающихся с каждым годом обвалов берега оба острога стали совершенно непригодны для жилья. Одна из отписок тогдашнего тобольского воеводы к нарымскому [1] указывает нам время, когда, наконец, решено было дело о переносе Нарыма; это произошло в 7121-м или 7122 г. О месте, куда был перенесен острог, письменных известий не сохранилось, но из устных рассказов местных жителей известно, что Нарым был перенесен только один раз, и что теперешнее его место как раз то, которое тогда было выбрано. Прежнее место лежит на Оби ниже нынешнего в 16 верстах и известно под названием Старого городища.

§ 13. В то же время перенесен на другое место Кетский острог, как это можно заключить из одной отписки, посланной боярам в Москву. [2] Хотя в отписке говорится о перенесении острога на новое место, недалеко от прежнего при озере, но это предположение не было выполнено, так как теперешний Кетский острог стоит, как и предыдущий, при реке Кети. Различие состоит в том, что прежний острог стоял на 215 верст выше и находился на северном берегу, в то время как теперешний стоит на южном берегу.

§ 14. О том, что около города Нарыма, как прежде думали, жили пегие люди, которые назывались Пегой ордой, говорилось уже выше.[3] Я нашел об этом несколько грамот, [4] содержание которых я здесь приведу. Первая говорит нам о князце Пегой орды, по имени Кичее, который в 1602 г. ездил в Москву; в ней определенно сказано, что он был из Нарыма, и Нарым тогда зависел от Сургута. Согласно второй грамоте отряд березовских служилых людей побывал в Пегой орде и даже взял там городок. В двух других упоминается про князца Пегой орды Тайбохту, от имени которого произошло название реки Тайбохтиной, впадающей в Кеть с севера и в 10 верстах от Нарыма. Тайбохта жил на этой реке. Из третьей грамоты видно, что ясак с остяков был тогда исключительно велик и равнялся 11 соболям на каждого взрослого мужчину.

[1] Прилож. № 84.

[2] Прилож. № 83.

[3] Гл. 4-я § 60.

[4] Прилож. №№ 50, 51, 73 и 75.

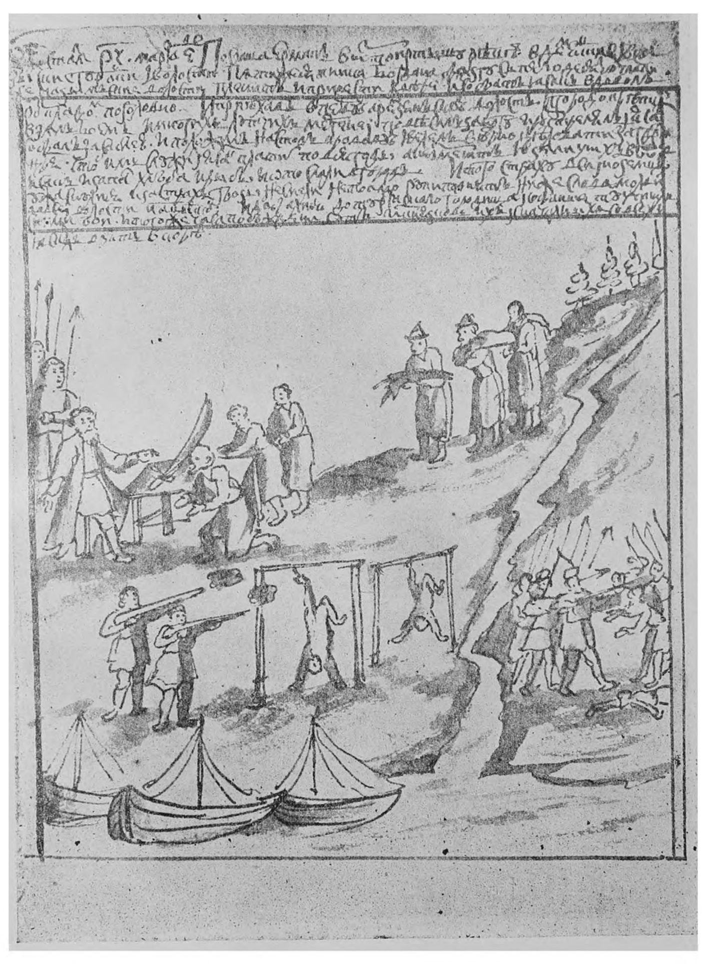

Рис. 12. Покорение Брязгою Аримзянской волости.
(Ремезовская летопись, ст. 73.)

§ 15. Теперь на некоторое время мы должны вернуться к местности по реке Туре, чтобы упомянуть о двух городах, которые были вновь построены на ней. Первый из них был Верхотурье, который получил свое название по своему положению, как построенный в верховьях реки Туры. Второй город, для которого не нашли другого более подходящего названия, был назван по той же реке Туринском.

* § 16. Поводом к построению города Верхотурья послужила трудная и далекая дорога через Чердынь к Лозвинскому городку. Вместо этой дороги на верховья реки Туры в 7105 г. неким Артемием или Артюшкой Бабиновым была указана другая более близкая и удобная дорога через Соликамск. [1] Эта дорога была тщательно вымощена. Потомки этого Бабинова живут поныне в деревне Чикмане в Верхотурских горах на большой дороге. Они очень гордятся заслугами своего предка и хранят у себя жалованную грамоту царя Михаила Федоровича, [2] данную Бабинову за то, что он указал эту дорогу и сделал ее удобной для проезда.

§ 17. У конца этой дороги, там, где она подошла к реке Туре, было признано необходимым иметь укрепленное место, подобное тому, которое было на Лозве. Но это делало Лозвинский городок ненужным. Около него было очень редкое вогульское население, поэтому было излишним тратить средства на содержание этого городка, так как вогулами можно было удобно управлять и держать в подчинении частью из Пелыма, частью из нового города Верхотурья. Лозвинский городок был срыт, а служилые люди из него были использованы при построении и заселении города Верхотурья. [3]

* § 18. На том месте, которое было избрано для нового города, находился в древности вогульский городок, который на пермском или зырянском языке называли Нером-карра. Как это отмечено в своем месте, [4] ни в коем случае не заслуживает доверия сообщение Страленберга о том, что будто бы Ермак по прибытии своем в Сибирь построил тут первый город. Старое пермское название этого места сохранилось в наименовании небольшой речки Неромки, которая впадает в Туру в двух верстах ниже города. Город стоит на высоком утесе, который со стороны реки очень крут; здесь, как говорят, находился старый вогульский городок, и на этом же месте был поставлен внутренний острог. В одной из царских грамот, [5] которая находится в верхотурском архиве, найдено мною описание этой местности до построения города. Крутой утес возвышался на 12 и более саженей над поверхностью реки, в длину же по реке он был равен 60 большим саженям. К этому нужно еще прибавить, что река отделяется от остальной местности двумя буераками, по которым протекают небольшие речки, берега же реки здесь довольно крутые.

[1] Прилож. № 29.
[2] Прилож. № 93.
[3] Прилож. №№ 27 и 28.
[4] Гл. 2, § 44.
[5] Прилож. № 25.

§ 19. Хотя по своему естественному положению это место казалось удобным для построения города, но все же его нельзя признать подходящим для этого. Не говоря уже о неровности земли, которая происходит от буераков, самая почва здесь слишком камениста и болотиста, так что не везде она пригодна под пашню. Река там недостаточно глубока, большие нагруженные суда могут ходить по ней только ранней весной, а лежащие вокруг местности слишком лесисты, чтобы прокормить большое сельское население. Однако, цель, которую имели в виду при построении города, была достигнута. Если город не имел возможности сильно расти, все же по своей величине он был не из последних. Для улучшения судоходства в реке стали грузить суда не в городе, а несколько ниже, в 40 верстах от него.

§ 20. Наблюдение за строением города было поручено воеводе Василию Петрову сыну Головину и голове Ивану Васильеву сыну Воейкову. Людей, нужных для построения города, они должны были набрать в Перми, отчего их отправление затянулось. Время построения города, указанное в грамотах [1] и в летописях, — 7106 (1598) г. примечательно тем, что в этом году умер царь Федор Иванович и вступил на престол царь Борис Федорович Годунов. Тогда же была построена в Верхотурье соборная Троицкая церковь, [2] которая существует там до сих пор, хотя прежняя была деревянная.

§ 21. Верхотурский уезд был тогда очень большой. По реке Туре он граничил с Тюменским уездом, на севере к нему были приписаны все вогулы, которые прежде зависели от Лозвинского городка, за исключением, впрочем, тех, которые жили ближе к Пелыму и отошли к этому городу. К югу он простирался до реки Чусовой и Сылвы. Вогулы, жившие здесь, были до того времени в ведении города Чердыни, но так как они были слишком удалены от него, к тому же часто жаловались на притеснения пермских сборщиков ясака, то состоялся царский указ о приписке их к Верхотурскому уезду. Ясак, собранный в Верхотурье в первый год, состоял из 30 сороков соболей, кроме многой другой мягкой рухляди, а именно куниц, бобров, выдры, лисиц и белок. О приеме в Москве ясашной казны в следующем 7107 г. сохранилась в Верхотурье соответствующая грамота. [3]

§ 22. При построении Верхотурья имелось, несомненно, в виду, что в нем, ближайшем к России сибирском городе, через который ввозились и вывозились товары, должна быть учреждена таможня и должен быть тщательный досмотр всех проезжающих. В виду этого в 7108 (1600) г. в Верхотурье был построен для поклажи товаров большой гостиный двор, [4] причем был издан строгий указ, чтобы торги во всем Верхотурском уезде производились только на гостином дворе в Верхотурье.

§ 23. Построение города Верхотурья было одним из первых дел царя Бориса, касавшихся Сибири; в последующие годы он продолжал заботиться

[1] Прилож. № 26.
[2] Прилож. № 46.
[3] Прилож. № 32.
[4] Прилож. № № 38 и 101.

об увеличении доходов государства и строении новых городов в Сибири и введении там лучшего управления. Примечательное обстоятельство, принадлежащее не столько к сибирской, как к общей русской истории, заключается в том, как царь Борис, получивший царский престол путем убийства царевича и наследника престола Димитрия Ивановича, старался ласками и милостями снискать себе расположение народа. В архивах Верхотурья, Пелыма, Тюмени и Тары сохранились его указы,[1] в которых говорится, что ради восшествия его на всероссийский престол и коронования его на царство, а также многолетнего здравия наследника его Федора Борисовича все сибирские татары и прочие сибирские народы милостиво освобождаются от обычного ясака на 7108 год. По другому же указу,[2] который ссылается на предшествующий, предписывается, наоборот, чтобы в 7109 г. был возобновлен снова сбор ясака. В этом указе имеются различные дополнительные распоряжения, имеющие целью предупредить всякие злоупотребления по сбору ясака. Они сохраняют свою силу до сих пор, и повторение их не является лишним.

§ 24. Легко представить себе все те трудности, которые приходилось испытывать из-за подвод всем приезжавшим по государевым делам в Сибирь, тогда еще слабо населенную русскими. Вся тяжесть подводной повинности падала исключительно на туземцев, а те часто не имели возможности дать столько подвод, сколько требовалось. Горькие жалобы вогулов, живших по большой дороге Верхотурского уезда, поданные ими по этому поводу в 1599 г.,[3] по всей вероятности, дали повод к поселению в разных местах Сибири ямщиков. Они обязаны были ставить даром подводы, но зато получали значительные пашенные земли, с которых не должны были платить податей.

* § 25. Этой же причине обязан своим возникновением город Туринск. Между Верхотурьем и Тюменью на половине дороги надо было иметь ямскую слободу, для чего было выбрано то место, где жил самый известный в тех местах князец Епанча,[4] по имени которого новый город в просторечии часто называется Епанчиным. Об его строении имеется несколько грамот и среди них наказ голове Федору Осипову сыну Янову, которому было поручено наблюдение за постройкой и заселением города.[5] Туринским назывался тогда еще не город, а только острог, который в скором времени получил права города. Я изложу кратко содержание этого наказа.

§ 26. Незадолго до этого Янов был послан вместе с князем Лукой Осиповичем Щербатовым в Тюмень, чтобы помогать последнему на воеводстве. Весною 1600 г. Янов получил указ отправиться на место жительства Епанчи, чтобы устроить там ямскую слободу, и для того набрать 50 семейств

[1] Прилож. № 31.
[2] Прилож. № 39.
[3] Прилож. № 30.
[4] Гл. 2, § 45.
[5] Прилож. № 33.

*

и, сверх того, поселить там же 100 семей пашенных крестьян. Для защиты слободы от неприятельских нападений необходим был острог, построению которого Янов положил начало. 30 человек казаков, данных ему из Тобольска и Тюмени, и 20 плотников с Верхотурья выполняли эту работу. По окончании постройки острога плотники были посланы обратно на Верхотурье, казаки же должны были остаться служить в новом остроге. Янов взял также из Тюмени две пушки со всеми припасами к ним, другие же две были присланы ему с Верхотурья. 55 семей пашенных крестьян и 6 семей ямщиков были уже отправлены из Казани на Верхотурье для поселения в Сибири. Остальных же определено было набрать из охочих людей.

§ 27. Что построение города Туринска произошло в 1600 г., ясно из царской грамоты 12 октября 7109 г. [1] о построении там первой церкви. Согласно грамоте, Туринск представляется уже населенным местом. Сибирь в то время была в такой славе, что в России находилось много охотников, готовых переселиться туда на постоянное жительство. Большая часть переселенцев происходила из Холмогорского уезда, который позже стал называться Архангельским, а именно с Ваги, из Устюга, из Сольвычегодска и др. городов. Ямщики, ради которых был построен город Туринск, первоначально поселились внутри острога, но в скором времени им было разрешено жить вне острога. Они выбрали себе место, где когда-то жил князец Епанча, [2] которое и поныне называется Ямской слободой. По рассказу тамошних татар, Епанча будто бы тогда был еще жив и добровольно уступил свою землю русским, сам же стал жить после того в Енбаевых юртах, в 14 верстах от Туринска вниз по Туре; вот почему жители этой деревни выдают себя до сих пор за потомков Епанчи.

§ 28. Чтобы образовать для нового острога уезд из татарских волостей, в следующем году приказано было присоединить к нему те волости, которые лежали от Тюмени вверх по течению Туры и находились ближе к новому острогу. [3] Это касалось также тех 50 человек татар, которые жили вместе с князем Епанчей и о которых брат Епанчи Тувонга, в поданной им челобитной, просил, чтобы им платить ясак в Туринске. Хотя в Тюмени возражали против этого и заявляли, будто бы Янов велел написать эту челобитную вопреки желанию татар, но все же просьба Тувонги была удовлетворена, так как справедливость ее была очевидна.

§ 29. С другой стороны, среди волостей, переданных из Тюмени в Туринск, находились такие, которые были очень удалены от Туринска и подошли ближе к Верхотурью; поэтому в 1602 г. они были взяты из Туринского уезда и приписаны к Верхотурскому, [4] причем границей между уездами обоих городов было положено устье реки Тагила.

---

[1] Прилож. № 37.
[2] Прилож. № 40.
[3] Прилож. №№ 35, 41 и 42.
[4] Прилож. № 48.

§ 30. К истории построения города Туринска надо еще прибавить, что первый острог построен был весьма плохо и потому через три года, в 1603 г., его пришлось делать опять почти заново.[1] Тогда же принялись усердно за исправление большой дороги между Верхотурьем и Туринском вдоль реки Туры; она была очень неудобна в летнее время из-за большого числа речек и болот, кроме того, вследствие извилистости реки Туры ее приходилось много раз переезжать. Поэтому стали искать более близкую и более сухую дорогу и нашли таковую через так называемый Тагильский волок,[2] по которому с тех пор стали ездить с большими удобствами.

* § 31. Одновременно с Туринском на реке Тазе началось строение города Мангазеи при следующих обстоятельствах. Уже за несколько лет перед тем из Березова начали проведывать места, лежащие к востоку, по рекам Пуру, Тазу и Енисею. На реке Тазе нашли самоедов, которые называли себя мокосе, и это обстоятельство послужило основанием для названия тамошних мест по-русски Мангазеей. Эта местность была особенно хорошо известна русским и зырянам, которые жили по рекам Двине и Печоре и в поисках соболей и для торговли часто ходили в эти места; некоторые из них тайно собирали ясак с тамошних самоедов в свою пользу, как будто бы они были посланы по государеву указу.

* § 32. В сибирских летописях рассказывается, что уже во времена царя Федора Ивановича, в 7106 г., был послан из Москвы Федор Дьяков для проведывания мангазейских мест до самой реки Енисея и для обложения ясаком тамошних народов. Вместе с служилыми людьми, данными ему из Тобольска, он побывал в тех местах и собрал там для государя первый ясак, с которым вернулся в Москву в 7108 г. Построение же города Мангазеи началось не ранее 7108 г. и было приведено в исполнение двумя письменными головами князем Мироном Шаховским и Данилой Хрипуновым и сотней тобольских казаков. Кроме царской грамоты,[3] находящейся в березовском архиве, и сохранившегося частично наказа,[4] данного в 7109 г. на имя следующих мангазейских воевод, у нас нет других исторических данных, которые могли бы служить для разъяснения обстоятельств, сопровождавших построение этого города.

§ 33. Путь в Мангазею шел по воде. Назначенные в этот город служилые люди, часть которых составляли березовские казаки, строили нужные им суда, 4 коча и 2 коломенки, в Березове. Коломенки должны были служить для перевозки съестных припасов, но, к несчастью, в Обской губе они потерпели крушение, причем часть припасов погибла, другая же была подмочена. Что касается внешнего вида коч, то они были похожи на теперешние галиоты, имели в длину около 12 сажепей и покрыты палубой, были плоскодонные и сидели не слишком глубоко. Малое знание

[1] Прилож. № 52.
[2] Прилож. № 49.
[3] Прилож. № 43.
[4] Прилож. № 45.

морского дела было причиной того, что на кочах ходили только с попутным ветром и почти совсем не умели пользоваться боковыми ветрами. На таких же судах ходили в старину из Архангельска в Мезень, Пустозерск и на Новую землю. Коломенки же — большие барки, которые до сих пор употребляются на разных реках в России.

§ 34. Видимо, в то время еще не знали хорошо, как ездить в реку Таз через Обскую губу, и потому часть пути всегда совершалась по суше. Самоеды помогали тем, что давали своих оленей для перевозки тяжелых предметов и съестных припасов. Для служилых же людей было уже привычным делом ходить на лыжах.

§ 35. Известия, которые вскоре после этого пришли из Березова в Москву, были очень неблагоприятны. Самоеды, которых, как полагали, подучили зыряне, торговавшие с ними обычно на реке Тазу, встретили князя Шаховского на расстоянии одного дня пути от реки Пура, убили 30 людей, разграбили весь его груз, а сам он с оставшимися в живых служилыми людьми принужден был спасаться бегством на оленях. Это происшествие послужило поводом для посылки в Мангазею в следующем 7109 (1601) г. новых воевод с служилыми людьми, которые должны были привести в исполнение то, что не удалось выполнить до сих пор.

* § 36. Новыми воеводами были назначены князь Василий Масальский и Савлук Пушкин. В наказе этим воеводам, сохранившемся в туруханском архиве, не достает в начале некоторой части, где, по всей вероятности, говорилось подробно об отправлении прежних воевод. Из сохранившейся части мы узнаем много других подробностей, которые касаются вообще истории Мангазеи и, в частности, отправления вторых воевод.

§ 37. К сведениям первого рода относится то, что уже тогда имелись некоторые, хотя и неточные, сведения о реке Енисее: не зная, что это название принадлежит одной реке, давали его всей местности, которая граничила с Мангазеей. Оба названия — Мангазея и Енисея — в наказе часто стоят рядом. Дальше видно, что русские и зырянские промышленники до построения Мангазеи имели в тамошних местах несколько острогов, проживая в которых, они безопаснее торговали с самоедами. В наказе упоминается прежний остяцкий городок, который находился в Обской губе и назывался Пантуевым городком. В конце наказа узнаем, что местом для построения города Мангазеи было первоначально намечено устье реки Таза, но, вероятно, оно оказалось неудобным для этой цели и, может быть, уже первые воеводы, остановившиеся со своими служилыми людьми на среднем течении реки Таза, нашли более подходящим именно здесь построить город.

§ 38. Что касается подробностей отправления новых воевод, то было решено построить на Верхотурье для них и для их служилых людей 9 кочей и 2 больших лодки, на которых можно было бы плыть по морю. Приказано было также дать им служилых людей вдвое больше, чем было у князя Шаховского. В Тобольске предлагалось взять 100 человек, в Сургуте 30 и в Бе-

резове 70. Вместе с тем было указано, какое количество пушек и снарядов они должны были захватить из Тобольска и Березова, а именно из каждого города по 4 пушки, из которых две были скорострельные, и необходимое количество ядер, пороху и свинцу.

§ 39. Нет причин сомневаться в выполнении этих распоряжений, так как известно, что в прежнее время никогда не делались приказания, вызывавшие сомнения в их выполнимости или сопряженные с большими трудностями, почему и выполнение их было всегда точным и рачительным. Воеводы должны были еще в то же лето дойти до Мангазеи. В качестве лоцманов и проводников им предлагалось взять из Березова на каждое судно необходимое число зырянских и русских торговых людей, которые знали бы местность и водные пути, а также языки живших там народов. Особенное внимание обращалось в наказе на оказание помощи прежним воеводам князю Мирону Шаховскому и Даниле Хрипунову, если они встретили в чем-либо препятствие при построении нового города или если самоеды принудили их искать для безопасности другое место. Главнейшее же поручение, которое воеводы должны были выполнить, состояло в построении города, если это еще не было сделано прежними воеводами. Для города опять указывалось место в устье реки Таза, но на усмотрение воевод было предоставлено, в случае надобности, избрать другое место и предлагалось, в частности, выяснить, нельзя ли использовать для нового города один из острогов, построенных промышленными людьми.

* § 40. Из наказа видно, что тогда еще было неизвестно, построен ли Мангазейский город князем Шаховским, но теперь мы знаем вполне точно, что именно он был его строителем. Правда, об этом нет прямых известий в грамотах.[1] Но помимо того, что построение города сибирские летописи приписывают именно князю Шаховскому, а в других архивных материалах мы не нашли ничего, что противоречило бы этому утверждению. В Мангазее сохранился наказ третьим воеводам от 25 января 7111 г., в котором часто упоминаются воевода князь Василий Масальский и Савлук Пушкин, но ни разу не говорится, что город был построен ими. Наоборот, о построении города говорится, как о деле совершенном прежде, и только приказывается принять меры к построению в нем церкви, которой до того времени там не было.[2]

[1] В Мангазейском росписном списке 7154 г. упоминается среди других документов «роспись государевым всяким делам Мангазейского города прошлых лет со 109-го году по 141-й год». Это может, во всяком случае, служить доказательством, потому что если были приказные дела от 7109 г., то они не могли производиться никем иным, как князем Мироном Шаховским, а следовательно, город был уже тогда им построен.

[2] В «Летописи о многих мятежах» сказано, что князь Василий Масальский был строителем Мангазеи, причем это место читается так: «Тоя же зимы посла в Сибирь послов своих и повеле поставить город Мангазею. А ставил город князь Василий Мосальской Рубец». Однако составитель этой летописи, поскольку он касается истории Сибири, является человеком малосведущим, и потому приходится больше верить известиям, находящимся в сибирских летописях и архивах.

§ 41. Для города Мангазеи князь Мирон Шаховской нашел удобное место на восточном берегу реки Таза, в 200 верстах от устья. В данное время этот город больше не существует, так как с течением времени он был оставлен, а вместо него основали Новую Мангазею на реке Турухане. Город был окружен четырехугольным острогом, внутри которого находилась соборная Троицкая церковь. Вне острога, среди дворов местных жителей, находились еще две церкви, одна во имя Успения пресвятой богородицы и другая во имя Макария Желтоводского. Естественное положение города было удобным и безопасным. Довольно большая речка, называемая Осетровкой, а по-самоедски Сулей-яга, протекала около города и впадала в Таз выше города. Несколько ниже города находилась другая речка Ратилиха, а по-самоедски Тирма. Реку Таз от ее устья можно было проехать на лодках в 9 дней, вниз же по течению от города до устья, во время весеннего половодья, путь совершали всего в $2^1/_2$—3 дня. В отношении высоты места положение теперешнего города Новой Мангазеи или Туруханска мало отличается от прежнего, потому что в обоих местах в одно и то же время наблюдается одинаковая продолжительность дня и ночи.

§ 42. Нетрудно догадаться, что в Мангазее принимали все меры к тому, чтобы получить точные сведения о местностях, лежащих далее на восток, и особенно о реке Енисее, так как уже князю Шаховскому было приказано обследовать лежащие там земли и наложить на них ясак. Без сомнения, промышленные люди уже давно имели сведения об этих землях, и теперь у них не было причин скрывать об этом, так как с построением города Мангазеи они все равно не могли уже свободно двигаться в том направлении. Если они хотели итти куда-либо в отдаленные местности, то им приходилось об этом объявлять. Так как самая близкая дорога с Таза на Енисей кончалась при устье реки Турухана, то это послужило основанием для строения там зимовья, которое по реке называлось Туруханским, а так как там кончался волок, оно именовалось «на Енисейском волоке» и, наконец, по построенной там же вскоре церкви Николая чудотворца оно называлось также «у Николы чудотворца». Из этого зимовья образовался впоследствии теперешний город Туруханск. Когда все это случилось и как прежний город Мангазея окончил свое существование, будет рассказано в своем месте.

* § 43. Теперь нам следует вернуться к местностям по реке Оби, где особенно замечательным было в то время построение города Томска, начатое и завершенное в 7112 (1604) г. весьма удачно и с немалой пользой для тех мест. [1] До построения Томска окрестная страна зависела от Сургута, хотя один из здешних татарских родов, так называемые еуштинцы (по-татарски «еушта», во множественном числе «еушталар») считал, что все соседние татары подчинены им. Когда же власть русских укрепилась в этих местах, их князец Тоян поехал в Москву, где 25 марта 1604 г. подал челобитную, в которой со всем своим родом и улус-

[1] Прилож. №№ 54 и 55.

ными людьми, которых насчитывал до 300 человек, добровольно подчинился русской власти. Он обещал также помочь покорить живших в соседстве киргизов, чатских татар и теленгутов, местожительство и численность которых он указал в своей челобитной. Тоян предлагал построить в его родных местах городок, который, по его мнению, принесет русскому государству большую пользу. Для себя же и своих еуштинцев он выпросил освобождение от ясака.

§ 44. Предложение о построении города было принято благосклонно в Москве. Казацкому голове Гавриле Иванову сыну Писемскому и сыну боярскому Василию Фомину сыну Тыркову приказано было осуществить это дело, что и было ими исполнено еще в то же лето. О том, как строился город, в архивных делах не сохранилось известия, но можно думать, что для этого было использовано много народа, так как работа шла чрезвычайно быстро. Среди других принимали в этом участие 100 человек кодских остяков со своим князцом Онжей, [1] которые ставили себе это в особую заслугу и за что они несколько лет спустя, от царя Василия Шуйского, получили особую жалованную грамоту.

§ 45. Что касается места, которое было выбрано для города, то, пожалуй, трудно найти там другое более удобное. Река Томь, как известно, впадает в Обь с восточной стороны, но имеет с ней почти одинаковое направление и большей частью течет с юга на север. На правом или восточном берегу этой реки, приблизительно в 60 верстах от ее устья, подымается довольно значительная гора, и ее-то строители признали особенно удобной для своей цели. С речной стороны, где подъем на гору особенно крут, они заложили небольшой деревянный город. Жилые дома поместились позади города на той же горе и были обнесены стоячим тыном. Позднее же, с увеличением населения, сильно застроилась и нижняя часть под горой до самого берега реки Томи. По этому нижнему посаду протекает речка Ушай или Ушайка, которая впадает в Томь.

§ 46. Нельзя достаточно нахвалиться плодородием окружающих местностей. Повсюду лежит такой тучный чернозем, что еще никогда не было необходимости удобрять его, и притом такой рыхлый, что работа земледельца очень облегчена. Впрочем, в отношении плодородия в Сибири много мест, подобных Томску. Неоднократно пробовали удобрять эту землю в надежде, что она даст еще больший урожай, но получалось как раз обратное: развивался в длину стебель, а колос от этого значительно уменьшался. Плодородие страны должно было привлечь туда большое количество населения, поэтому-то Томский уезд самый населенный из всех сибирских уездов. Росту города особенно способствовала выгодная торговля с соседними калмыками и монголами. Множество рыбы, которую дает в изобилии река Обь, приносит жителям большую прибыль, хотя рыба здесь и ценится меньше, чем в низовьях реки Оби, где большой недостаток в других дарах природы.

[1] Прилож. № 59.

* § 47. Упомянутая челобитная еуштинского князца Тояна дает мне повод упомянуть о народах, живших тогда по соседству с городом Томском и которые, по мнению князца Тояна, без труда могли быть покорены русскими. Он прежде всего говорит о некоем народе, называемом чатами, который жил в 10 днях пути от его родных мест, где он предлагал построить город Томск. Это чатские татары, которые, действительно, позднее подчинились Томску, но тогда они, должно быть, жили где-нибудь в Барабинских степях. Они рассказывают про себя, что раньше были под властью хана Кучума. После того, как хан Кучум был изгнан русскими из Сибири, они некоторое время продержались в верховьях реки Оби, где им было присвоено имя Чать, означающее на татарском языке мыс, т. е. место, где сливаются две реки, так как на подобном месте находился некогда их главный улус.

§ 48. В челобитной упоминаются затем киргизы, которые до начала текущего столетия жили в степях около реки Июса, которая позднее называлась Чулымом, и при реке Абакане. Об этом их прежнем местожительстве было выше подробно рассказано.[1] В примечаниях к «С. Петербургским ведомостям»[2] они ошибочно смешиваются с киргиз-кайсаками, живущими на бухарской границе к востоку от реки Яика. Их князец во времена Тояна назывался Немча, это имя писалось также Номча и Номза. Тоян насчитывал семь дней пути до их жилищ. Из этого можно заключить, что они жили тогда где-нибудь на реке Урупе, которая, соединяясь с Июссом, образует Чулым, или же на Божьем озере, по-татарски Тенгери-куль, до которого киргизы часто доходили. В последующей истории еще много будет говориться об этом народе, то подчинявшемся русским, то вновь изменявшем им, то соединявшемся с монголами или с калмыками. Своими постоянными набегами они нанесли много вреда русским, но, с своей стороны, и русские неоднократно и весьма жестоко с ними расправлялись, пока, наконец, киргизы не ушли окончательно из Сибири к калмыкам, у которых они известны под именем бурутов.

* § 49. Далее Тоян называет некоего князца Бинея, которому было подчинено до 10 000 людей, из которых самые близкие жили в 10 днях пути от еуштинцев, самые же дальние на расстоянии до четырех недель пути. Здесь, вероятно, подразумеваются калмыки, которые приблизительно в то время, теснимые монголами, начали распространяться в степи между Обью и Иртышом; до того они обычно кочевали по ту сторону Алтайских гор.[3] В челобитной говорится: «доород, до князца до Бинея»; по-моему, здесь надо читать «до орд»... Этим обозначением они сильно отличаются от небольших народов, о которых упоминается в челобитной, так как слово «орда» употребляется на русском языке только относительно больших или многолюдных народов.

[1] Гл. 1, § 17 и сл.

[2] 1734 г., 28 сентября.

[3] Имя Бинея упоминается ниже в § 61, как имя калмыцкого князя.

§ 50. Названные затем в той же челобитной телеуты, которые в количестве до 1000 человек под властью князца Обака или Абака жили в пяти днях пути от Томска, несомненно, тот же самый народ, который в первой главе[1] этой Истории назван теленгутами. Они кочевали на западной стороне реки Оби и вели такой же образ жизни, как и другие кочевые народы в этих местах. Они изменили своей кочевой жизни только после перехода под русское подданство и поселения вблизи Томска и Кузнецка. Но это случилось не так скоро, и в течение многих лет они больше примыкали к калмыкам; если же иногда для вида подчинялись русским, то это продолжалось только до тех пор, пока они находили это для себя выгодным. Примеры этого в дальнейшем изложении встретятся нам много раз.

§ 51. Об одном народе, который также упоминается в челобитной еуштинцев, я ничего не могу сказать. Он, должно быть, назывался умаками, так как в челобитной указывается умакский князец Чита с 300 людей, до места жительства которого было 14 дней пути. Но едва ли это был отдельный народ, если его численность такая небольшая. Вероятно, это был какой-то татарский или калмыцкий род, который жил в верховьях Томи или на Оби.

§ 52. Ясное дело, что еуштинцы были первыми, которые должны были платить ясак в этот новый город. Согласно их челобитью, они были освобождены от уплаты ясака, но взамен этого должны были нести казацкую службу. Это была льгота, которую сибирские народы очень ценили, так как она выражала доверие к ним, и это последнее ими часто оправдывалось. В действительности же эта служба была для них трудна, особенно в прежние времена, когда им вместе с русскими приходилось часто выступать против неприятелей. Принимая во внимание незначительное жалованье, которое они получали за службу, можно справедливо сомневаться, имели ли они преимущество перед ясачными людьми, так как последние целый год жили спокойно и отдавали только незначительную часть того, что получали на охоте.

§ 53. В наказе первым томским воеводам имелось обычное указание, что волости каждой местности в отношении уплаты ясака должны причисляться к тем городам, к которым они ближе расположены. На основании этого томские воеводы присоединили к себе всю реку Чулым с живущими на ней татарскими родами, которые уже за несколько лет до этого были обложены ясаком из Сургута. Так как татары, жившие на среднем течении этой реки, т. е. от устья реки Кемчука вниз по течению, зависели тогда от Кетского острога, то присоединением их к Томску был недоволен кетский воевода, потому что это умаляло его власть и уменьшало его доходы.[2] Но, в конце концов, он должен был примириться с этим, так как царские указы и положение этих мест определенно говорили в пользу Томска.

---

[1] § 24.

[2] Прилож. № № 56 и 57.

§ 54. От того же кетского воеводы в следующем 7113 (1605) г. было получено известие [1] о готовившемся восстании остяков и татар по рекам Оби, Кети, Чулыму и Томи, которые замышляли уничтожить новые русские поселения, в особенности Томск и Кетский острог. Из обстоятельств этого дела видно, что это было то же самое восстание, о котором уже упоминалось выше, [2] и оно не представляло опасности ни для Томска, ни для других мест, так как о замышляемом восстании стало известно до того, как оно началось.

§ 55. Таким же образом закончилось восстание остяков и татар на реке Оби, которое было вызвано насилиями, учиненными в пути двумя новыми головами, направлявшимися в Томск в 1606 г. [3] После того остяки и татары некоторое время боялись являться в город. Только киргизский князец Номча, жена которого приезжала в Томск с просьбой о принятии ее в русское подданство, горячо хотел отомстить за причиненное ей там насилие. Случай с соболиной шубой, которую новые головы отняли в Томске у его жены, так его возмутил, что за это он напал на чулымских татар. Эта алчность воевод много, вероятно, содействовала тому, что в последующее время было очень трудно совершенно подчинить киргизов.

§ 56. Сибирская история подтверждает нам, что когда с покоренными или с покоряемыми народами обращались ласково и кротко, тогда они без труда исполняли то, что от них требовали. Наоборот, они оказывали упорное сопротивление и становились свирепыми, когда их без всякого основания обижали, или когда воеводы требовали от них более того, что они могли дать им и что следовало с них брать в силу царских указов. Примеров последнего очень много, но было немало случаев и первого, и к числу их, кроме других, относится следующий случай с теленгутами. [4]

§ 57. Строитель города Томска Гаврила Писемский уже в 1605 г. сделал попытку подчинить теленгутов, отправив к ним служилых людей. Хотя теленгутский князь Обак выразил готовность и дал обещание явиться весной со своими людьми в Томск, чтобы принести торжественную присягу, однако обещания не выполнил, так как боялся, что в городе его задержат в качестве заложника или, по сибирскому выражению, аманата. При покорении тамошних народов было, действительно, обыкновение удерживать их князей, попавших в руки русских, в залог обещанной ими верности, до тех пор, пока они не привыкали к новой власти. Обак в знак своей дружбы и желания жить с русскими в мире ограничился в дальнейшем тем, что иногда посылал в город подарки.

§ 58. Такое положение дел с теленгутами продолжалось до 7117 (1609) г., когда была сделана новая попытка склонить Обака к совершенному подчинению русским. Дело это было поручено эуштинскому князцу Тояну

[1] Прилож. № 58.
[2] Гл. 5. § 9.
[3] Прилож. № 60.
[4] Прилож. № 66.

и двум русским казакам, которые должны были пригласить князя Обака с лучшими улусными людьми в Томск. Они предложили Обаку остаться заложниками у теленгутов до его возвращения, если он боится быть задержанным в Томске или какого-либо другого вреда. По требованию Обака, Тоян даже присягнул, и тогда Обак отправился с посланными в Томск, где все данные ему обещания точно были выполнены.

§ 59. Обак и виднейшие теленгуты шертовали русским на том, что пребудут в вечной верности и в беспрекословном повиновении и всегда будут бороться против тех, кого русские считают своими врагами. За это Обак просил освободить теленгутов от уплаты ясака и дать ему разрешение кочевать вблизи города. Последнее было дозволено. Что же касается освобождения Обака от ясака, то воевода не осмелился это ему разрешить, а указал ему, что он может непосредственно получить эту царскую милость, если сам отправится в Москву.

* § 60. В связи с этим впервые упоминается монгольский хан, носивший гордое имя Алтын-царь, т. е. Золотой царь. Так как он почти постоянно воевал с калмыками, то теленгуты боялись его нападения, а поэтому от русских им была обещана защита против хана. С этого времени теленгуты нередко доставляли в Томск для продажи лошадей и рогатый скот, а иногда с ними приходили также калмыки. Но постоянная война между ними и монголами была причиной того, что они приезжали в Томск очень редко.

* § 61. В 7115 (1607) г. в Томск прибыли калмыцкие послы, которые от имени своих тайш обещали покорность русским и за это просили не только защищать их против врагов, но также и самим русским на них не нападать. Из этого обещания ничего не вышло, потому что калмыки вскоре откочевали в Приобские степи, чтобы оказать сильнейший отпор монголам. Воеводская отписка, [1] которая рассказывает нам об обстоятельствах и ходе этого дела, называет трех калмыцких тайш: Бинея, Узенея и Бакая, от которых было отправлено это посольство. Вместо Бинея в иных местах отписки стоит Изеней и Езеней, а вместо Бакая Абакай и Обокай.

§ 62. Когда известие об этом посольстве дошло до Москвы, то оттуда в следующем 7116 (1608) г. была прислана грамота, которая во всех отношениях соответствовала желаниям калмыков: они могли не бояться ни своих врагов ни русских, должны были принести присягу в верности и дать добровольно ясак лошадьми. Самые видные их тайши приглашались в Москву, чтоб получить великое государево жалованье. Если же они не доверяют русским, а потому боятся ехать в Москву, то в грамоте предписывалось дать им заложников, которые будут оставаться у них до возвращения тайш из Москвы. Несмотря на то, что эти условия должны были быть приемлемыми для калмыков, поездка не состоялась. Препятствием явилась война, возникшая у них с монголами, из-за которой калмыки должны были отойти от Томска на далекое расстояние.

---

[1] Прилож. № 67.

§ 63. Известие об отходе калмыков было получено в Томске после возвращения 29 октября 1608 г. казаков, посланных к ним с извещением о царских милостях, изложенных в упомянутой выше грамоте. Казаки шли к калмыкам через землю телеутов, которые должны были дать им с собой нескольких человек своих лучших людей, чтобы легче было уговорить калмыков положиться во всем на царскую милость. Но среди телеутов не оказалось никого, кто бы согласился сопровождать казаков, так как телеуты уже знали, что поблизости нельзя было найти калмыков. Они говорили, будто калмыки не только начали войну с монгольским Алтын-ханом и Казакской ордой или так называемыми теперь киргиз-кайсаками, но и между собой жили в несогласии. Некоторые улусы отъехали от своих тайш Езенея и Узенея и кочевали тогда на дороге, которой надо было ехать к этим тайшам, и потому они никого не пропускали, казакам же, отправленным к ним, угрожала опасность быть убитыми. Все это вскоре подтвердил телеутский князь Обак, который прибыл в Томск;[1] кроме того, он сообщил, что калмыцкий князь Узеней умер. Русские должны были на этот раз отказаться от намерения подчинить себе калмыков, и вопрос о том, каким образом покорить себе этот народ, являлся делом будущего.

§ 64. Следующим народом, который в Томске решили присоединить к Русскому государству, были кузнецкие татары. Это решение тем легче было привести в исполнение, что оседлый образ жизни кузнецких татар, благодаря которому они оставались постоянно в одной и той же местности, весьма благоприятствовал намеченной цели. Эти татары жили по рекам Кондоме и Мразе, впадающим в реку Томь. Русские стали называть их кузнецами, потому что в этой местности находится много железной руды, из которой татары плавили железо́ и делали из него всякую домашнюю посуду и охотничьи принадлежности. Тогда они еще никому не подчинялись, исключая киргизов, которые иногда наезжали на их юрты, и тогда татары должны были откупаться от них подарками — своими изделиями: котлами, таганами, стрелами и т. п. Этим они надеялись спасти себя от зависимости или еще от чего-нибудь худшего.

§ 65. О начале покорения кузнецких татар в томском архиве старых лет имеется только случайное указание о том, что в 7115 (1607) г. несколько томских казаков, которые были посланы в Кузнецкие волости для сбора ясака, вернулись оттуда обратно. В 7117 г. из Томска было сообщено в Москву[2] о новой отправке казаков туда же и с той же целью, но они и на этот раз ничего не собрали, так как почти все волости восстали против них и ни о какой уплате ясака не могло быть речи. Более того, казаки были бы убиты восставшими, если бы князец Базаяк, оставшийся верным русским, за них не вступился. Небольшой ясак, который они все же привезли с собой, равно

[1] § 58.

[2] Прилож. № 62.

как и прежде собранный с Кузнецких волостей, состоял из плохих соболей. Если будет повелено наказать за такое непослушание со всей строгостью, то, по словам упомянутой отписки, это можно сделать только летом. Но в Томске в то время, в связи с другими посылками, был большой недостаток в служилых людях. Указывая на это, томские воеводы давали понять, что для дальнейшего расширения русских владений в тех местах Томск нуждался в большем количестве служилых людей.

§ 66. В ответ на это указом из Москвы тобольскому воеводе князю Ивану Михайловичу Катыреву-Ростовскому были предписано[1] послать в Томск голову Мирона Хлопова с новым отрядом, причем ему дан был наказ не только окончательно покорить кузнецких татар, но и прогнать беспокойных киргизов, которые своими набегами причиняли много вреда. Но и на этот раз ничего не было выполнено. Между тем, в конце 1609 г. к кузнецким татарам был отправлен из Томска отряд в 40 человек служилых людей, во главе с атаманом Иваном Павловым, с приказом, по прибытии на место, укрепить его тыном, чтобы быть в безопасности от всякого нечаянного нападения татар. После того несколько служилых людей были отправлены в разные волости с требованием ясака и для увещания татар, чтобы они в доказательство своей верности, послали в Томск аманатов. Но и эти посылки не принесли много пользы, так как Иван Павлов вернулся 2 февраля 1610 г. с небольшим сбором ясака. Правда, служилые люди не подверглись никаким нападениям, но они терпели там большую нужду, так как татары не хотели ни давать даром, ни продавать съестных припасов и, вопреки обычаю всех сибирских народов, морили своих гостей голодом. С целью сохранения своей жизни служилые люди вынуждены были больше думать о скором возвращении, чем о выполнении возложенного на них поручения.

§ 67. О другом отряде служилых людей,посланном в Кузнецкие волости в 1611 г., отправленная из Томска в Москву отписка[2] сообщает следующее: два десятника Иван Тиханов и Сидор Соломатин с служилыми людьми, точное число коих не указано, должны были в Обинской[3] волости среди кузнецких татар, подвластных князю Базаяку, построить укрепление, чтобы под защитой его спокойно и с большим успехом собирать ясак. Но, прибыв в Обинскую волость, служилые люди узнали, что незадолго до их приезда там был некий киргизский посланец, который уговаривал татар перебить всех служилых людей, если те придут к ним за ясаком. Он обещал помощь киргизов, если татары, не надеясь на свои силы, дадут им весть. В виду такой угрозы, служилые люди решили не разбиваться на отряды, как хотели сделать это раньше для более удачного сбора ясака по волостям, и

[1] Прилож. № 76.

[2] Прилож. № 78.

[3] Может быть, Абинская, так как часть татар, живущих в Кузнецке, из которых некоторые были приняты на казацкую службу, сами себя называли аба, во множественном числе абалар, русские же называли их абинцами.

все остались у князя Базаяка, а в волости послали несколько татар, которых он им дал. Эти посланцы должны были сообщить татарам о прибытии служилых людей и уговорить их явиться с обычным ясаком в Обинскую волость. Но ясак привезли только татары из близлежащих волостей, да и те доставили его неполностью. Всего собрано было немного больше шести сороков соболей; и с этим служилые люди вернулись обратно в Томск.

§ 68. О том, как обстояло дело с кузнецкими татарами в 1612, 1613, и 1614 гг., не сохранилось никаких сведений, но можно предполагать, что они попрежнему продолжали оказывать сопротивление русским. Известно, что в 1615 г. для приведения их к покорности [1] был отправлен отряд служилых людей, во главе которого стоял стрелецкий сотник Иван Пущин и казацкий атаман Бажен Константинов. Они разослали всех имеющихся у них людей по волостям. Сначала служилые люди нигде не встречали сопротивления и с успехом собирали ясак, а непокорных, если таковые были, побивали и забирали в полон. Но потом неожиданно русские со всех сторон были окружены полчищем калмыков и киргизов более чем в 5000 человек, которые пришли на помощь татарам.

§ 69. Пущин так основательно и хорошо укрепил место пребывания своего отряда, что его нельзя было застать врасплох. Он выдержал настоящую осаду, продолжавшуюся десять недель, во время которой калмыки неоднократно пробовали взять его стан приступом, но каждый раз служилые люди успешно его отражали. Наконец, русские, терпя голод, вынуждены были сделать вылазку, чтобы или силой прорваться через врагов или храбро окончить свою жизнь, и без того находившуюся в величайшей опасности. Хотя точных данных о количестве служилых людей не имеется, но можно с уверенностью сказать, что если даже они все были налицо, то их все же было не больше 200 человек. Пробиться же они должны были через войско, более чем в 5000 чел. На благоприятный успех надеяться было трудно, но казакам все же удалось обратить врагов в бегство и забрать много пленников, среди которых оказалось много видных калмыков.

§ 70. После этого отважного дела татары стали с большим уважением относиться к русским и убедились в том, что нельзя надеяться на помощь калмыков и киргизов в деле освобождения от русского владычества. Ясашные сборщики, отправленные к ним в 1616 г., рассказывали о том, [2] с какой готовностью они снова шертовали русским и уплатили требуемый ясак. Этому, правда, противоречит сообщение одного казака, [3] который говорил, что в некоторых Кузнецких волостях он не мог склонить к принятию шерти и к уплате ясака, но возможно, что виною тому был он сам, так как не умел найти верное средство заставить татар снова подчиниться и выполнить требуемое.

---

[1] Прилож. №№ 86 и 87.
[2] Прилож. № 90.
[3] Прилож. № 91.

Рис. 13. Бой при Цынгальских юртах.
(Ремезовская летопись, ст. 77.)

§ 71. Несмотря на то, что в дальнейшем все шло благополучно, но в виду отдаленности и разбросанности Кузнецких волостей требовались перемены в управлении ими. Необходимо было построить среди тамошних татар особый острог с постоянным составом служилых людей и подчинить эти волости не Томску, а особым воеводам, присылаемым из Москвы. Таким образом, было положено начало городу Кузнецку, расположенному на правом или восточном берегу Томи, против устья реки Кондомы. Сибирские летописи сообщают, что Кузнецк был построен в 7125 (1617) г., [1] согласно приказу, полученному из Москвы, отрядом служилых людей из Тобольска, Тюмени, Верхотурья и Томска во главе с татарским головой Осипом Кокоревым, казачьим головой Молчаном Лавровым и сыном боярским Остафием Михалевским. Но это известие надо принимать с некоторой оговоркой. Указ из Москвы мог быть получен в 7125 г., а также и отправка из Тобольска и других городов служилых людей, назначенных для постройки острога, могла быть в том же году. Строение же в Кузнецке первого острога произошло не ранее 7126 (1618) г. при следующих обстоятельствах, о которых говорится в архивных материалах.

§ 72. В начале 7126 г., [2] т. е. в сентябре 1617 г., томские воеводы Федор Васильев сын Бабарыкин и Гаврило Юдин сын Хрипунов отправили сына боярского Остапа Харламова, иначе Михалевского, с 45 служилыми людьми вверх по Томи, с наказом построить острог при устье реки Кондобы, как она тогда называлась. Из-за наступивших рано морозов отправленные туда люди могли доехать не дальше Турубердской или Тулубердской волости, которая является первой из расположенных на реке Томи татарских волостей, подчиненных Кузнецку. Здесь они хотели зимовать. Но когда они сообщили в Томск об этом, а также о принятом ими решении в течение зимы не продвигаться дальше, там это не встретило одобрения. Из Томска посланы были туда на лыжах татарский голова Осип Кокорев и казачий голова Молчан Лавров с некоторым числом служилых людей, которым приказано было помочь Харламову в постройке острога в Кузнецке.

§ 73. После того, как Осип Кокорев и Молчан Лавров с людьми отправились из Томска 18 февраля 1618 г. [3] и в Тулубердской волости встретились с сыном боярким Остапом Харламовым, они все продолжали путь к месту своего назначения. Тут они быстро выполнили порученное им дело и сделали это тем успешнее, что не встретили никакого сопротивления и никаких препятствий со стороны татар. Они построили острог на восточном берегу Томи, против того места, где впадает Кондома, после чего Кокорев и

[1] Во 125-м году по указу великого государя и по грамоте и посылке из Тобольска по томским вестовым отпискам тобольскими и тюменскими и верхотурскими и томскими служилыми людьми вверх Томе реке, на усть Бразы реки, поставлен новой Кузнецкой острог. Начальные люди были: томской татарской голова Осип Кокорев, да казачей голова Молчан Лавров да сын боярской Остафей Михалевской.

[2] Прилож. № 95.

[3] Прилож. № 96.

Лавров со своими отрядами вернулись в Томск. Сын же боярский Харламов остался на месте, так как в новом остроге он был назначен воеводой. Сведения, сообщаемые сибирскими летописями о построении острога при устье реки Бразы или вернее Мрасы, являются неверными, так как никогда в этом месте не было русского острога да и не мог он здесь быть построен из-за больших неудобств этой местности.

§ 74. Говоря об условиях местности, надо отметить, что положение Кузнецка было не очень выгодным. Город был построен на самом берегу реки у подножья довольно высокой и крутой горы. Необходимо было построить на горе хотя бы небольшое укрепление, которое служило бы защитой городу, но при постройке острога это было упущено, и укрепление на горе поставили только значительно позже, после одного сильного нападения киргизов. В других отношениях местность эта удобна и очень плодородна. К северу от города до Томского уезда тянутся обширные ровные поля. К югу поднимаются горы, которые тянутся беспрерывно до их соединения с большими Алтайскими горами и сами составляют часть этих гор. *

§ 75. Рассказы о строении Кузнецка завели нас далеко, и теперь мы должны вернуться обратно, чтобы посмотреть, что сделано городом Томском в отношении открытия и покорения сибирских земель, которые расположены к востоку от Томска. Я не собираюсь рассказывать здесь о том, как открывали одну речку за другой и объясачивали одну волость за другой. Обширные пространства тех мест требовали, чтобы во время больших переходов придерживались направления только главных рек и тех мест, где были основаны русские поселения, и обращали больше внимания на целые народы, чем на отдельные поколения их.

§ 76. Князец чулымских татар Исек, [1] Мелесского рода, за много лет перед тем, когда ясак с реки Чулыма вносился еще в Сургут, должен был бежать со своей родины из-за совершенного им убийства одного сургутского казака и скрывался у киргизов и у других народов на реке Енисее. В 1609 г. было получено известие, что он вернулся и тайком живет у своих. Так как всегда в деле удержания в покорности и повиновении тамошних на-

* *В тексте 1750 г. далее следовало:*

§ 76. Одного обстоятельства, касающегося до первого строения города Кузнецка, не могу я с прочим согласить. А именно, по двум отпискам велено было острог в 7128 году перенесть на другую сторону реки, в чем тамошние казаки своим ослушаньем учинили препятствие. Для сего намерения посланы были из Томска Тимофей Бабарыкин да Осип Аничков с наказом, чтоб им острог построить вновь, которое строение ими того же году в действо и произведено. По тому разве построенной в 7126 году острог стоял на западной стороне реки Томи? или надлежало оной перенесть с восточного берегу на западной? или надлежит сие толковать так, чтоб вместо старого острогу на том же месте построить новой? или здесь говорится о другом каком месте, где еще прежде 7126 году стоял русской острог, и может быть не о городке ли Ивана Пущина? Наконец, подлинно ли перенесен острог или только на прежнем месте оной вновь построен? На сии вопросы, за недостатком довольных в приобщенных здесь архивных делах известий, ответствовать не можно. В бытность мою в Кузнецке я ни от кого не слыхал, чтоб город сперва построен был на другом месте, а не на том, где ныне находится» (*Приложения №№ 97—99*).

[1] Прилож. № 61.

родов многое зависело от возглавляющих их старшин, то русские положили не мало усилий на то, чтобы убедить Исека признать свою вину и просить о прощении, которое ему предварительно обещали, а от него требовали только соблюдения верности. Исек согласился на эти уговоры, явился сам в Томск и получил там обещанное прощение. Желая выразить свою признательность, он рассказал, что за его волостью на реке Кеми, впадающей в Енисей, живет некий народ, который еще не платит ясак русским. Этим рассказом воспользовались, и отряд служилых людей, проводником которых был сам Исек, без труда подчинил этот новый народ. [1]

§ 77. После этого служилые люди направились дальше и вскоре, хотя и по другому пути, дошли до реки Енисея, имея в виду обложить ясаком народы, которые до того были совершенно неизвестны. Имена этих народов служилые люди слышали от киргизов. Это были — маты, маторцы, туба или тубинцы, десары или есары; [2] все они жили тогда по ту сторону реки Енисея, где теперь стоит Абаканский острог. Они признавали своим государем монгольского хана Алтына, которому до тех пор, по их словам, платили дань. Они подчинились русским и уплатили ясак тем охотнее, что в связи с частыми посольствами к Алтыну хану, о чем будет говориться в своем месте, стали ходить слухи о желании его самого признать русскую власть. О матах в последующие годы ничего не упоминается. Они, вероятно, были частью другого народа и, следовательно, носили другое название. Маторцы же живут и сейчас на реке Тубе или, как татары ее называют, Упсе. Тубинцы и есары или десары также достаточно известны, и об их союзе с киргизами представится еще не раз случай говорить. К ним надо добавить еще алтырцев—некоторый татарский род, который позже считался одним народом с киргизами.

§ 78. Если бы киргизы не были таким беспокойным и вероломным народом, то возможно, что господство над вновь открытыми народами продолжалось бы дольше. Прошел только один год, и эти новые владения русских были потеряны вследствии измены киргизов. Некоторые из этих народов сами присоединились к киргизам, а к другим русские не могли попасть, потому что путь к ним был прегражден теми же киргизами. Восстание киргизов началось уже в 1609 г., [3] когда к ним был отправлен отряд служилых людей за обычным ясаком. Один только князец Номча собрал ясак и послал его в Томск со своей женой, уверяя, что остальную часть привезет сам. Другие же киргизские князцы, как Кочебай, Ноян и Кошкай, не хотели слышать об уплате ясака. Они избили плетьми посланных к ним служилых людей и так плохо их кормили, что те почти умерли с голоду. Жена Номчи рассказывала в Томске, что Кочебай и его товарищи — известные бунтовщики, которые не хотели слушать ее мужа. Позже стало известно, что киргизы напали на чулымских татар и отняли у них все, что нашли.

---

[1] Прилож. № 68.

[2] Прилож. №№ 63—65.

[3] Прилож. № 69.

§ 79. Для того, чтобы приостановить дальнейшее движение киргизов, из Томска отправили 300 человек служилых людей и татар, которые выступили оттуда 25 июня, а 4 июля уже вернулись, понеся некоторые потери. Они сообщили, что встретили киргизов у реки Енисея, произвели на них в первую же ночь нападение и обратили их в бегство, причем большинство киргизов, оставив жен, детей и все имущество, бежали на ту сторону Енисея. Когда же служилые люди с добычей ехали обратно, на них совершенно неожиданно напало великое множество киргизов, и они принуждены были бежать, причем около 20 человек во время бегства были убиты и опасно ранены киргизами, а вся взятая добыча и пленники отобраны. Место встречи служилых людей с киргизами у реки Енисея указано, конечно, ошибочно, да и все это дело представляется сомнительным; зная огромные пространства тех мест, трудно поверить, чтобы томские служилые люди в такое короткое время могли пройти столь далекий путь.

§ 80. Неудача с покорением киргизов зависела от недостатка в Томске и других сибирских городах служилых людей, который не мог быть пополнен присылкой из Москвы из-за смутных обстоятельств, переживавшихся в ту пору Русским государством. Упрямство непокорных киргизов возрастало благодаря тому, что их дерзость оставалась безнаказанной. Они судили о могуществе русских по тем мерам, которые к ним применялись, и покорились бы русским окончательно, если бы с самого начала видели с их стороны больше настойчивости и строгости. Правда, в дальнейшем эта ошибка в обращении с киргизами была исправлена, но русские спохватились слишком поздно, так как киргизы получили к тому времени сильную поддержку со стороны монголов и калмыков.

§ 81. Вскоре после того [1] князец Номча изменил русским, так как сын его Ишей в 1611 г. воевал Ачинскую волость на Чулыме и увел с собой много пленных. Оставшиеся в этой волости просили в Томске защиты, которая была им обещана, но оказать ее было невозможно. Затем в 1614 г. произошло общее восстание киргизов, и сам город Томск подвергался их нападению. *

§ 82 Киргизы на этот раз поставили Томск и его жителей в очень опасное положение. Не только все ясачные люди, но и служилые татары перешли на сторону киргизов. Восставшие соединенными силами 8 июня неожиданно произвели нападение в то время, когда почти все работали в поле. Самой большой опасности подвергались при этом те,которые находились вне города.

[1] Прилож. № 77.

* *В тексте 1750 г. далее следовало*:

Я хотя на сие не имею никаких архивных свидетельств, кроме челобитен томских казаков (*прилож. № № 92 и 85*), в которых они оказанную при защищении города свою службу изъявляют, однакож по нужде и такие доказательства могут быть надежными, понеже не уповательно, чтоб казаки о таком деле, которое еще в твердой памяти было, ложные обстоятельства вымыслить дерзнули. Чего ради приобщаются здесь две такие челобитные; любопытные до старинных обычаев своего отечества, между прочим, найдут в них разные известия, которые их увеселить могут.

Тогда было убито очень много людей. Хлеб на поле был сожжен или потоптан, и весь скот, принадлежавший русским, достался неприятелю. Но нет сведений о том, было ли предпринято тогда что-либо против самого города. Известно, однако, что жители сделали смелую вылазку из города, рассеяли врагов и обратили их в бегство, причем был убит киргизский князец Наян. Благодаря их храбрости весь уезд был освобожден от этого разбойничьего народа.

§ 83. Вероятно, следствием этого было, что в 1615 г. из Томска дважды посылали к киргизам; эти посылки прошли не только спокойно, но даже привели к тому, что киргизский князец Исек приехал в Томск и принял русское подданство, вместе с тем и другие киргизские князья шертовали и в знак своей покорности доставили ясак. [1] Под именем киргизского князца Исека здесь, вероятно, разумеется тот князец с реки Чулыма, который упомянут в § 76, потому что в это же время лаской и уговорами удалось опять привести к подчинению чулымских татар. Но так как непостоянство и измена были свойственны киргизам, то русские уже в 1616 г. были вынуждены поступить с ними со всей строгостью. В поход против них служилые люди отправились 30 сентября и только тогда могли заставить киргизов подчиниться, когда взяли приступом три их городка, находившихся в них людей порубили, жен и детей побрали в плен, а от оставшихся в живых взяли аманатов. После этого киргизы перестали сопротивляться, снова принесли шерть в верности и уплатили ясак, с которым казаки благополучно вернулись в Томск.

* § 84. В следующем 1617 г. [2] томские служилые люди доходили вторично до реки Енисея, хотя и не в том месте, где они нашли и обложили ясаком тубинцев и модоров; [3] при этом упоминается какая-то Буклинская волость, которую служилые люди тогда вновь открыли, где князцом был некто Базаяк. Возможно, что они попали туда через волость на реке Кеми, покорение которой было описано выше, [4] в таком случае буклинцы должны были жить в той местности, где потом был построен город Енисейск, или немного выше. Но как бы то ни было, нельзя требовать, чтобы все старые, уже исчезнувшие, названия были истолкованы ясно и обстоятельно. Достаточно того, что какая-то волость при реке Енисее уже тогда платила ясак в Томск.

ИЗ ПОСЛЕСЛОВИЯ К НЕМЕЦКОМУ ТЕКСТУ «ИСТОРИИ СИБИРИ», НАПЕЧАТАННОМУ В «SAMMLUNG RUSSISCHER GESCHICHTE» VI (1761) (стр. 564—566)

Если вспомнить те обстоятельства, которым обязана своим существованием «История Сибири», из которой пять глав здесь отпечатаны, то из моего «Известия о морских путешествиях» [1] уже известно, какие намерения были связаны со второй Камчатской экспедицией. Они заключались не только в открытиях на море, но также и в более близком ознакомлении с обширным Сибирским царством во всех отношениях, которые примечательны для той или иной страны. Но так как это не могло быть делом одного человека, то по высочайшему повелению и по указу Правительствующего сената работа была распределена между тремя членами Академии Наук таким образом, что один из них вел астрономические и физические наблюдения, другой должен был исследовать три царства природы, а третий заниматься гражданской историей и описанием Сибири. Последнее выпало на мою долю, и я во время путешествия, которое для меня продолжалось с 8 августа 1733 г. до 14 февраля 1743 г., не упустил ничего, что могло привести к выполнению моей задачи. Благоприятным обстоятельством для «Истории Сибири» было то, что я имел разрешение пересмотреть архивы всех сибирских городов и снять копии с тех архивных документов, которые могли служить для моих целей. Так составилось около сорока томов копий, которые хранятся в Академии Наук.

В 1750 г. вышел первый том «Истории Сибири» на русском языке. Он содержит те пять глав, которые приведены здесь. Но в русском издании напечатаны также русские документы, которые было бы излишним повторять для немецкого читателя. Если эту «Историю» кто-либо вздумает упрекать за то, что она слишком пространна и часто касается мелочей, польза которых не очевидна, то ведь это является общим недостатком многих подобных историй отдельных местностей и городов. Для русского же, в особенности для сибиряка, не легко установить, что будет лишним в моем рассказе. Для таких-то читателей эта книга, собственно говоря, и написана. В извлечении из этой истории, которое несколько лет тому назад предполагали сделать, кое что, не имевшее особого значения, могло быть опущено, а вместе с тем оно могло бы принести пользу в отношении описания страны, последующей истории ее, ее экономики и ее обычаев.

---

[1] Samml. Russ. Gesch., III, S. 140.

Поэтому я нашел нужным оставить этот труд в том виде, как я написал его первоначально, и в дальнейшем буду продолжать его в таком же направлении. Так как задача «Sammlung Russischer Geschichte» не столько обработка материалов, сколько изображение общего хода русской истории, и рассчитан этот сборник на интересы различного рода читателей, то продолжение этой «Истории» будет чередоваться с другими исследованиями.

Список трудов иностранных авторов, на которые ссылается Г. Ф. Миллер в первом томе «Истории Сибири»

1. van der Aa. Recueil des voyages en Tartarie. Leyde, 1729, 4°.
2. Abulgasi Bahadur Chan. Histoire généalogique des Tatars, traduite du manuscrit tatare et enrichi d'un grand nombre de remarques authentiques et très curieuses sur le véritable estat présent de l'Asie septentrionale. Avec cartes géographiques. Par D ***. Leyde, 1726, 12°.
3. (Boxhorn-Zuerius). Respublica Moscoviae et urbes. Lugduni Batavorum, 1630, 24°.
4. Chardin, J. Journal du voyage en Perse et aux Indes Orientales par la Mer Noire et par la Colchide, vol. I, Amsterdam, 1735.
5. Du Halde, Jean Baptiste. Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de la Chine et de la Tartarie chinoise, 4 vols, Hague, 1736.
6. Gaubil, A. L. Histoire de Gentchiscan et de toute la dynastie des Mongoux. Paris, 1739, 4°.
7. Die Lohmeierischen Geschlechts-Tafeln verbessert von J. Gebhardi, 3. Theil.
8. Gmelin, I. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743, 4 Theile, Göttingen, 1751—1752.
9. Guagnini, Alex. Sarmatiae Europeae descriptio. (Cracoviae, 1587), fol.
10. Gundling, Jac. Paul. Bestand des Russischen Kaysertitels. Riga, 1724, 4°.
11. Haitho. Historia Orientalis. Berlin, 1671, 4°.
12. Hakluyt, Rich. The principal navigations, vol. 1—3, London, 1600, f°.
13. Herbelot, B. Bibliothèque orientale, ou Dictionnaire universel, contenant généralement tout ce qui regarde la connaissance des peuples de l'Orient. Paris, 1697, f°.
14. Herberstain, Sigism. Rerum Moscovitarum commentarii. Viennae, 1549.
15. Isbrand Ides. Reisebeschreibung zu Lande nach China in d. Jahren 1693—1695, в приложении к книге: Chr. Mentzel, Chinesische Chronologia. Berlin, 1696.
16. Martini, Martin. Atlas sinensis, Amsterdam, 1655, f°.
17. Mosheim, J. Historia Tartarorum ecclesiastica, 1741, 4°.
18. Müller, A. Commentatio alphabetica de Sinarum magnaeque Tartariae rebus (Berlin, s. a.).
19. Müller, Joh. B. Das Leben u. die Gewohnheiten der Ostiaken, в приложении к труду Fr.-Chr. Weber'a, Das veränderte Russland.
20. Observations mathématiques, astronomiques, géographiques, chronologiques et physiques, tirées des anciens livres chinois ou faites nouvellement aux Indes et à la Chine. Par les Pères de la Compagnie de Jésus. Redigées et publiées par P. E. Souciet de la même Compagnie, 2 vols, Paris, 1729—1732, 4°.
21. Petis de la Croix, F. L. Histoire du Grand Genghiz Can, premier empereur des Mogols et Tartares, 1710, 12°.
22. Petreius, Petr. Historien u. Bericht von dem Grossfürstenthum Muschkow. Lipsiae, 1620, 4°.
23. Recueil de voyages au Nord, t. VIII, Amsterdam 1715 (описание путешествия Избранда Идеса на франц. яз.)
24. Recueil des voyages de la Compagnie des Indes Orientales, t. I.
Respublica Moscoviae... см. Boxhorn-Zuerius.
25. Schoetgen, Chr. De Tobolensium originibus. Dresdae, 1729, 4°.

26. Der allerneueste Staat von Siberien. Nürnberg, 1720, 8°. То же 1725.
27. Strahlenberg. Phil. Joh. v. Vorbericht eines zum Druck verfertigten Wercke von der grossen Tartarey und dem Königreiche Siberien. Stockholm, 1726, 4°.
28. Strahlenberg, Phil. Joh. Das nord- u. östliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze russische Reich mit Siberien und der grossen Tartarey in sich begreiffet. Stockholm, 1730, 4°.
29. Weber, Fr. Chr. Das veränderte Russland. I. Th. Franckfurt-Leipzig, 1744.
30. Witsen, Nic. Noord en Oost Tartarye... изд. 1-е, Amsterdam 1692, изд. 2-е, 1705.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список сокращений

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею.
ГАФКЭ — Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (Москва).
ЛОЦИА — Ленинградское отделение Центрального исторического архива.
РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею.
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел.

1. *1556—57 г. — Грамота царя Ивана Васильевича в Югорскую («Юсерскую») землю князю Певгею и всем князьям Сорыкидским о сборе дани и о доставке ее в Москву.* [1]

Божиею милостию от царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, Владимирскаго и Новгородскаго, Казанскаго, Тверскаго, Смоленскаго, Астраханскаго, Пермскаго и иных, в нашу вотчину во Юсерскую землю Заказамского, в Сорскорду, князю Певгею и всем князем Сорыкидцкие земли и лучшим людем и середним и молодшим [а] ирмомским людем Сорыкитцкие земли. Послал есми к вам по свою дань Ивашка Васильева сына Иконникова, да Нечайка Иванова сына Вычегжанина,[б] да Офоньку Федорова сына Гогунина да Васку Лаптева. И как к вам в Оркорду посыльщики по нашу дань приедут, и ты князь Певгей и все князи Сорыкитцкие земли[в] [и] лучшие люди и середние и молодшые собрали б[г] есте нашу дань с своей Сорыкитцкие земли всю сполна со всякого человека по соболю. А собрав бы есте нашу дань, да с тою б есте данью князь Певгей был к нам к Москве, или б есте прислали[д] к Москве с нашею данью брата своего или племянника да земских людей человека 2 или 3 лучших людей. А мы вас ради жаловать и от сторон беретчи [и] под своею рукою держать. А не зберете вы нашее дани со всякого человека по соболю и к нам на Москву не пришлете, и мне на вас послать рать своя и вострая сабля. А Устюжским и Вычегоцкие соли выборным судьям [е] тех наших данщиков с нашие царские службы с пути кто своротит или чем изобидит, и тому от меня царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии быть в опале и в продаже.[ж] А провожать наших данщиков Югорским князем и югричем людем добрым от городка до городка и от людей до людей и беретчи наших данщиков во всем по ряду, как преж сего. А приехать вам Сорыкитцким князем и вашим людем к нам на Москву и от нас отъехать вам добровольно без всякие зацепки. А ся вам

[1] *См. примечание к § 11 гл. 2.*

наша грамота жалованная и опасная.[з] Писана на Москве лета 7065-го году.

У подлинные великого государя грамоты печать на шелковом мутовозе серебренная, вызолочена; а на печате великого государя Ивана Васильевича в лице орел двоеглавной с коруны, а позади той печати чеканено: великий царь и великий князь Иван Васильевич.

ГАФКЭ, портф. Миллера № 127. тетр. 11. Список XVII в. Напеч. в СГГД, т. II, стр. 51, № 40.

[а] *В списке:* молодым.
[б] *В списке:* Вычегжина.
[в] *В списке:* и всем князем Сорыкатцкие земли.
[г] *В списке:* собрались.
[д] *В списке:* прислать.
[е] *В списке далее следует* на.
[ж] *В списке:* проторжи.
[з] *В списке:* описпая.

2. *1558 г. апреля 4. — Жалованная грамота царя Ивана Васильевича Григорию Строганову о финансовых, судебных и торговых льготах на пустые места по реке Каме.* [1]

Се яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пожаловал есми Григорья Аникиева сына Строганова, что мне бил челом а сказывал, что де в нашей вотчине ниже Великие Пермй за 80-т за 8 верст, по Каме реке, по правую сторону Камы реки, с усть Лысвы речки, а по левую деи сторону реки Камы против Пызновские курьи, по обе стороны по Каме до Чюсовые реки места пустые, лесы черные, речки и озера дикие, острова и наводоки пустые, а всего деи того пустого места 146 верст. И преж деи сего на том месте пашни не пахиваны и дворы деи не ставивали, и в мою деи цареву и великого князя казну с того места пошлина никакая не бывала, и ныне не отданы никому, и в писцовых де книгах и в купчих и в правежных то место не написано ни у кого. И Григорей Строганов бил нам челом, а хочет на том месте городок поставити, и на городе пушки и пищали учинити, и пушкарей и пищальников и воротников устроити для береженья от нагайских людей и от иных орд, и около того места лес по речкам и до вершин и по озерам сечи, и пашню росчистя пахати, и дворы ставити, и людей называти неписьменных и нетяглых, и росолу искати, а где найдетца росол, и варницы ставити и соль варити. И мне бы Григорья Строганова пожаловати, велети б ему на том месте городок поставити собою, и на городе пушки и пищали учинити, и пушкарей и пищальников и воротников устроити собою для береженья от нагайских людей и от иных орд, и около б того места лес по речкам и до вершин и по озерам велети сечи, и пашни росчистя велети пахати, и дворы ставити, и людей велети называти, и в том бы месте велети росолу искати, а где найдетца, и соль бы ему тут велети варити. И здеся на Москве казначеи наши про то место спрашивали пермитина Кодаула, а приеж-

[1] *О грамотах Строгановым см. примечание к § 9 гл. 2.*

жал из Перми ото всех пермич з данью, и казначеем нашим пермитин Кодаул сказал: о котором месте нам Григорей бьет челом, и те деи места искони вечно лежат впусте и доходу в нашу казну с них нет никоторого, и у пермич деи в тех местех нет ухожаев никоторых. И ож будет так, как нам Григорей бьет челом и пермяк Кодаул сказывал, и с тех будет с пустых мест преж сего наших даней не шло, и ныне с них дани никоторые не идут, и с пермичи не тянут ни в какие подати, и в Казань ясаков не дают и преж того не давывали, и пермичем и проезжим людем никоторые спопы не будет, и яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии Григорья Аникеева сына Строганова пожаловал, велел есми ему на том пустом месте ниже Великие Перми за 80-т за 8 верст по Каме реке, по правую сторону Камы реки, с усть-Лысвы речки, а по левую сторону Камы реки против Пызновские курьи, вниз по обе стороны по Каме до Чюсовые реки, на черных лесех городок поставити, где бы место было крепко и устоpожли́во, и на городе пушки и пищали учинити, и пушкарей и пищальников и воротников велел есми ему устроити собою для береженья от нагайских людей и от иных орд, и около того городка ему по речкам и по озерам и до вершин лес сечи, и пашни около того городка роспахивати, и дворы ставити, и людей ему в тот городок неписьменных и нетяглых называти. А ис Перми ни из ыных городов нашего государства Григорию тяглых людей и письменных к себе не называти и не приимати, а воров ему и боярских людей беглых с животом и татей и розбойников не примати ж. А приедет кто к Григорью из ыных городов нашего государства или из волостей тяглые люди с женами и з детьми, и станут о тех тяглых людех присылати наместники или волостели или выборные головы,и Григорью тех людей тяглых з женами и з детьми от себя отсылати опять в те ж городы, ис которого города о которых людех отпишут имянно, и у себя ему тех людей не держати и не приимати их. А которые люди хто приедет в тот город нашего государства или иных земель люди з деньгами или с товаром, соли или рыбы купити или иного товару, и тем людем вольно туто товары свои продавати, и у них покупати безо всяких пошлин. А которые люди пойдут ис Перми жити,и тех людей Григорью имати с отказом неписьменных и нетяглых. А где в том месте росол найдут, и ему тут варницы ставити и соль варити. И по рекам и по озерам в тех местех рыба ловити безоброчно. А где будет найдут руду серебряную, или медяную или оловянную, и Григорью тотчас о тех рудах отписывати к нашим казначеем, а самому ему тех руд не делати без нашего ведома. А в Пермские ему ухожеи и в рыбные ловли не входити. А льготы есми ему дал на 20-ть лет от благовещеньева дни лета 7066-го до благовешеньева дни лета 7086-го. И хто к нему людей в город, и на посад, и около города на пашни, и на деревни, и на починки придут жити неписьменных и нетяглых людей, и Григорью с тех людей в те льготные 20-ть лет не надобе моя царева и великого князя дань, ни ямские, ни ямчюжные деньги, ни посошная служба, ни городовое дело,ни иные никоторые подати, ни оброк с соли и с рыбных ловель в тех местех. А которые люди едут мимо тот городок нашего государства или иных земель с товары

или без товару, и с тех людей пошлины не имати никоторые, торгуют ли они тут, не торгуют ли. А повезет он или пошлет ту соль или рыбу по иным городом, и ему с той соли и с рыбы всякие пошлины давати, как и с иных с торговых людей наши пошлины емлют. А хто у него учнет в том его городке людей жити пашенных и непашенных, и нашим Пермьским наместником и их тиуном Григорья Строганова и что его городка людей и деревеньских не судити ни в чем, и праведчиком и доводчиком и их людем к Григорью Строганову и к его городка и к деревеньским людем не въезжати ни по что, и на поруки их не дают и не всылают к ним ни по что; а ведает и судит Григорей своих слобожан сам во всем. А кому будет иных городов людем до Григорья какое дело, и тем людем на Григорья здесь имати управные грамоты, а по тем управным грамотам обоим, ищеям и ответчиком, безприставно ставитца на Москве перед нашими казначеи на тот же срок на благовещеньев день. А как те урочные лета отойдут, и Григорью Строганову наши все подати велети возити на Москву в нашу казну на тот же срок на благовещеньев день, чем их наши писцы обложат. Также есми Григорья Аникеева сына Строганова пожаловал: коли наши послы поедут с Москвы в Сибирь или из Сибири к Москве, или ис Казани наши посланники поидут в Пермь или ис Перми в Казань мимо тот его городок, и Григорью и его слобожаном нашим Сибирским послом и всяким нашим посланником в те его льготные 20-ть лет подвод и проводников и корму не давати; а хлеб и соль и всякой запас торговым людем в городе держати, и послом и гонцом и проезжим людем и дорожным продавати по цене, как меж собя купят и продают; и подводы, и суды, и гребцы, и кормщики наимают полюбовно всякие люди проезжие, кому надобе, и хто у них дешевле похочетца наняти. Также есми Григорья Аникеева сына Строганова пожаловал: с пермичи никоторые тягли не тянути и счету с ними не держати ни в чем до тех урочных лет. И во всякие угодья пермичам, и в земляные и в лесные, от Лысвы речки по Каме по речкам и по озером и до вершин до Чюсовые реки у Григорья не вступатися ни в которые угодья в новые. А владеют пермичи старыми ухожеи, которыми истари владели, а Григорей владеет своими новыми ухожеи, с которых ухожаев и со всяких угодей в нашу казну никоторых пошлин не шло, и в Казань ясаков нашим бояром и воеводам в нашу казну не плачивали и преж того в Казань не давывали. А что будет нам Григорей по своей челобитной ложно бил челом, или станет не по сей грамоте ходити или учнет воровати, и ся моя грамота не в грамоту. Дана грамота на Москве лета 7066-го апреля 4 дня.

Подлинник утерян. Печатается по списку, находящемуся в тексте жалованной грамоты 1564 г. января 2, хранящейся в ЛОЦИА, в кабинете вспомогательных исторических наук; в списке оборотная сторона грамоты 1558 г. описана так: «назади припись большая дьяка Петра Данилова; в другом месте: приказали окольничеи Федор Иванович Умного да Олексей Федорович Адашев, да казначеи Федор Иванович Сукин да Хозяин Юрьевич Тютин; припись дьяка Третьяка Карачарова».

Напеч. в «Дополн.к Акт. ист.», т. I, стр. 168—170, «Пермской старине» А. Дмитриева, в. IV, (Пермь 1892), стр. 106—109, и в «Пермской летописи» Шишонко, т. I, стр. 51—53.

3. *1568 г. марта 25. — Жалованная грамота царя Ивана Васильевича Якову Строганову о финансовых, судебных и торговых льготах на соленой промысел по реке Чусовой.*

Се аз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пожаловал есми Якова Аникеева сына Строганова, что он нам бил челом а сказывал, что деи они в нашей вотчине в тех же местех, которые места дали есми им на льготу, да и грамоту жаловальную брату ево Григорью дали, от Лысвы речки до Чюсовые реки, по обе стороны Камы реки, места пустые, лесы черные, речки и озера дикие, а всего деи того пустого места по Каме па 100 на 40 на 6 верст. А по Чюсовой реке вверх на пустом месте при наволоке нашли росол, и они деи у того росолу без нашего ведома крепости учинити не смеют; а по другую деи сторону Чюсовые реки с устья и до вершины, и от Чюсовые реки вниз по реке по Каме до Ласвинскаго бору, по обе стороны Камы реки, островы и наволоки места пустые, лесы черные, и речки и озера дикие, а всего деи того пустого места на 20 верст, им не даны, и в нашей жаловальной грамоте у них те пустые места не написаны, и пашни на том месте не пахиваны, и дворы не стаивали, и в нашу деи цареву и великого князя казну с того места пошлина никакая не бывала и не отдано деи то место никому, и в писцовых деи книгах и в купчих и в правежных грамотах то место не написано ни у кого, и у пермичь деи в тех местех письменных в писцовых книгах ухожеев нет никоторых. И Яков хочет у того у соленого промыслу крепости поделати собою, городок и варницы поставити, и людей назвати неписьменных и нетяглых, и городовой наряд скорострельной, пушечки и затинные и ручные пищали, учинить, и пушкарей, и пищальников, и кузнецов, и плотников и воротников устроити, и сторожей держати собою ж, для приходу нагайских людей и иных орд. И нам бы Якова Аникиева сына Строганова пожаловати: на том пустом месте у соленого промыслу в Чюсовой реке, которое место им дано на льготу, от Лысвы речки вниз по реке по Каме до Чюсовые реки, а от устья реки Чюсовые по реке по Чюсовой вверх и по другую сторону Чюсовые реки с устья и до вершины, и от Чюсовые реки вниз по реке по Каме до Ласвинскаго бору, по обе стороны Камы реки, крепости поделати собою, городок и варницы поставить, и людей называти неписьменных и нетяглых, и городовой наряд скорострельной, пушечки и затинные и ручные пищали, учинить, и пушкарей и пищальников, и кузнецов, и плотников и воротников устроити, и сторожей держати собою ж, для приходу нагайских людей и иных орд, и около того места лес по речкам и до вершин и по озерам сечи, и пашни пахати, и сена розчистя косити и всякими угодьи владети. И оже будет так, как нам Яков Аникеев сын Строганов бил челом, и аз царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Русии Якова Аникеева сына Строганова, по его чело-

битью, пожаловал, велел ему на том пустом месте на Чюсовой реке в тех же местех, которые места за ними в нашей в прежней жаловальной грамоте написаны, у соленого промыслу, где они ныне росол нашли, крепости поделати, и городок поставити, и городовой наряд скорострельной, пушечки и затинные пищали и ручные, учинити,и пушкарей, и пищальников, и кузнецов, и плотников и воротников устроити, и сторожи держати собою для бережения от нагайских людей и от иных орд, и около бы городка у соленого промыслу варницы и дворы ставити по обе стороны Чюсовые реке, по речкам и по озерам и до вершин, и от Чюсовые реки по обе стороны Камы реки вниз па 20 верст до Ласвинскаго бору, по речкам и по озерам и до вершин лес сечи, и пашни пахати, и пожни розчищати, и рыбными угодьи и иными всякими владети. и людей неписьменных и нетяглых называти, а нашей бы казне в том убытка не было. А из Перми и из иных городов нашего государьства Якову тяглых людей и письменных к себе не называти и не приимати, а воров ему и боярских людей беглых с животом, татей и разбойников не приимати ж. А приедет кто к Якову из иных городов нашего государства или из волостей тяглые люди с женами и детьми, и стапут о тех тяглых людех присылати наши наместники, или волостели или выборные головы, и Якову тех людей тяглых с женами и детьми от себе отсылати опять в те ж городы, из которого города о которых людех отпишут имянно, и у себя ему тех людей не держати и не приимати их. А которые люди кто придет в тот город нашего государства или из иных земель люди с деньгами или с товаром, соли или рыбы купити или иного товару, и тем людем вольно товары свои продавати, и у них покупати без всяких пошлин. А которые люди пойдут из Перми жити, и тех людей Якову имати с отказом неписьменных и нетяглых. А где в том месте росол найдут, и ему тут варницы ставить и соль варити. И по речкам и по озерам в тех местех рыбы ловити безоброчно. А где будет найдут руду серебряную, или медяную или оловянную, и Якову тотчас о тех рудах отписывати к нам; а самому ему тех руд не делати без нашего ведома. А в Пермьские ухожеи и в рыбные ловли Якову не входити, которые писаны у пермичь в писцовых книгах и в правежных грамотах. А льготы есьми ему дал на те новые места, о которых нам Яков бил челом, по другую сторону Чюсовые реки и от Чюсовые реки по Каме вниз на 20 верст по обе стороны Камы реки до Ласвинского бору, на 10 лет в ту ж льготу, чем их преж того пожаловал по Григорьеву челобитью от благовещениева дни лета 7076-го до благовещениева дни лета 7086-го. И кто к нему людей в городок, и на посад, и около города на пашни, на деревни и на починки придут жити неписьменных и нетяглых людей, и Якову с тех людей в те льготные 10 лет не надобе моя царя и великого князя дань, ни ямские, ни ямчюжные деньги, ни посошная служба, ни городовое дело, ни иные никоторые подати, ни оброк с соли и с рыбных ловель в тех местех. А которые люди едут мимо тот городок нашего государства или иных земель с товары или без товару, и с тех людей пошлины не имати никоторые. торгуют ли они тут, не торгуют ли. А повезет он или пошлет ту соль или рыбу по иным городам, и ему с той соли и с рыбы всякие пошлины давати, как и с

Рис. 14. Погребальный пир по Ермаке.
(Ремезовская летопись, ст. 112.)

ыных с торговых людей пошлины емлют. А хто у него учнет в том его городке людей жити пашенных и непашенных, и нашим Пермским наместником и их тиуном Якова Строганова и что его городка людей и деревеньских не судити ни в чем, и праведчиком и доводчиком и их людем к Якову Строганову [и] к его городка и к деревеньским людем не въезжати ни по что, и на поруки их не дают и не всылают к ним ни по что, а ведает и судит Яков своих слобожан сам во всем или кому прикажет. А кому будет иных городов людем до Якова какое дело, и тем людем на Якова здеся имати управные грамоты, а по тем управным грамотам обоим, ищеям и ответчиком, безприставно ставиться на Москве перед нами на тот же срок на благовещениев день. А как те урочные лета отойдут, и Якову Строганову наши все подати велети возити на Москву в нашу казну на тот же срок на благовещениев день, чем их наши писцы обложат. Также есми Якова Аникеева сына Строганова пожаловал: коли он, или его люди или его слободы крестьяне поедут от Вычегоцкие соли мимо Пермь на Каму в слободу или из слободы к Вычегоцкой соли, и наши Пермские наместники, и их тиуны, и доводчики и все приказные люди в Перми Якова и его людей и его слободы крестьян на поруки их не дают и не судят их ни в каких делех. Také есми Якова Аникеева сына Строганова пожаловал: коли наши послы поедут с Москвы в Сибирь или из Сибири к Москве, или из Казани наши посланники поедут в Пермь или из Перми в Казань мимо тот его городок, и Якову и его слобожаном нашим Сибирским послом и всяким нашим посланником в те его льготные 10 лет подвод и проводников и корму не давати; а хлеб и соль и всякой запас торговым людем в городе держата, и послом и гонцом и проезжим людем и дорожным продавати по цене, как меж себя купят и продают; и подводы, и суды, и гребцы и кормщики паймуют всякие люди проезжие, кому надобе, и кто у них дешевле похочется напяти. Також есми Якова Аникеева сына Строганова пожаловал: с пермичи ему никоторые тягли не тянуть и счету с ними не держати ни в чем до тех урочных лет. И во всякие угодья пермичам, в земляные и в лесные, от Чюсовые реки по обе стороны Камы реки до Ласвинского бору, по речкам, и по озерам и до вершин, у Якова не вступатись ни в которые угодья в новые, которых угодей у пермичь в писцовых книгах и в правежных грамотах не написано, а владеют пермичи старыми ухожеи, которыми изстари владели по писцовым книгам, а Яков владеет своими новыми ухожеи, с которых ухожеев и со всяких угодей в нашу казну пикоторых пошлин не шло, и в Казань ясаков нашим бояром и воеводам в нашу казну на плачивали. А что будет нам Яков по своей челобитной ложно бил челом, или станет не по сей грамоте ходити или учнет воровати, и ся моя грамота не в грамоту. Дана грамота на Москве лета 7076 -го марта в 25 день.

К подлинной грамоте была привешена красная печать.

На обороте подлинной грамоты было написано: Царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Русии. — Диак Дружина Володимеров.

Подлинник утерян. Перепечатано из «Дополн. к Акт. ист.», т. I стр. 172—175, № 119.

4. *1572 г. августа 6. — Грамота царя Ивана Васильевича в слободку на Каме Якову и Григорию Строгановым о посылке ратных людей для приведения к покорности черемисов и других народов, производивших грабежи по реке Каме.*

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в слободку на Каму Якову да Григорию Аникеевым детем Строганова. В нынешнем в 80-м году писал к нам с Перми воевода наш князь Иван Юрьевичь Булгаков с своим человеком с Ыванком з Борисовым о вестех про черемиской приход на торговых людей суды па Каме; да князь Иван же писал к нам, что писал к нему с устья человек ваш Третьячко июля в 15 день, что приходили де наши изменники черемиса на Каму, 40 человек, да с ними де остяки и башкикирцы и буинцы войной, и побили деи на Каме пермич торговых людей и ватащиков 87 человек. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б жили с великим береженьем. А выбрав у себя голову добра да с ним охочих казаков, сколько приберетца, со всяким оружьем, с рушницами и с саадаки, да и остяков и вогулич, которые нам прямят, с охочими казаки, которые от нас не отложились, велели прибрать, а женам их и детем велели быть в остроге. А как голову выберете, да и охочих людей стрельцов и казаков велели написати на список; а сколько остяков и вогуличь охочих людей зберетца, и вы б то велели ж писати на список же, по имяном; и разобрав их по статьям, хто с коим оружьем, и сколько тех охочих людей и остяков и вогулич всех на наших изменников в собранье будет, да оставя у собя противень, а с того имянного списка списав, прислали за своею печатью, с кем будет пригоже, к нам на Москву в приказ Казанского дворца к диаком нашим Ондрею Щелкалову да х Кирею Горину, чтоб нам про тот их збор было ведомо. Да те бы есте головы с охочими людьми, с стрельцы, и с казаки, и с остяки и с вогуличи, посылали войною ходити и воевать наших изменников, на черемису, и на остяков, и на вотяков, и на ногаи, которые нам изменили, от нас отложились. А которые наши изменники учнут приходити на слободцкие места войною, и те б охочие люди на тех черемиских людей приходили, чтобы им повоевати, а себя от них уберегати и от них отходить самим бережно и усторожливо. А однолично б им наших изменников черемису, и остяков, и вотяков и ногаи, которые нам изменили, от нас отложились, повоевати. А будет которые черемиса или остяки добрые, а похотят к своим товарыщем приказыватись, чтоб они, от воров отстав, нам прямили, а на их будет что станетца, и вы б тех не убивали и их берегли, и мы их пожалуем. А которые будут и поворовали, а ныне похотят нам прямить и правду свою покажют, и вы б им велели говорити и приказывати наше жаловальное слово, что мы их пожалуем, пени им отдадим да и во всем им полегчим, а оне бы нам тем правду свою показали, чтоб, своими головами собрався, с охочими ходили вместе воевати наших изменников, и их воевали, и в войне их побивали, а которого повоюют, и тому тово живот, а жены их и дети им в работу. А которая черемиса учнут нам прямить, а обратятся к нам истинною, и наших изменников повоюют, и изменничьи жены поемлют и лошади, и коровы

и платье и иной какой всякой живот, и вы б у них того полонского живота одноличпо отъимати не велели никому. Писан на Москве лета 7080-го августа в 6 день.

На обороте: Царь и великий князь всеа Русии. — Диак Кирей-Горин.

К грамоте на обороте приложена черная восковая печать.

ГАФКЭ, фонд Строгановых, № 6.

Напеч. в «Дополн. к Акт. ист.», т. I, стр. 175—176, № 120.

5. *1574 г. мая 30. — Жалованная грамота царя Ивана Васильевича Якову и Григорию Строгановым об освобождении на 20 лет от разных податей и повинностей их земель и людей на Тахчеях и на Тоболе.*

Се яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пожаловал есми Якова да Григорья Аникиевых детей Строганова: били нам челом, что в нашей отчине за Югорским каменем, в Сибирской украине, меж Сибири и Нагаи, Тахчеи и Тобол река с реками и с озеры, и до вершин, где збираютца ратные люди Сибирскова салтана да ходят ратью. А в 81-м году о Ильине дни с Тобола де приходил Сибирского салтана брат Маметкул, собрався с ратью, дорог проведывати, куде итти ратью в Пермь, да многих де наших данных остяков побили, а жены их и дети в полон повели, а посланника нашего Третьяка Чебукова и служилых татар, кое шли в Казатцкую орду, Сибирской же побил; а до их де острогу, где за ними наше жалованье, промыслы их, Сибирской не доходил за 5-ть верст; а оне де Яков и Григорей из нашего жалованья из своего острога своих наемных казаков за Сибирскою ратью без нашего веленья послати не смеют. Да и преж де того Сибирской же салтан ратью наших данных остяков Чагиря с товарищи побил в тех же местех, где их Яковлев да Григорьев промысл. А иных данщиков наших Сибирской имает, а иных и убивает, а не велит нашим остяком, и вогуличам и югричам нашие дани в нашу казну давати; да и на рать с собою емлет насильством в судех воевати югрич тех же остяков и вогулич; а к нашим де изменником к черемисе, как нам была черемиса изменила, посылал Сибирской через Тахчеи и перевел Тахчеи к себе; а и преж де сего Тахчеевы нам дани и в Казань ясаков не давали, а давали де ясак в Нагаи; а которые остяки живут круг Тахчеи, и те остяки приказывают, штоб им наша дань давати, как иные наши остяки дань дают, а Сибирскому б дани и ясаков не давати и от Сибирсково б ся им боронити за одно. И нам бы Якова да Григорья пожаловати: на Тахчее и на Тоболе реке, и кои в Тобол реку озера падут, и до вершин, на усторожливом месте ослободити крепости делати, и сторожей наймовати, и вогняной наряд держати собою, и железо делати, и пашни пахати и угодьи владети; а кои остяки от Сибирсково отступят и нам дань давати учнут, и тех бы остяков от Сибирскова оборонити. И ож будет так, как нам Яков да Григорей били челом, и яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии Якова да Григорья Оникиевых детей Строганова, по их челобитью, пожаловал: на Тахчеях и на Тоболе реке кре-

пости им поделати, и снаряд вогняной, и пушкарей, и пищальников и сторожей от сибирских и от нагайских людей держати, и около крепостей у железного промысла, и у рыбных ловель и у пашен по обе стороны Тоболы реки и по рекам и по озером и до вершин дворы ставити, и лес сечи, и пашня пахати и угодьи владети, А людей называти неписьмяных и нетяглых; а воров им и боярских людей беглых з животы и татей и розбойников не называти, и ото всякого лиха беречи. А где в тех местех найдут руду железную, и им руда делати; а медяную руду, или оловяную, и свинчатую и серы горючие где найдут, и те руды на изпыт делати; а хто похочет и иных людей то дело делати, и им делати ослобожати, да и во оброки их приводити, как бы нашей казне была прибыль; а которые люди и за тот промысл имутца, и тем бы не чего было делати; да о том писати к нам, как которое дело учнетца делати, и во што которые руды в деле пуд учнетца ставити, и о оброкех, как которым людем в оброкех быти, и мы о том указ учиним. А льготы на Тахчеи и на Тобол реку с реками и с озеры и до вершин на пашни дали есмя от троицына дни лета 7082-го до троицына дни лета 7102-го на 20-ть лет. И хто в те крепости к Якову и к Григорью жити придут, и деревни и починки учнут ставити, и пашню роспахивати неписьмяные и нетяглые люди, и в те льготные лета с тех мест не надобе моя царя и великого князя дань, ни ямские, ни емчюжные деньги, и посошная служба, ни городовое дело, ни иные никоторые подати, ни оброк сь их промыслов и угодей в тех местех до урочных лет. А где будет в тех местех старые села, и деревни, и починки и в них жильцы, и Якову и Григорью в те места не вступатися, а быти тем по старому в тягле и во всяких наших податех. А товары, которые Яков и Григорей и те люди, которые на новые места придут жити, повезут или пошлют куда по иным городом, и им пошлина давати, как и с ыных торговых людей по нашим указом. А кои остяки, и вогуличи, и югричи от Сибирского отстанут, а почнут нам дань давати, и тех людей з данью посылати к нашей казне самих; а не поедут кои сами з данью, и Якову да Григорью, выбрав из жильцов, кому мочно верити, хто почнет на новых местех жити, да и тех жильцов с нашею данью к нашей казне присылати, да отдавати в нашу казну. А тех данных остяков, и вогулич, и югрич и жены их и дети от сибирцов от ратных приходу беречи Якову да Григорью у своих крепостей. А на Сибирского Якову и Григорью, збирая охочих людей и остяков, и вогулич, и югрич и самоедь, с своими наемными казаки и с нарядом своим посылати воевати, и в полон сибирцов имати и в дань за нас приводити. Также есми Якова да Григорья пожаловал: почнут к ним в те новые места приходити торговые люди бухарцы и Казацкие орды и из ыных земель с лошадьми и со всякими товары, а к Москве которые не ходят, и им у них торговати всякими товары вольно безпошлинно. А хто у них учнет в тех крепостех людей жити пашенных и непашенных, и наши Пермские наместники и их тиуны Якова да Григорья и их слободы людей не судят ни в чем, и праведчики и доводчики и их люди кь Якову да к Григорью и кь их слободцким людям не вьезжают ни по что, и на поруки их не дают и не всылают к ним ни по что; а ведают

и судят Яков да Григорей своих слобожан сами во всем или кому прикажют. А кому будет иных городов людем до Якова и Григорья какое дело, и тем людем на Якова да на Григорья имати управные грамоты у бояр и у дьяков наших, а по тем управным грамотам обоим, ищеям и ответчиком, безприставно ставитца на Москве перед нами на тот же срок на троицын день. А как урочные лета отойдут, и Якову да Григорью наши все подати велети возити на Москву в нашу казну на срок на троицын день по книгам, чем их наши писцы обложат. Такъже есмя Якова да Григорья Оникиевых детей Строганова пожаловал: коли они или их люди или их слободы крестьяне поедут от Вычегодцкие соли мимо Пермь на Тахчеи в слободу или из слободы к Вычегодцкой соли, и наши Пермские наместники и их тиуны и довотчики и все приказные люди в Перме Якова и Григорья и их людей и их слободы крестьян на поруки не дают и не судят их ни в каких делех. Также есмя Якова да Григорья пожадовали: коли наши послы или посланники поедут с Москвы в Сибирь или в Казацкую орду или из Сибири и из Казатцкие орды к Москве мимо ту их крепость, и Якову да Григорью и их слобожаном нашим Сибирским и Казатцким послом и всяким нашим посланником в те их льготные 20-ть лет подвод и проводников и корму не давати; а хлеб и соль и всякой запас послом и гонцом и проезжим людем и дорожным покупать по цене, как там меж собя купят и продают; а проезжие люди всякие подводы и суды и гребцы и кормщики наймуют по тамошнему обычаю, как пригоже. Также есми Якова и Григорья пожаловал: на Иртыше и на Обе и на иных реках, где пригодитца для береженья и охочим на опочив, крепости делати и сторожей с вогняным нарядом держати. И из крепости рыба и зверь ловити безоброчно до тех же урочных лет. Дана грамота в Слободе лета 7082-го маия в 30 день.

Государственная малая печать красного воска, прикрепленная на красном шелковом шнурке к лицевой стороне грамоты и сохранившаяся не в целом виде.

На обороте: Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии. [1]

ЛОЦИА, Кабинет вспомогательных исторических наук, по описи Устрялова № 8. Один лист.

6. *1581 г. ноября 6.—Грамота царя Ивана Васильевича Никите Строганову о посылке им против пелымского князя и вогулов своих людей, в помощь Семену и Максиму Строгановым.*

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии Никите Григорьеву Строганову. Били нам челом Семен да Максим Строгановы а сказали: приходил деи войною Пелымской князь с вогуличи на их слободы, и деревни многие выжгли, и крестьян в полон емлют; и ныне деи Пелымской князь с вогуличи стоит около Чюсовского острогу; и нам бы их пожаловати, велети им дати ратных людей с Перми с Великие; а ты деи с ними против вогулич не стоишь и людей на помощь не даешь. И как к тебе ся наша гра-

[1] *Подписи дьяка Петра Григорьева, как отмечено в прежних изданиях этой грамоты, на оборотной стороне нет.*

мота придет, и ты б с Семеновыми и с Максимовыми людьми на вогуличи посылал людей своих, сколько пригоже, и стояли б твои люди с Семеновыми и с Максимовыми людьми за один и себя оберегали сопча. А с Перми земским старостам людей, в помочь собрав, посылати велели ж есьмя, смотря по людем, сколько коли вогулич воинских людей придет, и велели им стояти с Семеновыми и с Максимовыми людьми против Пелымского князя сопча за один. А ты б таково ж велел своим людем с пермскими людьми и с Семеновыми и Максимовыми вместе стояти против Пелымского князя, и воевать им не давали, чтоб вам всем от войны уберечись. Писан на Москве лета 7090-го ноября в 6 день.

На обороте: Царь и великий князь всеа Русии.

К грамоте на обороте приложена черная восковая печать.

ГАФКЭ, фонд Строгановых, № 10.

Напеч. в «Дополн. к Акт. ист.», т. I, стр. 183, № 126, II.

7. 1582 г. ноября 16.—Грамота царя Ивана Васильевича на Чусовую Максиму и Никите Строгановым о посылке в Чердынь волжских казаков Ермака Тимофеева с товарищами.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Чюсовую Максиму Яковлеву сыну да Миките Григорьеву сыну Строгановым, Писал к нам ис Перми Василей Пелепелицын, что послали вы из острогов своих волжьских атаманов и казаков Ермака с товарыщи воевати вотяки и вогуличи и Пелынские и Сибирские места сентября в 1 день, а в тот же день собрався Пелынской князь с сибирскими людьми и с вогуличи, приходил войною на наши Пермьские места, и к городу к Чердыни к острогу приступал, и наших людей побили, и многие убытки нашим людем починили. И то зделалось вашею изменою: вы вогуличь и вотяков и пелынцов от нашего жалованья отвели, и их задирали и войною на них приходили, да тем задором с Сибирским салтаном ссорили нас, а волжских атаманов, к себе призвав, воров, наняли в свои остроги без нашего указу. А те атаманы и казаки преж того ссорили нас с Нагайскою ордою, послов нагайских на Волге на перевозех побивали, и ордобазарцов грабили и побивали, и нашим людем многие грабежи и убытки чинили; и им было вины свои покрыти тем, что было нашу Пермскую землю оберегать, и они зделали с вами вместе по тому ж, как на Волге чинили и воровали: в которой день к Перми к Чердыни приходили вогуличи сентября в 1 день, а в тот же день от тебя из острогов Ермак с товарыщи пошли воевать вогуличь, а Перми ничем не пособили. И то все сталося вашим воровством и изменою. А только бы вы нам служили, и вы б тех казаков в те поры в войну не посылали, а послали их и своих людей из своих острогов наши земли Пермские оберегать. И мы послали в Пермь Воина Оничкова, а велели тех казаков Ермака с товарыщи взяв отвести в Пермь и в усолье в Камское, и туто им стоять велели, разделяся, и из тех мест на Пелынского князя зимою на нартах ходить воевать велели есмя тем всем казаком и перми-

чам и вятчаном с своими посланники с Воином с Оничковым да с Ываном с Глуховым, чтоб вперед воинские люди, пелынцы, и отяки, и вогуличи с сибирскими людьми, на наши земли войною не пришли и нашие земли не извоевали; а велели есмя тем казаком быти в Перми до весны, и на отяки и на вогуличи ходити с Воином воевать и их в нашу волю приводить по нашему указу. А вы б, обсылася в Чердынь с Васильем с Пелепелицыным и с Воином с Оничковым, посылали от себя воевать вогуличь и отяков. А одноличпо б естя, по сей нашей грамоте, казаков всех, только к вам из войны пришли, послали их в Чердынь тотчас и у себя их не держали. А будет для приходу вам в остроге быти нельзя, и вы б у себя оставили немногих людей, человек до 100, с которым атаманом, а достальных всех выслали в Чердынь одноличио тотчас. А не вышлете из острогов своих в Пермь волских казаков атамана Ермака Тимофеева с товарыщи, а учнете их держати у себя и Пермских мест не учнете оберегати, и такою вашею изменою что над Пермскими месты учинитца от вогуличь, и от пелынцов, и от Сибирскаго салтана людей вперед, и нам в том на вас опала своя положить большая, а атаманов и казаков, которые слушали вас и вам служили, а нашу землю выдали, велим перевешати. И вы б тех казаков одноличио отпустили от себя в Пермь, и нашим делом над пелынцы и над вогуличи и над отяки промышляли по нашему указу, ссылаяся о том с Васильем с Пелепелицыным и с Воином Оничковым, чтоб дал бог их извоевать и в нашу волю привести, а Пермской земли и ваших острогов уберечи. Писан на Москве лета 7091-го ноября в 16 день.

На обороте: Царь и великий князь всеа Русии. — Диак Андрей Щелкалов.

К грамоте на обороте приложена черная восковая печать.

ГАФКЭ, фонд Строгановых, № 12.

Напеч. в «Дополн. к Акт. ист.», т. I, стр. 184—185, № 128.

8. *1584 г. января 7. — Грамота царя Ивана Васильевича Семену, Максиму и Никите Строгановым о приготовлении к весне 15 отругов для людей и запасов, направляемых в Сибирь.*

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии Семену Оникиеву сыну, да Максиму Яковлеву сыну да Микитe Григорьеву сыну Строгановым. По нашему указу велено было у вас взяти с острогов ваших князю Семену Дмитреевичу Болховскому на нашу службу в Сибирской в зимней поход 50 человек на конех; и ныне нас слух дошол, что в Сибирь зимним путем на конех пройтить не мочно; и мы князю Семену ныне ис Перми зимним путем в Сибирь до весны до полые воды ходить есмя не велели, и ратных людей по прежнему нашему указу 50 человек конных имати есмя у вас не велели, а на весне велели есмя князю Семену, идучи в Сибирь, взять у вас под нашу рать и под запас 15 стругов со всем судовым запасом, которые б струги подняли по 20-ти человек с запасом, а людей ратных и подвод и про-

водников и кормов имать есмя у вас не велели; и обиды есмя, идучи в Сибирь, вашим людем и крестьяном никакие чинить не велели. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б тотчас велели к весне ко княж Семенову приезду Болховского изготовить под нашу рать и под запас 15 стругов добрых со всем судовым запасом, которые б подняли по 20-ти человек с запасом. Да как на весне с нашею ратью и с запасом князь Семен Болховской или головы Иван Киреев да Иван Глухов в Сибирь пойдут, и вы б тотчас те суды со всем судовым запасом дали под нашу рать и под запас князю Семену Болховскому или головам Ивану Кирееву да Ивану Глухову, чтоб за теми струги в ваших острогех ни часу не мешкати. А не дадите судов под наши ратные люди вскоре со всем судовым запасом тотчас, а нашему делу учинитца поруха, и вам от нас быти в великой опале. Писан на Москве лета 7092-го генваря в 7 день.

К грамоте на обороте приложена черная восковая печать.

ГАФКЭ, фонд Строгановых, № 13.

9. *1586 г. августа... — Грамота с прочетом царя Федора Ивановича сибирским воеводам о разрешении обским остякам платить дань на Вымь и о запрещении ратным людям нового городка на Оби воевать этих остяков и брать с них дань.* [1]

Божиею милостию государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии, Владимерский, Московский, Новогородский, царь Казанский, царь Астраханский, государь Псковский, и великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полотцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Лифляндский, Удорский, Обдорский, Кондинский, и обладатель всея Сибирские земли и великие реки Оби, и Северные страны повелитель и иных многих земель государь. Приежжал к нашему царскому величеству с великие реки Оби Куновата города, да Илчмы города, да Ляпина городка, да Мункоса городка, да Юила городка да Березова городка Лугуй князь, чтоб нам его пожаловать: тех его городков нашим ратным людем, которые ныне сидят в городе в нашем па великой реке на Оби, на усть Иртыша, воевати его и племя его все и его людей, которые в тех во шти городках сидят, не велети; а дань бы нашу нам с него с тех его городков велели имати в Вымской земле, по нашему жалованию, приказным людем, кому будет приказано. И мы Лугуя князя с теми его городки пожаловали: для того что он к нам приехал напеpед всех бить челом, велели с него имать по нашему царскому жалованию с его городков в Вымской земле нашие дани на год по 7 сороков соболей лутчих, и привозить ему дань ежегод в Вымь самому, или его братье или племянником, по 7-ми соболей лучших. И нашим воеводам, которые ныне па усть Иртыша на Оби новой городок поставили, на Лугуя князя и на его городки наших ратных

[1] *См. примечание к § 34 гл. 4.*

людей не посылати, и воевати его не велети, и дани на нем и на его городках имати не велети, и поминков и посулов с них не имати. А привести ему дань впервые на Вымь к приказному человеку и к целовальником на срок на дмитреев день лета 7096-го году, а привести на два года дань, 14 сороков: на 95-й год да на 96-й год; и впредь в 2 года привозити дань по тому ж; а теми городки подмогати, и подмога им тем давати, кого,меж себя выбрав, пошлют с данью на Вымскую землю. А прочитав сю нашу царскую грамоту по всем нашим городом в Сибирской земле и на Оби на Великой,отдавали им назад. Дана сия наша жалованная грамота в царствующем нашем граде Москве лета от создания миру 7094-го году августа...

Подлинная грамота утверждена его царского величества государственною печатью на красном воску, а на обороте подписано тако: Царь и великий князь Федор Ивановичь всеа Русии.

Перепечатано из «Описания Сибирского царства», изд. 2, стр. 159—160. Напеч. также в СГГД, т. II, стр. 88—89, № 54.

10. *1592 г. июля 5. — Грамота царя Федора Ивановича на Орел и Чусовую Максиму и Никите Строгановым о посылке ими 50 человек для защиты Перми от нападений сибирских татар.*

От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии на Орел и в Чюсовую Максиму да Миките с братьею Строгановым. По нашему указу велели есмя взяти с вашего с соленого промыслу с Орла и с Чюсовой в Пермь Великую, для сибирских татар приходу, 100 человек ратных людей с рушницами, и с луки, с кремли и с рогатинами и со всяким ратным боем; и для тех ратных людей послан к вам Михайло Шокуров, а велено ему тех ратных людей, взяв у вас, отвести в Пермь Великую и отдать воеводе Микифору Траханиотову. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б с своего с соленого промыслу с Орла и Чюсовой ратных людей 50 человек с пищальми и с рогатинами и со всяким ратным боем дали Михайлу тотчас, добрых молотцов и просужих, которые б стрелять были горазди и ратное дело знали. А наем бы есте им дали по месяцом, как сколько проживут и проедут; а запасу им велели имати на всю осень и на всю зиму и до весны; а суды им дадут на Лозве, в чем ехать в Сибирь с воеводою с Микифором с Трахапиотовым. А того бы есте не учи[ни]ли, чтоб вам не отпустить вскоре тотчас, не замешкав. А другую 50 человек с ваших городов готовили б есте с пищальми конных к перьвозимью в войну на Пелымскаго; а о том к вам указ свой пришлем, кому с ними итти. А ныне бы есте одноличио 50 человек пеших с пищальми в судех в лехких отпустили в Пермь и на Лозву с Михайлом. А не отпустите тех 50 человек вскоре тотчас и замешкаете, и вам от нас быти в великой опале и в продаже. Писан на Москве лета 7100-го июля в 5 день.

На обороте: Царь и великий князь всеа Русии.

К грамоте на обороте приложена черная восковая печать.

ГАФКЭ, фонд Строгановых, № 14.
Напеч. в «Дополн. к Акт. ист.» т. I, стр. 230—231, № 138.

11. *1592 г. декабря... — Наказ князю Петру Горчакову, посланному в Сибирь для устройства тамошних дел и для строения города Пелыма.* [1]

...Микифора Васильевича Троханиотова. А в Пермь пришед, послать князю Петру детей боярских, которые с ним с Москвы посланы, в Лелинские вогуличи да в Вишерские вогуличи... которые бы умели по вогульски говорить. А велети тем детям боярским собрать на государеву службу на Пелымского князя Лелинских вогуличь с сотником с Кирчеем 25, Вишерских вогуличь с сотником 25, всего их собрати 50 человек; а собрав тех вогуличь, велети детем боярским с ними итти в новой город на Лозву ко князю Петру. А государево жалованное слово сказать, что их государь пожалует, в данех во всяких полегчит, а ныне им дать велеть на Лозве денежное жалованье и хлебное воеводе князю Петру Горчакову. А послано на них со князем Петром 54 рубли, рядовым по рублю человеку, а сотником по 2 рубли человеку; да взять князю Петру ж с Перми на них по чети муки, итого 52 чети, и отвести с Перми (*л. 286 об.*) на Лозву с собою князю Петру вместе. А розослав детей боярских, самому князю Петру итти из Перми с Микифором вместе, взяв с собой наряд, в новой город на Лозву. А на Березов остров Микифору с товарыщи взять с собою наряд. А пришед на Лозву вместе с Ываном Григорьевичем Нагим, под государев запас, и под воевод и ратных людей, и под жилецких и под их запасы, в которых судех людем всяким итти и запасу государеву быти, делать суды по государеву указу, каков указ подлинной послан к Ивану к Нагому, большие суды, и малые суды, и струги гребные. И только Иван тех судов против государева указу на всю рать не зделал, и те суды князю Петру доделывать, и покрыть всем вместе с Микифором с товарыщи всеми людьми тотчас, досмотря судов, которые суды велено делать Ивану Нагому наперед сего. А что Иван Нагой по Микифоров приезд судов делал, и что старых судов зделано, и что судов из Сибири под государевою казною пришло, и что поделано, то все приехав князю Петру с Микифором с Троханиотовым записать, да тотчас велети суды делать и конопатить наспех неотступно день и ночь. А будет мало судов заведено, и князю Петру с Микифором с товарыщи, сметя судов, к тому прибавить, только бы подо всю рать сполна суды поделать наспех всеми людьми. И того над плотники смотрити беречь накрепко, чтобы суды подо всю рать (*л. 287*) делать наспех неотступно, чтоб все суды изготовить к весне против государева указу, чтобы запасу сверху не намочило, и пойти бы с Лозвы реки с весны, кой час кры пройдут. А для хлебных запасов и для ратных людей и плотников детям боярским по государевым наказом ехати в Пермь, а из Перми к Микифору Васильевичю Траханиотову с товарыщи

[1] *Примечание к § 25 гл. 4.*

на Лозву к воеводам, а приехав на Лозву отдати запас и ратных людей воеводам. И итти им велено детем боярским с воеводами по росписи. А самому князю Петру, пришед ис Перми на Лозву, государевым судовым делом промышлять с воеводою с Микифором Васильевичем Траханиотовым с товарищи сопча вместе. А воеводе Микифору, и князю Петру, и князю Михайлу Волконскому, и князю Матвею Львову и голове Богдану Воейкову да Ивану Змееву до тех мест, как они пропустят ратных людей и хлебные запасы мимо Пермь на Лозву, побыти в Перми. А в наказе у Микифора с товарыщи то имянно написано, что им ратных людей и хлебные запасы пропустить на Лозву наперед себя, а самим воеводам и головам итти после ратных людей и после хлебных запасов с нарядом. А как, даст бог, воеводы и дети боярские и с ратными людьми на Лозву придут все сполна и суды доделают, пришед всею ратью, и на весне лед почнет скрыватца, и воеводе князю Петру Ивановичю Горчакову вместе с воеводами с Микифором Васильевичем Трохониотовым с товарыщи и с Ываном с Нагим (*л. 287 об.*) велети государевы хлебные запасы и наряд и пушечные запасы в суды покласти и укрыти гораздо, чтобы государева запасу не подмочило. А роздавать суды по людем, смотря по запасу, с Микифором вместе, и разобрався с людьми, и росписав по тому, и устроив запас и наряд и ратных людей в судех, по росписи перед собою, и с их животом и з животиною, которая пойдет с жилецкими, с пашенными людьми. А устроя князю Петру вместе с воеводами с Микифором Васильевичем с товарыщи итти с Лозвы в Сибирь, в Тоборы, по сему государеву наказу. А воеводе Микифору с товарыщи, как ему в Сибирь итти, наказ подлинной послан к Микифору за приписью дьяка Ондрея Щелкалова. А пришед в Тоборы, присмотрить под город место, где пригоже, где быти новому городу в Тоборах, или старой город занять, да где лутче, туто князю Петру, высмотря место, сговоря с воеводами с Микифором Васильевичем с Траханиотовым с товарыщи, заняти город, и на чертеж начертити и всякие крепости выписать. А сперва острог на том месте занять и поставить и на город всеми людьми, всею ратью, лесу припасти. А Микифору Васильевичю с товарыщи вскинуть на рать на всю на служилые казаки по 5-ти бревен на человека, и на пермичь, и на вымичь, и на усольцов по 15-ти бревен или по 10-ти бревен, как будет пригоже. А побыть Микифору с товарыщи туто с неделю, покамест острог укрепят и лесу поронят. А лес на город ронити лехкой, и чтобы вскоре город зделать, а сперва поставить острог. А промышлять при воеводах (*л. 288*) при Микифоре Васильевиче с товарыщи, чтобы приманить Пелымскаго князя Аблегирима, да сына его большаго Тагая, да племянников его да внучат Пелымскаго, тех всех приманив, извести, и лутчих его людей пяти шти, которые самые пущие, от которых смута была, про тех сыскав, переимав их, извести. А меньшего сына Таутия и з женою и з детьми отпустить с Микифором в Тобольской город ко князю Федору к Лобанову. А тех черных ясашных людей примолыти и государево им жалованье сказати, чтоб они были в государеве жалованье, и ясак сполна платили, и к городу

приходили, и ни о чем не опасались, а государева милость к ним будет; а что воровал князь Пелымской да дети его, и над теми потому и стало, а до них до ясашных людей ничего ни в чем дела нет и вперед не будет. А город при всех воеводах обложить, чтоб Микифору Васильевичю с товарыщи всеми людьми лесу выронити, и острог зделати, и город обложити всеми людьми вместе. А побыв того неделю или ден до 10-ти, Микифору с товарыщи пойти всеми людьми прочь в Тобольской город, а князю Петру остатись туто со всеми своими людьми, которым с ним со князем Петром велено быть в Тоборах, и город доделывать наспех, чтоб город зделати вскоре. А которые с ним вогуличи будут 50 человек, и с теми голове быти сыну боярскому, выбрав доброму, в городе по росписи. А делати им городовое (*л.288 об.*) дело, как и своими да и тутошними людьми Пелымскими вогуличи делать город. Да из Тоборов и из Кошуков велети тотчас у себя быть с 3-х луков по человеку с топоры, город делать. А сперва их всех беречись, велети им лес ронить и привозить под город, а стояли бы под городом, а в город их и Пелымских вогуличь не пущать, чтоб им людей государевых не смечати, и им дати место возле острогу, а с русскими людьми бы им не быть, то делать, посмотря по тамошнему делу, как будет пригоже. А будет Пелымской князь Аблегирим слышит ратных людей и к воеводам не появитца, а почнет бегать, и воеводам Микифору Васильевичю с товарищи, став против Пелымки на старом городище, послать ратных людей в малых судех ото всех воевод искать Аблегирима Пелымского, и жоны и дети их и люди воевать и побивать, и городок его жечи. А итти в поход князю Петру самому. А то имянно к Пелымскому князю, и к детем его, и к лутчим людем его к вогуличам князю Петру приказывать, чтоб они от государя на себя опалы большие не наводили, а пошли без боязни ко государевым воеводам и Пелымского князя привели, а государь их пожалует, и Пелымскому князю ничего не будет. А будет Пелымской князь и дети его придут к воеводам, и их обнадежить, чтоб их всех приманити. А воеводам Микифору Васильевичю с товарыщи тогды и другую неделю постоять, и их извоевать и угрозить, и город укрепить вдруг, чтоб князя Петра оставити (*л. 289*) в Тоборах у города безстрашно. А приманя князя Пелымского Аблегирима и детей его по тому ж, самого князя и сына большего казнить, да с ними человек 5—6 пущих, сыскав, казнить. А меньшева сына и з женою и з детьми Микифору взять с собою в Тобольской город. А черных людей всех примолыти и обнадежить, чтоб жили по своим юртам и в город приходили. И став в Тоборах в старом городе или в новом месте, где крепчае, заняв острог, укрепитися, а старой городок разорити, чтоб у Тоборовских людей города не было. А укрепяся острогом, лесу привести всею ратью. И постояв с неделю, Микифору с товарыщи пойти в Тобольской город, а воеводе князю Петру город делать, и ласка пелымцом дати и их беречись во всем. А жилецких пашенных людей и наряд устроить по городу, и всякие пушечные запасы устроить в казне по росписи, какова с ним роспись послана, почему ему людей с собою оставить и хлебные запасы. А воеводе Микифору Васильевичю с товарыщи, а с

ним ратные люди, дети боярские, и атаманы, и казаки, и земские[1] ратные люди: пермичи, и вятчане, и вымичи, и усольцы, пойдут по росписи в Сибирь, в Тобольской город. А воеводе князю Петру Ивановичю после Микифора быти в новом городе в Тоборах по сему государеву наказу и устроить: после воевод наперед всево город укрепить, и наряд по городу иставить, и государев запас (*л. 289 об.*) в житницы устроить и держать за своею печатью, и велети житницы делати плотником в ту же пору тотчас, как город почнут делать. А быть со князем Петром у государева дела голове Семену Ушакову. И о всем промышлять князю Петру, и люди устроить, и места под дворы роздавати жилецким людем и казаком, смотря по тамошному месту, как бы вперед было государеву делу прибыльнее. А казаком Терским говорить государево жалованьое слово, чтоб они государю послужили. А которые захотят в жильцы туто изо всяких из ратных людей, и князю Петру их переписати. А устроить туто 50 человек конных, тем и[2] земли пометив роздавать. А жалованья годового сулить им польским казаком по 7-ми рублев, а атаману 10 рублев, а хлеба по 7-ми чети муки, а овса по тому ж. А стрельцов прибирать пеших до 100 человек. А сотнику по тому ж, что и атаману, а пешим стрельцом по 5-ти рублев, да хлеба по 5-ти четь муки, да по чети круп, да по чети толокна человеку. А земли бы им всем давати, чтоб вперед всякой был хлебопашец, и хлеба не возить. А которые Московские веденцы, 9 человек, ис Каргополя посланы, и тем указать земли и угодья, чтоб они ис Перми с собою взяли и лошади, и животины, и сох, хоти немного, чтоб им пашня вскоре завести. А которые посланы ис Перми и с Вятки на житье для пашни, и у тех бы хоти у 4-х человек была одна (*л. 290*) лошадь, а животина бы с ними была, и сохи бы были с ними, хоти б к наранине завести и немного пашни, да и ржи взяти на завод 10 четь из Перми. И велети жилецким людем дворы себе ставить. И слобода у города устроить, в котором месте пригоже, и земли на пашни высмотрить лутчие, и у крепостей подавать пашни на государя пахать всяким людем. А лутчие места пашенные выбрав оставить про государев обиход до трех сот чети, а вперед та земля пахать на государя жилецким людем, которых устроят на житье. Да из Тоборов и ис Кошуков пашенных молотчих людей взять со всеми семьями и с лошадьми и посадить туто на пашне в Тоборах, где город станет, и пашни пахати велети на государя. И на Тоборы и на Кошуки на тутошные люди положить хлебом оброк, чтоб с них ничего не имать никаково оброку, ни соболей, а имать бы хлебом; и только устроя город и укрепя, положить на них оброк хлебной, роспрося про них, что пригоже на них положить. А как государево дело почнетца делать, идучи с Лозвы на Пелымь, и что зделается над Пелымским князем, и как в Тоборах, пришед, город поставят, в старом ли, в новом ли городе, и поустроятца, и что над Пелымским промышлять, и что вперед промыслят, и воеводе князю Петру о всем отписати ко государю

[1] *В рукоп.:* земли.
[2] *В рукоп.:* те им.

из нового города из Тоборов с парочным гонцом, чтоб государю про всякие дела, что зделается, было ведомо и было б ково роспросить, чтоб хто сказать умел.

(*л. 290 об.*) Да память воеводе ж князю Петру Ивановичю Горчакову. По государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии указу велено послать в Сибирь, в новой город в Тоборы, образы, и книги, и колокола и все церковное строенье; а попа в тот новой город в Тоборы велено ему взять из Перми Углетцкого, а дьякона, едучи в Сибирь, взять в Ростове, которово владыка велел выбрать, и подмогу тому дьякону взяти в Сибирь с попов с посадских и с уезду 40 рублев. И князю Петру Ивановичю Горчакову, взяв образы, и книги, и все церковное строение, и в Ростове диякона и подмога, ехати в Сибирь, в новой город в Тоборы, а попа взять, едучи, в Перми Углетцково. А приехав на Тоборы, как город обложат и почнут делать, и в ту пору велети князю Петру и церковь поставить всею ратью, Рожество Христово, да в приделе Никола чудотворец, и церковное строение велети устроить, и церковь освящати велети. Да с ним же со князем Петром послано с Москвы 2 фунта ладану, 2 фунта темьяну, да пуд воску, да ведро вина церковнаго; да в Тюмень город послано 2 фунта ладану, 2 фунта темьяну, да пуд воску, да ведро вина церковнаго. И князю Петру, приехав на Лозву, тот ладан, и темьян, и воск, и вино церковное отдать Ивану Нагому, а в Тюмень (*л. 291*) ладан, и темьян, и воск, и вино церковное отдать Богдану Воейкову. Да с ним же со князем Петром послано с Москвы на Лозву к Ивану Нагому 10 пуд зелья 10 пуд свинцу, да в Тюмень послано 20 пуд зелья, 20 пуд свинцу, да в Перми ему взять в Тюмень 10 пуд зелья, 10 пуд свинцу, всего в Тюменской город 30 пуд зелья, 30 пуд свинцу. Да с ним же посланы 5 человек казаков Лозвенских, да 5 человек казаков Пермских Еустратова приказу, которые приезжали к Москве з государевою казною. И князю Петру Ивановичу, едучи дорогою, приказать то зелье и свинец беречь казаком, чтоб они того зелья и свинцу едучи берегли. А приехав на Лозву, то зелье и свинец, которое послано на Лозву, и Лозвенских казаков отдать по тому ж Ивану Нагому, а в Тюмень зелье и свинец отдать Богдану Воейкову, и казаков Еустратовых отпустить в Сибирь, с кем будут Еустратовы казаки.

Да память воеводе ж князю Петру Ивановичю Горчакову. Приехав ему на Вологду, вместе с дьяком с Федором с Александровым велети оценить (*л. 291 об.*) целовальником в ряду в Сибирские городы для городовых дел и острожных 200 прутов железа, а для того железа послано с ним с Москвы 2 рубля, и князю Петру за то железо деньги дать по цене и, взяв подводы, сколько мочно, отвести то железо в Сибирские городы: в новой город в Тоборы 50 прутов, в Тюмень 50 прутов, в Тобольской город 50 прутов, на Березов 50 прутов; а что за то железо денег дать, и князю Петру о том отписать ко государю к Москве, и ценовные прислать за ценовщиковыми руками. Да на Лозве готово, с Устюжны прислано, 5 пуд железа; и ис того числа велено послать Ивану Нагому в Тюмень полтора пуда, в Тобольской полтора пуда, да в Березов пуд, в новой город в Тоборы пуд; и князю Петру то железо,

взяв у Ивана у Нагова, отвезти в Тоборы и отослать в Сибирские городы по сему наказу.

Да память воеводе ж князю Петру Ивановичю Горчакову. По государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии указу, послан во Ржову Иван Олферьев, а велено ему взять во Ржове Игнатья Хрыпунова и з женою и з детьми и со всеми его животы (*л. 292*), и отвести на Вологду и отдать его велено на Вологде князю Ивану Михайловичю Вадбальскому да дьяку Федору Александрову, а им велено Игнатья и з женою и з детьми и со всеми животы отпустить с Вологды в Сибирь с ним со князем Петром. И князю Петру, приехав на Вологду, взять у князя Ивана Вадбальского да у дьяка у Федора Александрова Игнатья Хрыпунова и з женою и з детьми и со всеми ево животы, а взяв и отвести его в Сибирь в новой город в Тоборы, а велети ему быть в новом городе в Тоборах с собою вместе и из Сибири его без государева указу не отпущать. А будет на Вологду Иван Олферьев с Игнатьем с Хрыпуновым не бывал, и князю Петру говорити князю Ивану Вадбальскому да дьяку Федору Александрову: как Иван Олферьев Игнатья на Вологду привезет, и они б его и з женою и з детьми послали в Сибирь за ним за князем Петром до Перми тотчас.

Да память воеводе ж князю Петру Ивановичю Горчакову. По государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии указу, велено послать на государеву службу в Сибирь Михаила Глазова и з женою и з детьми; и для (*л. 292 об.*) того послан в Московской уезд, в Михайлову вотчину Глазова, по жену по ево и по дети Григорей Назимов, а велено ему, взяв Михайлову жену и дети, ехать с Михайлом в Сибирь за ним за князем Петром тотчас. И как Григорей Назимов князя Петра съедет на дороге, и князю Петру велети Григорью Назимову с Михайлом Глазовым ехати с собою в Сибирь вместе и, приехав в Сибирь, велети Михайлу быти в новом городе в Тобарах с собою и без государева указу Михайла из Сибири не отпущати.

Да память воеводе ж князю Петру Ивановичю Горчакову. Слух государя дошел, что сын боярской Василей Сараев с атаманом с Еустратом и с казаки, едучи, воровали по дороге: боярина Дмитрея Ивановича Годунова в вотчине крестьян били и грабили, и жены их крестьянские соромотили, и убили в деревне в Заболотье ис пищали крестьянина, у иных у многих крестьян животину, коровы и свиньи, побили и платье грабили; да и иные дети боярские, и атаманы и казаки после того ехали, которые отпущены с Москвы, по дороге многих (*л. 293*) людей били и грабили и по ямом по многим ямщиком за подводы прогонов не давали. Да после того Василей Сараев писал ко государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии на атамана на Еустрата и на его казаков, что атаман, едучи с казаки, бил и грабил и, приехав де в Устюжском уезде, на Бобровском яму, охотника Игнашку у Селенянинова атаман Еустрат выломил коробью да поимал платье, и едучи з Бобровского яму, крестьян бил и грабил, и овцы и свиньи убил. И он Василей, приехав на Устюг, Еустрату учал говорити, чтоб он грабеж сыскал и велел отдать; и Еустрат де его с казаки, пришед на двор,

бил, а с ним били его прибору казаки: десятник Иванко Михайлов, да десятник Никитка Темкин, да Неустрой да Смыря Ильины дети Головцыны, да Родя Васильев сын Вишатин, да Ломак Изосимов, да Ивашко Прокопьев, да Васка, новоторжец, да Михалко, да Дуброва Терентиев, новоторжец, да Микитка, можаитин. И князю Петру, едучи от Москвы дорогою до Ярославля, и до Вологды, и до Тотьмы, и до Устюга, и до Перми, про атаманов и про казаков по всем станам, где они ставились, по селам, и по деревням, и по городом по всем, и по ямом (*л. 293 об.*) сыскивати накрепко и роспрашивати: которые именем дети боярские, и атаманы, и казаки воровали, били и грабили, и у кого что имянем взяли, и на котором яму за колко подвод прогонов не давали; да то все, едучи, князю Петру записывати подлинно. А приехав в Пермь, [буде] атаманы и казаки из Перми не пошли вместе с воеводою Микифором с Васильевичем Траханиотовым, и атаманов и казаков пересмотрити на лицо по росписи. Да на которых детей боярских, и на атаманов, и на казаков в обыску скажут, что де они били и грабили и людей секли, и князю Петру тех детей боярских перед воеводою перед Микифором Васильевичем Трохониотовым бить батоги больно, а атаманов и казаков, пущих воров, бити кнутьем по торгом, чтобы им впредь неповадно было воровать. А будет дети боярские, и атаманы, и казаки из Перми пошли (*л. 294*) до ево до княж Петрова приезду на Лозву, и князю Петру, приехав на Лозву, потому ж детей боярских бить батоги, а атаманов и казаков, пущих воров, бить кнутьем. А Еустрата атамана бить кнутом, животы его ограбить; а казаков его пущих по сему наказу, бив кнутьем, роздавать по приказом по атаманом; а к рядовым казаком Еустратовым выбрать голову из детей боярских [и] приставить вместе с Микифором Васильевичем.

Да память воеводе князю Петру Ивановичю Горчакову. Отпущены на государеву службу в Сибирь с ним со князем Петром да со князем Михайлом Волконским 10 человек детей боярских, а государева им хлебнаго жалованья велено дать в Перми по две чети муки ржаной человеку. И воеводе князю Петру Ивановичю Горчакову, приехав в Пермь, взять с Пермской земли детем боярским 10 человеком, которые посланы с нарядом, по две чети муки ржаной человеку, итого 20 четей, и отпустить их из Перми с нарядом, не издержав, тотчас.

Да память воеводе ж князю Петру Ивановичю Горчакову. По государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии указу, велено воеводе Микифору Васильевичю (*л. 294 об.*) Трохониотову отпустить со князем Петром в Сибирь, в новой город, взяв с Пермской земли, 20 человек веденцов, без жон и без детей, и подмога им велено дать, а жены им велено взять на весне во 102-м году, как они устроятся, дворы себе поставят. И воеводе князю Петру Ивановичу, приехав в Пермь, взять у Микифора Васильевича Трохониотова в Сибирь 20 человек веденцов пашенных людей, без жон и без детей, и подмога им взять по государеву указу, каков указ послан к Микифору напёред сего, и отвести их с собою в Сибирь, в новой город в Тоборы; а по жены их и по детей отпустить их [ис] Сибири, как они по-

устроятца, дворы себе поставят и пашню распашут; а ныне бы они взяли с собой одни лошади да семена на пашню, чем им пашни позавести, сперва хотя не от велика.

Да память воеводе ж князю Петру Ивановичю Горчакову. По государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии указу, велено Гневашу Норову с Вятки и со всех Вятских городов взяти в Сибирь, в новой город, па житье для пашни 20 человек з женами и прожиточных, и подмог им велено дать по государеву указу, каков с ним (*л. 295*) указ послан; а взяв тех жилецких людей, велено отвести в Пермь вместе с хлебными запасы и отдать воеводе Микифору Васильевичю Трохапиотову, а к Микифору об них указ государев послан. И воеводе князю Петру Ивановичю Горчакову, приехав в Пермь, взяти у воеводы у Микифора Васильевича Трохапиотова Вяцких веденцов, которых приведет Гневаш Норов, 20 человек, и отвести их с собою в Сибирь в новой город в Тоборы, а приехав в Тоборы велеть им поустроиться, дворы себе поставить и пашню завести, сперва хотя не от велика.

Да память воеводе ж князю Петру Ивановичю Горчакову. Бил челом государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русии Донской казак Докучай Ивашинец на атамана Еустрата на Микитина, а сказал: послан де он был с Еустратом на государеву службу в Сибирь; и как они приехали на Устюг Великой, и ево де Докучая тот Еустрат бил и грабил, а взял с него зипун бурнатной 30 алтын, да кафтан заячиной рубль,да шапку багрец 4 гривны, да денег полтора рубли, да котел 20 алтын, да запасу: четь сухарей,четверик круп, четверик толокна. И воеводе князю Петру Ивановичю, приехав в Пермь (*л. 295 об.*) или на Лозву, про то сыскать подлинно лутчими казаки и которые едучи с ними не воровали. Еустрат Никитин его Докучайка бил ли, и грабежу сколько с него взял ли; да будет в обыску скажут, что его Еустрат бил, и платье, и деньги, и запас поимал, что в сем наказе писано, и князю Петру на Еустрате доправить все сполна, а доправя, отдать казаку Докучайку Ивашинцову и велеть быть тому казаку в ыной станице, к которому он атаман похочет. А над атаманом Еустратом учинить князю Петру с Микифором Васильевичем вместе по сему государеву указу.

Да память воеводе ж князю Петру Ивановичю Горчакову. Посланы с ним с Москвы в Сибирские городы наряд, и зелье, и свинец, и всякие пушечные запасы, и только будет под тем нарядом, и под зельем и под свинцом, и под всякими пушечными запасы подвод мало и идет наряд мешкатно, и воеводе князю Петру Ивановичю имать под тот наряд от Вологды до Тотьмы, и до Устюга, и до Перми, и до Лозвы, сверх подорожной в прибавку, подводы по две и по три, а инде по четыре, чтоб наряду на дороге мотчанья не было, и поспеть бы им с нарядом вскоре (*л. 296*).

Да память воеводе ж князю Петру Ивановичю Горчакову. Побежали с Москвы окольничево Андрея Петровича Клешнина люди Кулеярко Иванов да Васька Савастьянов, а пошли де они с казаки с новоприборными в Сибирь.

И воеводе князю Петру Ивановичю Горчакову, приехав в Пермь или на Лозву, вместе с воеводою с Никифором Васильевичем Траханиотовым, пересмотреть атаманов и казаков на лицо, по росписи; да только в тех новоприборных казаках те люди окольничего Андрея Петровича Клешнина есть, и князю Петру тех людей, взяв, посадити в тюрьму до государева указу да о том отписать ко государю к Москве тотчас в приказ дьяка Андрея Щелкалова.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 286—296, № 1.
Напеч. в РИБ, т. II, стб. 103—120, № 56.

12. *1593 г. февраля 21. — Поручная десятника Тимофея Евтюгина* [1] *с товарищами сотнику стрелецкому Климу Шокурову, поручившихся друг по друге в выполнении обязательства жить в стрельцах в городе Табаре.*

Се яз десятник Тимофей Евтихеев сын, пермитин, да его десятка Федор Евсеев сын, по прозвищу Житкой, поморец, да Иван Михайлов сын, непокшенин, да Левка Степанов сын Москвитинов, да Андрей Дмитреев сын, галичанин, да Федор Давыдов сын Шалам, устюжанин, да Володимер Калинин сын Рогова, пермитин, да Михайло Никитин сын, прозвище Пятко, Опалихин, пермитин с Покчи, да Михайло Захарьев сын, прозвище Зет, черевковец, да Осип Яковлев сын, даниловец, поручились есмя промеж собя всем десятком 10-ю человеки друг по друге у сотника у стрелецкого у Клима Шокурова в том: быти нам на государеве службе в новом городе в Тоборех на житье в стрельцах (*л. 296 об.*), и государева служба служити, а не воровати, корчмы и блядни не держати, и зернью не играти, и не красти, и не розбивати и не збежати. А хто из нас из 10-ти человек збежит, и на нас на поручниках, на мне на десяцком и на товарищах моих, государево жалованье денежное и хлебное и пеня государева, а в пене, что государь укажет, и наши поручников головы в его голову место. На то послуси: Иван Клементьев сын Есипова да Иван Иванов сын, Василья Высокого брат. Запись писал в Перми, в Чердыни, Михайло Иванов сын лета 7101-го году февраля в 21 день.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 296—296 об., № 2.
Напеч. в РИБ, т. II, стб. 99—100, № 53, I.

13. *1593—94 г. — Наказ князю Андрею Елецкому с товарищами, отправленным в Сибирь для построения города на реке Таре, с приложением описи посланного с ними.* [2]

...итти города ставить вверх Иртыша, на Тару реку, где бы государю было вперед прибыльняе, чтоб пашню завести, и Кучюма царя истеснить, и соль устроить, и тех бы волостей, которые бол... по сю сторону Тобольскаго и Тобольскаго уезду отвести оку... и привести к государю и укрепить и р...

---

[1] *Фамилия взята из поручной 1594 г.: см. прилож., № 15.*
[2] *Примечание к § 46 гл. 4.*

как приговорит князь Ондрей со князем Федором, по тому и итти, чтоб пр[итти] на то место, и судовой и конной р[ати], чтоб, город заняв на Таре реке, город зде[лать], высмотря место, ниже ли того, выше ли того, где пригоже, чтоб город зделать и укрепить. А запасы хлебные, и деньги на запас, и всякой наряд вести в судах. А наперед собя послать из Тобольского детей боярских, и татар, и казаков по воло[стем], которые по Иртышу, ясашных т[атар] собрать конных по росписи, какова с ни[м] роспись послана, которые ясашные живут по Иртышу вверх, и приказывать к ним государево жалованное слово, что государь их пожалует и в ясакех полегчит. А ныне б они, собрався все, шли конные и пешие с государевыми воеводами на Кучюма царя и на государевых изменников на мурзу и на нагайских людей. И которые государю ясашные люди ясаков не дают, и... о[строг] ставити им всем вместе, чтоб и[м] и вперед государевым ясашным людем жить по Иртышу от Кучюма царя и от нагайских людей безстрашно. А идучи из Тобольскаго, воеводе князю Ондрею с товарыщи про Кучюма царя и про нагайских людей проведывать, где (*л. 152 об.*) ныне Кучюм царь [кочует], и сторожи наперед себя конные по[сылать], чтоб Кучюм царь, собрався с нагайскими людьми, пришед над воеводами и над хлебными запасы безвесно порухи никоторой не учинил. А конным людем по тому ж итти бережно, чтоб им от Кучюма царя итти с великим береженьем, и от него беречись, чтоб на них не пришол. А буде[т] ясашные люди и князьки, которые живут по Иртышу, с воеводою со князем [Ондреем] на Кучюма царя и на нагайских людей [и город] ставить не пойдут и не послушают, и во[еводе] князю Ондрею Васильевичю, идучи Иртышем, те волости воевать, и посылки конные на них посылать, и изменников сыскивать, винных казнить, а черных людей к [шерти] приводить, а у иных заклады пои[мать], и ясак и прошлой и нынешней сполн[а с] волостей збирать, которые не почнут слуша[ться]. А которые волости сберутся вскоре, и будут послушны, и пойдут вскоре, собрався со князем Ондреем, и на тех ныне имать легкой ясак; а с которых будет и не взять, и то, посмотря по тамошнему де[лу], промышлять, как бы государеву делу было прибыльнее. А тех бы, кто не почнет слуш[ать], тех и извоевать, и привести во всем в государеву волю, и заклады у них поимати. И что будет ходу от Тобольскаго города до Тары, и что будет от Тары до Тобольскаго города, и что будет полем от новаго города от Тарскаго на Уфу... чтоб и вперед от них было безстрашно. А пришед на Тару реку, присмотрить под город место, где пригоже быти новому городу, туто и место очистить и город поставить. А делать город и лес возить всею ратью, всеми людьми и конными и пешими, и зделать бы (*л. 153*) город во всех стенах, и в башнях и в городи... сажен около в полтретьяста или в [три]ста, то по месту смотря, да острог де[лати] сажен в 300, и в 400, и..., смотря по людям, и до 500 сажен... острог, то посмотря по людем, по там[ошнему делу]. А в городе быти самому князю Ондрею, да Бо[рису д]а Григорью, тому и у казны, и у збору, и у житниц быть, а хлебу быть в житницах в городе, ... да попам, да пушкарям, да стрельцам, у тех бы в городе дворцы были.

А в остроге места на огороды дать и где им в лете есть варить; а опроче воеводы да голо[в] ести ни у кого не варить; а воеводе и го[ловам] поварни в земле зделать, как бы бере... а в остроге казаком конным и татарам служилым Тобольским и тутошним и Тюменьским, чтоб быть безстрашным. А подлинно то в росп[иси]. написано, которым людем с которого числа быти отпущеным и которым зимовать, и на те лошади сена изготовить. А отпущать конных, посмотря по Кучюме царе: будет царь не побежит и добивать челом не почнет, и людей с коньми больше оставить к зиме, а будет добьет челом и договор станет, и сына царевича даст в заклад, и отпустит ко государю к Москве, ино [тех] конных поменьше оставить к зиме. А [как] пойдет князь Ондрей из Тобольска и в[есте] судовая рать с конной ратью пойдет, и о том к государю отписать, и как на новое место придет и город зделает и укрепит, и о том к государю подлинно отписать. И городовые места, и город, и острог на чертеж начертить, и всякие крепости выписать (*л. 153 об.*), где ст[апет] город, да с тем отписать ко государю подлинно, чтоб государю о всем было известно. А вск[инуть] город делать на всю рать: на детей боярских, и на литву, и на казаков на Тобольских и на Тюменских, и на новоприборных на жилецких людей, [и] на татар. А лес на город велети ронить легкой, чтоб вскоре город зделать. И житницы на государев запас велети поставить, и государев запас ве[сь] в житницах устроить. А делати город всеми ратными людьми и татары тутошними волостьми, сколько тутошних людей зберется к городовому делу, которые туто близко подошли. А сперва их б[ере]чись, велети и лес ронить и привозить под город; а стояли бы под городом, а в город их не пущать, покаместа город укрепится, чтоб и[м] людей государевых не смечать. А которые не учнут слушать и лесу к городовому [делу] возить, и их велеть воевать и пои[мав укро]щать. А устроя город и наряд по горо[ду], всякие пушечные запасы устроить в казне по росписи, какова роспись послана. И быти в новом городе по сему государеву наказу. И государев запас в житницах держать за своею печатью. А при[го]род строить и быть в городничих и у вся[кого дела] и у житниц Григорью Елизарову [да ему] же со князем Ондреем и с Борисом во всяких делех быть и писать то[варищем], и ведать всякой збор и ясашн[ых] ведать ему ж. А велети жит[ницы] делать плотником в ту ж пору, то[лько] как город почнут делать. А Кучюму царю сперва приказывать глад... и его оплашивать, покаместа [го]род укрепится; а приказывать, [буд]то что государь Кучюма царя хочет держать под своею (*л. 154*) царскою рукою, и сына к нему Облагаира и людей [его], вперед пожаловав своим царским жалованьем, отпустит; а ныне бы жил вверх нового города, в которых городкех пригоже, чтоб ему не приходить тех волостей, которые за новым городом будут к Тобольскому городу. А прислал Кучюм царь сына своего... царевича, чт[об] было не безчестно царю прислать к государю сына своего и с ним лутчих людей дву-трех, а государь царь и великий князь тотчас пришлет ко царю к Кучюму сына его царевича Облагаира и людей его с ним, котораго из Тобольскаго прислали. А промышлять князю Ондрею, чтоб Кучюм царь прислал к государю... ших царевичей лутчего,

которой бы... человечнее. А котораго человека от царевича пошлет государь, и о том подлинно ко [князю] Ондрею отпишет государь, как ему быть вместо. А будет оплоша мочно над царем промышлять, и посылка больш[ая] с татарскими людьми послати, чтоб над Кучюмом и над его женами и над детьми промыслить и извоевати их накрепко. А береженье накрепко от Кучюма царя держати. А которые ево волости по Иртишу про[меж] Тобольского и меж нового города, [и в те] бы он волости царь одноличио не вступался, и их от Кучюма царя беречи накрепко. А будет Кучюм царь учнет приходить, собрався со многими людьми, на государевых воевод и города ставить не даст, и учнет тесноту чинить, [и вое]воде князю Ондрею Васильевичю с товарыщи от Кучюма царя беречись, чтоб пришед Кучюм царь которые порухи не учинил. И город одноличио присмотреть на Таре реке и поставить ранее, в котором месте пригоже. А в кою пору (*л. 154 об.*) учнут город делать и лес на город возить, и в то бы время было береженье от Кучюма царя великое, и быть в городе с великим береженьем и над Кучюмом царем промышлять А как город поукрепят, и князю Ондрею с товарыщи над Кучюмом царем промышлять большими посылками, чтоб над ним поиск учинить, а себя от него уберечь. И проведав про него подлинно, послать на него посылку большую конных Казанских всех и из Тобол[ьск]а с вогне[нным] боем: Тобольских и Тюменских литв[у], и атаманов, и казаков, и служивых татар, и башкирцов, и тутошних ясашных татар, перебрав лутчих; Мамлея Мальцова с Казанскими людьми, а с Тобольскими и с Тюменскими голову Своитина Рупосова и атамана Черкаса и всяких лутчих людей. А будет над Кучюмом промыслу не начаят, а люди будет от него не поедут на государево имя, и над Кучюмом царем посылки большой, не розведав накрепко, вскоре не посылать, и к нему приказывать, и его оплашивать, и житье ему ослобождать в верхних городех. А промышляти над нагайским мурзою над Алеем, чтоб над тем [про]мыслить большою посылкою. А от Кучюма царя лутчих людей отговаривать, чтоб ехали к государю служить; а ссылались бы с ними Тобольские служивые татарове. А которые от царя придут, и тех жаловать, и сукна давать, и хлебца н[еве]лика давать. А лутчих самых два[-три] к государю отпустить, а государево им жалованье великое будет. А как над Кучюмом царем промыслят и его извоюют, и их изтеснят, и воеводе князю Ондрею с товарыщи отпустить Казанских и Свияжских и башкирцов назад (*л. 155*) к себе, чтоб им поспеть к себе до заморозов и с голоду б им не помереть; а Тобольских людей в Тобольской, а Тюменских в Тюмень, а с собою в новом городе оставить людей по росписи, смотря по делу. А будет только ныне летом над Кучюмом царем промысл не иметь, и помыслить над ним будет не мочно, а правды в нем вперед не почаят, и воеводе князю Ондрею Васильевичю промышлять над ними с Тобольскими и с Тюменскими людьми зимним путем, где учнет кочевать, чтоб над ними промыслить и его извоевать А будет у Тобольских и у Тюменских казаков и у Московских стрельцов запасу годо[вого] не станет и будут добре запасом нужны, и воеводе князю Ондрею Васильевичю им для их нужи из госуд рева запасу, которой с ним

послан на запас, по осмине [муки] человеку, а иным по полуосмине, да по четверику круп, по четверику толокна, смотря по их нуже, как что пригоже, чтоб их с голоду не поморить. А как воевода князь Ондрей с товарыщи пришед город поставят и как над Кучюмом промыслят, и им отписати к государю к Москве подлинно в приказ к дьяку к Ондрею Щелкалову, чтоб было государю ведомо. А волости все, которые пошли по Иртышу в верхнюю землю, выведати в тот в новой город, и ясак с них имати, и велети приходить к [ним] и ясак платить по прежнему, почему они платили в Тобольской город. А ясашные книги тем всем волостям взяти в Тобольске у воеводы князя Федора Лобанова, по чему с них ясаку в Тобольской имано. И береженье к тем волостям держать (*л. 155 об.*) великое, о всем ссылаяся со князем Федором с Лобановым. А собрав ясак, посылать... на Тобольской город. А что к государю пошлет какого ясаку, и в Тобольской про то вес[т]ь посылать, чтоб князю Федору было в ведоме, чтоб князю Федору с тех волостей с верховых в другой ряд не имать, с которых волостей князь Ондрей возьмет. А что с тех волостей в тот в новой город ясаку соберется, и сколько с которой волости и с кого именем ясаков взято будет, и тот ясак записывать в книги одноличнo порознь по статьям, и держать тот ясашной збор в государевой казне за своею печатью. А взяти воеводе князю Ондрею с собою в новой город для письма подьячего Крянка Иванова, которой с ним с Москвы послан; а хлебнова ему жалованья дать 4 четверти муки, осмину круп, осмину толокна; и велеть ему быть у государевых у всяких дел в подьячих, и государевы всякие дела писать. А которые не почнут слушать и в город [при] ходить, и на те волости посылать во[иною] воевать [и] их голов и князьков их побивать, а животы их в роздел им: лошади, и животину, и всякую рухлядь имать в роздел ратным людем, а соболи и лисицы черные все на государя, а куница, и белка, и лисицы красные и бобры, то ратным людем в роздел.

Да память воеводе князю Ондрею Васильевичю Елецкому с товарыщи. По государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии указу, послано к вам с Москвы с Микитою с Ушаковым 700 рублев, да с Уланом с Оничковым послано к вам в новой город на Иртиш 35 котлов (*л. 156*) медяных, а в них весу 9 пуд с четвертью, да в новой город вверх по Оби послано 35 котлов, а в них 9 пуд с четвертью ж. И как Микита и Улан с деньгами и с котлами на Лозву придут, и воеводе князю Ондрею Васильевичю с товарыщи те деньги у Микиты Ушакова и котлы у Улана взять сполна, и дати из тех денег на Лозве: в Пелымской город Василью Толстому служивым людем на жалованье 100 рублев, в Березов город Офонасью Благому 200 рублев, в Сургут Володимеру Оничкову 100 рублев, в Тюмень князю Петру Борятинскому 100 рублев, а к ним о тех деньгах от государя писано. Да с собою взять в новой город на Иртиш 200 рублев на запас. Да Володимеру ж Оничкову дати половину 35 котлов, а другую половину взяти с собою на Иртиш, и променити тамошним людем на соболи и на лисицы черные и на шубы на собольи, гривенку по 2 гривны, а пуд променить в 8 руб-

лев; а что на те котлы соболей и лисиц и шуб собольих выімените, и в колько пуд по цене промените, и воеводе князю Ондрею Васильевичю с товарищи держать тое рухлядь в государеве казне у Григорья Елизарова за своею печатью и прислать к государю к Москве с ясашною казною вместе; да о том отписать к государю подлинно в приказ к дьяку к Ондрею Щелкалову.

Роспись, что послано с воеводою со князем Ондреем Васильевичем с Елецким с товарищи в новой город на Тар реку ратных людей, и хлебных запасов, и наряду, и зелья, и свинцу (*л. 156 об.*). С сотником стрелецким с Самойлом с Лодыженским Московских стрельцов 100 человек; с другим сотником с Замятнею Шокуровым 47 человек; и обоего с двема сотниками послано Московских стрельцов 147 человек; а хлебное жалованье дано стрельцам на 102-й год сполна, да им же дано в дорогу по четверти сухарей человеку, а деньги им даны большое жалованье; да в Перми, взяв с Пермские земли, дать им по четверти муки человеку; а как придут в новой город на Тар реку, и им дати из запаснова хлеба по четверти муки человеку, да по осмине круп, по полуосмине толокна человеку, итого 147 четвертей муки ржаной, 73 четверти круп, 37 четвертей без полуосмины толокна. Да из Казани и с Уфы послано полем в Тобольской город, а из Тобольского города итти им с воеводою с князем Ондреем с Васильевичем с товарищи для Кучюма царя с головою с Мамлеем с Мальцовым татар Казанских и Свияжских 100 человек, башкирцов 300 человек, да к ним 4 человека детей боярских, ко сту по человеку. Да с сотником из Казани 50 человек стрельцов конных, да из Лаишева с тем же сотником 50 человек с пищальми полонеников, да из Тетюш с сотником с Микитою с Корякиным 50 человек казаков польских; и всего из понизовых городов велено послать с Мамлеем 554 человека конных. Да из тобольского города взять в тот в новой город выбрав литвы, и черкас, и казаков добрых конных с вогненным боем с головою с Своитином с Рупосовым 100 человек (*л. 157*), да татар Тобольских служивых конных с атаманом с Черкасом с Александровым да с головами с Баисеитом да с Байбахтою 100 человек, а быти литве и казакам конным и татарам с головою с Своитином с Рупосовым и с Черкасом вместе; и обоего из Тобольского велено послать конных 200 человек. Да к тому собрати из волостей, которые волости пошли вверх по Иртишу, татар ясашных добрых конных 300 человек, а быть им с головами с татарскими. Да пеших татар прибрать в судех с пищальми 150 человек, а суды под них со князем Ондреем готовы, а быть им вместе с стрельцы с Московскими. Да из Тюмени велено послать выбрав литвы, и черкас, и казаков конных 40 человек; да татар Тюменских, Верхотурских, Ондреевских, и беляковцов, и зырянцов, у которых заклады поиманы в Тобольской и в Тюмень и измены от них не почаеть, выбрать велено добрых 50 человек конных; а государева им жалованья послано по 2 рубли человеку, итого 100 рублев; и обоего из Тюмени велено послать 90 человек конных. Да из Таборов князю Ондрею взять 30 человек татар конных, да из Кошуков взять 20 человек конных; и обоего с Таборов и с Кошуков 50 человек. Да пермичь плотников взять из Тобольскаго 30 человек пеших, да в новой город

со князем Федором с Борятинским послать пермичь 20 человек (*л. 157 об.*) плотников, а велено им послать с Перми хлеба по 3 четверти муки человеку, по осмине круп, по осмине толокна да по 3 рубли денег человеку. И всего в новой город велено послати с воеводою со князем Ондреем Елецким с товарыщи всяких служивых людей конных из Понизовных городов, и из Тобольскаго, и из Тюмени, и из волостей из Тобольских и из Тюменских конных 1194 человека, а пеших 347 человек: и обоего 1541 человек конных и пеших ратных людей. А как город укрепят и поставят, и отпустить воеводе князю Андрею Васильевичю с товарыщи Казанских конных с детьми боярскими 550 человек. А после того к зиме отпустить конных татар Тобольских с Баисеитом 50 человек. А оставить с Байбахтою лутчих к зиме 50 человек. Да отпустить по волостям 300 человек конных да пеших отпустить 150 человек. А по вестям смотря, опять их конных собрать 300 человек. Да Тюменских татар конных отпустить к [зиме] 50 человек. А оставить зимовать с собою князю Ондрею с товарыщи стрельцов Московских 100 человек. А отпустить в Тобольской к женам зимовать 47 человек; а от того 100 человек отпустить, укрепя город, до 10 человек для береженья, любо им с ними жити, или в новой город с ними приехати, как вместно будет, по тому и привести жены их и дети к зиме или на весне к лету. А стрельцы бы себе избы полепили (*л. 158*). Да с собою ж оставить в новом городе зимовать конных 100 человек литвы и казаков Тобольских. Да Тюменских литвы и казаков конных оставить 40 человек. А Тоборинских и Кошуцких татар 50 человек конных отпустить к себе. Да с собою ж оставить 30 человек плотников. А по вестям смотря, будет к зиме надобна прибавка, и из Тобольскаго бы ко князю Ондрею князю Федору послать 50 человек татар конных, переменя жалованных. И из Тюмени татар конных переменя ж 50 человек. А хлеба в тот в новой город взять с Лозвы из Устюжскаго запасу 500 четвертей муки ржаной, 100 четвертей круп, 100 четвертей толокна. Да денег на запас послано 200 рублей. Да на росход на татарской два постава настрафильных, да 10 половинок ярославских, и из того числа дать Володимеру Оничкову 3 половинки в новой город. А наряду в тот в новой город послано с Москвы с воеводами: пищаль в 4 гривенки ядро, а к пей 200 ядер железных; пищаль деветипядная 2 гривенки ядро, а к ней 200 ядер железных; 10 пищалей затинных, а к ним по 200 ядер к пищали, итого 2000 ядер; 10 пищалей долгих, а к ним по 200 ядер свинчатых, итого 2000 ядер. Да с Пелыми взяти у князя Петра Горчакова пищаль девятипядная, а к ней 200 ядр (*л. 158 об*). Да в тот же в новой город послано 50 пуд зелья, 50 пуд свинцу. Да в тот же в новой город взять с Лозвы у Ивана Нагово 10 пуд железа для городоваго дела. Да с Лозвы ж взять на росход розным людем 70 пуд соли, и к тому в прибавку послать из нового города татар и стрельцов на озеро на Ямыш, и велети соли привести в стругех, и давать в росход служивым людем. А от Тобольского города пошли волости вверх по Иртышу в верхную землю к тому к новому городу ко Ялом, где поставлен будет город государев на Тар реке: волость Курдак, а в ней князь Капкул, а в ней 350 человек, по Иртышу езду

от Тобольского города 4 дни; волость Соргач, а в ней князь Янбыш, а людей в ней 80 человек, от Тобольскаго 8 днищ; волость Отуз, а людей в ней 15 человек, ходу до нее 2 днища; волость Таву, а в ней лутчей человек Ангильдей, а людей у него 10 человек, ходу до тое волости 2 днища; волость Урус, а людей в ней 6 человек; волость Токуз, а в ней лутчей человек Баишеп, а в ней 3 человека; волость Супра; волость Аялы, а в ней ясаул Мамык, а другой Ямдильдей, а людей у них 500 человек, а от Тобольскаго города до той волости в судех вверх Иртышом ходу 15 днищ (*л. 159*). А ясак с тех волостей дают половину на государя, а другую половину дают царю Кучюму, блюдяся от него войны. И только в той в волосте во Ялах станет город государев, ино с тех волостей ясак учнет сходитца сполна. И Мерзлой городок, и Тураш, и Кирпики, и Малогородцы, что ныне за нагайским мурзою за Алеем, все будут к тому городу. А мочно из того из нового города полем и в Пегую орду по ясак посылать, и посылки конные и пешие для войны. А которые будет волости и городки есть, а туто не написаны, и про тех сыскать и с них ясак имати, а об них об новых ко государю отписать.

Архив Акад. Наук. ф. 21, оп. 4, № 15, лл.152—159, №№ 66 и 67.

14. *1594 г. февраля 18. — Жалованная грамота царя Федора Ивановича остяцким князьям Игичею Алачеву и Онже Юрьеву на волости Васпалукук и Колпукулук и о разрешении сбирать на себя ясак.*

Се яз царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии самодержец, Владимерский, Московский, Ноугородский, царь Казанский, царь Астраханский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вяцкий, Болгарский и иных, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Резанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Лифляндский, Удорский, Обдорский, Кондинский и всея Сибирския земли и Северныя страны повелитель, и государь Иверские земли, Грузинских царей и Кабардинские земли, Черкаских и Горских князей и иных многих государств государь и обладатель, пожаловали есмя отчины своей Сибирские земли остяцкаго Игичея князя Алачева да брата его Онжю Юрьева за их службу в Сибирской земле волостью Васпалукук да волостью Колпукулук со всеми угодьи и ясаком; а людей в тех волостях в Васпакулской волости 8 человек, а в Колпокулской волости 3 человека; и Игичею князю с братьею теми волостьми и всякими угодьи и людьми 11-ть человеки владети и ясак с них збирать на себя. А нашим Сибирским воеводам и приказным людем с тех волостей ясаков в нашу казну не имати и их ни в чем не судити, а ведает их и судит и подать свою емлет с них князь Игичей да брат ево Онжа. Дана сия наша царская жалованная грамота в нашем царствующем граде Москве лета 7102-го году февраля 18 дня.

У сей грамоты печать на красном сургуче привязана на шелковом снурку.

На подлинной грамоте писано на обороте: Царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии.

ГАФКЭ, портф. Миллера № 477, I, грам. № 1. Список XVIII в. Напеч. в СГГД, т. II, стр. 27, № 63.

15. *1594 г. июня 14. — Поручная десятника Тимофея Евтюгина с товарищами сотнику стрелецкому Климу Шокурову по новоприборных стрельцах Богдане Григорьеве и Михаиле Тимофееве сыне, обязавшихся жить в стрельцах в Пелыме.*

Се яз десятник стрелецкой Тимофей Евтифиев сын Евтюгин, да яз десятник Прокофей Юрьев сын Пороша, да яз десятник Богдан Логинов сын Серебреник, да яз Григорей Левонтьев сын Шпка, да яз Володимер Калинин сын Рогов, да яз Зык Захарьин сын, да яз Пятюня Микитин сын Опалихин, да яз Кондратей Дмитреев сын, да яз Трофим Иванов сын, да яз Михайло Федоров сын Курень, да яз Шестак Федоров сын, да яз Андрей Дмитреев сын, галечанин, да яз Василей Анцыфоров сын, плотник, да яз Семен Дмитреев сын, а все мы поручники стрельцы Пелымские Климентьева приказу Шокурова, поручились есмы сотнику стрелецкому Климентью Микитину сыну Шокурову по новоприборных стрельцах по Богдашке по Григорьеве сыне, по вятчинине, да по Михалке Тимофееве сыне, пермитине, в том, что жити им за нашею порукою в государеве в новом Пелымском городе и быти в стрельцах, и государева служба служити с стрельцы вместе с своею братьею в ряд, и з государевы службы не збежати и никаким воровством *(л. 297)* не воровати, и зернью не играти; а оружье дано им государево: пищали и порошница, зелье и свинец, для государева дела; и государева хлебного и денежного жалованья не проиграти. А не учнут они быти в стрельцах, или с службы збежат, или учнут каким воровством воровати, или государево хлебное и денежное жалованье проворуют и оружие, и на нас на поручниках пеня государя царя и великого князя, что государь укажет, и государево хлебное жалованье вдвое назад, и наши поручниковы головы в их голов место. А которой нас поручник в лице, на том государева пеня и порука по сей записи. А на то послуси: церковный дьячок Любим Скориков сын Куликов да Степан Мартынов сын Подошевник. А запись писал в новом Пелымском городе Нечайка Васильев сын лета 7102-го году июня в 14 день.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 296 об.—297, № 3.
Напеч. в РИБ, т. II, стб. 100—101, № 53, II.

16. *1594 г. августа 17. — Грамота царя Федора Ивановича в Березов воеводе Никифору Траханиотову о получении в Москве «животов» кондинского князя Агая и о прибытии туда самого кондинского князя с сыном и братьями.*

От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии в Сибирь, в Березов город, воеводе нашему Микифору Васильевичю Трохониотову да Афонасью Ивановичю Благово. Писал к нам ты Микифор с товарыщи и прислал с сыном боярским с Прокофьем Змеевым Кондинского князя животов: 2 венчика серебреных, 2 чепочки серебреных, лошка серебрена, а у ней

6 плащей серебреных, завитца серебрена, чарка серебрена, 426 соболей, 13 лисиц черных, и бурых, и красных, 61 бобр, 1000 белки, завес дорогинена, а опушен камчишком двоелишною; и те Кондинского князя животы взяты у Прокофья у Змеева сполна против вашие росписи. Да з Гевашем с Норовым прислали есте Кондинскаго князя Агая, да сына его Азынку, да брата Кондинского Косякма, и у Геваша Кондинской князь и сын его и брат взяты. А казаки Березовские, которые присланы были с ними для береженья, отпущены к вам на Березов назад. Писано на Москве лета 7102-го августа в 17 день.

Дьяческой приписи у оной грамоты не имеется. Припись на обороте: В Сибирь, в Березов, в новой город, воеводе нашему Микифору Васильевичю Трохапиотову да Афонасью Ивановичю Благово.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 121, № 1.

Напеч. в РИБ, т. II, стб. 101—102, № 54.

17. *1595 г. февраля 10. — Наказ князю Федору Елецкому и голове Василию Хлопову, назначенным в город Тару.* [1]

Лета 7103-го году февраля в 10 день государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руссии велел воеводе князю Федору Борисовичю Елецкому да голове Василью Михайловичю Хлопову быти на своей государеве службе в Сибире в новом городе на Таре на княж Ондреево место Елецкого, а тамо готовы головы Борис Доможиров да Григорей Елизаров, а князя Ондрея Елецкого из Сибири из нового города Тары отпустить ко государю к Москве. А что с ним послано с Москвы в новой город на Тару детей боярских и пушкарей, и зелья и свинцу, и что взяти с Лозвы служивым людем на жалованье государевых хлебных (*л. 3 об.*) запасов и денег, и что велено под те государевы хлебные запасы и под казну взяти судов на Лозве, и тому всему послана с ним роспись подлинная за приписью дияка Василья Щелкалова. И воеводе князю Федору и голове Василью, взяв под зелье и под свинец и под собя подводы по подорожной, ехати с Москвы в новой город на Лозву. А пришед на Лозву, взяти у воеводы у Ивана Васильевича с товарыщи в новой город на Тару служивым людем на жалованье государевы хлебные запасы и деньги по росписи, и под те государевы хлебные запасы и под собя взяти суды, как мочно в тех судех государевы хлебные запасы устроить. А у воеводы у Ивана Васильевича с товарищи в государеве наказе и в росписи написано 7 ж подлинно, сколько им в новой город на Тару государевых хлебных (*л. 4*) запасов с Лозвы отпустити и что под те запасы судов дати. А как, даст бог, на весне лед вскроетца, и воеводе князю Федору да голове Василью, устроя государевы хлебные запасы и деньги в суды, итти с Лозвы в Сибирь, в новой город на Тару. А взяти с Лозвы на те суды для провожанья Лозвинских стрельцов до Пелыми, сколько пригоже, как мочно государевы запасы до Пелыми допровадити. А пришед на Пелымь, взяти у воевод потому ж Пелымских стрельцов для провожанья до Тобольского города, сколько при-

---

[1] *Примечание к § 46 гл. 4.*

гоже, а Лозвинских стрельцов отпустить назад на Лозву. А пришед з государевыми с хлебными запасы в Тобольской город, взяти из Тобольского города у воевод у князя Меркурья Олександровича с товарищи потому ж стрельцов и казаков, кому те государевы запасы допровадить до нового города до Тары (*л. 4 об.*). А пришед в новой город на Тару, устроити государевы хлебные запасы из судов в государевы житницы, а деньги поставить в государеву казну, и держать за своими печатьми; а Тобольских казаков и стрельцов отпустить назад в Тобольской город. А устроя государевы запасы и деньги, взяти у воеводы у князя Ондрея Елецкого государев подлинной наказ и государевы грамоты о всяких государевых и о земских делех, и городовые и острожные ключи, и город и острог, и на городе и на остроги наряд, и в казне зелье и свинец и всякие пушечные запасы, и в житницах хлеб, и книги приход и розход деньгам и хлебу, и служивых людей по росписи, пересмотря на лицо, и ясашные книги, по чему з городков и с волостей с ясашных людей со князьков и с татар, ко(*л. 5*)торые городки и волости пошли от Тобольского города вверх по Иртишу к новому городу к Таре и которые волости пошли выше новаго города Тары, ясаков збираетца. А взяв государев подлинной наказ и государевы грамоты о всяких государевых делех, да по тому воеводе князю Федору и голове Василью с товарищи государевы дела делать и смотря по тамошному делу, как будет пригоже и государю прибыльнее, и роспрося про всякия про тамошние про государевы и про земские дела подлинно воеводы князя Ондрея Васильевича Елецкого, и вычитая государев подлинной наказ, по тому и делать. А служивым людем быти с ними по росписи, какова роспись с ними послана за приписью дьяка Василья Щелкалова. И с ясашных людей со всех городков и с волостей, которые городки и волости близко подошли от Тобольского (*л. 5 об.*) города к новому городу к Таре, и которые волости пошли выше нового города вверх по Иртишу, по ясачным книгам государев ясак збирати по государеву указу. А что с которого городка и с волостей и с кого имянем государева ясаку возьмут, соболей, и лисиц, и шуб собольих и бельих, и бобров, и то все велети записывати в книги подлинно порознь по статьям. А имати вь ясак на государя соболи и бобры добрые и лисицы черные, а худых соболей, и лисиц, и бобров вь ясак не имати. А что ясачные люди принесут сверх ясаку, государю челом ударят, или воеводам что принесут в поминках, и то все по тому ж велети записывати в книги подлинно порознь по статьям; и держать ясашную казну за своими печатьми. А которые князьки и остяки учнут ослушатись, и государева ясаку (*л. 6*) не учнут платити, и в государев город не учнут приходити, и на те волости посылать посылки з головами: литву, и черкас, и казаков конных, а велети их повоевати, и заклады у них поимати в новой город, и их поострастити и укрепити, чтоб их привести под государеву руку и ясаки с них собрати. А которые князьки и татарове государю служат, и в город к воеводам приходят, и ясаки платят, и про всякие вести: про Кучюма царя и про его умышленье и про нагаи учнут приходя сказывати, и воеводе князю Федору и голове Василью тех татар поить и кормить государевым

запасом, и береженье к ним и ласку держать великую и отпускати их к собе не задерживая. И жити в новом городе с великим береженьем, и к служивым людем, и к отаманом, и к казаком, и к стрельцом, и ко всяким (*л. 6 об.*) жилецким людем по тому ж береженье держать великое, чтоб им в таком в дальном месте нужи и тесноты никоторые не было. А государево денежное и хлебное жалованье служивым людем роздати по росписи, какова роспись с ними послана за приписью дияка Василья Щелкалова; а дати деньги и хлеб не вдруг, на два срока, по полугоду, чтоб без запасного хлеба в государевых житницах не было для осаднова времени. А воеводу князя Ондрея Елецкова из Сибири из нового города отпустити ко государю к Москве. А что у него государева ясаку собрано, соболей, и лисиц, и шуб собольих, и всякие мякгие рухляди, и тое ясашную казну всее отпустити с ним ко государю к Москве, а для береженья за казною отпустить проводить казаков и стрельцов (*л. 7*) сколько пригоже, смотря по тамошному делу, чтоб государева казна довести бережно. А самому воеводе князю Федору и голове Василью после князя Ондрея Елецкого быти в новом городе на Таре с великим береженьем, чтоб на городе и на остроге по сторожам и по караулам были сторожи крепкие казаки и стрельцы, по переменам пешие. А в отъеждие станицы посылать для вестей, и про Кучюма царя, и про нагайских людей проведывати литву, черкасов и казаков конных Тобольских и Тюменских, которые будут оставлены конные в новом городе для проезжих станиц, чтоб без вести Кучюм царь, собрався, пришед, над городом какие порухи не учинил и волостей государевых ясашных пришед не извоевал. А только будет у воеводы у князя Ондрея у Васильевича Елецкого с товарищи сее зимы над Кучюмом и нагайского Алея мурзы над волостьми (*л. 7 об.*), которыми волостьми Сибирскими вверх по Иртишу выше новаго города владеют, промыслу и войны над ними не было, и воеводе князю Федору Борисовичю и голове Василью ссылатися в Тобольской и в Тюменской город с воеводами, чтоб людей, литву, и казаков, и служивых юртовских конных татар, прислали, и проведав про Кучюма царя, над ним промыслить, и волости, которые государю непослушны, повоевати, сколько бог помочи подаст, чтоб над ними промысл учинити. А посылати в войну в волости на Кучюма царя голов Василья Хлопова да Бориса Доможирова, а с ними посылать литву и казаков и конных, пеших выбрав лутчих, чтоб Кучюма извоевати и поиск над ним учинити, а себя от нево уберечи. И обо всяких о тамошних вестех и про Кучюма царя и (*л. 8*) про его умышленье и про нагайских людей отписывати в Тоболеск и в Тюмень к воеводам, чтоб им всякие вести про Кучюма царя и про нагайских людей были ведомы. А которые торговые люди учнут приезжать в новой город на Тару из Бухар и из Нагай со всякими товары и с лошедьми и з животиною, и у тех у торговых людей велети служивым людем всякие товары и лошеди и животину покупати, и береженье к торговым людем, к бухарцом и к нагаем, держати, чтоб их впредь приучити; а как они исторгуютца, и их отпущати не издержав. А которые будет торговые люди похотят итти мимо новой город в Сибирские городы, в Тобольской или в

Тюмень, торговати всякими товары или с лошедьми и з животиною, и их потому ж пропущати и береженье к ним держати. А только будут бухарцы учнут приезжати из Бухар о которых о государевых и о земских о тамошных делех, и воеводе князю Федору и голове Василью о том отписывати к государю (*л. 8 об.*), а их отпущати, не задержав, и государь велит указ свой учинити. А что у воеводы у князя Ондрея Елецкого государевых хлебных запасов, и денег, и наряду и всяких пушечных запасов возьмут, и воеводе князю Федору с товарыщи о том о всем отписати и роспись прислати ко государю к Москве в Посольской в четвертной приказ к дьяку к Василью Щелкалову, чтоб про то государю было ведомо.

Да память воеводе ж князю Федору Борисовичю Елецкому. Писал ко государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии из Тобольсково воевода князь Федор Лобанов Ростовской с товарыщи, чтоб прислать в Сибирь 5 скорострельных пищалей, чем промышлять над Кучюмом царем, как царь будет в городкех; и ныне послано до Лозвы с Прокофьем да с Иваном с Воейковыми 5 скорострельных пищалей, а к ним по штисот ядер железных и со всякими пищальными запасы. И воеводе князю Федору Борисовичю, приехав на Лозву, взяти у Прокофья да у Ивана (*л. 163*) у Воейковых тот государев наряд и всякие пушечные запасы, и пушкарей, и зелье и свинец по росписи, и устроить в судех и отвести с собою в новой город на Тару и, пришед на Тару, держать тот наряд в государеве казне для походу на Кучюма царя.

Да память воеводе ж князю Федору Борисовичю. Приехав им в новой город на Тару, пересмотрить и переискати у князя Ондрея у Елецкого, и у голов у Бориса у Доможирова и у Григорья у Елизарова, и у сотников стрелецких, и у всех детей боярских на их дворех Сибирские мяхкие всякие рухляди, приносных и поминочных и купленых соболей, и лисиц черных, и шуб собольих и бельих и горностальных, и бобров; а у ково что найдут, и тое все, рухляди переписати имянно, у ково что найдут, и запечатать своими печатьми. Да и служилыми и торговыми людьми всякими про то сыскать накрепко, у ково они какие рухляди купили, и сколько они мяхкие рухляди из Сибири живучи посылали к себе, и с кем имянем, и в котором году послали, да тот весь сыск и тое всее рухлядь и той рухляди роспись прислали ко государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии к Москве с государевою казною вместе в Посольской в четвертной приказ к дьяку Василью Щелкалову.

ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. № 11, лл. 3—8 об. Список XVII в. — Отсутствующие в нем «памяти» печатаются по списку XVIII в. в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 15, л. 162 об.—163, № 68.

18. *1595 г. июня 26. — Грамота царя Федора Ивановича на Тару воеводе князю Федору Елецкому с товарищами о раздаче жалованья служилым людям за взятие Черного городка.*

От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии в Сибирь,

в новой город на Тару, воеводе нашему князю Федору Борисовичю Елетцкому с товарыщи. Писал к нам воевода князь Ондрей Елетцкой с товарыщи, что послали они про Кучюма царя проведати и языков добывать около Великаго озера и вверх по Иртишу Гришу Ясыря с Тобольскими казаки, да с Тюменскою литвою и с казаки, да Тобольских юртовских татар, и всего они посылали Тобольских казаков, и Тюменские литвы, и Пелымских казаков, и Тобольских татар 90 человек. И декабря в 30 день пришли к ним в новой город на Тару Гриша Ясырь с товарыщи, а с собою привели Ялымских татар 23-х человек, которые у них в новом городе не бывали и не шертовали, а побежали де они х Кучюму (*л. 9 об.*) царю тогды, как пришли воеводы в Ялым города ставити. А в роспросе им Гриша Ясырь с товарыщи сказали, что ходили они от нового города от Тары до Малогородцкой волости до Вузюковы деревни, что на Вузюкове озере, а те деи все татарове на том озере ловят рыбу на Кучюма царя, и тут их побили и поимали. И тех татар роспрашивали и па пытке пытали, и они в роспросе и на пытке сказали: как де послышал Кучюм царь, что идут наши воеводы с воинскими людьми вверх по Иртишу во Ялы города ставить, и он де Кучюм царь прислал к ним сына своего царевича Алея, а велел их всех забрати к себе; и Алей де собрал Оялымские волости татар 150 человек и отвел их вверх по Иртишу на Черной остров, и тут деи они на Черном острову поставили городок, и в том городке зимуют, да с ними ж в городке малогородцов 50 человек, а лучших у них людей в городке: Малык да Сеткул есоулы, да князьки Сююндук да Илгулуй, а ловят приходя (*л. 10*) на Вузюкове озере рыбу на царя и посылают к царю х Кучюму, а от царя к ним люди приезжают ежедень, а царь де Кучюм стоит вверх по Иртишу меж дву речек, одернувся телегами. за Омь рекою пешим ходом днища з два ходу до Кучюма царя, от их городка от Чернова острова пешими людьми нескорым ходом днищ с 5 или с 6. И отпустил он князь Ондрей по тем по вестям под городок Бориса Доможирова а с ним дву сотников стрелетцких, да 100 человек стрельцов, да Тобольские литвы 60 человек, да казаков Тобольских 40 человек, да Пелымского атамана казачья Казарина Волнина а с ним казаков 10 человек, да пермичь ратных людей 15 человек, да Тобольских юртовских татар 7 человек, и всего посылали 276 человек. И оне, пришед под Черной городок, божиим милосердьем городок взяли, а в городке взяли Оялымских людей: Мамык ясоула, да Сеикул есоула, да Илгулой князька, да Темсепека князькова Колкильдеева сына, а с ними 60 человек Оялымских татар з женами и з детьми (*л. 10 об.*); а в роспросе сказали, что сидело их в городке 200 человек, да с ними ж Кучюмовых людей 20 человек, и из городка выбежало их 90 человек, да малогородцов 50 человек з женами и с детьми да Кучюмовых людей 20 человек. И Борис Доможиров посылал за Кучюмовыми людьми литвы и казаков и стрельцов 70 человек, и тех Кучюмовых татар побили всех на голову, а живых языков взяли на том деле Кучюмовых татар 6 человек. И Борис Доможиров, зжегши городок, с теми со всеми людьми пришол в новой город на Тару здорова. А которые люди под городом нам служили, и языки имали

и бился явственно, и которые ранены, и тому прислан к нам послужной список. И мы ко князю Ондрею к Елецкому и к Борису Доможирову и к сотником стрелетцким и к стрельцом, которые нам служили, за их службу свое жалованье к ним, золотые и деньги, послали с атаманом с казачьим с Казарином с Волниным, а что раненым и язычником, которые бились явственно, послано нашего (*л. 11*) жалованья за службу, и тому с ним послана роспись подлинная под сею нашею грамотою за приписью дьяка нашего Василья Щелкалова. А будет где Казарин воеводу князя Ондрея Елетцкого в котором месте на дороге встретит, и Казарину велено жалованье князю Ондрею Елетцкому в том месте и отдати. И как к вам ся наша грамота придет, а атаман Казарин Волнин с нашим жалованьем к вам приедет, и вы б Борису Доможирову, и сотником стрелецким, и литве, и казаком, и стрельцом наше жалованье за их службу, золотые и деньги, роздали по росписи, какова роспись послана под сею нашею грамотою за приписью дьяка нашего Василья Щелкалова. И наше жаловальное слово всем служилым людем сказали, что мы их впредь за их службу пожалуем своим великим жалованьем, и они б нам и впредь служили больши прежнаго. И жили б есте в новом городе с великим береженьем, чтоб у вас в городе было от Кучюма царя и от нагайских людей и от тутошных и от ближних волостей бережно, и про Кучюма царя и про нагаи (*л. 11 об.*) и про их умышленье проведывати посылали, чтоб они пришед над городом никакие порухи не учинили никоторыми делы. А что у вас какие вести поновятца, и где ныне Кучюм царь кочюет, и что его умышленье, и с нагаи у него ссылка есть ли, и которые волости под нашу царскую руку приведены, и как ясак платят, и о том бы есте к нам к Москве подлинно ж отписали в Посольской в четвертной приказ к дьяку нашему к Василью Щелкалову, чтоб нам про всякие про тамошные вести было ведомо. Писано на Москве лета 7103-го июня в 26 день.

ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. № 11, лл. 9—11 об. Список XVII в. — Список XVIII в. в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 15, лл. 163—164 об., № 69.

19 *1595 г. июня 26. — Грамота царя Федора Ивановича в Тюмень воеводе князю Григорию Долгорукому с товарищами о вестях, полученных от прежнего воеводы князя Петра Борятинского.*

От царя и великого князя Федора Ивановича всея Русии в Сибирь, в Тюменской город, воеводе нашему князю Григорью Ивановичю Долгорукому с товарыщи. Писали к нам из Тюмени князь Петр Борятинской да Богдан Воейков, что писал к ним из нового города с Тары воевода (*л. 4 об.*) князь Ондрей Елецкой с товарыщи: в которых волостех татарове нам не служат и не шертовали, а ему де князю Андрею посылать на те волости воевать без прибыльных людей некого; и они с Тюмени посылали десятника казачья Исачка Луховца, а с ним литвы и казаков с вогненным боем 14

Рис. 15. Тюмень.
(Ремезовская летопись, ст. 121.)

человек да татар 16 человек, а велели им, сшедчись с Тобольскими людьми, итти в новой город на Тару ко князю Андрею Елецкому; и маия в 27 день Исак Луховец с товарыщи пришел к ним на Тюмень здоровой, а с ним писал князь Ондрей Елецкой; посылал де он их с Борисом с Доможировым воевать наших изменников волость Чангулу да волость Лугуй, и они де те волости воевали и городок взяли; да им же в роспросе сказывал Исак Луховец с товарыщи: как де князь Ондрей отпустил их с Тары к ним на Тюмень, и они де отошли от Тары день, и угонил их литвин Иван Мошкович да с ним татарин, а едет он с грамотами от князя Ондрея Елецкого в Тобольск ко князю Федору Лобанову Ростовскому (*л. 5*), что выехал в новой город на Тару Чин мурза и с женою, да с ним де выехала Маметкула царевича мать, а людей де с ним 38 человек, а хочет Чин мурзу князь Ондрей со всеми его людьми отпустить в Тобольской. Да в прошлом в 102-м году велено быти на нашей службе на Таре с Тюмени казаков 40 человек, и тех людей с Тары князь Ондрей Елецкой с товарыщи 103-го году маия в 30 день на Тюмень не отпускивал, а на Тюмени людей мало, посылать в проезжие станицы и в отъезжие караулы некого. И нам те вести ведомы, что Тюменские казаки и татарове с Тары с Исаком с Луховцом пришли в Тюмень из походу здорово, и Чин мурза с женою и с детьми на Тару выехал. И отпустили есмя десятника казачья Исака Луховца назад в Сибирь к вам в Тюменской город. А которые Тюменские казаки во 102-м году 40 человек казаков посланы в новой город на Тару и на Тюмень не бывали, и о тех о Тюменских людях наш указ послан в новой город на Тару с воеводою со князем Федором Елецким; а велено ему, пришед на Тару, смотря по тамошнему делу, и смотря по вестем и роспрося князя Ондрея Елецкого, Тюменских казаков с Тары в Тюмень отпустить. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б жили в Тюмени с великим береженьем и нашими всякими делами и пашнею промышляли по нашему указу и смотря по тамошнему делу. А что у вас в Тюменском городе наших дел делается, и вы б обо всяких о тамошних делех (*л. 5 об.*) к нам отписывали подлинно, чтоб нам про тамошние дела и про вести было ведомо... (*л. 6.*) Писан на Москве лета 7103-го году июня в 26 день.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 4—6, № 3. Напечатана с пропуском части текста на лл. 5 об.—6.

20. *1595 г. августа 16. — Грамота царя Федора Ивановича в Тару воеводе князю Федору Елецкому с товарищами по поводу тамошних дел и вестей о Кучуме и нагайцах.*

От царя и великаго князя Федора Ивановича всеа Русии в Сибирь, в новой город на Тару, воеводе нашему князю Федору Борисовичю Елецкому с товарыщи. В нынешнем во 103-м году июля в 29 день писал к нам из Сибири, из нова города с Тары, воевода князь Ондрей Елецкой с товарыщи, что велено им по нашему указу промышляти над Кучюмом царем и над волостьми, которые волости нам не служат и ясаку не платят. И они, проведав про Кучюма царя, что царь Кучюм зимует в верх по Иртишу, а ходу до него

от новава города от Тары 20 днищ. И писал он князь Ондрей с товарыщи в Тобольской ко князю Федору Лобанову Ростовскому с товарыщи о людех, чтоб прислали людей, кем над Кучюмом царем и над царевыми людьми промыслити и волости воевати. И князь Федор Лобанов прислал к ним в новой город на Тару из Тобольсково голову Своитина Рупосова, а с ним Тобольских и Тюменских служивых людей (*л. 14 об.*), детей боярских, и атаманов, и литвы, и казаков, и стрельцов, и служилых татар, с вогненным боем 239 человек, и пришли они в новой город на Тару истомны, и многие поустали, и послать было над Кучюмом царем промышляти теми людьми некем. И он князь Ондрей отпустил из нового города с Тары марта в 17 день голов Бориса Доможирова да голову Своитина Рупосова, а с ними детей боярских, и литвы, и казаков, и стрельцов, и служивых юртовских и волостных татар, Тобольских, и Тюменских, и Тарских 483 человека воевати волостей: волость Чангулу, волость Лугуй, волость Любу, волость Келему, волость Тураш, волость Барабу, волость Кирпики, а те волости нам не служат и ясаку не давали, а живут в тех волостях ясачные люди многие, и в новой город на Тару к нему ко князю Ондрею не прихаживали, а были волости за Алеем, мурзою нагайским. И головы Борис Доможиров и Своитин Рупосов, не доходя волости Тураша, пришли под городок под Тунус, стоял (*л. 15*) в волости в Чангуле; а в городке сидело татар изменников 40 человек з женами и з детьми; и из городка де вышли татарове и с ними билися, и на вылазке тех татар побили, и языки поимали, и городок Тунус взяли, а на вылазке убили 17 человек, а лутчева человека Чангулу мурзу взяли жива, а с ними взяли 5 человек, и городок сожгли, и Чангулу волость и Любу волость воевали, а в них были ясачные многие люди. А Турашские волости, послыша войну, что идут их наши люди воевати, все татарове за всю свою Турашскую волость пришли к головам к Борису и к Своитину Рупосову бити челом, чтоб их мы пожаловали, воевати не велели, а велели их держати под нашею рукою, а им бы нам служити и ясак платити, чем их мы обложим, и нам шертовали. И Борис и Своитин из Любы волости воротились в новой город на Тару, для того что ясачные волостные люди нам добивают челом и шертуют, и для того что последней путь, и пришло роскалье великое, итти на лыжах не мочно. А Кирпитцкие волостные люди по тому ж (*л. 15 об.*) нам били челом, чтоб мы их пожаловали, ясаком велели обложити, и ясак с себя збирают, и лутчие люди все будут с ясаком к воеводам в город, на том и шертовали. И пришли головы Борис Доможиров и Своитин Рупосов в новой город на Тару со всеми людьми здорово. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б Борису Доможирову и нашим служилым людем, Тобольским, и Тюменским, и Тарским детем боярским, и атаманом, и литве, и казаком, и стрельцом, которые были в походе з Борисом, наше жаловальное слово сказали, что мы их за их службу пожалуем своим великим жалованьем и впредь им жалованье свое пришлем, а они б нам и вперед по тому же служили. И жили б есте в новом городе с великим береженьем, и про всякие вести, про Кучюма царя и про нагаи, проведывали,

чтоб они, пришед, над городом какие порухи не учинили некоторыми делы. А Тобольских и Тюменских служилых людей, литву, и казаков, и стрельцов, только не тихо, до тех мест с Тары не отпущали, чтоб на Таре без людей не было. А которые волости ближние и дальные вверх (*л. 16*) по Иртишу нам служат и прямят, и в город к вам приходят, и ясак с собя дают, и которые волости ново прибыли добили челом и шертовали, и вы б к ним береженье и ласку держали великую, и от Кучюма царя и от нагайских людей их берегли, чтоб их Кучюм царь и нагайские люди собрався не извоевали. А которые волости нам не служат, и ясаку с себя не дают, и в город к вам не приходят, и вы б, смотря по тамошнему делу, над теми волостьми промышляли, и на них посылали войною, смотря по людям, чтоб их извоевати и привести под нашу царскую руку и к шерти, и ясак с них имать. А служилых людей прибыльных к вам на Тару пришлем на весну, кем вам над Кучюмом царем и над волостьми промышлять. А что у вас по нашему указу зделаетца, и вы б о том к нам к Москве отписали в Посольской в четвертной приказ к дьяку нашему к Василью Щелкалову (*л. 16 об.*), чтоб нам про тамошные вести было ведомо. А казаку Поспелу Голубину нашего жалованья дано на Москве на нынешной на 103-й год 5 рублев с четью, оклад его сполна, а на Таре ему других денег не давали; а наше хлебное жалованье ему дали по нашему указу з женатыми казаки и стрельцы ровно, а товарищем ево Пелымским казаком дали нашего денежнаго жалованья по 5-ти рублев человеку; а хлебное жалованье дали женатым казакам з женатыми, а холостым с холостыми. Писано на Москве лета 7103-го августа в 16 день.

Припись и грамоты дьяка Василья Щелкалова.

ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. № 11, лл. 14—16 об. Список XVII в. — Список XVIII в. в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 15, лл. 165—166 об., № 70.

21. *1595 г. августа... — Грамота царя Федора Ивановича в Березов воеводе Василию Волынскому с товарищами о возвращении князю Игичею Алачеву взятой ими в полон дочери кондинского князя.*

От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии на Березов воеводе нашему Василью Степановичю Волынскому с товарыщи. Бил нам челом князь Игичей Олачев а сказал: был де он князь Игичей на нашей службе в Большой Конде с Иваном Змеевым, и Кондинского князя они взяли, и людей его побили, и иных в полон поимали; да взял де он князь Игичей Кондинского князя дочь девку, и как де он пришол на Березов, и воеводы де наши Никифор Траханиотов да Афонасей Благой ту девку у него взяли насильством и отдали тое девку Березовским остяком. И будет так, как нам князь Игичей Алачев бил челом, и как к вам ся наша грамота придет, и вы б тое девку сыскали у Березовских остяков, Кондинского князя дочь, а взяв отдали ему князю Игичею Алачеву тотчас, чтоб вперед на вас нам не бил челом. Писан на Москве лета 7103-го году августа в ... день.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 121 об., № 2.

Напеч. в РИБ, т. II, стб. 102, № 55.

22. *1595 г. декабря 14.* — *Грамота царя Федора Ивановича в Пелымъ воеводе Богдану Полеву о разрешении не производить до нового государева указа городовое дело в Пелыме.*

От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии на Пелым воеводе нашему Богдану Ивановичю Полеву да Григорью Ивановичю Микулину. Били нам челом Пелымского города жильцы князь Лаврентей Ядровской и во всех товарыщей своих место а сказали: служат они на Пелыми всякие наши службы, конные и пешие, и на караулех в городе и в остроге и на всякие их посылки посылают, и около города острог и башни ставили, и ров около острогу выкопали, и наших служилых людей провожают, и за пашенными за всякими людьми в приставстве ходят, и жнут и молотят, и за нашими запасы посылают; да им же де велено нарубати и крыти Пелымской город, а они города рубить и крыть не умеют, и плотничная им рубля не в обычей. А вы к нам писали, что велено вам всякими служивыми людьми, детьми боярскими, и литвою, и казаки, и стрельцы, и пашенными людьми город нарубати и покрыти, и около города ров копати, и честнок бити, и город и острог поделать и укрепить, чтоб в городе сидети было безстрашно; и на Пелыми деи города нарубать и покрыть некому, плотников нет, а служилых людей мало ж, а пашенные люди нужны и голодны, помирают голодною смертью. И ново де острогу зделали вы всякими служилыми людьми и Пелымскими жильцы от Тавды реки 240 сажен, и на остроге поставили наугольных и по воротом 7 башен, и город и острог укрепили, а дорубати и покрыти города некем, а служилые люди плотничать не умеют. И нам бы вам велети о том указ учинить. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б Пелымским служивым всяким людем, литве, и казаком, и стрельцом и пашенным людем, ныне города дорубать и крыти не велели до нашего указу для их великих нуж, только б у вас острог и город был укреплен, чтоб в остроге и в городе жить было безстрашно. А вперед о городовом деле наш указ к вам будет. Писан на Москве лета 7104-го декабря в 14 день.

На подлинной пишет тако: Правил подьячей Ивашко Васильев.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 297—297 об., № 4.

23. *1596 г. июня 20.* — *Грамота царя Федора Ивановича в Пелым воеводе Богдану Полеву о сложении недоимок по ясачному сбору с Большой Конды и о взимании впредь меньшего ясака.*

От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии на Пелым воеводе нашему Богдану Ивановичу Полеву. Писал еси к нам, что посылал ты в Большую Конду ясатчиков Богдашка Волошанина да целовальника Степанка Подошевника и велел им собрати на нас ясаку на нынешней на 104-й год по прежней росписи, за приписью дьяка нашего Ондрея Щелкалова, 37 сороков и 20 соболей; и Кондинские де мурзы и сотники и все ясачные люди всего собрали 22 сорока 20 соболей против прошлого 103-го году, против Васильева збору Толстово; а не добрали они нашего ясаку против прежне

росписи штинатцати сороков; и ты хотел на них тот достальной ясак по нашей указной росписи править; и Кондинские деи мурзы и лутчие люди принесли к тебе челобитную, и ты тое челобитную и за тою челобитною прислал к нам к Москве челобитчиков Курманака мурзу Тапаева с товарыщи. А в челобитной их написано, что велено с них с ясачных татар ясатчиком Богдашку Волошанину собрати на нынешней на 104-й год з Большие Конды 37 сороков и 20 соболей; а в прошлом в 103-м году взял с них Василей Толстой нашего ясаку собольми и лисицами (*с. 2*) и бобры 21 сорок и 20 соболей; и они деи Пелымские вогуличи на нынешней на 104-й год собрали ясаку великою нужею 22 сорока и 20 соболей, потому что многие у них ясачные люди побиты, а иные померли, и вперед де им по той нашей указной росписи столько нашего ясаку в нашу казну платить не мочно. Да з Большие ж Конды взяти было на прошлые годы недоборного ясаку, что на них не добрано по ясачным книгам на 97-й, да на 98-й, да на 99-й, да на 100-й, да на 101-й, да на 102-й год против 41415-ти белок, а 100 белок по нашему указу положено против рубля, итого всего деньгами 414 рублев 5 алтын; да прошлого ж 103-го году недоборного ясаку 16 сороков да нынешнего 104-го году недоборного ясаку 15 сороков и 20 соболей. И нам бы их Большие Конды ясачных татар пожаловати, того недоборного ясаку на прошлые на 7 лет и на нынешней на 104-й год правити на них не велети. И мы Пелымского города Большие Конды ясачных татар Курманака мурзу с товарыщи пожаловали: за прошлые годы недоборного ясаку на 97-й, да на 98-й, да на 99-й, да на 100-й, да на 101-й да на 102-й против 41415 белок, а 100 белок по нашему указу положено против рубля, итого всего деньгами 414 рублев и 5 алтын, да 103-го году недоборного ж ясаку 16 сороков, да нынешнего 104-го году недоборнаго ж ясаку 15 сороков и 20 соболей править не велели, потому чтоб с них ясак имати по мере, чтоб их тем не отгонити. А вперед велели з Большие Конды с ясачных татар имати по 20 по 2 сорока и по 20 соболей на год, по тому, что с них взято на нынешней на 104-й год. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б Большие Конды на ясачных татарех за прошлые годы на 97-й, да на 98-й, да на 99-й, да на 100-й, да на 101-й да на 102-й год по ясачным книгам против (*с. 3*) 41415 белок, и на 103-й год 16-ти сороков да на нынешней на 104-й год 15-ти сороков и 20-ти соболей на них править не велели. А вперед на 105-й год велел с них ясак взяти против нынешнего 104-го году 22 сорока 20 соболей; да и вперед с них велел ясак имати по 20-ти по 2 сорока и по 20-ти соболей. И вперед бы их велел беречи от проезжих и от тутошних людей, чтоб им обиды и насильства никоторого не было. Писан на Москве лета 7104-го июня в 20 день.

На обороте: Дияк Иван Вахромеев. — Правил подьячей Тимошка Осипов. — На Пелым воеводе нашему Богдану Ивановичю Полеву. — 104-го году августа в 20 день привез государеву грамоту Кондинской мурза Курманак с товарищи.

ГАФКЭ, портф. Миллера, № 478, I, грам. № 5. Три состава. — Список в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 297 об. —299, № 5.

Напеч. в РИБ, т. II, стб. 123—125, № 59.

24. *1596 г. июня 20. — Грамота царя Федора Ивановича в Пелым воеводе Богдану Полеву о сложении недоимок по ясашному сбору с Малой Конды и о взимании впредь меньшего ясака.*

От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии на Пелым воеводе нашему Богдану Ивановичу Полеву. Писал еси к нам, что посылал еси в Меньшую Конду ясатчиков 3-х человек а велел собрати с Меньшие Конды нашего недоборново ясаку прошлых годов: на 100-й, да па 101-й да на 102-й год, по Тобольским по ясашным книгам, всего 17 сороков и 25 соболей, да 2 лисицы шубные, да на 103-й год недоборново ж ясаку 7 сороков и 25 соболей, да на нынешней на 104-й год велено им собрать 10 сороков соболей да лисицу шубную. И Малые Конды лутчие ясашные люди пришли к вам на Пелым, а принесли они нашего ясаку на нынешней на 104-й год только 2 сорока и 20 соболей, да 1100 белки за 2 сорока и за 20 соболей, и всего собольми и бобры и белками принесли на нынешней на 104-й год за 5 сороков; а не добрали они нашего ясаку на нынешней на 104-й год и на прошлые годы: на 100-й, да на 101-й, да на 102-й, да на 103-й год, всего 30 сороков и 10-ти соболей да 3-х лисиц шубных. И ныне нам били челом Малые Конды ясашные люди Рымко да Олешка и во всех товарыщей своих место а сказали, что велено на них доправити (*с. 2*) нашего прошлого ясаку на 3 годы, чего они не платили в Тобольской город, 17-ти сороков соболей да лисицу чернушубную; а они де тот прошлой ясак платили в Тобольской весь сполна по Тобольскому окладу по 4 сорока соболей на год, да на 103-й год по Васильеву недобору Толстово 6 сороков и 26 соболей, а на нынешней на 104-й год велено на них доправити ясаку 10 сороков соболей да лисицу чернушубную; и они де всего заплатили нашего ясаку на нынешней на 104-й год 5 сороков соболей да за одну шубную лисицу; и в том де они ясаке и достальные свои животишка позакладывали; и нам бы их пожаловати, велети им в ясакех полехчить; а только де их в Малой Конде, кому мочно наш ясак платить, 20 человек. И мы Меньшие Конды ясашных татар пожаловали: недоборново ясаку с них на 100-й, да на 101-й, да па 102-й, да на 103-й год да и на нынешней на 104-й год, всего 30-ти сороков и 10-ти соболей да 3-х лисиц шубных, правити не велели; а велели с них вперед ясак имати по 5 сороков на год, по тому ж, что с них взято на нынешней на 104-й год. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б Меньшие Конды на ясашных татарех недоборново ясаку прошлых годов: 100-го, да 101-го, да 102-го, да 103-го да нынешнего 104-го году, всего 30-ти сороков и 10-ти соболей да 3-х лисиц шубных, правити не велел, чтоб ясашных татар вперед (*с. 3*) тем не отгонити. А вперед с Меньшие Конды с ясашных татар и с вогуличь имал нашего ясаку по 5-ти сороков соболей на год, по тому ж, что с них взято на нынешней на 104-й год. И вперед бы еси их велел беречь, чтоб им обиды и насильства никоторого ни от кого не было. Писан на Москве лета 7104-го июня в 20 день.

На обороте: Дияк Иван Вахромеев.—Правил подьячей Тимошка Осипов.

ГАФКЭ, портф. Миллера, № 478, I, грам. № 6. Три состава. — Список в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 299—300, № 6.

25. *1597 г. октября 12. — Грамота царя Федора Ивановича в Пермь Великую Василию Головину и Ивану Воейкову о построении города на реке Туре, на городище Неромкуре.*

От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии в Пермь Великую, в Чердынь, Василью Петровичю Головину да Ивану Васильевичю Воейкову. В нынешнем во 106-м году октября в 3 день писал к нам из Перми Сарыч Шестаков да прислал городовому и острожному делу роспись городище Неромкуру, а в росписи написано: от реки от Туры по берегу крутово камени горы от воды вверх высотою сажен з 12 и больши, а саженьми не меряно, а та гора крута, утес, и тово места по Туре по реке по самому берегу 60 сажен больших, и по смете де тому месту городовая стена не надобе, потому что то место добре крепко, никоторыми делы взлести не мошно, и по их бы смете по тому месту городовая стена не надобе, потому что то место и без городовые стены всякова города крепче, разве б по тому месту велети хоромы поставить в ряд, что город же, да избы поделать, и дворы б поставить постенно; а по углом города (*л. 11 об.*) от реки от Туры поставить наугольные башни. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б того места от реки от Туры по берегу разсмотрили, сколь то место крепко и мочно ль быти по тому месту от реки от Туры без городовые стены. И только будет то место крепко, и городовая стена не надобе, и вы б зделали нового города три стены, а с четвертую сторону от реки от Туры велели поставить хоромы в стену воеводские или которые иные хоромы поставить пригодятся, которым быти в городе пригоже, только бы было постенно, да избы поделать; а городовые стены не ставили, велели бы есте от реки поставить наугольные башни для очищения с тех башен стен и за реку. Писана на Москве лета 7106-го году октября в 12 день.

Подлинная за закрепою дьяка Ивана Вахрамеева.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 11—11 об., № 6.

Напеч. в РИБ, т. II, стб. 56—57, № 43.

26. *1597 г. декабря 15. — Грамота царя Федора Ивановича в Верхотурье Василию Головину и Ивану Воейкову о строении города и острога на реке Туре.*

От царя и великого князя Фейдора Ивановича всеа Русии на Туру, на Верхотурье, Василью Петровичю Головину да Ивану Васильевичю Воейкову. В нынешнем 106-м году декабря в 10 день писали есте к нам ис Перми, что велено вам быть на нашей службе на новой на Сибирской на Верхотурской дороге, на старом на чюцком городище на Неромкуре поставити город, а на городовое и на острожное дело велено вам взяти в Перми Великой у Сарыча у Шестакова денег 300 рублев, что в Пермь присланы с Москвы, а на те деньги велено нам наняти посошных людей, пеших и конных и плотников со всякою посошною плотничьею снастью, по договору, по чему наймутца, и поруки по них взять крепкие з записьми, что им город и острог

делати, а не отделався от городового и от острожново дела не збежати; а будет тех денег 300 рублев мало, и вам велено взяти в Перми у Сарыча у Шестакова из земских ис кабатских денег 100 рублев или сколько будет по смете надобет; да о том велено вам отписати к нам к Москве. И вы приехали в Пермь Великую ноября в 11 день, и велели тотчас бирючю тово ж дни (*л. 18*) кликать в Перми, в Чердыни, да в уезде по погостам и к соли Камской тотчас розослали для того, чтобы шли охочие люди наймоватца к нашему к городовому делу; и роспись городовой и острожной смете у Сарыча у Шестакова взяли, сколько надобе на город и на башни лесу и сколько башен. И вы де, примерясь к той росписи, смечали и людей наймовали с Сарычом вместе, сколько надобно к нашему к городовому строению делу посошных людей, пеших и конных и плотников, колькими людьми мочно город и острог поставити для поспешенья вскоре. И надобно по вашей смете посошных пеших и конных людей и плотников, кому лес ронить и возить, и город и острог ставить 550 человек. И пешие де люди посоха договорились по полутора рубли на месяц человеку, а просят денег вдруг на 3 месяцы, а на полтора и на 2 месяца не возьмут, а говорят, что место дальнее и пустое, без запасу итти не мочно; а конные последнее договорилися на месяц по 2 рубли и по 26 алтын по 4 деньги; а плотники просят по 2 рубли на месяц, а денег просят на 3 ж месяцы (*л. 18 об.*). И только город и острог делати наскоро, а деньги давать на 3 месяцы, ино надобе денег по вашей смете 360 человеком пешим людем 1620 рублев, да конным 150 человеком надобе 1260 рублев, да плотником 40 человеком надобе 240 рублев, и всего надобе денег к городовому и острожному делу посошным людем пешим и конным и плотником 550 человеком на 3 месяцы 3120 рублев, а с Москвы денег прислано только 300 рублев да в Перми велено взять у Сарыча у Шестакова из кабатских денег 100 рублев или сколько по смете надобе. И вы де у Сарыча и у земских людей денег просили, и Сарычь де и земские люди отказали, что у них денег кабацких нет, дать нечево, а правити ему Сарычю на земских людех тех денег не велено. И положили вы на самой на меньшой мере, пригоговрили к городовому и к острожному делу посошных пеших людей 100 человек, а конных 50 человек, да плотников 10 человек, а дать на месяц пешим (*л. 19*) по полутора рубли человеку, а конным по 2 рубли по 26 алтын по 4 деньги человеку, а плотником по 2 рубли на месяц человеку, а дати им деньги вдруг на 3 месяцы; а только на 3 месяцы денег им не дати, и они на нашу службу не идут, потому что место новое и пустое и дальнее, без запасу итти не мочно, померете с голоду; ино надобеть и по меньшей мере денег пешим и конным людем и плотником 160 человеком 930 рублев, и доведетца у Сарыча взяти в Перми в Великой к тем 300 рублем, которые присланы с Москвы, 630 рублев. И вы де у Сарыча денег просите, и Сарычь де вам денег не дает, а сказывает, что у Чердынского старосты у Ивана у Клементьева с товарыщи он Сарычь денег просит, и они деи хотят денег дать, а дни вам не скажут, как деньги дадут. А вы деи в Перми живете ноября с 11 числа да ноября ж по 18 число, а мешкаете за тем, что вам пермичи и Сарычь денег не дадут, а без

денег ден посошные и записей на себя не дадут. И нам бы вам велети о посошных людех и о плотникех и о деньгах указ свой учинить. И вы то делаете негораздо, что посошных (*л. 19 об.*) людей конных и пеших и плотников приговорили дорого: от Соли Камской до Верхотурья всего 200 верст. И как к вам ся наша грамота придет, а вы будет до сей нашей грамоты ис Перми на Верхотурье для нашего городового дела не пошли, денег вам пермичи на наем не дали, и вы б тотчас у них деньги взяли. А дали бы есте посошным людем найму на 3 месяцы, конным 50 человеком по 40 алтын, а плотником по рублю, а пешим посошным людем по 30 алтын на месяц. А будет посошные люди, конные и пешие и плотники, денег у вас по тому указному найму не возьмут, и вы б тех посошных людей конных и пеших и плотников доправили на Сарыче и на пермичах со всей Пермской земли тотчас. А отдавали б есте посошным людем найму конным 50 человеком по 40 алтын, а плотником по рублю, а пешим посошным людем по 30 алтын на месяц. И шли на Верхотурье по пашему по прежнему указу. А посылали б пермичи тех посошных людей и плотников (*л. 20*) на Верхотурье переменяя. А будет вы у пермичь деньги взяли и дали посошным наем по договору, по чему уговаривались: конным по 2 рубли по 26 алтын по 4 деньги, а пешим по полутора рубли, а плотником по 2 рубли, и вы б на тех посошных людех и на их порутчикех те лишние деньги велели доправити назад и отдали те деньги пермичам. А однолично б есте нашим городовым делом промышляли вскоре, чтоб вам к весне на Верхотурье город и острог поставити. Писан на Москве лета 7106-го году декабря в 15 день.

За закрепой дьяка Ивана Вахромеева.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 17 об.—20, № 8.

Напеч. в РИБ, т. II, стб. 57—61, № 44.

27. *1597 г. декабря ...—Отписка Лозвинского воеводы Ивана Траханиотова Пелымскому воеводе князю Петру Шаховскому о том, что по государеву указу велено уничтожить Лозвинский городок и вместо него выстроить другой на старом городище Неромкуре.*

Господину князю Петру Михайловичю да Дементью Григорьевичю Иван Троханиотов да Иван Неелов челом бьют. Писал, господине, к нам государь царь и великий князь Федор Ивановичь всеа Русии, что Лозвинскому городу вперед не быти, а быти ему разорену, а на его место на Верхотурской дороге быти городу на старом чюцком городище на Неромкуре, и стрельцов с Лозвы велел государь послати на Верхотурье для городоваго дела и для их строенья, потому что лозвинским людям тамо быти. И о том, господине, государь к нам писал же, а велел нам к вам на Пелым отписать про Лозвинской город и про острог: только будет на Пелым тот город и острог пригодится к старому Пелымскому городу и к острогу на поделку или на хоромную ставку, и как бы государеву делу было прибыльнее, и служивым людем лехче, что готовой городовой и острожной лес понизовною водою припро-

вадити. И вам бы, господине, к нам о том на Лозву отписати и людей прислати, кому тот Лозвинский город и острог рушати и понизовною перепровадити с Лозвы на Пелымь. И к вам о том государь с Пелымским литвином с Косткою писал же. И вы бы, господине, о том к нам с Лозвинским стрельцом с Федькою с Холуевым отписали. И о том государь к нам писал же, что нам велел государь зимовати на Лозве, а суды нам велел готовити и под свою государеву казну и подо всех ратных людей, в чем провадити его государева казна и нам с Лозвы с служилыми людьми весною на Верхотурье итти.

На обороте: Господину князю Петру Михайловичю да Дементью Григорьевичю. — 106-го генваря в 11 день привез грамоту литвин Костя Иванов.

ГАФКЭ, портф. Миллера, № 478, I, грам. № 11. — Список в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 310 об. — 311, № 17.

Напеч. в РИБ, т. II, стб. 149—150, № 65.

28. *1599 г. февраля 20. — Грамота царя Бориса Федоровича в Верхотурье воеводе Василию Головину о выдаче «подмоги» стрельцам и казакам, переведенным с Лозвы на Верхотурье.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всея Русии в новой город на Верхотурье Василью Петровичю Головину да Иваке Васильевичю Воейкову. Били нам челом Верхотурсково города стрелецкие и казачьи десятники Ромашко Голянищев да Федька Бровка, и в товарыщей своих место 46 человек, а сказали: в прошлом де в 106-м году по нашему указу велено Ивану Троханиотову да голове Ивану Неелову с Лозвы церковное строение и нашу казну и их служилых людей перевести в новой город на Верхотурье; и им де на Верхотурье дворов своих поставить нечем; и нам бы их пожаловати, велѐть им дать подмогу на дворы, как и в иных городех стрельцом и казаком на дворы давано. И как к вам ся наша грамота придет, а Верхотурским будет стрельцом и казаком нашего жалованья подмоги на дворы не дано, и вы б Верхотурским стрельцом и казаком Ромашку Голянищеву с товарыщи, которым подмоги на дворы не дано, дали из нашие казны, что привез с Лозвы Иван Троханиотов, нашего жалованья подмоги на дворы по рублю человеку, и в росходные книги написали. Писано на Москве лета 7107-го году февраля в 20 день.

На обороте: В новой город на Верхотурье Василью Петровичю Головину да Иваке Васильевичю Воейкову. — 107 года апреля в 5 день привез сю грамоту Верхотурской стрелец Офонька Елтышев.

Инст. истории Акад. Наук СССР, по описи 1927 г. № 606.

Напеч. в АИ, т. II, стр. 23, № 24.

29. *1599 г. апреля 22. — Грамота царя Бориса Федоровича в Верхотурье воеводе Василию Головину о починке новой дороги между Соликамском и Верхотурьем.*

* От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в новой город на Верхотурье Василью Петровичю Головину да голове Иваке Васильевичю Воейкову. В прошлом в 105-м году по нашему указу посыланы из Перми с вожом с Ортюшкою с Бабиновым 2 целовальника а с ними посошных людей 40 человек новые Сибирские дороги чистить и мостов мостить; и те целовальники с пашенными людьми Сибирскую дорогу чистили и мосты мостили худо, для того, чтоб вперед той новой Сибирской дороге не быти, и вожа Ортюшки Бабинова тѣ Пермские целовальники и посошные люди не слушали. И с тое с новые дороги вож Ортюшка Бабинов к нам ** на тех Пермьских целовальников писал, что они нашим делом не радеют и посошными людьми не нарежают, а Пермьские целовальники к нам писали на вожа на Ортюшку, что де им вож Ортюшка велит дороги чистить уско и мосты мостить худые. А сколько целовальники посошными людьми новые дороги от Соли от Камские до нового города до Верхотурья чистили и мостов мостили, и тому прислали к нам роспись, а в росписи написано: от Соли от Камские до нового города до Верхотурья 263 версты, а мостов мостили от Соли от Камские через речки, и через бояраки, и через грязные места до Верхотурья поперечных 7 мостов, длинных 30 мостов, а на поперечных мостех 56 сажен и на длинных мостех 135 сажен. А которые (*с. 2*) ездят с Москвы в Сибирь и из Сибири к Москве воеводы, и головы, и дети боярские и всякие служилые люди, и про ту про новую про Сибирскую дорогу нам сказывают, что та новая дорога чищена и мосты мощены худо, пенье ссечено не из коренья, и заломы по дороге великие, и чищена дорога уско, и мосты, которые бы мощены на речках и на ручьях и в бояраках, вешнею водою посносило, а на грязех и на болотах мосты испроломались, и выбои по той дороге великие, и только де тое новые дороги с весны летнею порою не чистить, и мостов не мостить, и вперед тою новою дорогою зимнею и летнею порою Сибирских хлебных запасов и Сибирские казны спровадити будет не мочно, и ездити тою новою дорогою служилым людем нужа великая. И мы ныне писали в Пермь Великую к Григорью к Иевлеву и к старостам и к целовальником, а велели им, взяв с Пермьские земли двух целовальников да посошных людей, сколько человек пригоже, послать тое новые дороги изнова чистить и мосты мостить. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б тотчас послали с Верхотурья сына боярского добра да с ним вожа Ортюшку Бабинова, а велели им с Пермьскими с посошными людьми тое новую дорогу от Соли от Камские до Верхотурья (*с. 3*) чистити и мосты мостить. И то б есте сыну боярскому, котораго пошлете, и вожю Ортюшке приказали накрепко, чтоб дорогу чистили старово лутче и шире, и пенья не было, и мосты б мостили хороши, чтоб та дорога была не уска, и мосты были хороши, и пенье бы чистили ис коренья, и заломов бы на той дороге не было, чтоб наши Сибирские хлебные запасы и всякая наша казна было провадить тою дорогою мочно, и служивым бы всяким людем, ездя тою дорогою, в грязех и в недомостех нужи не было. А как тое дорогу вычистят и мосты намостят, и вы б о том отписали к нам к Москве и велели отписку отдать в Казанском и в Мещерском дворце

дьяком нашим Офонасью Власьеву да Нечаю Федорову, чтоб нам было ведомо. Писан на Москве лета 7107-го году апреля в 22 день.

На обороте: Дьяк Нечай Федоров. — [В новой город на Верхотурье] Василию Петровичю Головину да голове Иваке Васильевичю [Воейкову]. — Привез грамоту сын боярской Петр Албычев.

*Инст. истории Акад. Наук СССР, по описи 1927 г. № 619. 3 состава. Утраченное в подлиннике начало его, поставленное между знаками * и **, восстановлено по списку. Список в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 40—41 об. № 28.*

Напеч. в АИ, т. II, стр. 24—25, № 26.

30. *1599 г. апреля 28. — Грамота царя Бориса Федоровича в Верхотурье воеводе князю Ивану Вяземскому об ясаке с лялинских вогулов.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в новой город на Верхотурье воеводе нашему князю Ивану Михайловичю Вяземскому да голове Гаврилу Самойловичю Салманову. Били нам челом Верхотурского уезда ясачные вагуличи пятидесятник Нергей Комкичев и во всех Лялинских вагуличь 30 человек место а сказали: ездят деи от нас с Москвы в Сибирские городы воеводы, и головы, и дети боярские и всякие служивые люди и из Сибири к нам к Москве с нашею с ясачною казною и з грамотами, а они де дают под них и под нашу казну с Ляли подводы до усолья до Камсково и до Сибирских городов, до Тюмени и до Пелыми, против Перми Великой (*л. 28*); а всех деи их Лялинских вагулечь 30 человек; а которые де они лошади покупают для своих нуж ести, и они те лошади держат у себя летом, а как осень придет, и они те лошади бьют для запасу; а которые де Верхотурсково ж уезда наши ясачные вагуличи живут на реке на Сосве, и на Лозве, и на Удоли, и на Вишере, и на Печоре, и на Ульсыи, и те де вагуличи лошадей не держат и от Верхотурья живут далече, и ближние деи, кроме их, от Верхотурья Сосвинские вагуличи, и до них де ходу зимою на лыжах 10 день, а дороги деи к ним ни летом ни зимою конные нет, только зимою на лыжах и на нартах, и те де вагуличи под наших гонцов и подо всяких служилых людей и под казну, опричь их Лялинских вагуличь, подвод не дают. И в нынешном де во 107-м году ходило их Лялинских вагульских подвод и наемных лошадей до Соли до Камской, и до Тюмени, и до Пелыми, и под нашими служилыми людьми по великое говение 320 лошадей, и тех де подвод не дошло до них 7 лошадей; а Тюменского де и Пелымского уезду вагуличи только дают подводы зимою, а летом деи у них подвод не емлют, потому что на Тюмень и на Пелым водяной путь; а они де дают и летом и зимою, потому что путь сухой; а которые деи они седла и узды дают на подводах нашим служивым людем, и те де седла и узды к ним назад не возят. И в том де им нужа и убытки и от служилых обиды великие. Да с них же де емлют в нашу казну ясак: соболи, и лисицы, и бобры, и белку (*л. 29 об.*). И нам бы их пожаловать, велети с них ясаку убавить и велети бы их от наших служивых и ото всяких людей и от обид и от насильства беречи. И будет так, как нам Верхотурского

уезду ясачные вагуличи Нергей Комкичев и во всех Лялинских вагуличь место бил челом, и как к вам ся наша грамота придет, и вы б с Верхотурских вагуличь с Нергея с товарыщи нашего ясаку убавили, смотря по тамошнему делу, чтоб их не розогнати, и ото всяких жилецких людей от обид, и от продаж, и от насильства берегли, чтоб им ни от кого насильства и продажи никоторые не было. Писан на Москве лета 7107-го апреля в 28 день.

За закрепою дьяка Нечая Федорова.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 28 об.—29 об., № 13.

31. *1599 г. июня 25. — Грамота царя Бориса Федоровича в Верхотурье об освобождении сибирских ясачных людей от уплаты ясака на 7108-й год.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в новой город на Верхотурье воеводе нашему князю Ивану Михайловичю Вяземскому да голове Гаврилу Самойловичю Салманову. Пожаловали есмя для своего царского венца и многолетново здравия и для сына своего царевича князя Федора Борисовича всеа Русии многолетново здравия всех Сибирских людей: вперед на 108-й год ясаку с них: соболей, и куниц, и лисиц, и бобров, и белки, имать не велели. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б велели у себя быти Верхотурским вагуличам и остяком из волостей и лутчим людям, по скольку человек пригоже, а сами б есте были в съезжей избе в цветном платье, и дети б боярские и литва и казаки и стрельцы в те поры были при вас в цветном же платье. И сказали б есте им наше царское жаловальное слово, что мы своим царским осмотреньем, для своего царского венца и многолетново здравия и для сына своего царевича князя Федора Борисовича всеа Русии многолетного здравия, во всем нашем государстве всяких людей пожаловали. А их всея Сибирские земли князей, и мурз, и татар, и остяков, и вагуличь, и всяких ясашных людей своим царским жалованьем пожаловали есмя: наперед ясаку с них: соболей, и куниц, и белки, и горностаев и всякого ясаку, имать не велели, и велели им жити во льготе, чтоб Сибирским людем ни в чем нужи не было. И они б Сибирские князи, и мурзы, и татарове, и остяки, и вогуличи и всякие люди жили в нашем царском жалованье во всем в облехченье, и в покое и в тишине безо всякого сумнения, и промыслы всякими промышляли, и торговали повольно, и нам великому государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии (*л. 27 об.*) самодержцу и сыну нашему царевичю князю Федору Борисовичю всеа Русии служили и прямили во всем по своей шерти, на чом нам великому государю шерть дали, и над воры воровства и шатости и всяково лихово умышления смотрили и берегли накрепко, и детей своих, и братью, и дядьи и племянников отовсюду призывали и сказывали им наше царское жалованье, что мы их пожаловали, ясаку с них имати не велели и велели им жити безоброчно, и в городех бы юрты и в уездех волости полнили. А в которых будет людях почают шатости и воровства, и они б воров не укрывали и не таили, тем бы нам службу свою и правду показали, и тех воров, которых почают шатость и воровство, сказывали и, имая их, приводили к вам. А хто

на ково скажет какое воровство или измену, и сыщетца допрема, и мы тех людей пожалуем своим царским жалованьем, и животы их и вотчины велим им отдать, хто на ково какую измену и воровство доведет. А сказав им наше жаловальное слово, велели их накормить и напоить гораздо нашими запасы, которые посланы для татарского корму. И ясаку б есте со всех волостей на 108-й год имать не велели. А как на них впредь ясак положить, и вы б росмотря к нам отписали, как на Сибирские волости впредь ясак положить, по тому ж ли, как ныне имали, или с которых убавить, а на иные (*л. 28*) прибавить, того бы есте всего росмотрили, как кому мочно вперед платить без нужи, чтоб впредь стоятельно и прочно и без нужи было. И жили бы есте с великим береженьем, и нашими делы промышляли, смотря по тамошнему делу, и нам во всем прибыли искали: во всем есмя положили наше дело на вас. А ково учнете по городком и по волостем посылати, и вы б им приказывали и берегли накрепко, чтоб они с остяков и с вагуличь посулов и поминков не имали и продажи и насильства не чинили никоторыми делы. А кто учнет с них посулы и поминки имати, и вы б тех людей сыскав, наказанье им чинили, смотря по вине, а взятое отдавали назад. А будет мочно, и вы б те грамоты розсылали по городком и по волостям с тутошными князьки, с кем пригоже, смотря по тамошнему делу. Писан на Москве лета 7107-го июня в 25 день.

За закрепою дьяка Нечая Федорова.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 27—28, № 11.

Напеч. в СГГД, т. II, стр. 156—157, № 74, и в РИБ, т. II, стб. 63—66, № 46.

32. *1599 г. июля 25. — Грамота царя Бориса Федоровича в Верхотурье воеводе князю Ивану Вяземскому о получении в Москве ясачной и поминочной казны, отправленной из Верхотурья воеводою Василием Головиным.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в новой город на Верхотурье воеводе нашему князю Ивану Михайловичю Вяземскому да голове Гаврилу Самойловичю Салманову. В нынешнем в 107-м году писал к нам с Верхотурья Василей Головин и прислал с подьячим с Ондреем с Ермолиным (*л. 28 об.*) нашие ясачные и поминочные казны и десятильные пошлины 30 сороков и 24 соболя, и в том числе 2 сорока и 7 соболей с пупками, 22 сорока и 16 куниц, 4 недокуни, 24 бобры, 10 ...[1] ярец, 11 выдр, 2 подчеревиси, 70 лисиц красных, 659 белок, 2 волка, шубенко белье с черевы без пуху, 98 пупков собольих. И та наша казна у подьячево у Ондрея Ермолина в нашу казну взята сполна. Писан на Москве лета 7107-го году июля в 25 день.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 28—28 об., № 12.

---

[1] *Одно слово не разобрано.*

33. *1600 г. января 30. — Грамота царя Бориса Федоровича в Тюмень голове Федору Янову о построении острога в Епанчине юрте, с приложением росписи служилых людей и запасов, посылаемых туда.*

I. От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тюменской город, голове Федору Осиповичю Янову. Велели есмя меж Верхотурья и Тюмени в Епанчине юрте строить ям, а ямских охотников велели есмя устроити 50 человек да 100 человек пашенных людей, а для береженья в Епанчине юрте велели есмя поставити острог. А пашенных де велели есмя послати с Верхотурья князю Ивану Вяземскому да Гаврилу Салманову Лаишевских [и] Тетуских полонеников и новокрещеных 55 семей, да ямских охотников шти человек, да охочих пашенных людей и ямщиков, сколько человек приберется. А для пашни и всякого строенья велели есмя быть тебе; а кому с тобою людем быти ис Тюмени, ис Тобольска и с Верхотурья и Пелыми, и что откуды взяти наряду, и что послати с Верхотурья хлебных запасов, и мы тому послали к тебе роспись под сею нашею грамотою. А для поспешенья, покаместа ис Тобольска и с Верхотурья и с Пелыми в Епанчин юрт по нашему указу людей к тебе пришлют, велели есмя тебе с собою взяти ис Тюмени конных казаков 15 человек да стрельцов 15 человек. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б, взяв с собою наряд, и зелье, и свинец, и казаков, и стрельцов (*л. 1 об.*) и пушкаря, ехал в Епанчин юрт тотчас. А приехав в Епанчин юрт, велел бы еси у себя быти татарину Епанче и иным лутчим людем, сколько человек пригоже, а сам бы еси был в цветном платье. А как они к тебе придут, и ты б им сказал наше жалованное слово: в прошлых годех которые наши посланники и гонцы гоняли от нас с Москвы в Сибирь и из Сибири к нам к Москве с нашею казною и со всякими нашими делы, и те наши посланники и гонцы имали у них подводы и провожатых, и мы про то велели воеводам нашим про все их нужи росмотрить, нет ли им в том какие нужи и тесноты, да о том о всем велели есмя отписати к нам в Москве, чтоб им нужи и тесноты ни в чем не было, и жити бы им в нашем царском жалованье в тишине и в покое. И писали к нам из Сибири воеводы наши, что им Сибирским людем, ему Епанче и которые живут около его юрта, в подводах теснота и убытки ставятца великие. И мы по своему царскому милосердому обычаю, жалуя его Епанчю и всех Сибирских людей, которые около его юрта живут, велели устроити ям и пашенных людей, приискав место, а их пашен и всяких угодей имати у них и вступатись ни во что, и вперед у них подвод имати не велели, да и для того, чтоб им от нагайских людей и от сырянцов жити безстрашно (*л. 2*). И они б тем нам службу свою и правду показали, нам послужили, с нашими людьми лесу на острог выроня вывезли и острог ставили. А высмотря место, где пригоже острогу быть, чтоб место было крепко и угодно, взяв бога на помочь, туто бы еси стал и под острог место занял. И велел бы еси, почав своими людьми, и плотники, и казаки, и стрельцы, и пашенными людьми, и ямщики, лес ронить, и острог и башни ставить и всякие острожные крепости, и около острогу надолобы велел зделать, и укрепить ево велел совсем, как ему вперед быти. А велел бы еси зделати острог, смотря по месту и

по людям, сколько в нем вперед людем мочно быти. Да в остроге ж велел бы еси поставить для нашего хлеба 2 житницы. А в кою пору плотники, и казаки, и стрельцы, и пашенные люди, и ямщики, и татарове, и остяки, и вогуличи учнут острог и около острогу надолобы ставить, и ты б в те поры нашим людем, и к татаром, и к остяком, и к вогуличам держал ласку и береженье великое, и поил их и кормил, сколько мочно. А говорил бы еси татаром, и остяком, и вогуличам, чтоб они жили безстрашно, и сумненья себе никоторого не держали, и к вором не приставали. А кто из них вперед почнет воровати, и они б их изъимав приводили в острог к нему Федору, и мы их за то пожалуем. Да и того бы еси берег накрепко (*л. 2 об.*), чтоб татаром, и остяком, и вогуличам казаки, и стрельцы, и пашенные люди, и ямщики, и плотники насильства никоторого не чинили, кормов бы у них своих и конских даром не имали, и насильства и задоров никоторых не чинили, чтоб их тем не ожесточить. А как пашня поспеет, и ты б пашенным людем и ямским охотником пашню роздал, высмотря места у крепостей. А татарские пашни, которую пашню пашут татаровя, пашенным людем и ямским охотником не давал. И велел им на нас и на себя пашню пахать, смотря по тамошнему делу, чтоб нашей казне было прибыльнее, и пашенным бы людем, до коих мест пашню розпашут, сытым быти. И хлеб бы еси пашенным людем и ямским охотником на семена дал из нашего хлеба, которой привезут с Верхотурья. А как придешь в Епанчин юрт и учнешь ставити острог, и как пашенные люди учнут пашню пахати, и ты б жил с великим береженьем, и сторожи бы у тебя были крепкие, и про нагайских людей и про сырянцов проведывал, чтоб нагайские люди и сырянцы, пришед безвестно, какова дурна не учинили. А как ис Тобольска, и с Верхотурья, и с Пелыми черкасы, и казаки, и стрельцы, которым с тобою быти, в Епанчин юрт придут, и ты б Тюменских казаков оставил у себя в Епанчине юрте 10 человек, а 20 человек казаков и стрельцов отпустил в Тюменской город. А каков велик острог зделан будет, и каковы около острогу (*л. 3*) крепости и надолобы поделаешь, и в котором месте в остроге под дворы и за острогом под пашню землю роздашь, и что каких крепостей кругом того острогу и всяких угодей будет, и сколько вперед мочно в том Епанчине юрте для пашни устроити пашенных людей, и ты б о всем о том подлинно отписал, и острог и крепости, начертив на чертеж, и всякие угодья росписав, прислал к нам к Москве, и велел отписку и чертеж отдати в Казанском и Мещерском дворце дьяку нашему Нечаю Федорову. А будет татарин Епанча или которые иные татарове учнут говорити, чтоб в их юрте острогу для обид и всякого насильства не ставить и пашенных людей и ямских охотников не устраивать, и ты б им говорил, что преж сего гоняли из Сибири к нам к Москве и с Москвы в Сибирь мимо их юрт наши посланники и гонцы с нашею казною и у них имали подводы и провожатых к Москве до Верхотурья, а в Сибирь до Тюмени, и им в подводах и в провожатых были убытки великие; и мы по своему царскому милосердому обычаю, жалуя их, велели ям и пашенных людей устроити на пустых местех, а у них пашен и всяких угодей имати не велели, и они б сумнения себе никоторого не держали, жили в нашем царском жалованьи в

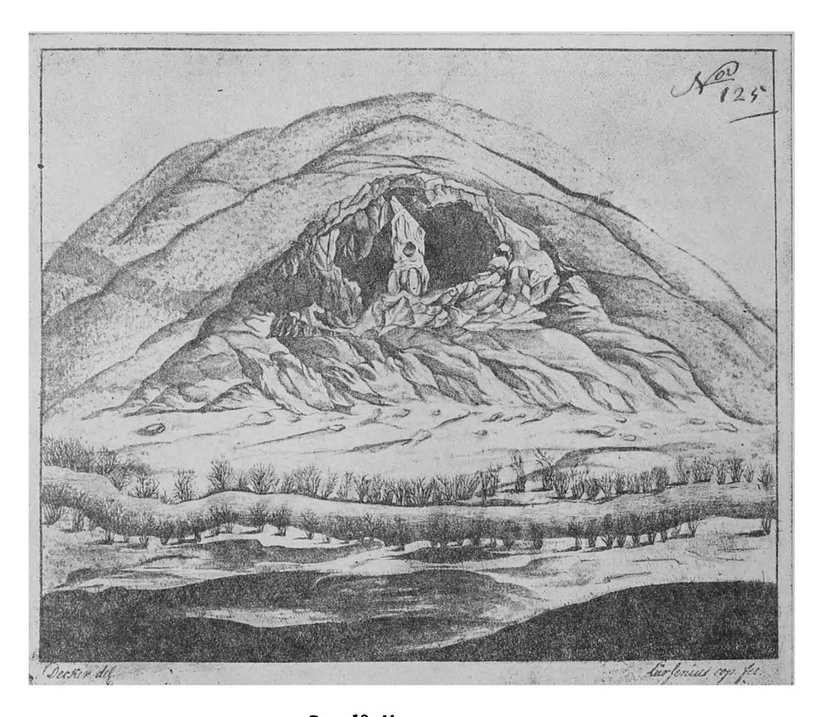

Рис. 18. Идол в пещере.
(Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 39/47.)

тишине и в покое. А одноличпо б еси в Епанчине юрте острог со всем, и в остроге житницы и около острогу надолобы (*л. 3 об*), и пашенным людем и ямщиком себе дворы велел поставити вскоре, чтоб острог, и надолобы, и дворы поставлены были до полые воды, и пашню б пашенные люди и ямщики почали пахати сее весны. А только в Епанчине юрте пашенных людей и ямщиков пашню по нашему указу устроишь, и твоим раденьем в пашне будет нам прибыль, и мы тебя за то пожалуем. Писан на Москве лета 7108-го генваря в 30 день.

На подлинной грамоте пишет: Дьяк Нечай Федоров.

РОСПИСЬ КОМУ БЫТИ С ФЕДОРОМ С ЯНОВЫМ В ЕПАНЧИНЕ ЮРТЕ СЛУЖИВЫМ ЛЮДЕМ И КАЗАКОМ И СТРЕЛЬЦОМ, И ЧТО БУДЕТ С НИМ НАРЯДУ, ЗЕЛЬЯ И СВИНЦУ, И СКОЛЬКИМ ЧЕЛОВЕКОМ БЫТИ ПАШЕННЫМ ЛЮДЕМ, И ЧТО ДЛЯ ТЕХ ПАШЕННЫХ ЛЮДЕЙ И ЯМЩИКОВ С ВЕРХОТУРЬЯ ПОСЛАНО ХЛЕБНЫХ ЗАПАСОВ

Ис Тюмени взяти ему с собою казаков конных 10 человек да пушкаря; да наряду взяти 2 пищали затинных, а к ним 200 ядер, да 10 пуд зелья, да 10 пуд свинцу. Из Тобольска быти 20 человеком стрельцом, с Пелыми быти черкасом и стрельцом 10 человеком, с Верхотурья быти 10 человеком стрельцом. Да с Верхотурья ж велено послать: наряду 2 пищали затинных, а к ним 400 ядер, да 10 пуд зелья, да 10 пуд свинцу, да для острожного дела велено (*л. 4*) послать 20 человек плотников; а как те плотники от острожново дела отделаются, и их тотчас отпустить назад по домом; пашенных людей велено послать, которые присланы ис Казани, 55 семей да ямских охотников 6 человек, и обоего велено послати 61 человек. А семенного хлеба с Верхотурья в Епанчин юрт для пашенных людей и ямщиков велено послать 150 четь ржи, 150 четь ячмени, 200 четь овса, а велети тот семенной хлеб в нынешнем в 108-м году весь высеяти. Да с Верхотурья ж велено послать хлебных запасов 400 четь муки, 100 четь круп, 170 четь толокна; а давати из того хлеба пашенным людем на корм, смотря по людем и по семьям, как кому мочно до нови прокормитца. А будет и у плотников своих запасов не станет, и ему и плотником потому ж хлеба давати не по многу, как им мочно прокормитца до тех мест, покаместа они от острожного дела отделаютца.

Архив Акад. Наук, 21, оп. 4, № 5, лл. 1—4, №№ 1 и 2.
Напеч. в РИБ, т. II, стб. 66—72, № 47.

34. *1600 г. июля 26. — Грамота царя Бориса Федоровича в Березов воеводе Ивану Волынскому о производстве дознания по поводу насилий князя Игичея Алачева над кондинскими остяками.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Березов город, воеводе нашему Ивану Григорьевичю Волынскому да голове Ивану Петровичю Биркину. Били нам челом Пелымского города Большие Конды вагуличи Курманак мурза Танаев да сотник Калтай Бусев и во всех товарыщей своих место Кондинских вагуличь на князь Игичея Алачева а сказали: в прошлом де во 102-м году приходил де к ним Иван Змеев, да с ним князь Игичей Алачев с своими людьми, и юрты де их разорили, и животы и

статки все поимали, а жены деи их, и дети, и род, и племя поимали к себе князь Игичей Алачев; и у него де у Курманака князь Игичей убил своими людьми отца его и матерь, а жену деи его и дети свез к себе в юрты, и ныне деи жены их, и дети, и сестры, и братья, и племянники у князь Игичея и у его людей в их волостях служат в холопех 6 лет; и живучи деи у него и у людей его с работы, и с нужи, и з голоду, и с наготы, и босоты в конец погибли, и помирают нужною смертью; и нынеча деи (*л. 125 об.*) князь Игичеевы люди приходят к ним в Конду, их побивают, и жены их и дети и людей емлют к себе в юрты попрежнему в холопи, и юрты деи их пустошат; и они деи от князь Игичея и от его людей от убийства и от насильства живут бегаючи; и вперед деи им от князь Игичея и от его людей нашего ясаку добыть негде, и нашего ясаку добывать невозможно, ходить за всяким зверем блюдутся, и одолжали великими долги, помирают голодною смертью; и нам бы их пожаловати, велети от князь Игичея и от его людей от убийства и от насильства беречи, и жены их, и дети, и род, и племя сыскать. И будет так, как нам Кондинские вогуличи Курманак мурза Танаев с товарыщи били челом, и как к вам ся наша грамота придет, и вы б про то сыскали: в прошлом в 102-м году Иван Змеев да с ним князь Игичей Алачев в Большую Конду ходил ли, и юрты их разорил ли, и жены их и дети и животы поимал ли, и сколько жон их и детей и животов князь Игичей поимал, и для чего к ним в Конду ходили и жон их, и детей, и животы поимали, и Кондинские мурзы и вагуличи были тогды не в измене ль, и наш ясак платили ль, и почему ныне князь (*л. 126*) Игичеевы люди, приходя в Большую Конду, воруют, жены их и дети и людей емлют к себе в холопи, и хто именем, и по княж Игичееву ль веленью ходят или без княж Игичеева ведома. А сыскав бы есте про то про все подлинно, да о том отписали к нам к Москве и велели отписку отдать в Казанском и в Мещерском дворце дьяком нашим Афонасью Власьеву да Нечаю Федорову, и мы велим по тому и указ свой учинить. И вперед бы князь Игичеевы люди в Большую Конду воровски не ходили, и вагуличь не били, и жон и детей и людей не имали, и насильства им никоторого не чинили. А которые учнут вперед воровати, Большие Конды вогуличам насильство и обиду чинити, и жон их и детей и людей имать насильством, а опосле про то сыщется, и им быть от нас в великой опале. Писан на Москве лета 7108-го году июля в 26 день.

Подлинная грамота за закрепою дьяка Нечая Федорова.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 125—126, № 8.

Напеч. в РИБ, т. II, стб. 155—157, № 70.

35. *1600 г. сентября 20. — Грамота царя Бориса Федоровича в Туринск голове Федору Янову о приписке нескольких юрт, плативших ясак в Тюмень.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в новой острог в Япанчин юрт, голове Федору Осиповичю Янову. Писал еси к нам: которые татарове, и остяки, и вогуличи живут около Япанчина юрта во днище и больше вверх по Туре и против острогу на реке на Нице пашенные

люди, а наперед сего наш ясак платили на Тюмень мяхкою рухлядью с Япанчею вместе. А у остяцкого головы у Япанчи в юрте всего 8 человек, да и те стары и нужны, послати для вестей неково. А вверх по Туре юрты Япанчинского збору от острогу: в 5 верстах юрт Кукузов, 6 человек, а выше того верст с 5 юрт Ургунчин, 6 человек, в полуднище от острогу, юрт Илясов, 6 человек, во днище от острогу юрт Байгарин да Калмаков, 6 человек, в тех юртах пашенные остяки (*л. 6*), а верст со 100 от острогу юрт Санкин, 8 человек; выше того юрта пал в Туру Тагил, а выше Тагильского устья пашенных тотар нет. Да Епанчина ж збору на Нице против острогу во днище юрт Нагаев, 13 человек, да вниз по Туре юрт Енбайков, от острогу в 5 верстах, 2 человека. И те юрты по нашему указу с русскими людьми лес возили и острог ставили. И в прошлом 108-м году присылал с Тюмени князь Лука Щербатой служивого татарина Кудаша Чегматова а велел тех татар высылати в Тюмень для посылки к солявому озеру, а они в те поры ставили острог. И те татарове и остяки, которые юрты Япанчинского збору, били нам челом, что у них лошади в подводах розпропали, и они пеши, а в Тюмень им ходити для всяких дел далече. И нам бы тебе о том велети указ учинить. И как к тебе ся наша грамота придет, а которые юрты подошли ныне к Япанчину острогу, и ты б те юрты приписал и ведал к Япанчину острогу, и на нынешней на 109-й год наш ясак собрал бы еси с тех юртов ты. А сколько с которого юрта доведетца па нынешней на 109-й год ясаку взяти, и тем юртам роспись велели есмя к тебе прислати князю Луке Щербатову и вперед ему тех юртов к Тюмени ведати есмя не велели. Писан на Москве лета 7109-го сентября в 20 день.

На подлинной грамоте пишет: Дьяк Афонасей Власьев.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 5 об.—6, № 5.

36. *1600 г. октября 8. — Грамота царя Бориса Федоровича в Березов воеводе Ивану Волынскому о произведенных исправлениях города и башен.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Березов город, воеводе нашему Ивану Григорьевичю Волынскому да голове Ивану Петровичю Биркину. Писали есте к нам: как вы приехали на Березов и взяли у Василья Плещеева да у Тимофея Лазарева по нашему наказу город и ключи городовые и острожные, и на городе наряд, и город в дву местех поищетался, и башни и город во многих местех был непокрыт, и наряд на городе не вычищен, и станки у наряду перепорчены, и окна на башнях пересечены не по наряду, и острог сгнил и розвалялся весь; и вы у башен велели окна просечь по мере, да зделали к наряду 12 станков новых и железом оковали, и город и башни покрыли, и в городе велели зделать для остяцкого обиходу погреб, да и острог поставили новой. И вы то зделали добро. И как || к вам ся наша грамота придет, и вы б и впредь, живучи на Березове, нам во всем прибыли искали и береженье к нашей казне ко всякой держали. Писан на Москве лета 7109-го октября в 8 день.

*

Опая грамота без закрепы.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 127—127 об., № 10.

37. *1600 г. октября 12. — Грамота царя Бориса Федоровича в Туринск голове Федору Янову о построении и освящении храма в новом остроге, с приложением росписи церковных предметов, посланных из Москвы в Туринск.*

I. От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в новой острог в Япанчин юрт, голове Федору Осиповичю Янову. Писал еси к нам, что бьют нам челом служивые и пашенные люди, чтоб нам им пожаловати, велети воздвигнути храм по их обещанью святых страстотерпец Бориса и Глеба, и велети б прислати попа (*л. 4 об.*), а без попа им нужа великая, а на церковное дело струб с олтарем и с трапезою срублен готов, а как его довершити и обложити, и нам бы тебе о том велети указ учинити. И мы храм во имя святых страстотерпец христовых Бориса и Глеба в новом остроге поставити велели; а антиминс на освященне церкви и миро и масло послано с Москвы с Тобольским с чорным попом с Аврамьем; а церковное строение всякое послано с Васильем Тырковым да с атаманом Грозою с Ывановым. А попа к тому храму велели есмя послати в Верхотурья, а диакона для освящения храму велели есмя послати ис Перми. И что послано церковного строенья, образов и книг, и тому послана к тебе роспись под сею нашею грамотою. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б тот храм велел поставя довершить. А как антими[н]с и церковное строение привезут и попа с Верхотурья и диякона ис Перми пришлют, и ты б тот храм, поставя церковное строенье, велел освящать, а освящав дьякона отпустил бы еси назад в Пермь. А попу велел бы еси быть у той церкви, и под двор место дати ему велел; а нашего денежного жалованья ему на нынешней на 109-й год велено дать на Верхотурье 8 рублев, а хлебного жалованья дал бы еси ему 5 четь муки ржаной, четь круп, четь толокна, и в росходные книги написал, (*л. 5*) и вперед бы еси ему нашего денежного и хлебного жалованья давал по тому ж на год. А как храм освящают, и ты б отписал к нам к Москве с ыными нашими делы, а отписку велел отдати в Казанском и в Мещерском дворце диаком нашим Афонасью Власьеву да Нечаю Федорову. Писан на Москве лета 7109-го октября в 12 день.

На подлинной грамоте пишет: Диак Нечай Федоров.

II. РОСПИСЬ, ЧТО ПОСЛАНО В СИБИРЬ В НОВОЙ ОСТРОГ В ЕПАНЧИН ЮРТ ЦЕРКОВНОГО СТРОЕНЬЯ

Образ местной страстотерпец христовых Бориса и Глеба на празелени. Деисус стоячей на празелени, а в нем 9 икон. Двери царские с столбцы и с сенью на празелени, а на них писаны святители. Образ пречистые запрестольная на празелени. Крест воздвизальной обложен медью. Сосуды церковные, потирь и блюдца древяны, звезда и копье медяно, с покровцы. На престол выбойки полдевята аршина. Кадило медяно. Три фунта ладану. Три фунта темьяну. Пуд воску. Ведро вина церковного. Колокола 3 пуды

без дву гривенок. Ризы поповские: стихарь, поручи, патрахель, пояс нитеной (*л. 5 об.*). Да книг послано: евангелие письменное, тетр, облачено выбойкою, евангелисты выбиты медяны. Псалтирь, Апостол. Служебник. Часовник. Минея общая. Две книги октаи на 8 гласов. Треодь постная, треодь цветная печатные. Трефолой письменной.

Архив Акад. Наук, оп. 4, № 5, лл. 4— 5 об., №№ 3 и 4.

Напеч. в РИБ, т. II, стб. 72—74, № 47, II.

38. *1600 г. ноября 26. — Грамота царя Бориса Федоровича в Верхотурье голове Гавриле Салманову с пошлинах с торговых людей и с товаров, взимаемых на гостином дворе в Верхотурье.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в новой город на Верхотурье голове Гаврилу Самойловичю Салманову. В нынешном в 109-м году сентября в 25 день (*л. 36*) писал еси к нам, что велено тебе по нашему указу на Верхотурье гостиной двор зделати, и ты на Верхотурье гостиной двор зделал, и поставил на гостине дворе 4 избы да 20 анбаров, да ты ж зделал на татарском дворе, татаром и остяком на приезд, избу да анбар и конюшню, и огородил и покрыл; а по чему тебе вперед наших пошлин и постоялово и с анбаров и со всяких товаров у торговых людей на нашем на гостине дворе имати, и о том к тебе наш указ не бывал; и нам бы тебе вперед о том велети указ свой учинить. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б вперед или по тебе иные наши воеводы и головы на Верхотурье будут, велели быть на гостине дворе по годом детем боярским, да к ним выбирали бы есте в прибавку из Верхотурских из жилецких людей в целовальники, по кольку человек доведетца, и приводили их к нашему х крестному целованью на том, что им, будучи на гостине дворе, наши всякие пошлины збирать в правду по нашему крестному целованью, а нашею казною не корыстоватись. Да которые торговые люди верхотских городов учнут приезжать на Верхотурье з запасы и со всякими товары, и ты б у них те запасы и товары по нашим проезжим грамотам велел осматривати по нашим проезжим грамотам сыну боярскому да целовальником, которые у тебя выбраны будут на гостин двор, и оценя таможенною и приворотною и с меновново товару пошлин з денег и вещие с меду, и с хмелю, и с сала, и с масла, и со всякого вещево товару пудовую пошлину, и с анбару оброк и с ызб тепловую пошлину с руских людей велел збирати потому ж, почему збирают всякие пошлины с русских людей в Перми, или как будет доведетца, чтоб нашей казне было прибыльнее, а приезжим бы всяким (*л. 36 об.*) людем в том большие нужи не было. А збирал бы сын боярской и целовальник всякую пошлину в ящик за твоею печатью и приносили деньги по месяцем в съезжую избу и записывали в приходные книги. А с судных дел с верхотских людей имал бы еси пошлин против Московского вполы. А которые торговые люди учнут приезжать на Верхотурье с товары, и ты б у тех людей и те их товары, переписывая, отдавал им назад, опричь заповедных товаров, а заповедные товары отписывал бы еси на нас и держал в нашей казне по прежнему нашему указу. Да о том

о всем отписывал бы еси к нам к Москве и велел отписку отдавать в Казанском и в Мещерском дворце дьяком нашим Афонасью Власьеву да Нечаю Федорову. Писан на Москве лета 7109-го ноября в 26 день.

За закрепою дьяка Нечая Федорова.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 35 об. — 36 об., № 23.

39. *1600 г. декабря 8. — Грамота царя Бориса Федоровича в Пелым воеводе Тихону Траханиотову о сборе ясака с сибирских ясачных людей на 7109-й год.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Пелымской город воеводе нашему Тихану Ивановичю Трохаииотову да голове Петру Григорьевичю Вердеревскому. В прошлом во 108-м году пожаловали есмя для своего царского венца и многолетново здравья и для сына своего царевича князя Федора Борисовича всеа Русии многолетново здравья, со всее Сибирские земли на 108-й год ясаку имати не велели, а на нынешней на 109-й год и вперед указали есмя со всее Сибирские земли имати ясак на нас попрежнему. А которые будет ясачные люди стары, или чем увечны и слепы, или больны и лесовати им не мочно, и с тех с ясачных людей, с старых и с увечных и з больных, нашего ясаку имати есмя не велели, на ком будет взять не мочно. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б тотчас для нашего ясаку выбрали из служивых людей, из детей боярских, и из литвы, и ис казаков, и из стрельцов, сколько человек пригоже, лутчих людей, и привели их к нашему хрестному целованью на том, что им Пелымсково уезда с ясачных князьков, и с остяков, и с вагуличь на нынешней на 109-й год наш ясак, соболи, и лисицы, и куницы, и бобры, и белку, и горностаи, збирати по ясачным книгам сполна, а мелочи худые, лоскутишков собольих, и куньих, и бобровых, и бельих не имали, и корысти себе ни в чем не чинили, и с собою по городком и по волостем никаких товаров не возити, и с ясачными людьми не торговати ничем, и нашего ясаку не обменяти, лутчих соболей, и куниц, и лисиц, и бобров, и белки, и горностаев себе не имати, а своих худых соболей, и бобров и всякие мелкие (*с. 2*) мягкие рухляди не класти, каков ясак учнут у ясачных людей имати, таков бы к вам на Пелым в нашу казну привозити. А приведши к нашему к крестному целованию, розослали бы есте ясатчиков в Пелымской уезд для нашего ясаку не издержав. А збирая наш ясак, велели привозить на Пелым. А за ясаком за счетом велели бы есте ясатчиком приводити с собою из волостей по человеку и по 2 лутчих людей и их роспрашивали, таков ли ясак с них имали, и нет ли им от ясатчиков какие продажи и убытков и безчестья; да на кого учнут сказывать и бить челом, и вы б на них в тот час им управу давали, и наказанье им чинили по нашему указу. А которые будет ясачные люди из городков и из волостей лутчие люди, князьки, и мурзы, и тотаровя, и остяки, и вогуличи, учнут к вам приходя бити челом, чтоб вы к ним наших ясатчиков для нашего ясаку не посылали, а привозити б им наш ясак на Пелым самим, и вы б им то давали на волю, и по наш ясак в те городки и в волости ясатчиков не посылали, а велели им наш ясак привозити на срок, на которой им

срок вы укажете, безпереводно, не замешкивая, кому мочно верить, и о том им приказывали, чтоб они наш ясак збирали неоплошно и сами не корыстовались и не тапли. А будет которые ясачные люди учнут *(с. 3)* к вам приходя бити челом, что им всего нашего ясаку нынешнево году заплатити вскоре не мочно, и вы б тем ясачным людем давали сроку, смотря по тамошнему делу, как им мочно тот ясак заплатить, да и в книги б есте тое доимку писали подлинно. А как князьки, и остяки, и вагуличи с нашим ясаком учнут к вам на Пелым приходить, и вы б у них велели наш ясак имати целовальником при себе, и клали в нашу казну и держали за своими печатьми. А которые князьки, и мурзы, и лутчие люди учнут за ясаком приходить и учнут к вам для нашего царского величества и для сына нашего царевича князя Федора Борисовича всеа Русии поминки носити, и вы б у них те их поминки имали, и клали в нашу казну, и велели писати в ясачные книги подлинно порознь, по статьям, а с ясачною казною тех поминков не мешали, а сами б есте ясачных людей в своих поминках за посмех не продавали: которые принесут, у тех имали и клали в нашу казну, а которые не принесут, и вы б на них сами не просили, чтоб им в том продажи не было. А как ясатчиков учнете для нашего ясаку посылати, и вы б за ними и против их встречу посылали детей боярских, кому б мочно верити, и велели у них товаров всяких и мяхкие рухляди обыскивати. Да будет у ково что какова товару и мяхкие рухляди найдут, и вы б у них те товары и мяхкую рухлядь велели имати в нашу казну, а их ясатчиков велели за то бити кнутьем или батоги, смотря по вине, кто до чего по сыску дойдет, а бив их велели сажати в тюрьму на время, на колько пригоже, смотря по вине ж. А которые будет ясачные люди больны или *(с. 4)* стары и увечны и платить будет им нашего ясаку нечим, и вы б на тех людех, сыскивая про них допряма, нашего ясаку имати с них не велели, чтоб Сибирским людем нужи и отгони не было; а вперед которые выздоровеют и розживутца, и вы б с тех велели наш ясак имати попрежнему. А одноличнo б есте ясатчиком приказывали накрепко, чтоб оне наш ясак, соболи, и лисицы, и куницы. и бобры. и белки, и горностаи, имали добрые, а худые мелочи никоторые не имали. И посулов бы и поминков себе со князьков, и с остяков, и с вагуличь по тому ж не имали, и в ясаках по посулом сроков не давали, и с собою б по городком и по волостем товаров никаких не возили, и с ясачными людьми не торговали, и нашего ясаку не обменяли, лутчих соболей. и куниц. и лисиц, и бобров, и белки, и горностаев себе не имали, а своих худых соболей, и лисиц, и бобров, и всякие мелкие мяхкие рухляди не клали, каков ясак у ясачных людей учнут имати, таков бы на Пелым к вам в нашу казну и привозили. И Сибирских бы есте всяких ясачных людей велели беречи, и ласку и привет к ним держали, и их ничем не жесточили, и руские б люди их ни в чем не обидили, и не продавали. и насильства никотораго не чинили. А что нашие ясачные казны в год зберетца и что к вам для нашего царского величества и для сына нашего царевича князя Федора Борисовича всеа Русии принесут поминков, и вы тое нашу ясачную и поминочную казну присылали к нам к Москве. А для береженья и за отчетом посылали б есте с тою нашею с яса *(с. 5)*

чною казною детей боярских, и казаков, и стрельцов, сколько человек будет пригоже, немногих людей вдруг, а не порознь, чтоб нашей казне в прогонах убытка, а крестьяном тесноты не было, не так бы, как у вас было наперед сего посылки частые, из одново города одним местом десять посылаете, нашей казне в том убыток делаете, а земле продажу в том и тесноту делаете. Писан на Москве лета 7109-го декабря в 8 день.

На обороте: Дьяк Офонасей Власьев. — В Пелымской город воеводе нашему Тихону Ивановичу Траханиотову да голове Петру Григорьевичу Вердеревскому. — 109-го году генваря во 2 день привез государеву грамоту Пелымской стрелец Данко Кадоулов с Япанчина от Федора от Янова.

ГАФКЭ, портф. Миллера. № 478, I, грам. № 21. Пять сставов. — Список в Архиве Акад. Наук., ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 320 об. — 323, № 29.

40. *1601 г. января 28. — Грамота царя Бориса Федоровича в Туринск голове Федору Янову об устройстве ямской слободы за острогом.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в новой острог на Туру, голове Федору Осиповичю Янову. Били нам челом нового острогу ямские охотники Ондрюшка Мокеев сын Зырянов и в товарыщей своих место а сказал: по нашему де указу велено на Туре устроить ям, и ныне де их только 6 человек, и дал де ты им под дворы места в остроге по 6 сажен, и им де в остроге теснота великая, и огородов де развесть негде, а на Верхотурье де по нашему указу велено ямская слобода и ямской двор устроить за городом; и нам бы их пожаловати, велети на Туре ямскую слободу поставить за острогом же, где ныне кочевали татарове Епанча с товарыщи, подле Туру реку, от острога вниз, за врагом. И будет так, как нам ямские охотники Ондрюшка Зырянов и в товарыщей своих место бил челом, и как к тебе ся наша грамота придет, а ямские будет дворы из острогу вынести мочно, и от приходу воинских людей никакие порухи в том не чаят, и ты б ямскую слободу, смотря по тамошнему делу, велел устроить за острогом, и дворы ямщиком из острогу велел вынести, будет татарам Япанче с товарыщи в том тесноты ж не будет. Писан на Москве лета 7109-го генваря в 28 день.

На подлинной грамоте пишет тако: Диак Нечай Федоров.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 6 об., № 6.

41. *1601 г. марта 12. — Грамота царя Бориса Федоровича в Туринск голове Федору Фофанову о подведомственности ему ближних юртов и о заведении там пашни вместо уплаты ясака.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в новой острог на Туру, голове Федору Костянтиновичю Фофанову. Писал к нам из нового острогу Федор Янов, что по нашему указу велено ему в новом остроге жити с великим береженьем и про нагайских людей и про зырянцов проведывать, чтоб, пришед безвестно, над острогом никоторого дурна не зделали, а конных деи людей с ним Тюменских только 10 человек (*л. 31*) казаков, и те де

стояли все лето на отъезжих сторожах, а татар служивых нет, посылать ему для вестей было некого. И он де Федор для вестей в проезд на поле за реку на Ницу через Уфинскую дорогу посылал про нагайских людей и про зырянцев проведывать ясачных остяков, резвых людей, человек по 5 и по 6, которые живут около острогу во днище и больше, а платили они ясак с Епанчею в зборе на Тюмень, з женатова человека по 10 соболей, а с холостово по 5 соболей. И те деи остяки Епанчин брат Тувонга Кувандыков и в товарыщей своих место 50 человек, которыи жили с Епанчею, нам бьют челом: которые де у них земли пашенные были, и те их земли заняты под острог и под нашу пашню; а которые деи остяки живут блиско острогу, во днище и больши, и он деи Федор их посылает в проезжие станицы; да они ж деи дают под нашу казну, и под посланники, и под гонцы подводы к Москве до Верхотурья, а в Сибирь до Тюмени; и на острог де они лес возили; и им де ныне нашаго полново ясаку платить не мочно. Да и всегды деи к нему к Федору остяки приходя бьют челом, что присылают деи по них всегда ис Тюмени воеводы для всяких дел, и им деи в Тюмень ездити далече, а к острогу ближе. И нам бы их пожаловати, велеть наш ясак платить и о всяких делех приходить в Епанчин острог. А только деи с тех остяков, которые живут около острогу до Тагильскова устья и по устье Ницы реки, нашего собольнова ясаку имати не велеть, а велеть тех остяков ввадить пахать на нас пашню, а семена велеть им дати из наших житниц, и в тех де местах нам в пашне будет прибыльнее, потому что земли хлебородны (*л. 31 об.*). А соболей де добрых, и лисиц, и бобров в тех местех и прежде сего, сказывают, в наш ясак на Тюмень имали у них обычную рухлядь. А в которых юртех поля пашенные, и тому к нам Федор послал чертеж. А того к нам Федор имянно не описал, которые юрты по ясачным книгам приписаны ясаком и судом к новому острогу. А в чертеже написано: пашенных мест от Верхотурья к острогу: юрт Байгирин, юрт Колмак, юрт Илясов, юрт Ургунчин, юрт Кокузов, от острогу к Тюмени юрт Ебарков, от острогу верст с 5, поле десятин с 50, юрт Нагаев, юрт Аккана, юрт Небольсин, что было городище Кучюмова брата, юрт Берсегенев, юрт Девлетев, юрт Кабачин, и всего пашенных 12 юртов, да 2 юрта непашенных, и обоего 14 юртов. И которые юрты от Верхотурья к новому острогу блиско, и в тех юртех написано ясачных людей 18 человек; а которые юрты написаны от острогу к Тюмени, и в тех юртех ясачных людей не написано. И нам бы о том велети указ учинить. И как к тебе ся наша грамота придет, а которые юрты подошли блиско к новому острогу, и ты б их вперед ведал ясаком и во всяких наших делех к новому острогу. А будет тех юртов ясачные люди похотят в ясаку место пашню пахать, а пашня будет нам нашего ясаку прибыльнее, и ты б им в ясаку место велел на нас пашню пахать, и семена им первые до нови дал, смотря по тамошнему делу, из наших житниц. Писан на Москве лета 7109-го марта в 12 день.

На подлинной писано тако: Диак Нечай Федоров.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 30 об. — 31 об., № 26.

42. *1601 г. апреля 9. — Грамота царя Бориса Федоровича в Верхотурье князю Матвею Львову о передаче сбора ясака с части юртов в ведение туринских служивых людей.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии на Верхотурье князю Матвею Даниловичю Львову да голове Угрюму Васильевичю Новосильцову. Писал к нам из нового острогу голова Федор Янов: которые деи остяки и вагуличи блиско подошли к новому острогу, во дници и больши, а платили они ясык с Епанчею вместе на Тюмень, з женатово по 10 соболей, а с холостова по 5 соболей, и те де остяки Япанчин брат Тувонга Кувандыков и в товарыщей своих место 50 человек, которые жили с Епанчею вместе, нам бьют челом, что присылают де по них всегда ис Тюмени воеводы для всяких дел, и им де в Тюмень ездить далече, а к острогу ближе; и нам бы их пожаловать, велети наш ясак платить и о всяких делех приходить в новой острог. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б сослались с Федором с Фофановым, да которые юрты подошли блиско к новому острогу, а от Верхотурья далече, и вы б тех юртов не ведали ничем, и тем юртам, и что в них людей имены, и что ясаку платили отослали роспись за своими приписьми к Федору Фофанову. А которые юрты от острогу далече, а к Верхотурью ближе, и те б юрты ведали [и] ясак с них збирали вы па Верхотурье, чтоб в том одноличНо ясачным людем тесноты не было, где им (*л. 34*) ближе платить, тут бы они и платили. А к Федору Фофанову о том от нас писано ж.[1] Писан на Москве лета 7109-го апреля в 9 день.

За закрепою дьяка Нечая Федорова.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 33 об. — 34, № 19.

43. *1601 г. апреля 9. — Грамота царя Бориса Федоровича в Березов воеводе князю Ивану Барятинскому о незачислении в оклад на 7109-й год хлебных запасов, выданных казакам, посланным в 7108 г. в Мангазею.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Березов город, воеводе нашему князю Ивану Михайловичю Борятинскому да голове Григорью Потапьевичу Векентьеву. Били нам челом Березовские атаман Яков Чермной, казаки Максимко Казанец и в товарыщей своих место 50 человек, которые посланы во 108-м году на нашу службу в Мунгазею, а сказали: посланы деи они со князем Мироном Шаховским да з Данилом Хрипуновым на нашу службу в Мунгазею, а судов де морских на Березове не было, и они де с торговыми людьми на суды лес ронили, и бревна на себе волочили, и смолу курили, и коренье на крюки копали, и зделали четыре кочи морских; и послано деи из Березова на 109-й год в их оклады по чети муки; и подымаючись де они на нашу службу в Мунгазею, и дворишка свои и животишка продавали на безценок; и пошли де они в Мунгазею на 4-х кочах да в 2 коломенках, и коломенки де у них прибило к берегу, и водою на коломенки налило, и запас деи у них муку и толокно подмочило, а крупы и соль потонула; а как деи пришла самоедь, и они деи поднялись на оленях,

[1] *Прилож. № 41.*

и тем своим достальным запасом кормили самоедь, а сами до Мангазеи шли на лыжах; и нам бы (*л. 129 об.*) их пожаловать: для наши дальние службы и для их бедности того запасу, которой послан со князем Мироном и з Данилом по чети муки человеку на 109-й год, в их оклады зачитать не велети, а велети бы им их оклады на 109-й год дати сполна. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б у Березовских казаков, которые посланы были в 108-м году на нашу службу в Мунгазею, нашего запасу, которой послан в Мунгазею со князем Мироном Шаховским да с Данилом Хрипуновым в их оклады в 109-м году по чети муки, в нашу казну у них не имали и в их оклады того запасу в 109-й год не зачитали, а дали есте им наше хлебное жалованье на 109-й год оклады их сполна. Писан на Москве лета 7109-го апреля в 9 день.

Подлинная грамота за закрепою дияка Нечая Федорова.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 129—129 об., № 13.

44. *1601 г. апреля 28. — Грамота царя Бориса Федоровича в Березов воеводе князю Ивану Барятинскому о производстве суда по делу Степана Пуртиева с березовским остяком Шатровым Лугуевым о купленных женках-полонянках.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Березов город, воеводе нашему князю Ивану Михайловичю Борятинскому да голове Григорью Потапьевичю Векентьеву. Бил нам челом новокрещен Степан Пуртиев на Березовскаго остяка на Шатрова Лугуева а сказал: деялось деи в прошлом 103-м году, збежали у него к тому Шатрову 3 жонки полонянки купленые (*л. 130*): одна Нерымсково полону, а другая Тымсково полону, а третья Воикарсково полону, а збежали деи для того, что они ведали Шатрова Лугуева измену: приступал к Березову городу; и после деи измены Шатрова Лугуева, ходил он Степан к Шатрову для тех своих беглых жонок, и Шатров деи ему тех беглых жонок не отдал, и держит у себя и по ся места, и чинитца им силен; и нам бы его пожаловати, велеть ему дать на Шатрова управа. И будет так, как нам новокрещен Степан Пуртиев бил челом, и как к вам ся наша грамота придет, и вы б Березовскаго остяка Шатрова Лугуева сына с новокрещеном Степаном Пуртиевым в том судили и всякими сыски сыскали накрепко, да по суду своему и по сыску меж их управу учинили безволокитно по нашему указу. Писан на Москве лета 7109-го апреля в 28 день. Оная грамота без закрепы.

Архив Акад. Наук, ф.21, оп. 4, № 16, лл. 129 об. — 130, № 14.

45. *1601 г. апреля — мая. — Наказ Мангазейским воеводам князю Василию Масальскому и Савлуку Пушкину.*[1]

... с оленьми Нилипными при нужде убили 30 человек казаков, а князь Мирон де ушел ранен, а с ним 60 человек казаков, падчи на оленев душей да телом, а про Данила не ведают, ранен ли или не ранен. И посылал де

---

[1] *См. примечание к § 36 гл. 5-й.*

с теми вестьми князя Василья Обдорского, и он на Березов не поехал: еду де я, как располитца вода. А прежде того посылали они проведывать про князя Мирона и про Данила в Мунгазею и в Енисею дву человек казаков, и князь Василей де не дал им проводников; и им видится, что его и в остяках шатость заодно с самоядью; и они на Березове живут с великим береженьем. И для Мангазейского и Енисейского ходу князю Василию Масальскому и Савлуку Пушкину дано в Тобольску по государеву указу зделать на Верхотурье 9 кочей, да 2 лотки морских, да 2 дощаника, да из Перми везено 8 якорей, да куплено на Вологде 785 копатов толстых, 1216 сажен копатов тонких пеньковых, 3050 аршин холстов, и те канаты, и бичевы, и парусы из Тобольску отпущены на Березов со князем Васильем и с Савлуком, а велено им тех конатов, и бичев, и холстов взять с собою по смете, сколько прежь было (*л. 73 об.*), а досталь отдать на Березове воеводе князю Ивану Борятинскому да голове Григорью Векентьеву в государеву казну впредь для Мангазейского и Енисейского ходу на запас. И на князь Мироново место Шеховского и на Данилово место Хрипунова, по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу, ныне в Мангазею и в Енисею ему князю Василью Мосальскому да Савлуку Пушкину. А служивых людей с ними послано из Тобольска литвы, и казаков, и стрельцов на обмену прежним перед прежним вдвое, да с Березова литвы и казаков лутчих выбрав 70 человек, да Сургуцких 30 человек. А на тех служивых людей запасу впредь на запас на 110-й год по чети муки на человека, Тобольским послано из Тобольска, а Березовским с Березова, а Сургутским дано из Сургуцких запасов. Да на остяцкий расход с Березова послано 50 четвертей муки, 10 ведр вина, 5 с Березова, 5 из Тобольска, 3 пуда меду, 50 пуд соли. Да наряду со князем Васильем и Савлуком отпущено из Тобольска: пищаль скорострельная, а к ней 200 ядер и с нею пушкарь, да 3 пищали затинных, а к ним 200 ж (*л. 74*) ядер, да на запас 20 пуд зелья, да 10 пуд свинцу, да на проезд Тобольским и Сургуцким казаком и стрельцом дано в Тобольску по фунту свинцу; да на Березове взять у воеводы у князя Ивана Барятинского да у головы у Григорья Векентьева пищаль скорострельная да 3 затинных, а ядер к ним против Тобольского; а на проезд казаком Борезовским по фунту зелья, по фунту свинцу. Да для самоецкаго и остяцкого ходу 5 половинок сукна Инбарского и Рословского, 3 из Тобольска, а 2 с Березова. Да князю Василью и Савлуку взять на Березове у воеводы у князя у Ивана ж и у Григорья в вожи зырян торговых людей и вы[мич] на все суды, сколько человек пригоже, которые б Мангазейской и Енисейской ход знали и толмачить умели; а на Березов к воеводе ко князю Ивану Борятинскому и к голове Григорью Векентьеву об их отпуску писано. И взяв на Березове служивых людей, и наряд, и запасы, итти князю Василью и Савлуку с Березова в Мангазею и в Енисею одноличпо наспех, днем и ночью, с великим береженьем, чтоб им в Мангазею и в Енисею притти водяным (*л. 74 об.*) путем до заморозов. И в Мангазею и в Енисею идучи не зимовать. И рекою Обью и морем итти бережно, и ставиться в крепких местех бережно и осторожно на якорех, а у берегу одноличпо не ста-

виться, и от погодья беречися, чтоб запасом и людем истери никоторые не было. А идучи в Мангазею и в Енисею, разведывать князю Василью и Савлуку про князя Мирона и про Данила накрепко, где ныне князь Мирон и Данило, и самоедь по них на оленех приходили ли, и в Мангазею и в Енисею их на оленех отвезли ли, и острог в Мангазее на Тазском устье князь Мирон и Данило поставили ль, и не было ли на князя Мирона и на Данила на дороге от самоеди и остяков приходу какого, и на них на князя Василья и на Савлука приходу от самояди не чаят ли, того им проведывать накрепко; и мимо себя торговым людем вымичам и зырянам по тому ж велели проведывать накрепко ж для того, чтоб самоедь и остяки, пришед безвестно, над ними дурна никакова не учинили. Да будет князь Мирон и Данило в Мангазею и в Енисею[1] (*л. 75*) вошли и острог на Тазском устье поставили, и князь Василью и Савлуку итти в Мангазею и в Енисею ко князю Мирону и Данилу по тому ж наспех с великим береженьем, не мешкая нигде ни часу, чтоб им в Мангазею и в Енисею пройти однолично водяным путем до заморозов. А пришед в Мангазею и в Енисею ко князю Мирону и к Данилу, взять им у князя Мирона и у Данила наказ, и острог, и государев наряд, и зелье, и свинец, и запас, что они с собою привезли, и всякие государевы дела, и ясачной и поминочной казне, и десятинной пошлине, и поминочной рухляди книги приходу и расходу, да по тем их книгам счести, а счетчи велети князю Мирону и Данилу ехати к государю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии к Москве. А что у них собрано в Мангазее и в Енисее на государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии с Мангазейской и с Енисейской самояди ясаку: соболей, и лисиц, и бобров, и песцов, и что собрали с торговых людей, и десятинной пошлины, и что у них поминочной рухляди, и тое ясачную, и десятинную казну, и поминочную рухлядь князю Мирону и Данилу велети вести к государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии (*л. 75 об.*) к Москве с собою вместе. А пришед к Москве, явитися им и тое ясачную и десятинную казну и поминочную рухлядь отдати в Казанской избе дьяком Офанасью Власьеву да Нечаю Федорову. И подводы под казну дать. А служивых людей, которые были со князем Мироном и с Данилом, сына боярского, и атамана, и литву, и стрельцов, и казаков пустить: Тобольских в Тоболеск, а Березовских на Березов, а Сургуцких в Сургут. А князю Василью и Савлуку оставить 50 человек Тобольских да 50 человек Березовских, выбрав литвы, и казаков, и стрельцов, и поделити князю Василью и Савлуку тех служивых людей 100 человек меж себя самим по прежнему: князю Василью взять себе 60 человек, а Савлуку 40 человек. И быти князю Василью Мосальскому и Савлуку Пушкину на князя Мироново место Шеховского да на Данилово место Хрипунова в Мангазейском и в Енисейском остроге, и государевым делом промышляти по сему наказу и смотря по тамошнему делу до государева царева и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу. Да как в остроге князь Василей и

[1] *В рукоп.*: в Мангазей и в Енисей.

Савлук устроятся, и князю Василью и Савлуку велети быти к себе в острог Мангазейской и Енисейской самояди, которые живут по городком, и по волостем, и по рекам всем лутчим людем. Да как в острог (*л. 76*) к ним ко князю Василью и Савлуку Мангазейская и Енисейская самоедь придут, и князю Василью и Савлуку в ту пору быть и служивым людем велети быти в цветном платье. И сказати Мангазейской и Енисейской самоеди государево царево и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии и сына его великого государя царевича князя Федора Борисовича всеа Русии жалованное слово, что преж сего приходили к ним в Мангазею и в Енисею вымичи, и пустозерцы, и многих государевых городов торговые люди и дань с них имали воровством на себя, а сказывали на государя, а в государеву казну не давали, и обиды и насильства и продажи от них были им великие, и государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии и сын его великий государь царевичь князь Федор Борисович всеа Русии, жалуя их Мангазейскую и Енисейскую самоядь, велели у них в их земли поставить острог, и велели их от торговых и ото всяких людей и ото всяких обид беречи, чтоб им нужи и тесноты ни в чем ни от кого не было, и жили бы они в государеве царском жалованье в тишине и в покое, и торговали б с торговыми людьми (*л. 76 об.*) в государеве остроге повольно; а буде торговые люди ково из них чем изобидят, и оне б на них били челом, а они князь Василей и Савлук, по государеву указу, по их челобитью, управу им учинят. Да будет самоядь на торговых людей или на ково нибуди в обидех и во всяких делех учнут бити челом, и той самоеди на торговых и на всяких людей давать суд и управа чинить, до чего доведетца, безволокитно. А будет пустозерцы или иных которых городов протчих на самоедь учнут бити челом, и им тем пустозерцом и иных никоторых городов торговым людем на самоедь без государева указу суда и управы не давати. И они б лутчие люди с себя со всей Мангазейской и Енисейской самояди ясак давали: соболи, и бобры, и лисицы лутчие. И к шерте их приводить, которых не приводили князь Мирон и Данило, что им быти под государевою царскою высокою рукою, и государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии служити, и ясак по вся годы платить без ослушания. И заклады у них поимати лутчих людей, кому мочно верить, и держати их в остроге до государева указу, и поити их и кормити государевыми запасы, которые (*л. 77*) с ними посланы и что возьмут в государеве пене у торговых людей, и из острогов их не выпускать. И роспрашивати их накрепко, сколько у них в Мангазее и в Енисее городков и волостей, и сколько в котором городке коей волости людей, и сколько по Оби и по всем Мангазейским и Енисейским рекам Мангазейские и Енисейские самоеди живет. А распрося про то про все, велети записывати подлинно. И в волости атамана, и казаков, и толмачей переписывать посылати, и велети в Мангазее и в Енисее городки и волости и по рекам Мангазейскую и Енисейскую самоедь переписывать, хто именем в городках и в волостех и по рекам лутчих людей и в котором городке и волости сколько людей. И будет Мангазейские и Енисейские лутчие люди учнут бити челом, чтоб им ехати к государю царю и великому князю Борису Федо-

ровичю всеа Русии к Москве и видети государевы царевы пресветлые очи, и князю Василью и Савлуку из тех лутчих людей, кольких человек пригоже, к государю к Москве отпустить, а для береженья с ними послать казаков человек дву или 3-х. А будет к Москве проситца не учнут, а станут проситца в Тоболеск или на Березов, [и их] с казаки отпущати ж. А будет Мангазейская и Енисейская самоядь (*л. 77 об.*) в острог к ним не учнут приходить, и государю служить и ясаку платить, и князю Василью тое Мангазейскую и Енисейскую самоедь, укрепя острог накрепко, отпускать непослушных волостей повоевать товарыща своего Савлука Пушкина, а с ним литву и казаков, по кольку человек пригоже, смотря о тамошнему делу, а в иные волости невеликие посылать атаманов и пятидесятников с стрельцы и с казаки и велети непослушников по тому ж повоевать и в острог приводити, а в остроге велети их в тюрьму сажать до тех мест, как они станут государю бить челом и заклады в свое место учнут давать, что им быть под государевою царевой и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии под ево царскою высокою рукою, и государю служить, и ясак платить. А учнут проситца из острогу к женам своим и к детем по домом, и князю Василью и Савлуку имать в их место заклады братью их, и детей, и племянников, кому мочно верить, и по домом их отпускать. И жити князю Василью и Савлуку в Мангазейском остроге бережно, и сторожи бы у них были на всяк час, и в день и в ночь, чтоб Мангазейская и Енисейская самоядь, пришед, над острогом какой порухи не учинили никоторыми делы. Да и про то им (*л. 78*) Мангазейские и Енисейские самояди допросити и себе тайно у торговых людей и зырян проведывать: сколько человек и в котором году пустозерцев, и вымич, и всяких торговых людей в Мангазее торговали, и какими товары, и у кого имянем сколько каких товаров было, и хто имянем пустозерцев с Мангазейской и Енисейской самоеди збирали дань, и в котором году и по чему с кого кто дани взял, а распрося про то про все, велети записывати ж. Да и про то им роспросить пустозерцев, и вымичь, и всяких торговых людей, и зырян, и Мангазейской самоеди: на которые места торговые люди из Пустоозера или из иных городов в Мангазею и в Енисею с товары своими зимнею и летнею дорогой ходят, и на которые урочища и которыми реками, и в колько недель из Пустоозера и из иных из которых городов в Мангазею и из Мангазеи в Пустоозеро или в иные в которые города с возы и лехким ходом приходят, чтоб сказали правду; да хто имянем про тое прямую дорогу скажет, и князю Василью и Савлуку велети записати зимнею и летнею дорогу и урочища и реки подлинно. А только торговые люди учнут тое прямую дорогу, которою сами ходят (*л. 78 об.*) в Мангазею и в Енисею таити, и про тое прямую дорогу сыщетца, и тем торговым людем от государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии быть в великой опале. И про всякие про тамошние дела, про Мангазейскую и Енисейскую самоядь, князю Василью и Савлуку проведывать накрепко. Да и про то роспрашивати: нет ли у них про тот государев про новой острог какого сумненья, что у них в Мангазее и в Енисее велел государь острог поставити. И заповедными товары

с ними торговым людем не велети торговати. И которые будут самоедцы учнут к ним ко князю Василью и Савлуку приходить, и тех людей поити и кормити, и ласку и береженье к ним держати, и говорити им накрепко, чтоб они государю прямили и служили. И будет кто учнет перед своею братьею прямить государю и служить, и будет кому доведетца дати суконца, и тем людем суконца давати, смотря по службе, чтоб тех новых людей приучити ласкою, и их обнадежить, и отпускать их к себе, не задержав. А будет пустозерцы, и вымичи, и зыряне, и пермичи или иных которых городов торговые люди учнут воровати по прежнему (*л. 79*) и Мангазейской и Енисейской самояди учнут говорить, чтоб государеву острогу у них в Мангазее впредь не быть, чтоб торговать им в Мангазее и в Енисее всякими заповедными товары с самоядью по прежнему, и князю Василью и Савлуку против воров умышленья сыскивать допряма, а сыскав отсылать их на Березов, а с Березова в Тобольск, а животы их имати на государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии, чтоб неповадно было впредь иным воровати [и] в таком в дальном в новом месте смуту чинить; да о том о всем князю Василью и Савлуку отписывать к государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии к Москве и в Тоболеск подлинно. А будет князь Мирон Шаховской да Данило Хрипунов стоят в Пантуеве городке, а в Мангазею не пошли, и князю Василью и Савлуку, пришед к Пантуеву городку, пересмотреть у князя Мирона и у Данила по росписи на лицо наряд и всяких государевых запасов, что с ними послано, и, покладчи в кочи, итти со всем, что с ними придет и что у князя Мирона и у Данила возьмут, в Мангазею и в Енисею по сему наказу тотчас не мешкая; а князя Мирона и Данила и служивых людей, которые со князем Мироном и Данилом посланы, отпустить на Березов и велети им итти, кому к которому городу ближе. А будет князь Василей Мосальской и Савлук Пушкин проведают про князя Мирона про Шеховского и про Данила Хрипунова подлинно, что князь Мирон и Данило до Мангазеи и до Енисеи не дошли, и Енисейская будет самоядь своровали [и] князя Мирона и Данила за рекою за Пурою в днище их разгромили, наряд, и зелье, и свинец, и запасы поимали, а князь Мирон и Данило с казаки отшол, и князю Василью и Савлуку итти в Мангазею и в Енисею одноличпо бережно и устороэкливо. И идучи дорогой (*л. 79 об.*) до реки до Пура и за рекою за Пуром проведывать про князя Мирона и про Данила накрепко: которая самоядь или остяки на князя Мирона и на Данила приходили и погромили, и где ныне князь Мирон и Данило и служивые люди, живы ли или побиты, и наряд, и пушки затинные, и рушницы, и зелье, и свинец, и запас хто имянем самоеди или остяков поимали, и где ныне тот государев наряд, и зелье, и свинец, и в которой волости и у кого имянем, и хто с Мангазейскою и с Енисейскою самоядью государевых данных самоедцов и остяков на том погроме не были ли, и князя Василья Обдорского остяки с Мангазейскою и Енисейскою самоедью на том деле на князь Мирона и на Данила одномышленно не позатеяли ли, и хто иущих воров на том погроме не были ли, и русских торговых людей, вымичь, и зырян, и иных городов, на том погроме с самоедью не было

Рис. 19. Рисунок медного идола на подобие змея.
(Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 39/51.)

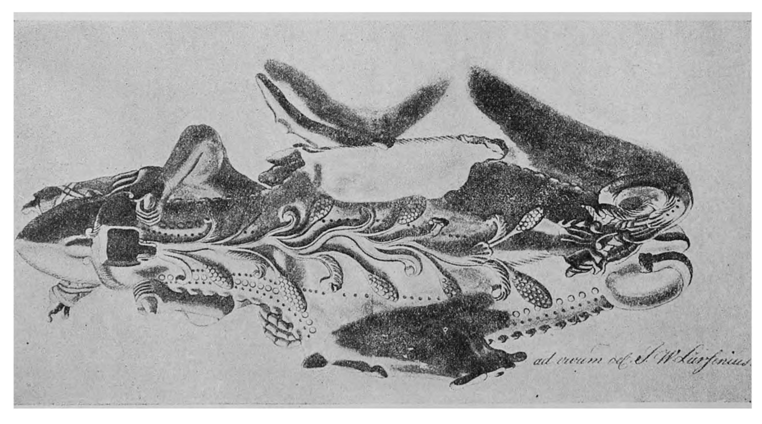

Рис. 20. Рисунок того же медного идола.
(Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 39/52.)

ли, и бои у князя Мирона и у Данила с Мангазейскою и Енисейскою самоядью были ли, [и] будет бои были, и сколько на том бою государевых служивых людей раненых, убитых, и в полон тех служивых людей и погромом самоедь не взяли ль, и Мангазейской и Енисейской самоеди и остяков что на том деле побито ли. И будет Мирон и Данило и служивые люди живы и от князя Василья и от Савлука будет недалеко, днищах в 3, или в 4, или в 5 и во пти, и князю Василью и Савлуку с князем Мироном и Данилом одноличпо промыслить всякими делы, как мочно, смотря по тамошному делу, чтоб их взять к себе. А будет князь Мирон и Данило от князя Василья и от Савлука стоят далече и промыслить будет князю Василью и Савлуку с князем Мироном и Данилом с товарыщи никоторыми делы не мочно, и князю Василью и Савлуку промыслить ко князю Мирону и к Данилу с вестью, как мочно, чтоб ему быть на Русь (*л. 80*), к которому городу ближе. А будет про князя Мирона и про Данила проведают, что князю Мирону и Данилу от Мангазейской и Енисейской самояди никоторыми делы пройти к Русе городом не мочно, а князю Василью и Савлуку промыслить будет князем Мироном и Данилом идучи не мочно, и князю Василью и Савлуку, не дошед Мангазеи, стать в тех местех, в которых местех у русских людей поставлены остроги или в котором месте пригоже, чтоб одноличпо промыслить князем Мироном и Данилом было ближе, и острог в том месте на время поставить; и будет острог прилучитца в том месте готовой, и в том остроге быть будет мочно князю Василью и Савлуку со всеми людьми и пристрашно, и князю Василью и Савлуку тот острог укрепить, чтоб в нем быть бесстрашно, покамест князем Мироном и Данилом промыслят. И промышлять князю Василью и Савлуку князем Мироном и Данилом, будучи в том остроге, одноличпо всякою мерою накрепко, чтоб князя Мирона и Данила и служивых людей взять к себе и от Мангазейской и Енисейской самояди[1] поберечь. И будет князь Василей и Савлук в котором остроге для князя Мирона и Данила станут, и по князя Мирона и Данила и по служивых людей отпустить Савлука, а с ним литву, и казаков, и стрельцов, сколько пригоже, смотря по тамошному делу; а князю Василью в те поры быть в остроге у наряду и у запасов с великим береженьем. А будет про князя Мирона и про Данила проведать будет никоторыми делы не мочно, и князю Василью и Савлуку по сему наказу (*л. 80 об.*) итти в Мангазею и в Енисею на Тазское устье. И пришед в Мангазею и в Енисею на Тазское, разсмотреть и розведать места и зырян торговых людей распросить про место накрепко, чтоб розыскать места лутчево, которое бы место было угодно, накрепко, и водяно, и лесно, и впредь бы в том месте острогу и городу стоять было мочно, и пустозерцы бы и всякие торговые люди в Мангазею и в Енисею с товары мимо того острогу не обходили никоторыми дорогами [и] никоторыми делы. Да и тех городков, что поставили торговые люди, князю Василью и Савлуку рассмотрети. Да будет у торговых людей которой городок поставлен у места, и государевым людям впредь жити в нем мочно, и пусто-

[1] *В рукоп.*: себя от Мангазейска и Енисейска самому.

зерцом и всяким торговым людем в Мангазею ходити мочно, и князю Василью и Савлуку того городка или острогу прибавить кругом. А будет те все городки не у места стоят, и князю Василью и Савлуку, изыскав лутчее место и прося у бога милости, и служивыми людьми, литвою, и атаманы, и казаки, и стрельцы, и своими людьми, и зыряны, и пустоозерцы и всякими торговыми людьми, которые будут в Мангазее и в Енисее, велети ставити острог, и башни, и ворота, и в остроге всякие острожные крепости, и около острогу надолобы поставить и укрепити острог (*л. 81*) накрепко, чтоб в нем вперед быти бесстрашно. Да в остроге ж велети поставити для государева хлеба 2 житницы или 3. А будет из тех городков, что поставлены были у торговых людей, лес пригодитца на острожное или на какое на иное дело, а от тех будет место недалеко, и князю Василью и Савлуку тот лес для острожного дела велети имать. А в кою пору острог и около острога надолобы поставят, и в те поры ко всяким людем держати князю Василью и Савлуку береженье великое и ласку, и кормити их и поити, как мочно. А поставя острог и укрепя совсем, из острогу послать проведывать про князя Мирона и про Данила, и про наряд, и про запасы, и про всякую погромную рухлядь сыскивать накрепко, и Мангазейскую и Енисейскую самоядь к себе в острог призывати всякими мерами. Да что князь Василей и Савлук у Мангазейской и у Енисейской самояди и у остяков, и в которой волости что наряду, и зелья, и свинцу, и запасов, и всякой погромной рухляди проведают, и князю Василью и Савлуку, укрепяся в остроге, к той Мангазейской и Енисейской самоеди с их товарыщи и с толмачи приказывати и стрельцов и казаков по них посылати (*л. 81 об.*), смотря по тамошному делу, и к себе в острог призывати их велети сперва добром и ласкою. Да кто из тех Мангазейской и Енисейской самоеди в острог придут, и тое Мангазейскую и Енисейскую самоедь, пущих воров, и их братью и детей в Мангазейском и Енисейском остроге держать крепко, и за острог их не выпускать, и беречь накрепко. А велети им приказывать в волости к своей братье, и к товарыщом, и к женам, и к детем, чтоб оне государев погромной наряд, пушки, и затинные, и запасы, и всякую погромную рухлядь, и государевых служивых людей, которые будут у них у полону, у себя сыскивали, и тех русских людей, погромное и наряд привозили, и воров, имая с погромною казной, в острог к ним приводили. И говорить тем самоядцом и остяком, которые учнут государю служити и прямити накрепко, чтоб они государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии и сыну его великому государю царевичю князю Федору Борисовичю всеа Русии службу свою и правду объявили, за воров не стояли, имая приводили их к ним в острог, а государь их за то пожалует и в ясаку велит польготить. Да кого к ним (*л. 82*) в острог ко князю Василью и Савлуку воров приведут, и тех воров сажать в тюрьму до тех мест, покамест они воров всех, и снаряд, и запасы, и всю погромную рухлядь сыщут. А будет которые учнут проситца из острогу погромного наряду и запасов сыскивать сами, а в свое место учнут давать заклады, братью свою и детей, и их отпускати; а имать у них в заклад добрых людей, кому мочно

верить. Да князю Василью ж и Савлуку велети переписати вымичь, и пустоозерцев, и всех Московских городов торговых людей и их всякой товар и записывать, будет у кого будут заповедные товары: пансыри, и шеломы, и копья, и сабли, и топоры, и ножи, и иное какое железо, или вино, и князю Василью и Савлуку те заповедные товары и вино велети у тех поимати на государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии, да и мяхкую всякую рухлядь и запасы, что у них будет, велети имати на государя, за то что оне государевы заповедными товары торгуют мимо государева указу. А будет у которых торговых людей заповедных товаров не будет, а будет у них мяхкая рухлядь, или запас, мясо и масло, и князю Василью и Савлуку (*л. 82 об.*) тое мяхкую рухлядь на государя у них имать не велеть, а велети у них со всее мяхкие рухляди имать на государя десятинную пошлину: от 10-ти соболей 10-й соболь, от 10-ти лисиц 10-ю лисицу, от 10-ти бобров 10-й бобр, ото всякого зверя 10-ое, выбирая изо всякой мяхкой рухляди лучшее; а с запасов и со всякого съестного имать велети целовальнику десятую пошлину. И впредь торговым людем заповедными товары, никаким железом, торговати и вина привозити не велети, [и] о том заказ учинить крепкой. А будет учнут торговые люди впредь торговать с Мангазейскою и Енисейскою самоедью заповедными товары и учнут вино привозити мимо государеву заповедь, и князю Василью и Савлуку у тех у всех торговых людей велети те заповедные и всякие товары потому ж отписывать на государя, чтоб им вперед неповадно было воровати, с Мангазейскою и с Енисейскою самоедью заповедными товары торговати. А с Мангазейской и с Енисейской самоеди и с иных тутошних с Мангазейских и с Енисейских людей до государева царева и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу с товаров с их пошлины не имать. Да что в которой волости на государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси ясаку: соболей, и лисиц, и бобров, и песцов, и с ково имянем, и что с ково 10-ые пошлины (*л. 83*) возьмут, и что ко князю Василью и Савлуку принесут поминочных соболей, и лисиц, и бобров, и то князю Василью и Савлуку велети писати у себя в книгу подлинно порознь; да тое государеву ясачную казну, и десятинную пошлину, и поминочные соболи, и лисицы, и бобры, и песцы держати князю Василью и Савлуку в государеве казне за своими печатьми. И делати князю Василью и Савлуку государевы дела по сему наказу и смотря по тамошному делу, чтоб государевой казне было прибыльнее, а тамошним людем тягости не было ж, чтоб им жить в государеве жалованье, в тишине и в покое. И самим князю Василью и Савлуку, живучи в Мангазее и в Енисее, государевою ясачною казной не корыстоваться, и никакими товары не торговати, и у торговых и у всяких людей и у Мангазейские и у Енисейские самоеди посулов и поминков не имати и насильства и обиды никому не чинити никоторыми делы. А только князь Василей и Савлук учнут у торговых людей и у самоеди посулы и поминки имати, а после про то сыщется мимо их, и им от государя быти в опале. А как князь Василей и Савлук на Тазу реке острог поставят, и в котором месте, и что кругом того острогу каких крепостей будет, и как Мангазейскую

и Енисейскую самоедь под государеву царскую высокую руку учнут приводить, и что (*л. 83 об.*). Мангазейская и Енисейская самоедь учнет говорить, и как у них зделаетца о князе Мироне и о Даниле, и что на государя ясаку и десятинной пошлины с торговых людей зберут, и князю Василью и Савлуку о том о всем отписывать в Тоболеск к воеводе к Федору Ивановичю Шереметеву подлинно. И быть князю Василью и Савлуку в Мангазее до государева царева и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу. И Тобольских и Березовских служивых людей, которые с ними посланы, и литву, и казаков, и стрельцов ото всякого воровства и от убивства унимати и зерпью и карты играти не велети. А государевы запасы, что с ними для остяцкого росходу послано и что послано Тобольским и Березовским служивым людем в государево годовое жалованье в 110-м году по чети человеку, держати в государеве казне; а дати то государево хлебное жалованье по чети человеку в 110-м году на Петров день и на Павлов. А мука держати в житницах и давать на кормовой расход самояддем и остяком, которые учнут приходить и государю служить и прямить; да сколько в котором числе на корм муки выдадут, и то писать в книги ж подлинно, да те книги держать у себя за своими ж печатьми. И обо всем князю Василью и Савлуку, будучи в Мангазейском и в Енисейском остроге (*л. 84*), государевым делом промышлять по сему наказу, смотря по тамошному делу.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 21, лл. 73—84, № 3.
Напеч. в РИБ, т. II, стб. 815—833, № 188, I.

46. *1601 г. июня 2. — Грамота царя Бориса Федоровича в Верхотурье князю Матвею Львову о рассылке по церквам посланных из Москвы церковных книг и предметов и об отправке колокола в Пелым.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии на Верхотурье князю Матвею Даниловичю Львову да голове Угрюму Васильевичю Новосильцову. Писал к нам с Верхотурья голова Гаврило Салманов, что на Верхотурье у Живоначальной троицы и у Федора Стратилата нет книг: трефолоя, минеи месячные, да евангелия толкового, да пролога, и господцким де праздником и владычным и всем святым во весь год пети не по чему. И по нашему указу послано с Москвы в Казань, а ис Казани в Пермь, а ис Перми Григорью к Иевлеву, [1] велено послать в вам на Верхотурье церковного строенья: деисус, а в нем 9 икон, двери царские, столб да с сенью, [2] образ пречистая запрестольная, образ Стефана Пермского чюдотворца, да 20 аршин выбойки, да колокол, а в нем весу полшеста пуда, да книга (*л. 31 об.*) минея общая печатная. И как к вам ся наша грамота придет, а из Перми Григорей Иевлев [1] и старосты и целовальники то церковное строенье на Верхотурье пришлют, и вы б книгу минею общую дали на Верхотурье к церкве к Живоначальной троице да к Федору Стратилату, а церковное строенье послали б есте в Тобольской, а колокол послали на Пелым. А как то церковное строенье и

[1] *В рукоп.*: Гиневлев.
[2] *В рукоп.*: стол буде.

колокол привезут, и хто имянем, и в котором числе в Тобольской и на Пелым пошлете, и вы б о том отписали к нам к Москве с ыными нашими делы. Писан на Москве лета 7109-го июня в 2 день.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 31—31 об. № 16.

17. *1601 г. не ранее ноября 29. — Отписка туринского головы Федора Фофанова Верхотурским воеводе князю Матвею Львову и голове Угрюму Новосильцеву об уплате ясака туринскими вогулами Кайманчей с товарищами, с приложением росписи их.*

I. Господам князю Матфею Даниловичю да Угриму Васильевичю Федор Фофанов челом бьет. Писали вы, господине, ко мне с Верхотурским стрельцом с Пятком Казаковым, что писано к вам в государеве цареве и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии грамоте: которые Туринских вагуличей юрты из нового острогу далече, а к Верхотурью ближе, и те юрты велено ведати и ясак с них збирати вам на Верхотурье, чтоб (*л. 22*) в том одноличпо ясашным людем теспоты и убытков в дальних проходех никоторых не было, где им ближе государев ясак платить, тут бы они и платили; а ко мне, господине, о том в государеве цареве и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русии грамоте писано ж.[1]* И в нынешнем во 110-м году ноября в 29 день били челом государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии Туринские вагуличи и челобитную к вам принесли Кайманча Катыев с товарыщи 38 человек, а в челобитной они писали, что в прошлые годы платили они государев ясак на Тюмень, а в прошлом во 109-м году платили они государев ясак здесь, в новом остроге на Туре, Федору Янову, а живут де они к Верхотурью ближе, а от нового острога далече, и им де государев ясак платить в новой острог ходить далече, и в том де в дальнем ходу нужа им великая; и государю бы их пожаловати, велети свой государев ясак платити на Верхотурье. И вы, господине, по государеве цареве и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии грамоте и по их челобитью Кайманчи с товарыщи, государев ясак велели платить и приносить на Верхотурье и судом и управой велели им приходити на Верхотурье, и мне бы государева ясаку с Кайманчи с товарыщи с 38 человек не имати и не ведати их ничем от усть Тагила, по Тагилу и по Туре реке к городу к Верхотурью, и прислать бы мне к вам на Верхотурье тем вагуличам имяна, списав с ясашных книг, сколько который вогулетин государева ясаку (*л. 32*) давал женатой и холостой.** И яз, господине, тем Туринским вагуличам от усть Тагила по Туре реке вверх, Кайманчи с товарищи, к вам на Верхотурье имяна, роспись им с ясашных книг, сколько на котором татарине по Тюменской росписи, на женатом и на холостом, в прошлом во 109-м году взял государева ясаку Федор Янов и сколько на котором вагулетине осталось взяти государева ясаку в доимки тово збору, списав, послал с Тюменским стрельцом с Тренькою с Прокофьевым, подклея под сю грамоту. И вам бы, господине, на тех вогуличах, на

---

[1] *См. приложение № 41.*

которых взяти в доимки государева ясаку 109-го году, збору Федора Янова, чево государева ясаку не добрал, взяв те государевы ясашные доимошные соболи, да прислати в государеву в казну в новой острог на Туру.

II. *Роспись с ясашных книг 7109-го году.*

Юрт Нелуков: Поскунча Колтуев женат, взято 10 соболей. Абык Адымков Кутюков женат, взято 10 соболей. Нелук Бетанов женат, взято 10 соболей. Гибердей Киркимов холост, взято 5 соболей. Тагай Вынеев женат, взято 10 соболей. Челко Киркимов холост, взято 5 соболей. Иргим Установ Вынеев холост, взято 5 соболей. Назар Выпеев холост, взято 5 соболей. Елболда Киркимов холост, взят первой ясак 4 соболи. Тово ж юрта Челыш Чегузов по Тюменской росписи во 107-м году взято 4 соболи, стар добре и худ, ясаку взяти не на ком.

(*л. 23*) Юрт Туразиков: Туразик Сочелеев женат, взято 10 соболей.

Юрт Талячин: Тайча Талячин по Тюменской росписи во 107-м году взято 5 соболей, стар добре и увечен, кормитца по юртам, взяти не на ком. Тавлей Тайчин холост, взято 5 соболей. Ермамет Тайчин холост, взято 5 соболей. Ерш Лгааков женат, взято 10 соболей. Тово ж юрта Баянба Кувандыков по Тюменской росписи во 107-м году взято 10 соболей, а во 108-м году медведь испортил, за зверем не ходит, ясаку взяти не на ком.

Юрт Курманчин: Курманча Катыев стар, ясаку не платит давно. Бетюк Курманчин женат, Никитка тож, взято 5 соболей, а донять на нем тово збору 5 же соболей. Казарин Кокурман женат, взято 10 соболей. Тово ж юрта Сынчика Курманчин по Тюменской росписи во 107-м году взято 5 соболей, а во 108-м году умер.

Юрт Хабарчин: Хабарча Куянов холост, взято 5 соболей. Челчюк Хабарчин холост, по Тюменской росписи во 107-м году взято 12 соболей, заболел, взято 5 соболи, а достали взяти не на ком.

Юрт Ямашов: Байгильдей Ямашев женат, взято 10 соболей. Чечек Ямашов женат, взято 10 соболей (*л. 23 об.*). Чегилкон Удраков женат, взято 10 соболей. Кирпик Ямашов женат, взято 10 соболей. Камкабай Ямашов холост, взято 5 соболей.

Юрт Неромкары: Алас Аблуков женат, взято 10 соболей. Еломба Гиров холост, взято 5 соболей. Кутсаман Аркачин женат, взято 10 соболей. Сабык Сапук Аркачин женат, взято 10 соболей. Тулубай Алеша Тенишев женат, взято 9 соболей, а доняти соболь. Капкала Бузанчин женат, стар, взято 5 соболей. Юрган Кундраков женат, стар, взято 6 соболей. Мамедей Матмас Алияров холост, заболел, взято 2 соболя, а доняти 3 соболя. Тово ж юрта Етигарко Бузанчин по Тюменской росписи во 107-м году взято 10 соболей, тово ж году и умер. Багиш Климов по Тюменской росписи во 107-м году взято 5 соболей, а во 108-м году умер.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 21 об. — 23 об., № 18.

48. *1601 г. не ранее декабря 20 — 1602 г. — Отписка туринского головы Федора Фофанова верхотурским воеводе князю Матвею Львову и голове Угрюму Новосильцеву об уплате ясака туринскими вогулами Кайманчей с товарищами.*

Господам князю Матвею Даниловичю да Угрюму Васильевичю Федор Фофанов челом бьет. Нынешнего, господине, 110-го году декабря в 20 день писали вы, господине, ко мне с Верхотурским стрельцом с Пятком с Казаковым, что писано к вам в государеве цареве и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии грамоте: которые Туринские вогуличи и юрты от нового острогу далече, а к Верхотурью ближе, и те юрты велено ведати и ясак с них збирати вам на Верхотурье, чтоб в том однолишно (*л. 24*) ясашным людем теспоты не было и нужи никоторые, где им ближе платить, тут бы они государев ясак и платили... *Далее повторяется текст, поставленный в № 47-м между знаками * и **, после чего следует*: И в нынешном же, господине, во 110-м году писал яз к вам (*л. 24 об.*) наперед сего, что ясашные вагуличи в прошлом во 109-м году августа в 30 день били челом государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии и челобитную принесли Кайманча и Чечюк во всех товарыщов своих место Туринских вагулич от усть Тагила по Туре реке вверх, а в челобитной их написано, что оне наперед сего государев царев и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии ясак мяхкою рухлядью платили по вся годы с Епанчею вместе на Тюмень, как и Тюмень стала, и для государевых и волостных дел приходили в Тюменской же город родня де их вся и племя с Япанчинскими с татары вместе; а ныне деи в прошлом во 108-м году стал государев новой Туринской острог в Епанчине юрте; и во 109-м году Федор де Янов на нас государев царев и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии ясак взял; и государь бы их пожаловал, велел с тех их волостей свой государев ясак мяхкою рухлядью ныне и впредь ежегод платить и для государевых дел и волостных приходити в новой в Туринской острог попрежнему с роднею вместе. И к вам, господине, яз о том писал, чтобы вам с тех вагулич от усть Тагила по Туре реке вверх ясаком и судом, по их челобитью Кайманчи да Чечюка во всех товарыщев своих место, вам на Верхотурье не ведати, а велел им по их челобитью государев ясак (*л. 25*) приносити в новой острог на Туру попрежнему с Япанчинскими с татары вместе, и о государевых делех и о волостных велел приходити в новой же в Туринской острог. И вы, господине, о том ко мне не отписывали. А на тех, господине, вогуличах есть и недоимошные соболи збору Федора Янова 109-го году. [И они] били нам челом государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии и челобитную принесли преж Верхотурсково в новой острог...[1] те вагуличи с государевым ясаком и с недоимошными собольми велети выслати в новой в Туринской острог. И в нынешном, господине, во 110-м году их имяна по их челобитью писал к государю царю и великому

[1] *Здесь в тексте, вероятно, пропуск слов*: и вам бы, господине.

князю Борису Федоровичю всеа Русии к Москве с ясаком вместе збора Федора Янова.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 23 об. — 25, № 19.

19. *1602 г. января 29. — Грамота царя Бориса Федоровича в Туринск голове Федору Фофанову о новой дороге в Верхотурье.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в новой Туринской острог, голове Федору Констянтиновичю Фофанову. Били нам челом Туринсково острогу ямские охотники Семейка Якимов Кривошея да Фефилко Григорьев и во всех товарыщей своих место 50 человек а сказали: гоняют де они на Тагильское устье, и та де дорога крива и летом водяна и грязна, и рек по ней много, и возятся деи летом Туру реку трожды, а бродят двожды, а в осень лошади плавят, и гоняти де тою дорогою немочно, лошади с воды и з грязи озябают. А слухом де они слышали, говорил деи Епанчинского юрта татарин Дуваш Чей, да Коза, да Оргунчей, да Сеил, да Ивас, да староста татарской Курдум, да Байгара, да Байтерек, да Кунманчей не усть Тагила, что они знают прямую дорогу к Верхотурью от Туринсково острогу до Тагильсково устья, и рек, сказывают, нет. И нам бы их пожаловати. велети тем татаром тое прямую дорогу, куды они знают, им ямским охотником указати, чтоб им гоняти к Верхотурью ближе и легче. И будет так, как нам Туринсково острогу ямские охотники Семейка Кривошея и в товарыщей своих место бил челом, и как к тебе ся наша грамота придет, и ты б тем татаром. которые в сей нашей грамоте имяны писаны, велел быти в остроге и сказал им наше жаловальное слово, чтоб они нам послужили, от Туринсково острогу до Та (*с. 2*) гильсково устья дорогу розыскали и указали, куды ближе и прямее и суше ездити к Верхотурью, а мы их за то пожалуем своим жалованьем. А как они про тое прямую дорогу скажут, и ты б с ними послал ямщиков да стрельцов человек дву или трех да с ними дьячка и велел им тое прямые дороги досмотрити и урочища написати на роспись, сколько по той дороге рек, и грязей, и сухих ровных мест и сколько от которово места до которово урочища верст. Да будет та дорога к Верхотурью пряма, и суха, и гладка, и впредь прибыльна, и ты б послал из служилых людей, из стрельцов, и ис казаков, и ямщиков, и волостных татар, сколько человек пригоже, а велел им, в которых будет местех на грязех, и на болотах, и на малых речках надобе, мосты намостить. И велел тою новою дорогою ямщиком к Верхотурью гоняти. А как тое дорогу татаровя укажут и вычистят, и ты б о том отписал и роспись той новой дороге прислал к нам к Москве и велел отписку и роспись отдать в приказе Казансково и Мещерсково дворца дьяком нашим Офонасью Власьеву де Нечаю Федорову. Писан на Москве лета 7110-го генваря в 29 день.

На обороте: Дьяк Нечай Федоров. — В Сибирь в новой Туринской острог голове Федору Костентиновичу Фофанову. — 110-го году марта в 4 день привёз государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии грамоту Новотуринсково острогу ямской ахотник Семейка Екимов Кривошея.

Печать черного воска, прикрепленная к оборотной стороне грамоты. Инст. истории Акад. Наук СССР, по описи 1929 г. № 27. Два става. — Список в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 28 об. — 29, № 24.

50. *1602 г. февраля 5. — Грамота царя Бориса Федоровича в Березов воеводе князю Ивану Барятинскому о возвращении атаману Ивану Пешему с товарищами ясыря, взятого ими в Пегой орде.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Березов город, воеводе нашему князю Ивану Михайловичю Борятинскому да голове Григорью Потапьевичю Векентьеву. Били нам челом Березова города атаманы казачьи Иван Пешей, да Истома Аргунов, да казаки Степанка Прохоров и в товарыщей своих 70 человек место а сказали: были де оне на нашей службе в Пегой орде, и городок взяли, и наших непослушников под нашу царскую высокую руку привели, а ясырь де, которой они поимали, привели к себе на Березов; и по нашему де указу воевода Василей Плещеев тот ясырь, взяв у них, роспустил на волю, и тот деи их ясырь ныне волочитца меж двор; и нам бы их пожаловати, велети им тот ясырь отдати им. И будет так, как нам атаманы и казаки Иван Пешей с товарыщи били челом, и как к вам ся наша грамота придет, а которой полон Нерымской у Березовских у атаманов и у казаков отписан на Березове на нас, и вы б тот полон атаманом Ивану Пешему да Истоме Аргунову и казаком, сыскав хто у кого имянем взял, то отдавали им назад. Писан на Москве лета 7110-го февраля в 5 день.

Опая грамота без закрепы.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 131, № 16.

51. *1602 г. ранее апреля 1. — Отписка тобольского воеводы Федора Шереметева туринскому голове Федору Фофанову о даче подвод для едущих в Москву князцу Пегой орды Кичею с товарищами.*

Господину Федору Костянтиновичю Федор Шереметев челом бьет. Отпущены, господине, ис Тобольска к государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии в Москве Сургуцкого уезда Пегие орды Нарымского острогу князцы Кичей с товарыщи, 12 человек, а с ними Сургутцкие пятидесятник Тренька Деев с товарыщи. И как оне в Туринской острог приедут, и ты б им велел подводы дати по подорожной, да и корм бы еси тотаром велел дати до Верхотурья, как им мочно сытым быти.

110-го году апреля в 1 день.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 19, № 15.

52. *1603 г. августа 24. — Грамота царя Бориса Федоровича в Туринск голове Ивану Лихареву об исправлении острога.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Туринской острог, голове Ивану Федоровичю Лихареву. Писал еси к нам, что острог поразвалился, и нижние концы у острогу с приступной стороны от

житниц подгнили, а лес был топок. И ты велел пашенным крестьяном и ямским охотником с тое приступной стороны для наших житниц стену поставити, и пашенные крестьяне и ямские охотники поставили стены 103 сажени, а ставили острог на иглу прямо, а больши того ставити острогу без нашего указу не смел; а иные места по стенам поразвалилися ж; и нам бы тебе о том велети указ учинити. И как к тебе ся наша грамота придет, а пашенная пора минетца, и ты б острог велел поделати нашими пашенными и торговыми проезжими и тутошними всякими людьми и ямскими охотники; а прибавил бы еси острогу, с которую сторону пригоже, смотря по тамошному делу, чтоб нашим пашенным людем, и ямским охотником, и всяким людем в остроге нужи и тесноты не было. А буде острог весь добре худ, а поставити будет его одним годом не мочно, и ты б велел зимой припасти лесу, а делати велел на весну или потому ж, как вперед от пашни всякие люди отделаютца. А чтоб поставить острог крепкой, и впредь было прочно. Писан на Москве лета 7111-го августа в 24 день.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 81 об., № 75.

53. *1604 г. января 11. — Грамота царя Бориса Федоровича в Березов воеводе князю Федору Татеву о бережении князя Михаила Алачева и его людей от нападений пелымских остяков.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Березов город, воеводе нашему князю Федору Ондреевичю Татеву да голове Юрью Игнатьевичю Кобякову. Бил нам челом Березова города новокрещен князь Михайло князь Игичеев сын Алачев Пелымсково уезда на Кондинских остяков на Елека, да на Еска, да на Курманака с товарыщи а сказал: наперед сего отец их князь Игичей по нашему указу посылан был с нашими воеводами и служилыми людьми на нашу службу в Конду воевать и наших непослушников и изменников приводити под нашу царскую высокую руку, и они деи, рнясь тому, бьют нам челом на него, и емлют наши грамоты ложно, и за тех убитых людей, которых отец их с служилыми нашими людьми побили, ищут поголовщины; да они ж деи похваляются на них приходить войною и его и людей его побивать на смерть; и нам бы его пожаловати, велети от тех Пелымских остяков от насильства и ото всякие обиды беречи. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б князя Михайла князь Игичеева сына Алачева и его людей велели беречи, чтоб ему и его людом от Пелымских остяков от Елека с товарыщи и от иного ни от ково тесноты и насильства никоторого *(л. 135)* не было. А которые будет остяки по нашим грамотам учнут на нем чего искать, и вы б их судили и сыскивали всякими сыски накрепко. А будет кто ему князю Михайлу и его людем какое насильство и обиду учинит, и вы б, про то сыскав накрепко, тем людем чинили наказанье, смотря по тамошному делу, чтоб в них самовольства не было, а шатости б на них не навести ж. Писан на Москве лета 7112-го году генваря в 11 день.

Оная грамота без закрепы.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 134 об. — 135, № 22.

54. *1604 г. марта 21. — Грамота царя Бориса Федоровича в Тюмень голове Алексею Безобразову о посылке в Тобольск стрельцов с хлебными и воинными запасами для составления отряда, направляемого на строение города Томска.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тюменской город, голове Алексею Ивановичю Безобразову. По нашему указу велено вверх Оби, в Сургуцком уезде, на реке на Томи, в Томской волости поставити город; а для городового ставленья велели есмя послати из Сургута Гаврила Писемского да из Тобольска Василья Тыркова, а с ними, к Тобольским, и к Сургутцким, и к Березовским служивым людем в прибавку, Тюменских служивых людей с атаманом з Дружиною с Юрьевым 50 человек стрельцов и казаков да 2 человек пушкарей, а велено тем Тюменским служивым людем в Томском городе годовать; а снаряду велели есмя послати ис Тюмени пищаль скорострельную, а к ней 200 ядер железных да 200 ядер свинцовых, да 10 пуд зелья, 10 пуд свинцу. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б (*л. 27 об.*) тотчас послал ис Тюмени в Тобольской з атаманом с Дружиною с Юрьевым, выбрав лутчших стрельцов [и] казаков, 50 человек да 2 человек пушкарей. А наше им хлебное и денежное жалованье на нынешней на 112-й год дал в Тюмени оклады их сполна. А наряду с ними послал бы еси из Тюмени: пищаль скорострельную, а к ней 200 ядер железных да 300 ядер свинцовых, 10 пуд зелья, 10 пуд свинцу. А одноличпо б еси ис Тюмени служивых людей, и наряду, и зелье, и свинец послал в Тобольской не мешкав, чтоб за тем, Тобольским служилым людем мотчанья не было; а наш указ в Тобольской о них послан. А как тех служивых людей, и наряд, и зелье, и свинец ис Тюмени в Тобольской пошлешь, и ты б о том отписал к нам к Москве а отписку велел отдати в приказе Казанского и Мещерского дворца дияку нашему Нечаю Федорову. Писан на Москве лета 7112-го марта в 21 день.

Подлинная грамота за приписью диака Нечая Федорова.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 8, л. 27—27 об., № 19.

Напеч. в РИБ, т. II, стб. 78—79, № 50.

55. *1604 г. марта 25. — Выписка из наказа сургутскому голове Гавриле Писемскому и тобольскому голове Василию Тыркову, отправленным для строения города Томска.*[1]

В наказе голове Гаврилу Иванову Писемскому да Василью Тыркову написано: Лета 7112-го марта в 25 день бил челом государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии из Сибири Томские волости Тоян князь, чтоб великому государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии пожаловати, велеть ему быть под его царскою высокою рукою и велети быть в вотчине его в Томи поставить город; а место де в Томи угоже и пашенных людей устроити мочно; а ясашных де людей у него 300 человек; и как де город поставят, и те де его ясачные люди будут под государевою

[1] *Об этой выписке см. примечание к § 43 гл. 5.*

царскою высокою рукою и ясак учнут платити; а которые де будут около того города государевы непослушники, и он Тоян учнет про них сказывати и приводить их под государеву царскую высокую руку; а до Чат де будет от того города 10 дней; а до киргиского князька до Немчи 7 ден, а людей у него 1000 человек; а до Ород, до князца до Бипея, до ближняго кочевья 10 ден, а до дальнего кочевья 4 недели, а людей у него 10000 человек; а до Телеут дальнее кочевье 5 ден; а князек в Телеутах Обак, а людей у него 1000 человек; а до Умацкого князца до Чити дальнее кочевье 14 дней, а людей у него 300 человек. А как де в Томи город станет, и тех де городков кочевные волости все будут под государевою царскою высокою рукою и ясак с них (*л. 98*) имати мочно. И великий государь пожаловал их, велел у них в их земле в Томи поставить город, и велел их от их недругов от дальных земель во всем оберегать, и ясаку с них до своего государева указу имати не велел.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 19, л. 98—98 об., № 51.

Напеч. в РИБ, т. II, стб. 159—160, № 73.

56. *1604 г. не ранее сентября 27.* [1] *— Отписка кетского воеводы Постника Бельского томским воеводам Гавриле Писемскому и Василию Тыркову об ясашных волостях Чулыме и Киргизах.*

Господину Гаврилу Ивановичю да Василью Фомичю Поспик Бельской челом бьет. Писали есте ко мне с стрельцом с Сидорком Иевлевым: 112-го году по государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии [наказу]велено вам в Томской волости город поставити, и вы по государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии наказу город в Томской волости поставили; и пишете ко мне, что в наказе у вас написано: которые волости и город[ки] подошли и ближе Кетцкого острога к Томскому городу, по Оби и по Чюлыму, и тем волостем и городком государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии, по своему государеву указу, судом и управою [велел быть], и ясак платить, и заклады держать в Томском городе; и пишете, что в Чюлым по ясак послали служивых людей и заклатчиков велели поимати. И вы, господине, делаете не по государеву указу, что в Чюлым и в Киргиссы ясашников посылаете и ясак государев велите имати; а Чюлым и Киргиссы преже сего ясак давали в Кецкой острог. И в наказе у меня написано: которые волости и горотки преже сего давали государев ясак в Кецкой острог, и с тех ясашных людей велено имать в Кецком остроге (*л. 35 об.*) по старому государев ясак мне до государева указу. И в росписи у меня написаны те волости Чюлым и Киргиссы. И вы поступаетесь напрасно в мой присуд, тем меня лаете, и мне о том писать государю. А будем, даст бог, на Москве и увидим царские очи, и мне бить челом на вас о бесчестьи. И велено вам по государеву указу в Томи город поставить и приводить под государскую высокую руку те землицы и волости, которые и посямест не под царскою

---

[1] *Дата установлена на основании № 57: город Томск был поставлен в 1604 г. сентября 27* (*Ср. здесь*: «и вы... город в Томской волости поставили»).

высокою рукою. И вам бы, господине, в мой присуд в Киргиссы и в Чюлым до государева указу не вступатца, ясаку с них не велеть имать и закладчиков. Да пишете ко мне о управах, что били челом государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии Томские служивые люди на Кецких ясашных людей; и мне, господине, управа на них дать нельзя, потому что государев ясак не выбран. Да на которых служивых людей присланы челобитные, и тех служивых людей в остроге нет, посланы на государеву службу.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 35—35 об., № 1.

57. *1605 г. не позднее февраля 24. — Отписка кетского воеводы Постника Бельского томским воеводам Гавриле Писемскому и Василию Тыркову о присылке сведений о том, с каких чулымских, мелесских и киргизских волостей собран ясак томскими служилыми людьми.*

Господину Гаврилу Ивановичю да Василью Фомичю Посник Бельской челом бьет. Во 113-м году ‖ (*л. 36*) писали есте ко мне: по государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии наказу велено вам в Томской волости город поставити; и вы, господине, по государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии наказу в Томской волости город зделали со всеми крепостьми сентября в 27 день. И пишете, господине, ко мне, что в наказе у вас написано: которые волости и горотки подошли ближе Кецкаго острогу к Томскому городу, по Оби и по Чюлыму, и тем волостем и горотком государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии по своему государеву указу[1] велел быть с судом и управою, и ясак платити, и заклады держати в Томском городе. И пишете, что вы на Обь, к Няпкулу, и в Чюлымские волости по государев ясак служивых людей розослали, а того имянно не пишете, в которые в Чюлымские горотки и волости и к которым князьком послали служивых людей по государев ясак. А у меня в наказе написано, что которые горотки и волости преже сего в Кунгопской острог государев ясак давали, [2] тем волостем по старому быть под царскою высокою рукою и судом и управою, и закладчиков держать, и государев ясак имать в Кунгопском остроге; и в росписи написаны ‖ (*л. 36 об.*) у меня Чюлымские, и Киргисские, и Мелеские горотки и волости к Кунгопскому острогу. [И] сентября в 22 день розослал служивых людей в Чюлым, и в Мелесы, и в Киргиссы а велел заклады и государев ясак имать попрежнему в Кецкой острог. И которые служивые люди ходили в Чюлым, и взяли государев ясак с Чюлымских волостей, которые преже Томского города к Кецкому острогу, с Чулымских князьцев с Лаги, да с Сылгака, да с Каргачиных детей и с Майнаковых и их людей, и всего взято государева ясаку с Чюлымских князьцев и их людей с 40 с одного человека да с Мелесских с 4-х человек. И собрав Кецкаго острогу ясашники государев ясак на Чюлымских князьцех, и заклады поимали и пришли в Кецкой острог ясашники с государевым ясаком и с заклады декабря в 5 день.

---

[1] *В рукоп.:* наказу.

[2] *Далее в рукоп.:* с них и в наказе по что.

А из Томи пришел с грамоты стрелец Сидорко в Кецкой острог декабря в 23 день. И вам бы, господине, с тех Чюлымских князьцев и их людей, с которых взят государев ясак в Кецкой острог, другова ясаку в Томской город имати не велети. А которые Чюлымские горотки и волости подошли ближе Кецкого острогу к Томскому городу, [1] и в те городки и в волости || (*л. 37*) Кецкого острогу ясащики не ходили, потому что в те городки и в волости преже зашли Томского города ясащики и государев ясак в Томь взяли. А в Мелессы и в Киргиссы Кецкого острогу ясащики не ходили же, потому что преже зашли Томского города ясащики, и те волости ближе к Томскому городу. И яз понеча послал ясащиков в Чюлым в те же волости по недобор, с которых взят государев ясак не весь понешнаго 113 году. А которые городки и волости ближе к Томскому городу и государев ясак с них взят в Томской город, и в те волости ясащиком ходить не велено. И вам бы, господине, ко мне писати подлинно: с которых с Чюлымских, и Мелеских, и Киргисских волостей и князьцев иман государев ясак в Томской город, чтобы которые волости и князьцы промеж нами в ызбыли не были и государев ясак на них не залег. Да бил челом государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии Томского города казак Якушко Матвеев на Онтоша Иванова сына, и яз по государеву указу по челобитной управу учинил и по кабале на Онтоши деньги велел доправить, и тот Онтош Иванов за долг выдал Якушу кабалу на Семена (*л. 37 об.*) Помельца, и послана та кабала Якушу на Помельца; а что была кабала на Онтоша, и Онтошу тое кабалу выдали. А на иных служивых людей которые челобитные, и по тем челобитным управа не учинена, потому что посланы на государеву службу. И которые челобитные на остяков, а управа не учинена, потому что на них государев ясак не весь выбран. А з грамотою послан казак Тренька Вершинин февраля в 24 день.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 35 об. — 37 об., № 2.

58. *1605 г. не ранее июля 7 — не позднее августа 31. — Отписка кетского воеводы Постника Бельского томскому воеводе Гавриле Писемскому о полученных им вестях о намерении остяков и киргизов по рекам Оби, Кети, Чулыму и Томи поднять восстание против русских.*

Господину Гаврилу Ивановичю Посник Бельской челом бьет. Нынешнаго, господине, 113-го году июля в 3 день пришла в Кецкой острог Могулина мужика Майгина жена Киноту и сказала за собою вести; и яз ее велел перед собою поставить, учал ее роспрашивать, и она сказала, что Могуля, да Мастя, и Питка и все Кецкие верхных и иных волостей лутчие и молотчие люди умышляют над Кецким острогом и хотят приходить к Кецкому острогу и промышлять над Кетцким острогом всякими промыслы, как бы им Кетцкой острог взяти и служивых людей побивати, куды которого пошлют. И яз тотчас разослал служивых людей по юртом по лутчих людей по Могулю, и по Мастяя, и по Питку, и по Гиргетья, и бог помиловал || (*л. 38*), что тех лутчих людей вскоре

[1] *Далее в рукоп.:* казаковы дети и их люди и я горотки и волости.

поисхватали, а оне было хотели ехать тотчас на скоп, где было у них збиратца. И как привели тех лутчих людей Могулю с товарыщи, по которых яз посылал, и учал их розводя роспрашивать, [и] оне заперлись и сказали, что у нас умышленья над острог и над государевыми служивыми людьми нет. И яз их роздавал по приставам и по три дни их распрашивал всякими мерами и пытал июля в 7 день. И князец Могуля сказал: присылали де к нам зимою Томской князец Басанда да киргисской князец Номзи Чюлымского князьца Лагу, а Обский князец Байбахта и все Обские люди присылали Меглеева племянника Качеку да Нянкулова сына Кичегу зимою и весною и велели де нам над Кетцким острогом промышлять всяким промыслом, огнем зажигати, как бы которою мерою Кетцкой острог взяти и государевых служивых людей побивати; и у нас де у всех у Кетцких людей и у иных земель, которые платят государев ясак в Кетцкой острог, умышленье было над Кетцким острогом, и государевых де служивых людей нам было побивати, куды которого пошлют. А у Томских, и у киргисских, и у Обских и у всех земель, которые государев ясак платят || (*л. 38 об.*) в Томской город, умышленье над Томским городом и над государевыми служивыми людьми, а хотят приходить к Томскому городу в деловую пору, как люди розойдутся на пашни и на рыбную ловлю, и промышлять над Томским городом всякими мерами, как бы взять Томской город, а тех людей по пашням и на рыбной ловли побивати, и куда которых служивых людей пошлют, и их побивать. И яз велел поставить перед собою Мастяя, и Питку, и Гиргетья порознь и роспрашивал их, и оне сказали те же речи, что присылали к ним Томской князец Басандай да киргисской князец Номзи Чюлымского князца Лагу, а Обской князец Байбахта и все Обские люди присылали Мегликова племянника Качеку да Нянкулова сына Кичегу, что оне [у]мышляют над Томским городом [и на] все землицы, которые к Томскому городу государев ясак платят; а нам де велели промышлять над Кетцким острогом, и нам де грозили: не возьмете де вы Кетцкого острогу, и мы взем Томской город, да вас всех побьем, да и Кетцкой острог возьмем. А яз здесь сыскал всеми Кетцкими лутчими и худыми людьми, ипо лутчие и худые люди не мов, [1] что мужики говорят. И женки приходя || (*л. 39*) сказывают, что есть над Томским городом умышленье, как бы им Томской город взять и всех земель, которые государев ясак платят в Томской город подлинно. И тебе б, господине, по государеву указу жить бережно, а про то проведывать накрепко про их умышленье и шатость. А послан с сею грамотою стрелец Гриша Бутров а с ним двое остяков; и тебе бы, господине, его отпустить тотчас не задержав, потому что здесь вести не тихи, а людей мало.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 37 об. — 39, № 3. Напеч. в РИБ, т. II, стб. 161—164, № 75.

59. *1606 г. июля 12. — Грамота царя Василия Ивановича в Березов воеводе князю Петру Черкасскому о пожаловании Онже Юрьеву «княжения»*

[1] *Так в рукоп.*

его брата Игичея Алачева, о выдаче ему «палтыша» брата его и о разрешении сбирать на себя ясак в волостях Васпуколоке и Кулпуколоке.

От царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии в Сибирь, в Березов город, воеводе нашему князю Петру Ахамашюковичу Черкаскому. Бил нам челом Котцкой остяк князь Игичеев брат Алачева Онжа Юрьев а сказал: служил де он наперед сего наши всякие службы з братом своим со князь Игичеем Алачевым, а с ними 150 человек остяков, и брата де его князь Игичея не стало, а после брата своего в прошлом во 112-м году был он в Томском городе з Гаврилом с Писемским, а с ним было Котцких || (*л. 137 об.*) остяков 100 человек, город ставили и всякое городовое дело делали, и будучи де оне на наших службах, одолжали великими долги; а что де у брата его был по их вере палтыш болван, чем он княжил и Котцкими остяки владел, и тот палтыш, как брата его не стало, взят на Березов в казну и ныне на Березове в нашей казне; и нам бы его пожаловати: вместо брата его князя Игичея Алачева княженьем, и велети тот брата его палтыш отдати, и теми остяки, которыми владел брат его князь Игичей, владети ему. И мы Онжю Юрьева пожаловали в Котцкой земле княженьем, как брат его князь Игичей княжил, и палтыш брата его Игичея велели ему отдати. Да его ж Онжю пожаловали есмя в Сибирской земле прежними его волостками, которые были преж сего за ним же за Онжею да за братом его за князь Игичеем Алачевым: волосткой Васпуколок[1] да волосткою Кулпуколок со всеми угодьи и с ясаком, и наша жалованная грамота ему дана. И как к тебе ся наша грамота придет, а князь Онжа на Березов приедет, и ты бы ему палтыш брата его князя Игичея Алачева из нашие казны велел отдать и теми волостками Васпуколом да Кулпуколом, которые были наперед сего за ним же за Онжею да за братом его за князь Игичеем Алачевым, велел ему владети и ясак збирати на себя по нашей жалованной грамоте. Писан на Москве лета 7114-го июля в 12 день.

Подлинная грамота за закрепою дьяка Алексея Шипилова.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 137—137 об., № 27.

Напеч. СГГД, т. II, стр. 315—316, № 148.

в

60. *1608 г. не ранее декабря 28—1609 г. — Отписка в Москву томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцова о насилиях бывших томских голов Матвея Ржевского и Семена Бартенева.*

Государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии холопи твои Васька Волынской, Михалко Новосильцов челом бьют. В нынешнем, государь, во 117-м году декабря в 28 день прислана государь к нам холопем твоим в Томской город твоя государева грамота с Томским казаком с Михалком Казанцом, а в твоей государеве грамоте написано: били челом тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии

[1] *В рукоп.:* Даспуколок.

Томского города служилые люди пятидесятник стрелецкой Ивашко Беляев да десятники Матюшко Кутьин, Ивашко Кокшар, Баженко Костентинов, Бурнашко Никонов и все Томского города служилые люди, казаки и стрельцы, на голов на Матвея Ржевскова да на Семена Бартенева а сказали, государь: в прошлом де во 114-м году, как ехали Матвей и Семен в Томской город Обью рекою с усть Иртыша, и едучи по Оби реке ясашных людей пытками пытали, и поминки с них великие имали, и их грабили, лисицы, и сабаки, и рыбу, и жир, чем они сыти бывают, имали насильством, и от того де в ясашных людех стала измена великая, и в Томской город не приходят; и как де они приехали в Томской город, и им де служивым людем твое царское денежное и хлебное жалованье давали их оклады в кабалы; а как де из них кого пошлют (*л. 3*) по волостем для твоего государева ясаку, и с них де емлют от тово посулы и поминки великие, да в посулех же на них служивых людей емлют кабалы рублев по 10 и по 20. Да в Томской город приходила из Киргиз Номчина жена бити челом тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии, чтоб им киргиским людем быть под твоею царскою высокою рукою; и Матвей де и Семен с Номчины жены сняли грабежем шубу соболью, и за ту де шубу киргиской князец Номча воевал твоих государевых ясашных людей Чюлымских волостей. А твоею де, государь, царскою казною Матвей и Семен владеют и торгуют и подьячева же посылают однорядками и тазами ис твоей государевой казаны с колмаки торговати. Да в нынешнем же де, государь, во 117-м [1] году, как пришла твоя государева денежная казна и хлебные запасы в Томской город, и Матвей де и Семен, по твоим государевым грамотам и по росписям, служивым людем твоего государева денежново и хлебново жалованья не давали в их оклады, и грамот не слушали и их морили голодом; и от их насильства и теснота, и обида, и изгоня великая. Да в нынешнем же де, государь, во 117-м [1] году пили де Семен Бартенев да подьячей Кирилка Федоров у Матвея Ржевсково, и подьячей де Кирилка (*л. 3 об.*) выбежал с Матвеева двора Ржевсково и кричал, и вопил, и в колокола звонил и являл на Матвея Ржевскова да на Семена Бартенева, а говорил, что Матвей и Семен служивым людем твоего царского денежного и хлебного жалованья не дают, а морят их голодом, а сами де твоею казною владеют и торгуют; и называл де Семена вором, что от Семенова де воровства земли отложилися и люди в городе морили. [2] А то де извещали в мир Томского города служивые люди на подьячего Кирилка Федорова Сидорка Фомин, да Софошка Петров, да Тимошка Алексеев, москвитин, да Ивашка Москва, да Баженко Мокеев, а от них де челобитчиков к тебе к государю к Москве не отпущают бити челом об их нужах для своих великих посулов и поминок. Да от Матвеева ж де и от Семенова насильства и изгони побежали ис Томского города казаков 12 человек. Да им же де в Томском городе велено быти конным 100 человеком, и ныне де их в Томском городе конных только 70 человек и служат конную, а твоего де, государь,

[1] *В рукоп.:* 116-м.

[2] *В рукоп.:* дарили.

царского денежнова и хлебнова жалованья сполна не давали; и писали де на них непослушанья к тебе государю ложно, будто оне их ни в чем не слушали, изгоняючи их; а и давали де им твое (*л. 4*) государево хлебное жалованье не сполна, и то де давали рожью и овсом и ечменем, и то де все мякины, а об их де нужах к тебе государю ни о каких не писали. Да Матвей же де и Семен твоих государевых ясашных людей сильно емлют к собе в холопи, и кабалы на них служивые емлют, и тех иноземцев продают и тем де корыстуютца. А которые де иноземцы в Томском городе крестилися года по три и по четыре и били челом тебе государю о хлебном жалованье, и Матвей де и Семен новокрещеным запасу не дают, а отказывают им, чтоб они жили по своим землям и по юртам попрежнему; и иноземцы де им говорили, что оне своей веры отстали, и их в свою землю не пустят, потому что оне крещены. Да Семен же де, государь, Бартенев без них, как оне живут по твоим государевым службам, имал жены их сильно и держал у собя на постеле. Да Семен же де, государь, Бартенев у служивого человека да у попа у Сергея отнял дворы их сильно. И оне де, государь, служивые люди, от их насильства и изгони великие, многие кормятца по юртам христовым имепем и ходят по юртам и прошают, чем прокормитца, у тотар. Да в Томской же де, государь, город приходил ис Черных колмаков лутчай князец Цызьян бити челом тебе государю царю и великому князю Василью (*л. 4 об.*) Ивановичю всеа Русии, чтоб им быти пот твоею царскою высокою рукою, и тебе государю челом ударил два коня добрых; и Матвей де и Семен те кони взяли себе и послали к Руси по своим поместьям с своими людьми полем, мимо Томского города. Да иными де твоими государевыми поминошными лошадьми, что приводили тебе государю в поминках белые и черные колмаки, и оне, государь, теми лошадьми владеют. Да во 116-м году Матвей и Семен посылали в Черные калмыки к Басыну Томского города казака Ивашка Кокшара с товарыщи, и он де Ивашко Кокшар с товарыщи ограбил твое государево жалованья, что было с ними послано к луччим князьком к Озынею да к Обынею, и товаров де у них взял рублев на 10, что взяли оне с собою длятвоево царского имени, и, ограбя, сказал, что де он послал в Томской город сына своего, и сына де, государь, ево твоим царским жалованьем ничем не пожаловали. А кормили де Матвей и Семен иноземцов, которые приходят с ясаком, по одинова на день, и от того де твоему царскому имени позорно и в ясашных людех смута. Да Матвей де и Семен давали явки: Матвей на Семена, а Семен на Матвея попом и торговым людем; и ныне де, государь, те явки поимали назад и приходили к Живоначальной Троице и знаменовалися образом, неведомо для чево, а в твою де, государь, в съезжую избу не ходили и твоим де государевым делом не радели. Да били челом тебе (*л. 5*) государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии Томскаго города казаки: Левка Иванов Олпатов, да Селиверстко Васильев да Матюшка Тимофеев Белкин на голову на Семена Бартенева: в прошлом де, государь, во 115-м году отпущал их Семен в Москве с твоею царскою соболиною казною и с них де имал посулы: у Левки взял однорядку да кавтан камчатой, цена 15 рублев, да денег 4 рубли; у Селиверстка взял

коня, цена 10 рублев; у Матюшки конь пег, да четверть муки, да сапапал, да пуд соли, да медведно, всего по оценке на 18-ть рублев; и всего де с них взял Семен посулу деньгами, и лошадьми, и платьем на 50 рублев. И нам, государь, холопем твоим, по твоему государеву цареву и великого князя Василья Ивановича всеа Русии указу, велено голов Матвея Ржевского да Семена Бартенева и подьячего Кирилка Федорова про те про все статьи, по твоей государеве грамоте, роспросить подлинно и сыскать. И мы холопи твои, по твоему государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии указу, Матвея и Семена и подьячего Кирилка Федорова роспрашивали до твоей грамоты по извету Ивашка Беляева да Ивашка Кокшара с товарыщи, что оне извещали тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии на Матвея и на Семена и на подьячего Кирилка (*л. 5 об.*) те же статьи, кроме немногих, что по твоей государеве грамоте велено нам холопем твоим сыскать, что прислана твоя государева грамота с Томским казаком с Михалком Казанцом, а велено, государь, нам холопем твоим, по твоему государеву указу, роспросить Матвея Ржевского и Семена Бартенева и подьячева Кирилка Федорова против твоей государевы грамоты, против всех статей, подлинно. И Матвей и Семен по твоему государеву указу отпущены к Москве до твоей государевы грамоты задолго, что привез к нам холопем Михалко Казанцов. И мы, государь, холопи твои, по твоему государеву указу, против тех статей, которых статей у Ивашка Беляева с товарыщи в их извесной челобитной не написано, которые извесные челобитные принесли на Матвея и на Семена до твоей государевы грамоты, служивых людей Томского города и подьячева Кирилка Федорова против всех статей роспрашивали. И служивые, государь, люди и все Томскаго города, кроме тех же Ивашка Беляева друзей и заговорщиков, в роспросе сказали, что оне твоих государевых дел на Матвея и на Семена не извещали и челобитной извесной на Матвея и на Семена не посылали к тебе государю, а посылали бити челом к тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии о своей нуже Томскаго казака Михалка Казанца, что (*л. 6*) в прошлом во 116-м году не додано из твоего царского хлебного жалованья в их оклад, а извесной челобитной на Матвея и на Семена с Томским казаком с Михалком Казанцом не посылывали к тебе государю и твоих государевых дел на Матвея и на Семена не извещали. И роспросные, государь, речи подьячева Кирилка Федорова и Ивашка Беляева с товарыщи, которые, государь, в роспросе сказали, что оне с Михалком Казанцом к тебе государю извесную челобитную [не] посылали на Матвея и на Семена и твои государевы дела на них [не] извещали, и обыскных людей речи за их руками и отцов их духовных к прежним роспросным и к обыскным людей речам, что извещал Ивашко ж Беляев с товарыщи на Матвея и на Семена твои государевы дела, склея в одно место, послали к тебе государю за своими печатьми с Томским казаком с Посничком Аверкеевым.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 2 об. — 6, № 2.
Напеч. в РИБ, т. II, стб. 181—188, № 83.

61. *1609 г. января 28.*[1] — *Отписка томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцова в Москву о князце чулымских татар Исеке и обложении ясаком людей, живущих в Кимской волости.*

Государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии холопи твои Васька Волынской, Михалко Новосильцов челом бьют. В нынешнем, государь, во 117-м году декабря в 6 день посылали, государь, мы холопи твои на Чюлым, в Мелескую волость, для твоего государева ясаку Томсково города стрельцов Сидорка Соломатова, да Ваську Свияженина, да Ондрюшку Ортемьева да Окуту Пылева. И пришли, государь, оне с Чюлыма генваря в 22 день, и пришедчи, государь, нам холопем твоим сказали, что сведали, государь, оне про Исека, князя Мелесково, что Исек князь живет у своих людей втай на Чюлыме, а бегал, государь, в Киргизы и на Енисею с тех (*л. 8 об.*) мест князь Исек, как твоих государевых людей побил в ево волости на Чюлыме. [И] приходили твои государевы служивые люди из Сургута к нему для твоего государева ясаку на Чюлым, как Томской город был не поставлен, и он, государь, с своими людьми твоих государевых людей побил, и с тех, государь, мест он бегал по многим землям, боясь от тобя, государь, опалы; а ныне, государь, он пришел к своим людям на Чюлым а хочет тебе государю вину свою принесть. А сказал де, государь, Сидорку Соламатову с товарыщи про нево Чюлымской Мелеской волости князек Хойчак, что Исек князь живет у своих людей на Чюлыме втай. И оне де, государь, послали князя Исека звать в Томской город, чтоб он шол в Томской город без всяково сумненья, а ты де, государь, ево пожалуешь, в вине ево пощадишь, и слово де, государь, ему на том велели дать прямое, что ты, государь, ево пожалуешь, вину ево на милость положишь, и он бы шол в Томской город без боязни. И князек, государь, Хойчак князя Исека призвал, и с ними, государь, князь Исек пришол в Томской город и бил челом тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии о вине своей, что ево люди побили твоих государевых людей без ево ведома, и он де, государь, бояся опалы, бегал по многим землям, а сведав тебя государя праведново и милосердово ко всем винным, и вину свою (*л. 9*) принес тебе государю и о вине своей у тебя государя милости просил. И мы, государь, холопи твои ему твое царское жалованное слово милостивое сказали, что ты, государь, пожалуешь, в вине ево на милость положишь, и он бы на твою царскую милость был надежен и вину свою покрыл своей службою, и к шерти ево, государь, велели привесть, и велели, государь, ему жить в своей волосте на Чюлыме попрежнему. И князь Исек, государь, вину свою тебе государю покрываючи, и тебе государю объявил, что живут к вершине к Енисейской ясашные люди Кимской волости на Киме реке, а ясаку тебе государю не платят ни в которой город. [И] мы, государь, холопи твои с князем Исеком послали твоих государевых служивых людей, и ясак с Кимской волости велели взять, и к шерти велели привесть. И ясак, государь, с Кимской волости на тобя государя царя и великого

---

[1] *О дате отписки см. № 68 (стр. 427).*

князя Василья Ивановича всеа Русии взяли и к шерти их привели. А тому, государь, Чюлымскому князьку Хойчаку, которой сказал про князя Исека, дали ему твоего царсково жалованья сукна Розсловсково 5 аршин на однорядку.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 8—9, № 5.

62. *1609 г. не ранее февраля 11. — Отписка томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцова в Москву об их сношениях с людьми Кузнецкой волости.*

Государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии холопи твои Васька Волынской, Михалко Новосильцов челом бьют. В нынешном государь, во 117-м году ноября в 20 день посылали, государь, мы холопи твои для твоего государева ясаку в Кузнецкие волости Томских служилых людей конных казаков Баженка Костянтинова, да Левку Олпатова да Ивашка Шокурова с товарыщи. И пришли, государь, оне из Кузнецких волостей февраля в 11 день и в роспросе, государь, нам холопем твоим Баженко с товарыщи сказали, что их в Кузнецких волостех хотели побить и ясаку дать не хотели, и что, государь, с ними было взято товару для твоего государева имени, и у них товарыих гребежем поимали, [и] их хотели побить, а не дали, государь, их побити немногие Кузнецкие люди, которые тебе государю прямят, князек Базаяк с своими людьми в Обинской волости. И в ыные де, государь, оне волости к Кузнецким людям посылали розговаривать, чтоб твоих государевых людей в розходе по волостем не побивали и не грабили. И оне де, государь, служилых людей в Кузнецких волостях Бадачак, да Кубасак, да Басарак с своими людьми грабили (*л. 10*), а ясаку тебе государю дали не сполна соболишек худых, которые, государь, в твою государеву казну не пригодятца. И преже сево, государь, Кузнецкие люди ясаку тебе государю платили не сполна, недособолишка худые, которые в твою государеву казну не пригодятца. И оне де, государь, Кузнецково князька Базаяка звали в Томской город к твоему царскому жалованью, что он тебе государю служит и прямит и твоих государевых людей не дал побить. И он де, государь, сказал, что в Томской город итить не смеет для тово: пойти де, государь, ему в Томской город, и без нево де, государь, Кузнецкие люди ево розграбят и жену де и детей побьют, и ему де, государь, за тем итить нельзя. А воеват, государ, Кузнецких людей послать, и служивых людей, государь, в Томском городе мало, и тех, государь, пополам посылают в Тобольской летом против твоей государевы казны денежной и хлебной, а твоя государева казна денежная и хлебная приходит на осень, и воевать, государь, осенью и зимою Кузнецких людей не мошно, что живут, государь, в крепостех в великих, и болота обошли и зыбели великие и ржавцы, а зимою живут снеги великие, и воевать, государь, их кроме лета, в жары, не мошно, и в те поры, государь, служивые люди живут в россылках, а в Томском, (*л. 10 об.*) государь, городе люди оставаютца немногие, и те стоят на караулах на отъежжих, и в городе и на остроге по воротам стоят безпрестани немногие люди.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 9 об. — 10 об., № 6.

63. *1609 г. не ранее февраля 13. — Отписка томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцова в Москву о десарских людях.*

Государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии холопи твои Васька Волынской, Михалко Новосильцов челом бьют. В нынешнем, государь, во 117-м году ноября в 8 день посылали мы холопи твои в новую землю за [Е]несию в Десары ко князьку Немецу есарских людей приводить под твою царскую высокую руку Томских стрельцов Федьку Локаса, да Максимка Афонасьева, да в толмачах Урписа Левонтьева. И пришли, государь, оне из Десар февраля в 13 день и в роспросе, государь, нам холопем твоим Федька Локас с товарыщи сказали, что оне в Десарах были и князька Немецу и ево людей под твою царскую высокую руку привели, и тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии на том оне шертовали, что им быть под твоею царскою высокою рукою неотступными, и тебе государю служить и прямить, и ясак с себя давать. И ясаку, государь, оне с себя дали 66 соболей. А иных де, государь, Десарсково князька лутчих ево людей звали с собою в Томской город к твоему царскому к жалованью; и оне де, государь, им сказали, что им иттить в Томской город нечем, челом ударить тебе государю нечем, и ясак де мы государю дали не сполна, что твоих государевых людей не чаяли приходу к себе, а до твоих государевых людей ясак с них взяли брацкие люди; а собрав де, государь, оне поминки, чем тебе государю челом ударить, и ясак сполна, и хотели быть в Томской город летом. А десарских де, государь, людей [человек со]...[1]

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 18 об., № 13.

64. *1609 г. не ранее февраля 29. — Отписка томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцова в Москву о матских людях.*

Государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии холопи твои Васька Волынской, Михалко Новосильцов челом бьют. В нынешнем, государь, во 117-м году ноября в 8 день посылали, государь, мы холопи твои в новую землю в Маты матцких людей приводить под твою царскую высокую руку Томсково города конных казаков Первушку Бобра, да Федьку Суботку, да в толмачах казацково татарина Багулка, что матцкие люди преже сего были не под твоею царскою высокою рукою и ясак платили Алтыну царю. И пришли, (*л. 16 об.*) государь, из Мат февраля в 29[2] день и в распросе, государь, нам холопем твоим сказали Первуша Бобр с товарыщи, что оне государь матцких людей князька Четея, да Олгана, да Тумея и ево людей привели под твою царскую высокую руку, и тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии князьки их [и] лутчие люди шертовали на том, что им быть под твоею царскою высокою рукою неотступным и тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии служити и прямити и ясак сполна платити; а в поминках тебе государю челом ударили матцкие люди кутню червчату, а на ней круг золот. А ясаку, госу-

[1] *В рукоп. отписка не окончена.*
[2] *Так в рукоп.*

дарь, матцкие люди дали с себя 60 соболей. А матцкие, государь, люди в Томской город не пришли за ясаком. А в роспросе, государь, нам холопем твоим Первуша Бобр с товарыщи сказали, что де оне, государь, по твоему государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии указу лутчих матцких людей звали с собою в город к твоему царскому жалованью, и оне де, государь, не пошли, а им де, государь, сказали, что будут в Томской город на осень с ясаком, и ясак де, государь, впредь хотят платить сполна, как к ним будут твои государевы люди для твоего государева ясаку, и оне де, государь, будут в Томской город с служивыми людьми вместе; а нынеча де, государь, оне (*л. 17*) в Томской город за тем не пошли, что ясаку дали мало, в поминках несть нечево, чем тебе государю челом ударить, и ясаку де, государь, им заплатить, всего год сполна нечем, что их Алтын царь воевал, и многих людей их поимал в закладе, и их у себя держит, а иных де, государь, побил. А их де, государь, матцких людей человек 600. А платили ясак преже сево Алтыну царю, а нынеча, государь, оне от Алтына царя отступили, а хотят служить тебе государю и кочевать с кыргискими людьми вместе ближе к Томскому городу.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 16—17, № 10.

65. *1609 г. не ранее марта 10. — Отписка томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцова в Москву о маторских и тубинских людях.*

Государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии холопи твои Васька Волынской, Михалко Новосильцов челом бьют. В нынешнем, государь, во 117-м году ноября в 8 день посылали, государь, мы холопи твои в новую землю в Маторцы да в Тубу приводить под твою царскую высокую руку маторских [1] людей Томских казаков Софошку Петрова, да Ваську Казакова, да в толмачах казацково татарина Алебикаго. И пришли, государь, оне из новых земель марта в 10 день и в распросе, государь, Софошко с товарыщи нам холопем твоим сказали, что оне под твою государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии высокую руку привели Маторских и Тубинских князьцов, Маторского князька Колика да Тубинского князька Нобдая, и их людей, и тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии на том оне шертовали, что им быть под твоею царскою высокою рукою неотступным, и тебе государю служити и премити, и есак платить. И есаку тебе государю матарские люди дали с себя 35 соболей, а тубинские люди 25 соболей; а больше де, государь, им тово есаку дать нечево, что до твоих государевых людей ясак с них взяли с Матар и с Тубы черные колмаки; а впредь тебе государю оне хотят есак платить сполна. А сами де, государь, матарские и тубинские люди хотят быть летом в Томской город бити челом тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии, чтоб ты, государь, пожаловал, велел их сберегать от черных колмаков. А моторцев де, государь, всех людей человек с 300, да в Тубе де, государь, человек со 100.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 18, № 12.

[1] *В рукоп.* баа[illegible]еках.

66. *1609 г. не ранее марта 31. — Отписка томских воевод Вас. Волынского и Мих. Новосильцова в Москву об их сношениях с белыми калмыками.*

Государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии холопи твои Васька Волынской, да Михалко Новосильцов челом бьют. В прошлом, государь, во 113-м году по твоему государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии указу Гаврило Писемской да Василей Тырков посылали, государь, в Белые калмыки к князю Обаку и к ево людям с твоим государским жалованным словом (*л. 14*) и призывали их под твою царскую высокую руку, чтоб они ехали в Томской город, Тобольсково литвина Ивашка Поступинсково да Томсково конного казака Баженка Костянтинова с товарыщи. И приехали, государь, оне из Колмаков генваря в 2 день и в распросе сказали: как де оне приехали в Белые колмаки в Обаку князю и ко всем колмацким людям с твоим царским жалованным словом, и оне де, государь, твоему царскому жалованью ради; и учали де, государь, их звати в Томской город, и оне де, государь, сказали: будем мы на весну с людьми своими к царскому жалованью, приедем в Томской город с своими головами. И в Томском, государь, городе Обак князь и мурзы колмацкие не бывали в Томской город при Гавриле Писемском да при Василье Тыркове и при иных, государь, головах не бывали, и тебе государю Обак князь с своими людьми не шертовал, а присылали, государь, колмацкие люди в Томской город татар с поминками к тебе государю, а ясаку тебе государю не платили, и сам князь Обак и лутчие мурзы в Томской город не бывали, как Томской город поставили. И в нынешнем, государь, во 117-м году февраля в 4 день посылали, государь, мы холопи твои в Белые колмаки к князю Обаку из Томсково князя Таяна да с ним Томских казаков Ивашка Коломну, да Ваську Малентиева, да Ивашка Петлина, а велели, (*л. 14 об.*) государь, им звать в Томской город колмацкова князя Обака и ево лутчих мурз к твоему царскому жалованью; и будет Обак и лутчие люди мурзы за тем не поедут, что боятца, что их в закладе оставят, и мы, государь, холопи твои колмацкому князю Обаку велели дать слово свое прямое на том, чтоб оне в том не опасалися, что их в закладе в Томском городе не оставят, и тем бы его обнадежить, чтоб был в Томской город; и буде не поверит слову прямому князь Тоянову и служивым людем, и мы, государь, холопи твои велели для веры остатца в Колмаках в закладе князю Тояну или служивым людем, ково излюбят колмаки, покамест Обак князь будет ис Томсково города, для того что Обак князь да лутчие мурзы в Томской город за тем не бывали, что опасаютца, что их в закладе оставят. И приехали, государь, из Белых колмаков князь Таян да Ивашко Коломна с товарыщи марта в 31 день и в роспросе, государь, сказали, что оне колмацкого князя Обака звали и ево лутших мурз к твоему царскому жалованью; и оне де, государь, им сказали, что не смеют ехати в Томской город за тем, что их оставят в закладе; и князь Таян же, государь, им да Ивашко Коломна с товарыщи слово свое прямое на том давали, чтоб оне ехали в Томской город не бояся, а в закладе (*л. 15*) их не оставят; и колмацкие, государь, люди слову де их не поверили, а ве-

лели де, государь, на том князю Таяну шертовать, что их ис Томсково города отпустят, как оне будут в Томском городе; и князь Таян де, государь, колмацкому князю Обаку на том шертовал: как он будет Томском городе, и их в закладе не оставят. И Обак, государь, с ними в Томской город к твоему царскому жалованью приехал, а с ним приехали мурзы и лутчие люди и били челом тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии, чтоб ты, государь, пожаловал, велел им кочевать блиско Томсково города, а оне хотят служить и прямить тебе государю; и на ково ты, государь, их пошлешь на своих непослушников воевать, и оне хотят служить все своими головами; а ясаку с них имать не велел. А челом ударили тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии в поминках 30 соболей да лисица красная. И мы, государь, холопи твои колмацкому князю Обаку и мурзам и ево людем сказали твое царское милостивое слово, чтоб оне кочевали ближе к Томскому городу, а ты, государь, их пожалуешь, велишь оберегать от Алтына царя и от Казацкой орды, и впредь бы оне были на твою царскую милость надежны; а о том бы он ехал бити челом тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии к Москве, чтоб ты, государь, их (*л. 15 об.*) пожаловал, не велел с них ясаку имать, и оне сами увидят твои царские очи и к себе твою царскую милость. И Обак и мурзы с своими людьми на том тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии шертовали, что им быти под твоею царскою высокою рукою неотступным и тебе государю служить и прямить. И твоево царсково жалованья дали Обаку князю: однорядку малиновую, лундыш, да рубашку золотную, да колпак, да сапоги; а мурзам по однорядке настрафильной и людем ево по однорядке Рословской. И с тех, государь, мест Обак князь, и мурзы колмацкие, и их люди, и черных колмаков люди немногие с белыми колмаки почали часто з базаром, с лошадьми и с коровами, приходить в Томской город, и лошадьми, государь, и коровами служивые люди наполнилися в Томском городе. И впредь, государь, начаютца черных колмаков приходу великово базару с лошадьми и с коровами, что черные колмаки з белыми колмаками кочюют многие заодно. И колмаки, государь, белые, князь Обак и мурзы с своими со всеми людьми, подкочевали к Томскому городу и учали кочевать со всем улусом за день от Томсково города; и по иных, государь, начаютца черных колмаков, что учнут кочевать ближе к Томскому городу. И Обаку, государь, велели черных колмаков призывать под твою (*л. 16*) царскую высокую руку, что ты, государь, их пожалуешь, велишь их оберегать от Алтына царя, и от Казацкой орды, [и от] черных колмаков, и приходили б черные колмаки в Томской город з базаром, с лошадьми и с коровами. И Обак, государь, черных колмаков хочет призывать под твою царскую высокую руку и начаятца, государь, их призвать под твою царскую высокую руку, и учнут приходить в Томской город с ними. А ныне де, государь, потому черных колмаков с ними мало приходят, что воюютца с Алтыном царем.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 13 об. — 16, № 9.
Напеч. в РИБ, т. II, стб. 195—199, № 85, II.

67. *1609 г. не ранее марта 31. — Отписка томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцова в Москву об их сношениях с черными калмыками.*

Государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии холопи твои Васька Волынской, Михалко Новосильцов челом бьют. В прошлом, государь, во 116-м году апреля в 12 день прислана, государь, к нам холопем [твоим] на Верхотурье твоя государева грамота с Березовским с казаком с Михалком Кошмыловым, а в твоей государеге грамоте написано, что во 116-м году генваря в 1 день писали к тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии из Томсково города Матвей Ржевской да Семен Бартенев, что во 115-м году маия в 1 день приходили в Томской город послы от черных колмаков, от князька Бе[зе]нея, да от князька Узенея и от [О]бакая, и, пришед в Томской город, били челом тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии, чтоб им быть под твоей царскою высокою рукою неотступным, и от Алтына царя и от Казацкой орды их оберегать, и своим государевым служивым людем воевать не велел, и велети им приходить в Томской город с лошадьми и с коровами; и нам, государь, холопем твоим по твоему государеву указу велено послать к тем колмацким таишам к Изинею (*л. 11*), да Узинею, да к Обакаю и ко всем их улусным людем служивых людей, ково будет пригоже, и татар чатцких и волостных, которым бы колмаки верили; а велено, государь, им лутчим таишам Езению, да Узению, да Абакаю говорити: присылали оне в Томской город послов своих к твоему царскому величеству бити челом, чтоб ты, государь, их пожаловал, велел им быть под твоею царскою высокою рукою и от Алтына царя [и] от Казацкой орды оберегать, и своим государевым служивым людем воевати их не велел, и приходити велел в Томской город з животиною, с лошадьми; и ты, государь, колмацких таишей Езенея, да Узенея, да Обакая и их улусных людей пожаловал, велел быть под своею царскою рукою, и воевать их своим государевым служивым людем не велел, и велел их, государь, от Алтына царя и от Казацкой орды оберегать; и оне б были под твоею царскою высокою рукою неотступно, и тебе б великому государю служили и прямили во всем; и к шерте велено привести, и заклады взять в Томской город, и ясак на них взять лошадьми, сколько оне дадут; и ехали б оне лучшие тайши сами к тебе великому государю к Москве, а подводы им и корм в дорогу до Москвы и назад до Томского города будут; и оне сами увидят твои царские очи, а ты, государь, их пожалуешь своим царским великим жалованьем; а будет оне не поверят и к тебе к великому государю ехать не похотят, и нам холопем твоим (*л. 11 об.*) велено для веры дать закладных людей, сколько человек пригоже, и самим нам холопем твоим велено слово прямое дать, чтоб оне ехали к тебе государю безо всякого опасенья. И в нынешнем, государь, во 117-м году октября в 2 день, по твоему государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии указу, посылали, государь, мы холопи твои в Черные колмаки к князьком к Безенею, да Узенею, да Обакаю [и] их улусным людям с твоим [1]

[1] *В рукоп.*: своим.

царским жалованным словом Томских конных казаков Баженка Костянтинова, да Ивашка Попова, да Игнашка Кудрова, да в толмачех Дружинку Есыря; и Баженку, государь, с товарыщи велели взять в Белых в колмаках лутчих мурз колмацких, которым [1] черные колмаки верят, и велели, государь, ему из Белых колмаков итить в Черные колмаки с ними и черных колмаков велели звать в Томской город к твоему царскому жалованью. И Баженко, государь, Костянтинов с товарыщи из Белых колмаков воротился в Томской город. И пришли, государь, оне из Белых колмаков октября в 29 день и в роспросе, государь, оне сказали, что по твоему государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии указу в Белых колмаках были и говорили колмацким мурзам, чтоб оне шли с ними в Черные колмаки призывать черных колмаков к твоему царскому жалованью; и белых де, государь, колмаков мурзы не пошли в Черные колмаки, для тово, что черные колмаки от них откочевали далече и воюютца с Алтыном царем и с Казачьей (*л. 12*) ордою; и иные черных колмаков улусы от тех князей Езенея да Узенея откочевали, [2] а живут на дороге от тех князей, и оне де, государь, твоих государевых людей не пропустят, на дороге побьют. И Баженка, государь, с товарыщи затем не повели в Черные колмаки из Белых колмаков, что их привесть не мошно х тем князем колмацким. И белых колмаков был в Томском городе Обак князь и мурзы колмацкие, приезжали в нынешнем, государь, во 117-м году марта в 31 день. И мы, государь, холопи твои колмацкому князю Обаку говорили, чтоб он послал своих мурз лутчих в Черные колмаки к колмацким князем с твоими государевыми служивыми людьми и велел бы их звать в Томской город к твоему царскому жалованью. И Обак, государь, сказал, что черные колмаки будут в Томской город к твоему царскому к жалованью, а тепере черные колмаки откочевали далече и воюютца с Алтыном царем и с Казачьею ордою, и меж собя черные колмаки воюютца, и лутчево князя их Узенея не стало, и весть твоих государевых служивых людей нельзя, что черные колмаки на одном месте не кочуют, и вести, государь, про черных колмаков нет прямые, где оне кочуют, от Белых колмаков откочевали далече.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 10 об.—12, № 7.
Напеч. в РИБ, т. II, стб. 191—194, № 85, I.

68. *1609 г. не ранее мая 2. — Отписка томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцова в Москву об ясашных людях Кимской волости.*

Государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии холопи твои Васька Волынской да Михалко Новосильцов челом бьют. В нынешнем, государь, во 117-м году генваря в 28 день писали мы холопи твои, что блиско, государь, к Енисие живут ясашные люди Кимской волости а ясаку тебе государю не платят никуды, что отдалели от иных Сибирских городов,

[1] *В рукоп.:* которые.
[2] *Далее в рукоп.:* сугутцы.

а живут ближе к Томскому городу. И мы, государь, холопи твои посылали в Кимскую волость служивых людей Томсково города конных казаков Семейку Пеянова, да Лучку Белоуса, да в толмачах Свиридка Антопова а велели, государь, им сказать твое царское жалованье, (*л. 17 об.*) чтоб оне были под твоею царскою высокою рукою неотступны, и тебе б государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии служили и прямили, и ясак с собя тебе государю платили, и к шерти их велели привесть. И пришли, государь, ис Кимской волости Семейко Пеянов с товарыщи маия во 2 день, и в роспросе, государь, оне сказали, что оне твое царское жалованное слово сказали Кимской волости князьку Керекузу да Багале и их людям, чтоб оне были под твоею царскою высокою рукою, и к шерти их привели, что им тебе государю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии служить и прямить и ясак давать. И Кимской, государь, волости князек Керекуз с своими людьми в поминках тебе государю челом ударил: бобр черной, да соболь, да лисицу красную черночеревую. А ясаку, государь, они с себя дали тебе государю 56 соболей да бобр черной. А за есаком, государь, оне в Томской город за тем не пошли, что путь последней, а хотят быть в Томской город на осень за есаком и есак хотят платить сполна. А нынеча де, государь, у них до твоих государевых людей ясак имали Енисейские люди. А всех де, государь, Кимских людей 20 человек, которые шертовали тебе государю.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 17 — 17 об., № 11.

69. *1609 г. не ранее июля 9. — Отписка тобольского воеводы князя Ивана Катырева-Ростовского томским воеводам Василию Волынскому и Михаилу Новосильцову о киргизском восстании, о нападении черных калмыков и об укреплении Томского города.*

Господам Василью Васильевичю, Михайлу Игнатьевичю Иван Катырев Ростовской челом бьет. Писали есте в Тоболеск, что в нынешнем во 117-м году генваря в 4 день посылали естя в Киргизы Томских казаков Бурнашка Никонова с товарыщи для государева ясаку; и Бурнашко с товарищи в Томской город пришли июня в 8 день и сказывали вам, что киргиской князек Номча ясак с себя и с людей своих дал и прислал за ясаком жену свою, а в достальном ясаку просил срока и хотел сам быти; а Кочебай, и Ноял и Кошкай ясаку от себя и с людей своих не дали, а их били плетьми и голодом морили; а Номчина жена сказала, что Кочебай с товарыщи государю не премят и мужа ее Номчи (*л. 37 об.*) не слушают. Да к вам же приходили Чюлымских волостей князьки и ясачные люди и били челом, что приходили к ним на Чюлым те ж киргизские князьки Кочебай с товарыщи войною и их грабили, мяхкую рухлядь имали, и им от них чинится насильство великое, чтоб их от киргизских людей насильства оборонить. И июня в 25 день посылали есте в Киргизы войною Томских служивых людей и татар человек с 300 и велели их воевать. А киргизских служилых людей немного человек с полтораста. И июля в 4 день Томские служилые люди и тотарове из Киргиз пришли а сказали, что в Киргизы пришли на киргизских людей ночью, и они от них

побежали за Енисею, а живот свой весь пометали; а которые остались, и они их побили, и жены их, и дети, и весь живот поимали, и стада всякие животины отогнали тысячи с 3. И как оне с полоном и з животом из Киргис пошли, (*л. 38*) а киргисские люди, собрався на дороге, пришли на них из лесу безвестно многие, и оне от них побежали, и киргизские люди на погоне Томских служилых людей и тотар побили и переранили человек з 20 и больше и живот свой поимали. Да июля в 4 день в ночи приходили черные колмаки немногие люди на сторожи, и сторожей Томских татар переранили, и полон поимали, и стадо Томских татар поотогнали; а Томские служилые люди в те поры были наслужбе в Киргизах и пришли в Томь того же числа. И вы служилых людей за черными Колмаки послали, и служивые люди из походу воротились от белых колмаков, потому что чорных колмаков не сошли. А воротил их белых колмаков мурза (*л. 38 об.*) Борзакая, которой остался в улусех у Обакая князька, а сказал им, что пошол за черными колмаки князек их Абакай, послыша их воровство, что они Томских сторожей и татар погромили, и как их сойдет, и он полон и стада отполонит и пришлет в Томской город. И июля в 9 день Обак князек прислал к вам в Томской город мурз своих Изекея да Урзубая, и полон, и лошади, которой поимали колмацкие люди, с ними прислал же, а сказали вам, что они колмаков побили, а иных ранили и полон поимали. А не прислали Томских татар погромных немногих лошадей в то место, что чорные колмаки под ними их лошади побили и переранили. И вы им о тех лошадех говорили, чтоб они те лошади прислали, а государь их за службу пожалует (*л. 39*) своим царским жалованьем. И впредь пачаетесь от черных колмаков и от киргиз к Томскому городу приходу. А в Томском городе служивых людей и татар мало, а казаков 100 человек, и те стоят в городе и в остроге на караулех без перемены, а на заставах и на караулах в отъезде и на пашнях людей и животины оберегати некем; и нам бы в Томской город людей прибавити, чтоб киргиские люди, соединяся[1] с черными калмаки, Томскому городу порухи никакой не учинили. И вы б, господа, Обокаю князьку за службу велели зделати из добрых сукон однорядку да кофтан, а Борзакею[2] мурзе однорядку, и послали к ним в улус, с кем будет пригоже. А велели им говорить, чтоб оне и вперед так государю служили и прямили во всем, а государь их за их службу пожалует своим государевым жалованьем. А что пишете (*л. 39 об.*) об людех, и вы своим малоумьем Томской город учинили служивыми людьми безлюден, что ис Томского города многих служилых людей роспускали в Сибирские города безделием, и те люди к вам назад не воротились. А в Тобольску служилых людей мало, послати к вам в Томской город некого, все служилые люди по службам в Ма[н]газее, а иные на Москве, а иные посланы для хлеба на Тюмень, на Епанчино, чтоб послати в Сибирские городы служивым людем на жалованье на Тару, на Березов, в Сургут, в Томской город. А отпущены к вам с запасы Томские служилые люди, которые при-

---

[1] *В рукоп.:* со единаго.

[2] *В рукоп.:* Мурзакею.

езжали для запасов. А которых Томских казаков побили чорные колмаки и киргиские люди и которые збежали, и вы б тех казаков [в] место прибрали новых казаков добрых, не зерщиков, чтоб одноличпо в Томском городе служивые люди по указу были сполна. И жили б есте бережно, и сторожи б у вас и караулы прибавочные, откуды (*л. 40*) начаеца каким людем приходу, были крепкие, чтоб колмацкие и киргизские люди безвестно не пришли к городу и на пашнях людем и животине дурна никакова не учинили. А в служивые люди пашенных крестьян отнюдь никакова человека не ставили, чтоб одноличпо государевой пашни не убавити, [а] вперед прибавити; а прибирали служивых людей из гулящих охочих добрых людей, не воров и не зерщиков.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 37—40, № 31.

70. *1609—10 г. — Отписка томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцова в Москву о том, что с Чулымских волостей, соседних с киргизами, не собран ясак на 118-й год.*

Государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии холопи твои Васька Волынской, Михалко Новосильцов челом бьют. В прошлом, государь, во 117-м году поимали, государь, твоих государевых ясашных людей Чюлымских волостей киргиские люди в полон князьца Бекеню да его людей 8-ми человек, да Горные волости князьца Баштая да его людей 10-ть человек, да Ебалаковы волости 3-х человек, что оне жили подле киргиз близко, с киргизскими людьми смежно, а от Томсково города отдалели. А на нынешней на 118-й год для того твоего государева ясаку с них не взято.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 32, № 26.

71. *1609—10 г. — Отписка томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцова в Москву о том, что с волостей Десары, Маторцы и Тубы не собран ясак на 118-й год.*

Государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии холопи твои Васька Волынской, Михалко Новосильцов челом бьют. В прошлом, государь, во 117-м году приведены были под твою царскую высокую руку новые волости Десары, да Матарцы, да Туба. И с тех волостей твоего государева ясаку не взято на нынешней на 118-й год, что приходу не было в те волости для киргиз, что те волости живут позади киргиз, а мимо, государь, киргиз в те волости проходу нет, и затем с тех волостей твоево государева ясаку не взято.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 32 об, № 27.

72. *1609—10 г. — Отписка томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцова в Москву об измене людей, живущих в Матцкой, Кимской и Алтерской волостях.*

Государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии холопи твои Васька Волынской, Михалко Новосильцов челом бьют. В прошлом, государь, во 117-м году приведены, государь, были под твою царскую

высокую руку новые волости Матцкая, и Кимская, и Алтерские волости, а живут около киргиз близко. И оне тобе государю изменили, сложилися с киргизцы заодно, и твоего государева ясаку на нынешней на 118-й год не дали.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 31 об., № 24.

73. *1610 г. мая 15. — Грамота царя Василия Ивановича в Сургут воеводам Федору Волынскому и Ивану Благому об ясаке с людей Пегой орды.*

От царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии в Сибирь, в Сургуцкой город, воеводам нашим Федору Васильевичю Волынскому, Ивану Володимеровичю Благова. Били нам челом Сургуцкого уезду Пегие орды князьки Тайбохта Вонин да Вангай Кичеев, да Лабродиские волости Каско, Пиковские волости Митка, ...ские волости Бурундук, да Чюрубарские волости Сити Комтчи, Шамские волости Милех во всех ясашных людей место а сказали: емлют де с них нашего ясаку по 11-ти соболей с человека и поминков, и им де от того пашего ясаку нужа великая, и вперед по тому (*л. 13 об.*) окладу платить ясаку немочно; [1] да у них же де поимали в ясак старинных их холопей, у него у Тайбохты взяли дву человек, Ерзова с сыном, и емлют с них нашего ясаку по тому ж окладу; да у них же де вволостех много ясашных людей старых, и увечных, слепых, хромых и безруких, а наш ясак емлют с них по тому ж окладу; и нам бы их пожаловати, велети с них нашего ясаку збавить, и старинных холопей велети им отдати, и ясаку с них, с увечных и старых людей нашего ясаку имати не велети. И мы Пегие орды Нерымских волостей ясачных людей пожаловали, велели с них ясаку збавити по 2 соболя с человека, а в нашу казну велели имати с них по 9-ти соболей с человека, а с старых и с увечных ясаку имати не велели. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б Пегие орды со князьков и со всех ясачных людей нашего ясаку имали вперед по 9-ти соболей с человека. И велели Нерымским волостем зделати ясачные окладные книги и людей велели написати в книги по имяном. А [с] старых, и с увечных, и с малых робят, которые соболей в ясак добыти не могут, сыскав допрема, нашего ясаку имати с них не велели; (*л. 14*) и в ясачные книги, с кого именем, и за какое увечье или за молодость ясаку не возьмут, велели писати имянно. А про старинных их людей велели сыскать всякими людьми: коим обычаем у них люди в ясак й при которых воеводех взяты, и старинные ль их или наперед того ясачные ж люди были; да о том отписали, и сыск прислали к нам к Москве, и велели отписку и сыск отдати в приказе Казанского дворца. Писан на Москве лета 7118-го году маия в 15 день.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 13—14, № 5.

74. *1610 г. мая 17. — Грамота царя Василия Ивановича в Березов воеводам Степану Волынскому и Юрию Стромилову о платеже ясака остяками Муалымского городка в город Сургут.* (?)

От царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии в Сибирь, в Березов город, воеводам нашим Степану Ивановичю Волынскому да Юрью

[1] *В рукоп.:* невозможно.

Яковлевичю Стромилову. Били нам челом Березовского уезду с усть Иртыша Муалымского городка остяки Ертачко и в товарыщев своих место а сказали: давали де они наперед сего наш ясак в Березов город, и им де на Березов с нашим ясаком ездить далече, а в Сургут ближе; и нам бы их пожаловать, велеть наш ясак платить в Сургуцком городе с племенем их вместе. И мы ныше Муалымского городка остяков Ертачка с товарыщи пожаловали, велели им наш ясак платить в Сургуцкой город. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б с усть Иртыша Муалымского городка с ясашных людей с Ертачка с товарыщи в нашу казну ясаку не имали, а ясатчиков к ним по ясак с Березова не посылали; а велено их всех ведать и приписать к Сургуцкому городу. Писан на Москве лета 7118-го году маия в 17 день.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 145, № 38.

Напеч. в «Акт. врем. правл. царя Василия Шуйского», изд. Гневушевым, М. 1915, стр. 81.

75. *1610 г. мая... — Грамота царя Василия Ивановича в Сургут воеводам Федору Волынскому и Ивану Благому о замене князю Пегой орды Тайбохте Вонину ясака служебой в Нарымском остроге.*

От царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии в Сибирь, в Сургуцкой город, воеводам нашим Федору Васильевичю Волынскому, Ивану Володимеровичю Благова. Бил нам челом Пегие орды князь Тайбохта Вонин а сказал: посылан де он был с нашими служивыми людьми на наших изменников на Менлея, да на Чюлымских и на Кецких князьков не в одну пору, и он де тех изменников князьков под нашу царскую руку привел, и, будучи де он на наших службах, голод и всякую нужу терпел и нам служил; да он же де во 116-м году отпущен по нашей грамоте из Пегие орды к нам к Москве (*л. 14 об.*) бити челом о своих нужах; и как приехали на Вологду, [и] проехать к Москве было не мочно, и с Вологды де послали их в Великий Новгород, и в Новегороде жил год; да у него жь де у Тайбохти да у тестя его Вангая поимали в ясак воеводы князь Иван Жировой-Засекин да Григорей Тушин старинных их людей 30 человек; и нам бы де пожаловать, за ево службы и за терпенье, велеть ему служить нашу службу, и велети б ему давать наше хлебное и денежное жалованье, и нашего ясаку с него имать не велети, а людей его старинных велети ему отдать. И мы Пегие орды князя Тайбохту Вонина пожаловали, ясаку с него имать не велели, а велели ему нашу службу служить и жити велели в Нерымском остроге; а нашего годового жалованья велели ему давати по 3 рубли денег, да хлеба по 4 чети муки, по чети круп, по чети толокна, по пуду соли на год. А про старинных его людей велели сыскать. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б Пегие орды со князя Тайбохта Вонина нашего ясака впредь имати не велели, а велели ему нашу службу служити и жити в Нерымском остроге; а нашего ему годового жалованья велели давати денег по 3 рубля, да хлеба по 4 чети муки, по чети круп, по чети толокна, (*л. 15*) по пуду соли на год. А про людей их 30-ти чело-

Рис. 21. Рисунок медного идола на подобие человека.
(Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 39/53.)

век сыскали б есте всякими сыски накрепко, ясашными и всякими людьми, как и при которых воеводех у Тайбохты и Вангая люди их старинные взяты, и старинные ль их люди или наперед того были наши ясачные, и ныне ясак в нашу казну дают ли, и хто имянем старинных их людей, и в которой волости, и на старых ли своих юртах живут...[1] по розным юртам...[1] прислали к нам к Москве, и велели отписку и сыск отдати в приказе Казанского дворца, и мы по тому велим указ учинити. Писан на Москве лета 7118 -го года маия в... день.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 14—15, № 6.

76. *1610 г. сентября—декабря. — Отписка томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцова в Москву об их сношениях с людьми Кузнецкой волости.*

Государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии холопи твои Васька Волынской, Михалко Новосильцов челом бьют. В прошлом, государь, во 118-м году посылали мы холопи твои для твоего государева ясаку в Кузнецкие волости атамана Ивашка Павлова с служивыми людьми, а с ним, государь, послано было (*л. 33*) служилых людей и Томских татар человек с 40. А велели, государь, атаману Ивашку Павлову с служилыми людьми и с татары, пришед в Кузнецкие волости, зделать крепость, засекою осетца, и велели, государь, Ивашку Павлову сести в засеке, чтобы их не побили кузнецкие люди, что кузнецкие люди и в прошлом во 117-м году твоих государевых служивых людей хотели побить. И велели, государь, Ивашку Павлову служивых людей немногих разослать по Кузнецким волостем и велели, государь, по волостем имать с кузнецких людей твой государев ясак, и кузнецких людей звать в город за ясаком, и заклады в Томской город взять. И пришли, государь, из Кузнецких волостей атаман Ивашко Павлов с служилыми людьми февраля во 2 день и в роспросе, государь, нам холопем твоим сказали, что он Ивашко, пришед в Кузнецкие волости, осекся в крепость и служилых людей по волостем к кузнецким людем посылал для твоего государева ясаку, а ясак твой государев велел (*л. 33 об.*) на них взять и с ясаком кузнецких людей взять в Томской город. И кузнецкие, государь, люди не со многих волостей дали твой государев ясак, и то не сполна, не со всех людей, 67 соболей рослых, и те, государь, не добры, да голых недособолей 3 сорока 25 недособолей, бобра да 3 подчеревеси бобровые, да 8 кошлоков, да 2 лисицы красные, да недолис красная; а сами, государь, кузнецкие люди в Томской город с твоим государевым ясаком не пошли, а живут не в послушанье. И которые, государь, твои государевы служивые люди ходят для твоего государева ясаку в Кузнецкие волости, и кузнецкие, государь, люди твоих государевых служилых людей морят голодом, и запасов и рыбы служилым людем не продают, хотят твоих государевых служилых людей поморить голодом. А запасы, государь, служивым людем завестися в

[1] *Пропуск в списке.*

нартах не мочно: до Кузнецких, государь, до ближних волостей ходу 7 недель, а итти, государь, все до них пусто (*л. 34*). И многие, государь, служивые люди и Томские тотарове, которые ходят в подводах, помирают на дороге з голоду. А в прошлом, государь, во 118-м году прислана к нам холопем твоим твоя государева грамота, а в твоей государеве грамоте писано, что велено послать по твоему государеву указу ис Тобольска воеводе князь Ивану Михайловичю Катыреву с товарыщи голову Мирона Хлопова с служилыми людьми в Томской город, а велено нам холопем твоим по твоему государеву указу послать ис Томсково города голову Мирона Хлопова с служивыми людьми твоих государевых непослушников кузнецких и киргисских людей воевать. И из Тобольска, государь, воевода князь Иван Катырев по твоему государеву указу голову Мирона Хлопова с служивыми людьми в Томской город не прислал, [1] и кузнецких, государь, и киргисских людей одними Томскими служилыми людьми воевать не мошно.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 32 об.—34, № 28.

77. *1610 г. не ранее октября 22. — Отписка томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцова в Москву о нападении киргизов на Ачинскую волость.*

Государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии холопи твои Васька Волынской, Михалко Новосильцов челом бьют. В нынешнем, государь, во 119-м году октября в 22 день, пришед в Томской город, бил челом тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии Чюлымских волостей Ячинские волости князец Куземыш во всех товарыщев своих место, что приходили к ним в Горную волость киргиские люди, Номчин сын Ишей, и их воевали, и твоих государевых ясачных людей поимали в полон 5 человек, да и жены их и дети и живот их весь поимали; и чтоб ты, государь, их пожаловал, велел их от киргиских людей оборонить. И мы, государь, холопи твои твое государское жалованье к ним сказали, что ты, государь, их пожаловал, велел им от киргиских людей оборонить, и оне б были на твою царскую милость надежны.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 34 об. № 29.

78. *1611 г. не ранее марта 6. — Отписка томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцова в Москву об их сношениях с кузнецкими татарами.*

Государю царю и великому князю Владиславу Жигимонтовичю всеа Русии холопи твои Васька Волынской, Михалко Новосильцов челом бьют. В нынешнем, государь, во 119-м году посылали, государь, мы холопи твои в Кузнецкие волости для твоего государева ясаку Томского города служилых людей десятников казачьих конных казаков Ивашка Тиханькова [1] да стрелецкова десятника Сидорка Саламатова, а с ними служилых людей и Томских

---

[1] *В рукоп.:* Тихонов.

татар. И пришед им в Кузнецкие волости, велели стать посеред Кузнецких волостей, (*л. 20 об.*) в Обинской волости у князьца у Базаяка, что он тебе государю прямит, и велели им учинити крепость, чтоб кузнецкие люди, с киргискими людьми соединясь, служилых людей не побили, что кузнецкие, государь, люди живут не в послушанье, и которые твои государевы служилые люди преже сево хаживали в Кузнецкие волости малыми людьми, и кузнецкие люди их грабят. И учиня, государь, им крепость в Обинской волости, велели сидеть со всеми людьми в крепости; в иные Кузнецкие волости в дальные послали бы для твоего государева ясаку служилых людей человека по 2 и по 3. А Ивашку, государь, Тихонькому с товарыщи велели дожидатися служилых людей у Базаяка, которые посланы по Кузнецким волостям для твоего государева ясаку, чтоб кузнецкие люди над ними по волостем чево не учинили для тово, что служивые люди и Томские тотарове стояли у Базаяка, и они б, служилых людей опасаючись, войны на себя чево не учинили. И февраля, государь, в 15 день писал к нам (*л. 21*) из Кузнецов Ивашко Тихонькой да Сидорко Саламатов, что они пришли в Кузнецкую волость ко князьцу к Базаяку, и он де, государь, князец Базаяк в распросе сказал, что киргиские люди присылали к ним в Кузнецкие волости и велели им твоих государевых служивых людей побивать, которые к ним будут для твоево государева ясаку, и велели де, государь, им киргиские люди о том весть учинить себе, как твои государевы служивые люди придут в Кузнецкие волости для твоего государева ясаку, а киргиские де хотят быть к ним по вестем в Кузнецы и, с кузнецкими людьми соединяся, хотят побить за одно твоих государевых служилых людей. А которой де приходил к ним киргиской мужик с теми вестьми от киргиз, и кузнецкие де люди тово мужика отпустили в Киргизы назад до приходу служилых людей за два дни, а не ведая про служилых людей, что к ним идут; а сами де кузнецкие люди (*л.21 об.*) думают служилых людей побить. И им де, государь, Базаяк служилых людей не велел распускать по волостем для ясаку, для тово что хотят служилых людей кузнецкие люди по волостем побивати. И Ивашко де, государь, Тихонькой с товарыщи сели в осаде по тем вестем и служивых людей по волостем не пустили для твоево государева ясаку, чтоб твоих государевых служилых людей в розне не побили, [1] а по волостем по Кузнецким розослали по всем Бозаяковых мужиков, а велели им ис тех волостей изо всех Кузнецких звати с ясаком кузнецких татар к себе. И пришол, государь, в Томской город Ивашка Тихонькой с служивыми людьми со всеми и с Томскими татары марта в 6 день. И в роспросе, государь, нам холопем твоим сказали, что они стояли в Обинской волости у Бозаяка со всеми людьми; а которые служилые люди посланы были по Кузнецким (*л. 22*) волостем для твоего государева ясаку, и они тех служивых людей от себя не отпустили по вестем, чтоб твоих государевых служивых людей в розни по Кузнецким волостем не побили; а посылали для твоего государева ясаку по Кузнецким волостем Бозояковых мужиков, у ково они

[1] *Далее в рукоп:* у Бозаяка.

стояли, и велели изо всех Кузнецких волостей звать с ясаком к себе кузнецких татар. И из Кузнецких, государь, из ближних волостей, которые живут около Бозаяка, ясаку принесли с волости соболей по 40, а с иных волостей соболей по 30 и меньши; а дали, государь, твой государев ясак не со всех людей сполна, которые по волостем живут, всего с человека по соболю и по два. А кузнецких, государь, людей по волостем живет много, и твоего государева ясаку не платят, и живут не в послушанье. А из дальных, государь, волостей ис Кузнецких твоего государева ясаку к ним (*л. 22 об.*) не прислали. А воевать, государь, кузнецких людей некем, что в Томску служилых людей мало. [А] ясаку твоего государева дали с Кузнецких волостей з ближних 6 сороков 12 соболей рослых, да 6 куниц, да 6 лисиц красных, да 55 соболей голых, которые тебе государю в казну не пригодятца, да подчеревье бобровое.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 20—22 об., № 15.

79. *1611 г. не ранее мая 31. — Отписка тобольского воеводы князя Ивана Катырева Ростовского нарымскому воеводе Мирону Хлопову о построении нового острога в устье Кети.*

Господину Мирону Тимофеевичю Иван Катырев Ростовской челом бьет. Писано к тебе наперед сего с Сургуцким десятником стрелецким з Гарасимком Петровым, что писано в Тоболеск в государеве грамоте: писал еси в Тоболеск что велено тебе в Нарымском остроге поставити храм Покрова пречистые богородицы с пределом, и в остроге порозжего места нет и с сажень, и вперед тут острогу быть не прочно, и место непогоже, отмывает острогу водою сажени по 4 и по 5, а от берегу (*л. 15 об.*) подвинутца негде: пришол мох и болота; а только острог перенести, и на реке на Оби вверх и вниз порозжие места есть. А на Москве сказывали Сургуцкие служилые люди атаман Тугарин Федоров с товарыщи, что Нарымской и Кецкой острог стали не у места, и многие ясачные волости от тех острогов поотдалели, а их служилых людей в те остроги посылают вдвое, по 30-ти человек в острог; и их бы служилых людей пожаловати: Нарымской и Кецкой острог оставить, а поставити город или острог на Кецком устье, на Роздоре, на Оби, на левой стороне Оби и Кецкого устья; промеж тех острогов Нарымского и Кецкого ясачная одна волость будет в 10-ти днищах, а достальные все волости в 2 днищах, и во днище, и в 10-ти верстах, и в версте и в полуверсте; а место угоже, и крепко, и рыбно, и пашенка невелика есть, и лугов много; а где стояти городу, и то место высоко, большая вода не поимает, и место от рек с обе стороны не отмывает; а ближе того ни х которым городом от тех волостей нет. И велено вам, сослався с Федором Волынским, да с Иваном Благово да з Григорьем Елизаровым, того места на Кецком устье, на Роздоре, послать досмотрити, и на чертеж начертити (*л. 16*); да будет то место крепко и угоже, и волости Кецкого и Нарымского острогов обоих подошли близко и от того места не отдалели, и за далеком в тех волостях будет дурна не чаять, и Сургутцкие, и Томские, и Монгазейские государевы ясачные волости будет с Кецкими и

Нарымскими волостьми вместе, и тебе Мирону да Григорью Елизарову велено из острогов итти в Нарымскими и с Кетцкими годовальщики и с нарядом на Кецкое устье, на Роздор, и велено на том месте поставить город, и укрепити всякими городовыми крепостьми, и анбары на запасы поделати, и зелейные погребы выкопати, а старые остроги разорити. А в прибавку х Кецким и Нарымским годовальщиком для городового ставленья велено послати Сургуцких служивых людей, сколько человек пригоже, смотря по тамошнему делу. А будет волости Кетцкие и Нарымские от нового Кетцкого места отдалели, а от ясачных людей в том чает порухи, и тех острогов переносити не вельно. И Федор и Иван писали, что оне для того к тебе посылали атамана Треню Деева. И ты де к ним писал, что на Кетцком устье города поставить не уметь, и от Нарымского острогу вверх по Оби и до Кецкого устья погожего места нет (*л. 16 об.*); а место на Кецком устье, про которое на Москве сказывали атаман Тугаринко Федоров с товарыщи, поимает водою; а есть место погожее от старого острогу с версту; и будет в том месте город ставити, и волости Кетцкие и ближние далече; а от Нарымских ясачных людей порухи никакой не чаять. А в Тобольску служивые люди в роспросе сказывали, что на Кетцком устье на яру, где стоять городу погоже и вперед прочно, пашенного места и лугов много, и рыбные ловли и озера есть. И тебе б делати город против государева указу. А в Сургут к Федору и к Ивану об людех, кем город ставити, писано. И как вы, сослався з Григорьем Елизаровым, пойдете на Кетцкое устье для городового ставленья, и ты б отписал в Сургут к Федору Волынскому да к Ивану Благово, чтоб они для городового ставленья людей прислали, сколько человек пригоже, чтоб город и всякие городовые крепости поделати вскоре. А как город поставите, и городовые крепости совсем укрепите, и храм поставите, и вы б Нарымской и Кетцкой остроги разорили. И новому городу, и городовым всяким крепостем, и пашенным землям и всяким угодьям роспись и чертеж прислал в Тобольск. А сам бы еси был в городе по государеву указу. А Григорью по государеву указу велено ехати к Москве.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 15—16 об., № 7.

80. *1611 г. не ранее июля 9. — Отписка кетского воеводы Григория Елизарова сургутским воеводам Федору Волынскому и Ивану Благому о построении нового острога в устье Кети.*

Господам Федору Васильевичю, Ивану Володимеровичю Григорей Елизаров челом бьет. В нынешнем, господине, во 119-м году июля в 9 день писали есте ко мне с казаком с Юшком с Вахрамеевым, что писал к вам из Тобольска князь Катырев Ростовской, что в нынешнем де во 119-м году маия в 31 день *что писано к ним в Тоболеск в государеве грамоте, что писал Мирон Хлопов, что велено ему в Нерымском остроге поставити храм Покрова пречистые богородицы с пределом, и в остроге де порожнего места нет, и вперед тут быть острогу не мошно, место непогоже, емлет береги ко острогу водою на всякую весну, а от берегу отнести негде, пришол мох и болота; а только острог перенести, и на реке де на Оби вверх и вниз порожнее место есть. А на Москве

в приказе Казанского дворца сказали в роспросе Сургуцкие служивые люди атаман Тугарин Федоров да козаки Первуша Колпашник с товарыщи, что в Сургуцком уезде Нерымской и Кецкой остроги стали не у места, и многие ясашные волости от тех острогов поотдалели, а их служивых людей посылают в те остроги вдвое,по 30 человек в острог; и их,господине, в Нерымской острог посылаете по 20-ти человек; и их бы служивых людей пожаловать: Нерымской и Кецкой остроги оставити, а поставити острог или город на Кецком устье на Роздоре, на Оби, на левой стороне Оби и Кецкого устья; [и] промеж тех острогов Нерымского и Кецкого одна ясашная волость (*л. 48*) в 10-ти днищах, а достальные все волости в дву днищах,и в днище, и в 10-ти верстах, и в версте, и в полуверсте; а место де угоже, и крепко, и рыбно, и пашенка невелика есть, и лугов много; [а] где стоять городу, и то де место высоко, большая вода не понимает, и место от рек с обе стороны не отмывает,а ближе того ни х которым городом от тех волостей нет. И вам велено, сослався с нами, со мною да с Мироном, того место на Кецкое устье на Роздоры послать досмотрети и на чертеж начертити; да будет то место крепко и угоже, и волости Кецково и Нерымсково острогов обоих подошли близко,и волости Кецкие и Нерымские от того места не отдалели, и за далеком в тех волостях от ясашных людей дурна будет не чаять, и Сургуцкие, и Томские, и Мангазейские государевы ясашные волости будет с Кецкими и с Нерымскими волостьми смежны, и нам велено, мне да Мирону Хлопову, с Кецкого и с Нерымского острогов итти с Кецкими и с Нерымскими годовальщики и с нарядом на Кецкое устье, на Роздор, и велено на том месте поставити город, и ров выкопать, и городовые всякие крепости, и на государеву казну онбары поделати, а Нерымской и Кецкой остроги велено разорить. А в прибавку х Кецким и к Нерымским годовальщиком для городовова ставленья велено вам послати Сургуцких служивых людей, сколько человек (*л. 48 об.*) пригоже. А будет волости Кецкие и Нерымские от нового Кецкого места отдалели, и от ясашных людей чаеть в том порухи, и тех острогов переносити не велено. И на Москве, господине, в приказе Казанского дворца сказывали в роспросе Сургуцкие служивые люди атаман Тугарин Федоров да казаки Первуша Колпашник с товарыщи ложно, что в Сургуцком уезде Нерымской и Кецкой остроги стали не у места, и многие ясашные волости от тех острогов поотдалели, а их служивых людей посылают в те остроги вдвое по 30-ти человек в острог; и в Нерымской, господине, острог посылаете по 20-ти человек; и по их бы ложному росказу Нерымской и Кецкой остроги покинути, а поставить город или острог на Кецком устье, на Роздорех, на Оби, на левой стороне от Оби и Кецкого устья, промеж тех острогов Нерымского и Кецкого. И от Нерымского, господине, острогу до Тогурского устья вверх грести облосом 3 дни, в кое место вы посылали Третьяка Деева дозирать и чертеж чертить для города. И Нерымской, господине, острог на Обе стоит меж ясашных Нерымских людей. А по Миронову письму Хлопова у Нерымского острогу берег ежелет вода емлет, а з другую сторону також место неугоже, мох и болото. А Мирон, господине, писал ко мне,что от Нерымского острогу версты

з 2 место погоже есть, где перенести острог. А Кецкой острог, господине, стоит от Кецково (*л. 49*) устья вверх грести обласом ден 7.[1] А стоит, господине, Кецкой острог середь Кецких волостей. А выше того Кецкого острогу и в прежние лета было поставить не уметь, что было запасу ис Сургута лодьею ходить не вмесно выше нынешнево Кецкого острогу. А поставить город или острог на Тогурском устье, и с Тогурского устья в верхние волости Кетью рекою, в Кадышскую волость х князцу к Номаку и в ыные[2] землицы и на Енисею служивым людем ясатчиком запасов не завестися за далеком, одва всею зимою сходят. А за государевою казною за ясаком князьком и остяком с ясатчики ходить за далеком невмесно, а место нужное, голодное, безрыбное, и им з голоду помереть. И для тунгусские войны, и для дальнево ходу от тех от дальных волостей верхних Кецких: Кадышские волости и новых землиц и Енисейских[3] страх измены, что они для тунгусские войны и для дальнево ходу либо отложатца и государева ясаку давать не учнут. А Сургуцкие и Томские государевы ясашные волости с Кецкими волостьми разошлися в рознь. А служивой человек Сургуцкой казак Юшко Вахромеев сказывал, что будто он ехал с Третьяком с Деевым вместе, и Третьяк де смотрел на Тогурском устье места, будто непогожие, низко, вода поимает. ** И вам бы, господине, по государеву указу послати Сургуцких служивых людей с казною з государевым запасом на остяцкие росходы [и] старым годовальщиком на перемену ранее.

Архив Акад. Наук, ф. 21. оп. 4, № 16, лл. 47 об. — 49, № 14.

81. *1611 г. не ранее июля 9. — Отписка кетского воеводы Григория Елизарова нарымскому воеводе Мирону Хлопову о построении нового острога в устье Кети.*

Господину Мирону Тимофеевичю Григорей Елизаров челом бьет. В нынышнем, господине, в 119-м году июля в 9 день писал еси ко мне с Сургуцким казаком с Юшком с Вахромеевым, что писали к тебе из Сургута Федор Волынской да Иван Благой, а им писал по государеву указу князь Иван Катырев Ростовской ис Тобольска, что велено ис Сургута Федору Волынскому да Ивану Благому послати дозрить на Тогурское устье, где быти городу или острогу. И Федор и Иван посылали на Тогурское устье дозрить Третьяка Деева. И служивой человек Сургуцкой казак Юшко Вахромеев мне сказывал, что он ехал с Третьяком Деевым, и Третьяк тово место смотрел, и то де место неугоже: вода поимает. А от Тогурского, господине, устья Кецкие волости вверх по Кете: Кадышская волость и новые землицы, Какволдинские и Енисейские ясашные кецкие остяки, отдалели. И из кецкого устья по государев ясак ясатчиком в дальные волости за дальностию ходить невместно, запасом не завестися. А на Москве в Казанском дворце Сургуцкие служи-

[1] *В № 82 прибавлено*: и ли 8.

[2] *В № 82 прибавлено:* новые.

[3] *В № 82 прибавлено*: и иные волости верхних, кои выше Кецкого острогу

вые люди атаман Тугарин Федоров да казаки Первуша Колпашник с товарыщи то росказывали ложно, что Кецкие верхние дальние волости от Кецкого устья недалече. И по государев ясак посылати невместно. И от тех от Кецких дальних волостей для тунгусские войны и для дальнего ходу страх измены, чтоб не отложились, только нынешней Кецкой острог разорити.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 49 об., № 15.

82. *1611 г. не ранее июля 12. — Отписка кетского воеводы Григория Елизарова тобольскому воеводе князю Ивану Катыреву-Ростовскому о построении нового острога в устье Кети.*

Господину князю Ивану Михайловичю Григорей Елизаров челом бьет. В нынешнем, господине, в 119-м году июля в 12 день прислал, господине, ко мне из Сургута Федор Волынской, Иван Благой тобольскую твою грамоту, а послали было ее наперед ко мне из Сургута с казаком с Юшком с Вахромеевым, и он ее забыл. И писано, господине, ко мне в твоей грамоте, что в нынешнем во 119-м году маия в 31 день... *Далее повторяется текст, поставленный в № 80 между знаками* * и **, *затем следует* (*л. 52*): А река, господине, Обь большая, рыбным ловлям как не быть, а пашни искони в тех местах в Нерымских не бывало. А буде волости Кецкие от того места от Кецково устья отдалели, и мне острог перенести не велено, а велено мне быти в Кецком остроге до перемены. А к Федору Волынскому и к Ивану Благова я писал, [1] чтоб оне посылали старым годовальщиком на перемену новых годовальшиков, и з государевым запасом ранее ко мне в старой Кецкой острог. А на Тогурском, господине, устье, по ложному росказу Сургуцких казаков Тугарина с товарыши, городу быти невмесно.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 50—52, № 16.
Напеч. в РИБ, т. II, стб. 209—213, № 90, II.

83. *1612 г. не ранее мая... — Отписка кетского воеводы Григория Езизарова «Московского государства боярам» князю Димитрию Трубецкому и Ивану Заруцкому о разрушениях Кетского острога, причиненных вешнею водою в 1611 и 1612 гг.*

Великие Россий[ские державы] Московского государства бояром князю Дмитрею Тимофеевичю, Ивану Мартыновичю Григорей Елизаров челом бьет. В прошлом в 119-м году в Кецком остроге вешною водою по самой острог берег отмыло, и я с служивыми людьми и зыряны хоромы перенес на иное место, и осталось было от острогу берегу полторы сажени. И в нынешнем во 120-м году вешнею водою те полторы сажени по ворота по самые да и по избу по казачью отмыло, и я у нужи велел ворота перенесть на другую сторону. И вперед на новой год Кетцкому острогу в том месте стояти не вмесно, переносить ево тут же блиско вверх по Кете к озеру, а водою вешнею туто берегу не отмывает. И вам бы о том указ учинить. А в Тоболеск ко князю

---

[1] *Прилож. № 80.*

Ивану Катыреву Ростовскому и в Сургут к Ивану Благому я о том писал же. А в Кетцком остроге годуют Сургутцкие служивые люди.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 55 об., № 20.

84. *1613 г. марта—августа. — Отписка тобольского воеводы князя Ивана Буйносова-Ростовского с товарищами нарымскому воеводе Мирону Хлопову о построении нового острога в Нарыме.*

Господину Мирону Тимофеевичю Иван Буйносов Ростовской, Наум Плещеев, Нечай Федоров челом бьют. В нынешнем во 121-м году писал еси в Тоболеск с Нарымским новокрещеном с Олешкою Сулбучеевым, что писано к тебе наперед сего по челобитью Нарымских жильцов Петрушки Каргапольца с товарыщи, что им в Нарымском остроге теснота великая, дворов ставити нельзя, и огородишков устроить негде, и острогу на всякой год отмывает водою по сажене и по две; и тебе б Нарымской острог и казенные (*л. 20*) онбары перенести на погожее место, где прочнее вперед острогу быти, и огороды и пашня устроити: и тебе того острогу перенести некем, потому что служилых людей в Нарымском остроге всего 20 человек, и те живут пороссылкам, и для б того острогу прислати к тебе на весну, как вода вскроетца, из Тобольска или ис Сургута служилых людей в прибавку и плотников, кем острог перенести и храм поставить. И ты б, господине, Нарымской острог велел перенести, где пригоже, и пашня устроити мочно,и вперед было прочнее, и жилетцким людем тесноты не было, Нарымскими ясашными остяки. А плотников бы еси велел наняти охочих людей в Сургуте и в Нарымском остроге, хто умеет плотничное дело делати. А для береженья велено послати к тебе в Нарымской острог ис Сургута служилыхлюдей 20 человек.А старого бы еси острогу, до коих мест зделают новой острог, рушити не велел; а как новой острог поставят, и ты б старой острог велел разволочить. А в кою пору станут новой острог делати,и жилетцкие люди дворы станут переносить, и ты б велел в ту пору держать береженье великое и караулы крепкие, чтоб остяки (*л.20 об.*) над государевою казною и над людьми и над острогом какова дурна не учинили. А как новой острог поставишь, и ты б Сургутцких служилых людей, которых Иван Благой в Нарымской острог для береженья к тебе пришлет, отпустил их назад в Сургут не задержав.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 19 об. — 20 об., № 9.

85. *Не ранее 1614—15 г. — Челобитная Томского казака Якима Захарьева о жалованье за службу в Томске.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом холоп твой дальной твоей государевы отчины из Сибири Томсково города конной казак Якимко Захарьев. В прошлом, государь, во 122-м году приходили, государь, под Томской город твои государевы изменники киргисские и иных орд многие люди войною, и об острог, государь, ударились, и служивых, государь, людей и пашенных крестьян многих побили. И я, холоп твой, против тех твоих государевых изменников на вылоску с твоими, госу-

дарь, с Томскими служивыми людьми выходил, и с теми твоими государевы изменники па вылоске дрался и бился явственно. И божиею милостию и твоим государевым счастьем тех твоих государевых изменников кыргыского лутчего князька Наяна я холоп твой убил. А которые, государь, мои товарыщи были на том же деле на выласках и тебе государю служили, с теми твоими государевы изменники с киргискими и иных орд со многими людьми бились, и те служивые люди, мои товарыщи, твоим царским жалованьем за ту службу послугою (*л. 66*) пожалованы, а я холоп твой за ту службишко твоим государевым жалованьем не пожалован, потому что тебе государю за мое службишко обо мне бить челом было некому. Милосердый государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй, государь, меня холопа своего за мое службишко и за кровь своим царским жалованьем, как тебе милосердому государю бог известит, чтоб я холоп перед своими товарыщи в конец не погиб и твоей бы царской службы вперед не отстал. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 65 об. — 66, № 50.

86. *Не ранее 1615—16 г. — Челобитная томских казаков Ивана Недомолвина и Пятки Кызылова о жалованье за службу среди кузнецких татар.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии бьют челом холопи твои государевы дальные твоей государевы отчины из Сибири Томсково города пешие казаки Ивашко Недомолвин, Пятко Кызылов. Впрошлом, государь, во 123-м году посылали, государь, нас холопей твоих на твою государеву службу твои государевы воеводы Гаврило Юдичь Хрипунов, Иван Борисовичь Секерин на твоих государевых изменников на кузнецких людей войною Томского города с сотником сторелецким с Ываном Пущиным да с казачьим атаманом з Баженом Костентиновым (*л. 67*). И как, государь, мы холопи твои пришли в Кузнецкую землю на Обинской улус, и божиею милостью и твоим государевым счастьем тех твоих государевых изменников кузнецких Абинской улус повоевали, городок у них взяли и князьков [и] лутчих людей взяли на драке живых. И сотник, государь, стрелецкой Иван Пущин да казачей атаман Бажен Костентинов нас холопей твоих с служивыми людьми 50 человек казаков да 30 татар Томских посылали на твоих государевых изменников на другой улус в Сарачеры; и божиею милостью и твоим государевым счастьем Сарачерской улус повоевали, Сарачерсково князька Кызгу лутчева взяли и привели в городок к сотнику стрелецкому к Ывану Пущину да к атаману Баженку Костентинову. А мы, государь, холопи твои тебе государю служили на драке, с твоими государевы изменники бились явственно. И генваря в 15 день те твои государевы изменники кузнецкие люди, собрався со многими людьми: с колмаками с черными и з белыми, и с киргизами, и с кучюгуцкими тысяч с пять и больши, и нас, государь, холопей твоих те твои государевы изменники в городке осодили и к городку, государь, многими приступы приступали; и седели мы, государь, от них в осаде 10 недель

и голодною смертью помирали. И мы, государь, холопи твои с служивыми людьми, прося у бога милости, из городка на вылоску выходили и с теми твоими государевы (*л. 67 об.*) изменники выходили на драку, бились явственно, и божиею милостью и твоим государевым счастьем тех твоих государевых изменников на драке побили, а князьков и лутчих людей взяли на драке живых. А мы, государь, холопи твои тебе государю служили: я Ивашко Недомолвин тебе государю служил, мужика убил, да другова ранил и в городок привел, а я, государь, холоп твой Пятко Кызылов тебе государю служил, мужика убил, да другова мужика жива взял и в городок привел к сотнику стрелецкому да к атаману; и мы, государь, холопи твои тебе государю служили, голод и нужу всякую и озноб терпели 15 недель. А которых, государь, мы холопи с служивыми людьми князьков на драках живых взяли, и тех, государь, привели в Томской город к твоим государевым воеводам к Гаврилу Юдичю Хрипунову, к Ывану Борисовичю Секерину в закладчики. Милосердый государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй, государь, нас холопей своих своим царским жалованьем за наше службишко и за скудость, [чем] тобе милосердому государю бог известит. Царь государь, смилуйся.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 66 об. — 67 об., № 52.

87. *Не ранее 1615 — 16 г. — Челобитная томского казака Федора Деки о жалованьи за службу в Кузнецкой и Киргизской землях.*

Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии бьет челом холоп твой государев из твоей государевы дальные отчины из Сибири Томскова города пешей казак Федька Борисов Дека. В прошлом, государь, во 123-м году посылан, государь, я холоп твой на твою государеву службу Томского города с казачьим атаманом з Баженком Костентиновым в Кузнецкую землю на твоих государевых изменников и непослушников. [И] как, государь, твоих государевых изменников Кузнецких людей первой (*л. 57*) улус повоевали, и после того, государь, меня холопа твоего послал атаман Баженко Костентинов на князька Баштаков улус, а со мною, государь, холопом посылано 27 человек казаков да 16 человек татар; и мы, государь, божиею милостию и твоим государевым счастием, твоих государевых изменников Баштаков улус повоевали. И я холоп твой тобе государю служил и бился с твоими государевы изменники день до вечера. Да живых, государь, людей взяли полону16 человек и привели в городок к Бажену Костентинову и во всему войску. Да в том же 123-м году после войны посылали, государь, меня холопа твоего твои государевы воеводы Гаврило Июдич Хрипунов да Иван Борисович Секерин в Киргискую землю ко князьку Изсеку, а велено, государь, мне холопу твоему тово князька Изсека под твою царскую высокою руку в Томской город призвати; и я, государь, холоп твой служил тобе государю, ходил 14 недель и тово князька Изсека под твою царскую высокую руку в Томской город призвал. Да в прошлом же, государь, во 123-м году посылали меня холопа твоего твои государевы воеводы Гаврило

Июдич Хрипунов [да] Иван Борисовичь Секерин в Киргискую землю ко всем киргиским (*л. 57 об.*) князькам после войны, а со мною, государь, холопом твоим посылан Богдашка Терской да толмачь Лучка новокрещен; и мы холопи твои тех киргиских князьков под твою царскую высокою руку привели к шерте и твоего государева ясаку с киргиских князьков взяли 42 соболя да с киргиских людей тобе государю ясаку взяли 31 соболь, и тот твой государев ясак и заклады в Томской город к твоим государевым воеводам к Гаврилу Юдичю Хрипунову да к Ывану Борисовичю Секерину привели. И тобе государю в том году прибыль учинили 73 соболя. И я, государь, холоп твой тебе государю служил, и в тех походех голодною смертью помирал, и наготу и всякую нужу терпел. Милосердый царь, государь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй, государь, меня холопа своего своим царским жалованьем за мое службишко, и за кровь, и за нужу, чем тобе государю милосердому бог известит. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 56 об. — 57 об., № 43.

88. *Не ранее 1615—16 г. — Челобитная томского казака Богдана Терского о жалованьи за службу в Томске и среди киргизов.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом холоп твой, государь, твоей государевы дальние отчины из Сибири Томского города конной казак Богдашко Терской. В прошлом, государь, в 122-м году приходили, государь, твои государевы изменники киргиские люди, и кызылские, и бугасарские, и мелеские, и чюлымские в твою государеву отчину под Томской город войной, и я холоп твой на выласку выходил и с ними дрался накрепко; и я холоп твой Богдашко на том [деле] тебе государю служил, мужика убил. Да в 124-м году посылали, государь, меня холопа твоего твои государевы воеводы Гаврило Юдичь Хрипунов, Иван Борисович Секирин на твою государеву службу на твои государевы изменники в Киргизы, и в Кизылы, и в Бугасары, и я холоп твой в поход ходил, тебе государю служил, киргизских людей, и кызылских, и бугасарских три городка высекли, жен и детей в полон поимали; и я, холоп твой на том де[ле] тебе государю служил, мужика убил, а другово живова взял. Милосердый государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня холопа своево своим государским жалованьем за мое службишко и за кровь, чем тебе милосердому государю бог известит. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 55, № 41.

89. *1616 — 17 г. — Челобитная томских казаков Антона Ругодивина и Ивана Недомолвина о жалованьи за службу в Буклинской волости.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом холопи твои государевы Томсково города конной казак Онтошко Иванов сын Ругодивин да пешей казак Ивашко Никитин сын Недомолвин. В ны-

пешием, государь, во 125-м году приискали мы холопи твои новую землицу на Енисее и били челом тебе государю в новую землицу на Енисею в Буклинскую волость князьку Базаяку, и твои государевы воеводы нас холопей твоих отпустили в новую землю (*л. 66 об.*). И мы, государь, холопи твои государевы ходили по твой государев ясак, и ясак твой государев взяли и в Томской город принесли к твоим государевым воеводам Федору Васильевичю Бабарыкину да Гаврилу Юдичю Хрипунову. А ходили мы, государь, 10 недель, голод и стужу терпели и тебе государю служили. Милосердый царь, государь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй, государь, нас холопей своих государевых за нашу службишко и за наше терпенье, чем тебе милосердому государю бог известит. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 66—66 об., № 51.

90. *Не ранее 1616—17 г. — Челобитная томского казака Василия Ананьина о жалованьи за службу в Кузнецкой и Киргизской земле и во время посольства к Алтыну царю.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом холоп твой государев из твоей государевы дальные отчины из Сибири Томского города конной казак Васька Ананьин. В прошлом, государь, во 124-м году посылали, государь, меня холопа твоего ис Томскога города твои государевы воеводы Гаврило Юдичь Хрипунов да Иван Борисович Секирин на твою царскую службу в Кузнецы для твоего государева ясаку и кузнецких людей призывати под твою царскую высокую руку. [И] я холоп твой кузнецких людей под твою царскую высокую руку привел, и кузнецкие, государь, люди тобе государю шертовали и ясак с собя дали, и тобе государю нынечи кузнецкие люди служат и прямят и ясак государев дают. И пошел я из Кузнецких волостей в Томской город, и меня, государь, холопа твоего на дороге черных колмаков кучегунсково тайши Карагулины люди ограбили, а живота, государь, моего грабежом взяли: санапал с ледунками и з зельем, да зипун лазоревой настрафильной новой, да рубаху полотняную, да одцарятку лазоревую настрефильную; и всего, государь, живота моего грабежем взяли на 10 рублев; а меня, государь, убить хотели. А в Кузнецы, государь, ходил 6 недель, и голод и всякую нужу терпел. Да в прошлом, государь, во 124-м году присланы, государь, в Томской город твои государевы послы Василей Тюменской да Иван Петров, литовской (*л. 56*) десятник, а велено, государь, твоим государевым воеводам Гаврилу Юдичю да Ивану Борисовичю выбрать с послами Томсково города служилых людей и толмачей к Алтыну царю; и твои государевы воеводы Гаврила Юдичь да Иван Борисовичь послали меня холопа твоего на твою царскую службу в Киргизы преже послов для закладов с толмачем с Лукою х киргиским князьком и к их лутчим людям и велели, государь, мне киргисским князьком и их лутчим людем сказать твоего царского величества жалованное слово, и призывати их под твою царскую высокую руку,

и взяти у них киргиских князьков лутчих людей и привести в Томской город. И я холоп твой тобе государю служил, из Киргиз в Томской город лутчево человека привел. И твои государевы воеводы Гаврило Юдичь, Иван Борисовичь послали меня холопа твоего после того, как я лутчева человека привел, с послами с Васильем Тюменским да с Ываном Петровым к Алтыну царю. И я холоп твой с послами у Алтына царя был, и про Китайское, и про Катанское государство, и про Желтово, и про Одрия, и про Змея царя проведал. И я холоп твой тебе государю служил, и Алтыновых послов к тебе государю в Томской город привели. И я холоп твой на твоей царской службе голод, стужу и наготу и великую нужу терпел, и з голоду кобылятину (*л. 56 об.*) ел. И как я холоп твой на твои царские службы подымался, и мне холопу твоему подъем ставился рублев по 15 и по 20. И я холоп твой в твоих царских службах одолжал и обнищал великими долги, и женишко и детишек позакабалил, и в долгех, государь, окупитися нечем. Милосердый царь, государь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Руси, пожалуй, государь, меня холопа своего своим царским жалованьем за мое службишко и за кровь, и возри, государь, в мою великую нужу и бедность, как тобе, государь, милосердому бог известит. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 55 об.—56 об., № 42.

91. *Не ранее 1616—17 г. — Челобитная томского казака Ивана Теплинского о жалованьи за службу в Кузнецкой земле.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом холоп твой государев из твоей государевы дальной отчины из Сибири Томсково города конной казак Ивашко Теплинской. Служу я холоп твой тебе государю в Томском городе 15 лет всякие твои царские службы зимные и летные. Да в прошлом, государь, во 124-м году посылал, государь, меня холопа твоего из Томсково города на твою царскую службу в Кузнецкие волости Гаврило Юдичь Хрипунов [да] Иван Борисович Секерин в Тюлюберскую волость, да в Абинскую, да в Сачаровскую, да в Чорскую, да в Елескую, да в Каргу, да в Ковы да в Кобы ко князьком и к лутчим людем для твоего государева ясаку и к шерти приводить. И кузнецкие, государь, князьки и лутчие люди тебе государю ясак не дали и не шертовали и меня, государь, холопа твоего ограбили, и платье поснимали, и санапал и саблю отняли; и я, государь, из Кузнецов вышел душею да телом, и голод и стужу и великую нужу терпел, и от того, государь, грабежу обнищал и обдолжал велики[ми] долги. Милосердый государь, царь и великий князь Михаило Федоровичь (*л. 63 об.*) всеа Русии, пожалуй, государь, меня холопа своего своим царским жалованьем за мое службишко, как тобе государю милосердому бог известит, чтоб я холоп твой государев в конец не погиб и твоей бы царской службы впредь не отстал. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 63—63 об., № 47.

92. *Не ранее 1616—17 г. — Челобитная томских служилых людей Богдана Терского с товарищами о жалованье и о прибавке в Томск служилых людей и пашенных крестьян.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом холопи твои государевы из твоей государевы дальные отчины из Сибири Томсково города конные стрельцы, и казаки, и литва, и пешие казаки, и ружники и оброшники Богдашко Семенов Терской, да Ондрюшка Иванов, да Васька Онаньин, да Гришка Яковлев и во всех товарыщей своих место 234-х человек. Служим мы холопи твои тебе государю в твоей царской дальней отчине в Сибири в Томском городе всякие твои (*л. 59 об.*) царские службы зимние и летние, летом о дву конь, и в проезжие станицы и зимние походы и дальные посылки на лыжах недель по 10-ть и по 15-ти, и голод и нужу всякую терпим, и з голоду, государь, и с ознобу помираем на твоих царских службах. А твоего, государь, царского хлебного жалованья нам холопем твоим преже сего с Руси приходило в наши оклады на прошлые годы четь муки, по 5-ти пуд с четью и по шти пуд с четью, а круп и толокна по тому ж. А нынечи, государь, твой государев запас приходит мал, четь муки по 3 пуда и по 4 , а круп, государь, четь и толокна по тому ж. И нам, государь, холопем твоим з женишками и з детишками прокормитися нечем, твоего царского хлебново жалования на год не доставает. Да в прошлом, государь, во 122-м году июля в 8 день приходили, государь, под Томской город войною твои государевы изменники киргиские ясашные люди и служивые татаровя: богасарские, и кызылские, и чюлымские, и мелеские, и керексусы, и кузнецкие люди, войною (*л. 60*), и отогнали, государь, у нас холопей твоих лошади и коров, и многих служивых людей казаков побили, и твой государев хлеб и казачей на ялане выжгли и вытоптали. И как, государь, приехали в Томской город твои государевы воеводы Гаврило Юдичь Хрипунов да Иван Борисовичь Секерин, и нас холопей твоих посылали на твою царскую службу и на твоих государевых изменников на кузнецких людей войною. И божиею, государь, милостию и твоим государевым счастием кузнецких людей побили, и достальных, государь, кузнецких людей привели под твою царскую высокую руку к шерте, и теперво, государь, кузнецкие люди тебе государю служат и прямят, и ясак с себя платят, и заклады у них в город поимали. И после того, государь, нас холопей твоих посылали на твою царскую службу на твоих государевых изменников на чюлымских, и на мелеских людей и на керексусов приводити под твою царскую высокую руку. И мы, государь, холопи твои чюлымских и мелеских людей и керексусов привели под твою царскую высокую руку; и чюлымские, государь, и мелеские люди и керексусы тебе государю (*л. 60* об.) добили челом и шертовали, и ясак с собя тобе государю платили, и заклады у них в город поимали. Да в прошлом, государь, во 124-м году сентября в 30 день посылали, государь, нас холопей твоих твои государевы воеводы Гаврило Юдичь да Иван Борисовичь на твою царскую службу на твоих государевых изменников и непослушников на киргисских, и на багасарских, и на кызыловых людей войною; и мы, государь, холопи твои государевы божиею милостию и

твоим государевым счастием киргиских, и багасарских, и кызыловских людей привели под твою царскую высокую руку к шерте, и теперво, государь, киргиские, и багасарские, и кызыловы люди тебе государю служат и прямят, и ясак с собя платят, и жен их и детей в полон поимали, и заклады у них поимав в город привели. И до Алтына, государь, царя мы холопи твои дорогу очистили и в ипые земли. А как, государь, мы холопи твои подымались на твою царскую службу, и нам, государь, подъем ставился человеку рублев по 20 и по 30. И мы, государь, в походе лошадьми опали, и голод и великую нужу и стужу терпели, и лошадину, государь, с голоду ели. И в тех, государь, в твоих царских службах мы холопи (*л. 61*) твои обнищали и одолжали великими долги, и в долгех, государь, на правеже живот свой мучим, а окупитися, государь, с правежу нечем, а твоего, государь, царского денежнова и хлебнова жалованья к нам холопем твоим в Томской город сполна не ходит. Да мы ж, государь, холопи твои государевы в Томском городе поставили около посаду острог новой 670 сажен с полусаженью да две мельницы новые. Да нам же, государь, холопем твоим преже сего на Москве давано твоего царсково денежново жалованья в наши оклады челобитчиком нашим на покупку, чем бы нам одетца. А нынче, государь, мы холопи твои и з женишками и з детишками и босы и [1] наги, а купити, государь, негде: торговые люди не заежжают, место дальнее, а от Сургута, государь, и до Нарыма Обские остяки торговых людей не пропущают в Томской город, грабят и побивают. А купим, государь, в Томском городе аршин белова сукна по полуполтине, а холсту аршин по 2 гривны, да и купить, государь, не добудем. Да нас же, государь, холопей твоих летом посылают твои государевы воеводы на отъежжие караулы и в проежжую станицу человек по 30 и по 40, а живем, государь, на отъежжем карауле и в проежжей станице недель по 10 и по 15-ти. А пеших, государь, казаков (*л. 61 об.*) посылают за льдом в Тоболеск против твоея государевы денежные казны и хлебных запасов человек по 40 и по 50. А наймуем, государь, против твоих государевых запасов в Тоболеск рубли по 4 и по 5; а ходим, государь, в Тоболеск недель по 20 и по 30. Да нас же, государь, холопей твоих посылают в Чаты к мурзам и к Томским татарам на збереженье от черных и от белых колмаков человек по 20 и по 30. И мы, государь, холопи твои государевы с твоее государевы службы и зиму и летом не бываем: летом, государь, по отъежжим караулом и в проежжую станицу ездим, и у татар по гораткам для береженья живем, и в Тоболеск, государь, с весны до осени для твоих государевых запасов ездим, а зимою, государь, нас холопей твоих твои государевы воеводы по землям и по гораткам розсылают для твоего государева ясаку. И мы, государь, холопи твои на твоих царских службах голод и нужу терпим, и в подъемах, государь, нам холопем твоим убытки великие ставятца. (*л. 62*). А нас, государь, в Томском городе служилых людей немного, всего 234 человека. А как, государь, нас холопей твоих розошлют ис Томсково города по твоим царским службам, а в городе, государь, и на остроге

[1] *В рукоп.:* ибо с ними.

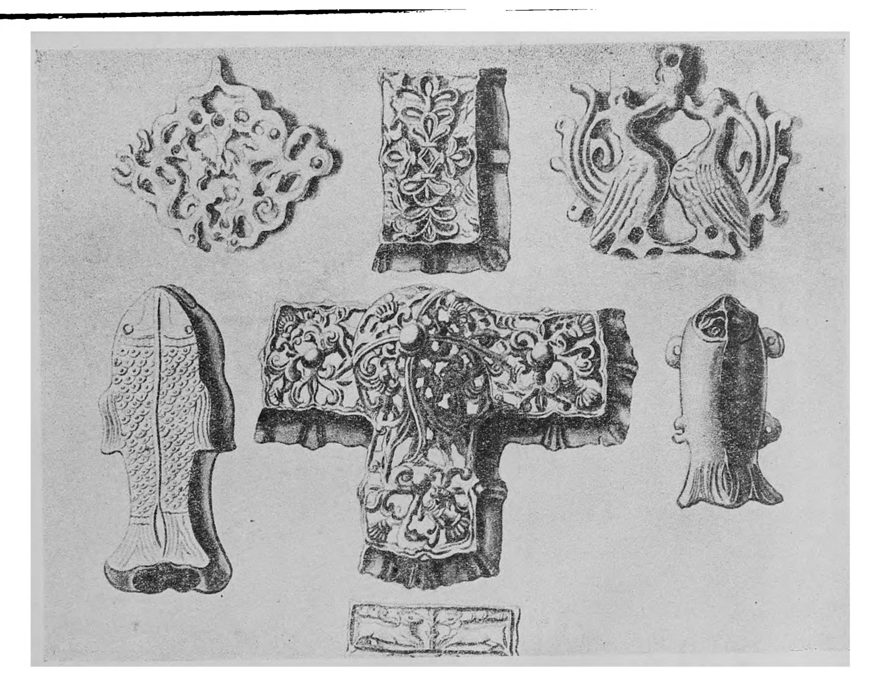

Рис. 22 Рисунки старинных серебряных вещей, выкопанных из могил между Обью и Иртышом. (Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 39/56.)

оставаютца караульщики. А прибылых, государь, людей в Томском городе нет. А орды, государь, великие многие к Томскому городу прилегли: черные и белые колмаки, и киргиские люди, и маты, и браты, и саянцы, и тубинцы, и кучегуты, и багасары, и кызылы, и кузнецкие люди, и все те, государь, люди около Томсково города неподалеку кочуют и нас, государь, холопей твоих по землям и по пашням побивают. И нам,государь, теми людишками твоего государева города без прибавошных людей не удержати, что, государь, орды прилегли к Томскому городу с четырех сторон многие. И будет,государь, над нами холопи своими не смилосердуеся, служивых людей на житье прибавить не велишь, и которая, государь, поруха над твоим государевым городом учинитца, чтобы нам холопем твоим от тебя государя не быти в опале и в кажни. (*л. 62 об.*) Да в прошлом,государь, во 115-м году присланы, государь, с Москвы в Томской город в пашенные крестьяне 100 человек твоя царская пашня пахати, и тех, государь, пашенных крестьянишок по пашням твои государевы изменники киргиские люди высекли, а иные померли, и твоея государевы пашни пахати некому. Милосердый царь, государь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй нас холопей своих государевых своим царским денежным и хлебным недодаточным жалованьем в наши оклады за наше службишко и за кровь, возри,государь,в нашу великую нужу и бедность и вели, государь, нам додати в Томском городе свое царское денежное и хлебное жалованье ис Томских доходов мяхкою рухлядью и Томские пахоты хлебом. И вели, государь,к нам холопем своим в свою царскую дальную отчину в Сибирь,в Томской город,прибавити на житье служивых людей и пашенных крестьян жилецких людей, чтоб мы холопи твои государевы в конец не погибли и твоей бы царской службы (*л. 63*) впредь не отстали и розно не разбрелися. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 59—63, № 46.

93. *1617 г. января 9. — Грамота «с прочетом» царя Михаила Федоровича в Соликамск воеводе Богдану Лупандину об освобождении от податей вотчину «вожа» Сибирской дороги Артемия Бабинова в Соликамском уезде.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии к Соли Камской воеводе нашему Богдану Поликарповичю Лупандину. Бил нам челом Сибирской дороги вож Ортемка Софонов сын Бабинов а сказал: по указу блаженныя памяти царя и великаго князя Федора Ивановича всеа Русии велено ему Ортюшке проведывать прямые дороги от Соли Камской в Сибирь на Верхотурье сухим путем; и он де Ортюшка, проведав тое дорогу от Соли Камской в Сибирь на Верхотурье, пермичи посадскими и уездными людьми прочистил;а прежде тово в Сибирь была дорога окольная: от Соли Камской мимо Чердынь водяным путем Вишерою рекою вверх, да через Камень в Лозву реку, да Лозвою вниз в Тавду реку, да Тавдою рекою вниз до Тобола реки, а Тоболом вверх до усть Туры реки, а Турою вверх до Тюменскаго города; и тою де дорогою хаживала наша денежная и соболи-

ная казна и хлебные запасы по смете с 2000 верст; а тою де дорогою сухим путем, что он Ортюшка прочистил от Соли Камской до Верхотурья, верст с полтретьяста, а от Верхотурья до Тюмени верст с 700, и тою де дорогою ходит наша соболиная и денежная казна и хлебные запасы; и за тое де службу блаженные памяти царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии пожаловал ево Ортюшку, велел ему дати свою государеву жаловапную грамоту, что с ево деревнишка и с двора, что на посаде у Соли Камской, в Сибирские запасы и оброков никаких с него имати не велел, и велел ево во всяких податех обольготить, и велел ему на той же новочистной Сибирской дороги жити на Ейве реке на льготе, и слободу устроити для проезду (*л. 285 об.*) воевод наших и служилых и всяких людей, и нашее соболиные и денежные казны и хлебных запасов; и ныне де на том месте жильцов всего 6 человек, а больше де того на такую пустошь никто ни откуда нейдет, что место пустое, пашни нет, а кормятся привозным хлебом; и в прошлом де во 124 -м году воздвигнули они наше богомолие храм во имя Введения пречистые богородицы, и ныне де в его вотчине у того храма служба повседневная; и по той де по прежней блаженные памяти царя и великаго князя Федора Ивановича всеа Русии жалованной грамоте даны ему на ту вотчину грамоты при царе Борисе и при царе Василье, а велено де ему по тем жалованным грамотам владети по Ейве реке вверх от Сибирской дороги 20 верст да до Чикмана речки, и по Чикману вверх до взвоза Сибирской же дороги, до креста, а вниз по Ейве реке 15 верст до Ика реки пашнею и сенными покосы и всякими угодьи за его службу, что он в Сибирь прямую дорогу протравил и прочистил; и ныне де Соли Камские посацкие и уездные люди тех прежних грамот не слушают, и ево Ортюшку во всякие подати воротят с собою вместе, и платит де он Ортюшка с ними по их насильству всякие подати 6 лет рядом и по сю пору. И нам бы его Ортюшку за его службу пожаловать, велети ему тою вотчиною по старым межам владети попрежнему пашнею, и сенными покосы, и всякими угодьи, и податей с ево двора на посад и с его деревнишка для ево службы никоторых имати не велети, чтоб ему с тое прямые дороги для податей не съехать. И будет так, как нам Сибирской дороги вож Ортюшка Бабинов бил челом, и как к тебе ся наша грамота придет, а при царе Федоре будет ему такова грамота на Ейву реку (*л. 286*) на ту вотчину была дана, и за ту службу податей с него никоторых имати не велено, и ты б по прежней царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии жалованной грамоте с ево Ортюшкина двора на посаде и с ево деревнишка за его службу податей никоторых с него имати не велел, а велел ему Ортюшке тою вотчиною по Ейве реке вверх и по Чикману вверх до взвозу, до креста, и вниз по Ейве реке по реку Ик пашнею, и сенными покосы, и всякими угодьи владети попрежнему. И прочет сю нашу грамоту и списав с ней противень слово в слово отдал ее назад Ортюшке Бабинову, и он ее держит у себя для иных Наших воевод и приказных людей. Писан на Москве лета 7125-го генваря в 9 день.

Подлинная грамота за закрепою дьяка Федора Опраксина.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 1, лл. 285—286.

Напечатана во Врем. О. И. и Др., кн. XX, смесь, стр. 21—22 по подлиннику (дата: 1617 г. января 5), причем на обороте грамоты, кроме подписи дьяка, было написано: «Сия жалованная грамота в Чердынской Нижней Расправе явлена и в книгу под № 946 записана июля 16 дня 1734 г. Иван Жулябин. Скрепил в должности канцеляриста Константин Львов». *Подлинник принадлежал в 1854 г. И. И. Генниху; местонахождение подлинника в настоящее время неизвестно. Грамота издается по списку 1742 г., писанному С. П. Крашенинниковым, но с датой 1617 г. января 9.*

94. *1617—18 г. — Отписка тобольского воеводы князя Ивана Куракина туринскому воеводе Даниле Вельяминову об устройстве острога в Кузнецах.*

Господину Данилу Афонасьевичю Иван Куракин челом бьет. По государеву цареву и великого князя Михайло Федоровича всеа Русии указу, велено поставити острог в Кузнецах или где пригоже; а для острожные ставки велено людей послати изо всех Сибирских городов. И тебе б, господине, для тое острожные ставки сказати стрельцом 10 человеком, а велети им на тое службу выбиратца самим. А как выберут, и тебе б, господине, дати им хлебное жалованье на нынешней на 126-й год оклады их сполна; а смолоть тот хлеб велеть на государеве мельнице даром; а денежное жалованье дадут им в Тобольску. А быти им в том походе с воеводою с Тимофеем Бабарыкиным. А ныне Тимофей послан ис Тобольска для судов на Верхотурье. И как он с судами назад на Епанчин приедет, и тебе б, (*л. 132 об.*) господине, тех людей, которых выберут, отпустить с Тимофеем в Тоболеск тотчас. А кого имянем служилых людей в Тоболеск отпустишь и что им по окладу денежного жалованья, и тебе б о том велети отписати и имян их список з денежными оклады прислать в Тоболеск. А как их учнешь с Епанчина в Тоболеск отпущати, и тебе б им для Кузнецкие службы велеть дать из государевы казны по 2 фунта зелья [да] по 2 фунта свинцу человеку.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 132—132 об., № 122.

95. *1617—18 г. — Челобитная томских казаков Федора Борисова с товарищами о жалованьи за службу в Кузнецкой земле.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии бьют челом холопи твои Томсково города пешие казаки Федька Борисов, да Данилка Анисимов, да Степька Ядринской, да Митька Згибнев, да Васька Казаков и во всех своих товарыщей место 45 человек. В нынешнем, государь, во 126-м году по твоему царскому указу и по отписке твоего государева боярина и воеводы князя Ивана Семеновича Куракина твои государевы воеводы Федор Васильевич Бабарыкин да Гаврило Юдичь Хрипунов посылали нас холопей твоих на твою царскую службу в Кузнецы с сыном боярским с Остафьем с Харламовым, а велено нам холопем твоим на усть Кондобы в Кузнецкой земле острог поставить. И мы холопи твои пошли из Томскова города поздо, и до усть Кондобы, государь, не дошли, и зазимовали

*

в Тюрюберской волости. И в Тюрюберскую, государь, волость пришли к нам ис Томсково города тотарская голова Осип Кокорев да казачья голова Молчан Лавров, а с ними пришли на лыжах конные казаки. И из Тюрюберской волости, государь, пошли мы холопи твои с Остафьем Харламовым, да с Осипом Кокоревым, да с Малчаном с Лавровым и с конными казаками вместе в Кузнецкую землю и пришли на усть Конд[об]ы реки и острог поставили, и крепи учинили, и кузнецких людей под твою (*л. 68 об.*) царскую высокую руку привели и иные новые земли, и твой государев ясак с них взяли и привезли в Томской город к твоим государевым воеводам. А пошли мы холопи твои на твою царскую службу в Кузнецы без твоего царскаго жалованья. А дано нам холопем твоим твоего царского денежново жалованья на прошлой 125-й год полтретья [1] рубля. И мы холопи твои, пошотчи на твою царскую службу в Кузнецы, должилися великими долгами, давали на себя кобалы, а имали в долг платье и обуви и харчь, и головы свои позакабалили, и животишков своих избыли, и в долгу, государь, погибли до конца без твоего царского жалованья. Милосердый царь, государь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, смилуйся, пожалуй нас холопей своих за нашу службишко и работу своим царским жалованьем, вели, государь, нам додати свое царское денежное жалованье на прошлой на 125-й год и на нынешней на 126-й год, чтоб нам холопем твоим без твоего царского жалованья на правеж в долгу в конец не погинуть и твоей царской службы впредь не отбыть. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 68—68 об., № 53.

96. *1618 г. не ранее мая... — Отписка томских воевод Федора Боборыкина и Гаврилы Хрипунова тобольскому воеводе князю Ивану Куракину о построении Кузнецкого острога.*

Господину князю Ивану Семеновичю Федор Бабарыкин, Гаврило Хрипунов челом бьют. В нынешнем, господине, во 126-м году февраля в 24 день писали мы к тебе с Томскими казаки с Ларькою Олексеевым да с Ярошкою Порамоновым, что в нынешнем же во 126-м году февраля в 18 день послали мы в Кузнецкие волости голов татарского Осипа Кокорева, да казачья Молчана Лаврова, да с ним Томских служивых людей конных стрельцов и казаков и татар на лыжах, а велели мы им в Кузнецких волостех сойтитца с сыном боярским с Остафьем Харламовым и итти на улусы [на] Кондому реку, (*л. 70*) а пришед на тое Кондому реку, велено им Осипу, да Молчану, да Остафью и Томским, и Тюменским, и Верхотурским служивым людем на усть Кондомы реки, присмотря место угожее, где были угодьи всякие, поставить острог, и всем укрепити, и Кузнецких волостей людей под государеву царскую высокую руку призывать ласкою, а не жесточью, чтоб Кузнецких и иных волостей люди были под государевою высокою рукою безотступно, и государев ясак с себя государю ежегод давали. А буде которых Кузнецких и иных волостей

[1] *В рукоп.:* половина три.

люди учинят[ся] в непослушанье, под государевою царскою рукою быть не похотят, и тех волостей непослушников велели воевать, жен их и детей в полон имать, а лутчих людей в закладчики приводить. И нынешнего 126-го году маия в 3 день головы Осип Кокорев да Малчан Лавров и с служивыми людьми из Кузнецов в Томской город пришли и сказали нам в съезжей избе Осип и Молчан и Остафей Харламов писал, что божиею милостию и государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии счастьем и его царскою высокою рукою в Кузнецких волостех на усть Кондомы реки с Томскими, и с Тюменскими, и с Верхотурскими с копными людьми острог поставили, и крепость зделали, и Кузнецких волостей людей под государеву царскую высокую руку привели. (*л. 70 об.*) И ясаку Остафей прислал из Кузнецкого острогу с Осипом да с Малчаном, что у него было в зборе. И бьют челом государю кузнецкие люди, чтоб их государь пожаловал, своево государева ясаку с них брать на нынешней на 126-й год не велел, потому что де у них нынешнего году лешне нет, а вперед де они государю с себя ясак станут давать ежегод. И мы в новой в Кузнецкой острог Остафью Харламову в перемену [послали] татарского голову Осипа Кокорева да сына боярского Бажена Карташева, да с ними Томских служивых людей пеших казаков на годовую 8 человек маия в... день. А Остафью Харламову с служивыми людьми, которые ныне в Кузнецком остроге, велели быти из Кузнецково острогу в Томской город. И тебе, господине, на государеву службу на годовую в Кузнецкой острог... [1] которые ныне посланы с Осипом Кокоревым... [1] мало по государев ясак... [1] потому что в Кузнецких волостех людей много; а как послать по государев ясак в волости, и надобе служивых людей в россылки человек по 40 и по 50.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 69 об. — 70 об., № 55.

97. *1620 г. не ранее июня 4. — Отписка кузнецких воевод Тимофея Боборыкина и Осипа Аничкова томскому воеводе Федору Боборыкину нежелании служилых людей ставить Кузнецкий острог на новом месте.*

Господину Федору Васильевичю Тимофей Бабарыкин, Осип Оничков челом бьют. В нынешнем, господине, во 128-м году июня в 4 день [2] пришел, господине, к нам в Кузнецкой острог ис Томсково города сын боярской Баженко Карташов с Томскими служилыми людьми. И мы, господине, служивым людем велели острог ставити за Томью рекою на угожем месте, у пашен (*л. 71 об.*) и у сенных покосов и у рыбные ловли, где бы государю прибыльнее, наперед бы не переставливать. И служивые люди нас не послушали, за Томью рекою на угожем месте острогу не ставят: нам де пашни ненадобны, добро де нам старое место. И мы, господине, хотели послать с отписками к тебе в Томской город, и они, господине, прислали к нам ото всех служивых людей Иванка Недомолвина; и Ивашко Недомолвин сказал: мы де вам с отписками

---

[1] *Пропуск в рукоп.*
[2] *Ср. № 98.*

в Томской город отпустить неково не дадим, у нас де отрежены мимо Томской город свои челобитчики 4 человека, а Томской де нам указ сошел, у нас де з головами и с конными казаками говорено: мимо старое место [острога] нигде не ставити. И мы, господине, велели служивым людем Ивашка Недомолвина взять и хотели послать в Томской город, и служивые люди нас не послушали. И мы, господине, за Ивашка Недомолвина принялися сами, и служивые люди: Данилко Крюк, Митька Згибнев, Мишка Кобыляков, Путилко Кутьин меня Тимофея били и отписку твою у меня изодрали. А иные служивые люди: Кондрашко Березовской, Дружинка Шедра, Кормашка Михайлов, Ивашка Згибнев, Якушко Черногузов, (*л. 72*) Митька Черной, Еремка Степанов, Петрушка Осетр, Семейка Савицкой говорили: набейте де им бок, и они де вперед за служивых людей не принимаютца. А заводят, господине, тое статью Кондрашко Березовской да Дружинка Шедра для тово, чтоб на новом месте острогу не быть.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 71—72, № 57.

98. *1620 г. не ранее июля 1. — Отписка сына боярского Бажена Карташова томскому воеводе Федору Боборыкину о нежелании кузнецких служилых людей ставить острог на новом месте.*

Государя царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии воеводе Федору Васильевичю Баженко Карташев челом бьет. В нынешнем во 128-м году послан, государь, я ис Томского города (*л. 71*) в Кузнецы острога ставить, а со мною, государь, служивых людей послано в Кузнецы 8 человек. И я, государь, с служивыми людьми до Кузнецкого старово острога дошел июля в 1 день здорово. И как, государь, я пришел в Кузнецкой старой острог, и мы, государь, Тимофей Иванович, Осип Гарасимович и я с ними, ходили за Томь за реку под острог места смотрети. И я, государь, велел служивым людем по государеву наказу за Томью рекой на горе острог ставити, где луги и поля великие. А служивые, государь, люди все не пошли за Томь за реку острога ставити: мы де острог ставим на старом месте, а от рыбы де мы за реку нейдем острога ставити, а нам де в том месте без конных людей острога ставити не мощно. И ты, государь, как укажешь.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 70 об. — 71, № 56.

99. *1621 г. не ранее марта 19. — Отписка кузнецких воевод Тимофея Боборыкина и Осипа Аничкова томским воеводам князю Ивану Шаховскому и Максиму Радилову о том, что они поставили Кузнецкий острог в 1619—1620 году.*

Господам князю Ивану Федоровичю, Максиму Ивановичю (*л. 80 об*) Тимофей Бабарыкин, Осип Оничков челом бьют. В нынешнем, господа, во 129-м году марта в 19 день писали вы, господа, к нам, что писал де ис Тобольска в прошлом во 128-м году боярин и воевода князь Иван Семенович Куракин, чтоб послать ставить острог в Кузнецкую землю Ивана Пущина; и в Томском

городе головы, и дети боярские, и атаманы, и казаки били челом государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии и челобитную за руками подали Федору Бабарыкину, что с Ываном де итти нам не мошно. И после тое отписки, что велено Ивапу острог поставить по государеву указу, писал к нам из Тобольска боярин и воевода князь Иван Семенович Куракин, што велел итти нам и острог поставити и быть до государева указу. И мы, по государеву указу и по боярским отпискам, у Федора Бабарыкина взяв служивых людей, острог поставили во 128-м году, и острог стоит год, и о том мы писали к государю к Москве и к государеву боярину и воеводе князю Ивану Семеновичю Куракину в Тоболеск. Да ведом, господа, нам дошел, что вы казаков Екуша Черногузова да Кузнецкого острогу казака Завьялка Ларионова нижа Нарыму воротили; а оне посланы от нас к государю к Москве; (*л. 81*) и вы де, господа, их держали у себя до богоявленьева дни, и отписки де наши переписали, что мы писали государю к Москве и боярину в Тоболеск. И вы, господа, без государева указу напрасно гонцов наших ворочаете да и отписки переписываете, чево вам государь не указал ведати. Да прислали, господа, Ивана Пущина в Кузнецкой острог на службу, и Иван к нам пришел марта в 18 день. А пишите к нам, чтоб Ивану велеть ведати служивых людей. И нам без государева указу вас слушать нельзя и не хотим, боимся от государя опалы. Да вы же, господа, Ивану Пущину в наказе написали, чтоб ему спрошать служивых людей: сколько в Кузнецком остроге государева ясаку собрано, и которые волости дают государю ясак и которые не дают. И служивым людем про то неведомо. А что государева ясаку собрано, и ясак весь в государеве анбаре за печатьми за нашими; а книги и всякие дела живут в коробье за печатьми за нашими; а служивым людем про все про то неведомо, ведаем то мы. Да и сыскивать мы Ивану без государева указу и без боярского по вашим указом не дадим. А об ратных вестех государев указ (*л. 81 об.*) у нас есть, и в иные Сибирские городы велено нам списыватца, а не служивым людем. И мы к вам про вести пишем. А государева, господа, у нас указу нет, что нам к вам об есаках писать.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 80 — 81 об., № 68.

100. *1623 г. февраля 27. — Грамота царя Михаила Федоровича в Тюмень воеводам князю Михаилу Долгорукову и Юрию Редрикову о назначении Гаврилы Иванова за его службу атаманом тюменских конных казаков.*

От царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Русии в Сибирь, в Тюменской город, воеводам нашим князю Михайлу Борисовичю Долгорукову да Юрью Апфиногеновичю Редрикову. Бил нам челом Тюменского города конной казак Гаврилко Иванов а сказал: служил де он блаженные памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии, государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии, и царю Борису Федоровичю всеа Русии, и царю Василью Ивановичю всеа Русии и нам великому государю в Сибири 42 года; а преже де того он служил нам на

поле 20 лет у Ермака в станице и с ыными атаманы. И как с Ермаком Сибирь взяли, и Кучюма царя с куреня збили, а царство Сибирское нам взяли, и мурз и татар розорили, и он де был посылан с Ондреем с Воейковым па нашу службу на тово же Кучюма царя, и божиею де милостию и нашим счастием тово царя Кучюма на Обе реке погромили и его убили, и жены его и дети взяли. Да его же де посылал на Алея царя боярин наш и воевода Матвей Михайловичь Годунов с воеводою с Назарьем Изъединовым, и того де Алея царя взяли и жон и детей поимали. Да он же де в Сибири ставил Томской город при воеводе Гавриле Писемском; да он же де ставил (*л. 80*) город Тюмень при воеводе Василье Сукине; да он же де посылан был в Кузнецы для нашего ясаку, и первой де ясак взяли; да он же де Тобольской город ставил при воеводе Даниле Чюлкове; да он же де Тарской город ставил при воеводе при князе Ондрее Елецком; да он же де ставил Пелымской город при воеводе при князе Петре Горчакове; да ево же де посылал на нашу службу боярин наш и воевода Матвей Михайловичь Годунов головством на калмацких людей, и они де колмацких людей погромили, и жон и детей в полон взяли. А ныне де на Тюмени у них у конных казаков атамана нет. И нам бы его пожаловати, велети ему быти в Тюменском городе у конных казаков в атаманах на Степаново место Онтропьева, а Степан де ныне служит на Тюмени в детех боярских. И как к вам ся наша грамота придет, а то будет Степана Онтропьева место порозжо, атамана на его место у конных казаков нет, и вы б Гаврилку Иванову за те его многие службы велели в Тюменском городе быти у Тюменских у конных казаков в атаманах. Писан на Москве 7131-го февраля в 27 день.

Подлинная грамота за приписью дияка Ивана Болотникова.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 79 об. — 80, № 64.

Напеч. в РИБ, т. II, стб. 400—402, № 130.

101. *1627 г. июля ... — Грамота царя Михаила Федоровича в Верхотурье воеводе князю Семену Гагарину о строении нового гостиного двора в Верхотурье.*

От царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Русии в Сибирь, на Верхотурье, воеводе нашему князю Семену Микитичю Гогарину да подьячему Петру Максимову. В нынешнем во 135-м году писали к нам с Верхотурья воевода князь Дмитрей Пожарской да подьячей Калина Страхов: сыскали они на Верхотурье в съезжей избе в нашей казне прошлого 108-го году царя Борисову грамоту о Верхотурском гостине дворе, какими людьми тот гостин двор ставлен, и они, з тое грамоты списав список слово в слово, прислали к нам к Москве. А в списку з грамоты царя Бориса 108-го году написано: на Верхотурье воеводе князю Ивану Вяземскому да голове Гаврилу Салманову. Как с Сибирскими хлебными запасы Соли Вычеготцкие, и Устюжские, и Пермьские, и Вятцкие, и Вымские плотники и посошные люди на Верхотурье приедут, и им, присмотря место, где будет пригоже, велено гостин двор поставить, а на дворе

поставить 10 изб да онбаров с 40, или сколько пригоже, смотря по тамошнему месту; а онбары б были по 3 сажени; а кругом двора велено поставити забор; а лес на тот гостин двор велено выронить и вывозить тем же плотником и посошными людьми, которые з запасы приедут. И как торговые люди учнут на Верхотурье приезжати, и им велено ставитца и торговати на гостином дворе, и наши пошлины с них имати по нашему указу. А о том велено учинити заказ крепкой, чтоб руские люди к вагуличам и к остяком в юрты и по речкам торговати не ездили. А тавдинцам, и ляличам, и сосвичам и Верхотурским остяком потому ж заказ учинить крепкой, чтоб они с рускими людьми по юртом и по речкам не торговали. А торговали б они со всякими людьми по тому ж приезжая на гостине дворе. А хто не учнет ставитца и торговати на гостине дворе, и учнут проезжая мимо Верхотурья торговать в юртех и по речкам, и тех торговых людей имати, а имая велено им пеню и указ чинити по нашему указу. Да как гостин двор со всем зделают, и что с торговых людей каких пошлин учнут имать, и то все велено писати в книги подлинно порознь, да о том отписывати к Москве. А к торговым и ко всяким приезжим людем привет и ласку и бережение держати, чтоб торговым и всяким приезжим людем обид (*л. 139*) и насильства и продаж нихто не чинил никоторыми делы. А на Москве князь Дмитрей княж Петров сын Пожарской, как приехал с Верхотурья, про тот гостиной двор спрашиван, и он сказал, что на Верхотурье на том гостином дворе избы и анбары погнили, и надобно на том гостином дворе избы поставити новые, а онбаров только укажем поделати и перекрыти, и им вперед еще стояти мочно; а опричь нашей казны того гостина двора изб и анбаров делати нечем. И ныне указали есмя на Верхотурье тот гостин двор, которые избы и анбары погнили, поделати нашею казною из Верхотурских доходов, потому что из верховых городов плотники и посошные люди с запасы на Верхотурье не приежжают, а без гостина двора вперед быти нельзя. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б на тот гостин двор ехали сами, и на том гостине дворе избы и анбары и кругом заборы все пересмотрили и сметили накрепко. Да будет которые избы, и анбары, и заборы на том гостине дворе старые поделати и перебрати мочно, и с поделкою еще вперед пригодятца, и вы б те избы и онбары велели поделати и покрыти новыми кровлями, и заборы велели перебрати. А будет на том гостине дворе которые избы, и онбары, и заборы кругом погнили и розвалились, и по самой нуже поделати которых изб, и онбаров и заборов, старых перебрати нельзя, и вы б те избы, и онбары, и заборы велели зделати новые, а делати велети нашею казною из Верхотурских доходов. И велели на том гостине дворе плотником сметить, сколько на тот гостин двор на избы и на анбарную поделку надобно бревен и досок, (*л. 139 об.*) и на кровлю драниц, и на прясла бревен. [И] велели призвать охочих людей и наймовали, кому на тот гостин двор лес выронить и доски и драницы изготовя привести в город. И велели уговариваться при себе, что от того двора и от изб от дела и от анбарные поделки дати, и во что всего по смете тот двор станет. А сметя велели на Верхотурье наняти охочих людей на

тот гостин двор лес выронить, и на нутри доски и на кровли драницы изговити и привести, и плотников велели наймовати при себе. И велели на том гостине дворе избы и анбары поделати с крепким дозором небольшим росходом, и выбрали х тому дворовому делу сына боярского или посадского человека добра, и приказали ему над лесом и над плотники у дела надзирати. А будет в Верхотурье учнут наймоватца на тот двор охочие люди с одного лес выронити, и доски и драницы изготовя вывозити, и от дела и будет учнут прошати дешевле того, что как в рознь наймовати, и вы б паняли охочих людей с одного, как бы лутче и нашей казне было прибыльнее. А однолично б есте на том гостине дворе избы, и онбары, и заборы велели старые, которые мочно поделати, а которых будет изб, и онбаров, и заборов поделати нельзя, и те б велели зделати новые, чтоб зделати небольшим росходом. И приезжим торговым людем велели торговати на гостином дворе и наши пошлины с них имати по нашему указу. И учинили заказ крепкой, чтоб руские люди к вагуличам и к остяком в юрты и по речкам торговати не ездили. А тавдинцам, и ляличам, и сосвичам, и Верхотурским остяком по тому ж и велели учинить заказ крепкой, чтоб они с рускими людьми по юртом и по речкам не торговали, а торговали бы они со всякими людьми по тому ж приезжая на гостине дворе. А хто (*л. 140*) не учнет ставитца и торговати на гостине дворе, и учнут проезжая мимо Верхотурья торговати в юртах и по речкам, и тех торговых людей велели имати, и пеню и указ им чинили по прежнему нашему указу. Да что на Верхотурье на том гостине дворе старых изб и онбаров поделают и заборов переберут, и сколько изб и онбаров и прясел новых зделают, и во что тот гостин двор станет, и вы б о том о всем отписали к нам к Москве подлинно, а отписку велели отдати в приказе Казанского дворца боярину нашему князю Дмитрею Мамстрюковичю Черкаскому да диаком нашим Ивану Болотникову да Ивану Грязеву. Писан на Москве лета 7135-го июля в ... день.

На обороте: Дьяк Иван Грязев. Справил Микитка Левонтьев.—В Сибирь на Верхотурье воеводе нашему князю Семену Никитичю Гагарину да подьячему Петру Максимову. — 136-го году ноября в 16 день привез государеву грамоту Тобольской литвин Гаврило Ключевской.

Инст. истории Акад. Наук СССР, Верхотурские акты, кор. 90, тетр. 54. Сохранилось 3 состава. Список в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 138—140, № 125.

102. *1634—35 г. — Челобитная Никиты Осипова о восстановлении его на службе в Нарыме.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом холоп твой новокрещен Микитка Осипов. В прошлом, государь, во 106-м году отложились Нерымского уезду князьцы, и ясоулы, и ясачные люди и тебе государю хотели изменить; и я холоп твой, уведав тое их измену, и побежал в Сургут и известил воеводам князю Якову Борятинскому; и по моему холопа твоего извету тех изменников Басаргу с товарыщи 10 человек

повесили; и в тое поры я холоп твой на твое государское имя крестился. И после, государь, того посылан был я холоп твой ис Сургута на годовую в Кетцкой острог, и Кетцкого уезду ясачные люди хотели тебе государю изменить (*л. 377*) и к острогу приступать; и я холоп твой, уведав тое их измену, известил воеводе Поснику Бельскому, и те изменники вину свою тебе государю принесли, и за то оне лутчие люди биты кнутцем. И после, государь, того посылан был я холоп твой ис Кетцково острогу в Маковской з десятником с Ушаком Петровым в толмачах по твоих государевых изменников по князьцов по Намака да по Чаптондая, что оне тебе государю изменили и служивых людей ясатчиков 20-ти человек побили; и я холоп твой тех изменников уговорил, и под твою государскую высокую руку привели. А служу я холоп твой тебе государю лет 30, а прослуги у меня тебе государю не бывало. И в нынешнем, государь, во 143-м году твой государев воевода Иван Загоскин меня холопа твоего из списка служивых людей выписал вон для своей бездельные корысти. Милосердый государь, царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня холопа твоего, вели, государь, быть мне в Нерыме попрежнему в своей государеве службе. Царь государь, смилуйся.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 376 об.—377, № 994.

Таблица, показывающая страницы первого (1750 г.) и второго (1787 г.) издания «Описания Сибирского царства», на которых напечатаны соответствующие нумера приложений данного издания.

Издание 1750 г.	Издание 1787 г.	Приложение №№	Издание 1750 г.	Издание 1787 г.	Приложение №№
71	56—57	1	281—285	223—227	17
76—80	61—64	2	288—290	229—231	18
80—84	65—68	3	294—297	235—237	20
85—86	69—70	4	300—302	240—241	19
87—90	70—73	5	306—307	244—245	100
144	115—116	6	313—314	250—251	102
145—147	117—118	7	315—317	251—253	79
170—171	136—137	8	317—320	253—255	80
200—202	159—160	9	320—321	255—256	81
210	166	74	321—324	256—259	82
227	179—180	10	324—325	259	84
228—235	180—186	11	325	260	83
237	188	12	326	260	51
237—238	188—189	15	326—327	260—261	50
242—243	192—193	22	327—328	261—262	73
244—246	194—195	23	328—329	262—263	75
246—247	195—196	24	330—331	263—265	29
251	199—200	14	331—333	265—267	93
253	201	16	334	267	27
253—254	201	21	334—335	267—268	28
254—255	202—203	34	335—336	268—269	25
255—6	203	53	337—340	269—272	26
257	204	44	340—341	272—	46
258	205	36	341—342	273	32
261—272	207—216	13	342—343	273—275	38

Издание 1750 г.	Издание 1787 г.	Приложение №№	Издание 1750 г.	Издание 1787 г.	Приложение №№
343—346	275—277	101	419—421	336—338	76
346—348	277—279	31	421—423	338—340	78
348—352	279—282	39	424—426	341—342	86
352—353	282—283	30	426—428	342—343	87
354—358	283—287	33	428	344	90
359—360	287—289	37	429	344—345	91
361	289—290	40	430—432	345—346	95
362—363	290—291	35	432—434	347—349	96
363—364	291—292	41	434—435	349	97
365	292—293	42	435—436	350	98
365—367	293—295	48	436	350	99
367—370	295—297	47	437	351	94
370—371	297—298	52	438—439	352—353	61
371—372	298—299	49	440—441	353—354	68
373—374	300	43	441—442	354—355	64
374—389	300—313	45	442—443	355—356	65
392—393	315—316	55	443	356—357	63
393—394	316—317	54	444	357	72
395	317—318	59	444—445	357—358	71
401—402	322	56	445—447	357—360	69
402—404	323—324	57	448	360	70
404—405	324—326	58	449	361	77
406—407	326—327	60	450—454	362—365	92
407—412	327—330	66	454—455	365—366	85
412—416	331—333	67	455—456	366—367	88
417—419	335—336	62	457	367—368	89

Инструкция, данная Академией Г. Ф. Миллеру при отправлении в Сибирское путешествие

О ИСТОРИИ НАРОДОВ

1.

Для приращения исторического познания о тех самых народах, через которых предводитель сего путешествия Берингий в своем Камчатском походе проходить будет, наипаче наблюдать надобно, где будут пределы каждого народа, какие границы и не разных ли происхождений и разных родов народы между собою смешаны, или нет.

2.

Какие суть начала каждого народа по их же повествованию, какие суть каждого народа древние жилища, преселения, дела и проч.

3.

Какая есть в каждом народе вера и имеют ли они какую нибудь естественную? и какое понятие имеют о боге и о вещах, до спасения принадлежащих, и какие наблюдают обряды при своем богослужении.

4.

Должно примечать обычаи и обряды народные, домашние и брачные и проч.

5.

Надобно наблюдать и коммерцию, произведения земли, народные художества, войско, политическое правление каждого народа.

6.

Об языке каждого народа надобно сделать несколько примеров, напр.: переводы господней молитвы, числа, существительные, употребительнейшие имена.

7.

Имена каждого народа, страны, реки, города и проч. точно по настоящему того народа и соседних народов произношению записывать должно, прибавляя к ним, если только доиск ться можно, и происхождение имен.

8.

Надобно описывать историю каждого народа, когда и кем оной строиться начат и, если он под другим владением находится, то каким случаем и когда покорен нынешнему.

9.

Все всякого рода останки, древние монументы, сосуды древние и новые, идолы и знатнейших городов проспекты отчасти в точность списываемы, отчасти в Санкт-Петербург привозимы быть должны.

10.

Каждого народа и племени несколько человек обоего пола, которых свойства сего народа на глазах и на стане тела видны, вместе с употребительнейшею их одеждою тщательно списаны, также и несколько образцов одежды всякого рода в Санкт-Петербург привезены быть должны.

11.

А особливо рассматривать надобно начала, нравы, обычаи и проч. тех народов, кои живут на северной стороне реки Амура, потому что слух носится, что и Российский народ имел там древние свои жилища.

Отзыв академического советника Шумахера о предисловии Г. Ф. Миллера к первому тому «Истории Сибири»

МНЕНИЕ НЕ В УКАЗ О ПРЕДИСЛОВИИ СОЧИНИТЕЛЯ К СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ

Сочинитель всегда с академической Канцеляриею спорил и доказать старался, что зависит от него сибирские известия делать, как и когда он хочет, ибо сие его, а не другого каво дело. По сему основанию расположил он и свое предисловие. В нем он объявляет, (1) будто бы он президенту много обязан, что он, наконец, приказал его Историю печатать, так будто бы другие зломышленники столь долго тому препятствовали; однакож, всевозможнейшим образом ему напоминано, чтоб собранные в Сибирскую экспедицию известия привести в порядок, только сие и поныне не учинено. (2) Ему в вину ставить не должно, что столь долго ничто им не издано, но наипаче приписывать то надлежит великой ценсуре следствию, чему подвержена его История, ибо она через толь многие руки проходить должна; сие, говорит он, для того, чтоб все, что в ней похулено будет, Академии, а не ему, в вину поставить, ибо он наперед уже ведает, что без того не пройдет; понеже те, которым читал он свою Историю, дела ниже разумели, ниже довольно силы имели ему противиться за некоторое изречение. Я должен сие знать лучше, чего ради они все замолчали. (3) Он благосклонного читателя просит снисходительно рассуждать о переводе, ибо от чужестранного не можно требовать совершенного перевода, так якобы он, а не академической переводчик был переводчиком, а чтоб читателя мог он удержать в погрешении, то весьма пространно говорит о различных родах переводов; как судья какой и знаток языка, он возносит старинной сочинения образец, ласкательствуя некоторым людям, и поносит нынешнего сочинения образец, чтоб на Академию возбудить неприятелей. (4) Он в сем предисловии приводит, якобы он был начальником Камчатской ученой экспедиции, и один он понес от себя все иждевения и что за снискание таких изрядных летописцев, старинных доказательств и собранных от великих благодетелей известий ему только благодарить должно, и для того располагает он по своей воле в печатании и постановлении летописцев и доказательств, где он хочет; однако ему знать надлежало б, что президент своими представлениями все исходатайствовал, что архивы не по ево воле, но по указу, профессорам данному, показываны были, что не он, но приданные в помочь студенты, кописты и прочие доказательства списывали, что 35 книг не ево, но надлежат до Академии; и я думаю, что знатные благодетели больше для Академии, нежели для ево как словесные, так и [не]словесные известия ему, может быть, сообщали. (5) Все предисловие имеет такое состояние, что оно больше клонится на распространение суетной его славы, нежели к чести президента и Академии, о чем он только мимоходом упомянул или во известие читателю служит. Чего ради, по моему мнению, (1) помянутое предисловие печатать не должно; ежели соблаговолено будет напечатать какое предисловие, то можно оное сделать по приложенному при сем проекту. (2) Понеже сочинитель ни о чем другом не старается, как свое дело не надле-

жащим образому чужими делами украсить и размножить, то надлежало бы приказать, чтоб старинные летописцы с документами особливо [печатать] и, следовательно, прочие главы без документов напечатать, и в таком случае пространные ево в предисловии известии и рассуждении о летописцах привесть можно б было.(3) Сочинитель должен бы свою историю со всяким прилежанием только на немецком языке немедленно писать и оную президенту или в Канцелярию подать, которая о переведении его, о напечатании и о прочем стараться имеет, ибо ежели впредь таким же образом происходить будет, то во веки ничего не выдет. (4) Понеже профессоры не в состоянии рассуждать о Сибирской истории, то надлежало б оную господину тайному советнику Василью Никитичу Татищеву, которой много времяни и иждивения на такое ж дело употребил, сообщить и от него пользоваться. Для учинения в том опыту, можно б послать к нему начало той Истории и требовать от нево о том рассуждения. Без сумнения, он сам добровольно то зделает; ежели ж бы того учинить не похотел, то можно ево принудить к тому высочайшею властью, ибо чем совершеннее выдет на свет сия История, тем больше чести президент от того получит.

Посвящение и предисловие к первому русскому изданию «Истории Сибири», составленные академическим советником Шумахером и напечатанные вместо предложенного автором

Державнейшая императрица, Всемилостивейшая государыня. Между многими достохвальными и удивительными делами, которые государь император Петр Великий, бессмертные памяти родитель вашего величества, учинил в пользу и приращение наук и художеств, не последнее и то, что его величество учредил незадолго перед кончиною своею Камчацкую экспедицию. По сие время писатели географии в распрях и несогласии находятся в рассуждении границ, которыми Азия взаимно отделяется от Америки. Одни пишут, что между ими есть канал, который соединяет Ледяное море с Тихим; другие говорят, что никакого пролива морского нет, но из Азии перейти можно в Америку твердою землею. По истине сказать, нужное испытание для купечества и мореплавания. Сей великий монарх, ведая, что никакая потенция столько удобности не имеет прекратить ученых людей прение, как российская, потщился предприять сие дело, о котором прежде уверен был совершенно, что оно немалого труда и иждивения востребует. Однакож все сие ныне преодолено, и экспедиция успех восприяла такой, какового надеяться было должно.

Теперь уже в свете обстоятельнее ведать будут, всемилостивейшая государыня, положение земли, берегов и двух помянутых морей, соединенных каналом, которое столь много по сие время возбуждало к исследованию любопытных людей, и что часть твоей державы соединяется с пределами Америки.

Ежели предприятие Петра Великого было достохвально, то повеление вашего императорского величества есть паче дражайше, что благоволили указать Академии своей, как наипоспешнейше, напечатать о всем помянутом описание, для изъявления ученым людям.

Сие есть им прямое одолжение, которым они пользоваться будут, и за которое все единодушно вашему величеству благодарность свою засвидетельствуют. Похвалы, которые вам они воздадут, будут достойные, а слава, которую ваше величество из того получите, есть вечная. И как Академия ваша императорская немало в сем участия приемлет, будучи ободрена милостию, которую ваше величество беспримерною щедротою ей учинили, то она крайние свои силы употребит с поспешением исполнить высочайшее ваше повеление, которого и общество ученое в целом свете с нетерпеливостью ожидает.

Книга сия есть начало повеленного вами труда, который положен был на одного из членов вашего величества Академии Наук профессора Миллера. Сколь щастлива бы была Академия, ежели бы ваше императорское величество милостивым оком на сей труд воззреть соизволили.

Бог да сохранит здравие и державу вашего величества долгоденственно, и да удостоится и в последующее время монаршаго вашего величества покровительства и благоволения. Державнейшая императрица, вашего императорского величества всеподданнейшая Академия Наук.

ПРЕДИСЛОВИЕ

По вступлении в Академию Наук президентом ее императорского величества действительного камергера лейб-гвардии Измайловского полку подполковника, орденов польского Белого орла, святого Александра Невского и святые Анны кавалера, графа Кирилы Григорьевича Разумовского, перьвое между прочими было его сиятельства старание, чтоб, по приведении в порядок собранных в Камчатской экспедиции с великим иждивением известий, оные напечатать для народного знания.

Его сиятельство за благо признал надлежащие к истории натуральной известия публиковать на латинском языке, потому что такие материи удобнейше на том языке предлагаемы быть могут. Оной истории вышла уже первая часть о травах, под титулом *Флора Сибирская.* Вторая часть печатается, а и прочие помалу следовать будут, также о зверях, птицах, рыбах и насекомых, а, наконец, о рудах и каменьях сообщено быть имеет. —

Но дабы между тем и незнающие латинского языка пользоваться могли трудами Академии, то его сиятельство весьма разумно определил, чтоб известия до гражданской истории надлежащие и старанием Академии чрез господ профессоров Миллера, Фишера и Крашенинникова, адъюнкта Штеллера и чрез других собранные, на русском языке в народ издать и начать Сибирскою историею, которой мы благосклонному читателю пять первых глав предлагаем.

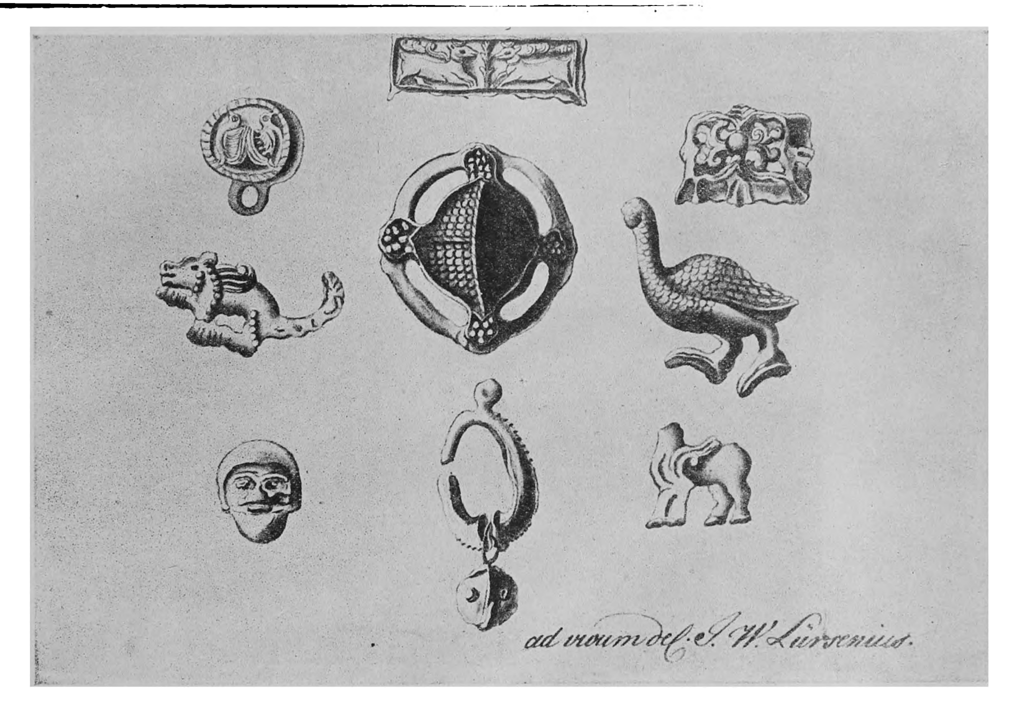

Рис. 23. Рисунки старинных серебряных вещей, выкопанных из могил между Обью и Иртышом. (Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 39/56.)

Сочинителю, по указу Правительствующего сената, исходатайствованному от президента Академии, позволено было сибирские архивы по воле рассматривать и надлежащие к его намерению известия чрез данных от Академии студентов и копистов выписывать. К тому ж некоторые приватные персоны, особливо господа бароны Строгановы, яко любители наук, как письменные, так и изустные известия для Академии ему благосклонно сообщали, и к немалому его вспоможению попались ему в руки письменные сибирские летописи, которые он употреблял с пользою.

Сего ради благосклонный читатель нимало сумневаться не может о достоверности сего описания, тем наипаче, что сочинителю, которой, кроме того, не имел причины инако писать, как только что нашлось в вышепоказанных достоверных известиях, во первых, должно было всячески о истине стараться, однакож ежели впредь о чем-нибудь больше удостоверенось будет, то по приложенному старанию о усмотренных погрешностях в следующем томе объявлено, а при новом издании то самое в тексте поправлено быть имеет.

Сия История сочинена на немецком языке, с которого переведена ныне, по возможности, на русской от академического переводчика, и перевод пересматривал сам сочинитель и сносил с подлинником.

Знающие основательно языки ведают, сколь трудно с одного на другой искусно переводить. Ибо кроме, что переводчик должен быть человек разумной и понятной, ему ж языки, на которой и с которого переводит, совершенно разуметь надлежит; следовательно, должен он мыслить так, как думал сочинитель, которого он переводит, в него яко бы претвориться, и изображать его мысли по свойствам языка, на которой переводит; но таких переводчиков немного, и для той причины бывает и не столь великое изобилие хороших переводов. А понеже теперь при Академии всякое старание прилагают таких людей к переводам воспитывать и учат их основательно переводному искуству, то без всякого сумнения со временем лучше нынешнего переводы выходить будут.

Впрочем, осталось еще сие напомнить, что принято намерение, выписанные из сибирских архив важнейшие достоверные известия, каких в академической архиве 38 книг хранится, с Тобольским летописцом, от некоторого Ремезова, как думают, сочиненным, которому сочинитель пред другими больше верит и оной для полности хвалит, с прочими общими сибирскими летописцами вместе напечатать, очистив прежде оные от басней, которые не принадлежат к самому делу, дабы любители иметь могли от древностей и употребительного в древние времена слога некое особливое себе увеселение, и при том упомянутым в историческом описании Сибири вещам и делам видеть подлинные доказательства.

ПРИМЕЧАНИЯ
К ТЕКСТУ „ИСТОРИИ СИБИРИ“
И К ПРИЛОЖЕНИЯМ

К предисловию Г. Ф. Миллера

Вопрос о взаимоотношении различных сибирских летописей между собой охватывает значительную литературу. Важнейшие из дошедших до нас летописей следующие: 1) летопись, составленная дьяком тобольского архиепископа Саввой Есиповым в 1636 г. (так называемая Есиповская летопись); 2) так называемая летопись Строгановская, относительно времени составления которой существует разногласие (Карамзин относил ее к 1600 г., А. М. Ставрович в неизданной работе — к 1668—1673 г.), и 3) летопись, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в конце XVII или начале XVIII в., открытая Миллером, который называет ее Ремезовскою, а в русском издании 1750 г. — Тобольским летописцем (она известна (также под названием Кунгурской по названию одной из составных ее частей); 4) особняком стоит вошедшая в «Новый летописец» (1630 г.) статья «О взятии Сибири», которая послужила одним из источников другой повести, сохранившейся в составе «Описания новые земли Сибирского государства» (конец XVII в.). Все названные летописи по существу являются не летописями в полном смысле слова, а историческими известиями.

Почти полное совпадение текстов Есиповской и Строгановской летописей позволяет утверждать, что в основе их обеих лежит один общий протограф, каковым является краткое «написание», которое «ермаковские казаки» принесли первому сибирскому архиепископу Киприану и которое, повидимому, составлено было около 1600 г.; на основании этого «написания» Киприан написал в 1621 г. свой «Синодик», а в 1636 г., в связи с вопросом о канонизации Ермака, составил свое сказание Савва Есипов. В XVII в. лицо, близкое к семейству Строгановых, самостоятельно переработало то же «написание» в целях прославления этого семейства, причем первоначальный текст был значительно дополнен данными, почерпнутыми из фамильного архива Строгановых. Повидимому, к тому же протографу надо отнести и статьи «Нового летописца». Значительно позже, в конце XVII или в начале XVIII в., автор известного географического атласа Сибири, Семен Ульянов Ремезов использовал Есиповскую летопись и, повидимому, еще две неизвестных нам летописи для написания иллюстрированной «Сибирской истории», над которой он трудился совместно с своими сыновьями Леонидом, Иваном и Семеном; уже по окончании «Сибирской истории» в нее были внесены на вклеенных листах отрывки из особой чрезвычайно любопытной летописи Кунгур-

ской; таким образом, мы имеем здесь дело с довольно сложным сводом, составные части которого далеко не достаточно между собой увязаны; частые повторения и противоречия делают затруднительным пользование текстом без предварительного критического рассмотрения.

В общем итоге схема сибирского летописания, которую дает Миллер, может считаться правильной. См. В. С. Иконников, Опыт русской историографии, т. II, кн. 2, Киев, 1908, стр. 1291—1307; С. В. Бахрушин, Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., вып. 1, М., 1928, стр. 1—30, 177—180. Есиповская, Строгановская и Ремезовская летописи изданы Археографической комиссией (СПб., 1907). *Б.*

К главе первой

§ 6. Приводимая здесь, со слов одного монгольского ученого духовного звания, легенда о возникновении буддизма в Монголии связана с известными историческими событиями конца XVI века (паломничества Абатай-хана в Тибет, построения первого буддийского монастыря в Монголии — Эрдени-Цзу и др., см., напр., А. М. Позднеев, Монгольская летопись Эрденийн Эрихэ, СПб., 1883, стр. 82, 100, 104 passim) и представляет любопытный образец развития монгольской летописи. Начальная монгольская хроника, так называемое Сокровенное Сказание, записанное в 1240 г. на Керуленском сейме, широко использует, между прочими источниками, современные народные исторические песни и сказания монголов. В дальнейшем этот фольклорный элемент летописи, возвращаясь в народные массы, густо обрастает изустной ходячей легендой, разрушающей самую хронологическую основу летописи, и в таком виде входит и в последующие списки летописи. По мере распространения среди монголов буддизма легендарная обработка летописи, и именно в буддийском духе, происходит, повидимому, в монастырях, нередко хранивших и переписывавших рукописи летописных сводов. В начальной летописи можем найти следующие темы, подвергшиеся в дальнейшем легендарной обработке: отец Чингиса, Есугей-Батур, тяжко болел и умер от яда, подмешанного татарами в пищу. Темучин со своими дружинами ведет беспрерывные войны далеко за пределами удела своего отца. На сейме князей в 1206 году Темучин провозглашен каганом и наречен при этом Чингисом. Главнейшими его сподвижниками были 4, а впоследствии 9 öрлюг'ов. В позднейших летописных сводах, по большей части называемых Altan Tobči, т. е. золотой («Красный») изборник — в отличие, повидимому, от начальной летописи Niγuča Tobči, т. е. обыденный (не официальный) изборник — тема тяжкой болезни и, в частности, болезни ног, связывается с именем Чингисова сына и престолонаследника Öгедея (перенося на него, повидимому, от легенды о вышеназванном Абатай-хане) который, исцеляется буддийским ламою и принимает буддийскую веру. В записанном Миллером сказании легенда продвигает это событие еще дальше, уже к до-чингисовой эпохе, с явной тенденцией отодвинуть возникновение буддизма подальше вглубь

веков, а победоносное движение чингисовых монгольских дружин легенда эта склонна понимать, как результат сопротивления принятию буддизма со стороны Чингиса и его сподвижников. Мотив вещей птицы, которая поет при рождении и восшествии на престол Чингиса, почерпнут также из Altan Tobči, почти во всех списках которой он фигурирует. В именах öрлюг'ов, вполне исторических, любопытна транскрипция Миллера, очень близкая к китайской, а также расставленные им знаки ударений, как они ему слышались в произношении его осведомителя, монгольского ученого ламы. Дело в том, что, во-первых, монгольская начальная летопись имеется лишь в китайской транскрипции и что, во-вторых, в вопросе ударений монголистика так называемой старой школы, вплоть до начала нынешнего столетия, шла по пути, проложенному этим пионером русского монголоведения. Имена девяти öрлюг'ов отождествляются по следующим авторам: П. К а ф а р о в, Старинное монгольское сказание о Чингис-Хане, в Труд. членов Рос. дух. миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866, стр. 119, 227; A l t a n T o б č i (nova), ms. ОРКИД 1934, № 233 (в Монг. каб. Института востоков. Акад. Наук, л. 88 passim); Б. Я. В л а д и м и р о в, Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 138, passim. По Altan Tobči (nova), одною из версий которой пользовался, очевидно, осведомитель Миллера, имена 9 öрлюг'ов пишутся: 1) Süldüs'ский Toiγ n-Šira; 2) J̌ataγir'ский Go Vang Muxali; 3) Čnu-Mergen; 4) Külüg-Boγurči; 5) Uriyangxadai J̌elme; 6) Besüdtei J̌ebe; 7) Oyirad-un Xara-Kiru; 8) Boroγul и 9) Šigi-Xutuγ. *К.*

§ 7. Приводимое сообщение Абулгази о смерти Чингиса-хана на обратном пути из Тунгута, после победы над Šidurγu-Xaγan'ом, совпадает с сообщением монгольской начальной летописи. Записанная здесь же Миллером легенда об истории ханши, верной жены Šidurγu-Xaγan'a, основана также на одной из версий Altan Tobči, где однако еще отсутствует тема об убиении ею сонного Чингиса. Река, в которой утопилась ханша, и по Altan Tobči называется Xatunγol, но название степей близ этой реки — Nulum Tala — почерпнуто, видимо, из монгольского эпоса, знающего блаженные степи-кочевья богатырей—Nulum Tala (ср. Гесериада, Песнь V, 16). Гора Burxan—Burxatu — Burxan γaldun — Burxanxat (в переводе может означать «Божья гора», «Гора, где поставлены божества», «Гора — бог опаляет или бог всюду проницает») — священная гора Чингиса и его предков, гора-избавительница, которой Чингис, в память своего спасения в лесах этой горы от лютых врагов завещал во веки веков приносить жертву, находилась в местах первоначальных кочевий Чингиса и его предков по реке Онону. *К.*

§ 9. Сведения о народах Сибири, извлеченные из описаний путешествий Плано-Карпини, Гильома де-Рубрука и Марко Поло, в русском переводе и с примечаниями к ним дал недавно М. П. А л е к с е е в, Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, т. I, Иркутск, 1932, стр. 3—14, 14—20, 28—46 (там же многочисленные указания на литературу вопроса). *А.*

§ 15. «Ведомость о Китайском государстве», составленная в 7177 г. в Тобольске «изысканием стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова», по рукописи Миллера, издана в части VII «Продолжения Древней Российской Вивлиофики» (1791 г.). По другой рукописи (Столяровскому хронографу) та же «ведомость» напечатана С. О. Долговым в «Памятн. древн. письмен. и искусства», CXXXIII, 1899, стр. 14—18 (предисловие) и 18—35 (текст «ведомости»). *А*.

§§ 24—27 и гл. 5 §§ 49, 60, 61 и др. Сведения первой главы совпадают, в общем, с монгольскими летописными, а главы пятой — основываются на весьма важных документах и материалах Сибирских архивов, и до настоящего времени очень слабо обработанных. Из последних серьезных научных работ по истории калмыков, основанных на архивных данных, надо указать на работы Н. Н. Пальмова: Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России, Астрахань, 1922, и Этюды по истории приволжских калмыков, ч. I, XVI и XVII вв., 1926; ч. II, XVIII в., 1927 и ч. III и IV, Астрахань, 1929. *К*.

§§ 28—32. Скудные сведения и различные догадки Миллера, относящиеся к истории Юаньской династии, в настоящее время утратили всякий интерес и значение после капитальнейших трудов в области издания и обработки китайских династийных летописей, появившихся в XIX столетии как в Европе, так и у нас. С таким трудом извлеченные впервые Миллером имена монгольских императоров этой династии являются ныне необходимой принадлежностью любого справочника, словаря или элементарного пособия по истории Востока. Обстоятельная библиография вопроса содержится в работе акад. В. В. Бартольда, История изучения Востока в Европе и России, Ленинград, 1925. *К*.

§§ 33—36. Вопрос о происхождении якутов до настоящего времени является все еще недостаточно выясненным. Анализ академика В. В. Радлова установил, что словарный запас якутского языка разбивается следующим образом: 32.5% турецких элементов, 25.9% монгольских и 41.6% неизвестного происхождения. На основе такого соотношения словарных данных В. В. Радлов допускал «только две возможности»: 1) якутский язык — «первоначально турецкий язык, который рано отделился от остальных турецких языков, и впоследствии чрез соприкосновение с монголами и другими соседями был пропитан монгольскими и другими языковыми элементами», или 2) якутский язык — «первоначально монгольский язык, перенасыщенный чуждыми элементами, который только впоследствии был совершенно отуречен» W. Radloff, Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. Зап. Акад. Наук, т. VII, № 7, СПб., 1908). В последнее время об этногенезе якутов выдвинуты гипотезы А. Н. Бернштамом и П. А. Ойунским. Первый связывает якутов с гуннами, видя в последних ряд многоязыч-

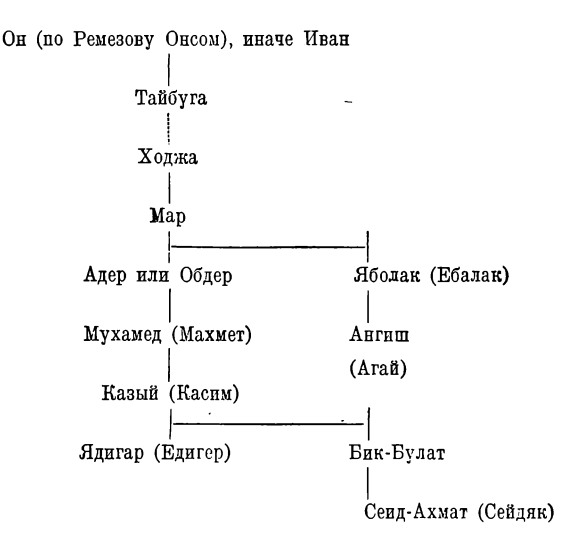
ых племен, из которых позднее, в процессе феодализации этих племен, сложились турецкая и монгольская народности. Являясь периферией «гуннского убстрата», якуты не вошли в состав формирующегося классового общества, ткочевали на север (около VII в.) и сохранили «все черты, присущие гуннам целом». «Многоязычность» последних и дала «конгломеративный якутский зык» («Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935 г. № 5—6). Отличаясь абстрактно-социологическим характером, гипотеза А. Н. Бернштама не вскрывает конкретно-исторического процесса образования якуткой народности. П. А. Ойунский, отталкиваясь от выводов Н. Я. Марра Средиземноморье как наиболее ранней территории турецких племен, ведет альнейший путь «предков якутов», на основании данных якутского эпоса, от Средиземноморья через восточное побережье Аральского моря, Кулундинкую степь к восточной стороне Байкала. По мнению П. А. Ойунского, якуткий язык является одним из« древнейших слоев языков агглютинативной истемы, системы турецких языков, обогащенным словарным материалом ногих языков; бурятского, монгольского, тунгусского и других». Как арод, «saqa» (якуты) окончательно складываются в Ленском бассейне, куда игрировали ближайшие их предки — сахиоты в конце XIV в. (Русско-якутский термино-орфографический словарь. М., 1935). Вслед за другими сследователями, П. А. Ойунский правильно ставит якутов в связь через ахиотов с сагайскими татарами, о которых говорит и Г. Ф. Миллер. Давая по сравнению с А. Н. Бернштамом более конкретную картину тногенезиса якутов, П. А. Ойунский предлагает, однако, неверную характеристику якутского общественного строя перед завоеванием, как строя ложившегося феодального общества. «К моменту прихода русских мы имеем феодальный строй с тенденцией перехода к крепостнической системе, возглавлявшейся тыгыном (царем)». Документальный материал, относящийся эпохе завоевания, рисует нам лишь идущий в якутском обществе процесс разложения родового общества в процессе феодализации, но не сложившийся уже феодализм, как рисует дело П. А. Ойунский. В период же прихода в Ленскую долину (XIV—XV вв.) якуты, судя по фольклорным материалам В. Серошевского, представляли еще, видимо, союз племен типичными родовыми и племенными учреждениями, аналогичными таковым ирокезов Л. Моргана. *С.*

§ 47. Миллер сам дает ключ к разгадке фантастического рассказа об этногенезисе остяков, заимствованном у Мюллера и Страленберга. С своей стороны труд Мюллера, составленный в Тобольске в 1716 г. и названный в тексте, является переводом известного сочинения Григория Новицкого «Краткого описания о народе остяцком» (Памятники древней письменности, № LIII, П. 1884), которое было ему известно в рукописи. Что касается Новицкого, то известие о пермском волхве Паме он заимствовал из жития Стефана Пермского, составленного Епифанием Премудрым, где, впрочем, ни слова не сказано о бегстве Пама за Урал. О недостоверности гипотезы Страленберга о финляндском происхождении

остяков говорит сам Миллер. Таким образом, весь клубок этногенетических хитросплетений, о которых говорится в тексте, является ярким образцом тех лженаучных мудрствований в области древней истории, против которых постоянно протестовал Миллер. *Б.*

§ 50. Образцы «плохих картинок» из Ремезовской летописи даются в настоящем издании. В них поражает сочетание условной стилизации, свойственной XVI—XVII вв., с большим реализмом. В частности, на ряду со стилизованными изображениями татар и других «иноземцев», мы встречаем здесь поразительно точное воспроизведение их одежды и даже типа. По стилю рисунки основной части летописи резко отличаются от рисунков на вклеенных листах; последние менее вырисованы, зато отличаются большей живостью: несколькими штрихами передается впечатление фигуры, движения; в них меньше стилизованности, они реалистичнее, в них больше чувствуется таланта. *Б.*

§ 56. По летописному протографу, которым пользовались авторы Есиповской и Строгановской летописей, родословная Едигера (Ядигера) представляется в следующем виде:

Начиная с Махмета (Мухамеда), последовательность сибирских ханов не вызывает сомнений, так как подтверждается грамотой царя Федора Кучуму, напечатанной в СГГД, т. II, № 68. Та же грамота устанавливает происхождение сибирских ханов от «Тайбугина рода». Косвенно подтверждается и известие того же протографа, что Мухамед вступил на пре-

стол, убив царя Упака. В грамоте назван (и очевидно, более верно) дед царя Кучума — Ибак, и сказано: «а после деда твоего Ибака царя, были на Сибирском государ[стве] князи Тайбугина роду: Магмет к[нязь, а по]сле его Казый князь...»

Больше всего разногласий вызывает вопрос о происхождении Тайбуги. А. Х. Лерберг (Исследования, служащие к объяснению древней русской истории, в пер. Д. Языкова, СПб., 1819), основываясь на созвучии, считал Она за одно лицо с Бек-Онди (Бик-Конды-огланом), предком Ибака и потомком сына Чингис-хана Джучи. Это мнение опроверг В. В. Вельяминов-Зернов (Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. II, СПб., 1864, стр. 390—391). Сам Вельяминов-Зернов выдвигает другую гипотезу: он склонен считать Она за Шейбани, сына Джучи, и внука Чингис-хана (стр. 391—393). Но эта гипотеза требует такой сложной и произвольной перестройки всего летописного текста, что не может быть принята. В угоду этой гипотезе не Чингис убивает Она, а Он убивает Чингиса, и Тайбуга сын не Она, а Чингиса. Для такого свободного обращения с источником мы не имеем никакого права. Мне представляется, что более близок к истине И. Б. Фишер (Сибирская история, СПб., 1774, стр. 3), который отождествляет Она с «Унк-ханом», т. е. противником Чингис-хана — Ван-ханом; этим объяснялась бы и двойная транскрипция имени Тайбуги: Он (Унг) и Иван (Ван). Конечно, дело идет лишь о легенде, связывающей владетелей Сибирского юрта с именем знаменитого Ван-хана. При таком толковании летописного текста мы избегаем целого ряда противоречий: Чингай или Чингис, как правильно угадывал Миллер, это исторический Чингис-хан, первоначально вассал Ван-хана («его державы от простых татар»), действительно его убивший. Князья Тайбугина рода не принадлежали, как это показал В. В. Вельяминов-Зернов, к роду Чингис-хана и возводили свой род к не менее славному кераитскому хану. Отмечу, что такое толкование вполне согласуется и с известием, имеющимся у Петра Годунова, согласно которому отец Тайбуги был убит «царем» Чингисом, т. е. Чингис-ханом, после покорения Бухары. Этому не противоречат утверждения источников Годунова, что отцом Тайбуги был казахский хан Мамык, поскольку нельзя придавать реальное значение возведению родословной сибирских беков к Ван-хану; Ван-хан мог быть фиктивным родоначальником «Тайбугина рода», этим же объясняются и хронологические несоответствия. Отмечу только, что во времена Чингис-хана казахи еще не выделились в особую орду, что произошло только в XV в. *Б.*

§ 69. Имя Сейдяк является сокращением имени Сеид-Ахмат (В. В. В е л ь я м и н о в-З е р н о в. Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. I, СПб., 1863, стр. 278; ч. II, СПб., 1864, стр. 97). Отцом его был бик (т. е. князь) Булат (в русской транскрипции Бегбулат или Бекбулат). *Б.*

§ 73. Близ Сузгунских юрт, на так называемой «Лысой горе», зарегистрировано несколько курганов и найдены черепки посуды «азиатской работы»,

шлаки, костяной оконечник, стрелы (Г о л о д н и к о в. Раскопки исторических курганов, в «Тобольск. губ. ведом.» 1882 г., № 34). Сузгунский холм по-татарски называется Сузге-Тура (В. Я. П и г н а т т и. Искер, в «Ежегодн. Тобольск. губ. муз.», вып. 25). *Б.*

§§ 74—75. Границы Кучумова царства не могут быть точно установлены. Ремезов считал конечным пунктом его на западе расположенный на Тоболе Тарханский городок, а на востоке городок Куллары на Иртыше, несколько ниже устья р. Туи (Сибирские летописи, изд. Археогр. ком., стр. 321—342). Фактически власть Кучума распространялась, условно говоря, гораздо дальше: на юге границы его владений терялись в степях Барабы, а на западе временами переходили на западный склон Уральских гор. Центром Сибирского юрта был Кашлык или Искер; вдоль берега Иртыша подступы к Кашлыку оберегались укрепленными городками (Сузгун-тура, Бицик-тура, городок на Чувашском мысе, городок мурзы Аттика, Ебалак); на противоположном берегу Иртыша был расположен город, принадлежавший Кучумову караче. От Кашлыка к юго-востоку владения Кучума тянулись вверх по течению Иртыша: в Вагайской луке, у впадения Вагая в Иртыш, стоял городок Кысым-тура, несколько выше устья Вагая городок князя Бегиша. На устье Ишима была расположена волость Соргач (Саургач), по легенде первоначально независимое царство; с Соргачем граничили владения мурзы Чангула с городком Тунусом и волости Урус, Токуз и Супра. Для охраны этих волостей был поставлен «опасный крайний» городок Куллары. Дальше Ремезов отмечает городок Ташаткан и туралинцев, живущих у Шиш-тамака. Несомненно, под властью Кучума находились татары, жившие в окрестностях будущей Тары: в Аялах и в Малом городке на Вузюкове озере и в Барабе с принадлежавшими к ней волостями (Келема, Лугуй, Люба, Кирпики, Туртас, Чоя и Терепья). Кочевавшие в низовьях реки Чик, левого притока Оби (в окрестностях Колывани), чатские татары были не столько подданными, сколько союзниками Кучума. На запад от Кашлыка владения Кучума шли вверх по Тоболу; выше устья реки Тавды стоял «город опасный Кучумов ясаула Алышая», охранявший «на Тоболе место узкое»; выше Варваринских юрт до сих пор видно татарское городище Акцибар-кале; у устья Туры около Карабанских юрт — укрепление на холме Цытырлы; несколько выше устья Туры стоял «заставный Кучумов городок», на месте которого на холме Ятман видны следы поселения; выше по Тоболу, не доходя устья Исети, стоял татарский город Явлу-тура; название «Царево городище» позволяет думать, что на месте города Кургана в свое время было тоже татарское укрепление. Территория бывшего Тюменского царства входила, повидимому, в состав Кучумова царства; по крайней мере, об этом пишет в одной из своих грамот внук Кучума — Девлет-Гирей (Сиб. прик., ст. № 455, л. 789); выше Тюмени, среди вогульских юртов, стоял город, принадлежавший «Кучумову брату»; на реке Нице находился еще один татарский городок Зубар-тура (Чубарово городище); вероятно, древнего происхождения и другие татарские городки Тюменского уезда: Кипырский, Ленский и Черноярский. На месте будущего Туринска коче-

вали «татаровя Епанча с товарищи»; впрочем, точно сказать, имеем ли мы дело с вогульским племенем, возглавлявшимся в силу завоевания татарским князьком, или с отатарившимися вогулами, нельзя; нельзя также выяснить и степень зависимости Епанчи от Сибирского царства.

Царство Кучума занимало, таким образом, треугольник, образуемый Тоболом (с Турою) и Иртышом (с Омью). К северу от этого треугольника татарские владения тянулись узкой полосой по обоим берегам Иртыша, прорезая землю, населенную остяками и вогулами. Граница татарских волостей в XVII в. определялась рекою Туртасом (Путешествие Спафария, изд. Арсеньевым, стр. 34—35). Есть некоторые признаки продвижения татар на север вверх по течению Тавды: в XVII в. упоминается между Тоболом и Тавдой «остров займище царя Кучума» и «татарское городище» на самой Тавде, у впадения реки Бизик (Буцинский. Заселение Сибири, стр. 124). Таковы татарские волости, которые с некоторой степенью вероятности могут быть отнесены к улусу Кучума. Однако, власть сибирских ханов распространялась за пределы земель с татарским и отатарившимся населением. Сибирские ханы собирали ясак «со многих низовых язык», т. е. с живших по нижнему течению Оби. Ремезов называет в числе подручников Кучума «кондинских (вероятно, кодских) и обдоринских (обдорских) князей». В другом направлении власть Кучума распространялась на вогульские племена, жившие вдоль пути Турою за Урал на Каму, даже на европейской стороне Уральских гор. *Б.*

§ 84. Известие Абулгази о потере Кучумом зрения подтверждается грамотой Кучума Тарским воеводам, напечатанной в СГГД, т. II, № 66, в которой он просит о возвращении ему из рухляди бухарских послов, ехавших к нему, «одного вьюка конского» с лекарствами; «очи у меня были больны, — пишет Кучум, — и с теми послы были зелья, да и роспись тем зельям с ними ж была». *Б.*

К главе второй

§. 4. Рукописи Библиотеки Академии Наук в последующие годы XVIII—XX вв. несколько раз получали новую нумерацию, причем не всегда удается установить старый шифр, который предшествовал при описании рукописи тому новому, который те же рукописи имеют в настоящее время. Упоминаемые в этом параграфе «книги степенные» под №№ 12—14 имеют в настоящее время шифр Отдела рукописной книги Библ. Акад. Наук: 32. 8. 1; 32. 8. 6 и 32. 8. 4. *А.*

§ 6. Догадка Миллера о том, что мы имеем дело в конце XV в. с одним походом на Югру, а не с двумя, повидимому, правильна. Поход под начальством князя Петра Ушатого, князя Семена Курбского и Вас. Заболоцкого-Бражника (иначе Вас. Ив. Гаврилова) датируется в различных разрядных

книгах разно: в разрядной книге, опубликованной П. Н. Милюковым (Древнейшая разрядная книга, М., 1901, стр. 22) посылка воевод относится к 7007 г. (1 сент. 1498—1 сент. 1499); то же в степенных книгах, на которые ниже ссылается Миллер; в разрядной книге, использованной Миллером (Библиотека Академии Наук СССР, 32. 5. 1., лл. 42 об. — 43) — к 7009 г.[1] (т. е., 1 сентября 1500—1 сент. 1501 г.), то же в разрядных книгах Библиотеки Академии Наук СССР под шифром 32. 12. 18. (л. 50—50 об.) и 34. 3. 2. (л. 13). Архивная разрядная книга, на которую ссылается Карамзин (История Государства Российского, т. VI, СПб., 1819, прим. 462), помечала поход, повидимому, 1499 г. (7008?), причем текст, судя по отрывку, помещенному им в примечании, совпадал с текстом использованной Миллером книги, датирующей поход 1500—1501 годом. Не подлежит сомнению, таким образом, что дело идет об одном походе. Разногласия в хронологии объясняются тем, что поход, начатый летом, завершился только к весне следующего года. Можно с уверенностью локализировать его во времени либо к 1499—1500 г., либо к 1500—1501 г. *Б.* — Из разрядных книг Отдела рукописной книги Библ. Акад. Наук ко времени работы Миллера могут быть отнесены следующие: 32. 5. 1, 34. 3. 2. и 32. 12. 18. Установить, каким рукописям, хранящимся ныне в Отделе рукописной книги Библ. Акад. Наук, соответствуют «степенная № 15 и два летописца №№ 7 и 8», не удалось; вероятно, «степенная № 15» — 32. 8. 2. («№ 5, Остерман»). *А.*

§ 8. Слова Миллера о том, что Исаак Масса напечатал свое известие в 1609 г., основаны, видимо, на заглавии первого голландского издания трудов Массы о Сибири 1612 г., которое в переводе на русский язык гласит следующее: «Описание страны самоедов в Тартарии, недавно приобщенной к Московскому государству, переведенное с русского языка в 1609 году»; впрочем, Миллер пользовался перепечаткой известия Массы у Витзена, который также повторил в своем труде указание, что в 1609 г. «Массой было переведено с русского и издано описание дорог и открытия Сибири». Позже в гл. VII «Истории Сибири» (Ежемесячн. соч. 1764, № 3, стр. 197) Миллер внес поправку в дату труда Массы, но последний исследователь этого вопроса, М. П. Алексеев (Сибирь в известиях зап.-европ. путешест. и писателей, т. I, Ирк., 1932, стр. 244—246), считает прежнюю дату 1609 г. «очень правдоподобной». — Страницы 826—829 труда Витзена переведены в книге А. А. Введенского «Торговый дом XVI—XVII вв.», Л. 1924, стр. 160—163. *А.*

§ 9. Вопросу «происхождения Строгановых» посвящена специальная работа А. А. Введенского, напечатанная в журнале «Север», кн. II, 1923, и отдельно, в которой он оспаривает мнение о новгородском их происхождении. Отдавая должное остроумию ряда доводов автора в пользу московского происхождения Строгановых, приходится отметить одну существенную

---

[1] У Миллера опечатка — 7109 г., исправленная в нашем издании.

ошибку, допущенную им. Он утверждает, что у Витзена нет известия о выходе Строгановых из Новгорода, и что это известие приписывается ему Миллером неправильно. Однако, у Витзена сказано определенно про Ермака: «ishy gekomen ter plaetze alwaer een Strogonof wooden; deze man war gebortig van Novgorod» (изд. 1785, стр. 717). Сам Витзен почерпнул это известие из «Описания новые земли Сибирского государства», составленного в 1683—1705 гг., в котором сказано: «А тот мужик Строганов породою новгородец, посадцкой человек, иже от страха смерти и казни великого государя царя Иоанна Васильевича всеа Росии самодержца из Новаграда убежал со всем домом своим в Зыряны, сиречь в Пермь Великую» и т. д. (Сибирские летописи, стр. 368—369). Итак, мы имеем дело с литературной традицией XVII в., а не с вымыслом Миллера. Наоборот, легендарный характер известия о Спиридоне, давшем прозвище всему роду Строгановых, вскрыт А. А. Введенским в достаточной мере убедительно. *Б.*

Грамоты, данные Строгановым в XVI—XVIII вв., находившиеся в «фамильном архиве» Строгановых, когда работал над ними Миллер, оказались впоследствии в разных хранилищах. Довольно полная опись их была составлена Ф. Волеговым и напечатана в «Пермском крае», т. 3 (Пермь, 1895), стр. 149—175; в этом «хронологическом реестре разных документов и случаев, относящихся до истории о Строгановых» указаны хранилища, где эти грамоты, по сведениям Волегова, находились в его время. В настоящее время те грамоты, которые были в «Главном Ильинском правлении» (о них в статье А. А. Введенского в журн. «Дела и Дни», I (1920), стр. 368) вывезены в Москву и находятся в ГАФКЭ в фонде «Строгановских дел» (карт. 24); грамоты «СПб. дома Строгановых» частью поступили еще до 1917 г. в Рукописное отделение Библ. Акад. Наук (так наз. Шуваловское собрание), а ныне находятся в Институте истории Академии Наук, другая часть в количестве 8 грамот — в частности, грамота на Тахчеи (см. приложение № 5) и грамота 1692 г., известная по своему художественному оформлению и напечатанная Н. Устряловым (Именитые люди Строгановы, СПб., 1842) — хранятся в Ленинградском отделении Центрального исторического архива, и, наконец, 56 грамот из того же собрания поступили в 1934 г. в ГАФКЭ. Одна из Строгановских грамот (1562 г. мая 18—у Волегова, на стр. 150) оказалась в б. собрании Н. П. Лихачева, ныне Сектора вспомогательных исторических наук Института истории Академии Наук. Упоминаемые Миллером грамоты, не вошедшие в его приложения, позже были напечатаны: 1) грамота 1517 г. апреля 9, содержание которой Миллером приведено неточно, напечатана в «Акт. Археогр. экспед.», т. I, № 163, стр. 132—133, как говорит А. А. Введенский, неисправно (Происхождение Строгановых, Вологда, 1923, стр. 20, примеч.); 2) грамота 1610 г. февраля 20 (у Миллера ошибочно 1607 г.) Андрею Строганову не напечатана (хранится в подлиннике в Институте истории Акад. Наук), но аналогичная того же года мая 29 Петру Строганову издана в СГГД, т. II, № 196 (в тот же день

дана была подобная же грамота Максиму Строганову, которая хранится в списке в том же Институте истории). *А.*

§ 10. Упоминаемая здесь рукописная книга, так наз. Титулярник, издан в т. XVI «Древн. Российской Вивлиофики» (изд. 2, стр. 86—251); издание это с пропусками и весьма неисправно, другие рукописи Титулярника 1676 г. имеются в Отделе рукописной книги Библ. Акад. Наук (шифр 32. 3. 1) и в собрании Института истории Акад. Наук (№ 20). Часть Титулярника — «каковы которого государя их государские персоны и гербы» издана Археологическим институтом под названием: «Портреты, гербы и печати Большой Государственной книги 1672 г.» СПб., 1903, in f°. *А.*

§ 11. Грамота 7065 г. дошла до нас в списке XVII в. со многими «описками», если следовать терминологии Миллера. Он напечатал ее без всяких попыток внести исправления в ее текст, хотя правильно, в связи с концом грамоты — ср. в грамоте в конце: «...Югорским князем и югричем...» — понимал под «Юсерской» — Югорскую землю. Последующие историки пробовали истолковать неизвестные из других источников географические термины этой грамоты. Так, А. Х. Лерберг в исследовании «О географическом положении и истории Югорской земли» («Исследования, служащие к объяснению древней русской истории», перев. Д. Языкова, СПб., 1819, стр. 7—8) толковал «Сорскордо» как испорченное «Сургут» и «Сорыкатцкая земля» как Сургутская земля, а «Заказамская», как «Закамская». С последней догадкой можно согласиться, понимая «Закамская», правда, в слишком широком смысле земель, находившихся за Камою. Вопрос же о Сургуте связан вообще с вопросом о местоположении Юсерской-Югорской земли, упоминаемой, напр., в известии о походе 1483 г. (Архангелогор. летописец, М., 1781, стр. 160) — «... пошли вниз по Тавде реке мимо Тюмень в Сибирскую землю... а от Сибири шли по Иртышу реке вниз воюючи, да на Обь реку великую в Югорскую землю, и князей Югорских воевали»; более подробные сведения в работе С. В. Бахрушина «Остяцкие и вогульские княжества в XVI — XVII вв.», стр. 3 и сл. Если «Çорскордо» или «Оркордо» не Сургут, как думает Лерберг, то он во всяком случае находился в Югорской земле на р. Оби. Толкование Лерберга встретило возражения со стороны А. А. Дмитриева («Пермская Старина», в. V — Покорение Угорских земель и Сибири, Пермь, 1894, стр.78—53), который предлагал читать соответствующее место грамоты 1556—57 г. так: «в Югорскую землю Заказымского (князя), в Шоркар, князю Певгею и всем князьям Шоркарские земли», где Шоркар — остяцкий городок на правом берегу Оби, в 160 в. от Березова, на территории, входившей в состав «Кодских городков» (Шоркарские юрты); Шоркар разумеется под созвучным «Оркордо» или «Сорскордо», находившемся, по догадке А. А. Дмитриева, по дороге из Пустозерска, за Казымом, т. е. за заставой для сбора ясака в городке Казымском (см. грамоту 1607 г. в РИБ, II, № 77). В сущности, являясь развитием мыслей Лерберга, соображения А. А. Дмитриева не лишены значения, так как и он говорит о тер-

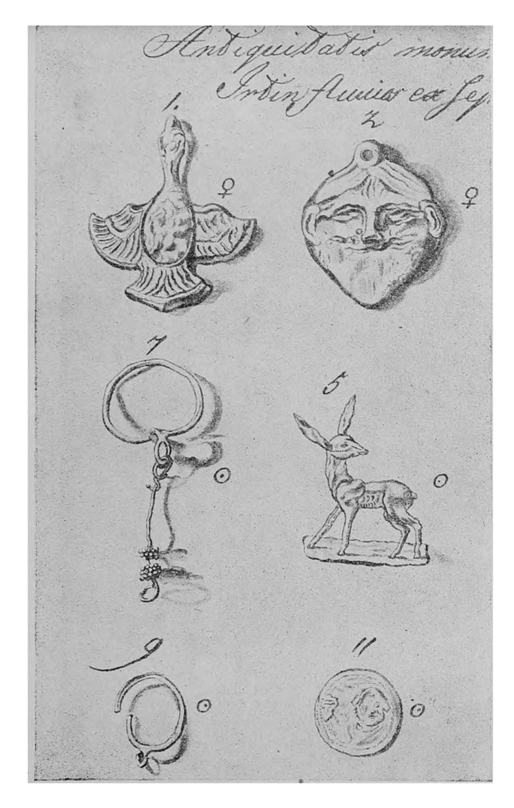

Рис. 24. Рисунки предметов древности, найденных в могилах между Обью и Иртышом. (Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 39/55.)

ритории по реке Оби, где, вероятно, находились эти «Оркордо», «Сорскордо» и «Сорыкитцкая земля», о которых говорит список грамоты 1556—57 г. С. В. Бахрушин в упомянутой выше работе совсем не касается вопроса об этой грамоте.

С дипломатической точки зрения текст грамоты 1556—57 г. обращает на себя также внимание выражением: «... на вас послать рать своя и вострая сабля», не встречающемся в других современных грамотах XVI в. На основании описания печати, которая была приложена к подлинной грамоте («на шелковом мутовозе сребренная и вызолочена, а на печати великого государя Иоанна Васильевича в лице орел двоеглавной с коруны, а позади той печати чеканено: Великий царь и великий князь Иоанн Васильевич»), можно думать, что грамота представляла золотую буллу, которые в практике того времени известны по переписке с Кучумом 1571 г. (СГГД, т. II, стр. 64). Имеющиеся в описании печати несомненные неточности (напр., в передаче титула на печати) заставляют вообще считать, что легенда при списке едва ли дает правильное описание внешнего вида печати. Снимки печатей, современных грамоте 1556—57 г., см. в сборнике «Снимки древних русских печатей», вып. I, М., 1882, табл. 9, 13 и др., и в СГГД, т. II, стр. 65.

В приложении № 1, кроме исправления очевидных описок — напр., «в опале и в проторжи» (продаже), «а ся... грамота жалованная и описная» (опасная), текст при иной пунктуации его повторяет текст списка в портф. Миллера № 127, тетр. 11. В начале XIX в. имелся второй экземпляр этого списка (список со списка?), в рукоп. отд. Библ. Акад. Наук (по описанию Соколова, стр. 23, № 89), ныне утерянный. *А.*

§ 12. «Степенная в Академической библиотеке под № 12» имеет теперь шифр: 32. 8. 1. *А.*

§ 15. Из этих трех грамот в подлиннике использована только третья — 1574 г. мая 30 на земли в «Тахчеях», местоположение которых все еще считается неустановленным (сводку мнений о местоположении Тахчей см. у М. П. Алексеева, Сибирь в извест. зап.-европ. путешеств. и писателей, т. I, Ирк., 1932, стр. 159—160). *А.*

§ 18. Меметкул (Маметкул), или правильнее Мухаммед-Кули, сын Алтаула, не был братом Кучума, как пишет Миллер, а его племянником, как это доказал В. В. Вельяминов-Зернов (Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. III, СПб., 1866, стр. 48—54). *Б.*

О более раннем (1571 г.) посольстве сына боярского Третьяка Чебукова в Сибирь к «царю Кучуму» см. заметку Н. П. Лихачева, Посылка в Сибирь Василья Чебукова, в «Изв. Русск. генеал. общ.», в. 1, СПб., 1900, отд. I, стр. 162. О Казахской орде и о сношениях русских с казаками (казахами) см. в примечаниях к статье Миллера «О песошном золоте...» в третьем томе «Истории Сибири». *А.*

§ 21. Рассказывая в 1753 г. о своей поездке в Пыскорский монастырь в декабре 1742 г., Миллер замечает, что когда Строгановы начали заселять те места русскими жителями, «то найдены остатки старинного города, который

имел двойное звание — пермское и зырянское: назывался он Канкарра, ибо думали, что в прежние времена некоторый хан живал в нем; именовался же он Пыскаррою, которое имя в большем употреблении было, а почему, оное неизвестно. По многим именам, коими местечки по реке Оби называются и которые кончаются на карра, можно добраться до сего зырянского слова: оно значит или город, или укрепленное место, или следы и остатки такого места, и может быть не погрешим, когда положим, что то старинный северный град был, как напротив сего слова гарден и каррад в некоторые самоедские языки вошли с языка зырянского... Местечко Канкарр или то же самое Пыскарр... городок потом учинилось», ср. далее: «...урочище Кергедан, которое тако ж и Орлом называется» (Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 63, гл. 14, л. 14, 15). — Упоминаемая в этом параграфе жалованная грамота 1564 г. января 2 напечатана в «Доп. к Акт. ист.», т. I, № 117... по подлиннику, ныне хранящемуся в Кабинете вспомогательных исторических наук ЛОЦИА; текст ее в начале является буквальным повторением грамоты 1558 г. апреля 4, подлинник которой надо считать теперь утерянным (его не было уже в 1922 г. — см. выше примеч. к § 9). — Родословие Строгановых с XIV до начала XVIII в. у А. А. Дмитриева, Пермская старина, II, Пермь, 1890, прилож. к стр. 69; см. также Д. Кобеко, Крестьянская ветвь рода Строгановых, в «Изв. Русск. генеал. общ.», III, 1909, стр. 67—77. *А.*

§ 22. Хронология похода Ермака является одним из наиболее запутанных вопросов сибирской историографии. Летописная традиция в этом отношении не дает вполне точных данных. В протографе момент прибытия Ермака в Сибирь определяется 7089-м годом, а поскольку последующие события развертывались в октябре, то по нашей эре надо считать 1580 г. Остальные годы, судя по Синодику и по Строгановской летописи, пользовавшихся протографом, определялись описательно: «того-же лета», «тое-же зимы», «на второе лето», «на второе лето по Ермакове убиении» и т. п. Зато сообщаются точные числа дней и месяцев (23 октября — бой под Чувашевым, 25 — взятие Искера, 5 декабря — избиение казаков под Абалаком, 5 августа — смерть Ермака, «на второе лето по Ермакове убиении, после Семена дни» — приход Ив. Мансурова). Есиповская летопись, пользовавшаяся тем же протографом, механически переводит описательные выражения своего источника на соответствующие годы, исходя из 7089 года, причем год прибытия Болховского в Сибирь «на второе лето по взятии Сибири» получился 7091 г. (вернее было бы 7090), т. е. между сентябрем 1582 и сентябрем 1583, а год смерти Ермака — 7092 (1584). Позднейшие даты (прибытие Вас. Сукина в 7093 г. и Данилы Чулкова в 7094 г.) установлены Есиповым самостоятельно, вероятно, на основании данных Тобольской приказной палаты. Автор Строгановской летописи такой работы по уточнению хронологии не произвел, но в его руках были царские грамоты Строгановым, откуда он почерпнул следующие даты: 15 июля 7080 (1572) г. — приход «воровской черемисы», 20 июля 7081 (1573 г.) — нападение Махмет-Кула и 1 сентября 7090 (1581) г. — нашествие пелымского князя. Неизвестно, откуда заимствовала Строгановская летопись

следующие даты: «слышаху Строгановы о Ермаке» 6 апреля 7087 (1579) г., приход его на Чусовую — 28 июня 7087 (1579) г., набег мурзы Бегбелия 22 июня 7089 (1581) и прибытие казаков в Сибирь 9 сентября 7090 (1581) г. Возможно, что в руках составителя Строгановской летописи были недошедшие до нас царские грамоты; правдоподобность такого предположения подтверждается находкой А. А. Введенским нескольких новых грамот в архиве села Ильинского б. Пермской губернии (ГАФКЭ, Строгановские дела, картон 24). В итоге мы даже не можем установить точно год похода. Протограф давал 7089, т. е. 1580 г., для начала похода, Строгановская — сентябрь 7090 г., т. е. 1581 г., и соответственно должны передвинуться все последующие даты похода. Еще большую путаницу вносит сравнение с царскими грамотами. Если известная опальная грамота от 16 ноября 1582 г. («Доп. к Акт. ист.», т. I, № 128 и приложение № 7 в настоящем издании) совершенно определенно говорит об одновременности нападения пелымского князя на «Пермские места» и выступления Ермака, посланного «воевать вотяки и вогуличей и Пелымские и Сибирские места»: то и другое имело место 1 сентября. Поскольку грамота помечена 16 ноября 7091, т. е. 1582 г., можно полагать, что набег пелымского князя и выступление Ермака имели место в этом году. Однако, другие грамоты дают иную датировку нападения вогульского князя. В царской грамоте от 6 ноября 1581 г. («Доп. к Акт. ист.», т. I, № 126; приложение № 6 в настоящем издании) говорится: «ныне де пелымской князь с вогуличи стоит около Чусовского острогу». Наконец, в грамоте, от 20 декабря 1581 г. опубликованной А. А. Введенским (Торговый дом XVI—XVII вв., Л., 1924, стр. 62—63), говорится: «в прошлом-деи 89-м году воевали их слободы Чюсовую да Сылву Чюсовские вогуличи. А ныне-деи 90-го году о Семене дни (1 сентября) приходил Пелымской князь [с] ратью, а с ним людей 700 человек, и их-де слободки на Койве, и на Обве, и на Яйве, и па Чюсовой и на Сылве деревни все выжгли, и людей и крестьян побили, жон и детей в полон поимали, и лошади и животину отогнали». Итак, поход пелымского князя имел место в сентябре 1581 г. С этим совпадает известие Строгановской летописи о набеге в июле 1581 г. «безбожного» вогульского мурзы Бегбелия Агтакова под Чусовские городки и под Сылвенский острожек, во время которого «села и деревни попленища и пожгоша и в полон многих людей, мужей и жон и детей, поимаша» (Сибирские летописи, стр. 9). Примирить известия о походах пелымского князя 1581 и 1582 гг., которые оба приурочиваются к 1 сентября — нелегко. Миллер разрешил задачу тем, что принял за доказанное, что имели место два самостоятельных похода. Если так, то из прямого свидетельства грамоты 16 ноября 1582 г. следует, что Ермак именно в этом году выступил в поход. Трудность принятия этого решения заключается в том, что не позже лета 1583 г. из Москвы уже послан был на помощь Ермаку кн. С. Д. Болховской; следовательно, приходится принять, что Ермаку удалось, выйдя из Строгановских городков в сентябре, дойти до Искера, взять его и уведомить о том царя в течение одной зимы 1582—1583 г., что неправдоподобно. Другое разрешение вопроса предла-

гает А. А. Дмитриев (Пермская старина, в. V, Пермь 1894, стр. 149—162). Он высказывает мнение, что в грамоте 1582 г. идет речь о сентябрьских событиях 1581 г., о которых Пелепелицын сообщил в Москву с комментариями, неблагоприятными Строгановым, только летом 1582 г., потому что до декабря 1581 г. главным воеводой в Перми был не он, а кн. Елецкий, покровительствовавший Строгановым. Мне кажется, что весь этот эпизод не требует столь сложного объяснения. Поход вогуличей, вероятно, надо отнести к осени 1581 г., и к этому же времени надо отнести выступление казаков. Если принять общепринятое мнение, что поход Ермака растянулся до следующего лета, то можно легко предположить, что сведения о нем достигли Перми лишь в конце лета 7090 (1582 г.), и Пелепелицын спешно сообщил об этом в Москву, напоминая кстати об опасности, которая еще в сентябре того же 7090 г. (1581 г. н. э.) грозила Перми. *Б.*

§ 27. Вопрос о роли Строгановых в деле завоевания Сибири имеет очень большую литературу (см. историографию у А. А. Введенского, Торговый дом XVI—XVII вв., Л., 1924 ,стр. 20). В настоящее время спор о том, кто является инициатором похода в Сибирь: сам Ермак или Строгановы, имеет чисто историографический интерес. Несомненно, что организаторами похода были Строгановы, которые «из своих пожитков» казаков «всякими заводы и запасы ссужали» и их «удоволиша» «мздою и одеянием ратным, оружием воинским и запасы многими... и вожей ведущих той Сибирской путь и толмачей бусурманского языка им даша». С своей стороны казаки им «перед богом обеты даша и слово свое даша»: «аще бог доправит путь наш в добыче и здрави имамы быти, заплатим и наградим по возвращении нашем» (Сибирские летописи, стр. 11, 44, 68, 84, 314—315; Доп. к Акт. ист., т. VI, № 67). Отношения между Строгановыми и участниками экспедиции складывались, повидимому, на тех же основаниях, что и отношения между предпринимателем и его покручениками на промыслах: Строгановы снабдили их «ужиною» из доли в добыче (см. С. В. Бахрушин, Покрута на соболиных промыслах XVII века, в сборнике «Труд в России» 1925 г. № 1). На аналогичных условиях организовывались и впоследствии торговыми людьми военно-промышленные экспедиции, например, экспедиция Ярофея Хабаровав Дауры. *Б.*

§ 42. Легенда о брошенных Ермаком судах уже включена в Кунгурскую летопись, вошедшую в состав Ремезовской летописи: «И дошед Серебренки, идоша и тяжелые суды покинуша на Серебренки,и легкие суды таскали через волок на Тагил реку... И те старые (суда), где они лежат, сквозь их дна деревья проросли» (Сибирские летописи, стр. 314). О том, что «инии-жь суды на волоку покинуша», упоминает и другой летописный источник (там же, стр. 316). Любопытно, что Ремезов в своем атласе, на соответствующей карте, сделал надпись у реки Серебрянки: «лежат суды Ермаковы». *Б.*

§ 46. Эпизод завоевания Тюмени Ермаком сомнителен. Известие об этом отсутствовало в протографе, послужившем источником для древнейших летописей Есиповской и Строгановской. Оно имеется только в позднейших повестях: в повести, вошедшей в состав «Описания новые земли Сибирского

государства», составленного после 1683 г., и в летописном отрывке, внесенном в Ремезовскую летопись. В первом случае мы имеем лишь краткое сообщение, имеющее целью связать историческое повествование с росписью пути «с Москвы» — «рекою Ницею, и рекою Тоболом, и рекою Иртышем мимо Тюмени с уезды и мимо Сибирского царства Тобольска» и т. д.: « И с тех мест теми ж реками Верхотуркою, Исетью (Исеть и Верхотурка упоминаются в росписи пути) Ницею и Пелыпкой, Тоболом доиде до города Тюмени, и город Тюмень с уездом атаман Ермак с дружиною своею храброю войной взял и покорил великому государю» (Сибирские летописи, стр. 370 и 371). Зато в Ремезовской летописи рассказ осложнен борьбой с эпонимом города Тюмени (Чингида, Чинги-тура) — царем Чингисом: «и августа в 1 день взяша град Тюмень, еже Чингида, и царя Чингыза убиша, и многие припасы и богатства взяша» (там же, стр. 318). Как правильно указывает Миллер, под именем Чингиса, упоминаемого русскими повестями, трудно предполагать кого-либо иного, кроме создателя Монгольской державы, который умер более чем 350 лет перед походом Ермака. Поэтому Миллер при рассказе о взятии Тюмени Ермаком предпочитает умолчать об имени тюменского царя и ограничивается догадкой, что дело идет о каком-нибудь татарском мурзе. Умолчание о Тюмени в протографе и фантастический характер рассказа о Чингисе дают повод считать этот рассказ сочиненным и думать, что ко времени прибытия Ермака древнетатарская столица Чинги-тура лежала в развалинах, и русская Тюмень была построена на месте «где п р е ж д е бывал град Тюмень», «и создаша на том г о р о д и щ е в Сибири первый град и назваша его по старому имени Тюмень», как сказано в «Новом летописце (Врем. Общ. ист. и древ. рос., т. XVII, стр. 23). Любопытно отметить, что татарская легенда не помнит ни одного мавзолея в Тюмени, хотя они упоминаются даже в очень незначительных пунктах, как Тебенда, Супра, Карагай. Это косвенно подтверждает догадку, что Тюмень рано пришла в упадок и утратила свое значение ко времени торжества ислама в Сибирском царстве. Территория бывшего Тюменского царства входила, повидимому, в состав царства Кучума. По крайней мере, внук Кучума, Девлет Гирей, заявляет по поводу «чимкисских людей», т.-е. тюменских татар (в грамоте Тюмень названа старым татарским именем «Чимгисский город»): «и ведомо тебе, государю, самому, что тот улус отца моего и деда» (Сиб. прик., ст. № 455, л. 789). *Б.*

§ 48. Вопрос о длительности похода Ермака от момента отъезда из Строгановских вотчин до взятия столицы Кучума не может быть точно разрешен на основании летописных источников. Протограф, которым пользовались Есиповская и Строгановская летописи, не давал, повидимому, точных указаний на этот счет. И Есиповская, и Строгановская летописи полагали, что Ермак, выступив в поход в сентябре, 26 октября уже взял Искер. Иную датировку дает второй источник, которым пользовался Ремезов, помимо сочинения Есипова. Хронология в смысле годов у Ремезова там, где он руководствуется Есиповым, полна ошибок: например, посылка Махмет-Кула в Москву к царю Федору, вступившему на престол в марте 1584 г., отнесена к 1582 г. Поэтому

на ней останавливаться не приходится. Зато чрезвычайно любопытны числовые даты, заимствованные из неизвестной летописи. Выходит, что поход продолжался не два неполных месяца, а целый год: зимою Ермак воевал «Пелымские уезды», «весне же, пришедши водополью», выступил в дальнейший поход; 1 мая поплыли вниз по Тагилу, 9 мая плыли по Туре. (В промежутке сообщается из другого источника, что казаки взяли Тюмень 1 августа; вставка в этом месте нарушает последовательность рассказа и совершенно очевидна.) 22 июня достигли Караульного яра; 21 июля имел место бой с Махмет-Кулом в Бабасанах; 1 августа взят «град Карачин», в котором казаки стояли до 14 октября; 1 октября происходит первый бой под Чувашевым и 23 октября вторичный бой под Чувашевым; 24 октября имеет место бегство остяков, а 25-го бегство самого Кучума; 26 октября казаки вступают в столицу Кучума. Из этих дат две даты были заимствованы из Есиповской летописи — дата сражения под Чувашевым (23 октября) и вступления в г. Сибирь (26 октября). Легко убедиться, что датировка Чувашевской битвы во втором источнике Ремезова была иная, чем в Есиповской летописи, и в результате попытки согласовать показания обеих летописей явилось удвоение рассказа, и казаки дважды выступают из Аттикского городка 1 и 23 октября, причем в обоих случаях сражению предшествует размышление казаков о том, продолжать ли поход или вернуться назад; доказательства в пользу последнего решения разбиты пополам. Несмотря на указанные противоречия, вся последовательность событий так правдоподобна, что большинство исследователей, начиная с Миллера, кладут в основу истории похода Ермака изложение Ремезова, и надо признать, что в пользу этого есть большие основания. С другой стороны, растяжение событий на целый год еще более усложняет вопрос о хронологии, который в целом едва ли может быть окончательно решен на основании одних летописей с их условными расчетами.

§ 50. Выше Варваринских юрт сохранилось до сих пор городище Акцибаркала с круглым валом и двумя предстенными укреплениями, тоже защищенными валом и рвом. Крепость эта, вероятно, служила названным в тексте мурзам замком на случай нападения (см. С л о в ц о в, Материалы для распределения курганов и городищ в Тобольской губ., в «Изв. Томского унив»., 1890, II). О судьбе мурзы Майтмаса у нас имеются точные сведения: Майтмас Ачекматов при первом тюменском воеводе Вас. Сукине стал служить московскому царю; участвовал в ряде экспедиций и сражений, ставил три города — Тобольск, Тюмень, Тару; ходил на Кучума, на калмыков, на царевича Али и т. д.; в 1617 г. был «головой» тюменских служилых татар и получал 12 руб. и по 2 чети хлеба и овса годового жалованья. Его сыновья — Мургач, Надыш, Шугур и Кутайгул, после смерти отца, продолжали нести «государеву службу» (Сиб. прик., кн. № 14, л. 233, кн. № 11; РИБ., т. II, №№ 42, 115, 159. Доп. к Акт. ист., т. III, №№ 46, 51). *Б.*

§ 54. В немецком тексте Saussan — очевидная опечатка вместо Taussan. В различных летописных списках это имя читается обычно Таузак, реже Таузан, в виде исключения Тасуин. *Б.*

§ 60. Карача (вернее — карачи) не есть имя, как это понимает Миллер, — это звание. Абулгази производит это слово из узбекского языка: «смотри, доноси без малейшей лицеприязни обо всем хорошем и обо всем дурном, обо всяком, кто бы ни пришел или кто бы ни ушел». Отсюда В. В. Вельяминов-Зернов выводит значение слова «карачи» — «слуга верный и преданный». Однако, значение его несколько уже. Карача — высший сановник и советник хана, его «думчий», по русскому выражению (Сибирские летописи, стр. 20), «consiliarius et praecipuus officialis», по терминологии Мартына Броневского, человек, чьим «consilio in rebus gravibus (reges Tartarorum) potissimum utuntur», по Герберштейну. Это звание мы встречаем при дворах ханов крымских, казанских, касимовских и сибирских, также у ногайских князей. В Крыму этим званием наследственно были облечены старшие представители нескольких наиболее знатных княжеских родов (Ширин, Барын, Аргын, Кипчак и других). Такой же порядок, повидимому, существовал и в Казани. См. В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. II, СПб., 1864, стр. 411—437; Ф. Ф. Лашков, Исторический очерк крымско-татарского землевладения, в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии», №№ 22и 23. *Б.*

§ 70. Витзен во 2-м издании своего труда «Noord en Oost Tartarye», вышедшем в 1705 г., поместил обширную повесть о взятии Сибири Ермаком (изд. 1785 г., т. II, стр. 736—740), которая является почти дословным переводом повести, вошедшей в состав «Описания земли Сибирского государства» (напечатано в издании Археографической комиссии: Сибирские летописи, стр. 367—397). Время составления «Описания» в целом датируется между 1683 и 1705 г. (есть повод думать, что не позже 1692 г.).Подробнее об этом см. С. В. Бахрушин, Очерки по истории колонизации Сибири, вып. I, М., 1928, стр. 30—33, 180—188. *Б.*

§ 76. Сведения о городище Искере и о результатах раскопок на нем см. у В. Я. Пигнатти, Искер (Ежегодн. Тобольск. губ. муз. вып. 25). Он же опубликовал в «Ежегодн. Тобольск. губ. муз». каталог находок, сделанных в Искере. См. также М. С. Знаменский, Исторические окрестности города Тобольска, Тюмень 1905; А. А. Дмитриев, Кучумов Искер на Иртыше, в «Изв. О-ва археол., ист. и этногр. при Казанском унив.», т. XVI, вып. 3. *Б.*

§ 81. Татарское кладбище на Саускане продолжало существовать в XVII в. В 1662 г. в Тобольске были биты кнутом татарин Канайко Бачиев и русский служилый человек Левка Хворов за то, что они ходили «на татарское кладбище в Сausканскую луку грабить могилы» (Сиб. прик., ст. № 815). На месте кладбища найдены два надгробных камня: один над могилой мурзы Бакая 1084 г. магометанской эры (1673), другой 1112 г. На Саусканском кладбище хоронили еще в начале XX века (см. статью В. Я. Пигнатти, Искер, в «Ежегодн. Тобольск. губ. муз.», в. 25). *Б.*

§ 83. Слово ясак (яса) означает собственно уложение, устав, закон (Чингисханова яса); отсюда производное значение: все что уставлено, уло-

жено, установленный военный сигнал, установленная обязательная дань. Ясак, как обязательная дань, рассматривался как признак подданства и отличался от поминков, фиктивно-добровольных приношений. Русские унаследовали ясак от татарских завоевателей: так, после завоевания Казани, они продолжали взимать ясак с туземцев, как при казанских ханах. Точно так же и в Сибири татарские ханы собирали ясак с коренного населения, и в этом отношении русским оставалось только продолжать их практику. Ясак собирался преимущественно пушниной, но, в виде исключения, имели место случаи сбора ясака скотом, железными изделиями, рыбой и т. д.

При сборе ясака мехами первоначально размеры его определялись количеством соболиных шкурок, причем общей определенной нормы установлено не было. Брали либо по усмотрению администрации, либо сколько было уговорено при покорении племени. Поэтому в каждом уезде существовала своя норма ясака. По мере истребления соболя соболиные шкурки заменялись другими мехами, из определенного расчета. Но так как ценность шкурок была различна, то очень скоро правительство перешло на денежные единицы: каждый ясачный человек должен был поставить пушнины на определенную сумму; эта система некоторыми исследователями, напр., В. И. Огородниковым, была ошибочно понята, как переход на денежный ясак. Замена ясака натурой деньгами допускалась лишь в виде исключения и крайне неохотно для бедняков, не бывших в состоянии промышлять пушного зверя. В принципе от ясака были освобождены малолетние, старики и увечные. Фактически не только старики, но даже умершие не выкладывались из оклада, пока факт их смерти или дряхлости не был заверен «дозором», т. е. обследованием, какое-то время от времени производилось администрацией. Подростки не сразу начинали платить полный ясак и лишь постепенно уравнивались с взрослыми. В некоторых уездах делалось различие между женатыми и холостыми ясачными людьми; последние платили вдвое меньше женатых, так как не имели помощи со стороны семьи.

Ясак мог быть окладным и неокладным. Окладным назывался ясак, который собирался с каждого ясачного человека по определенному окладу, для чего предварительно составлялись именные ясачные книги, с точным указанием того, сколько соболей или на какую сумму всякой мягкой рухляди платит каждый поименованный в них ясачный человек. Но в ряде случаев такого именного списка ясачных людей было сделать невозможно, особенно когда дело шло о кочевых народах тундр и звероловах тайги; в таком случае приходилось довольствоваться тем, что приносили сами туземцы; такие поступления от «безымянных» ясачных людей рассматривались, как ясак неокладной. По мере того как «безымянные» люди попадали в более крепкую зависимость от завоевателей, неокладный ясак переходил в ясак окладный. С другой стороны, в европейских частях Московского государства ясак имел тенденцию принимать черты более правильного обложения. Так, с Пустозерской самоеди ясак в конце XVII в. взыскивался «по животам». В районе Казанского Дворца ясак собирался по размерам земельных участков, кото-

рыми владели ясачные люди, и самый термин «ясак» делается тождествен с термином «выть».

Кроме ясака, туземцы платили «государевы поминки», т. е. дополнительные, якобы добровольные, приношения. Эти государевы поминки были так же обязательны, как и основной ясак, и вносились, вместе с окладным ясаком, в «помету», т. е. в смету поступлений ясака. Поминки отличались от ясака тем, что платились не индивидуально каждым ясачным человеком, и либо «лучшими» людьми и князцами, либо от целых родов и семей, либо даже от волостей. На ряду с государевыми поминками существовали поминки воеводские и дьячьи, которые по старинному восточному обычаю платились воеводам и дьякам при взносе государева ясака. Еще до договора Едигера с Иваном IV он обязался на ряду с ясаком по соболю с человека, вносившегося в государеву казну, давать «дарожскую пошлину», т. е. пошлину в пользу сборщика дани — «даруги». Первоначально эти поминки, действительно, присваивались представителями администрации, но очень рано правительство потребовало, чтобы воеводские и дьячьи поминки вносились в казну на общих основаниях, и они превратились в лишний, дополнительный к ясаку, побор. Потеряв право на «поминки», воеводы и другие представители власти не отказались, однако, от получения от туземцев подарков «в почесть»; это было так называемое «поклонное», на взимание которого правительство смотрело сквозь пальцы.

Методы понуждения туземцев к уплате ясака были очень разнообразны. При завоевании того или иного племени с лучших бралась «шерть», т. е. присяга в том, что они не будут уклоняться от уплаты ясака. Присяга эта сопровождалась символическими магическими обрядами, которые у разных племен были разные (питье с золота, питье собачьей крови, прохождение между половинами рассеченной собаки, клятва на медвежьей голове, клятва пищей, присяга на медвежьей шкуре и т. д.). Одновременно в обеспечение правильного поступления ясака брались заложники или аманаты. Зиму аманатов держали в тюрьме или на особом аманатском дворе, а весною возили окованных по ясачным волостям. Аманаты периодически менялись. Наконец, средством побудить к уплате ясака было «государево жалованье», т. е. угощенье и дешевые безделки, как одекуй (хрустальные бусы), бисер, куски олова и т. п. Очень часто без государева жалованья нельзя было совсем добыть ясака; в некоторых случаях уплата ясака принимала до известной степени характер принудительной торговой сделки, с той разницей, что «жалованье» далеко не было эквивалентно рыночной ценности ясака.

В отношении порядка сбора ясака практика была неодинаковая. Замиренные племена сами, без аманатов, платили ясак в городе, к которому были приписаны. Их князцы приезжали в город и торжественно несли ясак в съезжую избу; им устраивался парадный прием: по пути войска стояли «в стойке», палили пушки, воевода встречал их в съезжей избе в «цветном» платье; после приема ясака устраивалось угощение. В других случаях посылались ясачные сборщики или ясатчики, т. е. служилые люди, и при них целоваль-

ники из торговых и промышленных людей для отчетности, с ними отправлялись аманаты; ясатчики приезжали в ясачные зимовья, куда к ним прибывали родовичи аманата с ясаком. При сборе ясака московская администрация пользовалась содействием племенной верхушки туземцев. «Лучшие» люди должны были «выбивать» своих соплеменников на лешню; иногда князцы сами собирали ясак со своего племени и доставляли его, как сказано, в город. См. С. В. Бахрушин, Ясак в Сибири в XVII в. («Сибирские огни», 1927, № 3, и отд.); В. И. Шунков, Ясачные люди Зап. Сибири XVII в. («Советская Азия», 1930, № 3—4). *Б.*

§ 86. Волчья дорога обычно толкуется, как дорога через волок, но вряд ли это верно. Может быть, мы имеем дело с эпическим определением дикой, доступной только волкам, дороги. *Б.*

К главе третьей

§ 14. Недоумение Миллера о двух Демьянских князьях разрешается ясачными книгами XVII в. Княжество Бояра известно в ясачных книгах под названием «городок Демьян»; здесь в XVII в. «лучшими» людьми были его сыновья Оксеит и Кармышак, так же внук Семейка Кармышаков; Ремезов на карте Березовского уезда отмечает в этом районе «Бояровы юрты». Остатки княжеств Нимньюяна надо искать в двух маленьких Верх-Демьянских волостях (Сиб. прик., кн. № 2, л. 142 об., кн. № 19, л. 37; ст. № 448, л. 417; В. И. Шунков, Ясачные люди Зап. Сибири XVII в., в журн. «Советская Азия», 1930, № 3—4, стр. 189, 191). *Б.*

§ 15. Описанный в тексте обряд остяцкого моления является, несомненно, стилизованным в христианском вкусе изображением соблюдавшегося остяками при принесении шерти и заключении договоров обычая «пить с золота воду». Обряд питья с золота описан подробно в остяцкой шерти 1484 г., напечатанной С. В. Бахрушиным (Остяцкие и вогульские княжества XVI и XVII вв., Л., 1935, стр. 86—87), и в неполном виде в «Отчете Росс. Акад. Наук по отд. матем. и ист.-фил. за 1914 г.», стр. 47: «А после того всего с золота воду пили, а приговор их так же: «кто изменить, а ты, золото, чюй». Представление о том, как пили с золота, имеется в данных о подобной же шерти у енисейских кыргызов в XVII в.: «они-де по своей вере шертью скребут золото или медь, да пьют»; в других случаях, «налив чашку вина и золота положа», пьют (см. С. В. Бахрушин, Енисейские кыргызы в XVII в., подготовляется к печати). *Б.*

Повидимому, речь идет здесь о каком-то родовом божке Иртышско-Демьянских остяков. В позднейшей этнографической литературе мы не находим никаких данных, подтверждающих существование легенды о славянском происхождении этого божка. Описываемый Миллером, со слов летописцев, магический обряд питья воды из чаши, в которой находится шайтан, сохранялся в некоторых пережитках у остяков до недавнего прошлого. В случае болезни или желания получить удачу в промысле, пили

воду с медных или серебряных денег, хранящихся в священных местах и в свое время пожертвованных родовому духу. *Н.*

§ 17. В портфеле Миллера № 509 (тетрадь 10) хранится подлинное следственное дело 1723 г. по поводу сокрытия новокрещенными остяками идолов, которое, очевидно, Миллер и имеет в виду в настоящем случае. *Б.*

§ 19. Идол Рача, вероятно, изображение одного из племенных божеств. Сведений о существовании у Иртышских остяков шайтана под этим названием в позднейших источниках не встречается. Обычай сбора приношений специально рассылаемыми по юртам шаманами сохранился до последнего времени по отношению к одному наиболее крупному божеству, почитаемому вогулами и остяками (urt, mir susue hum), являющемуся таким образом межплеменным божком. Это обстоятельство позволяет предполагать, что идол Рача мог быть почитаем не только членами одного рода, а многих родов, благодаря чему могла возникнуть потребность в разъездах шаманов по отдаленно расположенным родам с целью сбора жертвоприношений. *Н.*

§ 27. Белогорское мольбище являлось до последних лет наиболее почитаемым жертвенным местом, в котором якобы находилось местопребывание могущественного мужского духа — покровителя всех вогулов и остяков (urt, mir susue hum). Указание летописца о нахождении в этом месте «богини, которая с сыном сидит на стуле нагая», может быть объяснено тем, что, согласно остяко-вогульской мифологии, у названного духа есть мать, также одно из наиболее почитаемых божеств как вогулов, так и остяков — (Kaltas imi), местопребыванием которой являются Калтокожские юрты (севернее от Белогорья, недалеко от Березова), куда, возможно, было перенесено ее изображение после захвата русскими среднего течения Оби. *Н.*

§ 28. Сводку литературы о «Золотой бабе» см. у М. П. Алексеева, Сибирь в известиях зап.-европ. путешеств. и писат., т. I, Ирк., 1932, стр. 114—119, 139, 151, 153—154, 199—201. — Мастерков шайтан, названный, повидимому, по имени его владельца, первоначально находился в Конде и в 1720 г. был привезен в Белогорье в Шайтанщиковы юрты; по сообщению Н. П. Никольского, он до сих пор пользуется почитанием среди хантэ (остяков), причем в его лице сливаются представления и о более раннем патрональном божестве Белогорья — священном гусе и о христианской Троице. Миллер почерпнул сведения о нем, главным образом, из следственного дела 1723 г. Из него узнаем, что Мастерков шайтан был привезен новокрещенами Ионою, Микулаем и Хавдою Колыванковым, которые «держат-де того шайтана в потаях в летних юртах в лабазе, и жертвы многие ему приносят, и приклады прикладывают». «Кеушковых-де юрт Матфей приложил к тому шайтану в нынешнем 1723 г. лисицу черную, да зипун доброй.., да котел красной меди мерою округ осми пядей, да коня добра». По словам доносчика, шайтан стоял «в лесу от юрт в отдалении... в берестяной юрте, а по обе стороны стояли два кумира в подобие жен». В январе 1723 г. Хавда Колыванков ездил в Шор-

карские юрты для сбора пожертвований и получил от одного шоркарского новокрещена и от одного атлымского по лошади; кроме того, «для всяких прикладов вниз по Обе ездил» Михайло Мазарган. Привлеченные к ответу поклонники шайтана заявили: «ныне-де нам тот кумир не надобен и впредь ему служить не хотим». Кумир был взят; он стоял «в анбарце деревянном; личина обита белым железом, оболочен в платье, а по обе стороны его стояли два кумира деревянные, оболочены в подобие женское» (ГАФКЭ, портф. Миллера, № 509, тетр. № 10). *Б.*

§ 37. Описание шаманского «искусства» вогульского шайтанщика (с учетом замечания Миллера о некоторой сомнительности рассказа летописца) полностью подтверждается последующими источниками. В работах Белявского «Поездка к Ледовитому морю», Karjalainen'a «Die Religion der Ugravölker» и др. находим сведения об аналогичных «фокусах», совершаемых остяцкими шаманами. Подобного рода «искусство» распространено также среди шаманов других народов Сибири (см. Богораз, Чукчи, и др.). *Н.*

§ 40. В хронологии похода кн. С. Д. Болховского, как ее дает Миллер, не все бесспорно. Он принимает за достоверное показание Ремезова, что Болховской, выступя из Москвы в мае 1583 г., в ноябре того же 1583 г. прибыл в Сибирь. Однако, грамота от 7 января 1584 г. (см. прилож. № 8) не оставляет, мне кажется, сомнений в том, что кн. Болховской вынужден был задержаться в Перми в течение всей зимы 1583—1584 г. Совершенно невозможно думать, что в январе 1584 г. в Москве еще могли не знать о том, что кн. Болховской до получения посланного к нему указа с предписанием дожидаться на Перми весны и «полые воды» успел выступить в поход из Перми. Следовательно, он прибыл в Сибирь, если принять числовые показания Ремезовской летописи, 2 ноября не 1584, а 1585 г., и смерть Ермака надо отнести к 1586 г. Подводя итоги приведенным выше соображениям о хронологии похода Ермака, я бы считал более правильным следующую датировку, не вполне совпадающую с датировкой Миллера. Начало похода — 1 сентября 1581 г. (по Миллеру июнь 1579 г.); зимовка на Ермаковом городище; дальнейшее движение по сибирским рекам — май 1582 (по Миллеру 1580); июнь 1582 (по Миллеру 1581) — по Тоболу; 21 июля 1582 (так же у Миллера) — бой в Бабасанах; 1 августа — «взятие «града Карачина»; 23 октября — бой под Чувашевым; 26 октября — занятие столицы Кучума; 22 декабря — посылка в Москву; 10 мая 1583 г. — указ о посылке кн. Болховского; 1583—1584 — зимовка Болховского в Перми: прибытие Болховского с армией в Сибирь в ноябре 1584 г.; зима 1584—1585 г. — голод; смерть Ермака — август 1585 г. (7093); «во второе лето по Ермакове убиении» в 7094 г., т. е. после 1 сентября 1585 г. — прибытие Ивана Мансурова, который находился в Обском городке летом 1586 г. Расхождение с Миллером следующее. Я полагаю правильнее держаться дат, устанавливаемых документально, а именно, выступление Ермака в поход — 1 сентября 1581 г., прибытие Болховского — в 1584 г. В пользу первой даты говорит и связь похода Ермака с набегом

пелымских вогуличей; его экспедиция должна была преследовать отчасти карательные цели. Далее, разбор известий о взятии Тюмени Ермаком приводит меня к выводу, что рассказ этот является неудачной вставкой и не основан на реальных фактах, поэтому я исключаю мнимую задержку Ермака на Туре в течение ровно года — с мая 1581 по май же 1582 г. *Б.*

§ 62. Ташаткан значит «камень, который бросили», «которым выстрелили» («стрельный камень», как называли в других случаях русские подобные «священные камни», см. Радлов, Сибирские древности, т. I, вып. 2, стр. 143, 144). Поверья, связанные с «погоду производящими каменьями», были очень распространены среди туземцев Сибири. Про такой волшебный камень говорится в отписке из Томска, относящейся, повидимому, к концу 1610 или началу 1611 г., которая напечатана в РИБ, т. II, № 92: «а тот-де камень, как его поевить наружу, и от того-де бывает мороз и вода». Камень этот принадлежал жившему в Томском устье шайтанщику; о находке камня племянник шайтанщика Кугутейко сообщил, «что тот камень пашел подле реки па яру, а не знаю-де я, какой тот камень, и того де не ведаю, бывает ли от него вода и мороз; а нашел-де я тот камень цел; и как-де он тот камень пашел, и в те-де поры были дожжи великие и снег, и тот-де камень для того разшибли, пачаялись, что от камени того есть вода и снег, и как разшибли тот камень, не унелась вода». Более подробные и точные сведения о волшебных каменьях находим в показаниях, данных с пытки человеком чатского мурзы Маметкула Коштейком в Томске в 1647 г. (Сиб. прик., ст. № 252, лл. 201—202). Его допрашивали: «как он сидел за приставом, и приказывал ли он с мурзой с Бурлаком Ак-Кулиным, что-де у нево есть каменье, а тем каменьем напущает дождь и стужу». Коштейко показал: «есть-де у нево пять каменей, чем дождь и стужу напускают; как ездил за зверем и рыбою, а взял-де он то каменье на земле на Каменю, а падает-де то каменье сверху... А как-де он, Коштейко, дождя напускает, и к тем-де он каменьям слова наговаривает, научился-де он тому у белых калмаков, а слова-де наговаривает разные: как дождь просить свои слова, а как стужу просить свои слова, а просит-де у бога, а дурных-де слов нет ничего; а хто-де умеет напущать дождь, и он-де напустит на день, да и уймет, а хто-де не умеет, а он-де, как напустит, да и пособить не умеет. А он-де дожду не напущивал, а напускивал-де стужу, штобы комаров да паутов не было. Да он же, Коштейко, сказал: живет -де такое каменье в лосе и в рыбе карасе,а иное-де живет в дереве, а в дерево-де падает с неба же, и тем де каменьем дождь напускают-же, а он де тово каменья не видал». Из Москвы последовал указ: «тот ведовской камень зжечь» (там же, л. 197 об.). Из сказанного видно, что это были маленькие камни, попадавшие в руки их владельцев случайно, причем основанием принимать их за волшебные служили либо обстоятельства, при которых они были найдены, либо необычность самого места их находки. В легенде о ташаткапском камне, повидимому, смешан культ мега-

литических камней, типа менгиров, с верою в камни, производящие дождь. Ср. d'Ohsson, Histoire des Mongols, II, стр. 614—615. *Б.*

§ 70. В течение XVII в. Тобольская кафедра делала несколько раз попытки канонизировать Ермака. Несомненно, что синодик архиепископа Киприана имел целью пропагандировать Ермака, как ратоборца и мученика за христианство. В связи с этим Киприан установил Ермаку и его товарищам «в православную неделю кликати с протчими пострадавшими за православие вечную память» (Сибирские летописи, стр. 164). 16 февраля 1636 г. это поминовение Ермака, установленное местной церковной властью, было утверждено в Москве царем Михаилом, патриархом Филаретом и «Освященным собором» (там же, стр. 353). В связи с этим актом является и составление жизнеописания Ермака дьяком архиепископа тобольского Нектария Саввой Есиповым. *Б.*

§ 72. Бегишево (Баишево) кладбище или Бегишев погост пользовался большим почитанием татар в XVII в.; суеверный культ был связан с стоявшим на нем мавзолеем шейха Хакима, внука основателя шафкитского законоведения Шафке. Мавзолей этот впоследствии отождествлялся с могилой Ермака (см. Катанов, О религиозных войнах учеников Багауддина, в «Ежегодн. Тобольск. губ. муз.», в. 14; С. В. Бахрушин, Туземные легенды в «Сибирской истории» Ремезова, в «Исторических известиях», 1916, № 3—4). Упоминаемый здесь князь Бегиш — лицо историческое. В Тобольских именных книгах упоминается его сын — Келмамет княж Бегишев (Сиб. прик., кн. № 14, л. 98 об.). *Б.*

§§ 74—75. Сведения о магическом панцыре Ермака имеются в делах Сибирского приказа. Панцырь, отданный, по показанию Ремезовской летописи, мурзе Чайдаулу (вернее — Кайдаулу), еще в 1658 г. хранился в его семье. Этому панцырю приписывались магические свойства: «чудотворение, болезненным исцеление, родильницам и младенцам на отгнание недугом, на войне и на промыслех удача». Сын Кайдаула бек Мамет показал: «пансырь-де у него есть, а про тот-де пансырь приказал ему бек Маметку отец его Кайдаул при смерти своей под клятвою, чтоб ему тем пансырем служить службу вам великим государем, а никому его продавать не велел; и в прошлых де годех... Байбагиш-тайша того пансыря добивался много, а давал за тот пансырь 10 семей ясырей, да 50 верблюдов, да 500 лошадей, 200 быков и коров, 1000 овец, и отец-де его... того пансыря тайше не дал». Панцырь Кайдаула был «приметы де длинен, и около грудей напереди кольца часты, напреди ж ниже пояса прострелено, испорчено одно кольцо». Хошотский тайша Аблай уже в 1658 г. просил через посла в Москве о присылке ему панцыря татарина Кайдаула. В 1660 г. он с той же просьбой отправил послов в Тобольск. На этот раз из Москвы было предписано уговорить бек Мамета Кайдаулова продать государю панцырь с тем, чтобы отослать его к Аблаю; хотя давали ему «цену немалую» — 30 рублей, бек Мамет отказался, но воевода приказал приставу снять с него панцырь «неволею». Панцырь в том же году был отправлен к Аблаю, который и принял его с почетом. Но через несколько времени быв-

ший владелец панцыря бек Мамет, находясь в улусе у Аблая тайши, когда ему предъявили панцырь присланный, «смотря, сказал, что тот панцырь не его». Поэтому в 1668 г. Аблай тайша снова послал в Москву послов с домогательством подлинного Кайдаулова панцыря; но несмотря па указ из Москвы «о сыску пансыря Кайдаула мурзы», он найден не был. В 1670 г. сын Аблая Чаган тайша снова ходатайствовал о том же предмете. Этим заканчивается история панцыря, который можно, повидимому, с некоторым правом отождествить с первым панцырем Ермака (Спб. прик., ст. №№ 623 и 651; ГАФКЭ, Мунгальские дела, 1668 г. № 2). Судьба второго панцыря Ермака, отданного в Белогорское святилище, откуда он был взят кодским князем Алачем, не может быть установлена. По словам Ремезова, он пропал бесследно, «и до днесь не слышится». Попытка отождествить его с кольчугой Петра Ивановича Шуйского, которая в 1646 г. была взята при погроме самоедов, послана в Москву и хранится в Оружейной палате, сделана С. В. Бахрушиным в статье: «Кольчуга князя П. И. Шуйского», в «Сборнике Оружейной палаты», М., 1925 г. *Б.*

§ 91. Вопроса о царском титуле в грамотах, направляемых в Сибирь к остяцким, вогульским и татарским владельцам, Миллер касается выше в гл. 2, § 10. В виду малочисленности таких грамот за XVI в. наблюдения Миллера следует дополнить указанием на выдержку из Титулярника, напечатанную в СГГД, II, № 45 (стр. 63—64, 1570—1571 гг.), и полный текст Титулярника 1676 г., который напечатан в «Древн. Рос. Вивлиофике», изд. 2-е, т. XVI. *А.*

§ 92. В тексте «Истории» издания 1750 г. (стр. 209) по поводу городка, основанного Мансуровым, Миллер писал: «ибо хотя при реке Оби говорят все, что вместо Мансуровского городка потом город Сургут построен, почему заключить можно, что оной городок до заложения города Сургута стоял, и жилье в нем было» и далее: «...может быть сей первой городок в последующие времена... был обновлен и паки гварнизоном снабжен?» Не имея других данных, кроме грамоты 1610 г. мая 17 (см. прилож. № 74), Миллер в изд. 1761 г. все эти догадки оставил. Но они оказались справедливыми и, как видно из истории основания Сургута (см. примеч. к § 43, гл. IV), этот Обский городок, построенный Мансуровым в 1585 г., существовал еще девять лет и был разрушен только в 1594 г. В нем не было постоянного населения, а жили в нем годовальщики, присылавшиеся для удержания в повиновении обских остяков и сбора с них ясака (П. Н. Буцинский, К истории Сибири, Харьк., 1893, стр. 1; ср. у М. П. Алексеева, Сибирь в извест. зап.-европ. путешеств. и писателей, т. I, стр. 108, — известие одного иностранца 1630 г. о разрушении Обского городка). *А.*

К главе четвертой

§ 8. Царевич Казакской орды, взятый в плен вместе с Сеид-Ахматом, как выяснено В. В. Вельяминовым-Зерновым, племянник казахского

хапа Тевкселя, Ураз-Мухамед, сын Ондан-султана. В 90-х годах XVI в. Ураз-Мухамед неоднократно упоминается в военных и дворцовых разрядах, как участник в походах и в придворных торжествах. В 1600 г. Ураз-Мухамед был царем Борисом назначен «царем» в Касимов. В 1608 г. он примкнул к Лжедимитрию II. В 1610 г. в Калуге Лжедимитрий, по подозрению в измене, приказал его убить. См. о нем — В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. II, СПб., 1864, гл. 12. *Б.*

§ 16. Грамоты на Лозву 1595 г. имеются в копиях в Архиве Акад. Наук., ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 1 и след.; подлинники трех из них в Рукописном отделении Публичной библиотеки в Ленинграде (см. А. И. Андреев, Краткая опись грамот, хранящихся в Рукоп. отдел. Росс. публ. библ., П., 1923, стр. 26).

Работая в Пелымском и других архивах, Миллер уже имел сведения об «обыкновенном» пути (XVI в.) в Сибирь чрез Чердынь вверх по реке Вишере и чрез Югорские горы на реку Лозву, впадающую в реку Тавду, а по Тавде вниз до реки Тобола и до Иртыша, что и заставило его искать случая осмотреть также Чердынский архив, в котором он надеялся найти следы этих древнейших отправлений из Москвы в Сибирь. Так как поездка в Чердынь, лежавший в стороне от обычного пути из Сибири в Россию через Верхотурье на Соликамск, могла его сильно задержать, Миллер добился того, что архив Чердынский был доставлен ко времени возвращения его в конце 1742 г. через Соликамск в этот город. Миллер работал над Чердынским архивом в течение всего декабря 1742 г. «Хотя того я не получил, чего искал, ибо тех лет, в кои первые отправления в Сибирь производились, тако ж и прежних того годов никаких дел не сыскалось, однако, нашел я довольно других писем, над коими в рассуждении генеральной Российской истории не вотще трудился...» (Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 63, лл. 12 об.—13). Так составился сборник копий Чердынского архива, которые в количестве 174 номеров на 235 листах хранятся в Архиве Акад. Наук., ф. 21, оп. 4, № 1; в сборник вошли грамоты до 1663 г. Присланные в Соликамск грамоты Чердынского архива не были возвращены обратно в Чердынь (оставшаяся в Чердыни часть сгорела в 1792 г.) и находились там до 1833 г., когда по требованию Археографической экспедиции в лице П. М. Строева были пересланы к нему в Москву вместе с соликамскими актами, а затем в 1837 г. и те и другие поступили от него в Археографическую комиссию (А. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева, СПб., 1878, стр. 262, 310—311). В 1909 г. М. Г. Курдюмов напечатал в 24-м выпуске «Летоп. зан. Археогр. ком.» описание «актов Соликамских», под которыми следует разуметь не только Соликамские, но и Чердынские акты. *А.*

§ 17. В архиве города Пелыма Миллер работал в феврале 1742 г. (Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 2, № 26, лл. 251 об. — 254). Здесь по окончании работы, кроме сборника копий, в котором 105 номеров на 130 листах (Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 286—415 об.), писанного преимущественно Вас. Третьяковым и Степ. Крашенинниковым,

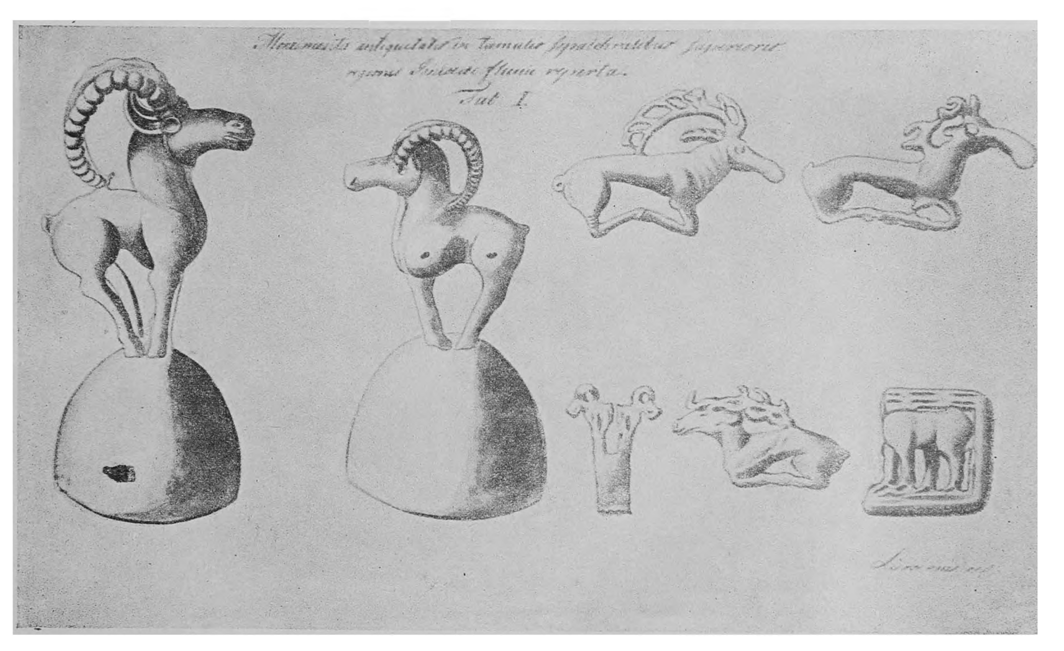

Рис. 25. Рисунки предметов древности, найденных в могилах Верхнего Енисея. (Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 39/54.)

Миллер взял с собой довольно большое количество подлинных актов, хранившихся тогда в Пелымском архиве (ГАФКЭ, портф. 478, I, №№ 1—32, 36—43, 47—62, 64, 67—71, 77, 78; 478, II, №№ 1—6, 9—11). *А.*

§ 19. О Московских приказах, боярах и дьяках, ведавших в XVI—XVIII вв. Сибирью, Миллер говорит подробно в §§ 87—96 главы VIII «Истории Сибири». *А.*

§ 25. Начало Пелымского наказа не сохранилось ко времени снятия копии с него в 1742 г., когда Миллер работал в Пелымском архиве, но это начало отсутствовало и в 1630 г., как видно из отписки пелымского воеводы Вельяминова в Москву (Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16). Миллер датирует наказ концом 7100 г. или началом 7101 г., а отправление Горчакова и др. из Москвы относит к 7101 г., «т. е. к концу 1592 г.». Сопоставляя этот наказ с первой поручной 1593 г. февраля 21 (приложение № 12), следует заметить, что наказ был дан не позднее начала 1593 г. *А.*

§ 30. О потомстве Пелымского князя Аблегирима см. С. В. Бахрушин, Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., Л., 1935, стр. 77. *Б.*

§ 34. Миллер приехал в Березов в начале июля 1740 г. и, по своему обыкновению, немедленно принялся за пересмотр Березовского архива, где по его словам, «он имел счастие... открыть много старинных и полезных известий, которые все вместе велел списать для будущего пользования» (Пекарский, I, стр. 329). Так составился сборник копий актов Березовского архива, писанных студентом Вас. Третьяковым и неизвестными копиистами, в количестве 140 номеров, на 163 лл. (Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 121—285); впрочем, №№ 135—137 этого сборника были сняты с подлинников, присланных из Кодского монастыря, а №№ 138—140 со списков, которые хранились у ямщиков Самаровского яма. В бытность в Березове Миллер пытался получить копии с грамот, хранившихся у вогульских и остяцких князьков; об этих его стараниях имеются сведения в его переписке, но кроме грамот 1586 и 1594 гг. (см. приложения № 9 и 14) в его бумагах не нашлось других копий; впрочем, список с грамоты 1586 г., снятый в бытность Миллера в Березове, на обратном пути им был утерян, и пришлось вновь писать в Березов о снятии другого списка, который был, видимо, получен позже; таким образом, предшествующее грамоте (в изд. 1750, стр. 200) замечание Миллера, что «копия с оной мною списанная» едва ли точно, а в связи с этим описание печати при грамоте не может быть признано правильным (в нашем издании исправлено по аналогии с другими надписями на печатях времени царя Федора Ивановича). В том же Березове Миллер получил список воевод с самого основания города, который был получен одним из тамошних жителей от своих предков; к сожалению, этот список не найден в бумагах Миллера, вероятно, он был одним из источников книг, подобных той «Книге по сибирском взятии сколько в Сибири, в Тобольску и во всех Сибирских городах и острогах, с начала взятья атамана Ермака Тимофеева в котором году и кто имяны бояр и окольничих и стольников и стряпчих и воевод и дьяков

письменных голов и с приписью подьячих была», которая хранится в одном из портф. Миллера (505, I, тетр. 5, лл. 18—45). Миллер занимался сам составлением подобных списков, как о том свидетельствует его рукопись на немецком яз., носящая название: «Ведомость о бывших в разных городах воеводах с 1581—1701 гг.», использованная К. Б. Газенвинкелем в составленных им списках сибирских воевод, напечатанных в «Календаре Тобольск. губ. на 1893 г.». Упомянутая выше «Книга по Сибирском взятии...», видимо, сходна с теми «Записками к Сибирской истории служащими», которые находятся в ч. 3-й второго издания «Древн. Росс. Вивлиофики» (М., 1788, стр. 104—288), где даны погодные сведения о сибирских воеводах (об этом источнике см. И. Тыжнов, в «Заметки о городских летописях Сибири. Зап. Русск. Археолог. общ.», т. X, в. 1—2, 1898, стр. 46—148). Материал этих «Записок», а равно многих других источников использован в основном пособии для этих вопросов — «Списках городовых воевод» А. Барсукова (СПб., 1902). Судьба Березовского архива в XVIII—XIX вв. неизвестна, но следует заметить, что материалами его по XVIII в. пользовался Н. А. Абрамов, давший в середине XIX в. много интересных статей по истории Березовского уезда, основанных на материалах этого архива. *А.*

§ 40. О потомстве Кондинского князя Агая см. С. В. Бахрушин, Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., стр. 78, 81 и сл. *Б.*

§ 42. Обдорский городок основан в 1595 г. на месте остяцкого городка, носившего у русских название Носового, на берегу р. Полуя, в 6 верстах от его впадения в Обь; название Носового городка сохранилось за Обдорском и в позднейшее время; происхождение названий «Носового» и «Обдорска» (Обь—река, дор—мыс) находят в языках зырянском, самоедском и остяцком (см. у М. П. Алексеева, Сибирь в извест. зап.-европ. путеш. и писат., т. I, стр. 189—190). Об Обдорском княжестве XVI—XVII вв. см. у С. В. Бахрушина, Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. стр. 62—67. *А.*

§ 43. В виду отсутствия архивных материалов в Сургуте Миллер мог сообщить о строении этого города лишь то, что случайно говорилось об этом в материалах других сибирских архивов, в летописях или в рассказах местных жителей. Существенным дополнением к сказанному Миллером является сводка данных по первоначальной истории Сургута, на основании материалов Сибирского приказа, сделанная П. Н. Буцинским в его статье «К истории Сибири. Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г.», Харьков, 1893, стр. 1—16. Наказ строителям Сургута князю Фед. Петр. Борятинскому и Владимиру Аничкову 1594 г. февраля 19 напечатан (по копии из кн. № 1 Сиб. прик., лл. 24—32) в «Чтен. Общ. ист. и древн. Росс.», 1909 г., кн. 2-я, смесь, стр. 2—5; там же (стр. 5—8) издан наказ 1595 г. февраля 19 второму сургутскому воеводе Осипу Плещееву и голове Ивану Колемину (Сиб. прик., кн. № 1, лл. 1—7); в книге первой Сибирского приказа находятся и некоторые другие наказы конца XVI—начала XVII вв., данные

следующим сургутским воеводам; вместе с грамотами в Сургут конца XVI — начала XVII в. в той же первой книге (их перечень и обзор у Оглоблина. Обозр. столбц. и книг Сиб. прик., III, стр. 209—220) все эти наказы надлежало бы издать. *А*.

§ 46. В тарском архиве Миллер начал работать еще в 1734 г. и тогда же отметил, что архив сохранился довольно хорошо, но отложил серьезную работу в нем до посещения города на обратном пути. Позднее (в 1753 г.) Миллер объяснял некоторое небрежение, в начале путешествия, архивными занятиями тем, что еще недостаточно владел старинным русским языком, почему с трудом разбирался в архивных столбцах и книгах. Но на обратном пути Миллер в Тару не попал, а потому весь его запас тарских копий ограничился немногими номерами, которые были сняты в 1734 г. Они хранятся в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 15, лл. 138—148: «выписки из реестра архивных документов Тарской канцелярии» и лл. 149—189 — самые копии в количестве 24 номеров, из которых большая часть относится к общерусской истории, а к истории Тары и Тарского уезда, в сущности, только четыре номера. Наказ князю Андрею Елецкому (№ 1 тарских копий — прилож. № 13). в изд. 1750 г. напечатан по списку, сделанному студентом И. Яхонтовым, «сколько прочитать можно было». Но в этом документе многие несохранившиеся места легко могут быть восстановлены по смыслу и по аналогии с другими подобными наказами; все такие дополнения отмечены мною в ломаных скобках; в виду отсутствия указания в копии о количестве пропущенных строк или занимаемом пропуском месте, в нашем издании все невосстановленные пропуски отмечены тремя точками.

Наказ Федору Елецкому (прилож. № 17), изданный Миллером по копии 1734 г., оказался в списке XVII в. в кн. № 11 Сибирского приказа (лл. 2—7). Как и в отношении сургутских актов (см. примеч. к § 43), следует сказать, что тарские грамоты и наказы за XVI — начало XVII вв., имеющиеся в той же кн. 11-й Сиб. прик., подлежали бы изданию в первую очередь. *А*.

§ 55. Нагайский мурза Алей (Авлей), упоминаемый в документах XVI в., вероятно, должен быть отождествлен с сыном Кучума — царевичем Али, как видно из следующего сопоставления. В росписи, приложенной к наказу о построении Тары, сказано, что «Мерзлой городок, и Тураш, и Кирпики и Малогородцы... ныне за нагайским мурзой за Алеем». Между тем, из царской грамоты от 26 июня 1595 г. видно, что жители Малогородской волости были подвластны сыну Кучума Али, который перевел их во вновь поставленный им Черный городок. После смерти Кучума Али провозгласил себя ханом. В 1608 г. он попался в плен к русским и прожил в почетном плену до царствования Алексея Михайловича. Сведения о нем собраны у В. В. Вельяминова-Зернова (Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. III, СПб., 1866, стр. 192—198. Дополнительные сведения о нем в «РИБ, т. II, №№ 49, 99). *Б*.

§ 60. Пегой ордой называли в конце XVI в. нарымских остяко-самоедов. Во главе этой Пегой орды стоял князь Верхнего Нарыма — Воня. Нижним

Нарымом владел князец Кичей, связанный с Воней свойством: его внучка была замужем за сыном Вони — Тайбохтою. К Пегой же орде русские источники относят и Парабельского князца Киршу Кунязева. Всего, по сведениям 1596 г., «у Вони князя с братьею и с детьми сбирается с 400 человек, а все около его ходом в днище, а иные де волости подошли к Воне близко ж». Этот могущественный князек не только долго и упорно отстаивал свою независимость и уклонялся от уплаты ясака, «что ясаку с себя и с своих людей не дает», но и склонен был перейти в наступление и грозил, «собрався с своими людьми и с дальними волостьми приходить к городу Сургуту». Он даже вступал в сношения с Кучумом, подкочевавшим для совместных действий к Пегой орде, и они «учинили меж собою договор». Только с построением Нарыма Пегая орда была покорена (Сиб. прик., кн. № 1, лл. 7 об. — 10; Акты времени правления царя Василия Шуйского, под ред. Гневушева, № 115). С подчинением Пегой орды княжеские семьи, господствовавшие в ней до тех пор, не сразу утратили свое значение. Воне наследовал его сын Тайбохта Вонин, а Кичею сын Вагай Кичеев, тесть Тайбохты. Они до известной степени сохраняли свое привилегированное положение. Когда были положены в ясак 30 человек их дворовых людей, они сочли это незаконным. В случае войны их войска ходили в поход вместе с русскими служилыми людьми. Но очень скоро нарымские князьки предпочли переменить свое положение эфемерных государей на более обеспеченное положение на царской службе. В 1610 г. Тайбохта Вонин, по его ходатайству, был освобожден от ясака, и велено ему служить государеву службу и жить в Нарымском остроге с жалованьем в год по 3 руб. и по 4 чети муки, по чети круп и по чети толокна и по пуду соли. Он, однако, продолжал оставаться во главе Верхней Нарымской волости с ясачным населением человек в 50, и сын его должен был платить ясак (Сиб. прик., кн. № 14, л. 55 об.; № 19, л. 735; ст. № 49, л. 153, где на обороте «знамя» Тайбохты, и др.). Точно также и потомки Кичея стали переходить на роль служилых людей. В 20-х и 30-х годах XVII в. Вагай продолжал быть князцом в Нарымской Нижней волости, но его брат был крещен и под именем Григория Кичеева состоял на службе в Нарымском гарнизоне с жалованьем по 8 руб., 8 четей муки, 2 чети круп и 2 пуда соли в год. На тех же условиях были зачислены на службу его двоюродные братья, тоже крестившиеся, Иван Боярко и Олоша Олонтайко Санбычеевы. Еще при жизни Григория Кичеева стал служить его сын Алешка. Та же судьба постигла, повидимому, некоторых из парабельских князьков: Кирша Кунязев с братьями и детьми служил «всякие государевы службы», но не был освобожден от ясака и совершенно разорился, заложил жену и детей и только по особому указу царя Василия Шуйского ему была дана отсрочка в ясаке, и его семья была выкуплена за счет казны. Его сын Каппа стоял во главе одной из четырех парабельских волостей в 1628—1629 гг. Одновременно один из членов семьи парабельских князей новокрещен князь Петр Парабельский служил в Сургуте в числе рядовых стрельцов и казаков; может быть, такого же происхождения был остяцкий толмач в Сургуте Иван Афанасьев Парабельский (Сиб. прик.,

кн. № 14, лл. 53, 370 об., 373; кн. № 308, л. 76 об., ст. № 381, № 49, л. 153; портф. Миллера № 478, I, № 67; Акты времени правления царя Василия Шуйского, № 115). *Б.*

§§ 65, 66. О бухарской торговле с Сибирью в XVI—XVII вв. см. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, Л. 1933, стр. 70—71, 79—80, 82, 84, 85, 107—109 и др. *А.*

§ 68. Вузюково или Изюково (Узек, Изюк) озеро в XVII в. принадлежало татарам, которые попрежнему ловили там рыбу по паям. Так, деревне Иткучуковой Атацкой принадлежало «рыбного угодья с ясачными татары Аялынской волости со Аллагулком с товарыщи в Ызюке озере пай» (Сиб. прик., кн. № 1182, лл. 361, 362). Позже озеро это было объектом длительных тяжб между татарскими и русскими деревнями, расположенными поблизости от него, переходило из рук в руки и в конечном итоге было отнято русскими у татар (В. Я. Пигнатти. Из тобольской старины, в «Ежегодн. Тобольск. губ. муз.», вып. 28). *Б.*

§ 74. Из перечисленных в тексте волостей Келема и Тураш впоследствии составляли одну волость (Сиб. прик., кн. № 11, л. 243). Волость Кирпики близ устья Туртаса называлась по имени возглавлявшего ее ясаула Кирпика; «кирпицкие ясачные люди» в 159 г. посылали ясак Кучуму (там же, лл. 22, 39); позже она вошла в состав волости Барабы. Остальные волости сохранились в позднейшее время под теми же названиями (см. Сиб. прик., кн. № 11; РИБ, т. VIII, № 11, XXII). *Б.*

§ 79. Миллер прибыл в Тюмень 24 марта 1741 г., и оставался там до 28 мая 1741 г. В это время он разобрал все имевшиеся в Тюменском архиве столбцы до 1700 г., отобрав те, с которых надо было снять копии. Вернувшись в Тюмень в октябре 1741 г., он требовал, чтобы были разысканы для него в архиве «дела» и после 1700 г., что, видимо, встречало затруднения, так как архив после 1700 г. оставался не приведенным в порядок (Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 68), но все же нужные копии были получены в виду обычной в таких случаях настойчивости Миллера. «Списки Тюменской архивы» состоят из двух томов; оба тома в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, №№ 8 и 9. — Судьба Тюменского архива в последующие годы неизвестна, но в середине 90-х годов XIX в. Археографическая комиссия получила от И. Я. Словцова довольно большое количество актов и книг, когда-то хранившихся в Тюменском архиве. Столбцы из этого собрания были разобраны и отчасти описаны (столбцы с документами до 1613 г.) в 1927—1928 гг., и опись их вошла в общее «Опис. актов, хранящихся в Археогр. ком.», изд. в «Летоп. зап.» Комиссии, вв. XXXIV и XXXV. Примечательную часть этого собрания составляют «книги», которые в настоящее время описываются. *А.*

О выезде Чин-мурзы см. грамоту царя Федора Ивановича к Кучуму от 7105 (1596—97) г., напечатанную в СГГД, т. II, № 68: «и после того приехал к нашему царскому величеству в службу ис твоего улусу Чин-мурза, Иль мурзин сын Исупов, с своим улусом, и наше царское величество Чин мурзу пожаловали городы и волости и денгами, и ныне нам...

служит». И дальше: «а Чин мурза отъехал к нашему царскому величеству и ныне по нашему царскому жалованью служит». Догадка Миллера об «учинившемся в его (Кучума) фамилии несогласии» справедлива. В той же грамоте говорится об уходе от Кучума «достальных его людех» с царевичами Канаем и Идылином, «а иные пошли в Бухары, и в Нагаи, и в Казацкую орду» (о том же в грамоте сына Кучума царевича Абдул-Хаира к отцу, там же № 67). Сведения об этом событии были, действительно, получены в Москве в декабре 1596 г. в отписке тарских воевод, которым в июле стало известно: «был-де у Кучумовых людей и с колмацкими людьми бой на Чеке-коле озере... И после того погрому отъехали прочь два царевича Канай да Илиден, а с ними отъехали человек с 300 с женами и з детьми» (Сиб. прик., кн. № 11, л. 21 об.). *Б.*

§ 86. Более точные сведения о поражении Кучума см. в АИ, т. II, №№ 1,2,5. Битва произошла 20 августа на Оби в двух днях пути от озера Ика и продолжалась с «солнечного восхода» до полдня. Потери Кучума были очень велики. В бою пали, по русским известиям, 6 князей, 10 мурз, 5 аталыков («воспитатели» — почетное звание), 150 служилых людей, 100 человек утонуло в Оби, 50 человек взято в плен и повешено; кроме того, по сообщению из Тары, убиты были два царевича — брат Кучумов Илитен (по другим известиям, он приходился Кучуму не братом, а сыном, см. СГГД, т. II, № 67; Сиб. прик., кн. № 11, л. 21 об.) и два внука Кучума — сыновья его старшего сына царевича Али; известие о гибели царевича Каная, сына Кучума, оказалось неверно (ср. РИБ, т. II, № 99). В плен были взяты пять сыновей Кучума: царевичи Шаим 20 лет, Асманак 13 лет, Бибадша 12 лет, Кумыш 6 лет, Молла 5 лет, восемь цариц, жен Кучума, жена царевича Каная с двумя дочерьми, жена царевича Али с сыновьями Али-Арсланом и Янсюэром и дочерью и восемь царевен, дочерей Кучума. Сведения о пленниках см. в «АИ, т. II, №№ 1, 2, 4, 7, 10—23; В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. III, СПб., 1866, стр. 3—5, 308—310. Про слух о гибели Кучюма в сражении на Оби 20 августа 1598 г. сообщает кроме тюменской (см. приложение № 100) и тарская отписка, напечатанная в АИ, т. II, № 1: «А про Кучюма, государь, царя языки многие сказывают, что Кучюм в Оби реке утоп, а иные языки сказывают, что Кучюм в судне утек за Обь реку». Точных сведений о том, при каких условиях погиб Кучум, не имеется. Наиболее заслуживает доверия сообщение, приписываемое царевичу Канаю, сыну Кучума, «что бухарцы отца де их Кучума, заманив в Колмаки, оманом убили» (РИБ, т. II, № 99). *Б.*

К главе пятой

§ 2. О построении первого Нарымского острога в 1598 г., в год покорения князя Пегой орды Вони, и о первых годах Нарыма и Нарымского уезда см. П. Н. Буцинский, К истории Сибири, стр. 16—24. — В гл. VIII §§ 3—4

«Истории Сибири» Миллер вновь касается вопроса о положении Нарыма и отказывается, на основании последующих данных о пожаре 1619 г., челобитной нарымцев 1630 г. и др. материалов, от высказанного в гл. V мнения о перенесении Нарыма на другое место в 1613 или 1614 гг. Ср. у Буцинского, К истории Сибири, стр. 16—20. На основании анализа документов, напечатанных в нашем издании в приложениях №№ 79—84, П. Н. Буцинский считает, что перед пожаром 1619 г. Нарым находился «между нижним и средним устьями Кети» (там же, стр. 18), и тем самым возражает против мнения Миллера о первоначальном местоположении этого острога. *А.*

§ 3. Как и в § 47 главы 1-й, Миллер различает остяков сургутских, которые от прочих остяков «в языке весьма разнствуют... и больше сходны в том с самоедами», и таким образом уже в первой половине XVIII века он сумел выделить их в особую группу остяко-самоедов. *А.*

§ 5. В виду гибели еще до 1740 г. архива Сургутской воеводской канцелярии и отсутствия соответствующих архивных документов, в «Истории» Миллера имеются несомненные пробелы в тех местах, где ему приходится говорить о первых годах Сургутского уезда; тем необходимее использование для этого списков с грамот, посланных в Сургут в 1594 и следующих годах, сохранившихся в книге 1-й Сибирского приказа (ср. у Оглоблина, Опис. столбц. и книг Сиб. прик., ч. III, стр. 209—220, ч. IV, стр. 122—129), что отчасти сделано П. Н. Буцинским в его статье «К истории Сибири», Харьк., 1893, стр. 1—16.

Архив Нарымский был просмотрен Миллером летом 1740 г. одновременно с доставленным в Нарым архивом Кетским, дела которых, как и прочих архивов, начинались только с годов основания этих острогов. Снятые с документов этих архивов копии хранятся ныне в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 16. Из архива же Кетского Миллер увез некоторые подлинные документы, находящиеся ныне в портф. 478, I среди прочих подлинников, вывезенных им из Сибири. Последующая судьба этих архивов неизвестна, но они, несомненно, погибли.

Год основания Кетского острога остается неизвестным и после привлечения материалов Сибирского приказа: Буцинский полагает, «что он построен после Нарыма и, по всей вероятности, в 1602 г. и никак не позже» и ставит построение его в связь с восстанием нарымских остяков 1602 г., к которым примкнули также нижние и верхние Кетские волости. У него же находим соображения о местоположении первоначального Кетского острога и территории Кетского уезда («К истории Сибири», стр. 24—28). Из отписки кетского воеводы Постника Бельского 1605 г. (прилож. № 57) видно, что в его наказе Кетский острог назывался «Кунгопским»; это название, в испорченном виде (Comgofskoy, Congofskoy), встречается у Исаака Массы (1612 г.), и затем у более поздних иностранных писателей, напр., у Мильтона — 1649—1652), когда это название в русских документах более не употреблялось (ср. М. Алексеев, Сибирь в извест. зап.-европ. путешеств. и писателей, т. I, стр. 264, 300). *А.*

§ 8. События, о которых здесь говорит Миллер, относятся не к 7106, а к 7110 г., как справедливо заметил П. Н. Буцинский (К истории Сибири, стр. 12, прим.), у которого приведены подробности этого восстания остяков 1602 г. (там же, стр. 12—13). *А.*

§ 16. Грамота Артемию Бабинову, с которой был снят для Миллера список при проезде его через дер. Чикман, была напечатана в «Опис. Спб. царства»; позднее она была издана еще раз иеромонахом Макарием по подлиннику во «Врем. Общ. ист. и древн. рос.», т. XXV, смесь, стр. 21—25, но с датой 1617 г. января 5 (у Миллера: января 6), причем иеромонах Макарий сообщил, что подлинник в 1854 г. хранился «у старшего врача екатеринбургских заводов И. И. Генниха, который купил владения Бабинова у его потомков»; по сообщению того же Макария, на обороте грамоты, кроме отмеченной у Миллера подписи дьяка Федора Апраксина, находилась надпись, которая воспроизведена в нашем приложении № 93. Это единственная грамота, относящаяся к Соликамскому уезду, которая приведена Миллером в его «Истории»; прочие грамоты Соликамского уезда, хранившиеся в Соликамской канцелярии, им, видимо, не просматривались (Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 63, гл. 14, л. 6 об., оп. 1, № 26, л. 292 об. — 293 об.). *А.*

§ 18. Грамоты Верхотурского архива Миллер начал пересматривать в июле 1742 г.; тогда же началась работа по снятию копий, которая закончилась только в ноябре 1742 г. (Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 1, № 26, лл. 278, 286, 296). Списки верхотурских грамот составили три тома копий; эти копийные книги хранятся в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, №№ 2—4. Из того же Верхотурского архива попала в собрание Миллера опись 1055 грамот 1598—1702 гг., писанных в Сибирь о приходе и расходе денежной казны («денежного стола столп, а в нем великого государя грамоты») (ГАФКЭ, портф. 479, лл. 1—156). Верхотурскими актами впоследствии интересовались В. Берх и П. М. Строев, которому было официально сообщено, что они не сохранились, но несмотря на такое сообщение Археографическая комиссия получила в 40-х годах XIX в. очень большое количество их и приобщила их к своему собранию; разобранные по годам, но не описанные (кроме древнейшей их части) они хранятся ныне в Институте истории Академии Наук СССР в 50 картонах; но едва ли не такая же часть их осталась на месте, и только в 1865 г. была переслана в Московский архив министерства юстиции, ныне ГАФКЭ. Весьма большое количество верхотурских актов поступило в разные годы в Публичную библиотеку в Ленинграде, где находится среди прочих подлинных актов Рукописного отделения, для части которых мною и В. Г. Гейманом составлена опись. Отдельные акты того же Верхотурского архива имеются в разных других собраниях, напр., в б. собрании Лихачева, ныне сектора вспомогательных исторических наук Института истории Академии Наук. *А.*

§ 25. Грамоты, упоминаемые здесь, найдены Миллером в архиве Туринска, где Миллер пробыл с февраля по июль месяц 1742 г. (с перерывом в несколько дней, когда он ездил в Пелым) (Архив Акад. Наук, ф. 21. оп. 5,

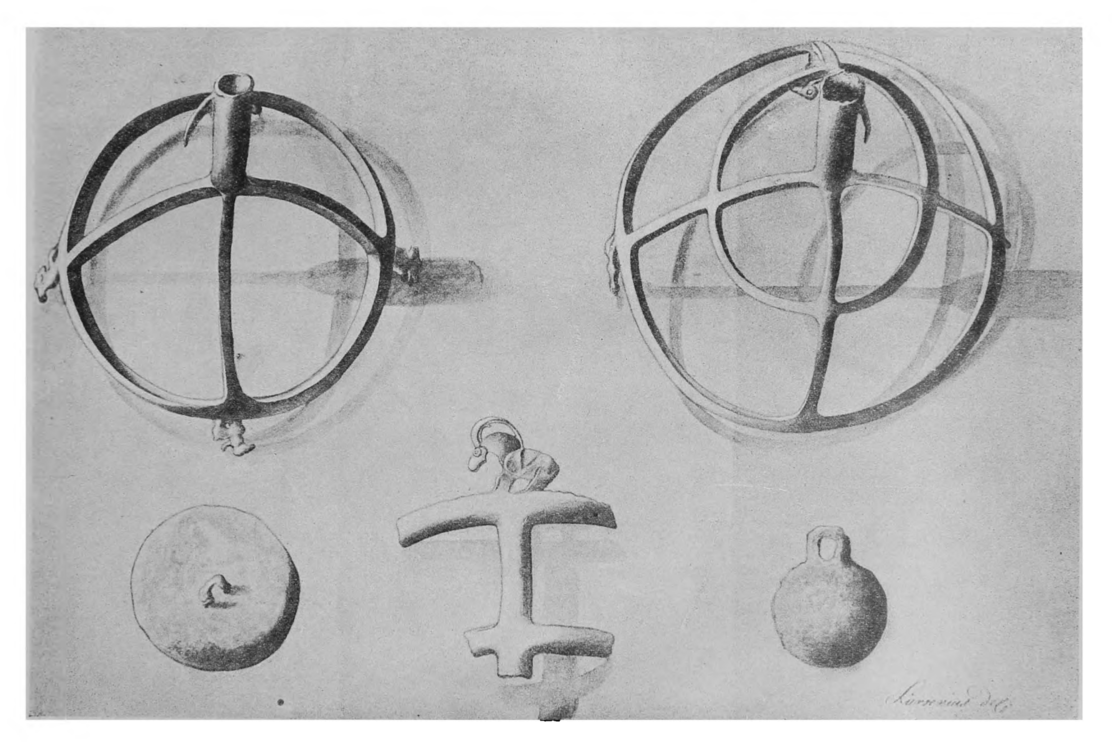

Рис. 26 Рисунки предметов древности, найденных в могилах Верхнего Енисея. (Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 39/51.)

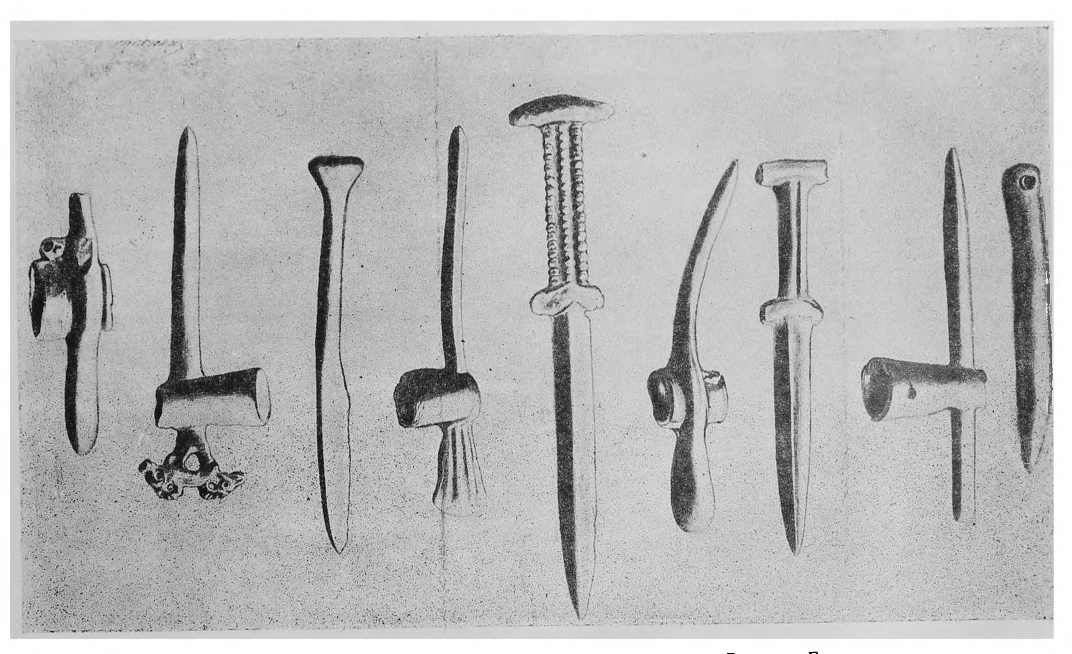

Рис. 27. Рисунки предметов древности, найденных в могилах Верхнего Енисея.
(Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 39/58.)

№ 68). Из Туринского архива извлечена 831 копия документов; эти копии в трех томах хранятся в Архиве Акад. Наук, (ф. 21, оп. 4, №№ 5—7. Большую часть грамот этого архива надо считать погибшей в последующие годы, но наиболее ранние из них оказались в руках смотрителя тюменских училищ Н. А. Абрамова и были переданы им в Археографическую комиссию в 1851 г. («Проток. Археогр. ком.», III, стр. 139), среди них были только две грамоты, с которых были сняты для Миллера списки. Эта небольшая коллекция туринских актов 1600—1603 гг., описанная дважды (в «Проток. Археогр. ком.», III, стр. 139—142 и в «Опис. актов, хранящ. в Пост. истор.-археогр. ком.», в «Летоп. зап. Пост. истор.-археогр ком.», I (XXXIV), стр. 288—373 и «Летоп. зап. Археогр. ком.», XXXV, стр. 233—310), представляет большой интерес для истории основания Туринска и первых мероприятий местных воевод по управлению новым уездом; пока эти грамоты не привлекли к себе внимания, которое они, несомненно, заслуживают. *А.*

§ 31. О городе Мангазее, получившем свое название от всей окрестной страны, см. у Д. Н. Анучина, Город Мангазея и Мангазейская земля, в «Землеведении», 1903 г., IV, стр. 35—42; сводку литературы по этому вопросу см у М. П. Алексеева, Сибирь в извест. зап.-европ. путешеств. и писат , т. I. Ирк., 1932, стр. 127—128, 159. Наиболее вероятное предположение у Г. Н. Прокофьева, Селькупская (остяко-самоедская) грамматика, Л. 1925, стр. 10. *А.*

§ 32. Упоминаемый здесь наказ 7109 г. хранился в Туруханске в архиве старой Мангазеи, перевезенном в 1672 г., в новую Мангазею — в Туруханск (теперь Старый Туруханск). Миллер ездил туда летом 1739 г., причем пробыл там месяц (см. письмо его к тобольскому вице-губернатору А. Ю. Бибикову из Енисейска от июля 1739 г. — «Чтен. Общ. ист. и древн. рос.», 1865, III, смесь, стр. 186—189; подлинник в Архиве Акад. Наук, разр. II, оп. 1, № 208). Результат просмотра им мангазейских документов — небольшой сборник копий в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 21, где лл. 1—12 «Опись отысканным в Мангазейском архиве делам», лл. 13—72 «Экстракт из ясашных книг» 7115—7152 гг., лл. 73—294 копии документов, в количестве 146 номеров, писанных студ. В Третьяковым и другими лицами. Следует отметить, что, повидимому, только в Мангазейском и Енисейском архивах, помимо грамот, Миллер просматривал бегло «книги», из которых были сделаны «экстракты», подобные указанному выше. На этот недочет своей работы — невозможность заняться пересмотром многочисленных «книг» — Миллер указывает в инструкции Фишеру 1740 г., рекомендуя ему обратить на «книги» серьезное внимание (Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 36, разд. IV, «Von Durchsehung der Archive u. Beschreibung der Sibirischen Historie», §§ 5—6). К сожалению, Фишер ничего не сделал в этом отношении. «Книг» же сибирских архивов сохранилось еще меньше, чем грамот XVI—XVII вв. тех же архивов. *А.*

Под «Сибирскими летописями», в которых упоминается о посылке в 7106 г. Федора Дьякова для проведывания Мангазеи, Миллер подразумевает погодную летопись, составленную в Тобольске в последнюю четверть XVII столе-

тия на основании официальных данных Тобольской приказной палаты и Софийского дома. Эта погодная летопись легла в основу «Книги записной», принадлежавшей Тобольскому собору, и «Записок к истории Сибири служащих», напечатанных в «Древн. Рос. Вивлиофике» Новикова (изд. 1774—1775, ч. VI и VII; изд. 1788, ч. III). См. Тыжнов, Заметки о городских летописях Сибири, ч. I, Летописи города Тобольска. *Б.*

§ 36. Наказ 1601 г., данный вторым мангазейским воеводам, не имеет начала, а потому из него не видно, кем и когда дан этот наказ. Судя по работе П. Н. Буцинского, «Мангазея и Мангазейский уезд» (Харьк., 1893, стр. 11—14), обстоятельства посылки вторых воевод в Мангазею представляются в следующем виде. Тобольские воеводы, отправленные из Москвы в феврале 1601 г., получили приказ послать в Мангазею новых воевод: «на место князя Мирона (Шеховского) и Данилы (Хрипунова) отпустить тотчас в Мангазею князя В. Мосальского да Савлука Пушкина и наказ им дать от себя...». Получив уже на месте, в Тобольске, отписку березовского воеводы о погроме самоедами первой экспедиции (часть отписки см. в начале наказа), но не зная все же об окончательной судьбе ее, тобольские воеводы организовали не ранее апреля 1601 г. (по вскрытии рек) вторую экспедицию во главе с князем Мосальским и Пушкиным, которым дали наказ, сохранившийся в Мангазейском архиве без начала. У Буцинского, со ссылкой на «Сиб. прик. кн. 2-ю, л. 28», приводится содержание отписки в Москву Мирона Шаховского и Данилы Хрипунова еще 1600 г. из Пантуева городка; но о том, что они сделали после того: поставили ли они Мангазею или нет, приходится гадать. Во всяком случае, Мирон Шеховской вернулся в Тобольск, но, конечно, уже после того, как были отправлены оттуда вторые воеводы. По спискам воевод, кн. Мирон Шеховской упоминается позже (с 1616 г.) воеводой в разных городах (Барсуков. Списки городовых воевод, стр. 94, 183—184, 113, 149); Данило Хрипунов после 1601 г. не встречается. *А.*

§ 40. Упоминаемый здесь наказ напечатан во втором томе РИБ, под № 188, стб. 833—845, по списку, снятому в Мангазейском (Туруханском) архиве в 1739 г. *А.*

§ 43. Уже в первый свой приезд в Томск в 1734 г. Миллер «усмотрел, что старинные дела Томской канцелярии, которые имеются в каменном кладовом амбаре, почти все изгнили, что едва их разобрать возможно», но, приехав туда же в начале 1740 г., он пересмотрел все эти дела; то же самое он проделал и с делами, хранившимися в самой Томской воеводской канцелярии (Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 68, л. 1). В статье «Историограф Миллер в Томске» (Русск. Вестн., 1881 г., ноябрь, стр. 62—72) В. Гурьев, со слов томских старожилов, слышавших об этом от своих отцов — участников в деле, сообщает, что «местный (Томский) воевода задолго до вторичного приезда Миллера в Томск... в течение нескольких ночей приказывал архивные дела и свитки вывозить на р. Томь и погружать в воду». Если это сообщение не имеет прямого подтверждения в известных мне документах, то в нем нет

ничего невероятного. О том, какие сведения сообщали Миллеру духовные учреждения, тот же В. Гурьев приводит интересные данные о «ведомости» Томского Алексеевского монастыря, полученной Миллером в 1740 г. от архимандрита монастыря Лаврентия. — Копии, снятые в 1734 и, главным образом, в 1740 г., вошли в состав трех томов копий, хранящихся в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, №№ 17—19. В сборнике № 19 находится также «экстракт из Кузнецкой архивной описи», в котором отмечены только документы XVIII в., хотя тут же имеется заметка Миллера о том, что древнейший документ Кузнецкого архива 7131 г., вероятно, тот же самый наказ 7131 г., которым начинается коллекция кузнецких актов, хранящихся ныне в Институте истории Академии Наук. Просматривал ли Миллер Кузнецкий архив, сведений не нашлось, как нет и копий с этих кузнецких актов, лишь в отношении XVIII в. обративших на себя внимание Миллера. Томский архив XVII—XVIII вв., повидимому, еще во второй половине XIX в. существовал, но постепенно подвергался уничтожению или переходил в частные собрания, как о том свидетельствуют, напр., публикации И. Кузнецова и др. Так как архив Сургутской городовой канцелярии оказался погибшим, то Миллер не располагал достаточными материалами о построении Томска в 1604 г., будущий уезд которого состоял до того в ведении Сургута. Приводимая им выписка из наказа Писемскому и Тыркову (прилож. № 55) была получена Миллером от евштинского князца, которого он встретил, будучи в Томске в 1734 г., и по форме своей является только отрывком из наказа, в той части его, которая представляла интерес для евштинских татар, тягавшихся в 1728 г. за некоторые земли около Томска. Между тем в фонде Сибирского приказа сохранились две грамоты в Сургут, касающиеся основания Томска: грамота 20 января 1604 г., данная по челобитью «Томские земли князька Тояна», часть коего вошла даже текстуально в наказ строителям Томска, и грамота 23 марта 1604 г., о построении города на р. Томи, посылаемыми туда сургутским головой Гаврилой Писемским и тобольским головой Василием Тырковым; в том же фонде, сохранился полностью наказ Писемскому и Тыркову (Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 19, грам, № 51; ГАФКЭ; Сиб. прик., кн. 1, лл. 134 об. — 137, 137 об. — 139, кн. 11, лл. 479—489, портф. Миллера № 478, I, грам. № 28; ср. Оглоблин, Обозр. столбц. и книг Сиб. прик., III, стр. 214, IV, стр. 38—39). *А.*

§ 47. Чатские или джагатские татары составляли отдельный род или группу родов, возглавлявшуюся семьей мурз. В XVI в. они были в союзе с Кучумом, но после его поражения предложили свой союз и дружбу победителям (СГГД, II, № 64; АИ., т. II, № 5). В течение более 30 лет они продолжали сохранять в своих отношениях к Москве характер военных союзников и вассалов. Ясака они не платили, зато несли военную службу (Сиб. прик., кн. № 31, лл. 634—637; ст. № 1567, л. 243, 272, 274—275; в том же деле см. справку о службе чатских мурз и татар). Помимо военной службы и охраны степной границы, русская администрация пользовалась чатскими мурзами и для дипломатических поручений (РИБ, т. II, № 85, Сборн.

Хилкова, №№ 90, 100; Сиб. прик., ст. №№ 381, 252, л. 162; № 393, л. 10, № 1567, л. 246). Союзнические отношения чатских мурз были изменены, по почину их самих, на служебные в 1631 г., когда, тяготясь возложенной на них службой, они били челом о поверстании их денежным жалованьем. Ходатайство их было удовлетворено: 2 человека получило по 8 руб., 8 человек по 5 руб., 8 человек по 4 руб. и 14 человек по 3 р. (Сиб. прик., ст. № 31, лл. 629—651; № 49, л. 190; № 252, л. 179). Уравнение в жаловании с прочими служилыми татарами поставило чатских мурз в полную зависимость от московской администрации («Истор. акты» Кузнецова, № 9). *Б.*

§ 48. Миллер отличал енисейских киргизов от живших на бухарской границе, к востоку от реки Яика, киргиз-кайсаков (киргиз-казаков), которых его современники начали смешивать. Об енисейских киргизах см. Н. Н. Козьмин, Хакасы, Ирк. 1925; акад. В. В. Бартольд, Киргизы, Фрунзе 1927. См. также примечания к главе VII «Истории Сибири». *А.*

§ 50. Теленгуты или телеуты совершенно правильно отнесены Миллером к татарам; в русских документах XVII века они называются белыми калмыками. О них см. в работах Л. П. Потапова, Очерк истории Ойротии, Новосибирск 1933; его же, Разложение родового строя у племен северного Алтая. М.—Л. 1935 и др. *А.*

§ 64. Кузнецкие татары русских документов XVII века, жившие по среднему течению реки Томи и ее левых притоков Мрассы и Кондомы, носят теперь название шорцев. О них см. работу Л. П. Потапова, Очерки по истории Шории, М.—Л. 1936. *А.*

§ 84. В гл. VII § 59 Миллер дает другое указание о местоположении Буклинской волости: по его словам, она находилась не около Енисейска, по соседству с тубинцами. *А.*

Г. Ф. МИЛЛЕР

СТАТЬИ О ДРЕВНОСТЯХ СИБИРСКИХ

О ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНОСТИ ТАТАРСКОЙ, НАЙДЕННЫХ В МОГИЛЬНЫХ ХОЛМАХ БЛИЗ АБАКАНСКОГО И САЯНСКОГО ОСТРОГОВ [1]

Съездив в прошедшем году на Иртыш, я, как по сведениям других лиц, так и на основании собственных наблюдений, сообщил описание могильных холмов, которые часто встречаются в местностях, прилегающих к этой реке. [2] Путешествуя затем по рудникам Колыванским и по степям, лежащим между Иртышом и Обью, я заметил, что эти места отличаются таким же обилием курганов, услышал, что в них находят такие же вещи, как на Иртыше, и успел купить несколько предметов, описание и изображение которых поместил, где следует. [3] За Обью, в Кузнецком округе, уже почти вовсе не упоминалось об этих предметах древности, и хотя в некоторых местах курганы в небольшом количестве и были вскрыты, но они не дали копавшим таких сокровищ, как курганы между Обью и Иртышем. Причину этому следует приписать слишком большому обилию там лесов и гор. В таких местах селятся только низшие слои людей, не одаренные никакими благами судьбы, тогда как высшие классы народа избирают себе равнины. Уезды Томский и Енисейский, по которым я потом проезжал, слишком близки к северу, так что народ тот, нелюбивший, кажется, холода, вряд ли селился бы там. В Красноярске же снова дошли до меня слухи и о множестве курганов, некогда вскрытых в местностях, прилегающих к Абаканскому и Саянскому острогам, и о привезенных оттуда вещах. При дальнейших расспросах я понял из рассказов разных людей, что здесь курганы совершенно другого рода, чем те, которые находятся на Иртыше. В здешних курганах найдено столько золота и серебра, что, по словам красноярского воеводы, лет 12 или 15 тому назад, когда он впервые прибыл в Сибирь, золотник чистого золота в Красноярске и Енисейске продавали по 90 копеек. Мне не привелось увидеть ничего такого, за исключением: а) серебряного круга (находившегося у означенного красноярского воеводы и служившего для подачи на стол кушанья) чеканной работы (ex cellato opere; von getriebener Arbeit) и искусной отделки, украшенного изображением таких птиц, какие у нас обыкновенно рисуются под названием грифов, и б) маленького серебряного позолоченного и тонкой чеканки сосуда, в виде погребальной урны, но с более широкой шейкой. Такие, добытые некогда копателями и скупщиками, вещи, которые не были удобны для домашнего употребления, тотчас переплавлялись ими в другие формы. Этим причиняется неисправимый ущерб местной истории, которая могла

бы надеяться добыть себе из них некоторое разъяснение. К счастью, люди не отнеслись столь жестоко к найденным ими медным вещам, которые не отличались такою же ценностью. Вследствие этого, мне у некоторых Красноярских жителей удалось купить несколько медных вещей, вырытых некогда в упомянутых абаканских и саянских местностях. Главнейшие из этих вещей в натуральной величине изображены на трех таблицах.[4] На первой таблице помещены разного рода животные, которым, полагаю я, некогда поклонялись, как идолам, напр., серны (rupicaprae) с бараньими рогами, по-монгольски называемые аргами (я приобрел два экземпляра точно такого же вида, с той только разницей, что под ногами они оканчиваются гвоздем, втыкавшимся в деревянную подставку). Остальные фигуры изображают трех оленей, с чрезвычайно грубо исполненными рогами, двух меньших серн, стоящих на одной подставке, и животное в роде лошади, у которого, однако, уже с самого начала не было хвоста и почему-то не доставало головы; все это сделано из медных пластинок. На второй таблице изображены два канделябра, обломок какой-то вещицы, на которой сидит неизвестной формы животное, и две части какого-то плоского и круглого украшения (у меня несколько экземпляров), на одной из которых ушко посредине, а на другой с краю. Наконец, третья таблица дает рисунки разных кинжалов, ножей и молотов. Замечательно, что у народа, предававшего эти вещи земле вместе с телами покойников, медь употреблялась и на такие предметы, на которые мы употребляем только лучшее железо и сталь. Отсюда можно предположить, что здесь или находилась в изобилии медь или был недостаток в железе; в пользу первого предположения говорит богатая жила меди, недавно открытая в цепи Саянских гор. Страленберг к своему историко-географическому сочинению о России и Сибири[5] приложил хорографическую карту местности близ Абаканского острога, замечательной обилием курганов. Местность эта татарами называется Кöпöн Карагай и некогда была очень богата по части добывания этих памятников татарской древности. Однако же не только к западу, но и к востоку от Енисея, почти все равнины, но покрытые лесами, до самого подножия Саянских гор, изобилуют курганами. В объяснение упомянутой хорографической карты, приложенной к сочинению Страленберга, вкрались некоторые ошибки в произношении собственных имен. Так, реки Кокса и Тесь, с запада впадающие в Енисей, у него ошибочно названы Koktzaga и Ktiesch. Русская деревня, лежащая выше Абакана, получила свое название от реки Биры и зовется не Birr, а Büra или Bürska (т. е. Бирская). Селения, которые он называет Arintzische Tatar-Iurten, принадлежат не аринам, а япинским татарам. При этом случае считаю не лишним исправить замечание Страленберга относительно сожжения трупов у этого народа. Как я уже заметил, на Иртыше, так и здесь, в Красноярском уезде, в курганах человеческие кости повсюду находятся в естественном положении своем, головою на запад; это ясно доказывает, что трупосожжения здесь не существовало.

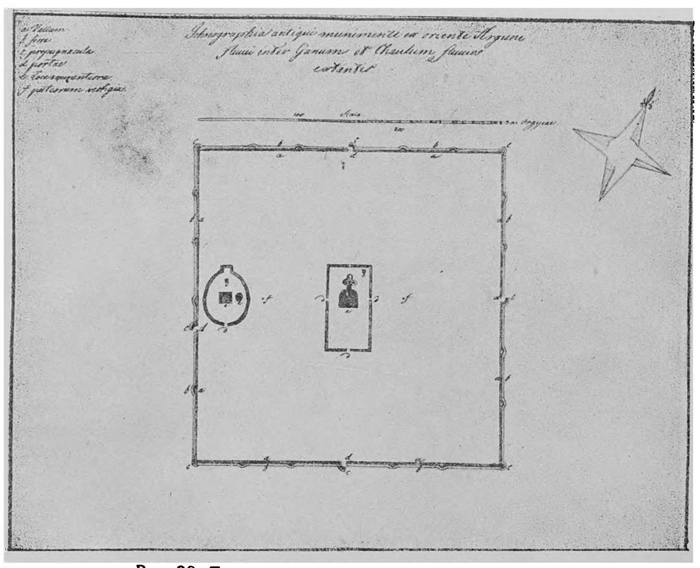

Рис. 28. План древнего укрепления на р. Аргуни.
(Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 39/31.)

Примечания

1. Статья «о памятниках древности татарской, найденной в могильных холмах близ Абаканского и Саянского острогов» перепечатана из «Сибирских древностей» В. Радлова, где дан перевод этой статьи, написанной на латинском языке в 1735 г., по рукописи Архива Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 143. Статья входила в «Обсервации исторические», посланные Миллером в Академию 24 мая 1736 г.

2. Описание могильных холмов на Иртыше дано Миллером: а) в географическом описании Иртыша — Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 23, лл. 65—142; б) в «Обсервациях исторических» 1735 г., в статье «Описание находящихся подле Иртыша кладбищах» — в том же архиве, ф. 21, оп. 5, № 143, лл. 2—51; все эти данные использованы также в труде Миллера «De scriptis tanguticis in Sibiria repertis», стр. 441—452 (перевод у В. Радлова. Сибирск. древн., I, прилож., стр. 60).

3. Описание предметов, найденных в рудниках Колыванских и в степях, лежащих между Иртышом и Обью и по реке Оби, Миллер дал в «Обсервациях исторических» 1735 г и в описаниях уездов Томского, Кузнецкого и Красноярского — в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 18, стр. 265—335, 337—421, 1065—1136, и № 143 (статья: «Известие о некоторых старинных вещах, которые недавно найдены на кладбищах по реке Оби). Данные этих работ использованы в позднейших работах: 1. «De scriptis Tanguticis...», стр. 441—452, и 2) в описании путешествия в «Истории Академии Наук» (Материалы для ист. Акад. Наук, VI, стр. 354—357). Изображение предметов, найденных в могилах между Иртышом и Обью, см. по рис. 161 по описи 1748 г. (Архив Акад. Наук. ф. 21, оп. 5, № 39/55).

4. Упоминаемые здесь таблицы — рисунки художника Люрсениуса — сохранились в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, №№ 39/51, 39/54, 39/55. Эти таблицы воспроизводятся впервые в настоящем издании.

5. Перевод сочинения Страленберга, сделанный в 1738 г. по поручению В. Н. Татищева, сохранился в рукописи; на сочинение Страленберга Татищев написал свои «примечания», также оставшиеся в рукописи. Отрывки труда Страленберга в переводе напечатаны впервые в «Сибирских древностях» В. Радлова, т. I, в. 2, прил., стр. 24—50 (в частности, о местности близ Абаканского острога, см. в этом переводе стр. 34).

О ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКАХ В УЕЗДАХ СЕЛЕНГИНСКОМ И НЕРЧИНСКОМ[1]

Часто я уже говорил о древних памятниках, рассеянных по Сибири. Перечислив разные развалины древних городов и укреплений в географическом описании р. Иртыша и в описаниях уездов Томского, Кузнецкого и Красноярского, я описал могильные холмы, с относящимися к ним предметами, на Иртыше и близ Красноярска и упомянул в истории медных заводов Полевских о древних рудных копях.[2] Кроме того Гмелин в истории медных заводов Колыванских[3] упомянул о древних копях Алтайского хребта. Расскажу далее то, что из заслуживающего по этой части внимания я или сам видел или узнал от других в уездах Нерчинском и Селенгинском.

Первое место по справедливости должно быть отведено городам и древним укреплениям, которые я видел в Приаргунских землях. Пограничным и торговым городом является Цурухайту, лежащий на западном берегу Аргуни, в 161 версте выше Аргунского острога и верст на 10 ниже среднего устья р. Кайлара, из которого Аргунь берет свое начало. По крайней мере в 12 верстах ниже этого города в Аргунь с востока впадает р. Ган, а в версте, если не меньше, ниже Гана, с той же стороны в Аргунь впадает

р. Хауль, которая недалеко от устья своего принимает другую реку Дербуль, выходящую из местности, лежащей посередине между севером и востоком. Ган и Хауль устьями своими близки друг к другу, источниками же своими далеко расходятся один от другого. Местность, лежащая между ними, ровна. Единственная небольшая гора, или скорее холм, возвышается на одинаковом почти расстоянии от той и другой реки, верстах в 10 от Аргуни. У южной подошвы этой горы находятся остатки древнего укрепления, наиболее замечательные между остальными памятниками древности в этих местах.

27 июля [1735 г.] я отправился для осмотра этого укрепления с сотоварищем своим Гмелиным, рисовальщиком Люрсениусом и переводчиком Яхонтовым, взяв еще с собой из гарнизонных солдат этого города человека, хорошо знавшего дорогу туда. Добравшись по левой или западной стороне Аргуни до устья р. Гана, мы на лодке переправились через реку и затем остальную часть дороги прошли по прямой линии. Я взял с собой рисовальщика, чтобы снять вид с города, но, ознакомившись с местом, изменил свое намерение, полагая, что один план достаточно разъяснит все дело. [4]

Укрепление окружено валом (вышиною в рост человеческий), обнимающим четыреугольное пространство приблизительно в 300 саж., и рвом. По середине каждой линии вала — ворота, к которым можно пройти не прямо, а сбоку, так как они защищены полукруглою насыпью, которая с другой стороны соединяется с валом. По углам, а кое-где и по протяжению вала, находятся выступы, несколько похожие на наши бастионы.

Стороны вала и ворота соответствуют четырем странам света, конечно, не вполне точно, если их проверить по компасу. Прибегнув к магнитной стрелке, я заметил следующие направления, диаметрально противоположные воротам: востоко-северо-восток, юго-юго-восток, западо-юго-запад и северо-северо-запад. Я счел нужным обратить внимание на это с тем, чтобы кто-нибудь, следуя обычной ошибке лиц, по описаниям которых китайские и прочие восточные города в точности соответствуют главным странам света, не подумал, что они построены по направлению магнитной стрелки. Точно также и ворота не расположены ровно по середине линии вала, так что местами есть, может быть, разница на несколько аршин. Равным образом, при точном измерении сторон вала, я нашел, что восточная и западная стороны на 10 саж. длиннее остальных.

По середине пространства, огражденного упомянутым валом, находится другой четыреугольный вал, одинаковой с первым вышины, длиною с севера на юг в 80, шириною с востока на запад в 40 саж. Над укреплением как бы построено другое укрепление, в роде наших цитаделей. В этом (меньшем) вале 4 ворот, соответствующих, насколько возможно, воротам большого вала. Вокруг него также обведен ров. Но, говоря о рвах, я разумею только остатки их. Половина пространства, занимаемого этой цитаделью, ближайшая к северу, и более возвышена и на вид похожа на во-

ткнутый в подставку крест, одинаковой с валом вышины. На этом более возвышенном месте, кое-где на оконечностях, 4 четыреугольные и 1 круглый камни, шириною каждый около $^1/_2$ локтя, так скреплены землею, что поверхности их вполне соответствуют друг другу. На углу цитадели, между востоком и севером, также видно такое четыреугольное место, но меньшей вышины, чем первое.

Кроме того, подобное же сооружение находится внутри пространства внешнего вала, у восточных ворот. Оно окружено овальным валом, длиною (от севера к югу) в 55, шириной в 35 саж. Ворота в нем видны только одни с юга. С севера к валу примыкает четыреугольный бастион. Середину пространства занимает четыреугольное возвышение, длиною с востока на запад в 14, шириною в 12 арш. С севера и востока другие такие возвышенности, но меньшие и не столь выдающиеся, одна квадратная, другая круглая. Неподалеку от этого вала на восток находится яма, имеющая вид давно обвалившегося колодца. Другая подобная же яма находится в 30 саж. от восточных ворот средней четыреугольной цитадели на восток. Кроме того, местами в земле видны неглубокие ровики четыреугольной формы. Все остальное ровно.

Возвратившись, по осмотре этих древних остатков, в г. Цурухайту, я узнал от живущих в верховьях Аргуни тунгусов, что несколько таких древних укреплений находятся между городом Цурухайту и верховьями Аргуни. Так как я уже прежде, для исследований географических и исторических, решился предпринять путешествие до крайних пределов Российского государства, то последнее известие придало мне немало силы и желания осуществить мое намерение. Мне удалось увидеть на этом пути целые четыре укрепления, хотя и не одинаковые с первым, но все-таки уже потому не безинтересные, что описания их могут послужить к общей пользе.

Три первые укрепления лежат на западном берегу Аргуни. Первое отстоит от г. Цурухайту верст на 60, второе на 12 верст от первого, третье всего на 3 версты от второго. Эти три укрепления встречаются едущим сухим путем вверх по западному берегу Аргуни. Четвертое укрепление лежит в трех верстах от третьего по правую сторону дороги. Местность гориста, но отличается довольно обширными долинами. Нет в этих местах ни одной горы, ни одной долины, которые бы не были наделены особыми именами. По соседству каждого из трех первых укреплений к Аргуни прилегают долины, из которых нижняя у первого укрепления называется Караганату, средняя у второго укрепления — Кайлассуту и верхняя у третьего укрепления — Уртуй. Четвертое укрепление лежит в самой долине Уртуй. Отсюда до пограничной горы Абагайту, занимающей западный берег Аргуни, от среднего устья р. Кайлара мы насчитали около 20 верст.

У всех укреплений одна общая черта та, что они состоят из четыреугольного вала, одинаковой вышины с укреплением за-аргунским, но меньшего объема и без возвышений над остальною поверхностью. Первое укрепление содержит 18, второе 12, третье 15, четвертое 50 кв. саж. Вокруг всех

*

видны следы рвов. Ворот в каждом не более одних. В первом укреплении ворота обращены к юго-востоку, во втором к юго-юго-востоку, в третьем к юго-востоку, в четвертом к югу. Следует заметить, что ворота эти все выходят к Аргуни. Особенность четвертого укрепления заключается в том, что по середине трех сторон вала, где нет ворот, снаружи находятся такие же выступы, какие я заметил на укреплении по ту сторону Аргуни и что, несмотря на далекое расстояние его от Аргуни и на отсутствие воды в других местах, нигде там не видно следов колодца. Но почва в тех местностях такого свойства, что почти повсюду встречается много непостоянно бьющих ключей, которые в иной год дают воды в достаточном количестве, в иной же совсем высыхают. Поэтому кажется довольно вероятным, что некогда тут поблизости находился обильный водою ключ, которого теперь уже более нет.

Кроме того, в этих Аргунских местностях виден тянущийся по прямой линии вал, который, конечно, не менее заслуживает внимания. Достигли мы этого вала незадолго до того, как добрались до первого укрепления со стороны долины Караганату. По пути пришлось перебраться через него и несколько верст ехать вдоль вала. Я заметил его направление от запада-юго-запада на восток-юго-восток. Он не прерываясь тянется через долины и горы и не выше одного локтя, в некоторых же местах, особенно в гористых, так низок, что едва заметны следы его, благодаря, как я полагаю, силе ветров и дождей, которым он подвергался в течение долгого времени. Живущие в этих местах тунгусы рассказывали, что этот вал берет начало свое в землях монгольских, близ источников Онона, потом заходит за р. Олзу, впадающую в озеро Тарей, далее на восток от озера Тарей доходит до русских пределов и, наконец, перейдя за Аргунь, недалеко от того места, где мы добрались до вала, на юг от выше упомянутого укрепления за-аргунского, тянется неизвестно до каких мест.

Старался я узнать, но безуспешно, не сохранилось ли у тунгусов какого-нибудь предания об истории этих укреплений и вала. Никакого особого названия он не носит. Все это у тунгусов и монголов известно под общим названием Керим. Те же монголы знаменитую Китайскую стену также называют Керим, но с прибавкою эпитета Цаган (т.-е. Белый) Керим. Упомянутые укрепления скорее, кажется, служили лагерною стоянкою (где древние властители этих стран, проводившие кочевую жизнь под шатром, собирались только вследствие военных обстоятельств), чем постоянным местоприбыванием. На более возвышенных местах укрепления по ту сторону Аргуни находилось, кажется мне, местопребывание князя или вождей его, а небольшие ровики в том же укреплении, по моему мнению, составляли межи жилищ отдельных семей, так что упомянутый вал, вероятно, служил границей между различными народами.

Мессершмидт в рукописном дневнике своих поездок по Сибири упоминает о развалинах какой-то древней крепостцы при речке Уруленгуй, впадающей в Аргунь. Но я должен сознаться, что хотя мне при поездках к

Аргунским серебряным заводам, а оттуда к г. Цурухайту и затем обратно к соленому озеру Нерчинского уезда, трижды пришлось переправляться через речку Уруленгуй в тех же самых местах, в которых он переезжал через нее, но я тщетно у различных людей, как у русских, так и у тунгусов, спрашивал о тех развалинах. Впрочем, это не покажется нам странным, если мы примем в соображение, что путешествующим простой народ нередко имеет обыкновение навязывать небылицы, коль скоро они не хотят сами воочию осматривать все: ведь, издали глаза могут ошибаться и принимать что-нибудь за укрепление, что на самом деле не что иное, как скала необычной формы. Но почему Мессершмидт ни слова не говорит ни об одном из укреплений, виденных мною на Аргуни, тогда как, судя по дневнику, он ехал тем же самым путем?

Абулгази в «Истории татар» (стр. 101 франц. изд.) упоминает о четырех лежащих между Селенгой и Икар-Мураном городах, следы которых я с своей стороны отыскивал на землях, прилегающих к рекам Ингоде и Чикою (в своей истории серебряных заводов Аргунских, [5] я довольно ясно, кажется, доказал, что под именем р. Икар-Муран должно разуметь Онон, Шилку и Амур), [6] но ничего узнать о них не мог. Может быть, они лежат вне пределов Российской империи, на землях монгольских. О древнем городе Алакцине, лежавшем по Абулгази, на Икар-Муране, а по Страленбергу близ Аргуни, да о сотне других укреплений, которые Избранд видел на пути своем от Нерчинска к Аргунскому укреплению, также говорено мною в упомянутой истории заводов, [7] так что считаю излишним повторять эти мелочи.

Далее между памятниками древности заслуживают внимания могильные курганы. При переезде из Красноярска в Иркутск и оттуда в Селенгинск я не только сам не видел их, но и у жителей ничего не слышал о них. Приписываю это гористой и изобилующей лесами местности, которой, как уже упоминал о Красноярске, древние поселенцы не жаловали. Но как только я вступил на Нерчинскую землю, так я заметил бесчисленное множество курганов на берегу р. Уды, впадающей в Селенгу, и при р. Шилке, там где территория не покрыта горами, в особенности же на равнинах между Ононом и Аргунью.

По наружному виду это не холм, накиданный из земли, не куча камней, не круг из каменных глыб, не настилка из галышей, как курганы по р. Иртышу, имеющие, как я говорил, [8] подобную внешнюю форму, или как курганы в верховьях Енисея, упомянутые мною [9] со слов других. Таким образом я неправильно назвал бы их курганами, если бы слово это не вошло в столь общее употребление, что почти не допускает другого, равного ему. Эти курганы окружены большими каменными глыбами, величиною в рост человека, имеют четыреугольную фигуру, продолговатую с востока на запад. Если я говорю с востока на запад, то не следует принимать это в строгом смысле: при проверке по компасу всегда почти оказывалось некоторое уклонение от настоящего востока и запада. Глыбы

положенные с востока на запад, как вышиною, так и шириною, превосходят остальные. Внутренняя емкость курганов, по меньшей мере, имеет сажень в длину и полсажени в ширину, часто же бывает и больше. Надписей никогда нет. Очень редко они встречаются вскрытыми. Расспрашивал я, отчего это происходит, и получил в ответ, что приходили курганщики, но никаких сокровищ не нашли и потому напрасную работу продолжать не захотели. Известие это меня не устрашило, так как я надеялся, что если в этих курганах и не зарыты золотые и серебряные вещи, за которыми сибирские курганщики только и гоняются, то в них должны быть медные и железные изделия, которые могут служить к разъяснению истории древних поселенцев. Поэтому я тотчас же решился приняться за раскопку при первом удобном случае. На пути в Нерчинск не хватило на это досуга, а при поездке из Нерчинска к серебряным заводам Аргунским я не мог осуществить свое намерение за отсутствием русских поселенцев и неимением землекопных орудий.

Предвидя, что это неудобство встретится и впоследствии, мы порешили с Гмелиным одного из бывших при нас студентов Горланова отправить из Аргунских заводов обратно к Шилке и поручить ему, пока мы съездим к верховьям р. Аргуни, заняться раскопками близ деревни Городище, где я заметил большое количество таких курганов. Мы снабдили этого студента такими инструкциями и указаниями, которые, как я надеялся, будут достаточны на всякий случай. Но надежда моя обманула меня. Когда Горланов, по окончании нами поездки по землям Аргунским и Ононским, опять присоединился к нам в Чите, то он сообщил нам, что раскопал 15 могил, но не нашел в них ничего, кроме поломанной кости, которую и привез с собой и которую Гмелин признал за часть человеческого черепа. Горланов объяснил нам, что не сомневался в том, что дошел уже до дна могилы и потому счел излишним продолжать раскопку. Вследствие этого у меня вновь появилось желание убедиться самому, в чем дело.

Отправившись из Еравнинского острога в Удинск, мы взяли с собой все нужное для такой работы. В нескольких верстах от р. Уды, в местности, где нам пришлось расположиться для отдыха и пастьбы лошадей, мы встретили около десяти курганов, в близком друг от друга расстоянии. Я приказал вскрыть два кургана: один из них был окружен огромными глыбами камня, другой по наружному виду несколько меньше. Прокопав в последнем насыпь на $^1/_4$ локтя, мы нашли некоторые части лошадиного остова, а затем наткнулись на каменную глыбу в роде тех, которые стоят вокруг курганов. Она лежала горизонтально и представляла такую массу, что четыре человека не были в состоянии поднять ее; пришлось молотком разбить ее на куски, чтобы она тяжестью своею не препятствовала дальнейшей работе. По устранении этих препятствий, вскоре появились человеческие кости, из которых нам однакоже не удалось собрать необходимое для составления целого скелета, несмотря на все наше употребленное при раскопке старание не оставить чего-нибудь неисследованным. Кроме того,

естественное положение костей было нарушено. Несомненно было только то, как мы заметили, что как человеческие, так и лошадиные кости, принадлежащие к верхней части тела, в особенности голова, встречались с востока, нижние же кости, особенно ноги, с запада. В другом кургане человеческие кости находились в таком же точно виде. Лошадиных же костей в нем нигде не найдено, и доступ к костям не был закрыт каменной глыбой. На Иртыше я не встретил такого повреждения костей. Разломанные кости еще несколько белели, и для перелома требовалось усилие: сами собою, от легкого к ним прикосновения, они не могли крошиться. Вот весь плод наших трудов: нам достались только одни кости.

Древние рудные копи этих стран также должны быть причислены к памятникам древности и подлежали бы здесь рассмотрению, если бы это уже не было сделано отчасти мною в истории Аргунских серебряных заводов[5] и подробнее Гмелиным в соображениях его о горном деле древних обитателей Аргунского края.[10] Прибавлю тут только то, что я узнал на Аргунских заводах. Когда поля обнажаются от трав, то замечаются следы тропинки, идущей от древних копей до описанного нами выше укрепления по ту сторону Аргуни.

Мне остается еще упомянуть о тех памятниках древности, которые мне самому не удалось видеть, но о которых мне сообщил человек, заслуживающий доверия. В гористых местностях рек Кемника и Джиды, впадающих с запада в Селенгу, на обрывистых скалах часто видны изображения животных и иные фигуры, хорошо известные в других местах по писаным камням. Так как я узнал об этом лишь в Удинске, по окончании Нерчинского путешествия, когда мы уже собирались возвратиться из Забайкалья в Иркутск, то я очень жалею, что мне не удалось ни самому посетить те места, ни послать туда кого-нибудь из наших спутников.

Впрочем, предположения мои о происхождении всех этих памятников я изложил в неоднократно упомянутой истории заводов[5] и впредь, если найдется время, разовью их еще подробнее.[11]

Примечания

1. Статья «О древних памятниках в уездах Селенгинском и Нерчинском» перепечатывается из «Сибирских древностей» В. Радлова, где дан перевод этой статьи, написанной на латинском языке в 1735 г., по рукописи Архива Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 143. Статья входила в «Обсервации исторические», посланные Миллером в Академию 24 мая 1736 г.

2. Об упоминаемых здесь работах Миллера по археологии Сибири см. примеч. 2-е и 3-е к предыдущей статье; «обстоятельное известие о нынешнем состоянии рудокопных и плавильных заводов в Сибири и в Великой Перми» в рукописи Архива Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 18, «на 12½ листах».

3. История Колыванских медных заводов, составленная Гмелиным в 1735 г., среди рукописей Архива Акад. Наук, не найдена.

4. План древнего укрепления в 10 в. от Аргуни, в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 39/31 — воспроизводится в нашем издании (по описи 1748 г. № 37).

5. Историю Аргунских серебряных заводов, составленную Миллером в 1735 г., см. в рукописи Архива Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 20, стр. 1137—1177.

6. Ср. выше «История Сибири», гл. 1-я §§ 18 и 20.
7. Ср. также выше «История Сибири», гл. 1-я, §§ 17 и 21.
8. См. примеч. 2-е к предыдущей статье.
9. См. примеч. 3-е к предыдущей статье.
10. Соображения Гмелина о горном деле древних обитателей Аргунского края в рукописи Архива Акад. Наук, ф. 21, оп. 5. № 20, стр. 1179—1215.
11. Ср. также описание путешествия от Енисейска до Иркутска, составленное переводчиком Ильею Яхонтовым в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 2—70 и в «Обсервациях исторических» 1736 г., в том же Архиве, ф. 21, оп. 5, № 143.

ИЗЪЯСНЕНИЕ О НЕКОТОРЫХ ДРЕВНОСТЯХ, В МОГИЛАХ НАЙДЕННЫХ

Когда в прошедшем 1763 г. и в начале нынешнего ее императорскому величеству, всемилостивейшей нашей государыне, поднесены были некоторые в Сибири и в Новой Сербии, что ныне Новороссийская губерния, найденные могильные вещи, то ее императорское величество, по неизреченному своему в науках любопытству, соизволила указать, оные вещи сообщить мне, с таким повелением, чтоб я сочинил об оных, а паче о народах, коим оные вещи приписуемы быть могут, и о состоянии мест и могил, из коих вырываемы бывают, и о прочем, туда принадлежащем, некоторые изъяснения, что я учинил не замедля. Первое изъяснение было о Сибири, другое о Новой Сербии. Оба императорским величеством всемилостивейше были приняты, и мне объявлено высочайшее позволение, оные в пользу любителей истории в печать издать. Надлежит припомянуть при первом, что оно сочинено по случаю небольшого из Сибири привезенного золотого кувшинчика, изрядно резьбою украшенного; а при другом, что хотя во оном я ссылаюся на рисунки, однако оные здесь приобщены быть не могут. Самые вещи по ее императорского величества указу взнесены в императорскую кунсткамеру.

1

Древние могилы, кои находят в южных странах России и Сибири, различного бывают виду, хотя большая часть оных вероятным образом происходит от одного народа. На иных сделана из земли насыпь чрезмерной вышины, а на других токмо малая и почти с землею равная. Некоторые вокруг в круглую фигуру, но по большей части четвероугольную большими прямо стоящими дикими камнями обкладены; другие же токмо малою камней кучею покрыты и венцом из диких камней украшены. Иные внутри кирпичом выкладены, а иногда и сводом сделаны, другие же находятся просто в голой земле. Некоторые глубиною несколько сажен, напротив того при взведенных на подобие холма могилах примечено, что сей народ в таком случае удовольствовался делать токмо насыпь из земли. При всем том особливого удивления достойны превеликие дикие камни, коими некоторые могилы обкладены и при том в таких странах, в коих поблизости не видно никаких каменных гор, из которых бы оные камни брать можно было, так что сии камни с неописанным трудом из весьма отдален

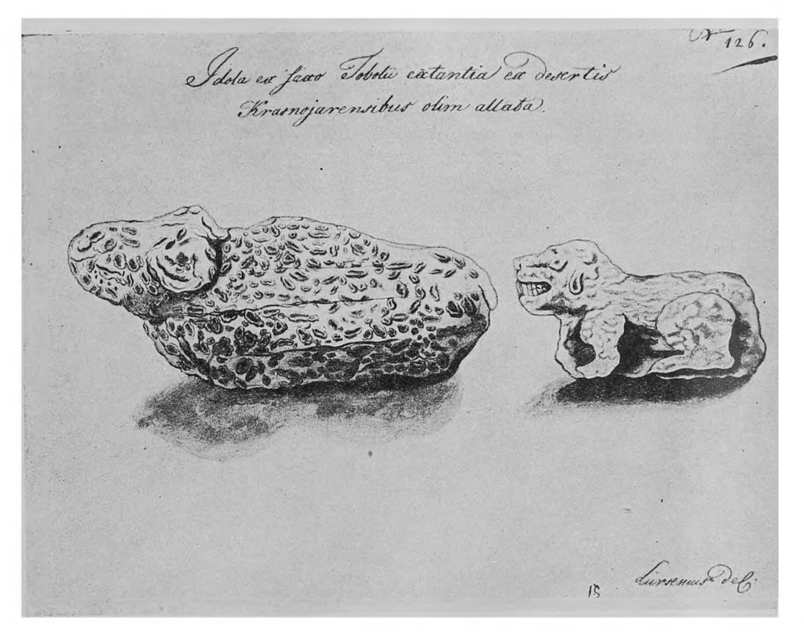

Рис. 29. Идолы, найденные в Красноярском уезде.
(Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 39/48.)

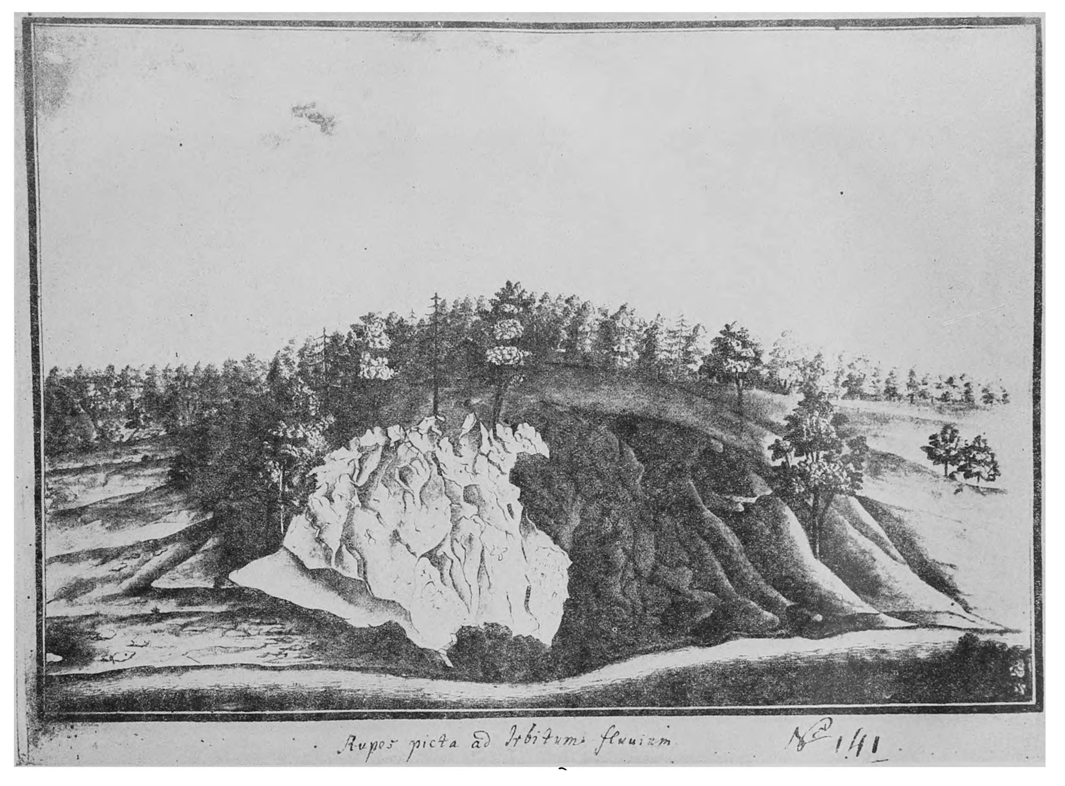

Рис. 30. Рисунок Ирбитской скалы.
(ГАФКЭ, портф. Миллера, рис. № 141.)

ных мест привозить надлежало. Вообще находятся сии могилы нигде больше, как в разных степях, бывших обитаемых народом, которого пропитание в скотоводстве и в звериной ловле, кажется, состояло. На могильных камнях высечены иногда некоторые фигуры, как то: человеческие лица и знаки крестов или другие тому подобные черты, кои, может быть, ничего не значили, а нет порядочных надписей ни на известных, ниже неизвестных языках и буквах, хотя на некоторых других камнях и статуях, в степи по сю сторону реки Енисея стоящих, надписи усмотрены, но их изъяснить было еще не можно.[1] Сии суть наружные признаки, различность могил изъявляющие. По внутреннему их состоянию или паче по находимым в них вещам разнятся они в следующем.

Во многих могилах найдены человеческие кости, а в некоторых и лошадиные, в таком положении, из которого заключить можно, что тела прежде не были сжигаемы; в других же усмотрены следы учиненного перед погребением разрушения тела, отчасти в неисправном положении костей, а отчасти в том, что многих костей недостает и что некоторые в пепел превращены были. Горшков или урнов, в кои другие древние народы обыкновенно схороняли пепел умерших, здесь не находится; но остатки тел по сожжении, или и самые целые тела, в тонкие золотые листы обернуты и так земле преданы. Нередко нахаживали много тел в одной могиле или кургане, в знак что на том месте либо происходило сражение, или что некоторые фамилии имели один кургам, и не было употребительно для каждого покойника делать особливую могилу.

Когда я упомянул о костях лошадиных, кои в сих могилах найдены вместе с человеческими, то оное есть доказательством особливого суеверия, наблюдаемого еще и ныне некоторыми восточными народами. Многие так думают, да и Магометов рай, кажется, на том же основан, что отшедшие души на том свете так, как на сем, одинакою жизнью наслаждаются. На такой конец знатному человеку потребна та лошадь, на которой он ездил, надобна ему милая его жена и любимый его служитель. Потому индиянка ввергает себя в пламя; и у якутов в то время, как они учинились российскими подданными, было еще такое обыкновение, чтоб убивать верных служителей у могилы господина и вместе закапывать, что продолжалось, как то мне известно из тамошних архивных писем, до тех пор, пока таких суеверных, яко дерзких убийц, к ответу позвали и наказывали действительно.[2] Для того же всегда украшали покойников по своим достаткам: мужчине саблю и обоему полу разную посуду и драгоценности, кои им в дальней езде, может быть, понадобятся, клали в могилу. Ныне хотя никто так глупо не рассуждает, что сии вещи покойнику потребны, ибо довольно знают, что все остается в могиле, однако за тем не отстают от прежнего своего обыкновения. То суть души лошадей, жен, служителей, украшений, мечей, сосудов и драгоценностей (ибо всякая вещь по сей философии имеет свою душу), кои посвящаются покойнику. Сие древнее мнение по всей его обширности содержали и соделатели сих могил. Великие драго-

ценности из злата и серебра, в прежние времена из тех могил, о коих здесь говорится, взятые, видеть можно в императорской Кунсткамере при Академии Наук.[3] Видя оные, изумиться должно, и едва ли кто, кроме показанной мною причины закапывания, другой открыть может.

Но в сем, а именно, в изобилии или недостатке драгоценностей, кои в могилах некоторых стран найдены и, может быть, еще найдутся при дальнейшем искании, состоит особливая естественная разность между оными. Богатые могилы доказывают знатность погребенных особ и богатство того народа. Скудным и простым людям никаких драгоценностей в могилу класть было не можно, и когда в большой стране все могилы скудны, то сие есть доказательство о бедности всего народа. Самые богатые могилы найдены при Волге, Тоболе, Иртыше и до реки Оби, посредственные в степях реки Енисея, а самые бедные по ту сторону озера Байкала. Не следует из того, что во оных странах жили народы совсем различные. Сия разность доказывает токмо разное состояние одного и того же народа, который сперва был беден, а потом нарочито разбогател и по всем сим странам, хотя в разные времена, живал, что изъяснить история нам помогает.

Однако, примеченное при некоторых могилах в верхней стране реки Енисея обстоятельство делает в том изъятие. Вместо золотых и серебряных украшений и сосудов, кои находят в других могилах, здесь все состояло из красной меди, как то: медные ножи, кинжалы, стрелы и все то, к чему, впрочем, железо гораздо удобнее. Итак, народ, похоронивший там своих покойников, может быть, еще не знал употребления железа. Следовательно, эти могилы гораздо старее прочих. Имевши случай в 1735 г. купить в Красноярске немалое число сих медных вещей, кои по возвратном моем прибытии отдал я в императорскую Кунсткамеру, заключал я по сему примету, что в тамошних странах должно быть множество медной руды. И, действительно, нашли оную в Саянских горах, искав по старым шурфам и ямам, из коих прежние жители сих стран медную руду добывали. Также и в равной степени около реки Абакана нашли медную руду и вскоре потом при речке Лугазе медной завод построили, от которого несколько лет хорошие были доходы. Хотя после руда сия уменьшилась, однако я уповаю, что то происходило от нерадения искать новые рудные места. Ибо состояние руд в Сибири, кои все находятся гнездами, требует, чтоб непрерывно искали новые ямы. Подобную догадку основал я тогда на имени Алтайских гор, потому что Алта на мунгальском и калмыцком языках значит золото, из чего заключил я, что в оных горах должно быть золото, которая моя догадка после того при Колыванских Воскресенских заводах довольно и подтвердилась.

В истории ничего ясного не содержится о том народе, который погребал там своих покойников и употреблял медные оружия и снасти вместо железных. Но то вероятно, что надписи с неизвестными литерами, о коих выше мною сказано, что они в сих же странах найдены, сему же народу приписаны быть должны. Пришло мне на мысль, что были то уйгуры или

игуры, от коих Чингис-хан, сей великий основатель Татарской и Мунгальской монархии, когда его народ не знал еще грамоте, принял грамоту. В самом деле, уйгуры должны быть старый и политичный народ, когда грамота была им так собственна, что они букв себе от других народов не занимали, но паче в том от всех прочих рознились. Неизвестные надписи суть сего рода. Если мы будем думать, что сия была та грамота, которую Чингис от них принял, то либо он паки отставил оную или его последователи в правлении оную переменили на другую, ибо нынешняя мунгальская грамота ясно показывает сирское свое происхождение. Но и сия некоим образом уйгурейскою назваться может, потому что несторианской секты христиане или проповедники веры, из Сирии пришедшие, находились между уйгурами и свою грамоту мунгалам сообщили. Сверх того, слово уйгур или югюр на мунгальском языке всякого пришельца значит. [4]

С большею подлинностию о татарах Чингис-хана и ближних его последователей утверждать можно, что все прочие старинные могилы как в России, так в Сибири, от них происходят. Чингис основал свое государствование в начале XIII столетия. Как мунгалы, так и татары, коих соединил он под свою державу, были тогда народ бедный, который по степям рек Селенги, Толы, Орхона, Онона странствовал и до озера Байкала иногда распространялся. Из сего видно, для чего в тамошних могилах толь мало драгоценностей находится. Сие обстоятельство как получает свет из истории, так и взаимно ей самой сообщает. Но как могилы Селенгинских и Нерчинских степей с тогдашней скудостию народа совершенно сходствуют, то опять нетрудно показать, откуда достались татарам великие в прочих могилах найденные сокровища.

Чингис положил начало завоевания Китая, которое внук его Каблай только счастливо привел в совершенство, что он в 1281 г. основал там новое царское колено, которое под именем Юен до 1369 г. продолжалось. В Китае добыли татары первые свои сокровища. Однако тем еще не были они довольны, но похитили почти всю Азию и большую часть Европы, почему богатство их непрерывно увеличивалось. В 1224 г. пришли они в первый раз в Россию и при реке Калке достопамятную выиграли победу. Говорить о том не нужно, как они в 1237 по 1240 год привели всю Россию в порабощение. Хотя они повсюду рассеялись, так что воевавшие в Азии имели токмо общее имя с пошедшими в Европу, однако глава фамилии или определенной к тому от своего предка был от всех признаваем за всеобщего государя; следовательно, в главный его стан стекалась большая часть добычи от толь многих земель и народов. При сем кажется мне вероятным, что оный главный стан около половины XIII столетия был в степи около реки Иртыша, и что принадлежащие к нему ближние народы под их властителями все страны между Яиком и Обью кочевьями своими наполняли. Я говорю здесь о том времени, когда римские проповедники и посланники Карпини и Рубруквис и другие туда ездили. В их пути описаниях [5] Яик есть последняя река, о которой они упоминают. Если бы они и через Ир-

тыш переходили, то они бы и о сей реке объявили. Но как они того не учинили, то я из того заключаю, что они главный стан ханов, к коим были посланы, застали еще на сей стороне реки Иртыша. Сие же самое показывает и причину великих сокровищ, кои в тамошних могилах найдены.

К деланию оных драгоценностей употребляли татары европейских серебреников, ибо Рубруквис упоминает о французском серебренике Гильоме, которой для хана Мангу весьма искусную работу сделал. Батый, завоеватель России, Польши, Силезии, Венгрии, не мог иметь недостатка в таких художниках. Да и сказывают, что самые лучшие вещи, что до работы касается, найдены в могилах около реки Волги, которые, может быть, и в богатстве ни мало прочим не уступали. Имя «Золотая орда», коим прозван главный стан владевших Россиею татарских ханов, не па ином чем, как на богатстве оных татар основано было.

Говорю я о могилах «Золотой орды» токмо по чаянию для того, что открытие оных в толь отдаленных временах учинилось, что никто того не запомнит. Если драгоценности императорской Кунсткамеры оным странам приписывают, то чинится сие токмо по одной вероятности, а доказать оного не можно. С могилами при реках Иртыша, Тобола, Оби, Енисея учинилось тому противное. Сии свободно рассматривать возможно уже стало с начала нынешнего столетия, когда калмыки и киргизы, кои набегами своими оные страны беспрестанно обеспокоивали, оттуда удалились. Еще многих людей застал я в Сибири, кормившихся прежде такою работою, но в мое время никто больше на сей промысел не ходил, потому что все могилы, в коих сокровища найти надежду имели, были уже разрыты. Не инако, как люди ватагами ходя па соболиный промысел, так и здесь великими партиями собирались, чтоб разделить между собою работу и тем скорее управиться с многими курганами. К тому же еще и по отходе калмык страна между Обью и Иртышом от разъезжающих киргис-казаков находилась в опасности. А на западную сторону Иртыша по то время, как я был в Сибири, еще никто ходить не смел, потому что там киргис-казаки почти непрестанно разъезжали, и не так еще, как ныне, крепостями ограждены были. Может быть, что в оных странах откроют впредь еще многие драгоценности.

Не мог я проведать, какие то признаки богатых могил, по думалось мне, что те люди справедливо говорили, которые о находящихся на восточной стороне Иртыша и еще неразрытых могилах мало доброго предсказывали. Ибо сам я то изведал в близости Устькаменогорской крепости, разрывая многие такие могилы, чтоб усмотреть внутреннее их состояние и положение костей, а другие между Ямышскою и Семипалатною крепостями разрыты были некоторыми из нашей свиты; но нам драгоценностей ничего, ниже малейшей цены достойного, не досталось.[6] Все найденное состояло токмо в малых и худых железных вещах, кои так перержавели, что едва узнать было можно, к чему они служили. В Нерчинск ехавши, усмотрел я на берегу реки Шилки, при деревне Городище называемой, много древних

курганов вместе, почему я вознамерился на возвратном пути, получив свободное к тому время, разрыть некоторые из оных. Но случилось, что я за другою нужнейшею ездою туда не возвратился. Для того послал я туда одного из наших студентов, чтоб то сделал. Он толь же мало достойных вещей, да и не человеческих костей, но токмо лошадиные, в могилах нашел, из чего заключить можно, что там зарыт был токмо пепел сожженных тел, в котором остатки человеческих костей через толь долгое время могли исчезнуть, как напротив того оставшиеся от несожженных, но у могилы убитых, лошадей кости долее в целости пребывали.

А хотя я сам не был так счастлив, что найти какие редкости в старинных могилах, однако в бытность мою на Колывано-Воскресенском заводе удалось мне купить некоторые вещи из золота, кои я потому, что они весьма достопамятны, по возвращении моем из Сибири отдал в императорскую Кунсткамеру. Между оными находился человек на лошади сидящий, нарочито чисто выделанный.[7] Притом были и некоторые деньги, на лице расцветшую розу представляющие, но без надписи.[8] Сие доказывает, что народ, который чеканил сии деньги, не знал еще грамоты. По крайней мере, они старее, нежели введение магометанского закона у татар, ибо с сим татары и арабскую грамоту приняли и на своих деньгах употреблять начали.

Могильное золото редко бывает чисто, но всегда имеет примесь серебра, а серебро часто бывает смешано пополам с медью. Кажется, что татар тем обманывали европейские серебреники, потому что они могли уповать, что татары такого обмана не узнают.

Сожаления достойно, что толь многие золотые и серебряные вещи незнающими людьми, коим они в руки попались, растоплены бывали. Однако можно из тех, которые хранятся в императорской Кунсткамере, о многих обстоятельствах, до древних татар касающихся, получить еще некоторое понятие.

Примечания

1. Ср. далее статью Миллера о сибирских писаных камнях.

2. «Архивные письма», которые Миллер имеет здесь в виду, см. в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 34.

3. Золотые и серебряные вещи б. Кунтсткамеры Академии Наук переданы в 1859 г. в Государственный Эрмитаж.

4. Об уйгурах см. В. Радлов, К вопросу об уйгурах, СПб. 1893; В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб. 1900, стр. 416—420, и др.

5. Выдержки из их описаний путешествий см. у М. П. Алексеева, Сибирь в известиях зап.-европ. путешеств. и писателей, т. I, Иркутск, 1932, стр. 3—14, 14—20, 28—46.

6. Об этих раскопках Миллер рассказывает в описании путешествия 1734 г. вошедшем в «Историю Акад. Наук», см. «Материалы для истории Акад. Наук», VI, стр. 354—357.

7. Снимок у Радлова, Сиб. древности, I, в. 3, прилож., стр. 123.

8. Описание старинных и новых китайских монет, найденных в 1734 г., Миллер дал в «Обсервациях исторических» 1735 г. (Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 143, л. 2); каталог вещей, переданных им в Кунсткамеру в 1743 г., см. в Архиве Акад. Наук ф. 3, оп. 1, кн. 814, об описании вещей, приобретенных на Колывано-Воскресенских заводах, см. выше, прим. 3-е к статье о «памятниках древности, найденных близ Абаканского и Саянского острогов».

О СИБИРСКИХ НАДПИСЯХ

Часть первая

О сибирских писаных камнях

Думаю, всеми признано, что древняя история получила много от изучения старинных письменных памятников, надписей и монет. Для этого необходимо, чтобы такие памятники состояли из определенных буквенных начертаний, а не представляли пустые выдумки досужих людей; чтобы написанное было на языке, известном ученым; чтобы эти памятники были заведомо старинными и не слишком подверглись порче благодаря действию времени или воздуха. Но если видишь фигуры, представляющие различные предметы, расположенные нестройно, запутанно и без всякого порядка; если наблюдаешь начертания букв, которые никто из ученых никогда не видел; если не можешь установить ни народа, ни языка, ни времени, к которым их следует приурочить, — я совершенно не знаю, как нужно тогда приниматься за дело. Состояние почти всех сибирских надписей, как я сказал, ведет к их уничтожению. Итак, мало полезного я обещаю от того, о чем буду говорить. Однако, и молчать нельзя. Напротив, необходимо удовлетворить любознательность людей. Никто еще из ученых не сомневался в том, надо ли опубликовывать все памятники древности, каковы бы они ни были, и прежде всего те, которые находятся в странах, отдаленных от нас, и обычно остаются до сих пор неисследованными. Затем есть твердая уверенность в том, что в будущем скрытое от нас при одних обстоятельствах при других получит достаточное освещение. Следует поэтому произвести справедливую оценку всем вещам, чтобы никто не думал слишком высоко о ничтожном и не считал пустяками то, что достойно в будущем исследования. Не считаясь с авторитетом известных писателей, следует разобраться в том, что не соответствует истине о сибирских письменных памятниках. Итак, я займусь сочинениями, посвященными сибирским надписям, и сначала разберу те надписи, которые, по моему мнению, некоторыми писателями нашего времени ошибочно приняты за надписи; затем покажу настоящие надписи, которые видел в Сибири я сам и другие лица.

Я считаю, что ошибочно признаны надписями те изображения людей и животных и иные непонятные рисунки, с первого взгляда на которые ясно, что они не имеют характера букв. Их можно видеть в довольно многих местах Сибири, по берегам рек, на крутых скалах. Писаны они красками или вырезаны на камнях; отсюда среди русских общеупотребительное название для них «писаный камень».

Большой писаный камень на реке Ирбите, в 80 верстах от впадения его в реку Ницу, описывает Витзен, слова которого я приведу здесь в переводе, так как книга его имеется у немногих: «В Сибири, недалеко от города Верхотурья, на одном утесе найдено несколько изображений, которые принимаются за неизвестный нам род письма или за клейма, означающие

определенные вещи. О возрасте их самые старые жители этого места утверждают, что эти изображения существовали еще до прихода русских в этот край, т. е. более ста лет назад. Когда же именно и кем они сделаны, никому неизвестно. Цвет их, как сообщают, буро-желтый; они имеют семь пядей вышины, шесть в ширину, — находятся на горе, на гладком камне, который возвышается над рекой на $1^1/_2$ сажени. Здесь в былое время вогулы и другие народы, жившие по соседству, имели обыкновение приносить жертвы богам. Вся скала имеет в ширину 7 саженей, в высоту 18. Река, протекающая рядом, Ирбит, ближайшая деревня — Писанец, равным образом и скала носит то же название. Эти изображения в их настоящую величину некий канцелярист по имени Коим вычертил помощью сорванной с дерева ветки, за отсутствием иных необходимых для росписи предметов, пользуясь какою-то темноватою краскою, которая в этих местах выкапывается из земли. Внимательно рассматривая эти изображения,[1] никем ранее не разобранные, я, кажется, различаю среди них гору Голгофу, на которой спаситель мира был распят на кресте. Это доказывает фигура под литерой *N*, близ которой под литерой *K* находятся два креста, на которых были повешены два разбойника. Меньшая фигура около креста писана сбоку и как бы наклонилась. Но, может быть, места на скале было слишком мало, а потому живописец мог изобразить ее не иначе, как сказанным образом. Под литерой *O* ясно усматривается имя девы Марии, обозначенное надломанной литерой *M*; изображения же, обозначенные литерой *B*, представляют, кажется, воинов; здание под литерой *P*, по-моему, гроб, а изображение под литерой *S* — камень от гроба. Кресты писаны не совсем по обычаю нашей страны, но этому никто не удивится, кто знает, что в землях восточных соблюдается не такой способ изображать крест, как у нас. Несколько грубее изображение под литерой *Г*, которое, думаю, представляет темницу. При обоих крестах под литерой *K* изображено копье. Под литерой *K* лежит также сломанный крест, каких, может быть, довольно много находится на Голгофе. Близ него бросается в глаза какой-то деревянный обломок. Фигура под литерой *W*, кажется, представляет жилище, которое обращает на себя внимание тем, что находится в наклонном положении; это сделано, может быть, потому, что живописцу не хватило места написать его в прямом положении. Принимая все это во внимание, мне кажется весьма вероятным, что первые христиане, которые много лет назад пришли в это место и здесь устроились на постоянное жительство, гнушаясь языческих жертвоприношений, обычно происходивших у этой скалы, захотели начертать на ней внешние знаки христианского культа по греческому обряду, что и выполнили недостаточно искусно. Может быть, уже много веков назад христианская религия распространилась в этих странах, почему изображения можно считать очень древними, а значение их забытым спустя такой большой промежуток времени. Линии, заключающие рисунок, означают места скалы, не совсем сглаженные и выравненные. Наконец, фигура человека, стоящего вдали, представляет

или Иосифа Аримафейского, который пришел по наступлении вечера, или же живописец хотел изобразить самого себя, чтобы оставить и по себе память».

Читая это место в сочинении Витзена и не видя самих изображений, не напечатанных в книге,[2] не знаю, по какой причине, как не получить все же яркое впечатление об этой Ирбитской скале? Но рассмотрим изображения, изданные в «Письмах» Купера,[3] при стр.108, и Страленбергом,[3] стр. 364 и сл., и постараемся решить прежде всего вопрос: содержат ли они что-нибудь сходное с тем, что дал Витзен. Рисунки Купера и Страленберга довольно похожи друг на друга, только порядок таблиц и изображений на таблицах у того и у другого не один и тот же. Нет никакого сомнения, что у Купера речь идет о тех же изображениях, которые Витзен получил из Сибири; на основании тех трех крестов, которые имеются в его таблицах, Купер говорит также, что они имеют отношение к христианской религии; кроме того, он уверяет, что там же находится монограмма спасителя, изображенная у него. По словам Купера, иные изображения, отличающиеся от этих, видел некогда достопочтенный Лакрозий в Берлине,[4] но не подлинные изображения, а только их рисунки. Мне кажется, что здесь речь идет о тех рисунках, которые издал Страленберг и которые были ему сообщены, когда он находился в Берлине. Они почти ничего общего не имеют с Ирбитской скалой, как она выглядит в наше время. Страленберг не говорит, что он видел скалу, а изображения не позволяют говорить об ином живописце или ином способе письма сравнительно с тем, что рассказывает Витзен. Не знаю, какое объяснение давал Лакрозий изображениям, но какое-то давал, о чем заключаю из слов Купера. Я думаю, что он сообщил свои домыслы Страленбергу и предоставил последнему издать их под своим именем.

Когда я находился около Ирбита,[5] мне показалось стоющим делом съездить к писаной скале для того, чтобы выяснить истинное состояние ее и чтобы дать рисунок ее, исполненный более исправно и искусно, чем прежние. Имя этой скалы — Писанец Камень, что иначе означает, как я указывал раньше, писаный. Она находится на левом или западном берегу реки Ирбита, выступая к реке в виде обрыва с несколькими более выдающимися частями и возвышаясь над поверхностью воды, вопреки сообщению Страленберга, не более шести саженей. Я не наблюдал, чтобы скала выступала в реку тремя сторонами. Она выступает, конечно, но только в виде некоторой округлости, около которой река делает поворот. Изображения на беловатой известковой скале писаны, но не выжжены, как говорит Страленберг, красной краской неумело, грубо и беспорядочно, как обыкновенно делается самыми неискусными рисовальщиками. Можно даже сказать, что они сделаны пальцем, потому что почти равняются ему по толщине. Многие стерлись, благодаря действию воздуха. Оставшиеся представлены на таблице верно.[6] Я не колеблюсь сравнить их с рисунками детей или произведениями праздных людей, неопытных в искусстве письма и живописи, когда они делают на бумаге или пишут на песке разные бес-

Рис. 31. Рисунок писаного камня на р. Томи. (ГАФКЭ, портф. Миллера, рис. № 138.

порядочные изображения. Я не наблюдал там ничего, что было бы похоже на связный ряд изображений. Здесь изображения людей, там — животных, ничем органически не связанные. Если вместе со Страленбергом признать эти изображения иероглифическими, то едва ли можно будет догадаться, для представления какой вещи в природе они годятся хотя бы в малой степени. Мне трудно уверить себя, что такие произведения принадлежат людям, которые хотели передать потомству память о себе или о своих деяниях, и я не усомнюсь назвать большим фантазером того, кто на самой скале усмотрит то, что Витзен и Купер, как им показалось, усмотрели в сообщенных ими изображениях. И потому, если нет других свидетельств, я не думаю, чтобы эти изображения доказывали, что христианская религия была распространена в этих местах еще до прихода в Сибирь русских. Но Витзен, честный писатель, описывая художественное и искусное выполнение присланных ему изображений, сам обесценивает свое толкование. Он упомянул канцеляриста, который, без сомнения, принадлежал к низшему разряду писцов. Они же вообще привлекаются к делам, когда их начальники исполняют обязанности судей, и уезжают далеко от города не иначе, как по очень важным причинам. Коль скоро это был писец, то, насколько нравы людей этого рода нам известны, не будем ожидать тщательности и искусства в сделанной им зарисовке; она не могла быть выполнена «помощью сорванной с дерева ветки»; отсюда я заключаю, что по небрежности и невежеству, или по отсутствию нужных для рисования принадлежностей, было сделано притом много ошибок, которые привели Витзена и Купера к преувеличенной оценке этого произведения.

Если во всем этом я не ошибаюсь, то же суждение надо высказать по поводу догадки, сделанной Страленбергом, когда он эти изображения сопоставляет с древнейшими начертаниями букв, бывшими некогда в употреблении у китайцев. [5] Если верно, как сообщает Пти де-ля Круа, [6] что китайцы некогда устраивали колонии в Скифии, то я под этим понимаю не настоящую Скифию, имя которой даже не упоминается в китайских летописях, но объясняю, как заимствованное французским автором, который под обширной Скифией понимал земли монгольские, соседние с китайскими. И кто же поверит тому, что китайцы для того только ездили через Сибирь, через обширнейшие поля и дремучие леса ее, чтобы здесь на реке Ирбите оставить следы своего пребывания? Китайцы, природные свойства которых я достаточно наблюдал, по натуре своей стремятся не к ведению войн в чужих землях, не к предприятию долгих и дальних переездов, не к устройству поселений в далеких областях, но к осторожному, робкому и лукавому ведению своих дел дома. Мы владеем, и это — не последний успех нашего века — важнейшими памятниками китайской истории, списанными с китайских подлинников и переведенными на русский язык опытнейшим переводчиком. [7] Ничего там не говорится о скифах, и самое слово скифы

---

[5] Кирхер издал довольно много их в «Иллюстрир. Китае», стр. VI, CCII, 227 и сл.

[6] Histoire de Genghis Chan, стр. 83.

китайцам неизвестно, а также о военачальниках Квимпинго и Квинпинго, имена которых даже не могут быть выговорены китайским нёбом. Вот то, что имеет некоторую связь с рассказом Пти: «При династии Чихана (в просторечии Ган), правления Сиаоу-ди или Хау-ди[в] в год XIV (т. е. в 127 г. до н. э.) вожди рода Хиун-ну тревожили набегами город Шангу и иные соседние города. Чтобы прогнать их, царь послал большой отряд воинов под предводительством двух военачальников Вын-дзинг и Лизи, которыми упомянутые вожди были побеждены, и целая область, расположенная к югу от реки Хуанг-хо (Гоанг-го), обращена в провинцию. За столь значительную заслугу царь наградил вождя Вын-дзинга титулом Чаппин-хиу, т. е. Вечно счастливый вождь. Некий советник, по имени Джусу-янг, советовал: в виду большого плодородия этой области, защищенной рекой, построить на берегу реки города, а вождей рода Хиун-ну задержать подольше и выслать туда колонию, чтобы область более не нуждалась в подвозе провианта из другого места. Народы, ведущие кочевой образ жизни, ничем другим нельзя удержать и уничтожить, как постройкой городов между ними. Совет, многим царедворцам не понравившийся, царю, однако, понравился. Города были основаны, и более 100 тысяч человек, добровольно вызвавшихся, по приказанию царя, удалились в эту новую провинцию на жительство». Это место, изложенное точно по китайскому оригиналу, ясно показывает, как неправильно этот рассказ относить к Сибири.

Я хочу добавить кое-что в связи с описанием Ирбитской скалы. Упоминаемых Страленбергом могильных холмов я не нашел ни одного и не могу понять, что послужило поводом к сложению басни о них. В том же, что мы читаем у него о пещере, сделанной людьми или природою, где курганы яко бы укрываются под кровлею, имеется какая-то путаница в рассказе: пещеры, расположенные с северной стороны скалы, приблизительно на половине высоты скалы, довольно несообразно соединяются с фиктивными курганами. Кто и когда наблюдал могильные курганы в пещере? И кто отведет для них место там, когда размеры входа в пещеру не превышают пол-локтя? В горах, состоящих из известкового камня и алебастра, находятся многочисленные пещеры. Такую же природа устроила здесь; она внутри больших размеров, чем это представляется извне. Чтобы основательнее ее исследовать, я велел войти в нее мальчику из соседней деревни, который вполз туда не без затруднения; внутри же он стал прямо и, щупая пальцами, не заметил ничего, что казалось бы достойным примечания. Страленберг не отметил, что на вершине горы заметны следы земляного вала, опоясанного рвом, полукруглой формы, края которого касаются крутого бока горы, противостоящего реке. Отсюда очевидно, что это место служило прежним обитателям для обеспечения безопасности против вражеских набегов. Страна во многих местах гориста и покрыта болотами и очень густыми ле-

[в] У Du Halde, Description de la Chine, т. I, стр. 355, имя это написано Чао-ти, у Менцеля, Chronol. Sin., стр. 55, Хао-ти. Ни тот ни другой не упоминают приведенного нами факта. В исчислении годов также они расходятся с нашим счетом.

сами; но кое-где видны также и поля, единственные по своему плодородию и дающие земледельцам обильнейшую жатву. Ближайшая деревня, расположенная в одной версте ниже скалы на том же берегу реки, называется по имени скалы. То, что Витзен писал о пришествии русских в эти земли за тто слишком лет, надо отнести к началу занятия Сибири донскими казаками, совершившемуся в конце XVI в. Через довольно короткий промежуток времени река Ирбит начала заселяться русскими. Ирбитская слобода, расположенная при устье реки, основана в... году. [г] Белослудская слобода, стоящая на правом берегу Ирбита в 40 верстах от Ирбитской и в стольких же верстах от писаного камня, поставлена в... [д] году. Вогулов, которые до прихода русских населяли эти земли, в наше время там нет ни одного. И я не мог разузнать, верно ли то, что Витзен говорит о камне: «Вогулы и другие соседние народы имели обыкновение в его соседстве приносить жертвы богам». Русские, живущие в окрестностях, говорили мне, что они ничего этого не помнят. Между тем, это известие Витзена вполне правдоподобно, потому что у вогулов есть обычай особо почитать некоторые горы, именуемые на их языке «елпингкаеве», приносить им жертвы, или, точнее сказать, главным божествам тех мест совершать возлияния, обернувшись лицом к горе. Вы хотите узнать значение этого слова? Оно обозначает «священная или божественная гора»; словом, «елпинг» они обозначают также некоторые почитаемые реки и ручьи. Русские переводят его «шайтанский», т. е. дьявольский, что вполне правильно, если религию этих народов рассматривать, как дьявольскую, от которой, однако, очень многие отказались милостью верховного божества и заботами бессмертной памяти императора Петра Великого. Но перехожу к другим писаным скалам.

Отправляясь далее к востоку, встречаем реку Пышму, на берегу которой Страленберг (стр, 368), по его словам, нашел на какой-то скале вырезанные изображения красного цвета, которые и издал (табл. XVII и XVIII) в красках.[8] Если эти изображения в действительности существовали, то их должно счесть за совершенно неизвестный до сих пор никому из ученых особый род письма. Но да простит мне муж заслуженнейший мои слова: на реке Пышме ничего подобного не встречается, и в той местности нет скал. Когда я был на этой реке в разных местах, я настойчиво расспрашивал об этом русских и татар, живущих там, но не мог получить известий о какой-либо скале, на которой были бы какие бы то ни было изображения. Страленберг не описывает этого места. Я думаю, что он был введен в заблуждение ложным рассказом и доставленными ему вымышленными изображениями, насколько мне лично известно, каких нигде во всей Сибири не находится. К этому присоединилось у него ошибочное мнение о названии Пышма, будто оно русское и означает «письмо», в чем он явно заблуж-

---

г *Пропуск в рукописи. Ирбитская слобода основана в 1633 г. (Миллер. История Сибири, VIII, § 57).*

д *Пропуск в рукописи. Белослудская слобода основана в 1644 г. (Миллер. История Сибири, т. VIII, § 66).*

дается, ибо это название принадлежит соседним татарам, которые его произносят «Пишни» (Pyschni). Русское же слово «письмо» произносится без «ch».

Почти так же обстоит дело с изображениями на горе Итик, или пирамиде, как хочет называть ее Страленберг (стр. 371).[9] Надо благодарить автора за его честность,когда он добавляет, что об этом ему сообщено жителями Сибири. Я же скажу иное, чем он: когда я стал расспрашивать об этих изображениях татар, которые охотясь часто бывают на реке Ишиме и доходят до самой горы Итик и дальше, я получил в ответ, что на вершине этой горы находится значительной величины озеро, но нет ни пирамиды ни другого памятника, украшенного изображениями. Впрочем, гора эта, лежащая на восток от реки Ишима, как сообщают, очень высока и недоступна и только с одной западной стороны на нее ведет вход, да и тот довольно затруднителен. Вокруг же лежат меньшие горы, из которых некоторые носят особые названия.

Кроме того, известны покрытые фигурами скалы по рекам Томи и Енисею, о которых упоминает тот же Страленберг (стр.337;с части этих фигур он издал рисунки), прибавив, что его рассказ надо сравнить с рассказом Мат. Белого (De veter. litter. Hunno-Scythica, p. 15) о заметках и знаках, которые обычно употребляют в Венгрии трактирщики и иные люди, не умеющие писать. Мне лично эти скалы не пришлось видеть. (О причинах можно прочесть в описании нашего путешествия.) Однако, по моей просьбе, скалы на Томи и Енисее описал мой спутник по путешествию и друг мой Гмелин, который позаботился также, чтобы были сделаны тщательные рисунки их.[10]

Скала, которая по высеченным на ней фигурам, называется русскими Писаным Камнем, расположена на восточном берегу реки Томи, в 16 верстах ниже Верхне-Томского острога; очень близко от нее в Томь впадает речка, при устье которой стоит деревня, не обитаемая русскими; обе (и речка и деревня) имеют от скалы название Писаных.

Река Томь, которая большею частью своей течет на север и на северо-запад, здесь почти поворачивает на запад. Скала, на которой изображены фигуры, вышиною около десяти саженей, обращена лицом к реке. Она состоит из какого-то ломкого камня тальковой породы, внутри зеленоватой, снаружи грязноватой, которую многократно пересекают поперечные жилы другого более мягкого пластующегося камня из талька и кварца. Самая нижняя часть скалы, покрытая изображениями, возвышается над поверхностью реки приблизительно на две сажени и имеет внизу некоторый выступ, соприкасающийся с рекой, взобравшись на который не без труда, можно прекрасно видеть главную часть фигур. Фигуры выступают как бы на одной доске вверх сажени на три, причем среднее пространство занимает одна из вышеназванных жилок, идущая горизонтально. Вблизи направо, на таком же расстоянии от реки, видна другая группа фигур, имеющая только треть вышины предыдущих, и вместе с ними простирающаяся на семь саженей в ширину. Отсюда по трещинам между обеими передними

частями писаной скалы есть очень трудный проход к более отдаленному углу верхней части, который совершенно таким же образом, как и передние места, украшен фигурами и обращен также к югу. Фигуры иссечены каким-то резцом так, что внутренняя зеленоватая окраска камня совершенно ясно обрисовывает их очертания. Большая часть представляет оленей, серн, козлов, лосей, лошадей и других животных этих мест; некоторые же дают изображения людей, но все они даны только наружными очертаниями и довольно грубо. Более других замечательна на правой нижней части фигура человека, у которого голова окружена лучами; на верхней передней части — два человека держащие друг друга за руки; в более отдаленном углу — человек со стадом животных, привязанных одно к другому; в одном месте фигура рыбы, какой нигде больше не удавалось встречать. В нижней части многие фигуры, вследствие чьей-то шалости, сильно обезображены, нередко к старым фигурам прибавлены новые. В верхней же части и в упомянутом дальнем углу, куда никто не мог проникнуть или по трудности пути лишь немногие отваживались пробраться, все уцелело и не осквернено. Художник старался воспроизвести только древние очертания фигур, которые легко отличить от более новых.

Скалу на Енисее Гмелин описывает так: украшенная фигурами скала, известная под именем Писаного Камня, лежит приблизительно верстах в восьми ниже устья реки Бирюсы и в сорока верстах выше города Красноярска, на восточном берегу реки Енисея; вышина ее от нижней части у реки до вершины пять сажен, ширина около десяти. Нижняя часть скалы выдается несколько больше, она в вышину с сажень и устроена так, каковы бывают скалы от природы. Остальная часть, поднимающаяся в вышину до трех сажен, издали кажется покрытой повсюду белой краской и гладкой, хотя во многих местах очень шероховатой; если всмотреться более внимательно, на белом фоне выявляются фигуры, начертанные красной краской. Между ними одна, занимающая самое возвышенное место, представляет человека верхом на лошади, другая — двух человек, из которых каждый держит руку за пазухой. Остальные фигуры издали видны неясно, и в зависимости от воображения рассматривающих одному кажутся крестами, другому — идолами, третьему иными предметами. Гмелин, чтобы подробнее все рассмотреть, велел приставить к скале лестницу и, близко разглядев фигуры, внизу представляющиеся неясными, заметил, что они в общем представляют то же самое, как и те фигуры, которые издали можно было видеть отчетливо; он заметил также, что не вся верхняя скала, а только та часть, которая покрыта изображениями и простирается в вышину на одну сажень, а в ширину на два с половиной аршина, отличается белым цветом, остальная же скала там и сям украшена белыми жилками или пятнами и похожа на искусственный мрамор. Поверхность скалы, противоположная реке, смотрит в сторону западо-юго-севера. Сперва художник дал общий вид скалы, затем отдельное изображение фигур, видимых вблизи, и всех жилок на скале, наконец, оба рисунка соеди-

пил в один так, чтобы все появилось в естественном своем виде. Белая краска, покрывающая гладкую часть скалы, легко стирается, и гипс, которым скала слегка покрыта, служит фоном изображенных на ней фигур, цвет которых похож на жженую охру. Впрочем, вся скала состоит снаружи из грязноватого, внутри красноватого камня, снаружи сильно испещренного черными точками и мелкими белыми частичками.

К описаниям Гмелина я прибавлю два замечания, из которых одно касается самих фигур, а другое — способа, как они нарисованы или иссечены на скалах. Из вышесказанного и из приложенных рисунков видно, что тут нет ничего такого, чего бы нельзя было понять без всякого символического толкования, и так как все фигуры почти одинакового характера, при том одни и те же часто повторяются без всякой примеси других элементов, то это служит неопровержимым доказательством, что здесь не может быть речи о каком-нибудь особом роде письмен. Таким образом, и подозрение Страленберга относительно Ирбитских надписей также не подтверждается.

Мне досадно, что приходится вступать в спор с этим человеком, который, впрочем, имеет много заслуг, сообщив немало сведений, которые без него мы не имели бы. Как обычно случается с теми, кто впервые описывает какую-нибудь страну, они впадают в невольные ошибки, принимают лживые рассказы за истинные; прельщенные новизною вещей, ничему не удивляются, ничего обыкновенного не наблюдают, необыкновенным и многозначащим считают на чужбине все то, что у себя дома признавали едва стоящим какого-либо внимания; побуждаемые же тщеславием, твердо убеждены в том, что своими рассказами о всем темном, неведомом и неизвестном могут прославиться и все ясно объяснить. Повидимому, то же случилось и со Страленбергом, который в наше время первый писал о Сибири по собственным наблюдениям. Но кто же разрешит этот вопрос, как не тот, кто обозревал те же края, что и он, и с такими трудностями совершил путешествие, для того, чтобы подтвердить, объяснить и исправить сказанное им? Однако, иные авторы, не умеющие правильно оценить Страленберга, при случае цитируют его и ссылаются на приведенные им свидетельства, как стоящие выше всякой критики. Если мы хотим составить себе знание о том, что он описал, у меня есть несколько наблюдений, которые не требуют исправлений или не нуждаются в обработке. На основании их следует отметить ошибки Страленберга, чтобы на будущее время они не вводили в заблуждение доверчивых и несведущих людей. Вот какую догадку предлагает Страленберг относительно способа, каким фигуры на скалах были начертаны или иссечены. Он перечисляет затруднения, которым подвергались рабочие, выполнявшие это дело, и приходит к тому заключению, что они либо спускались, либо взбирались вверх посредством вколоченных в скалу клиньев. Сильное, право, берет меня сомнение, чтобы на такое немудреное дело было употреблено столько труда. Какой здравомыслящий человек стал бы так действовать, когда не было на то никакой

надобности, и то же самое можно было сделать гораздо легче. К Ирбитской скале, если бы захотел, я мог бы пробраться без затруднения; так как скала на реке Томи была устроена точно так же, то ясно, что рабочие могли добраться до верхней ее части без помощи лестницы. Сам Гмелин и художник, снимая рисунок со скалы, пользовались лестницей. Но лестницу легко сделать и приставить, хотя бы и зимой, так как снег, которого там, впрочем, обыкновенно бывает не очень много, нисколько этому не мешает. Вот почему мы снисходительно относимся к Страленберговым «мекритам», при помощи которых означенный труд никак не мог быть исполнен.

Далее, подобная же скала находится на реке Тунгуске, которая в верхней своей части называется Ангарой. Правильнее надо называть ее Енисеем, если мы хотим следовать подлинному обозначению, полученному от тунгусов. Это неправильное название произошло по вине русских, впервые пришедших в эту страну. Когда они услышали, что название реки тунгусами произносится Иоандези, вместо Енисея, и увидели, что течение ее раздваивается на два потока почти равной величины, они это самое название присвоили непосредственно той реке, которая у окрестных татар и других соседних народов, а также у самих тунгусов называется Кемь или Кима, а другую реку, которую окрестные тунгусы зовут Енисеем, назвали Тунгуской; вместо этого названия, там, где эта река достигла земли бурятов, русские дали ей бурятское название Ангара. [11] На правом берегу этой-то Тунгуски, который в этом месте северный, расположена скала, в 13 верстах ниже устья реки Чадобца и в 17 верстах ниже устья реки Муры. Но ни по числу ни по разнообразию изображений она далеко не может быть приравнена к вышеописанным скалам. Когда я, проезжая мимо, рассматривал ее, то мог заметить на ней только изображение всадника, почему и не счел нужным снять с нее рисунок.

Наконец, есть несколько украшенных фигурами скал на правом или восточном берегу р. Лены, между г. Верхоленском и дер. Качегой (в разных местах, в особенности одна, называемая Писаным Камнем, верстах в 36 ниже Верхоленска). На них видны разные изображения людей и животных, вырезанные на красноватом песчаном камне. Со всех этих изображений, пока они мне были известны только по слуху и пока я сам еще не добрался до них, я приказал снять рисунки, но, когда мне удалось увидеть их собственными глазами, мне стало жаль потраченного на зарисовку труда, да и теперь не считаю нужным издавать их. В виде образца, однако же, и следуя принятому порядку, прилагаю несколько рисунков, [12] по которым любители таких вещей рассудят, могут ли они принести им какую-нибудь пользу. Здесь родина бурят, у которых также существует подмеченный мною у вогулов обычай почитать священные скалы:[13] каждая скала этого рода называется ими Aiechu-tscholó, т. е. «заставляющая вздрогнуть скала», и пользуется таким почитанием, что лица, обвиненные в преступлении и желающие доказать свою невинность, прибегают к подобной скале и обхватывают ее обеими руками, будучи твердо убеждены в том, что если ложно покля-

нутся, то непременно умрут. Такая «заставляющая вздрогнуть скала» находится у озера Байкала, к западу от того места, где вытекает река Ангара. Из других скал этого рода одна находится в верховьях реки Иркута, другая на восточном берегу р. Лены, в 14 верстах выше Верхоленска, третья на том же берегу, в 16 верстах ниже Писаного Камня. По внешнему виду они обещают нечто особенное, и на несведущий народ легко могли производить такое впечатление, что предпочитались простым скалам, потому что высоки и обрывисты, местами расчленены или как бы разделены на колонны. Но ни на одной нет фигур и ни одна из них не есть писаный камень, который бурятам заменял бы «заставляющую вздрогнуть скалу».

Указание дальнейших мест, в которых, судя по рассказам других, находятся подобные же писаные на скалах изображения, строгие критики могли бы мне вменить в вину и в случае, если бы я сообщил ложные сведения, имели бы право заметить мне, что я впадаю в ту же ошибку, в которую впал Страленберг. Не хочу, однако же, умолчать, что, по словам одного, заслуживающего доверия, человека, в горах реки Темника и Джиды, впадающих с запада в Селенгу, на крутых и обнаженных скалах кое-где заметны фигуры животных и другие изображения, встречающиеся на писаных скалах. Узнал я это только тогда, когда уже успел совершить предначертанный мне путь по всем Забайкальским местностям. Таким образом, мне не только самому не удалось видеть те места, но и нельзя было отправить туда кого-нибудь из наших спутников. Я счел однако же, нужным указать эти места с тем, чтобы в будущем они могли быть отысканы другими.

Всем мною сказанным опровергается мнение Страленберга, приписывающего начертание большей части изображений на скалах военачальникам Тимурбека или самому Тимуру на том основании, что Пти де-ля-Круа [e] со слов Шерефеддина, говорит: «Les Emirs... traverserent la rivière pour graver leurs armes et leurs chiffres rougis au feu sur les pins de ces bois, ce qu'ils ne firent qu'afin que l'on vit dans le temps à venir des marques de la venue de l'armée de Timur», а в другом месте (ibid., p. 81): «Timur... ordonna aux soldats porter des pierres, et en un moment il y fit élever un obelisque... et les sculpteurs habiles y gravèrent la date de l'an et du jour que Timur y passoit à la tête de son armée». Если бы мы даже согласились, что Шерефеддин, а за ним и Пти де-ля-Круа ошиблись, не зная настоящего вида памятников, воздвигнутых Тимуром или его военачальниками, то все-таки никак нельзя бы было понять, каким это образом на памятниках, сооруженных по повелению государя или военными, нет никаких воинских данных. Ожидаешь изображений людей в военном вооружении, а встречаешь главным образом безоружных, предающихся более охоте, чем войне. Памятникам, сооруженным солдатами, более к лицу битвы и скопище воинов, чем мирные занятия и стада животных. Кроме того, следует

[e] Hist. de Timurbec, t. II, p. 69.

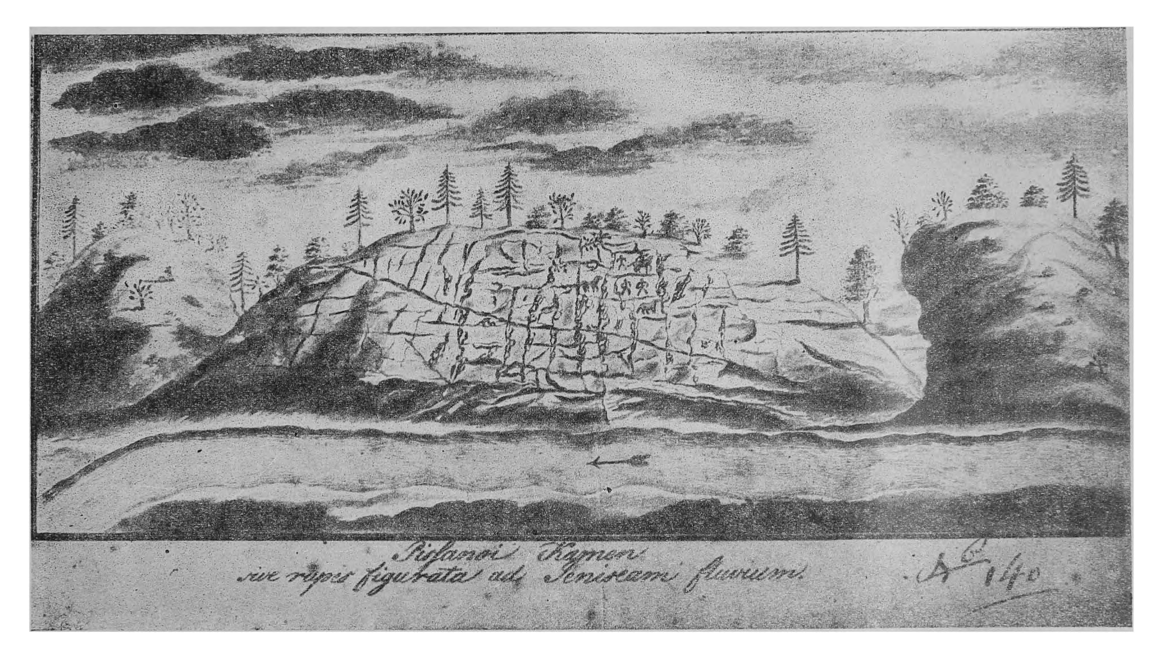

Рис. 32. Рисунок писаного камня на р. Енисее.
(ГАФКЭ, портф. Миллера, рис. 140.)

заметить, что нигде о Тимуре не говорится, чтобы он предпринимал поход в Сибирь, да и в пределах Сибири нет ничего такого, что могло бы быть приписано Тимуру. Полагаю, что такие памятники, если они действительно существуют, следует искать в степях на запад от Иртыша, около истоков Тобола и далее на реках Эмбе и Яике, или в степях, прилегающих к Каспийскому морю, т. е. в таких странах, которые некогда принадлежали к Кипчацкому царству и, вследствие опасностей, грозящих со стороны разбойничьих казаков, еще недостаточно исследованы.

Но, опровергая мнения и предположения других, считаю справедливым попытаться высказать свой собственный взгляд на происхождение писаных камней.

По всей Сибири, в местностях, весьма далеко отстоящих одна от другой, встречаются почти такого же рода памятники. Следует ли, однако же, из этого вывести заключение, что все они происхождением своим обязаны одному и тому же народу? Где мы отыщем такой многочисленный народ, владевший всей Сибирью и повсюду по ней проходивший? Пришлось бы остановиться на монголах и татарах, которые в начале XIII века христианского летосчисления возвысились при Чингис-хане и до перенесения Кубилаем столицы в Китай владели всей южной Сибирью. Но они уже имели свои письмена и были знакомы с разными искусствами, так что трудно понять, почему они тут вздумали прибегнуть к столь грубому изображению фигур. Не отрицаю, что настоящие надписи (о них будет сказано ниже), встречающиеся в степях южной Сибири [14], должны быть приписаны этому народу, но они-то вследствие крайнего несходства их с другими памятниками древности и убеждают меня, что изображения на писаных камнях обязаны своим происхождением иным народам. Если их приписать грубому народу, преданному охоте, то, право, не знаю, почему их приурочивать к столь отдаленному времени. В самих произведениях нет никакого признака древности, и потому я не вижу причины, почему они должны быть приписаны первым обладателям этого края, а не нынешним обитателям ее.

Вспомним рассказ Витзена о том, что вогулы и другие язычники около Ирбитской скалы приносили богам жертвы. Я основываю на нем следующее предположение, правдоподобие которого предоставляю оспаривать другим. Языческая религия некогда во всей Сибири была одна и та же. Грубый и невежественный народ обыкновенно почитает волшебников, от которых, по его мнению, зависит всяческое счастье и несчастье. Их указаниям следуют вожди народа, предпринимая какое-нибудь важное дело; больные советуются с ними при более серьезных болезнях своих и при содействии волшебников приносят подземным богам жертвы за здравие свое. Прегрешения народа, по мнению их, могут быть искуплены, если священнослужители будут содействовать этому своей службой или, скорей, своим искусством. Когда предстоит надобность в предсказании будущего, к кому удобнее всего обратиться, как не к тому, кто находится в постоянных сношениях с надземными и подземными богами? Чтоб снискать себе

больше уважения пли подкрепить свои предсказания, кудесники нередко творят чудеса; такими, конечно, последние кажутся невежественному народу, для меня же, который часто присутствовал при этом, опи являлись пошлыми и жалкими и никак не могут быть приравнены даже к штукам, ежедневно проделываемым нашими странствующими фокусниками. Этих священнослужителей своих татары называют камами, тунгусы — шаманами, монголы и буряты — бэ, а другие народы еще иначе. Русские усвоили себе тунгусское название; вследствие этого некоторые писатели стали думать, что людей такого рода остяки, самоеды и др. также называют шаманами, и сравпивают последних с саманеянами Индии, которых, говорят, изгнали и истребили брамины.

Нужно сознаться, что между сибирскими шаманами, отличающимися полнейшим невежеством в делах божеских и человеческих, и индийскими саманеянами, славившимися своими знаниями и любовью к искусству, слишком большая разница. Но это не мешает нам не только допустить догадку знаменитого мужа, но даже, как она того вполне заслуживает, постараться развить ее. Изгнанные из своих прежних обиталищ, рассеянные по странам монгольским и загнанные в самую Сибирь, саманеяне мало-по-малу, можно думать, уклонились от мудрости предков своих, так что у потомков и учеников их не сохранилось ни малейших следов ее. Впрочем, между теми и другими есть некоторое сходство в том отношении, что саманеяне пе воздавали никакой почести высшему божеству, творцу вселенной, и шаманы также редко приносят жертвы верховным божествам, а более взывают о помощи к низшим богам, стараясь умилостивить их жертвоприношениями, чтобы они не вредили им и народу их. Если религия браминов из Индии распространилась по землям тибетским, китайским, монгольским, калмыцким и сибирским, то почему мы не можем допустить, что шаманство, которое древнее браминства, таким же образом проникло в Сибирь? Оно распространилось до такой степени, что проникло даже к лапландцам и многим народам Северной Америки. Это могло случиться не иначе, как с течением времени и с переходом шаманства от одного народа к другому, если мы не захотим допустить, что такое превратное учение самой природой привито и как бы нрирождепо всем этим пародам. Но возвратимся к нашим изображениям и писаным камням.

' Шеффер в своей «Lapponia illustrata» 15 сообщил, как известно, сведения о лапландских волшебных бубнах (им изданы и рисупки с некоторых из них), украшенных разными чертами и фигурами, которые немногим отличаются от наших. У сибирских народов я видел волшебные бубны точно такого же рода (ср.у Стралеиберга,таблицу УI).Если, следовательно, рассказ Витзепа о вогулах, имевших обыкновение приносить жертвы у Ирбитской скалы, верея, то мы, может-быть, пе ошибемся, приняв изображения на ней и на других подобных скалах за волшебные. Но нас не должно вводить в обман это слово: оно относится к известному сокровенному значению фигур, а никак не к разуму язычников, потому что не может совме-

щаться с тупостью их духа. В бубнах нет ничего волшебного, а они употребляются только для волшебных жестикуляций, и фигуры на них сочинены еще более тупыми людьми и грубейшими идолопоклонниками для обманывания простого народа и притом не по соображениям искусства и не по тщательном обсуждении, почему лучше было нарисовать такую, а не иную фигуру, но совершенно случайно, как что пришло в голову. Я убежден, пока мне не представят лучшего довода, что то же самое должно сказать о писаных камнях. Правда, что встречаются писаные камни и там, где не происходит священнодействия, и что есть священные скалы без изображений; но, может-быть, у самих язычников исчезла память о некоторых священных скалах, которые в древности пользовались почетом. Как волшебные бубны не все украшены фигурами, так и священная скала может быть без изображений. Где суеверие пустило такие глубокие корни, там немудрено, что постоянно отыскиваются новые предметы поклонения, когда прежние забываются и, как устаревшие, теряют свое значение. [16]

Примечания

1. Снимок с писанца на р. Ирбите дан в 3-м издании труда Витзена в приложении к стр. 759 (приводимый в статье Миллера текст находится там же). Это третье издание труда Витзена, вышедшее в 1785 г., отличается от 2-го (1705 г.) (которым пользовался Миллер) тем, что к тексту 2-го прибавлено введение, карта владений Российских в Европе и Азии, посвящение сочинения Петру I и до 100 гравированных на меди таблиц рисунков, которых нет ни в 1-м, ни во 2-м издании. См. далее примечания 3-е и 6-е.

2. См. предыдущее примечание.

3. «Письма Купера» — Cuper, G., Lettres de critique, de litterature, d'histoire... Amsterdam, 1743, in 4°. — Изображения на Ирбитской скале даны на табл. XIII—XVI, приложенных к труду Страленберга Das nord- u. östliche Theil von Europa u. Asia, Stockholm, 1730; перев. стр. 362—371 этого труда, где говорится об Ирбитских писанцах, дан у Радлова. Сиб. древ., I, в. 2, прил., стр. 42—45, там же перепечатаны табл. XIII—XVI.

4. Лакрозий (1661—1739), ориенталист; среди его трудов «Thesaurus epistolicus Lacrozianus», Leipz. 1742—1746, 3 тома, заключающие много данных по филологии восточной, китайской и татарской.

5. Миллер ездил вверх по реке Ирбиту «до Писанца камня» в июне 1741 г. — Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 28, лл. 31—32 (описание Ирбитского писанца).

6. Рисунок изображений Ирбитской скалы был сделан Люрсениусом по описи рисунков 1748 г. значится под № 141, хранится в ГАФКЭ и воспроизводится в настоящем издании.

7. Речь идет здесь об академическом переводчике Ларионе Рассохине, трудами которого Миллер пользовался неоднократно.

8. Соответствующее место из Страленберга и табл. XVII и XVIII у Радлова, Сиб. древн., т. I, в. 2, прил., стр. 40, 46—47.

9. Русский перевод у Радлова, Сиб. древн., т. I, в. 2, прил., стр. 40.

10. Рисунки №№ 137—140 по описи 1748 г. хранятся в ГАФКЭ, из них № 138—«писаного камня при реке Томи» и № 140 — «писаного камня при реке Енисее» воспроизведены в настоящем издании.

11. О названиях Ангара — Енисей — Кемь (Ким) — Тунгуска см. гл. 7-ю «Истории Сибири».

12. Четыре рисунка (по описи 1748 г. №№ 143, 146, 148 и 149) Ленских писаниц были воспроизведены у Радлова, стр. 70—71; подлинные рисунки за №№ 142—150 хранятся в ГАФКЭ. №№ 142 и 145 воспроизводятся в нашем издании. Указанный в описи под № 151 «рисунок шаман-

ского камня на реке Лене», сделанный Люрсениусом, также воспроизводится в настоящем издании (хранится в Архиве Акад. Наук., ф. 21, он. 5, № 39/50).

13. Об обычае вогулов почитать священные скалы см. выше.

14. Сочинения о «настоящих надписях, встречающихся в степях южпой Сибири» в рукописях Миллера не сохранилось5вопроса об этих надписях оп коснулся в поздиейшей статье «Изъяснение древностей, в могилах найденных» (ср. выше, стр. 522—523.).

15. Scheffer Jo., Lapponia id est religionisLapponum et gentis nova et verissima descriptio. Francofurti, 1673, 4°.

16. По поводу изложенных соображений Миллера о писаных камнях см. И. Т. Савенкова, О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее, М. 1910, стр. 71—76 и др.

Н. А. БАКЛАНОВА и А. И. АНДРЕЕВ

ОБЗОР РУКОПИСЕЙ Г. Ф. МИЛЛЕРА ПО ИСТОРИИ, ГЕОГРАФИИ, ЭТНОГРАФИИ И ЯЗЫКАМ НАРОДОВ СИБИРИ, ХРАНЯЩИХСЯ В МОСКОВСКИХ И ЛЕНИНГРАДСКИХ АРХИВАХ И БИБЛИОТЕКАХ

В обзор вошли бумаги Г. Ф. Миллера, хранящиеся в «портфелях» №№ 477—545 в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ) и в фонде 21-м и в других фондах и разрядах Архива Академии Наук. Ссылка на «портф.» — определяет местонахождение его в ГАФКЭ, указание на фонд и разряд обозначает, что рукопись хранится в Архиве Академии Наук. Находящиеся в бумагах Миллера труды и материалы других участников Сибирского путешествия или лиц, с которыми он вел научные сношения, вошли также в предлагаемый обзор, но составители его не ставили себе задачей дать также обзор всех рукописей Гмелина, Крашенинникова и других, хранящихся в других фондах и разрядах тех же архивов. В виду разнообразия содержания некоторых рукописей, вошедших в «Обзор», включение их в тот или иной раздел производилось с точки зрения преимущественного их содержания. Работа по ГАФКЭ была выполнена П. А. Баклановой, по Архиву Академии Наук — А. И. Андреевым.

I. ГЕОГРАФИЯ И ЭКОНОМИКА СИБИРИ

1. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ, СОСТАВЛЕННЫЕ ВО ВРЕМЯ ПУТИ Г. Ф. МИЛЛЕРОМ ИЛИ ПОД ЕГО НАБЛЮДЕНИЕМ СТУДЕНТАМИ ИЛИ СИБИРСКИМИ КАНЦЕЛЯРИЯМИ

1. Описание городов, сел, деревень, островов, рек и других достопримечательностей, находящихся по Волге от Твери до Казани, на нем. яз. (портф. 517, I, тетр. 1, лл. 1—28; разр. III, оп. 1, № 185, лл. 1—52; ф. 21, оп. 5, № 23, лл. 2—30).

2. Путь от Казани через Сарапул, Осу, Кунгур и Екатеринбург в Тобольск с описанием некоторых достопримечательностей, на нем. яз. (ф. 21, оп. 5, № 23, лл. 31—64; разр. III, оп. 1, № 185, лл. 53—81).

3. Описание городов, крепостей, острогов, слобод, сел, деревень, островов, рек, ручьев, озер и других примечательностей, находящихся вверх по Иртышу от Тобольска, на нем. яз., черновик рукою Г. Ф. Миллера (портф. 517, I, тетр. 3, лл. 1—36) и беловой список (разр. III., оп. 1, № 185, лл. 82—151; ф. 21, оп. 5, № 23, лл. 66—103 об.).

4. Описание течения Иртыша вверх от Железинской крепости, вымеренное шестисаженной цепью и обыкновенным компасом, на нем. яз., черновик рукою Г. Ф. Миллера (портф. 517, I, тетр. 4, лл. 1—15) и беловой список (разр. III, оп. 1, № 185, лл. 158—189; ф. 21, оп. 5, № 23, лл. 104—120 об.).

5. Описание пути из Ямышевской крепости в Семипалатную крепость,

на нем. яз., черновик рукою Г. Ф. Миллера (портф. 517, I, тетр. 5, лл. 1—4) и беловой список (ф. 21, оп. 5, № 23, лл. 121—122; разр. III, оп. 1, № 185, лл. 189 об. — 191).

6. Описание пути от Семипалатной до Усть-Каменогорской и от Усть-Каменогорской крепости до Колывано-Воскресенского завода, на нем. яз., черновик рукою Г. Ф. Миллера (портф. 517, I, тетр. 6, лл. 1—2) и беловой список (ф. 21, оп. 5, № 23, лл. 122—126 об.; разр. III, оп. 1, № 185, лл. 191 об.—198).

7. Описание пути из Колывано-Воскресенского завода в Кузнецк, на нем. яз., черновик рукой Г. Ф. Миллера (портф. 517, I, тетр. 7, лл. 1—5) и беловой список (ф. 21, оп. 5, № 23, лл. 127—131; разр. III, оп. 1, № 185, лл. 198 об. — 207).

8. Описание пути из Кузнецка в Томск сухим и водным путем, на нем. яз., черновик рукою Г. Ф. Миллера (портф. 517, I, тетр. 8, лл. 1—2) и беловой список (разр. III, оп. 1, № 185, лл. 207 об. — 210; ф. 21, оп. 5, № 23, лл. 132—133 об.).

9. Реестр деревням от Кузнецка вниз по Томи до Томска, с указанием поверстного расстояния между ними, на русск. яз. рукою С. П. Крашенинникова (портф. 517, I, тетр. 9, лл. 1—4; ф. 21, оп. 5, № 23, лл. 134—138).

10. Описание пути от Томска до Енисейска, на нем. яз., черновик рукою Г. Ф. Миллера (портф. 517, I, тетр. 17, лл. 1—4) и беловой список (ф. 21, оп. 5, № 23, лл. 139—142; разр. III, оп. 1, № 185, лл. 210 об.—216 об.).

11. Описание зимнего пути от г. Енисейска по Красноярска, беловой экземпляр на русск. яз., сочинение переводчика Ильи Яхонтова (портф. 517, I, тетр. 11, лл. 1—8; ф. 21, оп. 2, № 24, лл. 2—10).

12. Описание пути от Красноярска до Иркутска, беловой экземпляр на русск. яз., сочинение переводчика И. Яхонтова (портф. 517, I, тетр. 12, лл. 1—8; ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 11—23 об.).

13. Описание зимнего пути от города Иркутска до Селенгинска и от Селенгинска до Кяхтинской слободы и оттуда назад до Селенгинска, на русск. яз., сочинение переводчика И. Яхонтова (ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 24—38).

14. Описание пути от Селенгинска до Нерчинска, а именно от Селенгинска до Удинска вниз по реке Селенге водою, от Удинска до Яравны и до Читинска сухим путем, а от Читинска до Нерчинска вниз по рекам Ингоде и Шилке водою же, на русск. яз., сочинение переводчика И. Яхонтова (ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 38—50 об.).

15. Описание пути по большой тележной дороге от Нерчинска до Аргунских серебряных заводов степью, на русск. яз., сочинение переводчика И. Яхонтова (ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 50 об. — 57).

16. Описание пути от Аргунских серебряных заводов до Аргунского острога, на русск. яз., сочинение переводчика И. Яхонтова (ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 57—58 об.).

Рис. 33. Рисунок шаманского камня на р. Лене.
(Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 39/50.)

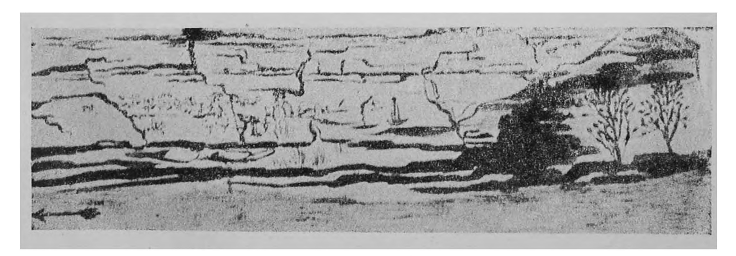

Рис. 34. Рисунок писаного камня на р. Лене (нижняя часть).
(ГАФКЭ, портф. Миллера, рис. № 142.)

17. Описание пути от Аргунских серебряных заводов до Цурухайта и до вершины р. Аргуни, до середнего Кайларского устья, и оттуда назад до Цурухайту, на русск. яз., сочинение переводчика И. Яхонтова (ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 58 об. — 61 об.).

18. Описание пути от Цурухайту до Читинского острогу и до Удинска, на русск. яз., сочинение переводчика И. Яхонтова (ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 61 об. — 66).

19. Описание водяного пути от Удинска до города Иркутска, на русск. яз., сочинение переводчика И. Яхонтова (ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 66—70).

20. Описание зимнего пути от Иркутска вниз по р. Ангаре до Братского острога и оттуда до Илимска, а от Илимска до р. Лены, до Устькутского острога, на русск. яз., сочинение переводчика И. Яхонтова (портф. 517, I, тетр. 13, лл. 1—23; ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 112—127).

21. Описание пути от Енисейска до Иркутска, беловой экземпляр с поправками на русск. яз. По листам подпись: «сие описание чинил студент Алексей Горланов» (портф. 517, I, тетр. 14, лл. 1—15; ф. 21, оп, 5, № 168, лл. 335—350, без конца).

22. Описание пути от Аргунских серебряных заводов до имеющихся вверх по оной реке теплых вод и оттуду до Читинского острогу, беловой экземпляр на русск. яз. По листам подпись: «сие описание сочинил студент Степан Крашенинников и руку приложил» (портф. 517, I, тетр. 15, лл. 1—9; ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 71—78).

23. Описание пути от Иркутска до Никольской заставы и до Баргузинского острога, беловой экземпляр на русск. яз., по листам подпись: «описание чинил студент Алексей Горланов» (портф. 517, I, тетр. 16, лл. 1—5).

24. Описание пути от Итанцынского острога до Баргузина, а от Баргузина до теплых вод, а оттуда через Байкал море и Косою степью прямою дорогою до Верхоленского острога, на русск. яз., сочинение геодезиста А. Иванова и студ. С. Крашенинникова (портф. 517, I, тетр. 17, лл. 1—13 — черновик, лл. 14—23 — беловой экз.; ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 95—105).

25. Описание тележной дороги от Нерчинска через хребты до Аргунских серебряных заводов и обратно, на русск. яз., беловой экземпляр, сочинение студ. А. Горланова (портф. 517, I, тетр. 18, лл. 1—4; ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 79—89).

26. Описание тележной дороги от г. Нерчинска до Читинской слободы, беловой экземпляр на русск. яз., сочинение студ. А. Горланова (портф. 517, I, тетр. 19, лл. 1—16; ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 79—89).

27. Описание реки Лены от Верхоленского острога вниз по реке до г. Якутска, беловой экземпляр на русск. яз., сочинение переводчика И. Яхонтова (портф. 517, I, тетр. 20, лл. 1—52; ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 128—176 об.).

28. Описание пути от города Якутска вниз по реке Лене до устья реки Сиптака, на русск. яз., почерк геодезиста А. Иванова, скреп нет (ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 192—196).

29. Описание пути от Иркутска до Тупкинского острога вверх по р. Иркуту, беловой экземпляр на русск. яз., сочин. геодезиста А. Иванова (портф. 517, I, тетр. 21, лл. 1—5; ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 91—94 об.); черновик на русск. яз. (портф. 517, I, тетр. 21, лл. 6—8).

30. Описание пути от Олекминского острога до имеющихся у речки Кептендея соляных ключей и до Соляной горы и оттуда возвратно до Олекминского острога, на русск. яз., сочинение студ. С. Крашенинникова, беловой экз. (портф. 517, I, тетр. 22, лл. 1—7; ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 180—191) и черновик (портф. 517, I, тетр. 22, лл. 8—13).

31. Реестр тракту от Чечуйского острога до деревни Подволошной, которая на р. Тунгуске, беловой экземпляр на русск. яз. (портф. 517, I, тетр. 23, л. 1).

32. Описание р. Витима с середнего устья до речки Колотовки, на русск. яз., беловой экземпляр, сочинение студ. С. Крашенинникова (портф. 517, I, тетр. 24, лл. 1—3; ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 177—179), черновик (портф. 517, I, тетр. 24, лл. 4—6).

33. Описание пути от г. Иркутска до р. Лены, до деревни Качега, на русск. яз., сочинение студ. А. Горланова (портф. 517, I, тетр. 25, лл. 1—3; ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 106—111).

34. Описание водяного пути до рекам: Ангаре, от г. Иркутска вниз, Тунгуске и Енисею до г. Енисейска, на русск. яз., сочинение переводчика И. Яхонтова (ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 197—238), черновик (портф. 517, I, тетр. 26, лл. 1—33).

35. Описание пути по р. Енисею 1739 г., от Енисейска до Мангазеи, черновик рукою Г. Ф. Миллера на нем. яз. (портф. 517, II, тетр. 1, лл. 1—35), беловой список за его скрепою (ф. 21, оп. 5, № 26, лл. 2—39).

36. Описание пути по Енисею от Енисейска до Красноярска, 1739 г., черновик (портф. 517, II, тетр. 2, лл. 1—29) и беловой список, за скрепою Г. Ф. Миллера (ф. 21, оп. 5, № 26, лл. 40—66).

37. Описание пути из Красноярска через степи к реке Абакану и Саянскому острогу, оттуда через Югасинский и Ирбитский железные и медные заводы в Абаканск и далее по Енисею вниз и назад к Красноярску, 1739 г.; здесь же: а) известия о р. Кан, собранные в Красноярске в 1739 и 1740 гг. и б) известия о реке Тубе или Упсе (ф. 21, оп. 5, № 27, лл. 1—58 и портф. 517, II, тетр. 3, лл. 1—51).

38. Описание пути от Красноярска до Томска 1740 г. (ф. 21, оп. 5, № 27, лл. 59—84 об. и портф. 517, II, тетр. 4, лл. 1—23).

39. Описание пути от Томска по рекам Томи и Оби до Нарыма, 1740 г., описание р. Кети от ее устья до Маковского острога, известия о р. Вахе и о путях к Пуру, Тазу и через Елогуй к р. Енисею, известия об Юганской Оби и о впадающих в нее реках (известия о реках Кети и других записаны со слов местных жителей), черновики, писанные рукою Г. Ф. Миллера на нем. яз. (портф. 517, II, тетр. 5, лл. 1—37) и беловой список (ф. 21, оп. 5, № 26. лл. 85—111, 111 об. — 120, 148—153 об., 154—156 об.).

40. Описание пути от Нарыма по Оби до Сургута, 1740 г., черновик рукою Г. Ф. Миллера на нем. яз. (портф. 517, II., тетр. 6, лл. 1—23) и беловой список (ф. 21, оп. 5, № 26, лл. 121—147 об.).

41. Описание пути от Сургута по Оби вниз до Березова, 1740 г.; описание р. Сосвы от ее устья до верховья; описание низовья р. Оби и впадающих в нее рек, вниз от места, где она разделяется на Большую и Малую Обь (известия о реках Сосве и других записаны со слов местных жителей), черновики рукою Г. Ф. Миллера на нем. яз. (портф. 517, II, тетр. 7, лл. 1—61) и беловые списки (ф. 21, оп. 5, № 26, лл. 157—214 об.).

42. Описание пути из Березова вверх по Оби и Иртышу до Тобольска, 1740 г., черновик рукою Г. Ф. Миллера на нем. яз. (портф. 517, II, тетр. 8, лл. 1—31) и беловой список (ф. 21, оп. 5, № 27, лл. 215—248 об.).

43. Описание г. Тобольска, 1741 г., черновик рукою Г. Ф. Миллера на нем. яз. (портф. 517, II, тетр. 9, лл. 1—12) и беловой список (ф. 21, оп. 5, № 28, лл. 2—9).

44. Известия о р. Конде (по рассказам местных жителей), 1740 г., черновик рукою Г. Ф. Миллера на нем. яз. (портф. 517, III, тетр. 1, лл. 1—9) и беловой список (ф. 21, оп. 5, № 27, лл. 249—256 об.).

45. Описание пути из Тобольска в Тюмень, 1741 г., черновик рукою Г. Ф. Миллера на нем. яз. (портф. 517, III, тетр. 2, лл. 1—16) и беловой список (ф. 21, оп. 5, № 28, лл. 10—21).

46. Описание пути из Тюмени в Исетскую провинцию и обратно, 1741 г., черновик рукою Г. Ф. Миллера на нем. яз. (портф. 517, III, тетр. 3, лл. 1—137) и беловой список (ф. 21, оп. 5, № 28, лл. 22—133 об.).

47. Описание пути из Тобольска до Соликамска в 1742 г. с января по 8 августа, черновик рукою Миллера на нем. яз. (портф. 517, III, тетр. 4, лл. 1—89); беловой список, продолженный до 6 декабря (там же, тетр. 5, лл. 1—97 и ф. 21, оп. 5, № 29, лл. 1—105).

48. «Примечания, сделанные Миллером на пути по Сибири». Черновые заметки, сделанные им по пути в Сибирь и заключающие в себе перечни сибирских селений, озер, наброски течения отдельных рек, описания отдельных городов, укреплений, озер, «экстракты» из иностранных сообщений об о. Вайгаче и др., — на русск. и нем. языках, большею частью рукою самого Г. Ф. Миллера (портф. 521, I, лл. 1—159, II, лл. 1—357).

49. Вопросные пункты, составленные Г. Ф. Миллером по географии, экономике, статистике и истории Сибири, и ответы на эти пункты из канцелярий сибирских городов; в ответах имеются: описания городов, острогов и слобод, сведения об имеющихся в них укреплениях, о расстояниях между ними, перечни названий населенных пунктов и ясашных волостей, данные о количестве служилых людей и о денежном и хлебном жалованьи, выдаваемом им, о количестве русских жителей в уездах и в городах, положенных в подушный оклад, о рождаемости и смертности, о соляных варницах и железных рудах, о монастырях и церквах Сибирской епархии и их земельных владениях, о Тобольском архиерейском доме и др.

Ответы имеются по следующим учреждениям: 1) из Тобольской провинции, по канцеляриям: Тарской, Томской, Туринской, Тюменской, Пелымской, Нарымской, Сургутской, Березовской, Тобольской, Верхотурской, Екатеринбургской за 1731—1742 гг. (портф. 481, III, лл. 1—244, 481, IV, лл. 1—179 и портф. 516, тетр. 7, лл. 1—10); 2) из Енисейской провинции по канцеляриям: Енисейской, Красноярской и Мангазейской за 1735—1738 гг. (портф. 481, V, лл. 1—202); 3) из Исетской провинции за 1741 г. (портф. 481, VI, лл. 1—262); 4) из Иркутской провинции по канцеляриям: Иркутской, Селенгинской, Якутской, Нерчинской и Илимской за 1735—1740 гг. (портф. 481, VII, лл. 1—367); 5) из Тобольской архиерейской канцелярии (портф. 481, I, лл. 1—178 и портф. 481, II, лл. 1—275).

50. Отрывочные историко-географические сведения по XVII и XVIII вв., служащие материалами для описания Сибири, черновик на нем. яз. рукою Г. Ф. Миллера (портф. 507, II, лл. 1—358).

51. Статистико-экономические данные о г. Тобольске и Тобольской провинции, составленные в Тобольской провинциальной канцелярии во время губернаторства в Тобольске кн. М. Долгорукого (портф. 502, тетр. 5, лл. 104—160).

52. Канцелярские ведомости о казенных рудокопных заводах в Сибири, заключающие в себе подробные статистические сведения за 1739—1740 гг. (портф. 515, I, лл. 1—151).

53. «Списки о рудных делах 1739 г.» — статистические сведения и описи заводов, принадлежащих Строгановым и Акинфию Демидову, а также указы и челобитные разных годов, относящиеся к этим заводам (портф. 515, II, лл. 1—257).

54. «Расстояние между некоторыми городами и селами Сибири», на нем. яз., без конца, с поправками Г. Ф. Миллера (портф. 507, I, тетр. 6, лл. 1—6).

2. ОПИСАНИЯ РАЗНЫХ МЕСТ СИБИРИ, СОСТАВЛЕННЫЕ ГМЕЛИНОМ, ЛИНДЕНАУ И ДРУГИМИ ЛИЦАМИ

1. Дополнения Гмелина к описанию Аргунских рудокопных и плавильных заводов (ф. 21, оп. 5, № 20, стр. 1179—1215).

2. Описание Маны реки от устья ее до Колбы реки и далее, с показанием меры от урочища до урочища, а правая и левая руки в сем описании разумеются как вверх по Мане ходили в августе месяце 1740 г., по листам скрепа И. Гмелина (ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 239—256 об.).

3. Описание пути из Томска до Тары в июне 1741 г., на нем. яз., по листам скрепа Гмелина (ф. 21, оп. 5, № 25, лл. 1—40).

4. То же от Тары до Ялуторовского острога, на нем. яз., по листам скрепа Гмелина (ф. 21, оп. 5, лл. 41—59 об.).

5. Описание рек пути от Томска до Ялуторовского острогу (Иртыш, Ишим и др.), без скрепы (ф. 21, оп. 5, № 25, лл. 60—89; на лл. 7, 62 об. — рисунки).

6. Указатель речек, впадающих в Усолку, находящихся на ней деревень и других достопримечательностей, на нем. яз., скрепа по листам Гмелина (ф. 21, оп. 5, № 27, лл. 67—72).

7. Описание пути из Красноярска через Канск в Тасеевский острог и Спасское усолье на р. Усолке в конце июня 1741 г., на нем. яз., скрепа по листам Гмелина (ф. 21, оп. 5, № 26, лл. 73—76).

8. Описание пути из Краснослободского острога до Далматова монастыря в июне 1742 г., на нем. яз., по листам скрепа Гмелина (ф. 21, оп. 5, № 30, лл. 1—8).

9. Описание пути из гор. Туринска в Исетскую провинцию до Челябинска с 23 мая по 20 июня 1742 г., на нем. яз., скрепы нет (ф. 21, оп. 5, № 30, лл. 9—20).

10. Описание пути из Миасской крепости в Искульскую крепость в июне 1742 г., составлено на нем. яз. копиистом Мартини и скреплено Гмелином (ф. 21, оп. 5, № 30, лл. 21—26).

11. Описание пути из Челябинска в Екатеринбург с 22 июня по 4 августа 1742 г., на нем. яз., скрепа по листам Гмелина (ф. 21, оп. 5, № 30, лл. 37—76 об.).

12. Описание пути из Екатеринбурга в Туринск с 19 августа по 25 сентября 1742 г., на нем. яз., скрепа по листам Гмелина (ф. 21, оп. 5, № 30, лл. 77—106 об.).

13. Описание пути из Иркутска в Красноярск в 1745 и 1746 гг., составленное Линденау, беловой экземпляр на нем. яз. (портф. 511, I, тетр. 8, лл. 1—23).

14. Описание путешествия из Красноярска в Томск 1746 г., его же, беловой экземпляр на нем. яз. (там же, тетр. 9, лл. 1—22).

15. Описание пути из Томска в Соликамск 1746 г., его же, беловой экземпляр на нем. яз. (там же, тетр. 10, лл. 1—35).

16. Описание пути из Соликамска водою в Казань 1746 г., его же, беловой экземпляр на нем. яз. (там же, тетр. 11, лл. 1—11).

17. Описание пути из Казани в Петербург 1746 г., его же, беловой экземпляр на нем. яз. (там же, тетр. 12, лл. 1—22).

18. Некоторые известия о водяном пути, который имеют промышленники из Соликамска на р. Печору, 1746 г., составлено Линденау (портф. 523, тетр. 8, лл. 1—6).

19. Черновая карта течения р. Селенги с притоками и с обозначением находящихся там кочевий различных родов (портф. 521, I, лл. 240 об.—241).

20. «Известие о Красноярске и живущих тамо народах» — ответы на вопросы В. Н. Татищева 1734 и 1737 гг., на русск. яз. (портф. 516, тетр. 2, лл. 1—152).

21. Описание Ирбитской ярмарки 1734 г., сочинение Гмелина (портф. 526, II, тетр. 10, лл. 1—5).

3. ТРУДЫ Г. Ф МИЛЛЕРА ПО ГЕОГРАФИИ СИБИРИ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ЗАПАДНОЙ

1. Сведения о нынешнем состоянии горных промыслов в Сибири и Великой Пермии, январь 1734 г. (портф. 526, II, тетр. 5, лл. 1—25; ф. 21, оп. 5, № 18).

2. Описание Томского уезда Тобольской провинции в его теперешнем состоянии в октябре 1734 г. (портф. 526, II, тетр. 6, лл. 1—36, без конца; ф. 21, оп. 5, № 18).

3. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в нынешнем его положении в октябре 1734 г. (портф. 526, II, тетр. 1, лл. 1—34; разр. III, оп. 1, № 185, лл. 217—254; ф. 21, оп. 5, № 18).

4. Некоторые известия о Мангазейском уезде Енисейской провинции в Сибири, собранные в начале 1735 г. (портф. 526, II, тетр. 4, лл. 1—11; ф. 21, оп. 5, № 18, стр. 1045—1063).

5. Описание Енисейского уезда в настоящем его положении в начале 1735 г. (портф. 526, II, тетр. 8, лл. 1—23; ф. 21, оп. 5, № 18, стр. 991—1044).

6. Описание Красноярского уезда Енисейской провинции в настоящем его положении в начале 1735 г. (портф. 526, II, тетр. 9, лл. 1—32; ф. 21, оп. 5, № 18, стр. 1065—1136).

7. Инструкция Фишеру для составления географического и исторического описания Сибири, на нем. яз., со скрепою Г. Ф. Миллера по листам и его подписью в конце (ф. 21, оп. 5, № 36, лл. 1—111 об., разр. I, оп. 26, № 4, лл. 1—102).

8. География Сибири 1743 г. в шести частях, на нем. яз., неизв. почерка с поправками и дополнениями Г. Ф. Миллера (ф. 21, оп. 2, № 1, лл. 1—164, оп. 5, № 155, лл. 1—170); то же в черновом русском переводе (портф. 506, лл. 1—331).

9. Особенная география Сибири или Географии Сибири часть 2, где дано описание Сибири по рекам, 1744 г., на нем. яз. (полный текст — ф. 21, оп. 2, № 1, лл. 167—386 об., оп. 5, № 154, лл. 1—304; текст без конца — портф. 507, I, тетр. 4, лл. 1—155).

10. О промыслах в Сибири, черновик на нем. яз. рукою Г. Ф. Миллера (портф. 505, I, тетр. 2, лл. 10—24).

11. Примечания (известия) о торговле в Сибири (о торгах Сибирских), на нем. яз. (ф. 21, оп. 5, № 5, лл. 1—167; оп. 2, № 9, стр. 1—279) и в русском переводе (разр. IV, оп. 1, № 479, лл. 1—146; разр. II, оп. 1, № 217, лл. 172—498, 614—617; портф. 514, лл. 1—121; Историч. инст. Акад. Наук, собр. Воронцовых, № 797, лл. 1—145).

4. МАТЕРИАЛЫ И ТРУДЫ Г. Ф. МИЛЛЕРА И ДРУГИХ ЛИЦ ПО ГЕОГРАФИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И КАМЧАТКИ

А. Труды самого Г. Ф. Миллера и его переписка

1. Географическое описание нынешнего положения Нерчинского уезда Иркутской провинции (портф. 526, II, тетр. 2, лл. 1—26).

2. Известия о северном ходе из устья Лены реки для проведывания восточных земель, на нем. яз., со скрепою Г. Ф. Миллера по листам (ф. 21, оп. 5, № 59, лл. 43—83) и перевод И. Яхонтова (ф. 21, оп. 5, № 20 и № 171, на 38 лл.).

3. Экстракт из этих «Известий» на франц. яз. (портф. 527, тетр. 18, лл. 1—19; ф. 21, оп. 5, № 60, стр. 535—544).

4. Географическое описание земли Камчатки (собрано из разных письменных и словесных известий в Якутске в 1737 г.), на русск. яз., беловой экземпляр с поправками Г. Ф. Миллера (портф. 527, тетр. 3, лл. 1—49); на нем. яз., черновик рукою Г. Ф. Миллера (там же, лл. 50—121) и беловой на нем. яз. (ф. 21, оп. 5, № 22, лл. 1—48 и № 59, лл. 84—144 об.).

5. Известия, касающиеся до Камчатки, нравов, обычаев, названий и образа жизни ее жителей, беловой экземпляр на нем. яз. с поправками Г. Ф. Миллера (портф. 527, тетр. 1, лл. 1—4; тетр. 4, лл. 1—10).

6. Заметки о Камчатских островах, черновик рукою Г. Ф. Миллера на нем. яз. (портф. 527, тетр. 25, л. 1).

7. О земле Иессо, черновик рукою Г. Ф. Миллера на нем. яз. (портф. 530, тетр. 16, лл. 1—4).

8. Инструкция, данная профессорами Миллером и Гмелином студенту Крашенинникову при отправлении его в Охотск и Камчатку в 1737 г., на русск. яз. (портф. 527, тетр. 7, лл. 1—19).

9. Инструкция, данная Крашенинникову для метеорологических наблюдений в Охотске и Камчатке, на латинск. яз. (там же, тетр. 8, лл. 1—16).

10. Инструкция, данная профессорами Миллером и Гмелином адъюнкту Академии Наук Георгу Стеллеру при посылке его в Охотск и Камчатку в 1739 г., на русск. и нем. языках (там же, тетр. 6, лл. 1—22).

11. О промыслах морских зверей, которые называются камчатскими бобрами и находятся на Камчатке и Восточных островах, на русск. яз. (портф. 528, I, тетр. 23, лл. 1—4).

12. О китовой ловле у берегов Камчатки, на нем. яз. (разр. I, оп. 76, № 15, лл. 1—5).

13. «Известия о реке Амуре» — портф. 507, I; на нем. яз.; черновик рукою Г. Ф. Миллера (тетр. 2, лл. 1—44) и копия с него (тетр. 2, лл. 45—99), то же — ф. 21, оп. 5, № 31 (на 63 лл.) и № 21 (на 45 лл.). Перевод на русск. яз. (портф. 507, I, тетр. 3, лл. 1—36; ф. 21, оп. 5, № 168, стр. 157—204).

14. Объяснение ландкарты северо-восточной части Сибири и берегов Ледовитого моря от устья Лены до устья реки Анадыря, черновик на нем. яз. рукою Г. Ф. Миллера (портф. 507, тетр. 5, лл. 1—23).

15. Письмо некоторого российского морского офицера к некоторому придворному о карте, до новых объяснений к северу Южного моря касающихся, и о диссертации к изъяснению оные служащей, которые обе господином Делилем в 1752 г. в Париже изданы, перев. с нем. В. Лебедева, бело-

вой экземпляр (ф. 21, п. 5, № 159, стр. 1—60); то же с поправками Г. Ф Миллера (ф. 21, оп. 5, № 174, лл. 1—28); то же беловой экземпляр предыдущего списка (ф. 21, оп. 5, № 178, лл. 1—35).

16. Предисловие к «Описанию Камчатки», составленному С. П. Крашенинниковым, черновик рукою Г. Ф. Миллера на нем. яз. (портф. 527, I, тетр. 10), то же на русск. яз. (ф. 21, оп. 5, № 161, лл. 1—6).

17. „Известия о новейших кораблеплаваниях по Ледовитому морю с 1742 г., т. е. со окончания второй Камчатской экспедиции — часть из «Истории государствования великие императрицы Екатерины вторые», переводил Правительствующего сената переводчик Иван Пырской“ — «Списано с оригиналу, посланного в С.-Петербург по письму Адмиралтейской коллегии вице-президента гр. Ив. Гр. Чернышева февраля 17 дня 1785 года», — беловой экземпляр, переплетенный в книгу (портф. 537, лл. 1—165); на нем. яз. (ф. 21, оп. 2, № 53, лл. 1—148).

18. Отпуски писем Г. Ф. Миллера к разным должностным лицам Вост. Сибири 1735—1738 гг., на русском языке (портф. 530, тетр 10, лл. 1—12).

19. Отпуск письма Г. Ф. Миллера к Стелину от 10 и 27 февраля 1774 г., на нем. яз. (портф. 534, IV, тетр. 2, лл. 1, 4 и 10).

20. Пять подлинных писем полк. Плениснера к Г. Ф. Миллеру из Анадырска за 1761—1771 гг.. на нем. яз., с приложением копий с трех писем Вас. Шилова из Устюга на русск. яз. (портф. 528, I, тетр. 5, лл. 1—9).

21. Три письма кап. Тим. Шмалева из Сибири к Г. Ф. Миллеру за 1770—1771 гг. на русск. яз. (портф. 528, II, тетр. 6, лл. 1—9).

22. 29 писем капитанов Тимофея и Василия Ивановичей Шмалевых к Г. Ф. Миллеру 1771—1776 гг. на русск. яз., с приложением рапортов и копий с описания трех трактов: от Якутска к Анадырску, от Верхне-Колымска до устья Омолона и «от ярмарки до устья р. Олоя», карты Восточной Сибири (подписана Т. Шмалевым) 1775 г. с обозначением пути Дауркина 1764—1771 гг., с экспликацией, и плана Тигильской крепости 1775 г. (подписан им же) (портф. 539, I, тетр. 1а.)

23. 9 писем кап. Тим. Шмалева 1777 г. (портф. 528, II, тетр. 9).

24. Два письма кап. Тим. Шмалева1 780 г., с приложением плана залива 16-го Курильского острова (портф. 539, I, тетр. 1в.).

25. Копия письма Г. Ф. Миллера к Екатерине II, без даты на русск. яз. (портф. 539, II, тетр. 2).

26. Копия письма Екатерины II Г. Ф. Миллеру от 8 мая 1764 г. (портф. 539, II, тетр. 2).

Б. Материалы, собранные Линденау по программе Г. Ф. Миллера

1. Описание сухопутного путешествия из Якутска в Охотск 1741 г., беловой экземпляр на нем. яз. (портф. 511, I, тетр. 1, лл. 1—29).

2. Описание рек от Ашалги до Кухтуи вдоль Охотского моря, составленное в Охотске 7 апреля 1742 г., беловой экземпляр на нем. яз. (там же, тетр. 2, лл. 1—20; портф. 523, тетр. 3, лл. 1—20).

3. Описание путешествия из Охотска до Ямского острога 1742 г., беловой экземпляр на нем. яз. (портф. 511, I, тетр. 3, лл. 1—59).

4. Описание путешествия из Охотска в Якутск 1743 г., беловой экземпляр на нем. яз. (там же, тетр. 4, лл. 1—47).

5. Описание путешествия из Якутска в Удский острог 1744 г., беловой экземпляр на нем. яз. (там же, тетр. 5, лл. 1—117).

6. Описание путешествия из Якутска в деревню Качегу на о. Байкал и оттуда обратно в Иркутск 1745 г., беловой экземпляр на нем. яз. (там же, тетр. 7, лл. 1—32).

7. Описание реки Лены и прочих впадающих в нее рек, 1741 г., беловой экземпляр на нем. яз. (портф. 511, II, тетр. 1, лл. 1—14; портф. 523, тетр. 4, лл. 1—13).

8. Изустные известия о реках: Анадырке, Колыме, Алазее и Индигирке, о впадающих в них других реках, об острогах, лежащих на них, и о племенах, заселяющих их берега, 1741 г. (портф. 511, II, тетр. 2, лл. 1—12).

9. Описание якутов, собранное с 1741 по 1745 гг. (там же, тетр. 3, лл. 1—4).

10. Исторические известия об юкагирах (там же, тетр. 4, лл. 1—4).

11. Описание пеших тунгусов или так наз. ламутов (там же, тетр. 5, лл. 1—51 и портф. 523, тетр. 5, лл. 1—26).

12. Описание коряков, их нравов и обычаев, достоверно узнанных в 1743 г. (портф. 511, II, тетр 6, лл. 1—37).

13. Изустные сведения, полученные на месте по дороге из Якутска в Удский острог, о реках, вытекающих из большого горного хребта Дшукдшур или Диукдиур 1744 г. (там же, тетр. 7, лл. 1—57).

14. Описание тунгусов, обитающих в Удском остроге и его окрестностях, 1744 и 1745 гг. (в конце приложен небольшой словарь) (там же, тетр. 9, лл. 1—47).

В. Труды и материалы других лиц

1. Предложения, касающиеся до Камчатской и Оренбургской экспедиций, сделанные бергсекретарем Сената Ив. Кирилловым, на русск. яз. (портф. 512, тетр. 1, лл. 1—17); то же на нем. яз. рукою Г. Ф. Миллера (там же, тетр. 2, лл. 1—57).

2. Описание Камчатки, ее жителей и исторические о них известия. Соч. С. Крашенинникова (портф. 527, тетр. 10, лл. 1—73).

3. Географические материалы, полученные на основании сказок местного населения: описания месторождений железной руды по р. Вилюю, описание Усть-Вилюйского зимовья, реки Колымы с впадающими в нее реками,

реки Олазеи со впадающими в нее реками, Якутских рек, Анадырского острога, Охотского порта и Удского острога и др. (портф. 481, VII).

4. Копия реестра зверям, птицам, рыбам, деревьям и ягодам, имеющимся около Верхнего и Нижнего Камчатских острогов — подпись: «Ив. Гмелин» (портф. 511, II, тетр. 11, лл. 1—4).

5. Статистические и географические замечания, сделанные капитаном Тим. Шмалевым после 1736 г. об отдаленных местах в Сибири, с приложением разных бумаг, касающихся до этого описания, 1775 г. (портф. 528, I, тетр. 19, лл. 1—86).

6. Примечания кап. Тим. Шмалева о морских путешествиях по Ледовитому и Охотскому морям с описаниями островов, на них лежащих, 1775 г., к примечаниям приложены два рисунка рыб (там же, тетр. 20, лл. 1—54).

7. Краткое о Камчатке объяснение, учиненное Камчатским командиром кап. Тим. Шмалевым 1773 г., два беловых экземпляра, один из них подписан автором (портф. 539, I, тетр. 8, лл. 1—12).

8. Исторические сведения о сухопутных и водяных сообщениях Сибири, собранные кап. Тим. Шмалевым в 1775 г., беловой экземпляр с подписью автора (портф. 539, I, тетр. 13, лл. 1—40).

9. Исторические сведения об Охотском порте и о строении при нем судов, собранные кап. Т. Шмалевым в 1775 г., беловой экземпляр с подписью автора (там же, тетр. 12, лл. 1—11).

10. Примечания кап. Т. Шмалева на «Историю» проф. Степана Крашенинникова, копия, подписанная автором (там же, тетр. 11, лл. 1—12).

11. Примечания кап. Шмалева на рапорт, поданный от флота лейтенанта Синдта, о бытности его в экспедиции в дальнем вояже к северо-востоку, учиненное 1775 г. маия 8 дня, беловой экземпляр, подписанный автором (там же, тетр. 14, лл. 1—8).

12. Примечания капитанов Т. и В. Шмалевых о морских путешествиях, совершенных промышленниками разных кампаний с 1744 по 1775 г., беловой экземпляр, подписанный авторами, на полях чьи-то заметки (там же, тетр. 15, лл. 1—59).

13. Копия предложения в Камчатскую Большерецкую канцелярию кап. Т. Шмалева о нужных распоряжениях для соблюдения казенного интереса и частных выгод касательно приезжающих и отъезжающих для морского промысла судов, с подписью автора (там же, тетр. 16, лл. 1—15).

14. Расписание трактов на Камчатке 1775 г., — подписано кап. Шмалевым (там же, тетр. 17, лл. 1—12).

15. Примечание о бывшем в Анадырском остроге и прочих Сибирских отдаленных местах главном командире Ширванского пехотного полка секунд-майоре Ив. Ст. Шмалеве, сделанное сыном его кап. Т. Шмалевым 1775 г., беловой экземпляр, подписанный автором (портф. 528, I, тетр. 16, лл. 1—7).

16. Возражение, сделанное кап. Т. Шмалевым на представление полк. Плениснера о снятии Анадырского острога, 1775 г. (там же, тетр. 10, лл. 1—14).

17. Примечания кап. Т. Шмалева, сделанные им в 1772 г., об уничтоженном Анадырском остроге и о других местах, близ него лежащих, беловой экземпляр, подписанный автором (там же, тетр. 22, лл. 1—4).

18. Пункты, касающиеся к объяснению и прибавлению Российской истории о уничтоженном Анадырском остроге и некоторых близ оного лежащих от России отдаленных мест, сочинены кап. Т. Шмалевым 1772 г. («пункты» составлены в результате разговора с Г. Ф. Миллером), и ответы на эти пункты кап. Пересыпкина в Гижигинской крепости 1773 г., за его подписью (портф. 528, II, тетр. 3, лл. 1—43).

19. Примечание кап. Шмалева на рапорт подпоручика Андреева об измене в 1769 г. олюторских коряков и об убийстве купцов Плотникова с товарищами в 1775 г., беловой экземпляр, подписанный автором (там же, тетр. 5, лл. 1—2).

20. Краткое примечание, учиненное кап. Тим. Шмалевым на полученные по требованию его из Гижигинской крепости от командира кап. Пересыпкина на запросы ответы, что во оных следственно было припомнить и в чем согласно или сумнительно с некоторыми изъяснениями в рассуждении действительного тех народов знания обычаев... — подписано автором (там же, тетр. 7, лл. 1—16).

21. Журнал всяким случаям, веденный кап. Шмалевым в Гижигинской крепости 1777 г. июля с 1 дня по 30 июня 1780 г., беловой экземпляр, подписанный автором (портф. 539, I, тетр. 1).

22. Известия о присоединении чукотского народа, собр. кап. Т. Шмалевым, 1778 г. (там же, тетр. 6, лл. 1—110).

23. Примечание, учиненное кап. Т. Шмалевым о том, с которого времени чукотской народ россианом стал быть известен и как с чукотской, так и с российской стороны примечания достойного следовало до происшествия в Гижигинской крепости нынешнего 1775 г., учиненного с чукчами кап. Пересыпкиным (портф. 528, I, тетр. 17).

24. Примечание, сделанное кап. Т. Шмалевым, о бывшем в 1770 г. в первый раз при дворе е.и.в.с северо-западных Американских островов алеуте Осипе Кузнецове, 1775 г., подписано автором (там же, тетр. 15, лл. 1—8); здесь же мелкие документы, касающиеся службы Шмалева (лл. 9—11).

25. Краткое прибавление, сделанное кап. Т. Шмалевым, относительно разных происшествий в Охотском порте, Камчатке и частью на Алеутских островах, 1775 г., подписано автором (там же, тетр. 12, лл. 1—2).

26. Ведомость о находившемся в 1774—1775 гг. провианте в Охотском порте, подписано Т. Шмалевым (там же, тетр. 13, л. 1).

27. Копии указов и рапортов 1775 г., касающихся Охотского порта; приложен раскрашенный план Охотского порта, подписанный Т. Шмалевым (там же, тетр. 11, лл. 1—3).

28. «Примечание, учиненное кап. Т. Шмалевым по причине происходивших у коряк с чукчами древней злобе и со обоих сторон походов, смертных убивств, грабежей, а особливо от происшедшего в 757 г. от коряк чук-

чам обману и убивства лутчих их людей Татымкипа и Арелпуги с родами, отчего и с российской стороны чукчи называются «непримиримыми», в прибавление мною ж учиненного примечания о чукоцком пароде, что от них прежде того времени к России и от российской стороны к ним происшествиях до 775 г., в нижеследующем означается», подписано Т. Шмалевым (портф. 528, II, тетр. 9).

29. Список промышленников и их путешествий из Камчатки и Охотска к Американским островам, составленный кап. Т. Шмалевым в 1775 г., черновик рукою Г. Ф. Миллера на нем. яз. (портф. 534, IV, тетр. 18, лл. 1—8).

30. Извлечение из журналов, веденных Свен-Ваксслем и другими офицерами, принимавшими участие в Камчатской экспедиции, сделанное Свен-Ваксселем в 1733 г., беловой экземпляр на нем. яз. (портф. 531, лл. 1—98).

31. Материалы, относящиеся к Охотску (1731—1775 гг.): инструкции вновь назначенным командирам Охотского порта, их реляции, сведения о судах, входящих в порт, о пушном промысле, о тракте от Охотска до Якутска (портф. 528, I, тетр. 1, 2, 3, 4, 24).

32. Материалы, относящиеся к Гижигинской крепости и окружающей ее местности (1715—1776 гг.): «Выписка о расположении в Сибирской губернии вновь ясака и что по оному от находящегося в Гижигинской крепости прапорщика Курочкина взято в 1776 г. с коряков и их князцов», «известие о нравах и поведении имеющих в ведомстве Гижигинской крепости иноверческих народах», и друг. (портф. 528, I, тетр. 18, лл. 1—9).

33. Выписка, учиненная камчатских и других отдаленных мест при команде, каким образом велено бунтующих коряк искоренить и по каким именно указам и откуда и за какие ими учиненные продерзости, о том явствует под сим. — Копия дела 1715—1750 гг. По листам скрепы: «с подлинного читал сотник Степан Павлов», «с подлинным свидетельствовал капитан Яков Пересыпкин» (портф. 528, II, тетр. 1, лл. 1—112).

34. Записка о сборе с пеших коряк на разные (1770-е) годы доимочных денег (там же, тетр. 8, лл. 1—2).

35. Материалы, касающиеся Анадырского острога (1760—1773): копии указов, инструкций, рапортов, расценки товарной клади до Якутска, дело об уничтожении Анадырского острога по представлению подполк. Плениснера (портф. 528, I, тетр. 6 и 14, портф. 528, II, тетр. 4).

36. Копии документов Большерецкой канцелярии 1756 г.: постройка крепости, бои с «изменниками» из местного населения и др. (портф. 528, II, тетр. 2, лл. 1—51).

37. Копии документов, касающихся Чукотского полуострова и Алеутских островов: «известия, собранные из разговоров вологодского купца Ф. А. Кулькова о так наз. Алеутских островах в С.-Петербурге 1764 г.» — на полях отметки Г. Ф. Миллера на нем. яз. (портф. 528, I, тетр. 7, лл. 1—5); «Сказка казака Николая Дауркина о Чукотской земле», подписана подполк. Плениснером (там же, тетр. 8, лл. 1—6).

38. Материалы о Медвежьих островах 1763—1774 гг.: копии рапортов, журналов, приказов, касающихся «секретной» экспедиции 1762, 1769 и 1771 гг. от Нижнеколымской крепости до р. Крестовой и оттуда в море к Медвежьим островам (портф. 539, I, тетр. 4, 6, 7, 18), карта этих островов с пояснением и записка об их открытии сержантом Андреевым (портф. 528, I, тетр. 21, лл. 1—10).

39. Материалы о Курильских островах, рапорты, выдержки из иностр. журналов, письма (портф. 539, II, тетр. 2).

40. Описание Курильских островов по сказыванию курильских иноземцев и бывалых на оных островах служивых людей, сочиненное чрез студента Степана Крашенинникова, беловой экземпляр (портф. 513, тетр. 6, лл. 17 об. — 22 об.).

41. Копии дел, касающихся экспедиции кап. Вас. Чичагова для открытия прохода Северным морем в Камчатку 1764—1766 гг. (журналы плавания, рапорты, инструкции и проч.) (портф. 540, тетр. 1, лл. 1—152).

42. Копии дел, касающихся экспедиции капитанов Креницына и Левашева для открытия новых островов около Камчатки 1764—1772 гг. (там же, тетр. 2, лл. 1—71).

43. Материалы, касающиеся экспедиций Беринга: а) копия указа об отправлении кап. Беринга на Камчатку 1725 г. и сокращенный журнал его путешествия 1727—1730 гг. (на полях заметки Г. Ф. Миллера) (портф. 533, тетр. 1, лл. 1—17); б) морские журналы, относящиеся к экспедиции Беринга (там же, тетр. 4, 5, 10, 11, 12, 13); в) экстракт из рапорта адъюнкта Стеллера в Сенат о путешествии кап. Беринга 1742 г., черновик на нем. яз. (там же, тетр. 14); г) пояснения к картам, чертежи и различные мелкие документы (портф. 533, тетр. 1—15).

44. Новые открытия около Камчатки (портфели: 534, I, II, III, IV и V; 538, I; 539, I, тетр. 2, 3, 5 и 8). Подлинные документы и копии 1742—1775 гг., состоящие из указов, рапортов, писем, контрактов и различных сделок купцов разных городов, совершавших плавания вокруг Камчатки для открытия новых земель и для торговли.

45. Морские журналы 1738—1742 гг. (портф. 535, лл. 1—186; портф. 536, лл. 1—108; портф. 533, тетр. 4, 5, 10, 11, 12, 13).

46. Материалы о сборе ясака в Верхне-Камчатском крае: табель ясачным иноземцам, различные бумаги по сбору податей, копия экстракта из инструкции, данной при отправлении в 1734 г. в Нижне-Камчатский острог майору Якутского полка Мерлину, и следственные дела о сборщиках ясака (портф. 527, тетр. 2, 12 и 13).

5. ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ Г. Ф. МИЛЛЕРА ПО СИБИРИ

1. Журнал путешествия из Санкт-Петербурга до Енисейска 1733—1735 гг., беловой экземпляр рукою Г. Ф. Миллера на нем. яз. (портф. 537, тетр. 7, лл. 1—29), то же — на лат. яз. (ф. 21, оп. 5, № 116).

2. Журнал путешествия от речки Логневки до Томска, беловой экземпляр рукою Г. Ф. Миллера на нем. яз. (портф. 537, тетр. 8, лл. 1—2).

3. Краткая роспись сибирского путешествияе 1733—1743 гг. Два экземпляра: русский и немецкий, оба переписаны набело, но с поправками (там же, тетр. 9, лл. 1—46), то же на русск. яз. (ф. 21, оп. 5, № 53, лл. 1—22).

4. Описание путешествия по Сибири (с 9 ноября1733 г. по 5 марта 1736 г. (первая редакция), беловой экземпляр на нем. яз., переплетенный в книгу (портф. 520, лл. 1—85, черновик введения — ф. 21, оп. 2, № 21, стр. 1—39); то же на русск. яз. (ф. 21, оп. 5, № 144, лл. 1—117 об.).

5. Описание путешествия по Сибири (вторая редакция): гл. I вступительная, четыре экземпляра на нем. яз.: портф. 518, тетр. 2 — черновик рукою Г. Ф. Миллера, портф. 519 — три беловых экземпляра; гл. II — портф. 518, тетр. 2, черновик на нем. яз., — путь от Петербурга до Новгорода, портф. 519 — то же, беловой экземпляр, портф. 519 — то же, но до Тобольска; гл. III. От Тобольска до Томска (портф. 519); гл. IV. От Томска до Иркутска (портф. 519); гл. V. От Иркутска до о. Байкала и обратно (портф. 519); гл. VI. От Иркутска до Якутска (портф. 519); гл. VII. От Якутска до Иркутска (портф. 519 и 526, I); гл. VIII. От Иркутска до Енисейска (портф. 519 и 526, I); гл. IX. От Енисейска до Мангазеи и до Красноярска (портф. 519 и 526, I); гл. X. Вверх по р. Енисею и обратно до Красноярска (портф. 519 и 526, I); гл. XI. Из Красноярска в Тобольск (портф. 526, I); гл. XII. Из Тобольска в местности к югу от р. Туры (портф. 526, I); гл. XIII. Из Томска в Пелым, Туринск и Верхотурье (портф. 526, I); гл. XIV. От Верхотурья до Петербурга (портф. 518, тетр. 3, лл. 1—59); текст гл. I—XIV на нем. языке; русский перевод И. Голубцова гл. I—VI и XIV — ф. 21, оп. 5, № 63, лл. 1—112 об. + 1—16.

6. Миллер и Гмелин. Журнал путешествия 1735 и 1738 гг., из трех частей: 1) 8 тетрадей с нумерацией стр. 17—142, на нем. яз. описание путешествия с 6 июня 1735 г. по 27 декабря 1735 г.; 2) отдельные листы (стр. 109—112) того же текста описания путешествия с 22 сентября 1735 по 28 декабря 1735 г., и 3) четыре страницы текста, писанного тем же почерком, что и второй отрывок; нач. «Im ersten Bande dieser Sammlung historischer Nachrichten haben wir von der... (пропуск в рукоп.) bis... (то же) Seite...»; далее «таблицы цен товаров» на русско-немецко-монгольско-китайских языках; и отрывок из описания путешествия 28 июня 1738 г. (ф. 21, оп. 5, № 172).

6. КАРТЫ, ПЛАНЫ И РИСУНКИ [1]

1. Карты реки Иртыша, составленные Г. Ф. Миллером в 1735 г., «на четырех александрийских листах» (ф. 21, оп. 5, № 39/61—64).

[1] В обзор не вошли карты, планы и рисунки, хранящиеся в ГАФКЭ, в виду того, что работа по разысканию и просмотру их не закончена; обзор этих карт, планов и рисунков, входивших в XVIII в. в собрание Г. Ф. Миллера, будет дан дополнительно.

2. Карта степи между реками Иртышом и Обью, составлена Г. Ф. Миллером в 1735 г., на одном листе (ф. 21, оп. 5, № 39/65).

3. Карта реки Томи, составлена одним из спутников Г. Ф. Миллера по Камчатскому путешествию в 1735 г., на одном листе (ф. 21, оп. 5, № 39/66).

4. Карта озера Байкала, сочинил геодезист Моисей Ушаков, на одном листе (ф. 21, оп. 5, № 39/67).

5. Карта рек Иркута, Китоя и Белой и Красноярской столбовой дороги до Удинского острогу, сочинена геодезистом Моисеем Ушаковым в 1740 г., на одном листе (ф. 21, оп. 5, № 39/68).

6. Карта частей уездов Енисейского и Иркутского, уезда Илимского и реки Ангары, сочинена геодезистом П. Скобельцыным в 1740 г., на одном листе (ф. 21, оп. 5, № 39/69).

7. Карта «страны между Ангарой и Леной», сочинена геодезистом Вас. Шетиловым в 1740 г., на одном листе (ф. 21, оп. 5, № 39/70).

8. Карта «ближайшего пути к Камчатскому морю от вершины речки Горбицы... до реки Большого Алдекона», притока Амура (реки Олекма, Амур, Шилка, Аргунь), сочинена геодезистами П. Скобельцыным и Вас. Шетиловым (ф. 21, оп. 5, № 39/71).

9—46. Планы сибирских городов, крепостей, заводов и других мест 1734—1742 гг.:[1] Ямышевской крепости (2), Семипалатной крепости (2), Усть-Каменогорской крепости (2), Колывано-Воскресенских заводов (2), городов: Кузнецка (3), Томска (3), Красноярска (2), Енисейска (2), Мангазеи, Илимска, Иркутска, Удинского острога (2), Селенгинска (2), пути по реке Чикою в Селенгинск и Кяхту, Петропавловской крепости на Чикойской стрелке, Троицкой крепости (2), Кяхты (2), Нерчинска (2), Аргунских серебряных заводов (2), Якутска, «некоторого старинного города китайского владения на р. Аргуни» и «теплиц (теплых вод) при реке Ононе» (ф. 21, оп. 5, № 39/1—38).

47—55. «Проспекты» (виды) сибирских городов, рисунки художников Камчатской экспедиции Люрсениуса и Беркана; из собрания, занесенного в опись 1748 г. под №№ 39—89, в настоящее время имеются следующие виды: Зилантова монастыря (Люрсениус), Тобольска (Беркан), Тары (Беркан), Томска (два рисунка Беркана и Люрсениуса), Мангазеи (Люрсениус), Иркутска (сохранился на три четверти) и два «изъяснения» к «проспекту» Казани и Зилантова монастыря (ф. 21, оп. 5, № 39/39—45, 72 и № 168, л. 303).

56—70. Рисунки различных сибирских памятников древностей: «идолов», «камней с фигурами», «разных выкопанных на кладбищах старинных вещей золотых, серебряных и медных», «разных медных инструментов, выкопанных из могил», «мунгальской печати и разных древних куфических монет», «куфической медали и других старинных монет» и др., рисунки тех же художников Люрсениуса и Беркана; из собрания (по описи 1748 г.)

[1] В скобках количество отдельных номеров.

в 85 номеров, в настоящее время в Архиве Академии Наук (ф. 21, оп. 5, № 39/46—60), имеется только 15; часть рисунков, в количестве 16, хранится в ГАФКЭ (по описи 1748 г. №№ 137—150).

II. ТРУДЫ И МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ

1. Описание сибирским народам вообще с приобщенным к оному особливым известием о живущих около Казани языческих народах и с показанием, что при описании народов примечать должно, часть I, на русск. яз. (ф. 21, оп. 5, № 6, лл. 1—113 об.).

2. Показание, каким образом при описании народов, а паче сибирских, поступать должно — часть инструкции Фишеру на русском языке, состоящая из 923 пунктов, и «прибавления», заключающего в себе пункты «о ландкартах» (63 пункта), «о рисунках» географических и археологических (30 пунктов) и «о собирании разных вещей в императорскую кунсткамеру», т. е. о собирании этнографического материала (16 пунктов) — портф. 508, лл. 1—129 — беловой экземпляр и лл. 130—260 — черновик рукою Миллера на русск. яз.; нем. текст (ф. 21, оп. 2, № 8 и портф. 526, I, тетр. 1, лл. 1—107).

3. Некоторые вопросы на ответы, необходимые при описании сибирских народов, на русск. и нем. языках разными почерками, частью рукою Г. Ф. Миллера (портф. 509, тетр. 10, лл. 1—43).

4. Выписка о материалах, хранящихся в сибирских архивах и необходимых при описании народов, черновик рукою Г. Ф. Миллера на нем. яз. (портф. 509, тетр. 4, лл. 1—2; указаны: архив, № дела, и какие именно материалы содержатся в данном архиве).

5. «Descriptiones gentium sibiricorum» — собрание отдельных заметок Г. Ф. Миллера и материалов по этнографии Сибири:

а) разные известия о бурятах или братских, на русск. яз. (портф. 509, тетр. 1, лл. 1—13);

б) различные сведения о шаманах и колдунах сибирских, частью на русск., частью на нем. языках; встречается почерк Миллера (там же, тетр. 2, лл. 1—32);

в) разные сведения о богослужениях и обычаях сибирских народов: якутов, юкагир, остяков, тунгусов, самоедов, камасинцев, тайгинцев, качинцев и татар, черновик рукою Г. Ф. Миллера на нем. яз. (портф. 509, тетр. 3, лл. 1—178);

г) выписки и отдельные печатные листы из иностранных книг, журналов и газет этнографического содержания, черновики рукою Миллера (там же, тетр. 5, лл. 1—24);

д) отрывок из описания манчжурских народов, населяющих Сибирь: глава I — «о народах вообще и их жилищах», черновик на нем. яз. рукою Миллера (там же, тетр. 6, лл. 1—4);

е) описание некоторых вогульских идолов, найденных на горах близ Благодатских заводов, на нем. яз., с чертежами (там же, тетр. 7, лл. 1—4);

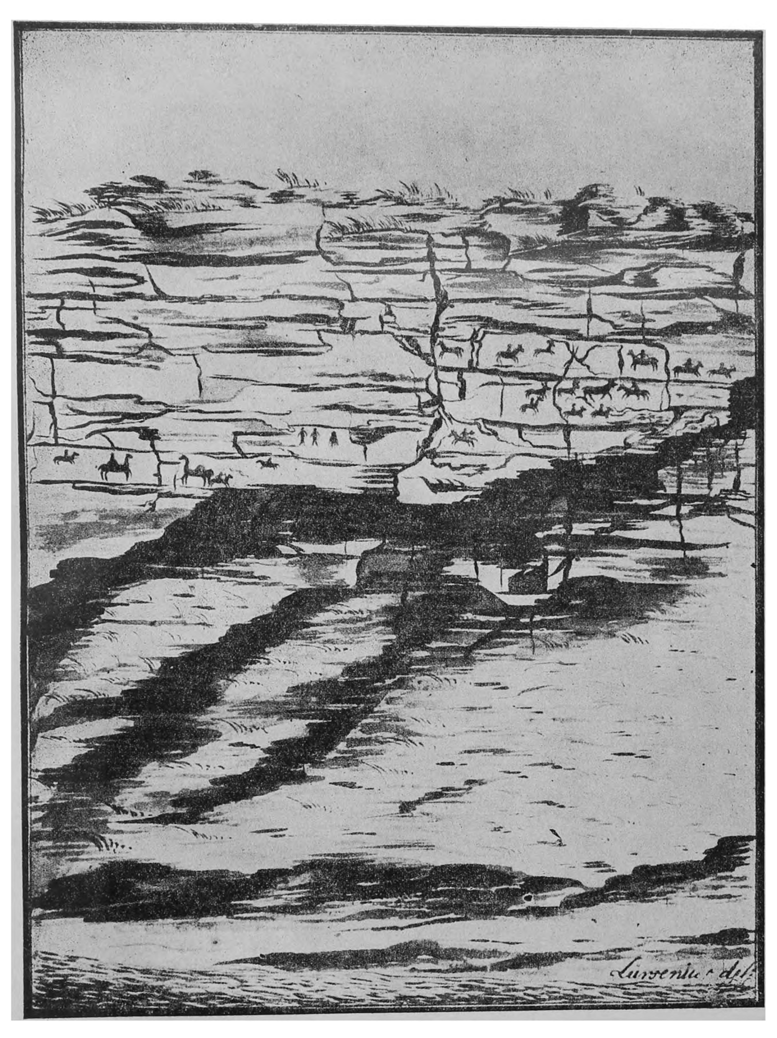

Рис. 35. Рисунок писаного камня на р. Лене.
(ГАФКЭ, портф. Миллера, рис. № 145.)

ж) разные известия о хатангинских тунгусах, живущих на р. Нижней Тунгуске, черновик соч. Гмелина на нем. яз. (там же, тетр. 8, лл. 1—10);

з) описание бурятов, так наз. братских, собранное из путешествия, совершенного в 1745 г. из Качеги на Байкал (здесь и описание качинских и бурбинских татар), составлено Линденау, беловой экземпляр на нем. яз. (портф. 511, I, тетр. 6, лл. 1—22).

6. Отдельные заметки о сибирских народах: о кузнецких татарах (портф. 521, I, лл. 116—117), о качинских татарах (л. 160), о канских татарах (л. 161).

III. МАТЕРИАЛЫ ПО ЯЗЫКАМ НАРОДОВ СИБИРИ

1. «Словесник, по которому собирать слова в языках и диалектах иностранных народов», черновик рукою Миллера па русск. яз. (портф. 508, лл. 261—269).

2. Краткий словарь языка жителей Камчатских островов, черновик рукою Миллера на русск. яз. (портф. 528, I, тетр. 26).

3. Словарь вотяцко-латинский (портф. 529, I).

4. Словарь татарско(чацко)-вогуло-латинский (там же).

5. Словарь калмыко-бухаро-латинский (там же).

6. Словарь татарско(чацко)-латинский (там же).

7. Словарь татарско(чацко)-остяцко(сангино)-латинский (там же).

8. Словарь тунгусо-остяцко(сангино)-ассанито-латинский (портф. 529, II).

9. Словарь татарско(чацко)-аринско-камасинско-бурято-латинский (там же).

10. Словарь монголо-латинский (там же).

11. Словарь тунгусо-латинский (там же).

12. Словарь тангуто-латинский (там же).

13. «Лексикон или, лучше сказать, собрание слов татарского языка по всем оного диалектам в Сибири (башкирский, туринский, тобольский, томский, телеутский, кузнецкий, красноярский, кангатский, якутский)» с переводом на латинский (портф. 513, тетр. 1, лл. 1—13).

14. «Лексикон самоядский по 13 диалектам» (там же, тетр. 2, лл. 1—36).

15. «Словарь вогуло-остяцкого языка по всем оного языка диалектам (11) в Сибири» (там же, тетр. 3, лл. 1—18).

16. «Лексикон калмыцкого языка», там же, тетр. 4, лл. 1—4).

17. «Лексикон калмыцкий по диалекту контайских калмыков с прибавлением разности диалекта волжских» (там же, тетр. 5, лл. 1—2).

18. «Лексикон коряцкий, каражский, тигильский и курильский» (по листам скрепа: «студент Степан Крашенинников») (там же, тетр. 6, лл. 1—15).

19. «Лексикон нарымский, сургутский, самоядский, белозерской, вогульский» (там же, тетр. 7, лл. 1-30).

20. «Лексикон Малой Бухарии» (там же, тетр. 8, лл. 1—2).

21. «Лексикон брацкой» (там же, тетр. 9, лл. 1—25).

22. «Лексикон тунгусский, ламутский» (по листам скрепа Ст. Крашенинникова) (там же, тетр. 17, лл. 1—12).

23. «Лексикон мунгальско-калмыцкий» (там же, тетр. 11, лл. 1—14).

24. «Лексикон аринский на пяти диалектах» (там же, тетр. 12, лл. 1—14).

25. «Лексикон камчатских народов» (с описанием камчатских народов на латинском языке) (там же, тетр. 13, лл. 1—28).

26. Краткий словарь языка жителей Камчатских островов, черновик рукою Г. Ф. Миллера на русск. яз. (портф. 528, I, тетр. 26, лл. 1).

27. «Лексикон гренландский и самоядский» (там же, тетр. 14, л. 1).

28. «Лексикон народов Туринского и Верхотурского уездов» (там же, тетр. 19, лл. 1—9).

29. «Лексикон корейский» (там же, тетр. 21, лл. 1—34).

30. Собрание слов из языка чулымских татар, конгапов, тайгинцев и камасинцев» (там же, тетр. 22, лл. 1—10).

31. «Сходство а) венгерского языка с остяцким и вогульским, б) с пермским и зырянским, в) с татарским (сравнительный словарь) (там же, тетр. 25, лл. 1—4).

32. Перечни названий птиц, зверей, рыб, домашних животных, овощей, деревьев и ягод на языках: русском, латинском и тунгусском (там же, тетр. 27, лл. 1—10).

IV. ИСТОРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ И ТРУДЫ О СИБИРИ

1. СИБИРСКИЕ ЛЕТОПИСИ И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

1. Ремезовская летопись под заглавием: «История сибирская, летопись краткая». Состоит из 157 глав. Беловая копия XVIII в. (портф. 502, лл. 1—30).

2. Есиповская летопись:

а) Основная редакция (без заглавия) состоит из 35 глав, начинается с повествования о завоевании Сибири (7089 г.) и заканчивается сообщением о смерти Кучума. Беловая копия XVIII в. (портф. 505, I, тетр. 5, лл. 1—18).

б) Пространная редакция в двух списках: 1) Под заглавием: «История о Сибирстей земли и о царствии и к нему принадлежащих странах, и о взятии ее атаманом Ермаком Тимофеевым сыном Повольским и с его дружиною с донскими казаками собранным полком в лето 7089». Состоит из 34 глав, доведена до 7127 г. Беловая копия XVIII в. с поправками редакционного характера (портф. 505, I, тетр. 4, лл. 1—32; ф. 21, оп. 5, № 8, лл. 1—73 + 1—87 и № 38, лл. 1—86). 2) Без заглавия. Состоит из 35 глав, доведена до 7206 г. Беловая, каллиграфически переписанная копия XVIII в. Текст сходен с помещенным в портф. 505, I, тетр. 4, лл. 1—32 в его первоначальной редакции (портф. 502, лл. 31—96).

3. «Записки к сибирской истории служащие», помещенные здесь под заглавием: «Книга по сибирском взятии сколько в Сибири в Тобольску и во всех сибирских городех и острогах с начала взятья атамана Ермака Тимофеева в котором году и кто имяны бояр и окольничих и стольников и стряпчих и воевод и дьяков и письмянных голов и с приписью подьячих было». Беловая копия XVIII в. (портф. 505, I, тетр. 5, лл. 19—45).

4. «О сибирском царстве, как оное под российское владение получено». Начинается с повествования о походе Ермака и заканчивается 1621 г. Беловая копия XVIII в. (портф. 502, лл. 97—102; ф. 21, оп. 5, № 14, лл. 1—23).

5. «О царех сибирских, о которых в гистории сибирской, изложенной в 7145 году сентября 1 дня, написано». — Статья, представляющая собою краткую историю сибирских царей с приложением их родословия. Беловая копия XVIII в. (портф. 502, л. 103).

6. «Описание Сибири — описание Сибирские страны из древних лет в козмографиях и историях и повестех многи, имени Тобольска, дороги Московской чрез Тюмень в слободы и в степь». — Беловой экземпляр (портф. 505, I, тетр. 6, лл. 1—8).

7. «Копия о явлении образа чудотворца Николая, списана в г. Томску в соборной церкви, которая подписана на другой стороне креста господа нашего Исуса Христа, которой стоит против левого крылоса, а выше подписи написан образ чудотворца Николая». Статья представляет собою сказание о «явлении» иконы Николая чудотворца и о его «чудесах». Беловой экземпляр (портф. 505, I, тетр. 6, лл. 13—21).

2. ДОКУМЕНТЫ XVI—XVIII вв., ИЗВЛЕЧЕННЫЕ Г. Ф. МИЛЛЕРОМ ИЗ СИБИРСКИХ АРХИВОВ

А. Подлинные грамоты

1. 196 подлинных документов, написанных на столбцах (грамоты, отписки, челобитные, выписи из писцовых книг, кабалы, закладные и заемные памяти, духовные и проч.), касающиеся сношений сибирских властей с местным населением, военных известий, взятия аманатов, постройки и укрепления городов, острогов и слобод, выдачи жалованья служилым людям, сбора таможенных пошлин, сбора ясака, организации десятинной пашни, поисков железных, медных, серебряных и магнитных руд и устройства заводов для их разработки, соляного и слюдяного промыслов, устройства мельниц, постройки речных судов, а также заключающие в себе окружные грамоты городов, касающиеся событий, происходивших в центре Московского государства (большая часть последних напечатана в СГГД) — портф. 478, I (1593—1620 гг.), портф. 478, II (1620—1680 гг.), портф. 478, III А и Б (1681—1701 гг.). При портфелях имеются описи.

*

Б. Подлинные дела и книги Сибирского приказа и сибирских воеводских канцелярий XVII—XVIII вв. и современные списки XVII—XVIII вв.

1. Отпуски грамот из Сибирского приказа, отписки воевод сибирских городов, челобитные, росписи, допросы и другие документы (всего 40 дел) (портф. 483).

2. Опись 1055 грамотам, писанным в Сибирь о приходе и расходе денежной казны с 1598 по 1702 год. (На листе 1-ом надпись: «Денежного стола столп, а в нем великого государя грамоты») (портф. 479, лл. 1—156).

3. «Окладная книга жалованья города Тобольска детем боярским, казакам, толмачам, рейтарам, драгунам, тобольским юртовским служилым татарам и стрельцам, верстанным на убылые места в службу с 1663 по 1678 г.». Книга датирована июнем 1678 г. По листам скрепы дьяков Кузьмы Чистого и Перфилья Оловенникова (портф. 480, лл. 1—233).

4. Записная книга Сибирского приказа 1710 г. о назначении воевод, таможенных и кабацких голов и наказы им, о выдаче жалованья служилым людям, о железных заводах, шведских пленных и др. (портф. 484, лл. 1—143).

5. «Книга великого государя денежной и товарной казне генваря с 1-го дня нынешнего 711 г. генваря по 1-ой же день 712 г., что довелось дать по окладу великого государя жалованья города Тобольска ружником и дворяном и детем боярским и конным и пешим казаком при бытии в Тобольску стольника и воеводы Ивана Фомича Бибикова да при дьяках Леонтье Шокурове, Иване Баутине, Афанасье Усталкове» (портф. 485, лл. 1—771).

6. «Книга приходная великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великие и Малые и Белые России самодержца Тобольским всяким денежным окладным и неокладным доходам и товарам генваря с 1-го дня нынешнего 711-го г. генваря ж по 1-ой день 1712 году при бытии в Тобольску стольника и воеводы Ивана Фомича Бибикова да дьяков Л. Шокурова, Ив. Баутина, Аф. Усталкова» (портф. 486, лл. 1—506).

7. «Книга великого государя (п. т.) неокладным всяким денежным расходам и товарам» — 1711 г. (портф. 487, лл. 1—120).

8. Записная книга сенатским указам в Сибирскую губернию и донесениям на них 1712 г. (портф. 488, лл. 1—128).

9. «Книга великого государя (п. т.) неокладным всяким денежным и товарным расходом» — 1711 г. (портф. 490, лл. 1—68).

10. «Книга приходная великого государя (п. т.) тобольским всяким денежным окладным и неокладным доходам и товарам» — 1712 г. (портф. 489, лл. 1—328).

11. «Книга расходная великого государя денежной казне при бытии в Тобольску губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина» — 1713 (первая половина) г. (портф. 492, лл. 1—120).

12. То же (вторая половина) (портф. 493, лл. 1—166).

13. «Книга записная указам и донесениям Сибирской губернии» 1714 г. (портф. 494, лл. 1—315).

14. «Книга приходная 716 г. сбору (ясака и поминочной мягкой рухляди) приемов подьячих Никиты Чинова, Ивана Филиппова» (портф. 495, лл. 1—303).

15. «Счетная выписка Тюменского пушкарского головы Матвея Луданина, которой посылан был из Тобольска к городу Архангельскому с казною... с мягкой рухлядью и с товаром и с железом и с товары и о покупке у города Архангельского товаров, также и о покупке ж на бывшего губернатора князя Гагарина серебряной посуды и заморских питей 717 г. и об отдаче в Тобольску в казну ж... казенных товаров, 718 году генваря 10 числа» (портф. 496, лл. 2—19).

16. «Списки разные, взятые от полковника и комендапта Якова Елчина г. Якутска». — Росписной список воеводы Д. А. Траурнихта с полк. Як. Аг. Елчиным 1712 г., ведомость с этого списка, копии наказа и грамоты Елчину (портф. 491, лл. 1—42).

17. Следственное дело о бывшем Сибирском губернаторе кн. М. П. Гагарине 1719—1721 гг. (портф. 497, I, лл. 1—444; портф. 497, II, лл. 1—376; портф. 498, лл. 1—311; портф. 500, лл. 1—311).

18. «Записная книга отпискам и доношениям, присыланным из Сибирских городов 1720 г.» (портф. 499, лл. 1—19).

19. «Ведомость о выдаче в Сибирских городах служивым людям денежного жалованья и кормового оклада с принадлежащими до сего указами с 1721 по 1764 год» (портф. 501, лл. 1—52).

20. «Списки з государевых царевых и великого князя Михаила Федоровича всея Русии грамот, каковы присыланы в Тоболеск в прошлых во 122—132 году о опальных людех, которые по государеву указу присланы в Сибирь». Копия XVII в. на 464 листах (портф. 541, лл. 1—464).

21. «Список Тюменского города» 147 г. (без конца) (портф. 545, лл. 1—49).

22. Наказ тюменскому воеводе Ив. Гавр. Бобрищеву-Пушкину (без начала) (там же, лл. 50—101).

23. Память ему же 152 г. (без конца) (там же, лл. 102—106).

24. «Смета сибирской Тюменского города мяхкой рухляди, что в нынешнем во 155-м году помечено взять из доимки на прошлые годы» (там же, лл. 107—134).

В. Списки документов XVI—XVIII вв., снятые по поручению Г. Ф. Миллера в сибирских архивах

1. Списки с документов сибирских архивов, снятые во время путешествия 1734—1742 гг., переплетены в 34 книгах и имеют на корешках заглавие: «Списки (такой то) архивы»; в описи 1748 г. их значится 35 томов, но том X («О горных заводах и делах») ныне хранится не в Архиве Академии

Наук, где все прочие списки, а в портф. 515, II — под заглавием: «Списки о рудных делах 1739 г.» Количество документов, указываемое в описи этих списков середины XVIII в. (см. следующий номер), не совпадает с подсчетом их, произведенным в Архиве Академии Наук; впрочем, и второй подсчет не всегда верен. Списки сняты в следующих архивах: Чердынском (далее указываются номера книг по описи № 4 фонда 21-го — № 1, на 286 лл., докум. 188), Верхотурском (№№ 2—4, на 314 + 308 + 318 лл., докум. 262 + 238 + 247), Туринском (№№ 5—7, на 262 + 281 + 294, докум. 231 + 304 + 294), Тюменском (№№ 8—9, на 288 + 215 лл., докум. 199 + + 165), Краснослободском и других (№ 10, на 268 лл., докум. 156), Тобольском и Тарском (№№ 11—15, на 331 + 295 + 315 + 433 + 209 лл., докум. 206 + 163 + 162 + 218 + 90), Нарымском, Кетском, Березовском и Пелымском (№ 16, на 415 лл., докум. 321), Томском (№№ 17—18, на 558 + + 546 лл., докум. 284 + 325), Кузнецком, Томском и Красноярском (№ 19, на 309 лл., докум. 115), Красноярском (№ 20, на 386 лл., докум. 188), Мангазейском (№ 21, на 307 лл., докум. 146), Енисейском (№№ 22—27, на 362 + 370 + 392 + 415 + 344 + 330 лл., докум. 209 + 317 + 255 + 269 + + 173 + 104), Иркутском и Илимском (№ 28, на 271 лл., докум. 177), Селенгинском и Нерчинском (№ 29, на 229 лл., докум. 145) и Якутском (№№ 30—34, на 386 + 359 + 351 + 362 + 348 лл., докум. 386 + 359 + + 351 + 302 + 348).

2. Опись списков документов, снятых в сибирских архивах и находящихся в указанных в предыдущем номере 35 томах (портф. 482, I—II, 483, тетр. 1; ф. 21, оп. 4, № 35).

3. 100 списков с грамот и отписок с 1594 по 1722 г. На полях против каждой копии сделаны пометки рукою Миллера на нем. яз. с обозначением книги копийной, из которой снята копия, тома и №№ в книге (портф. 477, I, лл. 1—194).

4. «Списки с грамот, из сибирских архивов взятых, служащих к изъяснению Сибирской истории», 89 списков 1602—1679 гг. (портф. 477, II, 7 тетрадей).

5. Экстракты из Пелымских ясачны книгх 7152, 7153, 7159, 7164, 7194 гг. (портф. 522, тетр. 1, лл. 1—86).

6. Списки с документов 1608 года: грамоты Василия Шуйского Березовскому воеводе и челобитной нарымских ясачных остяков (портф. 509, тетр. 9).

3. ТРУДЫ И МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЯМ СИБИРИ

А. Статьи и исследования по истории и древностям, кроме «Истории Сибири»

1. Статьи Г. Ф. Миллера для Sammlung Russischer Geschichte, большею частью напечатанные (оригиналы первых статей Миллера о Сибири, напечатанных в первом и втором томах Sammlung'а) (разр. IV, оп. 1, № 210).

2. «Обсервации исторические» 1733 г. (№ 1), на лат. яз. (ф. 21, оп. 5, № 164, стр. 171—182 и 187—209; № 168, лл. 1—151, 269—291).

3. «Обсервации исторические» 1734 г. (№ 2), на лат. яз. (ф. 21, оп. 5, № 168, лл. 1—52; № 164, стр. 79—160 + прилож. A — E, F — G — H).

4. «Обсервации исторические» 1734 г. (№ 3), на лат. яз. (ф. 21, оп. 5, № 164, лл. 1—22 об.).

5. «Обсервации исторические» 1735 г. (№ 4), на лат. яз. (ф. 21, оп. 5, № 143, лл. 2—51, и № 134, тетр. 72, неполный текст).

6. Историческое описание Верхне-Иртышских крепостей: Омской, Железенской, Ямышевской, Семипалатинской и Устькаменогорской, на нем. яз. рукою Г. Ф. Миллера (портф. 507, тетр. I, лл. 1—43; ф. 21, оп. 5, №№ 7 и 18).

7. Историческое описание Селенгинского и Нерчинского уездов Иркутской провинции летом 1735 г. (портф. 526, II, тетр. 3, лл. 1—10; портф. 525, лл. 1—287; ф. 21, оп. 5, № 19, 220 листов).

8. Историческое описание Аргунских серебряных заводов Нерчинского уезда Иркутской провинции (портф. 526, II, тетр. 7, лл. 1—28; ф. 21, оп. 5, № 20, стр. 1137—1177).

9. Исторические примечания о Енисейске 1735 г., черновик на русск. и нем. языках, большею частью рукою Г. Ф. Миллера (портф. 529, II, лл. 1—119).

10. «История страны, лежащей на реке Амуре, с того времени, как она поступила под русское подданство», черновик рукою Г. Ф. Миллера на нем. яз. (портф. 524, лл. 1—104; в конце находится отрывок описания путешествия с описанием оз. Ямыша и постройки Ямышевского острога, 1715 г., и ф. 21, оп. 2, № 16, стр. 1—188).

11. Известие о промысле серебряной руды, которой в уезде города Томска при речке Каштаке с 7205 по 7208-й год производился, на русск. яз. (ф. 21, оп. 5, № 73; разр. I, оп. 77, № 3, лл. 1—53).

12. Правильное истолкование тангутской рукописи из собр. Фурмонов, на лат. яз. (Инст. востоковед. Акад. Наук, № 93, лл. 1—7).

13. О писанцах сибирских, на лат. яз. (ф. 21, оп. 5, № 56, два списка на 15 + 16 листах).

14. О первых Российских путешествиях в Китай, русский перевод И. Голубцова, с поправками Г. Ф. Миллера (разр. II, оп. 1, № 217, лл. 327—351; отрывок другого перевода — ф. 21, оп. 5, № 63, лл. 9—16 об.)

Б. Материалы для «Истории Сибири»

1. «Rebellionen der sibirischen Völker». Черновые заметки на немецком языке рукою Г. Ф. Миллера об отдельных событиях в Сибири, приуроченные к определенным датам, но без соблюдения строгой хронологической последовательности (портф. 477, II, тетр. 8, лл. 1—5 + 8 — 11 + 12 —14).

2. Хронологический указатель событий, упоминаемых в «Истории Сибири» с 1499 по 1742 г., на нем. яз. (портф. 505, I, тетр. 1, лл. 1—47, чер-

новик рукою Г. Ф. Миллера и лл. 48—95 — беловой экземпляр с поправками Г. Ф. Миллера).

3. Хронологический указатель к «Истории Сибири» с 1593 г. по 1742 г.— краткое обозначение событий со ссылкою на архив, из которого заимствовано данное известие, черновик на нем. яз., написанный несколькими почерками; некоторые листы написаны рукою Г. Ф. Миллера (портф. 505, II, тетр. 2, лл. 1—168).

4. То же с 1595 по 1741 г. — черновик рукою Г. Ф. Миллера на нем. яз. (портф. 505, III, тетр. 1, лл. 1—411).

5. Хронологические заметки о Сибири с 1727 по 1742 г., черновик рукою Г. Ф. Миллера на нем. яз. (портф. 530, тетр. 3, лл. 1—6).

6. «Chronologisches Geschichts-Register der Jenisejskischen und Irkuzkischen Provinz 1600—1682», черновик рукою Г. Ф. Миллера на нем. яз. (портф. 505, I, тетр. 2, лл. 2—9).

7. Ведомость о воеводах, бывших в сибирских городах с 1581 по 1701 г., состоит из 45 таблиц на нем. яз. (портф. 505, I, тетр. 3, лл. 1—92 — черновик рукою Г. Ф. Миллера и лл. 93—184 — белобой список).

В. «История Сибири»

1. Посвящение императрице Елизавете Петровне. Четыре беловых экземпляра на русск. яз. (портф. 504, лл. 4—6, 23—25, 75—77, разр. V, оп. М, № 32); черновики на русск. яз. (портф. 504, лл. 19—21; ф. 21, оп. 5, № 11; ф. 21, оп. 5, № 54); черновик, написанный Г. Ф. Миллером на нем. яз. (портф. 503, лл. 2—3); беловой экземпляр — на нем. яз. (разр. I, оп. 65, № 1, лл. 2—3).

2. Предисловие. Беловой экземпляр на русск. яз. (портф. 504, лл. 7—18, 26—35; ф. 3, оп. 1, № 819; черновой экземпляр на русск. яз. (портф. 504, лл. 36—47); беловой экземпляр на нем. яз. (портф. 504, лл. 52—61, и ф. 21, оп. 5, № 10); черновой экземпляр на нем. яз. (портф. 504, лл. 61—74).

3. «История Сибири» (на нем. яз.). Главы I—IV, беловой экземпляр с поправками Миллера — ф. 21, оп. 5, № 4; то же — ф. 21, оп. 5, № 10; то же — разр. 1, оп. 65, № 1; отрывки из гл. 1-й (с § 69), II (§§ 1—43), III (с § 33) и гл. IV полностью — портф. 516, тетр. 1. — Глава V (отсутствует); глава VI (§§ 1—15, 60—73) (портф. 516, II, лл. 159—170); глава VII (полная), черновик рукою Миллера (портф. 516, II, лл. 177—216); глава VIII (полная), черновик рукою Миллера (портф. 516, II, лл. 217—274); глава IX (портф. 503, II, лл. 6—44); глава X (полная), черновик рукою Миллера (портф. 503, II, лл. 45—89); глава XI (полная), два экземпляра: портф. 503, II, лл. 90—128 (черновик рукою Миллера) и портф. 503, II, лл. 129—174 (беловой экземпляр с поправками Миллера); глава XII (полная), два экземпляра: портф. 503, II, лл. 175—226 (беловой экземпляр с поправками Миллера) и портф. 503, II, лл. 227—270

(черновик рукою Миллера); глава XIII (полная), два экземпляра: портф. 503, II, лл. 271—317 (черновик рукою Миллера) и портф. 503, III, лл. 1—36 (беловой экземпляр с поправками Миллера); глава XIV (полная), два экземпляра: портф. 503, I, лл. 38—76 (л. 38-й, заключающий в себе §§ 1 и 2 — беловой экземпляр, лл. 39—76, являются черновиком, написанным рукою Миллера, и портф. 503, III, лл. 37—88 (черновик рукою Миллера); глава XV (полная), черновик рукою Миллера (портф. 503, III, лл. 89—131); глава XVI (полная), два экземпляра: портф. 503, I, лл. 77—106 об. (беловой экземпляр с поправками Миллера) и портф. 503, III, лл. 132—159 (черновик рукою Миллера); глава XVII (полная), черновик рукою Миллера (портф. 503, III, лл. 160—175 об.); глава XVIII (полная), два экземпляра: портф. 503, I, лл. 107—154 об. (беловой экземпляр с поправками Миллера) и портф. 503, III, лл. 176—214 (черновик рукою Миллера); глава XIX (полная), два экземпляра: портф. 503, I, лл. 155—201 (беловой экземпляр с поправками Миллера) и портф. 503, III, лл. 215—249 об. (черновик рукою Миллера); глава XX (полная), два экземпляра: портф. 503, I, лл. 202—240 (беловой экземпляр с поправками Миллера) и портф. 503, III, лл. 250—285 (черновик рукою Миллера); глава XXI (полная), два экземпляра: портф. 503, I, лл. 241—273 (беловой экземпляр с поправками Миллера) и портф. 503, III, лл. 286—316 об. (черновик рукою Миллера); глава XXII (полная), два экземпляра: портф. 503, I, лл. 275—319 (беловой экземпляр с поправками Миллера) и портф. 503, III, лл. 317—357 об. (черновик рукою Миллера); глава XXIII (полная), два экземпляра: портф. 503, I, лл. 1—36 (беловой экземпляр с поправками Миллера) и портф. 503, III, лл. 358—392 (черновик рукою Миллера).

4. «История Сибири» в русском переводе; глава I — ф. 21, оп. 5, № 11 (до § 72), № 54 (до § 85), № 156 (полный), стр. 1—112; глава II — ф. 21, оп. 5, №№ 9а, 11 и 156, стр. 113 — 192 + лл. 193—213; глава III — ф. 21, оп. 5, № 11 (до § 15) и № 156 (полный), лл. 214—270; ф. 3, оп. 23, № 15 (отрывок № 13); глава IV — ф. 21, оп. 5, № 156 (полный), лл. 271—323; глава V — ф. 21, оп. 5, № 156 (полный), лл. 1—40; глава VI — ф. 21, оп. 5, № 12; глава VII — ф. 21, оп. 5, № 13; глава IX — ф. 21, оп. 5, № 169, лл. 1—47; глава X—ф. 21, оп. 5, № 169, лл. 49—91 об.; гл. XXII (§§ 52—57) — ф. 3, оп. 23, № 17, лл. 41—44.

5. Приложения к главам VI, VII и VIII «Истории Сибири» первоначальной редакции (ф. 21, оп. 4, № 36).

6. Замечания Фишера на главы I—XXIII «Истории Сибири» и ответы Миллера на замечания, касающиеся глав I—IV, на нем. яз. (разр. I, оп. 81, № 8, стр. 1—112).

7. Примечания В. Н. Татищева на главу I «Истории Сибири» и ответы Миллера, на русск. яз. (ф. 21, оп. 5, № 11, стр. 1—20 и ф. 3, оп. 1, № 817).

К. Н. СЕРБИНА

ЗАМЕЧАНИЯ К ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЕ СИБИРИ

При составлении карты Сибири, приложенной к настоящему изданию, была поставлена задача нанести на нее географические названия, упоминаемые Г. Ф. Миллером в первом томе «Истории Сибири». В этом томе Г. Ф. Миллер ограничивается изложением событий, происходивших на территории к западу от Урала (примерно до Мезени) и на восток от Урала до Енисея, главным образом, в бассейне р. Оби, причем описываемые события происходили в конце 80-х гг. XVI в. и не позднее 1618 г. В виду этого при составлении карты были временно оставлены те географические названия, которые выходят за пределы данной территории и данного времени, напр., все случайные упоминания рек восточнее Енисея: Лены, Витима, Амура и др., или же географических пунктов, которые появились позже 1618 г., как, напр., Енисейск, Красноярск, Селенгинск и др.

Так как настоящая карта основана, как сказано, на географическом материале, приводимом Миллером, то на нее не попали некоторые географические пункты, главным образом, русские городки и острожки, упоминаемые в современных источниках, относящихся к той же территории и к тому же времени, которое обнимает первый том «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера, но которые остались ему неизвестны.

Данные источников XVI—XVII вв. и главнейшей литературы по географии и истории Сибири использованы для приурочивания к соответствующему месту данных Миллера. Таким образом, на предлагаемую карту нанесены упоминаемые Миллером реки, озера, городища, населенные пункты (юрты, остроги и т. п.), волости, а также пути промышленников XVI—XVII вв., воевод Ушатого и Курбского, Ермака и Брязги; сделана также попытка отметить на карте границы царства Кучума. Географические названия приведены в той транскрипции, которая принята в тексте настоящего издания.

Некоторые географические названия не удалось, однако, приурочить к определенным пунктам; сюда относятся: несколько волостей в Барабинской степи: Бараба или Барама, Улу-Бараба, Люба, Келема, Чойская; Караульный яр; Малогородская вол.; Мерзлый городок; городок Пантуев; Тахчеи; гор. Усташ на р. Печоре, в котором зимовал воевода Ушатый на пути в Сибирь; Чандырский городок и др.

Местонахождение столицы Кучума — гор. Сибири-Искера — отмечено на основании исследования В. Я. Пигнатти. Татарские волости — Саргач, Отуз, Таву, Урус, Токуз, Супра и Аялы нанесены на карту приблизи-

тельно, пользуясь тем географическим распределением их, которое дает Миллер, а именно, что волость Каурдак (Курдак) находилась ближе всех к Тобольску и самой дальней была вол. Аялы; обе эти волости отмечены на картах Ремезова и известны из других современных источников.

При нанесении на карту путей промышленников XVI — нач. XVII в. и приблизительной границы Кучумова царства была использована работа С. В. Бахрушина «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв.» и его комментарии к настоящему изданию.

Кроме текста Г. Ф. Миллера, при составлении настоящей карты использованы главным образом следующие карты и труды:

1. Карты рек Иртыша, степи между Иртышом и Обью и реки Томи, составленные Г. Ф. Миллером в 1735 г. (Архив Акад. Наук СССР., ф. 21, оп. 5, № 39).
2. Атлас Российский, изд. Академией Наук в 1745 г.
3. Mappa gubernii Sibiriensis continens provincias Toboliensum et Jenisejensum. Составил Truscott 1755 (Библиотека Акад. Наук СССР, Картографическое отделение, № 4732 и Архив Акад. Наук).
4. Карта течения р. Иртыша от Омской крепости до Тобольска, соч. при Акад. Наук И. Исленевым 1780 г. (Библиотека Акад. Наук СССР, Картографическое отделение, № 2050).
5. Новая карта Российской империи, разделенная на наместничества, соч. 1786 г. (Библиотека Акад. Наук СССР, Картографическое отделение, № 4015).
6. Чертежная книга Сибири 1701 г. Семена Ремезова, изд. Археографической комиссией 1882 г.
7. Атлас Азиатской России, изд. Переселенческим управлением в 1914 г.
8. Книга Большого Чертежа, изд. Спасским. М., 1846.
9. Сибирские летописи, изд. Археографической комиссией, СПб., 1907 г.
10. Описание путешествия Спафария, изд. Арсеньевым, в 1882 г.
11. Списки населенных мест Тобольской губернии, изд. Центр. статистич. комитетом.
12. Сибирь в XVII в., под ред. А. Титова, М., 1890.
13. Словцов, П. Историческое обозрение Сибири, ч. 1, М., 1838.
14. Небольсин, П. Заметки о Югре и Сибири конца XVI в., с приложением карты (Инст. истории Акад. Наук СССР, рукопись).
15. Небольсин, П. Покорение Сибири, СПб., 1894.
16. Щеглов, И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032—1882 гг., Ирк., 1883.
17. Замысловский, Е. Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России, СПб., 1884.
18. Андриевич. История Сибири, СПб., 1889.
19. Буцинский, П. Н. Заселение Сибири, Харьков, 1889.
20. Дмитриев, А. А. Пермская старина, в. I—VIII, Пермь, 1889—1900.
21. Буцинский, П. Н. К истории Сибири, Харьков, 1893.
22. Оглоблин, Н. Обозрение столбцов и дел Сибирского приказа, I—IV, М., 1895—1902.
23. Пигнатти, В. Я. Искер-Кучумово городище, в «Ежегодн. Тобольск. губ. музея», 1915 г., вып. 25.
24. Замысловский, Е. Е. Чертежи сибирских земель XVI—XVII вв., в «Журн. мин. нар. просв.», 1891, № 6.
25. Бахрушин, С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв., М., 1928.
26. Бахрушин, С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., Л., 1935.

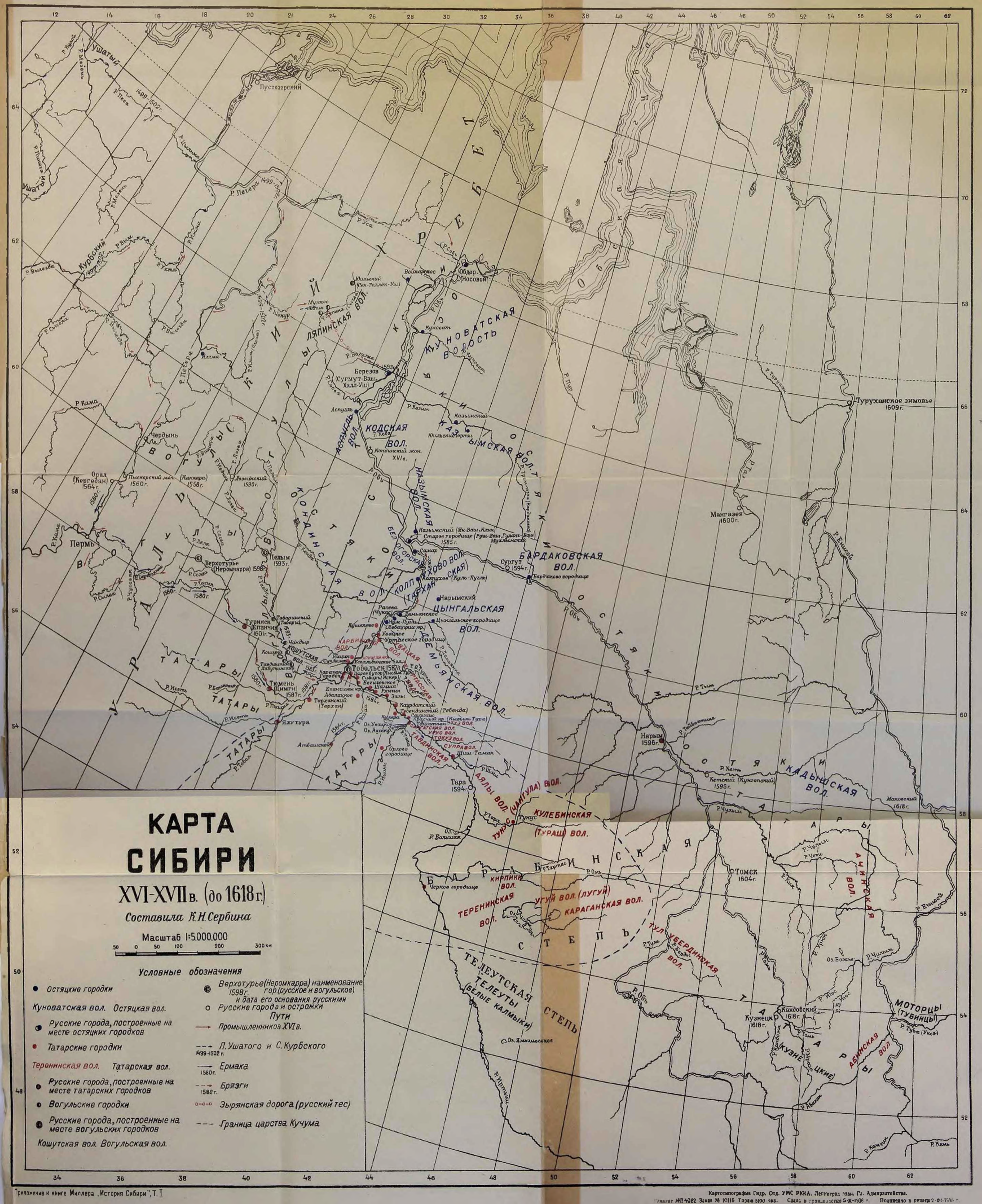
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

[1] Принятые сокращения: акад. — академик; воев. — воевода; вол. — волость; кн. — князь; проф. — профессор; см. — смотри; студ. — студент.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ [1]

[1] Принятые сокращения: вол. — волость; гор. — город; дер. — деревня; о. — остров; оз.—озеро; остр.— острог; р.—река; с.—село; у.—уезд.

Приложение к книге Миллера „История Сибири", Т. I

Картотипография Гидр. Отд. УМС РККА. Ленинград здан. Гл. Адмиралтейства.
Главлит №Л 4082 Заказ № 10115 Тираж 5100 экз. Сдано в производство 5-X-1936 г. Подписано к печати 2-XII-1936 г.